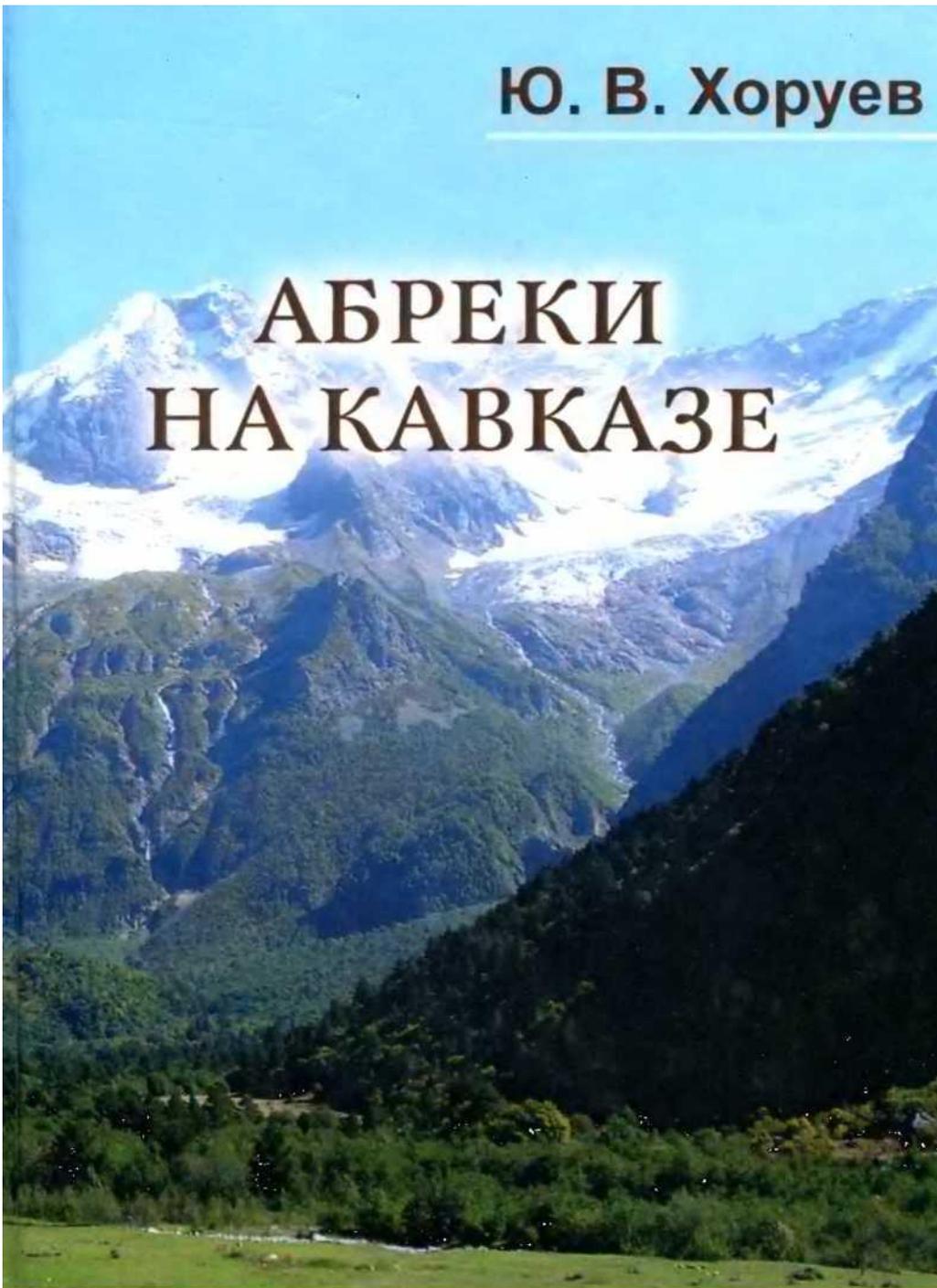

Ю. В. Хоруев

**АБРЕКИ
НА КАВКАЗЕ**

Ю.В. ХОРУЕВ

АБРЕКИ НА КАВКАЗЕ

Владикавказ 2010

ББК 65.03 X 14

Хоруев Ю.В. Абреки на Кавказе. Монография. УРАН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.524 с.

2

Настоящая книга представляет собой научно-публицистическое сочинение, в котором рассматривается кавказское абречество второй половины XIX — начала XX веков. Работа впервые выполнена на документальной основе и лишена всяких легенд и мифов, которыми наводнена вся предшествующая по данной теме литература.

ВВЕДЕНИЕ

Кавказ всегда был экзотической страной для России, оставался ею до последних дней романовского правления и даже позже. Внимание к нему привлекали не только уникальная природа с неожиданным сказочным рельефом, богатой флорой и фауной, дикими ущельями и каньонами, снежными вершинами, увенчанными Эльбрусом и Казбеком, девственностью всего этого мира, но и населяющие его народы, в чем-то схожие и несхожие между собой, говорящие на десятках разных языков, одинаково мужественные и смелые, скупые на слово и безмерно щедрые душой и столь же бесконечно гостеприимные, прекрасные в своей первозданности, в соблюдении долга и чести до самопожертвования.

Последние две черты, а также свобода и удаль были теми свойствами, которые более всего ценились на Кавказе. К целомудренной природе Кавказа люди приросли душой и телом, под ее воздействием сложились определенный быт, хозяйство и миропонимание его детей-обитателей, своеобразная психология и ментальность. Дикий ландшафт и его полудикое население с Бэлами и Азаматами, абреками наподобие Османа, Ших-Заде, Эски, Абдул-Керим-бека, Зелимхана, Саламбека, Аюба, Заура будировали воображение русского человека, не давали покоя. Кавказ манил к себе своей красотой и таинственностью, но и предупреждал об опасности. Поэтому его посещали смелые люди, а также был местом ссылки для опальных и неблагонадежных. Кто приходил в эти края с добром, тот становился кунаком и даже братом, все другие вызывали подозрительность и отвергались или уничтожались. Не будь сказано в обиду другим, кавказец — это сплав неподдельного благородства, высокой нравственности, отваги и удали. Люди этих гор преисполнены чувства собственного достоинства, горды и величественны, как сами горы, которые сделали их себе подобными. Они верны присяге, их дружба равна братству, они неприхотливы и сдержанны, вежливы и уступчивы (из уважения), но беспощадны, если оскорблены их честь и достоинство. Кавказец перенесет любые материальные и физические лишения, но только не позор и унижение. Им он обязательно предпочтет смерть, ибо для него позор и жизнь несоместимы. Недаром не без гордости здесь говорят вслед за великим певцом гор Коста Хетагуровым: «Лучше умереть народом свободным, чем рабами деспоту служить». Полное подтверждение этому мы найдем ниже в действиях и жизни абреков, в посвященной им художественной литературе и фольклоре.

Кавказский край представляет собой обширную территорию, в которую до революции входило 6 губерний, 4 области и 2 округа, составлявших в административном отношении отдельную часть Российской империи. Она управлялась на основании Высочайше утвержденного 26 апреля 1883 года «Учреждения управления Кавказского края». Во главе управления Кавказским краем стоял главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, который вместе с тем являлся командующим войсками Кавказского военного округа и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск.

Все пространство Кавказского наместничества составляло около 411,5 тыс. кв. км (верст); по Б.СЭнц. — 440 тыс. кв. км. Из них на Предкавказье, т.е. Северный Кавказ приходилось 194,5 тыс. кв. км и на Закавказье с Дагестаном (он тогда относился к Закавказью) около 217 тыс. кв. км.

Кэтой краткой исторической справке можно дать небольшую ремарку об управлении. С 1844 по 1882 год в крае существовало Кавказское наместничество с центром в Тифлисе. Наместник, как уже было сказано, был одновременно главнокомандующим на Кавказе и пользовался неограниченными полномочиями. В 1845 году с введением на Кавказе общероссийской системы управления был учрежден Кавказский Комитет. Колониальная политика царизма привела к Кавказской войне 1817-1864 гг. с целью завоевания Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа. Упорное сопротивление горцев удалось сломить только во 2-ой пол. XIX века. Затаенное недовольство затем вылилось в длительную террористическую и партизанскую войну, одной из форм которой являлось абречество.

В общей истории с Россией Кавказу отводилось особое стратегическое значение как

буферному региону на юге. Вместе с тем единение с Россией явилось гарантом выживания народов Кавказа в многовековой борьбе за существование, в преодолении не раз обрушившихся на них социально-экономических катастроф и внешних враждебных сил. Это настолько аксиоматично, что возразить против данного положения вряд ли придет в голову даже самому ярому русофобу. Уверен, что нам, осетинам, и другим народам Северного Кавказа в этом особенно повезло. Вряд ли под началом любой другой нации нам было бы лучше, уютней и чувствовали бы себя достойнее.

Во всех случаях, в ответ на ходатайства первых лиц народов Кавказа о принятии их в российское подданство, русские цари обещали всяческое покровительство, исключая корысть, которая могла бы причинить им какой либо вред. Россия же, отодвигая пограничные рубежи, умножала свои естественные богатства и отдаляла внешних врагов. Так взаимная выгода и тяга наших народов друг к другу во все времена еще при Екатерине II окончательно увенчалась успехом.

Однако бесспорно и то, что Россия, имея непреходящего значения экономические, геополитические и территориальные интересы на Кавказе, не даровала его народам, особенно северянам, такое количество благ и свобод, которые были бы адекватны приобретенным Россией выгодам. Добровольно вошедшие в состав России народы заслуживали большего внимания и снисхождения, более осторожного и безболезненного перевода повседневной гражданской жизни горцев на российские государственные, общественно-политические и социальные стандарты. Деятельность российского правительства по удовлетворению земских нужд и пользы края, по его общему развитию не выходила за начальные рамки вплоть до Великой Февральской революции 1917 года. Преобладающее большинство мер по просвещению и здравоохранению здешних народов, развитию культуры и по их социальному обустройству было связано исключительно с частной инициативой передовой национальной и русской интеллигенции.

Россия вместе с достижениями принесла на Кавказ и тот режим и законы, по которым жила и сама метрополия. Если иметь в виду Северный Кавказ, то они нередко вступали в конфликт с местными, чаще всего с феодальными, а то и патриархально-родовыми представлениями и построенными на них адатами и шариатом. В итоге это вызывало конфликт сторон, и вместе со святым чувством свободы, национальной независимости, острым желанием жить по своим привычным общественным правилам этот конфликт порой выливался в прямое восстание против русской администрации.

В условиях трудно проходившей в первые годы и десятилетия интеграции культурно-нравственных и духовно-этических норм и ценностей наших народов, невозможно было одномоментное установление стабильности во всей общественно-политической жизни юга России.

С покорением Северного Кавказа водворение в регионе русской администрации и законодательства, не укладывавшегося в рамки горских адатов и духовно-нравственных устоев, вызвало среди определенной части местного населения протестное движение. Особенно развито оно было среди той его части, которую составляли абреки. Появление в крае огромного числа казачьих станиц и других русских поселений из числа иногородних во многом стеснило горцев в кормилице-земле, и без того скудной, и резко усилило их материальную нужду. В таких условиях непросто складывались добрососедские отношения между пришельцами и коренным населением. Сократились надельные участки горцев, зато вырос ареал для разбоев и грабежей. Потери земли наиболее дерзкая часть горцев компенсировала грабежами и разбоями, превратив это занятие в целую набеговую систему. Понятно, что чаще всего от этого страдали обидчики — казачьи станицы и иногородние, мигрировавшие из Украины и внутренних губерний России и осевшие на землях горцев.

Исходя из этого, отдельные ученые считают, что набеговая система в XVII—XVIII и даже XIX веках была основным источником существования горцев Северного Кавказа. Но вряд ли это соотносится с действительностью. Такая трактовка набеговой системы не больше как досужие измышления их авторов. И в средневековье и тем более в последующие века Северный Кавказ был уже регионом развитого земледелия и животноводства. Эти отрасли хозяйства являлись основным источником жизни его населения. А набеги на соседние земли, завершавшиеся в том числе и захватом чужого добра, в продовольственном вопросе имели значение второстепенное, служили подспорьем в хозяйстве. Здесь, думается, важнее было другое — устрашение их обитателей и демонстрация молодецкой удали и отваги мужавшей

молодежи.

В связи с буржуазными реформами 60-70-х годов XIX в России и либерализацией общественных отношений была проведена модернизация государственного аппарата. Новая административная система была направлена на укрепление центральных и местных органов власти за счет совершенствования их структур. Новая бюрократия, усиленно работавшая на российский капитализм, с трудом преодолевала завалы старых феодально-крепостнических отношений. Поэтому во второй половине XIX века под эгидой их коренной ломки создается режим административного произвола и всеобщей слежки, грубой и даже драконовской борьбы со всякого рода нетерпимостью русского присутствия и его имперских законов.

Объяснять суть абречества как социально-бытового явления, имевшего место в прошлом на Кавказе, с позиций настоящего времени, нет никакого смысла, так как оно будет в корне неверно. Условия жизни тогда и духовно-нравственные ценности, которыми руководствовались и лежали в основе поведения аборигенов, были другие. Каждый человек, этнос всегда живет так, как ими управляют эти факторы. И за это никто не в ответе, ибо бытие определяет сознание, гласит знаменитая формула жизни.

Такое вступление автор считает исключительно необходимым, так как его взгляд на данную проблему, если не кардинально, то хотя бы существенно расходится с тем представлением, которое имело место и культивировалось в дореволюционное время, в прошлом и позапрошлом веках в российском обществе и прессе, и особенно в кругу кавказской администрации. Высказываний такого рода было немало. Современники монархического толка в один голос выражали свое негативное отношение к абречеству и ничего другого не видели в нем, кроме разгула дикости, хищнических наклонностей и бессмысленной жестокости населяющих Кавказ людей. Ксенофобствующие представители великодержавного шовинизма не желали вникнуть в действительные причины этого явления, которые кроются в российских социально-экономических, правовых и морально-этических условиях и насаждающемся политическом режиме.

Выдающийся осетинский общественный деятель-интернационалист и писатель, современник тех событий, Ахмед Цаликов в статье «Кавказские разбойники», вышедшей еще в 1913 году, писал: «К сожалению, в большинстве случаев то, что писалось о кавказских грабежах и разбоях, было лишено объективного спокойствия и беспристрастия, было отравлено ядом человеконенавистничества, расцвечено цветами, специфическими цветами российского «национализма, принимающего на окраинах особенно уродливый характер безжалостной травли инородческого населения».

К каким только «диким призывам» не прибегали иные представители российской рептильной печати, прикрывавшие эти «дикие призывы» шумихой «патриотических» фраз, произносимых якобы. С целью защиты интересов русского населения против инородческого «засилья и насилья»?!

Далее автор заключает: «Русское общество в большинстве склонно смотреть на кавказских разбойников как на зверей в образе людей. Общество принимает их такими, какими рисуют их протоколы и обвинительные акты, а между тем такое представление совершенно неверное. Таких разбойников «зверей» на Кавказе нет.

В большинстве случаев кавказские разбойники — это разбойники поневоле. Это жертвы темперамента, аффекта, кровных и еще диких народных обычаев, это жертвы общественной или административной несправедливости».

А в первом варианте той же статьи, вошедшей в книгу «Кавказ и Поволжье» под псевдонимом А.Т.Булатов, Цаликов указывает еще ряд причин, порождавших абречество. «Играют в развитии абречества и «отрыжки» прошлой кровавой эпохи многовековой войны с укоренившимися представлениями о молодечестве и условия экономического и культурно-общественного быта.

Кавказское абречество — это порождение целого сложного комплекса социальных, бытовых и экономических условий, в которых протекает жизнь населения этой окраины.

Естественный отбор выдвигает среди абреков наиболее отважных и создаются те легендарные кавказские абреки, слава о которых переходит из поколения в поколение».

Абреки двух последних веков — XIX, особенно его последней трети, и XX, — это неординарные личности, которые встали на путь борьбы с русской властью на Кавказе. Причины — самые разные: произвол и самоуправство администрации, унижение и оскорбление чувства собственного достоинства горца, непосильные поборы и экзекуции,

облавы и постоянные преследования за малейшие правонарушения, высылка из области, незаслуженное осуждение и заключение в тюрьму, ссылка в Сибирь на каторгу и пр. Это было все то, чего не было здесь до русского присутствия. Поэтому люди неадекватного поведения и взглядов, с острым чувством любви ко всему своему, национальному, воспринимали это особенно остро, расценивая, как насилие над личностью, свободной с рождения и никому не подвластной, как надругательство над вековыми адатами и святынями.

Русская администрация на Кавказе ужесточила юридическую ответственность за серьезные правонарушения, особенно за преступления против личности, что было вызвано повышенной защитой жизни и здоровья в первую очередь самих русских чиновников, и отменила институт примирения кровников, заменив его длительным тюремным заключением или ссылкой на каторгу. Неотвратимое наказание за уголовные преступления стало нормой, и у этих лиц не оставалось никакой надежды уклониться от заслуженной кары, что позволял прежний институт примиренчества сторон.

С другой стороны, менялся патриархальный уклад жизни, за чем следовали ломка привычного быта, психологии людей и межнациональных отношений. Все это было настолько непривычно и противно части простых горцев, что многие из них были в смятении и отчаянии. Они не были готовы к таким резким общественным и социально-правовым переменам, которые вносили капитализм и царское законодательство в их жизнь и правосознание. И как результат – объявление войны всему тому, что привнесено извне, что исходило от русской администрации. Война эта была индивидуально-групповой и террористической. Теми, кто повел ее, как способ вооруженной борьбы за справедливость и самобытность края, были абреки, каждый из которых оказывался в этом стане борцов по воле собственной злосчастной судьбы.

Абречество не было однородным ни по своему социальному составу, ни по целям и характеру действий. Они зависели от причин и мотивов, которые управляли поступками абреков, а также различались по степени жестокости и количеству совершенных ими злодеяний, по темпераменту и психическому складу. Поскольку происходили из разной социальной среды они придерживались разных взглядов и жизненных позиций. Были среди них и такие, которые в нечеловеческих условиях существования в дикой природе оставались людьми чести и даже рыцарского благородства. В зависимости от этих условий и обстоятельств они делились на обычных разбойников и на абреков-мстителей. Мстителей за себя, а зачастую и за других, отчего получили прозвище народных заступников. Мы называем их настоящими абреками, что по логике вещей предполагает наличие и других, не похожих на них абреков.

Настоящие абреки к такому образу жизни пришли добровольно, по собственному выбору и совсем не из корыстных целей, а по морально-психологическим и политическим соображениям. Это люди с обостренным чувством собственного достоинства, не терпящие несправедливости, всякого морального и физического принуждения, готовые к активной борьбе со всем тем, что посягает на их свободу и честь. Во-вторых это те, кто выбрал путь открытой борьбы против произвола царской администрации, а после октября 1917 года и против советской власти, кто вступил в конфликт с продавшейся властям частью соплеменников. Иначе говоря, это личности, протестующие против существующего режима и системы капиталистических общественных отношений, ломающих привычный для них образ жизни. После октябрьского переворота 1917 года советская власть отнесла все абречество к бандитизму и повела решительную борьбу по его искоренению, применяя более жесткие карательные меры, чем это делало царское правительство. И в кратчайшие сроки добилась больших успехов на этом пути.

Другие, которые также сходили за абреков, были просто разбойниками. Они тоже бросили вызов, но в отличие от первых не властям, а безысходной нужде и вечному голоданию. Их меньше всего волновали насажденный политический режим, административный гнет, которыми были опутаны они и простой народ. Все усилия их были направлены на физическое выживание, которого можно было достичь, как они считали, только посредством грабежа и разбоя. Нередко на этот путь вставали и состоятельные люди, которые не последний хлеб доедали, но которым было мало того, что имели и хотели иметь больше.

Заниматься разбоем и грабежами этих людей никто не принуждал. Это был их

сознательный выбор преступного промысла и осуществлялся из корыстных побуждений: одни, чтобы уберечь от голодной смерти детей, семью, другие — из желания за чужой счет умножить свое состояние. Разбойники с большой дороги, подстерегая свои жертвы в степи и пригородах, врываясь или тайно, воровски проникая в чужие домовладения, забирали у них все, что приглянется — деньги, дорогие украшения, угоняли скот и лошадей. Нередко такие преступления сопровождалось убийством их владельцев, чтобы замести кровавые следы, исключить свидетелей.

Как следует из сказанного, к началу XX века на Кавказе сложилась целая система абречества. В данной работе впервые дается классификация и периодизация этого уникального кавказского феномена. Все кавказское абречество можно подразделить на две разновидности: на настоящих абреков и на тех, кто составляет сугубо криминальный мир — разбойников, грабителей, воров, рэкетиров и др.

Абреки наводнили Кавказ. За редким исключением все абреки XIX-XX веков — это отбывшие свой тюремный срок люди и беглецы с каторги. Как правило, мало кто из этих каторжан и отсидевших возвращенцев воздерживался от обычая кровной мести. Поэтому первая весть о его новом появлении была связана с ожиданием убийства того, кто был виновен в его сломанной судьбе. С этого момента он уже становился абреком: его преследовали и кровники, и администрация, а он в свою очередь их. В лесах и горах Кавказа бродили сотни шаек. Но настоящих абреков, которые дали название этому явлению, как сказано выше, не так много. Они пользовались сочувствием и поддержкой у населения. Если в абреках народ видел своих заступников, то вслед разбойникам и грабителям сыпались проклятия, мольба о том, чтобы были скорее уничтожены Богом и кем угодно еще, лишь бы скорей наступили затишье и безопасность.

Несмотря на это, Кавказ русскому обывателю, знакомому с ним по лубочной литературе, манил к себе своей загадочностью. «Кавказ — странная и страшная страна, где за каждым кустом — лютый абрек, где на каждой дороге — кровожадный Зелимхан, где зарезать человека, что проглотить стакан кахетинского.

Кавказ — экзотика, нега, истома. Кавказ — пряная и пьяная страна.

Черкесы стройные — как джейраны, и джейраны — робкие, как красавицы черкешенки», — говорилось в одном из таких сочинений, где одновременно выражены чувства восхищения красотой этого края и страх перед необузданностью его некоторых обитателей.

Настоящее абречество нового времени, начала XX века, связано главным образом с именем чеченца Зелимхана Гушмазукаева из сел. Харачой. Известно, что он такой не один на Кавказе, в этот ряд можно поставить десятки других абреков, принадлежащих к самым разным этносам этого обширного региона. Но харачоевский Зелимхан — самая видная фигура, которой в миссии борца за справедливость успех сопутствовал более других. Зелимхан своей популярностью затмил всех абреков юга и севера Кавказа, которые были до него и в его бытность. Само имя Зелимхан на Кавказе также одно из самых распространенных в мусульманской среде. Немало их было и среди абреков, причем довольно известных: Зелимхан харачоевский, Зелимхан гельдыгенский и другие. Но когда это имя называлось в связи с каким-нибудь немисливо дерзким нападением на почтовые поезда, кассы и даже на воинские наряды, оно в первую очередь ассоциировалось с харачоевским Зелимханом.

Несомненно, Зелимхан Гушмазукаев — незаурядная личность. Тюрьма и последующая охота за ним властей не сломали его. Напротив, это закалило его, и он еще больше возненавидел несправедливость и тех, от кого она исходила. Обрекая себя на пожизненные скитания приговоренного к смерти беглеца, Зелимхан повел с ними решительную, хотя и неравную, борьбу до конца своих дней, готовый к пощаде только тех, кто будет сговорчив и уступчив, и не только противостоял, но еще как правый и почти во всех случаях победитель диктовал свои условия. В качестве обидчика выступало не только одно конкретное лицо — какой-нибудь светский или военный чиновник, но и весь аппарат данной власти. Поэтому в орбиту его протестной борьбы попадает вся местная русская администрация вместе с прямым обидчиком из ее числа.

На счету Зелимхана много убийств, в том числе высокопоставленных чиновников терской администрации — старший помощник начальника Веденского округа подполковник Добровольский (1906 г.), бывший до этого с конца 1904 до середины 1905 года младшим помощником начальника Грозненского округа, начальник Веденского округа полковник Галаев (1908 г.) и другие. Они добросовестно и с большим усердием выполняли свои

служебные обязанности по укреплению порядка и спокойствия в порученных им округах. Такая ретивость этих назначенцев нравилась далеко не всем.

Одним из них был Зелимхан, который считал каждого из них виновным в несчастье своей семьи. По инициативе первого, Добровольского, были загнаны в тюрьму сразу трое: он, Зелимхан, его родной брат Солтамурад и отец Гушмазуко, а двоюродный брат Алимхан сослан в Сибирь. Потом Добровольский постоянно преследовал бежавшего из тюрьмы Солтамурада, и тому ничего не оставалось, как уйти в абреки, соединиться со старшим братом и отцом. Зелимхан выследил Добровольского и убил.

Второй чиновник, полковник Галаев, продолжил преследование брата и отца, выслал из области двух двоюродных братьев и двух зятей Гушмазукаевых, а многих, по свидетельству Зелимхана — 500 человек, иногда ни в чем неповинных чеченцев, загнал в тюрьму, сослал в холодные северные губернии России за то, что поддерживали его и укрывали. Боясь, что эти люди и их семейства «будут молить бога» о его гибели, Зелимхан решил, как он писал в Думу, покончить и с ним.

И таких абреков, которые, как и Зелимхан, боролись с русским присутствием и противными их духу нововведениями, на Кавказе было много. Самые знаменитые из них во 11-й половине XIX века были Вара, Атабай Карачаевский и Назир-бек, несколько позже — Мутал Чалиев и Эски, для которого человеческая жизнь ничего не стоила, и убивал всех подряд, просто так, засев в кустах у самой дороги, но только не соплеменников. Так после побега из грозненской тюрьмы абреком Эски были убиты адъютант генерала Скобелева поручик Панфилов, а потом и ша-товьевский купец Барыхин. Не меньшую известность обрели абреки Мешады-Межидов — торговец из гор. Кубы, Заид, Абдул-Керим-бек, лезгин Осман Мутуев, дагестанцы Али-Баба, Ших-Заде, осетин Сабан Самбегов (Бекоев) и соратники Зелимхана чеченцы Зелимхан Гельдыгенский, Аюб Томаев, ингуш Саламбек Гороводжев и другие. Их имена гремели не только на Кавказе. Все они, действуя со своими отрядами, создавали единый поток

— абреческое движение, которое, теряя одних и обретая других, представляло грозную силу, для борьбы с которой одной только гражданской администрации было явно недостаточно, и власти мобилизовали войска.

Над всеми ими, хотя во многом они и были ему ровней, возвышалась фигура Зелимхана Гушмазукаева. Он был лидером всего абреческого и разбойного сообщества и превосходил всех своей хитростью и коварством, умением вести войну и достигать задуманной цели, количеством кровавых жертв и разбойных диверсий, способностью держать в страхе врагов и быть авторитетом и кумиром у населения.

Будь Зелимхан в советское время, он был бы признан не абреком даже, а чистой пробы разбойником, и, как бандит и злейший враг режима, был бы беспощадно уничтожен, а здесь он значится как герой, народный заступник, хотя за все время своего абречества он не вызволил из тюрьмы или каторги ни одного человека, разве что предпринимал такие шаги только в отношении своей семьи, а убивал и мстил своим личным врагам из незваной власти и кровникам.

Коллективный разум царских властей всех времен не оказался способным в короткий срок ликвидировать абреков и передать последующим охранным структурам умиротворенный край. Этого сумели добиться только большевики, не умеющие ни прощать, ни церемониться. Считаю, что и они, начиная с Ленина, брат которого был казнен, в борьбе с врагом тоже придерживались всегда и исключительно принципа кровной мести: враг не должен жить, он должен быть уничтожен — кровь искупается кровью.

Для русской администрации на Кавказе все разбойники и бандиты считались абреками и наоборот, все абреки — разбойниками и бандитами. В итоге понятие «абрек» стало собирательным. Абреками называли всех — и тех, кто занимался чисто грабежом и разбоем, все криминальное сообщество, и тех, кто боролся с властью.

Настоящие абреки — это изгои и отшельники, кто стал ими в силу самых разных причин и обстоятельств, вследствие кровной мести или оговора в совершении тяжкого преступления, за чем последовала незаслуженная кара властей, а также — это активно протестующая часть местного населения, не принявшая русскую власть, как чужую, с самого начала ее появления в крае, с которой связывала все свои беды и страдания из-за ограничения ею их прав и свобод. Все другие — просто воры, грабители и разбойники, на которых механически было перенесено название абреков. Сложившееся у власти единое представление об абреках

распространилось и среди окружающего населения.

Причислять всех без исключения к абрекам было выгодно администрации. Это оправдывало ее жесткие карательные меры в борьбе с ними и поддерживающими их горцами, а с другой стороны, было удобно вести со всеми ими одну общую борьбу, тем более, что и абреки, и разбойники, — преследуемые законом вынуждены вести сходный образ жизни. Покинув родные очаги и близких, они скитались, где попало, укрывались в горах и лесах, мужественно перенося все житейские и климатические невзгоды, а чтобы выжить, вынуждены были заниматься грабежом и разбоем, так как другой возможности существовать, да еще материально поддерживать оставленные семьи, у них не было. Сходство абреков с разбойниками только в этом. С приходом же русских на Кавказ абречество приобрело новый окрас, новую черту, которая теперь заключалась в борьбе с русской администрацией, насаждавшей колониальные порядки и именовавшей горцев не иначе как «гололобые», «туземцы», «дикари» и т.д.

Источников происхождения настоящих абреков много (об этом более подробно будет сказано ниже в специальном разделе), но основными из них являются кровная месть (как самый древний), беспросветная нужда, толкавшая горцев совершать разбойные набеги и, наконец, русская администрация на Кавказе с момента вхождения его в состав России. Подавляющее большинство русского чиновничества бесчинствовала по праву завоевателей. Русская бюрократия, представлявшая государственную власть и управление и придерживавшаяся принципа *divide et impera* (выгода империи), не утруждала себя в выборе средств для скорейшего достижения поставленной Александром 11 стратегической задачи: «окончательно умиротворить покоренные народы и утвердить над горскими племенами русскую нравственную власть, которая составляет верный залог спокойного обладания страной».⁴

Утверждение этой «русской нравственности» сопровождалось русификацией тех, в среду которых она внедрялась, и поставила горцев, их нравы и веками выработанные общественные правила жизни вне закона. Говоря о том, какую роль в этом сыграла кавказская администрация, Ахмед Цаликов писал: «Если в экономическом, административно-полицейском и вообще правовом отношениях кавказская бюрократия стремилась поставить туземцев в положение «париев» в сравнении с русским населением, особенно казачеством, то в области удовлетворения культурно-хозяйственных нужд туземцев она придерживалась политики полного игнорирования их».⁵

Абречество, связанное с разбоем, — всегда противоправно. Но порой и оно частично восстанавливало справедливость. Отбирая у богачей хотя бы часть добра, нажитого ими за чужой счет, абреки, особенно те из них, которые делятся отнятым с бедняками, становились их социальными партнерами и даже героями. Конечно, это происходило преступным путем, но он был не более преступным, чем тот, каким достигали «своего» состояния некоторые его владельцы, у которых оно экспроприировалось.

К абрекам из разбойной группы у населения было резко отрицательное отношение, так как они нападали и грабили невзирая на лица и достаток, щадя разве что только родственников и иногда односельчан. Пополнялась эта группа абреков преимущественно из числа малоимущих, бедствующих, забитых нуждой людей, хотя были среди них и другие представители.

Существованию и развитию абречества во многом способствовали географические условия, рельеф и ландшафт Кавказа с его скальными громадами и глубокими ущельями с kloчущими горными потоками, пологими, а порой и крутыми отрогами гор, одетыми в дремучие леса, глухомань и бездорожье. Народы, обитающие в этих краях, сами чем-то походили на этот величественный, нетронутый фальшью и девственно-чистый мир.

В сознании некоторой части трудящихся масс дореволюционной России и особенно тех из них, кто ушел в абреки, встал на тропу борьбы с властью, царская администрация вызывала крайне отрицательное отношение и воспринималась только как карательный инструмент.

Борьба эта носила характер террора. Всякий насильник от администрации становился кровником, кандидатом на убийство. Чем больше налегала власть, тем больше был размах ответного террора.

Известный чеченский революционер Асланбек Шерипов, чья земля дала немало известных абреков, а потому знавший

о них не понаслышке, писал: «Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставили многих сильных личностей из чеченцев (и вообще кавказцев) становиться на нелегальное положение. Их продолжали преследовать и для успешной борьбы с вредными элементами ввели систему «круговой поруки». От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или просто односельчанами «преступника»... Это создавало новые кадры озлобленных людей, решавшихся на все... И вот начиналась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства и другие правительственные учреждения, а власть еще пуще налегала на мирное население... Власть терроризировала местное население, а абреки терроризировали эту власть».⁶

К таким абрекам простой народ питал глубокие симпатии. Он поддерживал их, укрывал от преследований и пособничал им.

По своему этническому составу кавказское абречество представляло собой интернациональное и общерегиональное движение без руководящего центра и состояло из героев-одиночек и разрозненных шаек. Не было оно и социально однородным. По происхождению, характеру, психологии, по роду предшествующего занятия и даже ментальности – абреки резко различались. В основном это были выходцы из крестьянской бедноты, но были также из семей среднего достатка и даже зажиточных, как, например, Зелимхан Гушмазукаев из Терской области, Гейдар из Геочкайского уезда в Закавказье, Савтар – сын богатого шиха (святого) из Курдамыры, Абдул-Керим из Елисаветпольской губернии и другие. Были среди них и горожане. Но главным поставщиком абреков все же был более призрачный для властей сельский мир, среда обитания которого смыкалась с дикой природой, служившей для криминальных элементов надежным укрытием.

Многие абреки, до того как стать ими, имели работу: занимались торговлей, пчеловодством или разведением скота, работали по найму, пасли свой или чужой скот или были охранниками. Были и такие, кто служил в госпитале, кто исполнял обязанности урядника, которого затем переводили в правительственные старшины, и т.д. Те, что были родом из богатых, выросли в состоятельной семье, знали русскую или арабскую грамоту, а иногда и ту и другую, могли быть переводчиками, сельскими писарями. Качества вполне достойные, чтобы рассчитывать на возвращение к мирной жизни, где они могли стать полезными для общества.

Немалую роль в поведении абрека играл характер: взрывной и запальчивый, склонный к безрассудным поступкам, или относительно спокойный, уравновешенный. От этого во многом зависело и отношение к нему окружающих мирян и соплеменников – или он пользовался их сочувствием и поддержкой, или они выдавали его администрации как беспощадного человека, тотального носителя зла.

Главное различие между настоящими абреками и разбойниками состоит в несхожести мотивов поведения. Но между ними есть и много общего. Разбойники для достижения корыстной цели не останавливались ни перед чем: грабили, убивали, насиловали. Абреки – борцы за справедливость должны были также прибегать к насилию и грабить, не имея других источников существования.

Вот как объясняет сам Зелимхан в своем прошении на имя Председателя Государственной думы и причину роста абречества, и вынужденный разбой: «Большинство из них (абреков – авт.) избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо, спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении». Но в отличие от бандитов это были грабежи, силовые отъемы имущества без покушения на жизнь, если можно было обойтись без этого, если ничто не угрожало их собственной жизни и не встречали со стороны жертвы отчаянного сопротивления.

У настоящих абреков на первом месте стояла борьба с властями и расправа с теми, кто причиняет зло другим. Ограбление у них носило избирательный характер и подвергали этому преимущественно богатых. Средства, приобретенные криминальным путем, шли главным образом на приобретение оружия, боеприпасов к нему, на покупку одежды, особенно в зиму, на оплату дружеских услуг и важных поручений, которые делались друзьям и сочувствующим. При этом они отличались скромными аппетитами и большой щедростью.

Себе они оставляли ровно столько, сколько необходимо было для поддержания себя и своих близких, оставшихся в покинутых ими домах без кормильца, остальное раздавали нуждающимся, особенно тем, чьи кормильцы отбывали сроки на каторге или в тюрьме.

Но надо сказать, что в мире, где красное тельце решает все, не многие из них могли устоять перед соблазном мгновенного обогащения. И тогда от малоэффективных одиночных вылазок они переходили к большим групповым предприятиям. Независимо от своей ориентации абреки объединялись в шайки. Такие массовые походы, сопряженные с особым риском, – нападение на инкассаторов, почтовые поезда и железнодорожные кассы, рыболовецкие и другие промыслы, набеги на соседние земли – несли с собой смерть. А с каждым убийством все туже затягивалась петля, абрек все больше рождался с бандитами. Это общее криминальное свойство и способствовало формированию в сознании русской администрации единого представления обо всех, кто поставил себя вне общества, вне закона, как о разбойниках: разбойник – значит абрек и наоборот. Но это не совсем так. Абрек по своей личностной сути и по поставленным целям жизни ничего общего не имеет с теми, кто умеет только грабить и ничто другое его не волнует.

Глубокое знание души и полузагадочной природы абрека показали крупнейшие мастера русского художественного слова

А.Пушкин («Путешествие в Арзрум»), М. Лермонтов («Герой нашего времени», «Хаджи – абрек»), Л.Толстой («Рубка леса», «Набег», «Казачи»), М.Булгаков («Необычайные приключения доктора», «Записки на манжетах», «Богема») и др. Эта тема нашла отражение даже в литературе, вышедшей за рубежом, в частности, в немецкой – в рассказе В.Иксуля «Названные братья», в парижских воспоминаниях «Чечня и разбойники» С.Бердяева и др.

Абреки, абреческое движение в дореволюционной России в определенной мере стоят особняком в системе научных проблем социально-экономического и общественно-политического развития как Северного Кавказа, так в целом и всего Кавказа. Хотя это феноменальное явление получило в этом крае довольно большое и устойчивое распространение, существуя на протяжении многих столетий, по данной проблеме как до Великой Февральской революции, так и после нее историческая наука не может похвастать глубоким и всесторонним его изучением, хотя имеется довольно значительная художественная, фольклорная и публицистическая литература на русском языке и на языках народов Кавказа. Однако все они посвящены преимущественно «своим» национальным абрекам. В них они воспеваются и прославляются как люди мужественные и даже благородные, хотя и способны на самые дерзкие поступки и разбои с убийствами и насилием.

Абрек, его образ в народе воспринимался неоднозначно: у одних он вызывал восхищение своим мужеством и отвагой, у других – двойное чувство, чувство страха и уважения, у третьих – только негативное отношение, какое бывает к тем, кто причиняет людям только зло и горе и поэтому должно быть уничтожено. Таким состоянием людских душ и умонастроений и объясняется противоречивая характеристика абреков – в одних случаях они защитники народа, герои и патриоты, в других – это коварные и беспощадные грабители и разбойники, лишённые всякой человечности и душевности.

Не так уж жалок духовный облик кавказских абреков, как пытались изобразить его официальная и русская частная пресса, соревнуясь между собой в том, кто хлеще представит их в образе кровожадных дикарей, а также кавказская администрация всех – как военных, так и гражданских структур власти. Нередко можно услышать, что все они – и абреки, и разбойники

– бандиты, у которых нет ничего святого и ради грабежа ни во что не ставится человеческая жизнь. В какой то мере, возможно так оно и есть. Но совсем отказать им в духовности несправедливо. Многие из них просто неудачники жизни, которые до какого то времени, случая или обстоятельства были и жили, как все, и считались вполне разумными людьми, строившими планы на будущее, но потом в какой то момент делается один неверный шаг и все рушится – и вот он уже уголовник, преступник. Простой горец, скромный и простодушный труженик, неграмотный и оттого больше наивный, после такого срыва впадает в отчаяние и тогда инстинкт самосохранения наиболее сильных из них ведет на тропу борьбы с теми, кто повинны в случившейся с ними трагедии.

Одним из первых, кто попытался печатно рассказать о таких людях, был В.Козачковский,

прослуживший более трех десятилетий в тюремной администрации и надзорных ведомствах Терской области. В книге «Разбои на Кавказе», вышедшей в 1913 году, в очерковом плане он рисует целую галерею лиц преступного мира. Это более или менее обстоятельный труд, созданный на основе личных контактов и наблюдений за абреками, в котором одним из первых показал не только разбойников, но и абреков. Он считает, что «разбои на Кавказе берут свое начало со времени его покорения». Автор не скрывает своих симпатий к отдельным своим «героям», называет причины, побудившие нормальных, нравственно-выдержанных и сильных молодых людей встать на этот преступный путь, одна из которых — казенное, бездушное отношение власти к тем, кто без всякого умысла, а то и совершенно случайно совершил противоправное действие.

Козачковский имел довольно хорошее представление о предмете своего повествования и всегда им живо интересовался. Оставив военную строевую службу, полковник Козачковский перешел на административную работу, так как ему «с детства любо...было это живое дело». Такой работой была тюремная администрация. По роду своих новых занятий он имел возможность непосредственно общаться с заключенными, а при желании и знакомиться с судебными материалами. Как он пишет, в течение 35 лет еще с конца 70-х годов XIX века, когда начинал служить на Кавказе, он «наблюдал разбойничье дело». Особую ценность представляют те из них, где имеются собственные признания осужденных. Автор считает, что «разбойников-злодеев, рецидивистов немного: большинство же, это разбойники случайные; разбойники нередко даже поневоле. Одни из них жертвы темперамента, другие аффекта, третьи жертвы диких народных обычаев, а нередко и людской несправедливости».⁷

В заключении своей работы, возвращаясь к мысли о причинах появления абречества, он заявляет, что во многом виной тому явилась Россия, искусственно создавшая сама себе препятствия на Кавказе из-за порочного и непродуманного, с самого начала умиротворения края, характера управления и правопорядка. «Став, по завоеванию края, — пишет он, — лицом к лицу с незнакомым нам миром, миром азиатских народностей, мы, не изучив его, дали ему управление, которое вторглось во все фибры его жизни. Строгий шариат, по которому за воровство отрубались пальцы, как меру негуманную, мы уничтожили и дали свои законы, которые вместе с судьями сделались игрушкой в преступном обиходе.

Вот те причины, которые создали Зелимхановщину».

Указывая на них, автор уверен, что это явление искоренимо и там же перечисляет целый ряд эффективных мер, в числе которых одним из первых называет административную реформу. «В настоящее время, — продолжает он, — много говорят о способах искоренения разбоев, но единственную надежду на ликвидацию этого печального явления надо полагать в реорганизации административных учреждений в крае и способах проведения в жизнь туземных народностей облагораживающих культурных начал».⁸

Козачковский явно симпатизирует абрекам и даже склонен признать их обиженными судьбой, что просматривается на протяжении всей книги. Но в то же время он считает, что «абречество, это самый страшный вид разбоя, наблюдаемый исключительно среди чеченской народности; это — полное отчуждение от общества, недоверие и безотчетная ненависть к людям».⁹ И ошибается. Автор незаслуженно приписывает абречество «исключительно... чеченской народности», ибо абречество — явление общекавказское, чеченский же народ был одним из тех, где оно получило особенный размах. С другой стороны, говоря, что «абречество — это самый страшный вид разбоя» он исходит из привычного тогда собирательного понятия, по которому весь криминальный мир проходил под знаком «абреков».

К достоинству работы следует отнести и то, что автор знает, как можно бороться с этим злом. Козачковский, не один год интересовавшийся абречеством, много лично контактировавший с этим кругом людей, когда служил в терской тюремной администрации, умел расположить к себе самых отъявленных разбойников и добиться у них собственных признаний. Располагая огромным багажом сведений, он считал, что «путем нравственного воздействия злую волю можно не только парализовать, но ее можно иногда даже утилизировать на пользу административному делу».¹⁰ Он отмечает, что «сравнительная тишина» наблюдалась у тех немногих начальников и в тех округах, где «кроме силы имело еще место и нравственное воздействие власти».¹¹ Это был главный вызывающий симпатию вывод тюремного надзирателя, который красной нитью проходит через всю его книгу.

Поскольку в архивах не сохранились сведения о некоторых из тех разбойников, с

которыми Козачковскому довелось встречаться в тюремных застенках и лично получить сведения об их преступных похождениях из первых рук, мы частично воспользуемся его трудом, за что заранее приносим читателям свои искренние извинения.

Таких же взглядов придерживались и многие российские чиновники на Кавказе самых разных уровней, например, Ипполитов и Чекунов в Терской области, Шелковников и Зозулевский в Елисаветпольской губернии, Тихонов в Дагестанской области, Загайный и Голубаев в Бакинской губернии. Что касается администрации Терской области, то позиции на этот счет разделились: немало оказалось и таких власть предержащих, которые для наведения железного порядка были за продолжение жестких карательных мер, не исключая военных.

Первая работа, вышедшая в формате книги была написана по горячим следам. Каждый эпизод в жизни абреков Казачковским обставлен подробностями и деталями, что делает книгу особенно содержательной и увлекательной. Автор снабдил свои рассказы фотографиями многих абреков и разбойников, по которым можно визуалью судить не только об их внешности и экипировке, но, в какой-то мере, и об их внутреннем мире. К сожалению, среди них нет портретного изображения самого выдающегося – Зелимхана. Нет его и у нас. Нет таких снимков и двух его ближайших сподвижников – Саламбека Гороводжева и Аюба Томаева, которые расширили бы наши представления о них.

Большое наследие по абречеству оставил нам другой современник, уже упомянутый выше, не раз обращавшийся к этой острой и волнующей теме, автор целого ряда произведений очеркового плана – крупный общественный и политический деятель, писатель А.Цаликов. Его перу принадлежат такие сочинения, как «Кавказские разбойники», «Крутые меры», «Искоренение грабежей и разбоев на Северном Кавказе», «Любовь абрека», «Туг тугай ахшаду» («Кровь кровью смывается»), «Песня об абреке Хамзате» и уже названный выше труд «Кавказ и Поволжье».

Немало работ, выполненных в послереволюционные годы, но они имеют отпечаток советской идеологии и носят явно антицаристский и даже где-то антироссийский характер, поскольку разбои и грабежи выводятся из «уродливых» общественных отношений феодальной и капиталистической России, навязавшей этому свободолюбивому краю антинародный политический режим и чуждое его правосознанию законодательство. Таковы книги Дзахо Гатуева – «Стакан шейха» – собрание сочинений, и повесть «Зелимхан», многократно издававшиеся с 30-х годов в г. Орджоникидзе, «Из истории национально-освободительного движения на Северном Кавказе». – Ростов-Дон, 1926, «О тех, кого называли абреками». – Сб. статей. Грозный, 1927, «Империя Узун-Хаджи». – Журн. «Революционный Восток» № 3, 1938, роман Магомета Мамакаева «Зелимхан», – Грозный, 1971, роман Чабуа Амирэджиби «Дата Туташиа». – М., 1990, рассказ Девлета Гиреева «Пленник абрека» в кн. «Рассказы литературоведа», – Орджоникидзе, 1975, «Воспоминания об абреке Зелимхане» М.Бакарова и др. Есть еще ряд журнальных и газетных очерков. Одним из последних является «Тропа войны». – Версия – № 18 за 19-25 мая 2003 года писателя Антона Уткина.

Во всех этих сочинениях, как следовало ожидать, абреки, особенно их лидеры, изображаются, как протестующие личности, бескомпромиссные борцы за справедливость и свободу, что было в духе советской идеологии, когда чуть ли не каждое нарушение общественного порядка относилось к революционному выступлению против царизма, а администрация, военные власти и правоохранительные учреждения как реакционные карающие всех без разбора институты. И как следствие возносится и восхваляется все, что совершали абреки. Все они только положительные герои, заступники и любимцы народа, о них слагают песни и легенды, их именами называют сыновей, в них влюбляются лучшие девушки и даже выходят за них замуж. Такова приблизительно и фабула рассказов об абреках замечательного немецкого писателя, путешественника и этнографа

В. Я.Иксуля, помещенных в сборнике «Кавказские наброски» (Перевод М.Кадиш. Берлин. Гутнов, 1922). В них автор изображает абреков как людей сильных духом, нравственно чистых и умеющих, как немногие, ценить и преданно служить возвышенному чувству любви к любимой девушке, и горько сокрушается по поводу их несчастной судьбы, в котором во многом виноваты русские власти.

«Помещенные здесь наброски, – писал он, – возникли летом 1910-1912 гг. В то время я целые месяцы провел в живописных ущельях осетин и ингушей и полюбил этих

рыцарственных обитателей гор Кавказа.

Несправедливости, переносившиеся тогда этим населением, отчасти по вине чиновников русского правительства, меня глубоко возмущали, — но красота их самобытности меня вдохновляла. Я воспринял материал для этих набросков из уст самого народа».¹²

Немало любопытного имеется в записках Муссы Бакарова

— «Воспоминания об абреке Зелимхане» (Грозный, 90-е годы),

С. Бердяева— «Чечня и разбойники. Из далеких воспоминаний». — Париж, 1932.

Отдельные авторы даже пытались связать абречество с национально-освободительным движением горцев Северного Кавказа, видели в них чуть ли не резерв революции, стоило только бросить клич. Так, Гатуев, по мнению Мамакаева в лице Зелимхана видел «мужественного и бесстрашного бойца, пытавшегося действовать от имени и во имя интересов народа, человека, которому хотелось изменить существующий порядок».¹³

Абречество никоим образом нельзя относить к национальному движению. Абреки, даже те, которых мы называем настоящими, не являются борцами за общую, национальную свободу и независимость своего народа, как представляют их отдельные авторы. Это — скорее всего террористы, поступавшие со своими обидчиками по привычному принципу кровной мести, так как по целям и задачам абречество носило сугубо личностный характер и не выходило за рамки их традиционных понятий кровной мести. В борьбе с царской администрацией по существу это та же кровная месть, только перенесенная с обычных обывателей и аборигенов на лиц от власти. Действия даже самых его выдающихся представителей, были частью слепой, инстинктивной борьбы с чужеродным засильем, к которому относили и русскую администрацию на Кавказе.

О том, что Зелимхан мог стать революционером, одним из лидеров и активнейшим участником революции, говорит и сам Гатуев. Он пишет, что после того, как Зелимхан 17 октября 1910 года около станции Кади-юрт, расстреляв 17 пассажиров поезда, «отомстил за побитую Чечню.., к нему паломничали родственники отмщенных, к нему стягивались протестанты со всей Чечни. Вздыбься волны революции, и Зелимхан в силу объективных условий оказался бы народным вождем, не зная ни культурных форм революционного движения, ни законов развития революции».¹⁴ Через весь роман Гатуева с той минуты, как в Веденской тюрьме «на прогулке встретились Гушмазукаевы с политическими», Зелимхан проходит как сознательный борец с царизмом, уверенный в своей правоте революционер-одиночка.

При жизни Зелимхана была такая революция — в 1905-1907 годах. Куда было дальше дыбиться этой революции, когда она так потрясла Россию, что правительство и сам царь, под которым ходуном заходил трон, пошли на беспрецедентные для того времени уступки: была учреждена Государственная дума как первый всероссийский представительный орган от народа, издан манифест 17 октября, декларировавший важнейшие демократические права и свободы, ослаблена цензура, возникли оппозиционные партии и пр.

Зелимхану надо было переродиться, чтобы стать революционером. Он не был готов даже стать ее рядовым участником. Не позволяли ему этого ни его уровень политического самосознания, ни психология индивидуалиста, ни патриархально-тейповая ментальность.

Такого же мнения Козачковский, который после «пяти лет тщательного наблюдения за личностью этого самого Зелимхана» утверждает, что «Зелимхан не только не образован, но даже слишком ограничен умственно, для того, чтобы занять в Чечне место политического деятеля, подобно Шамилю, Кази-Молле, Хаджи-Мураду и др.

В действительности, это не больше, как ловкий вор по воспитанию и разбойник по случаю (беглец). Что он живет мыслью о сильных духом легендарных народных героев, в этом нет сомнения, но на самом деле в жизни и в своих действиях Зелимхан проявляет так много личного мелочного эгоизма, что исключает возможность серьезной общественной деятельности». И заключает: «Таков взгляд и отзыв о Зелимхане почетных представителей чеченского народа».¹⁵

Убежденный в своих выводах, Дз. Гатуев продолжает: «Будь Зелимхан более доверчив, развивайся революция, — и он объединил бы вокруг себя шамилевскую Чечню, ту, которая не могла замкнуться в пассивности. Но был Зелимхан строг в выборе, инстинктивно сознавая, что группа его сподвижников должна быть в некотором роде партией».¹⁶ Все это безосновательные заявления. Для этого Зелимхану надо было стать Шамилем и таким же образованным и всесторонне развитым политическим и государственным деятелем или хотя

бы похожим на него. Не трудно заметить, что к подобным выводам автор пришел как писатель, принадлежащий к поколению 20-30-х годов XX столетия, воспитанному на советских установках о классовой борьбе.

В таком же духе изображен Зелимхан и самим Мамакаевым в его вышеуказанном одноименном романе.

На самом деле даже после посещения его ростовскими революционерами – террористами Зелимхан имел о революции самое смутное представление. Ни о какой революции он не думал, никогда и нигде о ней не говорил и вообще не догадывался, что она может быть. И пример тому первая российская революция 1905-1907 годов, которая вслед за Россией привела в движение все угнетенное население Северного Кавказа, но никак не отозвалась ни в одном из абреков. Глух к ней оказался и сам Зелимхан, он ее даже не заметил. Зелимхан – это в основном мститель-одиночка, вставший на путь борьбы с русской администрацией только потому, что она стала, как он считал, изначально причиной всех несчастий его семьи. Кроме того, трудно смотреть на то, как отнимают у тебя землю, хозяйничают на ней, попирают твои святыни, насилуют и унижают только за то, что ты слабее тех, кому твой народ разрешил им жить с тобой на равных из симпатий и дружеских чувств.

Как видно из письма Зелимхана в Государственную думу, Гушмазукаевы были весьма состоятельными, они имели «все, что бывает у зажиточного горца», чужого добра не желали, и их никто особенно не стеснял и не тревожил. Поэтому к властям они относились лояльно, и ни к какой борьбе с ними изначально Зелимхан не собирался, пока не заключили в тюрьму его, брата Солтамурада и отца Гушмазуку за убийство ими брата и отца соперника Солтамурада, сватавшегося, как и он, к красавице Зезык.

Зелимхан, выросший в условиях безусловного соблюдения адата и шариата, считал, что власти незаслуженно их наказали, так как кровь пролилась с обеих сторон, произошло кровавое уравнение, и никто никому больше ничего не должен был, а преследоваться стали только они – Гушмазукаевы. Справедливость попорана, оскорблена честь, унижено достоинство. Вернуть потерянное, восстановить справедливость стали смыслом жизни для Зелимхана. Врагами были объявлены – русские власти, живущие сами и заставляющие других жить по непонятным им русским законам. Другого способа для достижения этой цели, кроме как посредством личной мести, не находил. А потому кровная месть для него стала единственно верным актом возмездия и терской администрации, и своим кровникам, даже если они чечены. Это был тот фон, на котором строилась вся его жизнь в течение всех последующих лет. Однако считать его борцом за свободу в привычном нам смысле этого понятия было бы неправильно, ибо борец за свободу – это прежде всего альтруистическая личность, беззаветно служащая людям, когда мотивом его решительных действий становится не личная обида, а спасение мыкающего горе целого народа. В этом случае характер и методы борьбы другие, где расправе над личным врагом и террору отводится далеко не первое место.

По примеру вышеуказанных авторов и в более поздних работах абреки проходят как революционеры, как борцы за новый государственный строй, защитники горской бедноты, своего рода Робин Гуды, что является явным преувеличением их общественной роли. Конечно, абреки, бросившие открытый вызов властям, вроде Зелимхана, личности весьма неординарные и мужественные, но при этом они всего лишь мстители за себя, за личную обиду, которые в необходимых случаях собираются в шайки для более успешных действий. И нет у них цели общей борьбы со всем существующим политическим режимом, лежащим в основе всех их несчастий. Чаще всего в качестве обидчика выступает одно конкретное лицо – какой-нибудь светский или военный чиновник. Но личная месть абрека вызывает уголовное преследование со стороны всего аппарата власти. И тогда в орбиту протестной борьбы абрека попадает уже вся местная русская администрация, которая, выполняя свои властные и фискальные функции, нередко вызывает недовольство податного населения. Отсюда, абрек – народный заступник, борец за справедливость, хотя эти два свойства реализуются избирательно и не в полной мере.

Зелимхан действительно терроризировал Терскую область, в определенной степени диктовал местной администрации свои условия, наводил на них, на иноязычных обывателей и своих кровников страх, свободно перемещался с места на место, являлся лидером среди всего абреческого и разбойного сообщества и больше чем у кого либо было успешных

операций. И в этом смысле он действительно был наместником гор, как его величали в светских кругах и в печати. Если есть в Тифлисе официальный наместник Кавказа, то почему он, кого знает и признает весь Северный Кавказ, а слава о нем гремит по всей России, не может быть им?!

Еще более яркую попытку сделать из абрека революционера осуществил Чабуа Амирэджиби в своей объемной более 700-страничной книге «Дата Туташхиа». Но его герой не имеет реального прототипа в жизни – это всего лишь собирательный образ.

Не обошли эту тему и деятели культуры. В частности, кинокритик В.Дворецкий, указывая на причину появления фильма «Абрек Заур» писал: «До революции горцы жили голодной, нищенской жизнью. Зажатые горами, лишённые земли и пастбища, они усердно обирались чиновниками, русифицировавшими Кавказ. Незнание обычаев и законов, священных для горца, хамство, издевательство, «колониальные» приемы царского правительства толкали наиболее сильных и мужественных на путь абречества и бандитизма».¹⁷

Большой интерес вызывают вышедшие в последнее время научные труды В.Бобровникова «Мусульмане Северного Кавказа. Обычай, право, насилие». – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2002 и Ю.Ботякова «Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления». – СПб., 2004.

В первой работе абрекам посвящена только одна глава. В ней справедливо отмечается, что абреческое движение не всегда было одинаково интенсивным, оно имело спады и подъемы. Однако трудно согласиться с автором, как собственно и с Козачковским, на которого он ссылается, что абречество сложилось «как новое социальное явление в эпоху Кавказской войны XIX в.».¹⁸

Абреки появились еще в эпоху зарождения кавказской цивилизации, в период первобытно-общинного строя, и как социальное явление оно очень древнее. Об этом более подробно сказано ниже, в специальном разделе. С самого начала это были люди, которые совершали убийства и другие серьезные противоправные поступки, не считаясь с нормами обычного права, за что первобытное общество, оберегая себя и не желая мириться с этим, изгоняло их из своей среды в окружающий дикий мир, обрекая таким образом на одиночество и скитальческую жизнь. В XIX веке эти люди перенесли свой нигилизм на русское присутствие, русскую администрацию и ее правопорядок на Кавказе. Так что абречество – древний кавказский феномен, который в новых исторических условиях XIX века приобрел новый смысл, новые политические ориентиры.

Бобровников утверждает также, что «характерной чертой этого периода в истории абречества была его связь с освободительным движением горцев».¹⁹

Но эта связь не была следствием собственной инициативы абреков. Имам Шамиль, объявив войну России, превратил ее в общенациональную борьбу, призвав всех чеченцев и других мусульман встать на защиту собственных интересов и своей независимости. В этой борьбе действительно участвовали и абреки. Но они это делали по примеру всех других, как чеченцы по происхождению, как часть своего этноса, вступившего в противоборство с иноверной Россией, по призыву имама к всеобщему газавату. После того, как Россия одержала победу в Кавказской войне, после последних выстрелов в урочище Кбаада, наступило сравнительное затишье. Уставшие от полувековой войны кавказские народы с великим рвением обратились к мирной жизни. В тот период какое-то время не было слышно и абреков. Возродились они вновь, когда русские власти повели борьбу с уголовными преступлениями, стали наказывать за них виновных и сажать в тюрьму. Тогда и началась снова личная месть и расправа над представителями новой власти.

Уничтожение личного врага абреки ни с чем другим не связывали, как с кровной мезтью. Это лишний раз свидетельствует о том, что «связь с освободительным движением» устанавливалась только тогда, когда авторитетные имамы, вожди подобно Шамилю непосредственно обращались к ним за поддержкой, как части тех же горцев, которые встали на защиту своей свободы. Если не было такого национального лидера и сугубо национальной борьбы, абреки обходили ее (возьмем те же революции 1905-1907 и 1917 гг.), но заметно активизировали грабежи и разбои для своего выживания, а также расправу над неугодными им чиновниками, пользуясь тем, что властям и войскам в тот момент не до них.

Что касается книги Ботякова, то она представляет собой одну из редких работ, посвященных анализу внешнего облика и внутреннего мира абрека, как своеобразного и уникального человека, особого типа воина-джигита и одновременно могущего быть безмерно

добрый, чуткой и даже ранимой личностью.²⁰

Как видно, научной литературы по абречеству на Кавказе не много, в основном она художественно-публицистическая, написанная в разное время местными писателями и очеркистами.

Настоящая работа является одной из первых попыток дать научное объяснение редкому феномену, показать это историческое социальное явление на примере наиболее ярких представителей кавказского абречества. Но у нее есть своя специфическая особенность, которая заключается в том, что сюжетное изложение материала в лицах и действиях в определенной мере исключает его традиционную, строго научную подачу, значительно сужает такие возможности и даже делает его невозможным.

Вместе с тем в ней не ставится задача охвата всех без исключения абреков на Кавказе во все времена их существования. Это даже невозможно вообще из-за их многочисленности и фабульного сходства. Через книгу проходят лишь наиболее знаменитые абреки и разбойники, которые оказали заметное влияние на формы и методы управления Кавказом и на устроения значительной части населения.

К достоинству предлагаемой книги можно отнести и то, что она построена исключительно на документальной основе, кроме заимствования нескольких фабул у Козачковского, но и они даны с некоторыми уточнениями и дополнениями на основе архивных источников. Что касается других абреков – Северной и Южной Осетии, Кабарды, Дагестана, а также чеченского Зелимхана и его сподвижников, то здесь мы опирались исключительно на данные собственного поиска.

Источниковая база показала, что мифы и легенды о Зелимхане, которыми пытались украсить свои повествования об этом абреке многие авторы, ничего общего не имеют с реальностью. За давностью лет, с уходом из жизни современников описываемых людей и событий, многие факты и свидетельства канули в вечность. О них можно узнать теперь разве что по архивным материалам и воспоминаниям участников или очевидцев. Но и эти бесценные источники дошли до нас неполностью. Начальник Управления Государственными архивами при Совете Министров Северо-Осетинской АССР Т.Г.Купча, занимавшая эту должность в 40-50-е годы, сокрушаясь рассказывала, что, когда в годы Великой Отечественной войны германские войска захватили г. Нальчик и угроза нависла над Владикавказом, чтобы уберечь от оккупантов, бомбежек и артобстрелов бесценные свидетельства истории края, их спрятали в подвалах здания, расположенного на углу проспекта Мира и Бутырина, где сейчас размещается райотдел милиции Иристонского муниципального округа. Зима 1942-43 годов была очень лютой и снежной. И когда после войны стали поднимать архивы, обнаружилось, что талые воды проникли в подвал и затопили многие тысячи архивных дел из фондов дореволюционной Терской области. По ее словам, документы за многие месяцы нахождения в воде слиплись, сгнили на глубину до штыковой лопаты так, что приходилось их просто-напросто выгребать. Так пропала часть нашей общей, северокавказской истории, в том числе и абреков.

ГЛАВА I РОССИЯ НА КАВКАЗЕ

1. Присоединение Кавказа к России

В этой главе нас интересует то, что представляла собой царская администрация на Кавказе, тот режим, который вызвал протестное движение среди части его населения, консервативно настроенных приверженцев своей старины и вольницы. Но прежде чем сказать о том, что собой являла в прошлом русская администрация на Кавказе, следует хотя бы кратко остановиться на зарождении и развитии связей с Россией, на том, как Кавказ входил в ее состав и как шло его покорение. Параллельно с добровольным вхождением части Кавказа (Кабарда, Северная Осетия, часть Грузии) шло его силовое покорение. Это важно отметить потому, что между насильственным присоединением его значительной части к России и последующим управлением Кавказом есть много общего и взаимосвязанного. В основе военной экспансии, а затем и гражданской власти в крае лежала колониально-руссификаторская политика, особенно среди малочисленных народов, населявших северную часть от Главного Кавказского хребта.

Если Грузия – самостоятельное государство в прошлом, войдя в состав России, была на правах автономии, со статусом ограниченного суверенитета, то самый полиэтничный Северный Кавказ с разностадиальным уровнем общественного и экономического развития в гораздо большей мере испытывал на себе административно-правовое давление России. Вступив в Грузию, Россия, несмотря на свое превосходство, при проведении военно-административных реформ вынуждена была считаться с настроениями высших военных кругов, многочисленных князей и другой грузинской знати. Но, однако, и там успешно прошла реформаторская колесница по русскому образцу.

Первые сношения Руси с южным соседом Кавказом имели место ещё до образования Древнерусского государства. По своему характеру они с самого начала были неоднозначны – мирные и немирные, сменявшие друг друга в зависимости от геополитической ситуации. В числе наиболее заметных из них, о чём донесли русские летописи, были поход Святослава I с дружиной в 966 году за Кубань, где у подошвы Кавказского хребта, на предгорных равнинах одержал победу над ясами и касогами (осетинами и кабардинцами), во время которой он взял себе в жены одну из знатных ясынь. Затем в том же столетии варяго- руссы овладели полуостровом Тамань.

В конце XII – начале XIII веков устанавливаются связи с Грузией, венцом которых становится выход замуж в первом браке знаменитой царицы Тамары за князя Георгия (Юрия), сына Андрея Боголюбского. Династическая связь подстегнула отношения с Московским государством. Грузинские цари Кахетии, Картли и других земель искали сближения с Россией, и согласны были даже на вассальное подданство, «предпочитая быть в зависимости единой страны, чем терпеть притеснения соседних мусульманских государств».²¹ В Москву стали непрерывно снаряжаться посольства с просьбой взять их народ под свою защиту, с выражением готовности встать под власть московского царя и служить ему. Однако Россия тогда никаких на то конкретных видов не подала, так как сама находилась под монголо-татарским игом и была занята своими внутренними делами: Москву волновали феодальная раздробленность Руси и княжеская междоусобица, поиск путей их преодоления.

Монголо-татарское нашествие на Грузию и Русь надолго прервало связи между этими странами. С преодолением его Московское государство устремляется на Кавказ. В XVI веке русские поселенцы на гребнях северных предгорий Кавказского хребта (отсюда их название) образовали Гребенское казачье войско. Гребенцы в устье реки Терек построили крепость и город Терки.

Неспокойное окружение заставило гребенцов организоваться в военно-сословные общины. Правительство придавало огромное значение охранно-государственной службе казаков и всячески их поддерживало. При содействии двора гребенцы и стрельцы прочно обосновываются на Тереке, частью на Малке и нижней Сунже и образуют в 1567 году Терское воеводство, а позднее – Терское и Кизлярское казачьи войска.

В этом же столетии за покровительством обращаются к России кабардинцы, черкесы, а

русские войска в первый раз проникают в Дагестан, поделенный на множество мелких самостоятельных владений: Аварское, Дербентское, Кубинское и Бакинское ханства и другие вольные общества, а также шамхальство Тарковское. Сильнейшим из перечисленных владений было шамхальство.

После освобождения от монголо-татарского ига прерванные им сношения России с Грузией возобновляются и приобретают более стабильный характер. Особенно в XVI-XVII веках. В итоге кахетинский царь в 1578 году присягает на подданство России, а вскоре, в 1594 году, персидский шах передает Федору Иоанновичу подвластную ему Иверию. Персия от этого имела свою выгоду. Испытывая огромное давление со стороны ряда мусульманских государств, особенно Афганистана, она пыталась на всякий случай добиться благосклонного к себе отношения России.

С вступлением на престол Петра I царский двор и русскую военную дипломатию стали интересоваться Каспийское море и народы, проживающие по обе его стороны: Средняя Азия как огромный неосвоенный торговый район, а западная часть Каспия как стратегически важный рубеж с богатейшими прикаспийскими провинциями. Государственный деятель и дипломат А.П.Волынский, направленный Петром I в Персию в 1718 году для заключения торгового трактата, по возвращении убеждал царя занять прикаспийские земли, так как это могли сделать афганцы, угрожавшие целостности Персии. Выполнение этой задачи облегчало то, что и сам шамхал Тарковский Адиль-Гирей снарядил посольство в Россию с просьбой от себя и от всех горских народов Дагестана принять их в подданство.

В августе 1722 года Петр I предпринял экспедицию с 30-тысячным войском к берегам Каспийского моря и приобщил к России обширные владения горских народов. Сам шамхал Адиль-Гирей Тарковский устроил русскому царю торжественную встречу и пригласил в свой дворец в Тарки. Этот поход Петра Великого завершился присоединением Дербентского, Кубинского и Бакинского ханств, которые по трактату 1723 года Персия признала за Россией.

С начала XVII века Грузия оказывается между двумя соперничавшими государствами – Ираном и Турцией. Их не устраивала больше вассальная зависимость грузинских царей и стали добиваться полного обладания их землями, после чего должно было последовать изгнание и истребление грузинского народа.

Свои интересы на юге имела и Россия. Из трех теперь уже соперничавших между собой стран – Иран, Турция, Россия – последняя была духовно ближе к Грузии, и этот выбор грузинских правителей оказался единственно верным, благодаря чему, несмотря на колониальный, великодержавный правопорядок царизма в последующем, Грузия пошла по прогрессивному пути развития, сохранила религию и целостность страны, хотя и с ограниченным суверенитетом.

В 1703-1724 годах во главе Картли встал Вахтанг VI Леванович из рода мухранских Багратионов. Как и его предшественники, он придерживался русской ориентации. Опасаясь союза Вахтанга VI с русским царем, турки в 1723 году вторглись в Грузию, захватили Кахетию и Картли вместе с Тифлисом и установили свое господство, длившееся более 10 лет. Вахтанг VI с большой свитой (более 1000 человек) преданных людей и многими политическими и культурными деятелями эмигрировал в Россию. Из этих переселенцев в Москве была образована Грузинская колония, которая в дальнейшем сыграла особую роль в сближении двух единоверных народов.

Положение Грузии в указанный период становится очень сложным. Страна переходит из рук в руки: то к Турции (Гамаданское соглашение 1732 г.), то к Персии (Рештский трактат 1734 г.). Территориальные уступки делает и Россия. По тому же

Рештскому соглашению Россия отдает обратно Персии все земли от Куры до Астрабата, а по Ганжинскому трактату 1735 г. она покидает Баку и Дербент и отходит за Терек. Однако здесь она активизирует свою деятельность: в 1736 году город Кизляр обращается в крепость, в 1759-м закладывается Моздок, а в 1763-м создается Моздокско-Кизлярская линия.

Знаменитый персидский завоеватель Надир-шах призвал царя Теймураза и его сына Ираклия к себе в услуги и с их помощью успокоил грузинское население, а затем с отборным грузинским ополчением отправился в индийский поход. За вклад в одержанную победу над Индией Надир-шах окончательно передал Теймуразу Карталинию, а Ираклию – Кахетию и обещал освободить Грузию как от набегов лезгин, постоянно угрожавших грузинам, так и от других притязаний и притеснений. После смерти Теймураза в 1761 году Ираклий объединил Карталинию с Кахетией.

Будучи глубоко верующим, Ираклий сознавал громадное значение христианской религии для роста могущества и процветания государства. Это понимание толкало его на дальнейшее сближение с православной Россией, что он и делал вплоть до своей смерти в 1798 году, когда на престол Восточной Грузии взошел его сын Георгий XII.

С царствованием Екатерины II связаны большие успехи на Кавказе. Россия и Грузия активизируют свои действия по обоюдному сближению. Преуспевает Россия и на Северном Кавказе. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года Турция уступила России Азов и Керчь, отказалась от Кабарды и кубанских татар. Это позволило русскому правительству занять в 1783 году Кубань, мигрировать на Северный Кавказ огромное число русских и образовать сплошную Кавказскую линию от Азовского моря до Каспийского.

Начало XIX века ознаменовалось важными политическими событиями в истории народов Закавказья. В ответ на просьбу Грузии принять ее в состав России, царь Александр I направил туда генерала К.Ф.Кнорринга для выяснения действительного положения дел в этой стране и волеизъявления народа. По возвращении генерала назад Государственный Совет России заслушал его отчет и положительно решил грузинский вопрос, после чего царь подписал Манифест 12 сентября 1801 года, закрепивший добровольное вхождение Грузии в состав России.

Однако благовещательный Манифест не признал за династией Багратионов их наследственных прав на прежнее царское положение в Грузии даже в урезанном виде. Требованию Георгия XII Ираклиевича о сохранении за наследниками его «при титуле царя главной в земле Грузинской власти...»²² было дипломатично отказано под предлогом, что они самостоятельно не могут обеспечить ни внешнюю, ни внутреннюю безопасность Грузии. В этом отказе был заинтересован сам Кнорринг. Как единственный кандидат на пост Главнокомандующего в Грузии он не мог пожелать себе подчиненного положения, Такой исход, к которому подвел генерал Кнорринг, автор Положения об управлении Грузией, не прибавил пафоса у багратионов, но они смирились. В итоге Главнокомандующим на Кавказе, как и задумывалось, был назначен генерал Кнорринг, а правителем самой Грузии — действительный статский советник Ковалевский.

Как только Россия вошла в Закавказье, ее стратегические интересы на Юге автоматически возросли вдвое. Ступив на Кавказ уже с признанием ее верховной власти на части территории этого давно притягивавшего к себе края, Россия через лучших своих сыновей-военачальников приступила к полному его покорению. Россия ясно сознавала, что решение грандиозной по масштабу и значению задачи ей под силу, но потребует немалых человеческих усилий и жертв. За некоторым исключением здешние народы, особенно на северной стороне главного кавказского хребта, малочисленны и разрознены, а также на порядок, а кое-какие еще более отстают в своем социально-экономическом, политическом и культурном развитии от России. Но это были героические народы, у которых честь и свобода ценятся дороже жизни. Поэтому завоевать такие народы, даже при всей их малочисленности, было крайне трудно. С другой стороны, на этом пути России стояли Турция и Персия, их эмиссары и протурецки настроенные мусульманские общества.

С вхождением Восточной Грузии в состав Российской империи перестало существовать Картлийско-Кахетинское царство, а в 1803-1804 годах к ней была присоединена и Западная Грузия. В результате русско-иранских (1804-13, 1826-28 гг.) и русско-турецких (1806-12, 1828-29 гг.) войн при активном участии в них грузин была также возвращена большая часть отторгнутых от Грузии территорий.

Армения, как и Грузия, постоянно была ареной агрессии со стороны мусульманского мира, находилась то под властью сельджуков, то монголо-татар, то Османской Турции, то шахской Персии. В 1801 году вместе с Восточной Грузией к России отошли и северные районы Восточной Армении, входившие тогда в состав Грузии,²⁸ а в 1828 году по Туркманчайскому договору вошли и остальные части Восточной Армении. Присоединение Восточной Армении к России имело прогрессивное значение, ибо постоянно строивший тогда на нее виды Иран, была отсталой страной.

От вторжений извне и разорений серьезно страдал и Азербайджан. Вследствие феодального сепаратизма Азербайджан распался на множество мелких ханств и не способен был противостоять внешним силам. В результате многие земли, особенно прикаспийские области, оказались в подчинении Ирана. Правительство Надир-шаха в 30-40-х годах XVIII века установило невыносимый гнет, на что азербайджанский народ ответил рядом больших

восстаний.

Наиболее крупные ханства Шекинское, Карабахское и Кубинское не раз обращали свой взор в сторону России. В обстановке постоянной угрозы со стороны Турции и Ирана ряд выдающихся деятелей Закавказья, в том числе кубинский Фатали-хан, визирь Карабахского ханства Вагиф, стремился к установлению союза с Россией, несмотря на разность вероисповеданий. Азербайджанских правителей поддерживали передовые люди и немалая часть трудового народа. В начале XIX века Северный Азербайджан по примеру своих соседей Грузии и Армении присоединился к России. Это событие явилось важным переломным моментом в судьбе азербайджанского народа. Оно избавило его от разорительных нашествий извне, внутренних феодальных междоусобиц и способствовало объединению всех земель в единое государство.

Деятельность Кнорринга и Ковалевского и аппарата чиновников, привезенных с собой из России, не оправдала надежд грузинского народа и самого русского правительства. Они не сумели сохранить доброе к России расположение грузинского общества. С первых дней управления краем они взяли слишком круто, чем вызвали гнев и возмущение народа; по всей Грузии прокатилась волна восстаний.

Ропот недовольства и антирусские выступления в крае, вставшем под скипетр России, дошли до Александра 1. Он отозвал первых ставленников и назначил вместо них грузина, талантливого полководца и государственного деятеля князя Павла Дмитриевича Цицианова, происходившего из древнего грузинского рода Цициашвили. Поручая ему управление, император поставил, помимо всех прочих дел, две очень важные задачи: осуществить план графа Вазубова по занятию земель от реки Риона по Куре и Араксу до Каспийского моря и «привести в ясность и систему запутанные дела края и кротким, справедливым, но при том твердым поведением приобрести доверенность к правительству не только Грузии, но и разных соседственных с нею владений...».²³

Правильно построив свои тактические действия, Цицианов успешно и в короткий срок выполнил предначертания русского императора. Сначала он мирными благоразумными способами устранил народные волнения в Грузии, затем приступил к выполнению внешне — стратегической программы. В 1803 году он покорил джаро-белоканских лезгин. В том же году русское подданство приняли Елисуйское султанство и Мингрелия, за которой Цицианов сохранил автономию, а ее владетелю кн. Григорию Дадианову с некоторым ограничением право полновластно распоряжаться страной.

В 1804 году Цицианов штурмом берет Ганжу, и это ханство под названием Елисаветпольского округа приобщает к Грузии. В том же году в силу внутренних обстоятельств присоединяется к

России Имеретия, за царем которого Соломоном 11 сохраняется право по-прежнему управлять своим царством. В 1805 году, благодаря умелым переговорам Цицианова с Карабахским, Шакинским ханами и правителем Шурагельской области, эти земли были добровольно включены в состав России.

За три с половиной года своего управления Цицианов сделал немало, но в основном по военной линии, продвинув русские границы от Черного до Каспийского моря. Что касается гражданской части, то здесь он просто не успел внести что-либо нового.

Успехи русского оружия и дипломатии вызвали тревогу в высших кругах Персии. Наследный Аббас-Мирза еще в 1804 году предпринимает военные действия, занимает Эриванское ханство и направляется в Грузию, но на реке Занги терпит поражение. Первая встреча русских войск с персидскими закончилась для первых успехом. Однако после неудачной осады крепости Эривани Цицианов вынужден был вернуться в Тифлис. Это подстегнуло Аббас-Мирзу. Он пытается взять Ганжу, но теперь неудача настигает его: русские войска оттеснили неприятеля.

729

Военная задача, поставленная Александром 1, не дает покоя Цицианову, и он приказывает генералу Завалишину при содействии каспийской флотилии и десантного отряда занять Баку. Бакинский хан Гуссейн-Кули оказывает упорное сопротивление. Тогда поход совершает сам Цицианов. По пути он присоединяет ханство Ширвани и предлагает Гуссейну-Кули сдать крепость и перейти в подданство России, за что будет сохранено за ним владение своей областью. Хан дает согласие и совершает коварство: в феврале (8-го) 1806 года Цицианов был вероломно убит, направляясь за ключами от города к вышедшему ему навстречу Гуссейну-Кули.

В 1806 году были окончательно присоединены к России Бакинское, Кубинское, Дербентское ханства, Кайтаг и Тарковское шамхальство. В 1810 году — Абхазия, Самурзакан и Цебельда. Полностью под русское управление переходит Имеретия и Гурия. В 1813 году по Гюлистанскому договору с полным признанием их за Россией переходят Ганжинское, Карабахское, Шакинское, Ширванское, Талышинское ханства, Дербент, Куба, Баку.

С назначением на Кавказ Алексея Петровича Ермолова а затем Ивана Федоровича Паскевича происходит дальнейшее расширение российских границ. Присоединение новых земель произошло в результате успешных войн с Персией в 1826 году и Турцией в 1828 году. По Туркманчайскому миру с Персией в 1828 году к кавказским владениям России были приобщены Эриванское и Нахичеванское ханства, а по Андрианопольско му миру с Турцией в 1829 году — Ахалцихская область, Анапа, Поты, Ахалкалаки и Черноморское побережье.

Вся эта обширная территория, присоединенная к России Цициановым, Ермоловым и Паскевичем мирным и немирным путями, по существу составляет Закавказье в его теперешних пределах.

Алексей Петрович Ермолов

В 1816 году Кавказ принимает Алексей Петрович Ермолов. В должности главнокомандующего в Грузии и командира Отдельного Грузинского корпуса он пребудет здесь до 1827 года включительно и зарекомендует себя как человек жесткий по натуре, в известной мере даже суровый, несмотря на то, что получил образование в Благородном пансионе: при Московском университете. Современники, которым пришлось иметь дело с Кавказом, отмечали, что Ермолов был самым недружелюбным по отношению к кавказским народам, особенно к горцам Северного Кавказа, и без того сносившим безрадостную долю и ютившимся в своем абсолютном большинстве на скудных горных плешинах без элементарных благ цивилизации. Их ли обиженных судьбой, коротавших свою тяжелую жизнь в убогих саклях и труппах, надо было еще наказывать за то, что хотели у себя дома жить по старинке, по своим законам, без чужого диктата.

С самого начала подозрительно настроенный по отношению к горцам Ермолов вел себя как надменный завоеватель. Для покорения и умиротворения Северного Кавказа с труднодоступными и непроходимыми территориями он применил особую тактику, позволившую успешно выполнить поставленную задачу, к которой позднее прибегали его преемники, отдав должное его находчивости. Чтобы облегчить продвижение войск в густых зарослях и лесных чащах он делал просеки, прокладывая широкие дороги, ставил укрепления и шаг за шагом покорял Чечню и Дагестан. Через Казикумухское ханство связал южный Дагестан с Закавказьем и обезопасил Военно-грузинскую дорогу.

Ермолов сурово наказывал горцев Северного Кавказа за непокорность. За каждое вооруженное сопротивление или убийство русского солдата сносил целые аулы и селения, не щадя даже беспомощных стариков и женщин, вырезали непокорное население, грабили имущество, забивали и угоняли скот. В 1819 году во время похода против Сурхай-хана Казикумухского Ермолов буквально сравнял с землей поселения Нагорного Карабаха. Такая же участь постигла Башлы. Чтобы население покоренных территорий держать в постоянном повиновении, им строжайше предписывалось выдать аманатов (заложников).

Народы Северного Кавказа почти все добровольно вошли в состав России, при этом все равно через всю нее русская армия прошла с огненным мечом. Насколько это было оправданно, сказать трудно. Зато абсолютно очевидно, что именно этот кровавый военный демарш России, на которую здесь смотрели с надеждой, вызвал возмущение и отвратную тенденцию у части его населения, Кавказскую войну и абречество.

Таких же подходов придерживался Ермолов и в отношении ханств и других мусульманских образований. Еще до Ермолова их правители после присоединения, оставаясь на прежних постах, были доброхотными проводниками русской политики, а в тяжелое для России время Отечественной войны 1812 года оказали ей всяческую поддержку и помощь.

Несмотря на это, Ермолов был груб и с ними, оскорблял и унижал их достоинство, «не находил других выражений, кроме площадной брани, полагая, что таким способом можно держать население в постоянном страхе»²⁴, за что заставил их пожалеть о своем вхождении в состав России, ища спасения у Персии и Турции, и даже начать открытое сопротивление.

В плену шовинизма отважный генерал не посчитался ни с национальными особенностями и традициями кавказских народов, ни с их ранимым чувством собственного достоинства. Сфера, которая требовала к себе чрезвычайно осторожного подхода, была попорана им, на что последовали адекватные действия со стороны новоподданных. Ермолов поколебал вековое право собственности беков и агалаков. По лично испрошенному у российского правительства разрешению он запретил закавказским мусульманам отправляться на поклонение в Мекку и Медину, дабы избавить их от «дурного» обращения с христианами, и т. п. В ответ на такое посягательство на основные догматы ислама мусульмане и в первую очередь сословные верхи в 1823- 1824 годах обратились к мюридизму и стали открыто выражать протест против России, призывая всех правоверных к газавату.

Мюридизм, который предполагал подчинение всей гражданской жизни шариату, отвергал и светскую власть. Поэтому против этого учения активно выступили лидеры ханств, которые не без оснований опасались потери своей верховной власти. В этой борьбе им могла оказать помощь только Россия, и они обращались к ней, как только такая угроза становилась реальной.

Мюридизм, как учение, не признававшее другой власти, кроме духовной, представляло собой большую опасность и для России. Его распространение делало невозможным или по крайней мере препятствовало введению на приобретенных территориях русского законодательства и управления. Произошло совпадение интересов ханов и России. Ввиду этого последняя охотно откликается на обращение к ней осажденных мюридами ханств за военной помощью и участвует в наступательных операциях. Почти вся первая половина XIX века проходит в переменных успехах сторон. Наиболее удачливые генералы Фезе, Головин и Граббе одерживают ряд побед над Шамилем, однако стратегическое превосходство все равно пока остается за ним.

Мюриды Кази-мулла и его последователи Гамзат-бек, а затем Шамиль, объявляя себя имамами и играя на национальных чувствах мусульман, сумели подвести под знамя священной, освободительной войны, газавата весь Северо-Восточный Кавказ. Третьему имаму, Шамилю, несмотря на то, что он несколько раз оказывался в тяжелом, безвыходном положении и даже в октябре 1832 года в бою за Гимры был штыком ранен в грудь, успехи сопутствовали больше, чем его предшественникам. К Северо-Восточному Кавказу, привлеченному к себе Кази-муллой, добавилась в 1840 году вся Чечня, а в 1843 году – Авария и большая часть Дагестана.

Первая Кавказская война такой размах и губительность во многом получила по вине Ермолова. После щадящей политики Цицианова на присоединенных им землях Ермолов свое правление начал с целой системы репрессий, побудившие местное население, преимущественно мусульманское, к неповиновению русским властям и законам, а затем и к вооруженному выступлению против всякого засилья. Ермолов смотрел на Кавказ как на огромное поле сражения и желал одного: поставить на колени его народ. Крайне суровые меры Ермолова не одобрялись даже царским двором, и он был отозван.

Отдельные исследователи считают, что так поступили с ним из-за связей с декабристами, которые прочили его в члены Временного правительства. Не исключая этого, на наш взгляд, главной причиной его отстранения был тот военно-политический накал, который вызвали его безрассудные карательные действия. Жестокость Ермолова становится понятной как только вспоминаются его расистские настроения. В одном из докладов царю он недвусмысленно, открытым текстом заявил, что «Эти племена (т.е. чеченцы и ингуши⁷³¹ авт.) воспитанию не поддаются, подлежат уничтожению». Десятилетие ермоловского правления до сих пор на Северном Кавказе вспоминают с ужасом, а установленный ему памятник в Чечне несколько раз взрывали, пока не добились его полного сноса. Поэтому можно сказать, что и вторая Кавказская война, развернувшаяся на рубеже XX и XXI веков есть эхо жутких побоищ тех лет.

Начиная с Петра I и его походов на юг, а в XIX веке тем более Россия уже достаточно была осведомлена о Северном Кавказе и его обитателях. Еще Екатерина II не без восхищения сделала удивительное высказывание об одном из его народов, в частности об осетинах.

«Никогда вселенная не производила человека более мужественного, положительного,

великодушного, нежели скиф-осетин. Ни один человек другой народности не сравнится с ним в правильности, красоте его лица, в свежести его кожи, ширине плеч, строении и росте. У него длинные волосы, он по природе далек от всякой хитрости, притворства, его прямодушие и честность защищают его от пороков. Нет ни одного пехотинца, моряка, земледельца, равных ему. Ни один человек не питает такой сильной нежности к своим детям и близким, как он. Он быстр, точен и верен». Екатерина II.

Эта характеристика приводится Казимиром Валишевским в сочинении «Роман императрицы (Екатерины Великой)». Как попало это изречение российской императрицы к польскому историко-романисту, сказать не могу. Но можно допустить, что в этом ему помог Александр Храповицкий — личный секретарь и биограф Екатерины II, записывавший в своем дневнике («Памятные записки») за ней все заявления, сделанные ею на ходу по более или менее важным событиям. Ведь это благодаря ему мы знаем о том, что по прочтении «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, отбросив в сторону книгу, заявила в гневе, что он «бунтовщик, хуже Пугачева!».

Возможно и эта характеристика, несомненно лестная для осетин, дошла до нас благодаря усердию и пунктуальности Храповицкого. Это высказывание об осетинах первой особы России, умной, хотя во многом и своевольной императрицы-немки, приводится для того, чтобы сказать, что и сам Северный Кавказ и его население не были в полную диковинку царскому двору и его генералитету, чтобы так фанатично бездушничать и свирепствовать, решая задачи, какой бы стратегичности ни были, как это делал Ермолов! Были и другие примеры. Его современники — Цицианов, Паскевич, а позже Евдокимов, Барятинский, Лорис-Меликов, в таких же условиях достигали таких же успехов, куда более гуманными способами.

Крайне нелестно отзывается о Ермолове Семен Эсадзе, автор «Исторической записки об управлении Кавказским краем», подготовленная и напечатанная по распоряжению наместника И.И.Воронцова-Дашкова. «Крупная историческая личность, — писал он, — омрачается патриотическими его предубеждениями. Он поставил себе за правило уничтожать в крае всякую нерусскую национальность и, попирая древние установления, сроднившиеся с чувствами и верою народа, заменять их новыми, поверхностно обдуманскими, чтобы иметь в себе залог прочной будущности». С такими предвзятыми взглядами Ермолов не обращал внимания на то, что собственно он уничтожает, и с невероятною легкостью касался предметов, к которым правительство должно приступать всегда с чрезвычайною осторожностью»²⁵. Как видно, Ермолов сам лично явился одной из главных причин возникновения мюридизма среди горцев Кавказа и абречества, — того самого, которое было направлено против русской власти и имперского засилья.

Исправлять ошибки Ермолова были призваны его преемники. Паскевичу, барону Розену, Головину и Нейдгардту царем и правительством поручалось восстановить порядок, вернуть потерянные территории и доверие к России. Но теперь уже в разгар 1-й Кавказской войны выполнить эту не простую задачу было сложно и требовалось время. Тогда же, как на то указывала обстановка, кавказская администрация главное внимание уделяла укреплению береговой черноморской линии с тем, чтобы прекратить вывоз с Кавказа невольников, остановить ввоз оружия и пороха из Турции для кавказского сопротивления. Снаряжались и отдельные военные экспедиции, но они редко завершались успешно. Обладая талантом выдающегося военного и государственного деятеля, Шамиль пользовался на первых порах всеобщей поддержкой единоверцев и умело перебивал все подобные попытки.

В конце 1844 года Александра Нейдгардта отправили в отставку и новым Главнокомандующим на Кавказе стал граф Михаил Семенович Воронцов. Он принял новое назначение, уже имея опыт такой работы, который приобрел, будучи с 1828-го по 1844 год Бессарабским, а затем и Новороссийским генерал-губернатором.

Кавказские войска к этому времени состояли из гренадерской бригады, двух пехотных дивизий, десяти кавказских, шестнадцати грузинских, десяти черноморских линейных батальонов, аргунского и нескольких казачьих полков донского и терского казачьих войск. Для повышения боеспособности указанной армаде был придан пятый пехотный корпус генерала Александра Лидерса. Но и это еще не все. Главнокомандующему Воронцову были предоставлены самые широкие полномочия. С этой армией в 150 тысяч человек

связывались надежды на самое успешное проведение кампании против Шамиля и завоевание всего Кавказа.

Николай I был недоволен затянувшейся Кавказской войной, и в Петербурге по его указанию в 1845 году был разработан специальный план действий с тем, чтобы раз и навсегда покончить с Шамилем и воцарить в крае полное замирение.

Воронцов, напротив, по вступлении в должность хотел изучить обстановку, сильные и слабые стороны противника и только потом приступить к решительным действиям. Но главнокомандующий был предупрежден, что самодержец не желает какого либо промедления в проведении наступательных операций. Видный царедворец, не лишенный карьеризма,²⁶ Воронцов без всякого возражения, хотя внутренне не был согласен, после спешной подготовки приступил к выполнению поставленной Его Величеством задачи.

Началось новое силовое присоединение Восточного Кавказа, а за ним и Западного. Одной из первых военных экспедиций

стала Даргинская. Замысел состоял в том, чтобы овладеть «резиденцией» Шамиля – аулом Дарго в верховьях реки Аксай, за чем обязательно должны были последовать долгожданная капитуляция Шамиля, обложенного со всех сторон русскими войсками, и успокоение горцев.

Экспедиция оказалась в тяжелейших условиях. Ей предстояло пройти лесными чащами в глубь Андийского горного массива. Путь ей преграждали завалы из деревьев, укрепленных камнями и насыпной землей, местами многокилометровые проходы в горах не превышали в ширину 2-3 сажени, что крайне затрудняло продвижение по таким же гребням пушек, конницы и живой силы. Боеспособность русской армии в этих местах становилась почти нулевой, зато преуспевали в уничтожении ее шамилевские отряды из засад. Они расстреливали и рубили солдат без особых потерь для себя. И все же Дарго был взят, сожжен дотла, но без Шамиля.

Даргинская экспедиция дорого обошлась для России. Задействованные в ней войска и те, что были высланы ей на подмогу, за несколько июльских дней потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести до шести тысяч человек, в том числе несколько генералов, десятки обер и штаб-офицеров, большое количество орудий и сотни лошадей. Сам же Воронцов и принц Александр Гессенский, брат императрицы, искавший «приключения» на свою голову и репутации героя Кавказской войны, едва избежали плена.

Поскольку в походе на Дарго было замешано имя царя, то он был признан достигшим цели, а Воронцов, за карьеру которого опасались, получил титул князя. Однако, Воронцов, усвоивший даргинский урок, больше никогда не предпринимал подобных скороспелых и провальных, иначе говоря, авантюристических экспедиций «в надежде застать Шамиля или его наибова врасплох и от системы штыка перешел к системе топора, внедрявшейся на Кавказе еще Ермоловым»²⁷. Суть ее, как заключает свидетель событий, историк Александр Зиссерман, состоял в том, чтобы «рубить в лесах неприятельской земли широкие просеки,

дающие возможность свободно двигаться войскам, и по мере занятия ими позиций в тылу заселять отнятые у горцев земли казачьими станицами»²⁸. Потом эту систему от Воронцова перенял его преемник Александр Барятинский, завершивший долгую и кровопролитную Кавказскую кампанию.

Система последовательного наступления Воронцова: вырубка просек в лесной чаще, возведение укреплений на передовой линии, устройство новых казачьих станиц, внезапная осада укреплений противника, – напоминавшая систему Ермолова, «отличалась от нее более мирным отношением к горцам: обаяние грозного имени и излишнюю грубость князь Воронцов заменяет попытками торговых связей»²⁹. Ум, образованность и в определенной степени либерализм – черты, которые всегда выделяли его из числа других царских генералов и администраторов, – во многом способствовали успеху дела, располагая к себе горцев. Воронцов умело использовал также вражду между отдельными феодалами и знатью и добился присоединения

к России значительной части их владений.

Несмотря на то, что основные силы ушли на борьбу с турками, Воронцов выполнил возложенную на него миссию: «восстановил русскую власть в прибрежном Дагестане, обезопасил рядом передовых укреплений Кавказскую линию от нападений Шамиля со стороны Чечни, довершил устройство Лезгинской линии, прикрывавшей Кахетию, а на Западном Кавказе, кроме береговых укреплений, докончил заселение Лабинской линии и начал Белореченскую. Восточная война 1853-1856 годов доказала, что князь Воронцов создал на Кавказе весьма прочное положение»³⁰.

Завоевание Северного Кавказа во многом зависело от русско-турецкой войны. Неудачи русской армии и, наоборот, успехи турок подстегивали движение мюридизма. Война, ведшаяся почти полвека, дорого стоила и изрядно поднадоела. Поэтому взойшедший на престол в 1856 году Александр II с самого начала решил покончить с Кавказом. Окончание русско-турецкой войны полностью развязало руки царю, и в череде важных внутренних реформ Кавказ занял особое место. Поиски путей его окончательного замирения привели нового императора к князю Александру Ивановичу Барятинскому, проект которого более других отличался своим радикализмом. Он сосредоточил в руках Барятинского всю полноту власти. Новый главнокомандующий был одновременно назначен наместником Кавказа с передачей ему функций гражданского управления.

Отличавшийся личной храбростью, Барятинский знал Кавказскую войну не понаслышке. На Кавказе в различных крупных военных соединениях и на высоких командирских должностях он провел 30 лет, начиная с 1833 по 1862 год. Под началом Вельяминова и Воронцова он участвовал во многих походах и экспедициях, был несколько раз ранен, а будучи начальником штаба при кн. Бебутове в кампании 1854 года показал себя как умелый организатор взаимодействия различных родов войск и солдат в огромных массах. В отличие от своих предшественников он отказался от кампанейского способа ведения войны. Кампанейщина была выгодна горцам, давала возможность собраться с новыми силами, перестроиться и подготовиться. Поэтому было решено вести борьбу без перерыва, зимой и летом, до полной победы.

Эта тактика была подкреплена организационными решениями. К имевшимся на Кавказе войскам были добавлены гренадерская бригада, три стрелковых батальона и два драгунских полка. Приказом от 15 сентября 1856 года Барятинский разделил Кавказ на четыре военных отдела, начальникам которых были предоставлены большие полномочия. Первый отдел включал в себя правое крыло Кавказской линии и был подчинен начальнику 19-й пехотной дивизии. Второй – левое крыло с подчинением его 20-й пехотной дивизии. Третий – Прикаспийский край с Дербентской губернией, подчиненный начальнику 21-й пехотной дивизии, и четвертый – Лезгинская кордонная линия с Джаро-Белоканским округом, подчиненным начальнику кавказской гренадерской дивизии. Помимо указанных дивизий в каждый отдел было направлено по одному драгунскому полку и стрелковому батальону, по несколько казачьих полков, а также поделены между ними две оставшиеся дивизии – 13-я и 18-я. Не попавший ни в один из отделов Рионский край был преобразован в Кутаисское генерал-губернаторство с шестью отдельными батальонами.

Князя Барятинского в первую очередь волновал Восточный Кавказ, край, который контролировал имам Шамиль. Успех могло обеспечить только одновременное наступление со всех сторон, чтобы перекрыть отступление шамилевцев в любом направлении. Разработанный план предусматривал удар с трех сторон. Шел 1857 год. Дагестанские войска генерал-лейтенанта князя Орбелиани в Прикаспийском крае занимают Салатавию, со стороны же Лезгинской линии отряд генерал-лейтенанта барона Вревского – Дидойское общество нагорного Дагестана и, наконец, генерал-лейтенант Евдокимов с левого фланга вторгается в Чечню.

734

Успешные наступления русских войск поставили Шамиля в тяжелое положение. В 1858 году он потерял большую часть Чечни и все предгорья. Уставшие от войны и имамовских обложений горцы целыми аулами перестали поддерживать своего вождя. В начале весны 1859 года Шамиль оставил последние позиции нагорной Чечни, а первого апреля пало и одно из его пристанищ – Ведено.

Последней опорой Шамиля остался Дагестан. Фронт стремительно сужался. Активные действия с разных сторон Врангеля, Евдокимова и генерал-лейтенанта князя Меликова вынудили еще недавно могущественного имама бежать. Его последним пристанищем стал

маленький горный аул Гуниб, Вместе с кучкой преданных единоверцев Шамиль коротал здесь свои последние дни вместе с сыном Кази-Магома, который последовал сюда за своим отцом.

Барятинский после операций в Чечне, закладки укрепления Преображенского на реке Койчу, прибыл в Хунзах, восстановил Аварское ханство, во главе которого назначил флигель-адъ-ютанта ротмистра Ибрагим-хана Мехтулинского, и 18 августа прибыл в дагестанский отряд, осадивший Гуниб. 25 августа 1859 года в ходе отчаянного штурма Гуниб пал, а Шамиль, признав свое поражение, сдался на милость победителя. Не сбрасывая со счетов талант военного и государственного деятеля, Барятинскому в Кавказской войне повезло гораздо больше, чем предшественникам. Он приблизил ее конец, пленил выдающегося вождя горцев и тем создал себе славу.

Успехи России на Восточном направлении значительно облегчили завоевание западных территорий Кавказа. В 1859 году после падения Шамиля, потеряв надежду на успех дальнейшей борьбы, присягнули на верность России бжедухи, жившие по левому берегу Кубани. Затем их примеру последовали народности между реками Белая и Лаба, а за ними – часть черкесского населения – абадзехи и натурхайцы. Но основная часть черкесского населения Северного Причерноморья и между укреплениями Константиновским и Гагры упорно сопротивлялась. В середине 1861 года черкесы образовали Чрезвычайный Союз и избрали Меджлис для руководства Союзом и всеми черкесскими делами. Не надеясь только на свои силы, они стали искать помощи у Турции и Англии, отправили посольство в Константинополь.

Однако все это уже ничего не могло изменить. Генералы Евдокимов и Колюбакин нанесли сокрушительный удар по абад-зехским и убыхским ополченцам и даже сожгли здание Великого Меджлиса вольности черкесов.

В конце 1862 года на Кавказ был направлен новый главнокомандующий и наместник Великий князь Михаил Николаевич.

Если на долю Барятинского выпало пленение Шамиля, то на долю его преемника – завершение покорения западной части Кавказа и всей Кавказской войны вообще. Что он и сделал. Завоевания территорий сопровождалась военной колонизацией. Чтобы ликвидировать последние очаги сопротивления, горцам предлагалось выселиться на равнину или уходить в Турцию. На освободившихся после эмиграции равнинных землях при активном содействии русских войск водворялись казачьи станицы.

Приближался день окончательной развязки. В 1863 году были подчинены шапсуги и абадзехи, потом убыхи, джигеты, ахчипсхувцы. Для личного участия в последних событиях на театр военных действий прибыл сам главнокомандующий и лично руководил военной экспедицией 1864 года. 21 мая того же года прогремели последние победные выстрелы в глухом урочище Кбаада. Кавказская война, длившаяся с 1817 года, завершилась. Многоликий и стратегически важнейший Кавказ стал частью великой Российской империи. Свершилось громадное историческое событие – окончилась долгая, изнурительная и кровопролитная для обеих сторон Кавказская война. А еще одним последствием этой войны явилось выселение около 90 тысяч горцев Западного Кавказа на равнины по рекам Кубани и Лаба, а 418 тысяч мусульман мигрировало в Турцию.

Отвечая на поставленный в заголовке вопрос, следует отметить, что это был сложный и неоднозначный процесс. Как в Закавказье, так и на Северном Кавказе, многонациональное население придерживалось разной политической ориентации: были за и против объединения с Россией. Такое положение предопределило действия сторон, тот исторический факт-феномен, что одни народы добровольно, еще задолго до Кавказской войны (Ингушетия в 1770, Осетия в 1774 и Чечня в 1781 гг.), вошли в состав России, другие пришлось завоевывать, присоединять насильственно.

Кавказ, постоянно находившийся в зоне интересов таких могущественных государств как Турция, Персия, Россия, предпочел последнюю как наиболее благоприятную для себя страну.

С Россией связывались наименьшие потери прав и привилегий, гарантии широкой автономии в управлении и владении своими землями и более мягкий и разумный вассалитет. Однако не все разделяли такую точку зрения и благосклонную позицию. Поэтому Россия, призываемая одними, отвергалась другими. В итоге часть Кавказа добровольно встала под скипетр России, а другую часть, как уже было сказано, понадобилось присоединять силой.

Но в любом случае, как показала история, вхождение Кавказа в состав России на всех этапах экономического, общественно-политического и культурного развития имело непреходящее прогрессивное значение в судьбах его народов. Единение с Россией, с великим русским народом явилось гарантом их выживания в многовековой борьбе за существование, в преодолении не раз обрушившихся на них экономических, социальных катастроф и вражеских нашествий. Уверен, под началом любой другой нации народы Северного Кавказа только проиграли бы.

Возьмем хотя бы ближайших соседей – турок, персов, высокомерных грузин. Подтверждение тому – трижды устроенный последними геноцид юго-осетинского народа. Поэтому даже сама мысль оспаривать это кощунственна. Надо признать, что в этом нам, осетинам, и другим народам Северного Кавказа особенно повезло.

Однако и Россия, своими половинчатыми мерами по удовлетворению земских нужд и польз края неоправдала возлагавшихся на нее надежд.

Даже капитализм, неприемлющий никаких догм и условностей, безжалостно рушащий всегда предшествующий ему экономический бастион, развивался на Северном Кавказе только в пределах российских государственных интересов и внутренней национально-шовинистической политики, во многом еще сохранившей черты абсолютизма. В почти безграмотном регионе не только капитализм как новая экономическая формация со своей политической надстройкой, системой госаппарата, но и культура не может развиваться свободно, в высоких темпах без участия в них заинтересованного государства.

Широко вещая о благих намерениях правительства, русская кавказская администрация как проводник его политики, мало что делала на Северном Кавказе для развития просвещения и здравоохранения, общечеловеческой и самобытной национальной культуры населяющих его этносов. Все, что было сделано в этих областях, связано в большей мере, если не сказать исключительно, с потребностями развивающегося капитализма и частной инициативой передовой национальной и русской интеллигенции. Зато власть преуспевала в насаждении здесь палочной системы, широко практикуя штрафы, экзекуции, контрибуции, казачьи постой, ссылки в Сибирь и на безжизненный остров Чечень в Каспийском море.

Во многом указанные методы и формы управления на Кавказе берут свое начало с первых лет включения его в состав России. В них, несомненно, нашли отражение рекомендации и проекты тех сановников и других влиятельных особ, которые были приближены ко двору еще при Александре 1. Одним из таких был К.А. Лофицкий, который по этому случаю 30 апреля 1806 года направил царю всеподданнейшее прошение. Выражая в нем свою неподдельную верность монарху и Отечеству, он предлагал: «Военные действия начать на Кавказской линии осенью, поелику в сие время кавказские ущелья не послужат убежищем хищным и коварным народам, Кавказ облежавшим, для совершенного покорения коих и водворения спокойствия в той части России нужны наиболее способные к военным действиям Гребенские, Терские, Волжские и Донские казаки при мушкетерских и егерских полках. Многие годы протекают во свидетельство, что Закубанцы, Кабардинцы, Чеченцы и другие горские народы не сделали никакого влияния на чувства свои из того человеколюбивейшего снисхождения, какое оказываемо было Монархами Российскими, во всех случаях вероломства и изменнических действий их; а потому и нужно, чтобы они почувствовали заслуженное ими наказание. Таким образом, дабы и потомства их имели в преданиях последствия измены Престолу, в верности коему несколько раз присягали пред Богом, а следовательно и Ему изменяли. Чеченцев же и Ингушевцев весьма бы полезно было вывезть вовсе из ущельев настоящего их жительства на другие пустопорожние Российские земли, ибо народы сии, по закоренелости в разбойничестве, ничем уняты быть не могут, как или истреблением вовсе наций тех, или выводом на другие земли. Для удобнейшего совершения столь важных действий, Российские войска поохотить половиною добычею, которая может быть приобретена на сем военном театре; а другую половину употребить на домашние обзаведения завоеванных народов, кои и должны уже быть всегда под общими законоположениями Российской Империи. А сверх того иметь их в строжайшем надзоре, дабы они не могли иметь ни оружие, ни других способов на произведение вновь мятежа. Земли же, лежащие между Кавказскими горами и рр. Малкою и Тереком, населить природными Россиянами, поелику те земли наивыгоднейшие для земледелия, скотоводства и других заведений, при хорошем климате, и коими без пользы для человечества доселе владеют оные хищные народы».³¹

Сколько ксенофобии и презрения к кавказским народам в этих заявлениях, доходящих до

прямого призыва к «истреблению вовсе наций тех», которые «ничем уняты не могут быть». И подобных Лофицкому было немало не только в центре, но и на Кавказе, которые пагубно влияли на русско-кавказские отношения, вызывали обоюдную подозрительность и недовольство, отчего благие намерения правительства и кавказской администрации не шли дальше полумер и декларативных заявлений. Вслед за Лофицким такого рода высказывания в отношении кавказских народов делали генерал Ермолов, профессор права, государствовед Н.М.Коркунов и др. Можно было бы не обращать внимания на этот поток грязных измышлений злобствующих персон, если бы он остался без последствий в российской политике. Русские цари всегда были довольны тем, что Кавказ сделал свой политический выбор в пользу России и вошел в ее состав на вечные времена. Но в то же время они, начиная с Александра 1 никогда не игнорировали полностью поступавшие к ним от фаворитов и сановников советы и рекомендации, даже если они не всегда были объективными и разумными.

Россия в прошлом тоже переживала подобные времена, но никто же не ставил вопроса об уничтожении его народа только потому, что он в тот или иной период своего развития стоял на более низком социальном, экономическом и культурном уровне, чем те, кто бы мог сказать подобное на Западе. А ведь русские, много веков учившиеся у европейских народов, и в XIX веке не освободились еще от многих пережитков, особенно в глубинках империи, которые указывали бы на продолжающуюся дикость. Так почему же чеченцы, ингуши и кое-кто еще должны кем бы то ни было приговариваться столь жестоко только потому, что они пока еще угловаты, недостаточно развиты, на что есть объективные, от них независевшие обстоятельства. В таком случае цивилизованный мир, если он является таковым, проявив понимание этих факторов, должен приложить все усилия к тому, чтобы вывести их из этого состояния, и гордиться тем, что своей заботой и делами, в данном случае Россия, преобразила Кавказ и его людей.

Царское правительство, действуя в тех рамках, которые считало необходимыми для умиротворения разноэтнического края, не продумало и не приняло никаких мер для избавления его от бесчинств и произвола кавказской администрации, для признания за ними принадлежащих им земель. Напротив, экспроприруя лучшие из них, как «наивыгоднейшие для земледелия, скотоводства и других заведений при хорошем климате», как указывал вышеназванный злобствующий царский сановник Лофицкий, для заселения их «природными россиянами» Кавказ стал еще и одной из переселенческих зон России, куда хлынул огромный поток русских мигрантов из центральных губерний и областей страны, значительно усиливших земельный голод в крае. Отсюда повальная неприязнь к новому режиму и к тем, кто ее насаждает, грабежи и разбои, как один из способов самозащиты и самосохранения коренного населения. Регулярные и массовые разбойные набеги на соседние земли с целью ограбления для пополнения своих скудных запасов с приходом русских на Северный Кавказ вышли за пределы прежних ареалов. Объектами нападений стали казачьи станицы и русские слободы, которые, как считали горцы, их кровно обидели, лишив их источника жизни. В орбиту такой военно-стратегической экспансии подпадал только Северный Кавказ. На столь открытую оккупацию Закавказья Россия не решалась, остерегаясь внешнеполитических осложнений и нарушения статус-кво, сложившегося на основе договорных начал, заложенных в мирных трактатах с его странами.

Малые народы всегда страдают более других, вероятно, поэтому они более экспансивны и рождают героев-одиночек, готовых к самопожертвованию, ревностно оберегают свою национальную честь от любого покушения со стороны, хотя и не всегда это им удается в силу своей малочисленности. К числу таких протестантов, борцов против этой чуждой им идеологии можно отнести и абреков.

737

2. Управление Кавказом

Система управления для беспрепятственного экономического и культурного развития кавказского края в составе России складывалась трудно и сравнительного долго. Это объясняется тем, что первыми управленцами были люди военные, зачастую далекие от этого дела, прибегавшие к методам, не всегда продуманным и просчитанным с точки зрения их

социальных последствий. Отдельные элементы этих методов крайне негативно воспринимались как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Во многом это происходило из-за неудачных нововведений, спускавшихся для новых подданных России, и по вине местной администрации, злоупотреблявшей своим положением и выполнявшей служебный долг в зависимости от степени понимания интересов России и своей личной выгоды.

Становление российского административно-государственного аппарата и управления Кавказом происходило параллельно с утверждением здесь России. В отличие от метрополии на Северном Кавказе было объединено военное и гражданское управление, которое на всех уровнях осуществлялось одним лицом, офицерами русской армии разных рангов соответственно назначению и должности. Примерно то же самое было и в Закавказье, но в несколько ослабленном виде. По мере продвижения русских войск на Кавказ на его главных направлениях воздвигались укрепления, разбивались казачьи станицы и тем самым эти земли позиционно закреплялись за Россией. Заселение Предкавказья происходило и ранее, еще в XVI и XVII веках, но этот процесс носил тогда сравнительно мирный и не столь массовый характер, что не вызывало у горцев особой тревоги и сопротивления, если не считать отдельные локальные волнения, на которые подбивали местное население турецкие эмиссары и мусульманское духовенство.

Первые русские поселения и те, что располагались по Тереку, административно были отнесены к Астраханской области. Затем, когда при императрице Екатерине II была выстроена военная Кавказская линия, западная часть ее от Азова до Усть-Лабы составила территорию Черноморского казачьего войска, а остальные земли до самого Каспийского моря и до Маныча на севере – Кавказскую область, которая то входила в состав Астраханской области, то вновь обретала самостоятельность.

Вместе с манифестами Павла I от 18 января, а затем и 12 сентября 1801 года о добровольном присоединении Грузии были обнародованы и постановления внутреннего управления этой страной, которые предусматривали в первую очередь учреждение полиции, земских и судебных органов власти, присутственные места и другие заведения фискально-хозяйственного и культурного назначения с очерченным составом чиновников и кругом полномочий каждого.

Над всеми ими стоял наместник—это главное должностное лицо, осуществляющее государственную власть и управление от имени главы государства обычно на отдаленной и обособленной части территории данного государства, называемого наместничеством.

В 1775 году Екатерина II ввела в России новое административное устройство. Страна была поделена на губернии, во главе которых императором назначались генерал-губернаторы. Такие назначенцы по одному на 2-3 губернии именовались наместниками. Функции наместников заключались в надзоре за администрацией и судами, в подавлении революционных и национально-освободительных движений. Для этого в распоряжении наместника находились войска, ему же подчинялись коменданты крепостей, а также гарнизонные армейские полки. Наместник в качестве «главного блюстителя верховных прав самодержавия» пользовался исключительно широкими правами по управлению над вверенным ему краем. Он же был главнокомандующим кавказскими вооруженными силами.

Подготовительные работы по введению нового порядка потребовали некоторое время. В апреле 1802 года генерал Кнорринг в сопровождении правителя Грузии и многочисленной свиты чиновников прибыл в Тифлис и принял присягу. Вскоре начали свою работу и первые учреждения. Генералу Кноррингу было присвоено звание главноуправляющего Грузией с подчинением ему отдельного грузинского корпуса. Для управления непосредственно самой Грузией был назначен ему в помощники тифлисский военный губернатор. Ему и Верховному грузинскому правительству при нем было поручено центральное управление краем, осуществлявшее исполнительные, экономические, уголовные и ⁷³⁸гражданские функции власти. Правитель Грузии, а также руководители и советники указанных ведомств входили в состав Верховного правительства. Все центральные органы действовали по российскому губернскому регламенту с учетом местных особенностей в необходимых на то случаях. Низшее звено местного управления и штаты чиновников строились также по подобию российской административной системы (Грузия была поделена на пять уездов) и действовали в соответствии с русским законодательством. Исключение составляли гражданские дела, которые рассматривались в судах по уложению Вахтанга VI и местных обычаев, а в случаях, когда не доставало грузинских законов, не было своих норм права, регулирующих те или

иные правонарушения, прибегали к российским.

Однако первые годы русского правления не дали ожидаемых как одной, так и другой стороне положительных результатов. Правитель Грузии и подведомственные ему чиновники не придерживались Высочайше спущенного регламента, и вскоре злоупотребления властью в грузинском народе вызвали всеобщий ропот и негодование. Незнание местного языка русскими чиновниками и недостаток толковых, юридически грамотных, переводчиков усугубляли дело.

Но особенно возмущали народ волокита в судах и официальных учреждениях, где нередко жалобы не только оставались без последствий, но и терялись в бумагах. Народ, привыкший видеть и суд, и власть в одном лице начальника, который всегда у него под боком, не мог мириться с бегами по инстанциям, действия которых не всегда были согласованными. Возмущало и то, что дела, которые рассматривались в грузинском Верховном правительстве, имели статус окончательного решения и обжалованию не подлежали. Такое положение ограничивало в правах народ, который не всегда встречал со стороны новых властей понимание его интересов.

Все эти негативные элементы в еще большей степени имели место на Северном Кавказе.

У России было свое понимание справедливости и морали, нравственных ценностей, у Кавказа – свое. Первая, признавая себя образованной и культурной, считала, что пришла в страну диких племен и имеет все моральные основания устанавливать здесь свой правопорядок как более разумный и единственно верный. Второй считал, что могущественный северный сосед может здесь присутствовать, строить свои отношения с другими странами и защищать свои интересы, но не должен вмешиваться во внутренний мир этого края, ломать и менять привычный уклад жизни и его правосознание. Россия поступила так, как она поступила, – из благих намерений или исключительно из конъюнктурных интересов, – это другой вопрос. Но именно на этой почве абречество, начиная уже с XVIII века приобрело антирусский характер.

Закавказские абреки при всем сходстве со всеми имели одно отличие от северокавказских. Азербайджан, Грузия, Армения и после вхождения в состав России во многом сохраняли свою государственность и административно-политическую инфраструктуру. В органах власти, преимущественно в среднем звене и на местах, а в отдельных случаях и в высшем эшелоне русские чиновники не составляли большинства, тогда как на Северном Кавказе наблюдалось обратное в абсолютной форме. Всеми народами этого региона управляла сугубо русская администрация, при этом не лучшие посланцы России: большинство из них были нечистые на руку, проштрафившееся и коррумпированные чиновники, выгнанные за различные правонарушения из армии люди, алкоголики и взяточники. Поэтому в Закавказье, вследствие того, что в каждом бывшем царстве администрация не была чисто русской и в ней немалую долю составляли представители местной знати, не было столь массового и грозного ответного террора со стороны абреков, как это наблюдалось за перевалом, на севере.

Чтобы отдельные очаги волнений не переросли в большой пожар, Александр 1 возлагал надежды на князя Павла Дмитриевича Цицианова. В 1802 году император назначил Цицианова главнокомандующим Кавказа и четко обозначил его задачи и характер действий как главного начальника края. Относительно горских народов царь предлагал придерживаться древней, подтвердившей себя политики «разделяй и властвуй». В рескрипте на имя назначенца он подчеркивал, «...что едва ли не лучшею или не коренною политикою нашу существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие».³² Однако тут же предупреждал от перегибов и опрометчивых шагов. «Нельзя оправдать, – указывал он, – ... и поступков с ними разных чиновников и жителей наших, позволявших себе нередко отгонять их скот и делать им и другие притеснения, отвлекавших их от нас и истреблявших всякую доверенность».³³

Цицианов застал в Грузии полнейший хаос в гражданском управлении и судопроизводстве. «Закон не имеет для них никакого смысла, – доносил он государю, – а между местными князьями и русскими капитан-исправниками идут распри на том основании, что здесь князья и другая знать не привыкли и стыдятся повиноваться капитан-исправнику, родом и чином незнатному, отчего между ними постоянно идут распри. Для них все странно, для нас все ново; недостаток переводчиков усугубляет затруднение – судья и проситель не понимают друг друга, и оба остаются недовольными... Я думаю, что законы должныствуют

изгибаться по нравам, ибо сии последние едиными веками преломляются».³⁴

Чтобы исключить всякие злоупотребления и коллизии в новых методах управления, Цицианов поднял значение уже существовавших уездных начальников. Они стали именоваться окружными и получили более широкие полномочия. Власть окружного начальника стала распространяться на земскую и городскую полицию, на уездный суд, в котором он являлся председателем. Таким образом, все уездные (окружные) учреждения находились в полном подчинении окружного начальника, обязаны были исполнять его предписания, но вместе с тем «в случае противозаконных действий с его стороны» могли входить с представлением в Верховное правление, к правителю Грузии и даже к главнокомандующему. Во всех присутственных местах, то есть госучреждениях, были назначены переводчики, а уголовную и гражданскую экспедиции объединил под общим названием суда и расправы. Такую систему управления с учетом местных условий и ментальности населения Цицианов ввел на Кавказе во всех вновь присоединенных провинциях, в том числе и на Северном Кавказе. Несмотря на недолгое предводительство на Кавказе (1802-1806 гг.) вследствие внезапной его смерти, современники отмечали большие заслуги Цицианова перед Российским государством.

После Цицианова в течение каких-нибудь десяти лет на Кавказе сменились четыре главнокомандующих — граф И.Ф.Гудович, генерал А.П. Тормасов, маркиз Ф.О.Пауллуччи и генерал Н.Ф.Ртищев. Выполняя волю императора, каждый из них вносил в управление свою специфику, часто в сторону его ужесточения и при обязательном приоритете российского законодательства. В ответ на это в 1806 году князья и другие представители верхов грузинского общества обратились к самодержцу с просьбой восстановить прежний суд и вести его «по здешнему обычаю, поелику не ведаем ни русского языка, ни законов», а на место капитан-исправников вернуть наших моуравов, которые бы правили по старинке.³⁵

Спустя четыре года в 1810 году в новом послании из Грузии совсем других авторов указывалось примерно то же самое. Они отмечали, что в судах «рядом с законами царя Вахтанга изображают блаженной памяти предков Ваших императорские указы, кои нам вовсе незнакомы. Сие смешение разных указов в гражданских собственных наших делах помрачает разум наш и вводит нас в великое стеснение. Почему просим поставить с нашей воли выбранных нами судей, кои, следуя законам царя Вахтанга, не продолжая суда, с года на год будут решать дела на грузинском языке; а суду уголовному никто бы не мог быть предаваем, как только изменники и смертоубийцы. Еще просим, дабы не лишали нас моуравств, приобретенных нами от царей во взаимность службы, так как моуравы были полезны мужикам; не только защищали их и никому не давали в обиду, но и пресекали между ними споры, чем избавляли их от долгих волокит в суде и убытков».³⁶

Прошения грузинского народа возымели определенное действие. Сознал справедливость этих требований и Торма- сов. В результате с 1804 по 1810 годы Имеретия управлялась своим царем, а Российское правительство почти не вмешивалось в ее жизнь. Однако неудачная попытка Соломона в 1810 году поднять восстание против русских вернула бдительность Петербурга, и было решено ввести здесь идентичное с русским административно-территориальное деление и управление. Имеретия стала областью, поделенной на округа, с центром в Кутаиси. Областное правление состояло из правителя и трех советников — тоже русских сановников, которым в помощники назначались по два асессора из имеретинских князей. Первыми лицами в округах были окружные начальники из числа штаб- офицеров, в помощь которым по примеру области определялись двое из имеретинских князей или дворян по выбору того же округа. Областные и окружные учреждения, куда входили приказ общественного призрения, почтовая контора, врачебная управа и таможенная контора, также были смешанными, с той разницей, что в роли первых здесь иногда выступали местные представители. Суд и расправа, ведавшая гражданскими и уголовными делами, руководствовалась: по первым, то есть гражданским делам — законами Вахтанга, по другим, уголовным — «русскими законами с предоставлением приговоров по делам князей и дворян, когда они подвергались лишению жизни или чести, правителю. Подобные дела с мнением правителя восходили через главнокомандующего на усмотрение Верховной власти»³⁷- русского царя.

Привлекая к управлению Имеретией местную знать, Российское правительство создавало

себе опору не только в лице высшего класса, но и простых грузин, ублажая их национальные чувства. В 1828 году по Туркманчайскому трактату, заключенному с Ираном, Россия получила Эриванское и Нахичеванское ханства, а по Адрианопольскому договору с Турцией в 1829 году – Ахалцихскую провинцию. Для административного устройства этих территорий и других мусульманских (татарских) провинций придумывать ничего не стали: на них был просто перенесен имеретинский опыт, и управлялись они также военноокружными начальниками и наибамы в магалах.

В царствование Николая 1 к 1830 году в состав России уже входило почти все Закавказье. Это были: собственно Грузия, пять татарских дистанций – Борчалинская, Казахская, Шамшадильская, Помбакская и Шурагельская, семь провинций – Карабахская, Шльекинская, Ширванская Бакинская, Кубинская, Дербентская и Ахалцихская, четыре области – Имеретия, Мин-грелия, Гурия и Армянская, а также Талышинское ханство, земли разных горских народов вдоль Главного Кавказского хребта и земли Джарского вольного общества, образовавших Джаро-Белоканскую область. Кроме того, Абхазия и Сванетия, а в Дагестане Шамхальство Тарковское, а также Казикумухское, Аварское и Мехтулинское ханства, которые управлялись собственными владельцами, но находились под протекторатом России.

Так выглядело в общих чертах присоединенное Закавказье, и прочность его устройства была довольно сомнительной. Больше того, главноуправляющие постоянно отвлекались на военные действия, и все управление краем по существу легло на плечи не всегда образованных и достойных правителей и честных начальников из среднего и нижнего звена, которые, преследуя свои корыстные цели, злоупотребляли предоставленными им полномочиями.

Несмотря на то, что к управлению краем привлекался и местный элемент, колониальная политика царизма и тяжелый социальный гнет вызвали массовые крестьянские выступления, особенно много их было в Грузии. В 1804 году восстание вспыхнуло в Картли, в 1812-13 гг. – в Кахетии, в 1919-20 гг. – в Имеретии. Против захватнической политики царизма выступила в заговоре дворянская интеллигенция. В 1832 году наиболее реакционная часть ее настроена была восстановить престол Багратионов, демократически настроенные по примеру декабристов были за Республику или Конституционную монархию. В 30-40-е годы в Грузии устанавливается сравнительно стабильное положение, что положительно сказалось на ее дальнейшем экономическом и культурном развитии. Другое дело – Северный Кавказ. Здесь русское военное присутствие значительно превосходило другие регионы, назначенные власти чувствовали и вели себя больше как завоеватели. Они не могли проигнорировать национальные особенности, специфику разноликого края, но учитывались они постольку поскольку. Вся система управления должна была отвечать двум основным задачам – закреплению России на Кавказе и постепенному внедрению в быт и сознание горцев русского образа жизни, ломке бунтарской психологии, консервативной ментальности, перекроить горца хотя бы в полувевропейца.

Становилось очевидным, что в управлении Кавказом необходимы перемены. Одним из тех, кто активно взялся за это> был генерал Ермолов. Во многом его назначение в 1816 году главноуправляющим было вызвано именно этими обстоятельствами. На место либерала Н.Ф.Ртищева заступил человек деятельный и требовательный, с ним правительство связывало усиление российского влияния на Кавказе и первые значительные успехи по умиротворению края. Из всех, кому довелось управлять Кавказом, Ермолов был самым жестким и беспощадным. В Ермолове на удивление парадоксально сочетались талант и жестокость, жестокость, которая не всегда была на руку России в период ее южной военной экспансии. Это был служака до мозга костей, который для достижения цели не считался ни с чем, что вызвало не только недовольство, но и активное вооруженное противостояние горцев. Были случаи, когда за малейшее сопротивление местного населения, за убийство одного-двух бесчинствовавших солдат или казаков по его приказу вместо поиска виновных тут же немедленно уничтожались десятки, а то и сотни ни в чем неповинных мирных людей, а порой сносились и целые села. Такое непомерное усердие генерала невольно воскрешает в памяти справедливое замечание Талейрана о том, что «чем меньше в чиновнике рвения, тем он полезней». Несомненно, Ермолов умножил славу русского оружия и могущество России, но вместе с тем он на много десятилетий подорвал в крае доверие к ней, усилил антирусские настроения, вылившиеся вскоре в долгую Кавказскую войну, стоившей как одной, так и другой стороне десятки тысяч жизней. На ум приходит тривиальная истина: народ, которому

желают благо или хотя бы не причиняют зла, никогда не возьмет в руки оружие.

Вступив в должность главноуправляющего на Кавказе, Ермолов сразу же обратил внимание на то, что права, которыми он наделен как первое лицо в таком обширном крае, включающем Грузию, Астраханскую и Кавказскую губернии, не согласуются с его обязанностями и положением. Этот вывод он изложил в «Записке» к Александру I. Он указал, что действующие предписания чрезмерно связывают его «в свободном действии» и делают слишком зависимым от различных центральных ведомств, от Петербурга. В подготовленном проекте реорганизации управления Кавказом Ермолов ставил вопрос о передаче ему всей полноты власти на месте. Нужно «поставить министерства в сношение по всем частям с единым только мною»³⁸, — писал он. «По всем частям» означало по всем делам и только с его согласия. Было очевидно, что новый главноуправляющий, желая сконцентрировать всю власть в своих руках в угоду своим непомерным амбициям, пытается максимально выйти из под контроля центральной власти. Несмотря на желание правительства и царя значительно расширить полномочия Ермолова по сравнению с тем, что имели его предшественники, такой проект не мог быть принят Верховной властью. Вряд ли верил в это и сам автор.

Проект Ермолова об управлении Кавказом обсуждался в Комитете министров. Однако там проигнорировали «деловые соображения» и отдаленность Кавказа от центра, на что ссылался автор, добиваясь для себя особых полномочий. Ознакомившись с ходом обсуждения «Записки» Ермолова, Александр I в июле 1816 года издал специальный указ, по которому каждый вступающий в должность главноуправляющего на Кавказе обязан руководствоваться «теми правилами», которые были прописаны для предшественников. Вместе с тем, категорически запрещалось вносить какие либо изменения в сложившуюся систему управления, что дозволялось делать только в исключительных случаях, если этого требовала вновь возникшая обстановка.

Правительство сознавало, что нет правил на все времена, и после сенаторской проверки положения дел на Кавказе оно пришло к выводу о необходимости перестройки управления Кавказом. В том числе это касалось и Кавказской губернии. По количественному составу проживавшего в ней населения она не тянула на губернию за ее малочисленностью, и было решено переименовать губернию в область. Чтобы придать законность всем намечающимся преобразованиям, выработали «Учреждение для управления Кавказской областью». В нем была четко прописана вся система управления и структура административных органов с указанием их предназначений и полномочий. В 1827 году Николай I утвердил это «Учреждение», по которому Грузия, а теперь уже и Кавказская область находились в ведении Главного управления. Управление всей этой территорией осуществлялось из Тифлиса. Главноуправляющий, наделенный высшей гражданской властью в крае, был одновременно и главнокомандующим, которому подчинялись все войска, дислоцированные на Кавказе.

Принципы управления Кавказской областью были те же, что и в областях центральной Грузии: сюда механически перенесли Имеретинскую систему. Центром областного управления стал Ставрополь. Начальник Кавказской области одновременно был и командующим войсками Кавказской линии, составлявшие дивизию. Как по гражданской линии, так и по военной он подчинялся наместнику Кавказа, выступающему в обеих ипостасях. В свою очередь Кавказская область подразделялась на округа: Ставропольский, Георгиевский, Моздокский и Кизлярский. Во главе каждого из них стоял окружной начальник, тоже люди военные, которым подчинялись все воинские и казачьи подразделения округа. В ведении начальника округа находились также все «залинейные инородцы», к которым причислялись горские народы, но уже по гражданской линии.

Главная задача управленческого аппарата Кавказа заключалась в том, чтобы, с одной стороны, учитывались местные условия, национальная специфика каждого региона, с другой — максимально внедрить в новую колонию общерусские законы. Выполнение второй задачи не всегда было мирным и безоблачным, как правило, оно сопровождалось насилием и ограничением свобод и прав коренного населения. Иногда оно замешивалось на крови не только местных патриотов, выступавших против всеобщей русификации края, но и абреков, терроризировавших администрацию. Военные, привыкшие к силовым методам достижения цели, не церемонились, истязали и унижали мирное население, часто без всякой их вины, попирали вековые адаты горцев, на что те отвечали адекватно: убивали особенно ретивых чиновников, отказывались признавать насажденную силой «чужую» власть... Одними из таких сопротивленцев были абреки.

На это с первых же дней обратил внимание граф, фельдмаршал Паскевич и пришел к выводу, что в крае необходима коренная административная реформа. Во Всеподданнейшем рапорте императору Николаю I Паскевич докладывал: «С присоединением Грузии к России, составлена из оной губерния, введен образ русского правления и назначены те же места и лица, как и в России». ³⁹ Со временем под влиянием местных условий и политической конъюнктуры управление стало меняться. Изменения проходили медленно и везде по-разному. В итоге к началу второй четверти XIX века в Грузии стало столько различных форм правления, равно неудобных, — отмечал граф, — сколько и самих уездов. Часто управление поручено одному лицу, действия которых всегда почти произвольны.., наконец, что всего вреднее, власть судебная соединена с исполнительной: одни и те же лица сделались следователями и судьями собственных следствий; на произвол их оставлено наклонение и решение дела». ⁴⁰

Так было в Карталинии. Но Паскевич указывал, что и «в Имеретин порядок не лучше. Она управляется отдельно от Грузии... Командир расположенных там войск есть вместе и управляющий гражданскою и пограничною частями, имея влияние на Гурию, недавно присоединенную, Мингрелию и Абхазию, состоявшие под покровительством России. Во всей области существует одно только Временное Областное Правление. Земское управление вверено окружным начальникам, действующим независимо». ⁴¹

В подтверждение своей первоначальной мысли о том, что во вновь присоединенных на юге землях повсюду в управлении процветает самодеятельность, Паскевич приводит еще ряд примеров. Он подчеркивает, что та же Гурия управляется Советом князей под начальством русского военного чиновника, который руководствуется в делах гражданских прежними правами и обычаями, а уголовные дела переданы военному суду. В армянской области, где на первый взгляд ближайшая, местная власть находится в руках своих наибов, в помощь им приданы русские приставы. А в мусульманских провинциях и в Талышинском ханстве было чисто военное управление. И «в сем состоят главнейшие неудобства существующего управления Закавказскими провинциями, — заключает Паскевич. — Везде учреждения временные; странная смесь Российского образа правления с Грузинским и мусульманским; нет единства ни в формах управления, ни в законах, ни в финансовой системе». ⁴²

Для устранения этих неудобств была признана необходимость введения повсеместно российского образа управления и законов и отмена военного суда в гражданских делах. Существенная выгода от нового порядка, по мнению фельдмаршала, состояла в том, что «жители будут более сближаться с Россией. Находясь под покровительством одних законов, пользуясь одинаковыми привилегиями, они менее будут отчуждены от прочих частей государства». ⁴³ Фельдмаршал считал, что военное управление отрицательно влияет на образование, замедляет общий ход просвещения, тогда как «управление гражданское скорее умягчит нравы и вернее приучит к познанию взаимных отношений, общественных обязанностей и законов». ⁴⁴

Но проекты Паскевича, рассматривавшиеся и в Государственном Совете и в Особом комитете, осуществлены не были. Вновь назначенный главнокомандующим на Кавказе барон Г.В.Розен был противником введения в Закавказье умеренного гражданского управления. Разные точки зрения на управление Закавказьем побудили царя 17 марта 1837 года создать особую комиссию. Председателем ее был назначен барон Ган. Комиссии вменялось в обязанности обозначить новое административно-территориальное деление края, определить наиболее целесообразные формы и способы управления каждой его частью, составить штаты общих учреждений. В конце июля 1837 года комиссия в полном составе прибыла в Тифлис. Не беря во внимание местные особенности многонационального Кавказа, барон Ган составил проект губернской реформы по русскому образцу: разделил Закавказье на две губернии, губернии — на уезды, а последние — на участки и наделил все звенья соответствующими учреждениями со своим штатом должностных лиц и расписанием их прав и обязанностей.

Осенью того же года Николай I посетил Тифлис и потребовал доклада о состоянии реформы и дел в Закавказье. Большой угодник и редкий интриган Ган воспользовался случаем и оговорил Розена. С удалением последнего появилась возможность осуществить программу Паскевича. Но теперь перебил его сам барон. В спешном порядке в феврале 1838 года он представил свой проект в Особый комитет, который передал его государственному реформатору графу Г.Д.Киселеву с просьбой ознакомиться и высказать по нему свои соображения. В конце 1839 года Особый комитет поручил Гану, генералу Головину, восполь-

зовавшись его приездом в Петербург, а также члену Комитета С.С.Позену переделать представленный Ганом проект с учетом замечаний и предложений, которые внес Киселев.

Известный реформатор Киселев стоял на том, чтобы: 1. «Дать местностям с мусульманским населением более простое управление, не настаивая на разделении властей и применяясь к действительным нуждам и понятиям жителей. 2. В тех же провинциях не торопиться с введением российских законов, а правительственных судов не учреждать вовсе, предоставив жителям в тяжёлых делах разбираться у полицейских властей или в словесных народных судах по своим законам и обычаям; а для суждения преступников, подлежащих действию общих законов, учредить военно-судные комиссии, но при этом в определении преступлений, подлежащих уголовно-судебному разбору, допустить все изъятия, необходимые по местным обстоятельствам и применяясь к правилам, постановленным вообще для суждения инородцев. 3. В прочих местностях с христианским населением допустить в делах тяжёлых применение грузинских законов и обычаев в пределах крайне необходимых и точно очерченных»⁴⁵

Несмотря на возражения, проект Гана и Головина был принят Госсоветом, а затем утвержден царем 10 апреля 1840 года. Осуществить этот план должны были сами авторы – Головин и назначенный ему в помощники Ган. К 1 января 1841 года новое преобразование всего края, включая Северный Кавказ, было закончено. Заработавшие учреждения и штаты были идентичны с российскими. Из той же России по выбору Гана завозились молодые деятельные чиновники. Демократические элементы, содержащиеся в предыдущем проекте, были отвергнуты, местная знать отстранена от управления народом, а в судебной практике допускалось сечение розгами всех лиц податного сословия, не исключая мусульманок. Заввению предавались вековые адаты и шариат. Хлынувшая из России рать коррумпированных зазывных управленцев не справлялась с делами, волокитила их, занималась вымогательством, оскорбляла честь и достоинство местного населения, лишила их многих наследственных прав, в том числе на родовые угодья и леса.

По инерции вступивший в силу закон был распространен и на Северный Кавказ. Ганоголовинская система управления вызвала в населении ропот и волнения. В отдельных районах, как, например, в Гурии и Осетии, начались массовые беспорядки. Пришлось применить крайние, военные меры для их подавления.

Для выяснения побудивших на то причин Николай 1 направил на Кавказ Позена, а вслед за ним и военного министра князя А.И. Чернышова. На месте они воочию убедились в зыбкости правительственного механизма и в справедливости жалоб коренного населения на притеснение со стороны русской чиновничьей бюрократии. По выявленным фактам Позен составил обширный доклад в Петербург, который привел в негодование самого царя. Докладчик доносил о неудовлетворительном состоянии дел на Кавказе. Он «откровенно признавался, что преобразование не было согласовано с понятиями, верованиями, обычаями и образом жизни населения; что управление заключалось в одном только письмоводстве и, начиная с высших инстанций до низших, все только бесконечно пишут и пересылают друг другу формальные бумаги; что медленное судопроизводство крайне обременяет жителей».⁴⁶

Доклад вызвал резко отрицательную реакцию царя. «Нельзя без сожаления читать, – резюмировал он в пространной депеше военному министру, – как искажаются все благие намерения правительства теми лицами, на мнение и опытность которых, казалось, положиться можно было. Необходимо прежде всего предъявить сей рапорт Комитету министров с тем, чтобы все члены убедились как в пользе поездки Вашей и Позена, так и в непростительной неосновательности барона Гана, надменность которого ввела правительство в заблуждение и принуждает безотлагательно приступить к отмене еще столь недавно утвержденного».⁴⁷

Характеризуя русское управление Кавказом в первой половине XIX столетия, граф МА Корф подчеркивал, что все почти царствование Николая 1 ознаменовалось не только рядом «непрерывных военных действий на Кавказе», доблестных подвигов и чудес храбрости русских войск, «но и рядом непрерывных переворотов в лицах и в учреждениях существовавшего там гражданского порядка. Проходили годы в колебаниях, опытах, соображениях, предположениях, и за всем тем, после истекших из них мер, когда все казалось уже решенным и оконченным, дело возвращалось к прежней точке, т.е. к убеждению, что необходимо отменить и бросить все сделанное и приступить вновь к другим соображениям, которые, в свою очередь, имели опять тот же исход. Закон, не успевший не

только укорениться сознательно в народе, но даже и сделаться ему вполне известным, уступал место новому, которого вновь постигала та же участи- правители сменялись один за другим; издерживались огромные суммы на множество комитетов, комиссий и экспедиций, чиновников и проч., между тем как горячо желаемая правительством польза для края оставалась все недостигнутою».⁴⁸

*Князь Михаил Семенович
Воронцов*

Проведенная инспекция кавказского управления не осталась без последствий. Все дела гражданского управления были сосредоточены в Особом комитете, работа которого должна была быть так устроена, чтобы «соответствовала обстоятельствам края и действительным потребностям жителей...».⁴⁹

Вместе с тем, в 1845 году произошли изменения в высшем эшелоне власти на Кавказе. Указом царя от 27 ноября 1844 года новороссийский генерал-губернатор граф М.С.Воронцов был назначен кавказским наместником и главноуправляющим отдельным кавказским корпусом с подчинением ему Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства. Возвышение статуса главного начальника края до царского наместника свидетельствовало о том, какое значение придавал русский император своим новым южным владениям и лично графу Воронцову. Вскоре Николай I, не без основания

возлагая большие надежды на Воронцова, вскоре к его графству добавил княжеский титул.

В подчинение теперь уже князю Воронцову была передана и Кавказская область, то есть Северный Кавказ. Под его властью Кавказ находился 10 лет, вплоть до 1854 года. Много времени из них ушло на реформы в области управления и административно-территориального устройства края. По предложению Воронцова при наместнике наряду с Главным управлением были созданы Совет Главного управления гражданской частью и собственная Канцелярия, а край уже реально поделен на губернии, уезды и участки. В каждой губернии вместо нескольких уездных судов и палат гражданских и уголовных дел, был образован губернский суд с расширенной судебной компетенцией. Губернаторы, которые были исключительно военные люди, управляли и отслеживали как военные, так и гражданские дела. Уездные и участковые начальники обладали также смешанной судебной и полицейской властью.

Большое внимание Воронцов уделял корпусу чиновников, особенно его низшему звену, участковым начальникам, который ближе других стоял к народу. Видя в них больше вреда, нежели пользы, он запретил в дальнейшем вызывать чиновников «из России без особенной надобности», тем более что «ежегодно увеличивается число туземцев, получивших образование в гимназиях и других заведениях России, которые стараются о получении мест».⁵⁰

Деятельность Воронцова на поприще кавказского наместника сказалась исключительно положительно на крае и жизни его населения. Он делал все, чтобы сблизить Кавказ и Россию, пробудить и укрепить в кавказцах полное доверие к своему Отечеству. Ради достижения этой цели он устроил пароходное сообщение между Черным и Каспийским морями, развил торговлю и промышленность, занимался школами и просвещением, направлял местную молодежь в высшие учебные заведения, открыл Кавказский отдел Географического общества, положил начало изданиям газеты «Кавказ» и «Кавказского календаря», построил прекрасный театр в Тифлисе и многое другое.

22 июля 1856 года должность наместника Кавказа занял князь А.И.Бярятинский. И хотя он, как и Великий князь Михаил Николаевич, был сторонником воронцовского направления преобразований, понимал, что каждое время вносит нечто свое в экономическую и политическую жизнь, учитывать которые требуют сложившиеся обстоятельства, внутренняя и внешняя политика страны. Чтобы не отвлекать от непосредственных обязанностей Главный штаб Кавказской армии и собственную Канцелярию, Бярятинский для выработки новых хозяйственнофинансовых и административных проектов учредил при Главном управлении особое Временное отделение. Понимая, что исход всех экономических решений во многом зависит от административного устройства, он с первых же дней сосредоточил на этом

внимание всех заинтересованных служб. Ему не нравилось, что до главного начальника края восходила масса бумаг по всем делам без исключения и на нем, таким образом, тяготело все бремя распорядительной исполнительной власти. С другой стороны, с учреждением Канцелярии он лишился прежнего влияния на те дела, которые поступали в нее непосредственно. Не приносил удовлетворения наместнику и Совет Главного управления гражданской частью.

Чтобы разгрузить себя и канцелярию и четко разграничить обязанности властных и управленческих структур, 1 января 1859 года Барятинский ввел новое «Положение о Главном управлении и Совете Наместника Кавказского» и штаты. Согласно этому «Положению» начальника гражданского управления заменил начальник Главного управления, который становился ближайшим помощником наместника и руководил всеми делами. Эту должность занял бывший директор канцелярии Крузенштерн. Было сохранено Временное отделение с некоторыми видоизменениями. Затем Совет Главного управления переименован в Совет наместника, который стал заниматься не только текущими делами администрации и не столько ими, сколько более важными вопросами, исходившими непосредственно от наместника. Как видно, преобразования Барятинского носили больше организационный характер и спроектированы были под наместника, что имело целью усиление его авторитета и влияния на происходящие процессы.

Важным условием для экономического развития Кавказа Барятинский считал предоставление ему финансовой самостоятельности, чтобы исключить всякое несвоевременное поступление денежных средств из центра, поскольку такие случаи нередко имели место. Для этого он добился от правительства постановления, согласно которому все доходы Кавказа оставались в регионе и находились в полном распоряжении самого наместника. За сбором налогов и правильным расходованием денежных средств на местах по выделении их наместником должен был следить специально введенный в состав Главного управления Контрольный департамент. В ведении же империи оставались по-прежнему все военные расходы, содержание путей сообщения и дорожные работы, разведывание полезных ископаемых, пенсии и пособия чинам гражданского управления и вообще все, что не относилось к местным потребностям. В управлении Кавказом Барятинский добился такой самостоятельности, какой никто до него не имел, и подчинялся только царю.

По учреждении в 1844 году звания наместника Грузии ему одновременно был подчинен, как было сказано, и весь Северный Кавказ. По ходу военных действий решались и вопросы управления мирным гражданским населением. Так, с самого начала были учреждены Верхний пограничный суд в Моздоке и родовые суды и расправы в Кабарде. В 1852 году Воронцов ввел в крепости Грозном для суда и разбора дел между чеченцами особое управление – мехкем. Он мало чем отличался от судов, введенных еще Ермоловым в Нальчике и крепости Внезапной, разница состояла лишь в том, что председателем мехкема был русский офицер, но не комендант, а членами суда – назначаемые туземцы. Это были первые попытки привлечь к управлению наиболее представительных людей из числа коренных жителей.

На тот период двухкомпонентная система управления вытекала из самой политической и экономической обстановки. Во-первых, присутствие военной власти, опирающейся на войска, требовали боевые действия, борьба многих народов Северного Кавказа за свободу и независимость, из-за чего на покоренных территориях управление вручалось военачальникам. Правда, Чечня, ранее добровольно вошедшая в состав России, к этому времени под влиянием юридикзма находилась в состоянии войны с Россией. Во-вторых, военная администрация насаждалась и для подавления с помощью оружия возможных мятежей.

Такая чисто военная система управления была бесперспективной. Это понимала и центральная власть на Кавказе. Поэтому она привлекла к управлению народное представительство. Понадобились люди, которые умели бы разумно соединять в судопроизводстве и общественной жизни адат и русское законодательство, обходить юридические катаклизмы. Так возникла военно-народная система управления. Однако вторая ее составляющая, именуемая народной, мало что значила по сути, так как это допускалось «с тем непременно условием, чтобы выборные представители находились бы под ведением назначенного от правительства лица, которое наблюдало бы за применением адата, и не допускало бы таких, какие могли бы поддерживать политическую

неблагонадежность или же противоречили основным нравственным началам».⁵¹

Кавказская администрация все более убеждалась, что игнорирование местного элемента и опасения не оправданы и мешают углублению доверия к России, что было одной из важнейших составляющих ее внешней политики. Поэтому она все чаще стала привлекать к себе на службу положительно зарекомендовавших себя представителей коренного населения. Так, например, из жителей «мирных аулов» создавались конницы и караулы, как это было сделано в Чечне, которые должны были быть «всегда готовы на битву со своими немирными собратьями».⁵²

Продолжением этого правила явилось включение в состав русского казачества кавказских инородцев, в частности осетин. Принятые в казачье сословие, они быстро освоились в нем и вскоре стали одними из его элитных частей. Мужественным от природы и воспитанным в духе верности долгу кавказское происхождение не мешало им, присягнувшим России, честно служить во славу русского оружия и выступать даже против таких же «туземцев», как сами, как это было в Кавказскую войну с Шамилем, когда осетинские казаки дигорцы Чернойрской и Новоосетинской станиц не раз вступали в бой с его отрядами, совершавшими грабительские рейды в эти места для пополнения своих продовольственных запасов.

Одно из таких сражений произошло 3 марта 1843 года, когда на станицу Луковскую и Моздокские хутора напали шамилевские отряды числом более тысячи человек и, подвергнув их тотальному ограблению, отступили к юго-востоку от Моздока в направлении Чечни. Вдогонку им была брошена 6-я рота Горско-Моздокского полка, состоявшая из казаков указанных станиц. К этой сотне присоединились всадники кабардинцы Астемировского аула во главе с хаджи того же аула. Силы были неравны, преследователи уступали чуть ли не десятикратно. А в момент сражения кабардинская сотня, увидев, какая масса, бросив свои обозы, которые она сопровождала, развернулась и вышла навстречу им, покинула поле сражения.⁵³ Чернойрцы и новоосетинцы в этой сече, покрыв себя неуязвимой славой, потеряли более половины своих всадников, остальные — израненные и обессиленные — чудом сумели пробиться из окружения и отступить. С тех пор и поныне вот уже полтора столетия между двумя этими станицами высится огромный холм над братской могилой, именуемой «Цагди мардта».

Эта безупречная служба в интересах царской России, ставшей их новой большой родиной, продолжалась до ее последних дней, — до вооруженного переворота, совершенного кучкой большевиков в октябре 1917 года, который позднее, много лет спустя, в его двадцатилетие, в 1937 году, они, чтобы придать перевороту особое значение и узаконить откровенно нагло и цинично узурпированную у всех других левых партий власть, назвали Великой Октябрьской социалистической революцией, в которой всего то погибло шесть человек перед самым Зимним дворцом, где заседало Временное правительство, охраняемое несколькими десятками юнкеров и женским батальоном Бочкаревой. Вот вам и великая социалистическая революция?! По настоящему Великой была Февральская буржуазно-демократическая революция, ибо только она смела самодержавие, арестовала и взяла под стражу последнего российского царя, освободила всех политзаключенных, демократизировала общественно-политическую жизнь страны вплоть до провозглашения Российской Республики.

После пленения Шамиля в 1859 году Барятинский вновь вернулся к делам по устройству Северного Кавказа. Кавказская военная линия, учрежденная еще Екатериной II, в 1860 году была реорганизована. На Северном Кавказе образовались две области — Кубанская и Терская — по бассейнам рек Кубани и Терека и соответственно с этим Кубанское и Терское казачьи войска. А вскоре, в 1865 году был создан Кавказский военный округ,⁷⁴ который кроме двух названных областей вошли еще Дагестанская область и Ставропольская губерния.

Командующие войсками этих областей являлись Наказными атаманами, в их руках было сосредоточено все управление, как казачьим населением, так и горским, проживавшим в пределах своих областей. Однако управление всем этим миром было раздельное. Для этого области поделили на округа и отделы. В округа входили территории, населенные горцами, в отделы — земли, занятые казаками. Такое обособление было специально предусмотрено правительством и имело целью уберечь казачество от «разлагающего влияния местного населения и сохранения и поддержания его боевого духа и надежности». А округа, поскольку

они были полиэтничными, назывались по имени проживавшего на данной территории народа: Осетинский, Кабардинский, Ичкерийский и т.д. Затем со временем отказались от национальных названий и перешли к более удобным территориально-топонимическим и каждый округ уже стал именоваться в зависимости от его административного центра: Осетинский округ стал называться Владикавказским, Кабардинский – Нальчикским, Ичкерийский – Грозненским, Ингушский – Назрановским и т.д. Позднее в Чечне добавился и Веденский округ с центром в крепости Ведено.

Покончив с чисто административно-территориальным устройством Северного Кавказа, Барятинский принялся за внутренние преобразования. Как умный стратег он придерживался золотого правила – не возбуждать против себя и России горцев хотя бы там, где это для России ничего или мало чего значит. Таким ранимым местом у народов Северного Кавказа он считал их веками сложившийся образ жизни и менталитет и во всех своих государственных мероприятиях пытался меньше всего их касаться. Он был гибок в действиях и выборе способов, но непреклонен в выполнении возложенных на него задач. Стараясь сохранить в целом обычаи горцев, он направил свои усилия на ограничение мусульманского духовенства и шариатских судов и ввел словесные суды, которые по своему свойству ближе стояли к общероссийскому судопроизводству и могли постепенно слиться с ним. Горские словесные суды, основанные на адатах и осуществлявшие свою деятельность на языке данного народа, рассматривали незначительные гражданские иски. Вне их юрисдикции оставались уголовные и важные гражданские дела. Для их рассмотрения были учреждены окружные и уездные суды. Как видно, царское правительство сохраняло за собой наиболее эффективные, ключевые рычаги управления горцами и все более привязывало к России, частично лояльный, а в преобладающем составе тянувшийся к ней заманчивой, экзотичный Юг.

После административных преобразований одним из важнейших задач Барятинский считал ликвидацию хаоса в судебных учреждениях кавказских народов и создание единой общекавказской судебной системы. «Я не мог, – всеподданнейше доносил он царю, – не обратить внимания на эту часть управления, от благоустройства которой зависит не только упрочение личных и имущественных прав граждан и спокойствие их, но и само нравственное влияние правительства между народами здешними... Я не оставляю употреблять все способы, в распоряжении моем состоящие, дабы дать возможную полноту и удовлетворительность работам, предпринятым мною с самого начала вступления моего в управление и совершающимся под ближайшим моим руководством».⁵⁴

В развитии государства идее единства как реформистского принципа Барятинский придавал важнейшее значение. И приоритетным направлением в его повседневной политике он считал достижение единства религиозных воззрений во всех его субъектах. «Но если в сфере религиозной установится единство, то и другие сферы общественного организма проникнутся тем же духом единства, ибо в народе, стоящем на первой ступени цивилизации, религия есть тот рычаг, посредством которого двигается вся жизнь общества».⁵⁵

Таким образом, из сказанного выше можно сделать следующий вывод: государственное и политическое устройство Закавказья и Северного Кавказа в целом проходило трудно и долго. Административно-территориальное деление и система управления менялись не только с каждым новым этапом в отношениях между Россией и ее южной колонией, Кавказом, но и с каждым новым наместником. Выдвигаемые проекты и сами преобразования не всегда и не в полной мере учитывали местные условия и национальные особенности многоликого, полиэтничного края. Механический перенос сюда русского законодательства, административного устройства и управления было не самое мудрое решение, отсюда непонимание всего этого местным населением. Вновь назначенный наместник, поправляя и дополняя предыдущего, хотя все они руководствовались единой задачей как можно крепче привязать Кавказ к России, вносил свои элементы в управление, и исполнительная власть на Кавказе перестраивалась с учетом новых акцентов.

В еще более затруднительном положении оказывалась администрация на местах, вынужденная изворачиваться между обычаями и традициями многонационального и поликонфессионального коренного населения и русскими законами, подлежащими обязательному применению. Она обязана была найти пути и средства их «полюбовного» органичного соединения, то есть достичь того, что сегодня назвали бы консенсусом. Однако так получалось не всегда, ибо внедрять русские законы в социальную среду людей, имеющих

только чисто внешне схожий образ жизни, а на деле разнящихся своей психологией, уровнем культуры и менталитетом было совсем непросто. Заявления первых лиц империи и фаворитов двора о том, что успех всякого дела, на Кавказе зависит от гибкости России и степени учета ею местных обычаев и национальных особенностей его жителей, были больше декларацией, игрой в гуманных покровителей. И как до этого, во времена боевых действий давило военное управление, так оно продолжалось и при военно-на- родном управлении, ибо вся власть находилась в руках все того же военного начальства, в роли которого нередко выступали чиновники-скалозубы.

Неудачные эксперименты высшего кавказского начальства по части гражданского управления и недобросовестное исполнение своих обязанностей окружными и уездными исправниками вынудили правительство Чернышева еще в 60-е годы XIX века передать его военному ведомству, в руки строевых штаб и обер-офицеров с предоставлением им права замещать по своему усмотрению всю администрацию на подчиненной территории. Этот порядок в полной мере просуществовал вплоть до первой российской революции 1905-1907 гг., которая заставила сделать систему управления на Кавказе более либеральной. С этого времени в системе управления, особенно в нижних звеньях администрации, заметно увеличился кавказский элемент. Отдельные пророссийски настроенные горцы поднимались и до среднего звена, становились начальниками участков и даже округов, а сельские старшины вообще стали выборными.

Во многом этим переменам способствовали успешное продвижение российского капитализма на богатый недрами и другими ресурсами Юг.

В конце XIX века буквально на глазах, стали развиваться индустриальные – Ростов, Новороссийск, а также Владикавказ и Грозный Терской области. Возникший в военно-стратегических целях Владикавказ превращается в центр административной, политической и культурной жизни Терской области и оказывает «неотразимое влияние на все условия общественной жизни всего Северного Кавказа».⁵⁶ Особенно быстрый рост Владикавказа обусловили его выгодное расположение на путях в Грузию и Закавказье, а также работы, начатые в 70-80-х годах XIX века по улучшению и расширению Военно-Грузинской дороги в связи с войной России против Турции, и в особенности – постройка железной дороги Ростов – Владикавказ.

В 1894 году железная дорога протянулась через Беслан до станции Петровская (Махачкала). Выход Владикавказа к морю значительно увеличил грузооборот. Вырос вывоз хлеба, вина, нефти, шерсти, дров, рыбы и т.д., что стимулировало их производство и добычу. «Железная дорога открыла новые перспективы дальнейшего развития края, развязала руки деловым людям, товариществам, коммерческим объединениям. На юг, и в частности в Терскую область, хлынул русский и иностранный капитал. В 1896 году бельгийцами было создано горно-промышленное химическое общество «Алагир», на средства которого были построены Садонские рудники и Алагирский серебряно-свинцовый завод. Возникают рабочие поселки Садон, Мизур, а в Дигорском ущелье – Фаснальская обогатительная фабрика, принадлежавшая также бельгийскому капиталу».⁵⁷

Прочное место в экономической жизни страны стала занимать нефть. Грозный, бурно развиваясь, превращается во второй по величине и стратегическому значению город области. А уже в первом десятилетии XX века по своему промышленному росту, численности и организованности пролетариата Грозненский нефтепромышленный район занял второе (после Ростова) место на Северном Кавказе.

В ряду обязательных и неотложных дел русской власти на Кавказе были как хозяйственные, так и общекультурные мероприятия: развитие горнодобывающей и нефтедобывающей промышленности, цветной металлургии, лесного и сельского хозяйства, рыбного промысла, подъем образования и здравоохранения, строительство дорог и мостов и т. д. В последней четверти XIX и начале XX вв., в период настоящего бума капиталистического развития в России, экономические проблемы, входившие в первую группу задач на Кавказе, как и в метрополии, решались властями с особым усердием: крупнейшую сырьевую базу Юга необходимо было скорей интегрировать в хозяйственную структуру страны. Индустриализация этого края вызвала бурный рост городского населения. Если в центральной России за тридцать пореформенных лет с 1867 по 1897 годы оно выросло примерно вдвое, то на Северном Кавказе согласно Всероссийской переписи 1897 года – более чем в три раза.

Немало делалось и по культурному развитию региона. В частности на Северном Кавказе, где с грамотностью дело обстояло хуже всего, стали открываться церковно-приходские школы и даже семинарии, женские пансионы для горянок, учреждения призрения нуждающихся и благотворительные фонды, фельдшерские пункты в райцентрах и даже больницы.

Все это постепенно преображало облик Северного Кавказа. Медленно, но заметно менялся быт, психология и менталитет аборигенов. Произошли изменения и в политических воззрениях, особенно в среде талантливой северокавказской интеллигенции, быстро растущей численно и влиятельной в своей национальной среде. Эти качественные изменения в жизни простых людей, в прошлом руководствовавшихся только своей самобытной моралью, адатами предков, вместе с той борьбой, какую вели русские власти здесь с пережитками прошлого, а воинские части — по ликвидации абречества, грабежей и разбоев, наведению порядка и спокойствия в крае, дали определенные результаты: росла лояльность к русской администрации, вера в справедливость ее решений, в добрых намерениях и искреннем желании помочь местному населению избавиться от многовековой безысходности и национальной замкнутости.

Однако за всем этим стояло тяжёлое военное и административно-полицейское иго.

Как уже было сказано, в 1860 году была упразднена Кавказская линия, просуществовавшая более 100 лет, и всё пространство к северу от Главного Кавказского хребта стало именоваться Северным или Центральным Кавказом. А в 1865 году по проекту Барятинского на Северном Кавказе были введены «Положения и штаты военно-народных управлений», которые предусматривали продолжение военной экспансии в кавказском крае и «устройство гражданского быта населения». Но, как выяснилось вскоре, в предложенной системе управления мало было народного. Вместо ранее введенных приставов, которым поручалось управление целым отдельным народом, и даже не одним, были поставлены начальники округов, тоже военные с теми же полномочиями.

Экспансия России просматривалась и в названиях военных укреплений на Кавказе, как-то: Преградный стан, крепость Грозная, Внезапная, а также станиц, коим дали имена генералов-за-воевателей, — Ермоловская, Слепцовская, Нестеровская и др. Эта военно-стратегическая линия России в ходе Кавказской войны стала основой и гражданского управления. Русское правительство отказалось от традиционных форм управления и склонилось к волевому насаждению на новых территориях военно-административного аппарата, все звенья которого сверху донизу состояли только из русских назначенцев. Выработанное же веками общественное самоуправление горцев, как ненужный придаток, было предано забвению. Вновь учреждённый порядок назначения в сёлах правительственных старшин, их помощников и других «народоправцев» низшего звена продержался вплоть до первой российской революции, благодаря которой в числе таковых появились и народные избранники, а должности начальников округов и участков, которые обязательно могли занимать соответственно только полковники, подполковники да штабс-капитаны, оставались преимущественно русской вакансией до самого свержения самодержавия в феврале 1917 года.

Но имперских идеологов и это не устраивало. Им хотелось заполучить такой Кавказ, от которого осталось бы одно только географическое название и где «русской народности должно быть отведено подобающее (читай — особое, исключительное — авт.) место. Тогда и только тогда власть русского государства будет прочно утверждена на Кавказе»⁵⁸, — признавался автор, пожелавший остаться инкогнито. Вслед за ним профессор-сударствовед Н.М.Коркунов предлагал установить в крае еще «более сильную власть, наделённую особыми полномочиями»⁵⁹, считая совершенно недостаточным то, что есть. К сожалению, этот труд служил учебным пособием не только для студентов юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Содержание на Северном Кавказе вплоть до Февральской революции огромных вооружённых сил наложило отпечаток на управление краем. Кавказская администрация и после окончательного завоевания Кавказа еще долгие годы смотрела на свою миссию, как на продолжение кавказской войны. Поэтому она состояла исключительно из военных, и только русских, особенно ее верхний эшелон. В их руках находилась вся полнота власти. Так, например, во главе Терской области стоял начальник области, который одновременно был наказным атаманом Терского казачьего войска с правами командира дивизии. В части же

гражданского управления ему принадлежали «все права и обязанности, присвоенные губернаторам».⁶⁰ А по большей части — генерал-губернаторам, поскольку начало XX века вплоть до самого свержения самодержавия Терская область находилась то на военном, то на чрезвычайном положении.

Особенно ударная роль отводилась казачеству после известного директивного заявления Александра 11, нацелившего военные ведомства и весь бюрократический аппарат на «завоевание Кавказа путём его колонизации».⁶¹

Этой программы придерживался в новых условиях и продвигал дальше его внук Николай II, хотя с тех пор прошло более четверти века.

Колониальная политика царизма и антирусская пропаганда духовенства, игравшая на антиколониальных чувствах горцев, доводя их до фанатического исступления, а также захватнические устремления по отношению к Кавказу ирано-турецких завоевателей и англо-французских колонизаторов были главными причинами того, что между горцами и казаками царил дух ненависти и вражды, а временами происходили и острые вооруженные столкновения.

Больше того, царские власти и местная знать сами сознательно поощряли и провоцировали подобные конфликты. В начале XX века генерал-губернатор Терской области А.С. Михеев в своем очередном отчете Николаю II указывал, что столкновения чеченцев и ингушей с казаками наносят значительный материальный ущерб и проходят с большими человеческими жертвами.

На следующий день с собственноручно наложенной Николаем II визой этот отчет поступил в канцелярию Его Императорского Величества, которая дала ему ход в соответствующие военные ведомства. Виза гласила: «По моему мнению, именно это соседство и поддерживает в терских казаках их старую дедовскую удаль, а посему принимать меры к смягчению обстановки нет никакой надобности».⁶²

Поставленная царями задача выполнялась без учёта возможностей края и с таким усердием, что местная администрация оказалась в крайне затруднительном положении. Бывший тогда начальником Терской области граф М.Т. Лорис-Меликов (1863-1873) писал, что «стеснённость территории, происшедшая от водворения в пределах области 100 тысяч казачьего населения поставила большую часть туземных племён в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта».⁶³

Массовое и быстрое заселение Северного Кавказа казачьим населением было предусмотрено русским правительством ещё в XVIII веке. Оно воздвигало из казачьих станиц живой оплот на своих южных окраинах, оплот, который должен был сперва «оградить спокойствие внутренних провинций от горцев, а затем стеснить и задавить их на собственных землях».⁶⁴ В качестве следующей меры после заселения края казаками ставилась триединая задача, направленная на: 1) окончательное умиротворение, 2) усмирение навсегда, 3) истребление непокорных».⁶⁵ К последним относились и те абреки, которые не признали русскую власть и терроризировали её.

В 1876 году в Петербурге было издано «Учреждение управления Кавказского и Закавказского края». В этом своеобразном циркуляре давалась схема административно-территориального устройства Северного Кавказа, регламентировались права и функции Кавказского наместника и других должностных лиц. Глава шестая, посвящённая Терской и Кубанской областям, вновь подтвердила широкие полномочия их правителей.⁶⁶

Новое управление должно было «примирить два разнородных требования от будущей администрации: она должна быть казачья и в то же время общая, как для населения казачьего, так и для превосходящего его, более чем вдвое численностью, горского».⁶⁷ Наконец, приказ № 90 от 16 апреля 1888 года по военному ведомству окончательно милитаризовал управление: всё административное и полицейское управление Кубанской и Терской областями, за исключением корпуса жандармов, в полном объёме передавалось из министерства внутренних дел в ведение военного министерства.⁶⁸

С этого времени не только в двух указанных областях, но и на всём Северном Кавказе был установлен военно-полицейский режим, который, с некоторыми послаблениями в период всенародного восстания 1905-1907 годов, существовал вплоть до свержения самодержавия и образования Временного буржуазного правительства. В результате первым лицам новой власти, согласно «Учреждению...» 1876 года были предоставлены такие широкие права, особенно в отношении коренного населения, что начальник области за малейшую провинность мог

Граф И.И. Воронцов-Дашков

беспрепятственно арестовать и даже сослать любого, кто был ему негоден. Одним из тех, кто испытал это на себе, был народный заступник, поэт и публицист Коста Хетагуров, высланный наказным атаманом Терского казачьего войска генерал-лейтенантом С.В.Кахановым за пределы области в Херсон только за то, что подвергал резкой критике его деятельность и заступался за обездоленных. Несмотря на это, верноподданническая служба самого наказного атамана была отмечена тем, что в 1894 году станица Умахан-юртовская была переименована в Кахановскую.

Всё начальство на местах, начиная с начальников округов и кончая старшинами сел, желало быть много лучше и не выдерживало никакой критики. Оно назначалось преимущественно из числа выгнанных из армии офицеров высших и низших званий, а нередко и уголовных преступников. Это были взяточники и конокрады, насильники и вымогатели, которые на свои должности смотрели как на источник наживы и меньше всего занимались своими прямыми обязанностями. Как не справлявшиеся с ними и уличенные в коррупции начальники участков заменялись до трех-четырех раз в год, а старшины — от 3 до 5-6 раз в каждом населенном пункте.

Характеризуя личный состав кавказской администрации, один из аналитиков русской реформаторской деятельности Г.Г.Евангулов отмечал, что в то время, как в рядах кавказских войск в николаевскую эпоху находился цвет русского общества, в рядах кавказского чиновничества первого призыва мы видим «почти сплошь неудачников и мелких карьеристов, соблазненных преимуществами службы на далёкой окраине». ⁶⁹ Чтобы не накалять обстановку, не уронить совсем престиж русской власти на Кавказе, со временем проштрафившихся стали изгонять со службы. Но и их последователи, чиновники «второго призыва», в начале XX века были не лучшего образца: процветали тот же карьеризм, те же стяжательство и алчность. ⁷⁰

Нелестную оценку составу и деятельности кавказской администрации дал и сам наместник граф И.И. Воронцов-Дашков, один из талантливых и здравомыслящих либералов России. В 1907 году, по случаю двухлетия своего правления на Кавказе, он докладывал царю во «Всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем», что «местная администрация.., будучи оторванной от местных интересов.., оказывалась не в состоянии разобраться в причинах совершающегося». ⁷¹

Он был одним из самых лояльных к кавказским народам наместников, прямым антиподом тщеславному и жестокому Ермолову. Касаясь революционного движения 1905-1907 годов, совпавшего с его правлением, он отмечал, что «принятые репрессивные меры способствовали и способствуют подавлению отдельных проявлений недовольства, выражаемого в формах, угрожающих общественному и государственному правопорядку, но самого недовольства, порождающего революционно* движение, они не устраняют. Более того, благодаря неумелому; иногда пользованию администрацией представленными ей исключительными полномочиями, с некоторым уклонением t сторону производства, это недовольство даже расширяется». ⁷²

Наряду с бездарностью местной администрации причин) во всём происходящем наместник видел и в полном игнорировании правительством интересов кавказского населения, отчего зачастую оно меняет акценты своей борьбы не в пользу властей. «Действительно, — писал Воронцов-Дашков, — перенесение крестьянской вражды против помещиков на административных властей и недовольство государственным строем⁷² даже без содействия революционной пропаганды, могло само собою возникнуть в представлении населения, видевшего только полное отсутствие заботливости о его нуждах со стороны правительства, не издавшего за 35 лет ни одного законоположения (кроме закона о хижанах), которое изменило бы к лучшему крестьянский быт». ⁷³

В государственных архивах отложились сотни дел, в которых указывается, что «громоздкое число преступлений обяаны своим существованием преступности самой администрации и её скверному управлению». ⁷⁴ «Охранители благополучия горцев», как сообщают нам документы, — это в основном «заведомые преступники, бывшие лакеи и сыщики, — лица, которые в более

отдалённые времена и близко не допускались к общественным делам».⁷⁵

Эта легкомысленно и безответственно подобранная рать преступных режимников была еще и безнравственна. Великий осетинский поэт-демократ, бесстрашный и неистовый защитник кавказских горцев Коста Хетагуров в публицистической статье «Неурядицы Северного Кавказа» писал: «Легко себе представить, каким авторитетом пользуются в туземных аулах старшины из казачьих урядников – в большинстве случаев постоянно пьяные и омерзительно непристойные в выражениях».⁷⁶

Граф Н.И. Евдокимов

Вот отдельные примеры преступлений русской администрации на Северном Кавказе, в частности в Терской области. Полковник Эглау, бывший начальником Владикавказского округа (территория нынешней Северной Осетии – Алании – авт.) в течение 12 лет с 1865 по 1877 год, за растрату 17 тысяч рублей штрафных сумм и другие служебные преступления был осуждён на 15 лет и сослан в Томскую губернию. Полковник Голубев, заподозренный в соучастии с грабителями почты, был переведён в Веденский округ, а

затем предан суду за воровство. За растрату 8.000 рублей был уволен со службы подполковник Мищенко. Помощник начальника округа Пахатинский за служебные преступления был осуждён на 15 лет. Осуждён и другой помощник Семёнов за растрату общественных денег. Третий помощник Макаев после возбуждения против него судебного преследования за взяточничество и вымогательство предпочёл смерть судебному разоблачению и отравился. Полицмейстер гор. Владикавказа Котляревский, переведённый на должность начальника Назрановского округа, состоял в отряде абрека Зелимхана и, уличённый в разбоях, застрелился. В народе также долго помнили о «знаменитом трио» мародёров-грабителей начальников участков Оржеховском, Антоновском и Якубовском.⁷⁷

Насаждавшийся на Кавказе режим обретал черты ещё большего уродства, как уже отмечалось, из-за случайных и нечистых на руку, продажных «правителей», невесть откуда взявшихся. Это признавали и наиболее здравомыслящие высокопоставленные чиновники, придерживавшиеся сравнительно гуманных взглядов: начальники Терской области П.Д.Святополк-Мирский, М.Т.Лорис-Меликов, генерал-адъютант, граф Евдокимов, наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков. Они смело привлекали к административной службе людей из местной интеллигенции и офицерства и делали это не из особых симпатий к коренному населению края, хотя нельзя исключить и этого, а от того, что были уверены, что горец, если ему оказано доверие, с честью выполнит свой долг, чего бы ему это ни стоило, и не допустит публичного позора каким либо недостойным поступком. Для него честь превыше всего. И выгоды от его службы для России значительные, поскольку в своей среде он наилучшим образом справится с любым делом.

Генерал-адъютант, граф Николай Иванович Евдокимов, отличавшийся глубоким знанием Кавказа и его обитателей, утверждал: «Мне нужно только убедиться, что у черкеса хорошая голова на плечах, и тогда в управлении над туземцами я дам всегда ему предпочтение перед русскими; это потому, что в жизни туземцев есть неуловимые оттенки в их обычаях для русского ума; нарушение этих обычаев влекло за собою печальные последствия, за которые мы неоднократно платились. Русскому чиновнику, хотя и умному, нужно много прожить между туземцами, чтобы изучить все точности народных обычаев, а до того он сделает много ошибок, чего избегнет черкес».⁷⁸ Уроженец станицы Наурской Терской области и всю свою службу и жизнь проведший на Северном Кавказе с 1820 до самой смерти в Пятигорске в 1870 (1873) году как никто другой знал психологию и характер здешних народов, постоянно общаясь с ними.

Русские власти постепенно проникались пониманием полезности таких подходов. Как признавался генерал Абрамов, «Гражданская политика русских властей... не мешала вожделениям туземных князей, руководимая соображениями, что привлечением на русскую сторону влиятельных туземцев можно достигнуть благотворного влияния последних на мирные и немирные племена и тем дать нам бескровные завоевания».⁷⁹

Однако царизм в общем не очень утруждал себя поисками лучших способов управления краем, в которых бы учитывались особенности многонационального Кавказа или хотя бы

предусматривался баланс взаимных интересов. Имперский шовинизм довольно хорошо играл на национальных и религиозных чувствах, культивировал вражду между горцами и казаками и между самими горцами. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», он смешивал народы, чтобы разрушить их родоплеменные связи, этническую целостность и таким образом ослабить сопротивление, как это было сделано с абазинами. Небольшой народ, составлявший в 1878 году всего 9.369 человек, был расселён по кабардинским, черкесским и ногайским сёлам, которые в свою очередь сами были этнически разбавлены, из-за чего у всех этих народов языком общения стал русский. А вот другой пример, теперь уже из Кубанской области. Здесь из 65 аулов не было ни одного, который был бы населён одним народом. В ауле Кошехабль Майкопского уезда из 1485 жителей было кабардинцев 933, абадзехов – 181, абазинцев – 216, ногайцев – 27, бесленеевцев – 115, мехошевцев – 8, шапсугов – 5. В ауле Хатажу-каевском того же уезда из 2470 жителей кабардинцев насчитывалось 51, абадзехов – 734, бжедухов – 20, шапсугов – 150, мехошевцев – 6, бесленеевцев – 8 и т.д.⁸⁰ Языком общения и в этом случае мог быть только русский язык. Так происходила скрытая насильственная русификация малых кавказских народов, за чем должна была последовать и их полная ассимиляция, хотя чисто внешне как будто и не навязывался им русский язык. Так решался и этот стратегически важный вопрос, предусмотренный общим курсом умиротворения края.

С другой стороны, отводя русскому казачеству роль ударной и умиротворяющей силы, царское правительство отобрало у горцев Северного Кавказа значительные территории и отвела их под станицы, расположив последние клинообразно до самых подножий Кавказского хребта. Через весь Северный Кавказ с севера на юг протянулось несколько казачьих линий-клиньев. Таким особым расположением станиц царизм стремился изолировать народы друг от друга и даже рассечь надвое один и тот же народ, чтобы исключить или хотя бы помешать единению их, которое в определенные исторические моменты может сработать против России, против ее утверждения на Северном Кавказе. Так, например, станицы Николаевская, Ардонская, Змейская, Архонская, Тарская, образуя сплошной казачий клин, разделили Владикавказский округ, ныне Республика Северная Осетия-Алания, на две части. Точно также казачьи станицы Сунженской линии полностью изолировали юго-западную часть Грозненского округа от его остальной территории.

При этом горцы лишены были права свободного перемещения через «казачьи земли» и станицы. Все это создавало как управленческие, так бытовые неудобства, затрудняло экономические, культурные, и другие связи между отдельными частями области, заметно ограничило общение родственников, оказавшихся по разные стороны казачьих станиц. Горцам не всегда разрешалось селиться по своему выбору даже в пределах своего округа. Законом 14 мая 1893 года горцам без каких либо чинов и званий, не занимающим никаких гражданских или военных должностей, запрещалось селиться в г. Грозном, слободах Воздвиженское, Шатое и в Ведено, приобретать там недвижимое имущество, а тем, кто уже успел им обзавестись, предлагалось продать его в течение года, в противном случае ею завладевала казна.⁸¹ 30 сентября 1894 года наместник «в видах обуздания хищнических наклонностей туземцев Терской области и для лучшего обеспечения личной и имущественной безопасности нетуземного населения», издал «Временное положение...», в котором были предусмотрены жесткие меры борьбы с нелояльными горцами. Налицо неприкрытый шовинизм, циничное деление людей на своих и чужих. Отсюда и разные подходы к ним.

По примеру высших кавказских властей поступала и не желавшая отставать от них местная администрация. В 1896 году начальник Терской области генерал-лейтенант Семен Васильевич Каханов издал бредовое распоряжение, по которому туземцам Владикавказа не разрешалось выходить из своих жилищ после солнечного заката. Другим распоряжением он запретил горцам одного округа арендовать земли в пределах другого, чтобы не пересекались ими казачьи земли, а станицы уберечь от возможного разбоя. Ещё не были отменены эти законы, как 6 октября 1910 года был издан новый приказ, теперь уже другим начальником области, А.С.Михеевым, категорически воспрещавший въезжать кому бы то ни было из туземцев в ночное время в казачьи станицы.

Установленный военно-полицейский режим проявлял себя во всём и всюду. Всякое законное требование населения, защиту им своих прав, особенно если это исходило от группы людей и носило настойчивый характер, местные власти квалифицировали как бунт, а самых активных его участников бросали в тюрьмы, ссылали в Сибирь или на безлюдный остров Чечень в Каспийском море. Широко практиковались массовые расправы, экзекуции, облавы, обыски целых сёл, налагались контрибуции, устраивались многомесячные посты воинских частей в сёлах. После каждой такой карательной акции горцы долго не могли придти в себя, восстановить хозяйство, войти в привычный образ жизни.

Вопрос о положении на Кавказе всегда стоял остро. Власти обсуждали его на самых разных и самых высоких уровнях, в том числе и в правительстве. Вынесен он был, как уже отмечалось, и в Государственную думу в 1908 году вследствие депутатского запроса. В нём выражалась тревога по случаю разыгравшихся смут, грабежей и разбоев на почве попустительства, как казалось думским авторитетам, кавказской администрации. Однако весь ход обсуждения вопроса о положении на Кавказе был направлен не на устранение причин, породивших его, – разрешение аграрного вопроса и демократизации геополитики в целом, а против грабежей и разбоев, вносящих дискомфорт в жизнь тех, кто явился сюда в поисках земного рая.

Естественный прирост населения, отвод земли казакам, чиновникам, закупка её наиболее состоятельной частью иногородних совсем обезземелили горцев. Из года в год уменьшающиеся наделы не могли обеспечить достаток в семье. В России, где земля была более плодородной, продовольственная норма составляла от 7 до 15 дес. Но и эту норму Ленин считал недопустимо малой и писал, что русский крестьянин «на таком «наделе» не может жить, а может только медленно умирать». Что же тогда можно сказать о кавказских горцах? Продовольственная норма в Терской области, самом густонаселенном регионе Центрального Кавказа, вместо установленных 5 десятин пашни и другой обрабатываемой земли (что было в 3 раза меньше российской) у абсолютного большинства горцев в начале XX века в силу естественного прироста населения и притока огромного числа мигрантов из центральных губерний России и Украины, а также заселения казаками самых лучших земель, не превышала 2-2,5 десятин. Так было на равнине. В нагорной же полосе дела обстояли еще хуже. Там «кошачьи наделы» не выходили за десятые доли и равнялись 0,1, 0,2, 0,3, 0,4, 0,5 десятины. На таком лоскуте крестьянин-горец еще больше был обречен на вымирание. А если к этому прибавить тяжёлый капиталистический и колониальный гнёт, то вообще жизнь становилась сплошной мукой.

Указывая на причины освободительного движения в Северной Осетии, известный революционер-эсер, А.Цаликов писал: «Если где существует малоземелье, то это в горной Осетии, – если где царствует полный административный произвол, то это среди горцев Кавказа».⁸² Но этим не ограничивалось заботливое (?) управление царской администрации: в ход пускали войска, палили из пушек по домам. Что можно ожидать от любого народа после этого. В итоге, заключает Цаликов, «Осетины уже начинают оправляться от паники, наведенной на них отрядами генерал-губернатора Колюбакина. Они получили целый ряд наглядных политических уроков и окончательно поняли доброжелательность правительства».⁸³

А вот еще одно свидетельство того, что собой представляли власть в Терской области (хотя это можно отнести и ко всему Северному Кавказу) и те, кого она привлекала к управлению и поддержанию общественного порядка. Свидетельство современника, присяжного поверенного, уполномоченного Ольгинского сельского общества, 2 участка, Владикавказского округа Гаппо Баева. В докладной записке начальнику Терской области он пишет: «Многолетний опыт показал, что существующие в нашем крае восемь сотен милиции, поглощая ежегодно 160 тысяч, оказали делу охраны и борьбы с хищничеством очень мало пользы; напротив, они даже послужили к развращению горской молодежи; всем известно, что были случаи участия милиционеров в разбоях и грабежах. Будучи вольнонаемными людьми, могущими каждую минуту бросить службу, они за проступки, совершенные на службе, наказуются не как нижние чины армии, а как частные лица; наконец, мизерное жалованье, 10 руб. в месяц – человеку с конем, привлекает на эту должность один бездомный сброд...» И как патриот, болеющий за положение дел у себя на родине, предлагает способ исправления его: «Без ущерба для дела охраны области можно сократить численный состав милиции до 4 сотен, увеличив оклады этим сотням, с привлечением людей по выбору и с введением более строгих правил об их ответственности».⁸⁴

Все это удивительно походит на наши дни, когда разросшаяся милиция, насчитывающая в Республике Северная Осетия – Алания более 10 тысяч личного состава, мало что делает, как и мало получает.

Еще один пример несостоятельности и порочности местной администрации приведен в жалобе жителей селения Тлатовского (ныне гор. Беслан) о незаконных действиях начальника 2-го участка Владикавказского округа штабс-капитана ПХанжалова. В жалобе говорится, что «вся его премудрость состоит в страсти к приобретению и наживе, а любви к истине ни на грош. Подобные личности, – пишут они, – употребляя еще при этом во зло свою власть, пагубно влияют на окружающую их среду подчиненного люда и приносят в жертву очень часто невинных лиц, а потому заслуживают строжайшего возмездия, кары закона. Между тем Г.Ханжалов и в ус не дует – он спокойно творит беззакония.., берет себе не только не взяточки, а солидные взятки по несколько сот рублей в каждый раз и для этой корыстной цели властью своею уничтожает безжалостно все, что на пути встречается препятствием».⁸⁵

Не желая больше мириться с такой экономической и культурной запущенностью края, бездушностью администрации, терпеть насилие и произвол властей, кавказские горцы боролись. Боролись мужественно, стойко, по своему, как умели. Одни захватывали земли, лесные и покосные угодья. Другие, отчаявшиеся, за бесценку продавали всё, что связывало с деревней, и уходили в города и на промыслы. Третьи, наиболее экспансивные и смелые люди, предпочли вооружённую борьбу, месть за отобранную землю, узурпированные права, унижения и оскорбления. Самой распространённой формой этой борьбы с властями в лице местной администрации, феодалами-землевладельцами и сельской буржуазией были крестьянские выступления. На втором месте после них шел индивидуальный или групповой террор в лице абреков.

Люди, вставшие на этот путь, сознательно обрекали себя на скитания и лишения, какие могут быть у отшельника, жителя пещер, горных тущоб и лесов. Они выносили смертный приговор не только своим противникам, но и себе, понимая, что после первого же убийства назад к мирной жизни дороги нет. Впереди отныне может быть только дуэль, дуэль не по правилам, дуэль одного с десятками солдат или казаков, не сулящая ничего, кроме смерти, и больше напоминающая охоту на зверя. Но это был осознанный выбор.

В заключение следует ещё раз подчеркнуть, что абречество – это сложный социальный феномен, получивший самое широкое распространение на Кавказе. Менялись исторические эпохи, изменялась и природа абречества, ее характерные признаки и даже само понятие, каждый раз вбирая в себя новые черты и оттенки. Это не просто образ жизни, отличное от привычного нам поведение отдельных людей, преступные действия и поступки отказников от мирских благ, это и не только изгнанники общества за вину перед ним, хотя всё это имело место и было широко развито. Для большинства абреков это яростный протест против социальной несправедливости, по причине которой они оказались вне общества, добровольно отказались от всех мирских благ и вступили в конфликт с ним, а затем и с бесцеремонным вторжением в жизнь горцев русских властей со своими законами.

Абреки водятся на Кавказе с древнейших времён, их корни уходят ещё в первобытно-общинный строй. Первые абреки появились главным образом на почве кровной мести. Они вынуждены были неведомо куда бежать от преследований и мести потерпевших и вести разбойный образ жизни. Другие становились абреками вследствие нигилистического отношения к отдельным отжившим обычаям, злостные отступники и нарушители адатов, которых общество изгнало, отторгло от себя. А в более поздние времена средневековья и после вплоть до начала XX века, это были те, кто не хотел у себя русского присутствия, видя в нем источник насилия, несправедливости и дурного влияния на его народ. Это был акт неприятия чего бы то ни было чужого.

До русских горцы жили сами по себе, по адатам и обычаям, ник⁷⁵⁶то извне не командовал над ними и подобно варягам-викингам на Руси не устанавливал у них свои порядки. Жили по своим законам, которые формировали с самого детства поведение и психологию каждого члена общества независимо от его социального статуса. Безусловно, признавались только те порядки, которые устанавливались самим обществом. Право на это имели преимущественно почетные старцы и представители социальных верхов. Фетишизация культа старших и выборных давало им право на управление обществом и выработку для него правил поведения, обрядов и ритуалов.

С продвижением России на Кавказ и водворением в крае в веке новых порядков, чуждых и

не согласующихся с прежней жизнью и вольницей горцев, число таких абреков резко возросло, а действия их стали более целенаправленными. Вербальный протест отдельных представителей национальной интеллигенции нашел действенное подкрепление со стороны кавказских абреков, бросивших свой вызов властям и установленному на Кавказе особому режиму. Вместе с тем, это был вызов и той части своего общества, которая признала чужую власть и стала ей угодливо служить. Социальную базу абречества составляли не только те, кто вступил в конфликт с обществом на почве тяжкого уголовного преступления и российским политическим режимом, но и те, кто, не отсидев свой судебный срок за различные преступления, бежал из тюрьмы и каторги, а, вернувшись в родные пенаты, создавали свои шайки или вливались в уже существующие.

Надо признать, что среди них было немало сильных личностей. Это были яркие бунтующие фигуры, которые сознавали свою обречённость во вновь установленной Россией общественно-политической системе, но обладали великим духом бескомпромиссной борьбы с ней. Такая позиция была свойственна тем, кто сознательно и навсегда ушёл в абреки, а также многим из тех, кому была заказана дорога назад, в мирную жизнь из-за тяжких уголовных преступлений. Но поскольку у них не было других источников существования, чтобы выжить, кроме как заниматься грабежом, то и они становились самыми заурядными разбойниками.

Одним из проявлений храбрости и удали у кавказских горцев было участие в разбойных набегах на имения и земли соседних этносов и казаков, демонстрация своих достоинств как абрека. Бытовало представление, что тот не мужчина, кто не участвовал в таких налетах. Это было одним из условий самоутверждения и признания юноши состоявшимся мужчиной. Уважение к таким удальцам в народе было тем выше, чем успешнее и дерзновеннее было проведенное предприятие. Как правило, этих людей встречали с особыми почестями, о них слагались песни и легенды, они были первыми женихами у красавиц.

Удачные набеги всегда поощрялись соплеменниками. Если хотели похвалить молодого чеченца в таких случаях, когда у русских принято говорить «Молодец», «Молодчина», — у чеченцев говорят «Борц» («Борз»), то есть «Волк». Как у осетин сказали бы «Домбай», то есть Лев. Таким образом, по народному поверью горцев качества этих очень выносливых и сильных зверей становятся идеалом доблести и мужества настоящего мужчины.

Таким образом, делая краткое резюме по проблеме: Россия — Северный Кавказ, — можно сказать следующее.

Присоединение Северного Кавказа к России имело непреложное, весьма положительное значение. Под скипетром России народы Северного Кавказа нашли защиту от внешних врагов и внутренних раздоров, обрели единую правоохранительную систему и законность, просвещение и здравоохранение, приобщились к великой русской культуре, а через нее и к мировой, общечеловеческой цивилизации.

Но все ли, что мог, сделал царизм для этих народов, находившихся в острой социально-экономической нужде? Ответ и здесь очевидный — нет. А если все-таки считать иначе, признать его большие усилия и достижения в этом направлении, то откуда тогда взялось то огромное критическое наследие национальной дореволюционной творческой интеллигенции — писателей, поэтов, публицистов, деятелей культуры, общественно-политической мысли, юристов и просветителей этого края, которые в один голос неустанно заявляли о горемычной жизни кавказских горцев? Один из них — Коста Хетагуров, великий осетинский поэт, ставший общим знаменем всех горцев, так и не дождавшийся лучшей доли своего народа, в отчаянии писал в начале XX века:

Как долга беспросветная ночь,
Как еще далеко до рассвета,
Но и днем не могу я помочь Безысходному горю народа.

757

Не отрицая в самом деле положительной роли России в исторических судьбах малых народов Юга страны, получивших с приходом России на Северный Кавказ умиротворение и жизнеутверждающую перспективу, следует сказать, что она мало что сделала для этих народов в пору их покорения и утверждения здесь своего, как тогда писали, владычества в плане улучшения экономической и культурно-бытовой жизни горцев. Придав этому краю статус колонии и сырьевого придатка бурно развивающегося русского капитализма, царизм только то и делал, что приспособлял Северный Кавказ к нуждам нового способа производства, безжалостно сметая на своем пути все, что тормозило этот процесс, без учета

национальных особенностей края, его быта, права и хозяйственного уклада. И это сразу аукнулось. Россия столкнулась с тем, что спровоцировали ее недалёковидная региональная политика, управление и культурно-хозяйственный курс.

ГЛАВА II АБРЕЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

I. Понятие, источники и причины абречества на Кавказе

Абречество — это сложный социальный феномен Кавказа, который в своем генезисе и истинной сути не знал аналога ни в одном регионе царской России. Советское государство, причислив абречество к числу самых социально опасных преступлений, повело с ним решительную борьбу и в отличие от царизма с корнем выкорчевало его. К началу Великой Отечественной войны оно стало уже редкостью, а в 50-х годах его совсем не стало. Жалкие остатки абреков, отвечавших отдельным представителям советской власти в ее начальный период террором за неустанные преследования, переродились в самых обычных бандитов и разбойников.

Несмотря на разность самосознания, этнопсихологии и воззрений — религиозных, философских и пр., абречество в прошлом имело место у всех кавказских народов. В свою очередь данный факт свидетельствует о том, что у всего кавказского населения, независимо от его этнической принадлежности, было много общего (возможно больше, чем различий) в образе жизни и в понимании его смысла и назначения. Одним из единящих черт кавказцев является патриотизм и свободолюбие, которые свойственны им в наивысшем их проявлении. Кавказец готов пожертвовать всем ради свободы и независимости. Для него жизнь без них не имеет смысла. Это ни с чем не сравнимые ценности, к которым следует причислить еще честь и слово клятвы.

У кавказца своё, особое представление и о своём месте в мировом пространстве. В этом мире он видит себя не только его кровным созданием, но и властелином всего того, что его окружает. Поэтому в случае посягательства на эту его величайшую социальную ценность инстинкт самосохранения с невероятной силой пробуждает в нём бунтаря и воина. Эти заложенные в нём природой качества и определили его действия и поведение на все века. Одно из детищ этих составных — абречество.

Понятие «абрек» на протяжении многих десятилетий и даже столетий имело неоднозначное толкование. В энциклопедических словарях дореволюционных изданий абрек значит как человек особой удали, ведущий жизнь отшельника, как добровольно отрекшийся на определённый срок, а то и навсегда, от всех жизненных благ, презирающий страх и смерть. В словаре ФАБрокгауза и И.А.Ефрона, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1890 году, где делается первая попытка научного определения такого типа людей и их поведения, говорится, что «у кавказских горцев этим именем называют человека, принимающего на себя обет избегать всяких жизненных удовольствий и быть неустрашимым во всех боях и столкновениях с людьми. Срок обета иногда бывает довольно долгий — до пяти лет, в течение которого абрек отказывается от всех прежних связей; абрек не имеет ничего заветного и ничего не страшится».⁸⁶ Следует заметить, что в этом и ряде других толкований не называются причины ухода людей в абреки и тем более мотивы, побудившие их стать на путь борьбы за какие-то идеалы. А просто так, ради минутного жуража вряд ли кто добровольно может взять на себя такой тяжелый обет.

В другом энциклопедическом словаре, изданном товариществом братьев А. и И. Гранат и К*, отмечается, что «так назывались черкесы, давшие обет безумной храбрости и полного самопожертвования».⁸⁷ В прошлом под черкесами нередко подразумевались все горцы Северного Кавказа.

Большая Энциклопедия под редакцией С.Н.Южакова, вышедшая в северной столице в 1896 году, определение понятия «абрек» из общественно-бытовой плоскости переносит в уголовно-политическую. Здесь отмечается, что это название присваивалось исключительно

«удальцам, давшим на известный срок обет воздерживаться от всяких удовольствий» и всецело предавшимся «опасностям военной жизни», что указывает на их борьбу с колонизацией края Россией. «С умиротворением Кавказа, — говорится далее, — этот тип героев-разбойников вымирает; теперь абрек просто разбойник».⁸⁸

Это положение неверно. Умиротворение Кавказа, под чем подразумевается покорение с полным «усмирением» его населения, в основном завершилось с пленением Шамиля, а настоящие абреки возводились в ранг героев преимущественно после Кавказской войны вплоть до октября 1917 года за мужественную борьбу с русской администрацией и правительственными войсками, например, Вара, Эски, Зелимхан, Аюб Томаев, Салам-бек Гороводжев и другие.

Примерно такое же толкование этого понятия дает В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка». Он пишет: «Абрек (обрекаться) КВК. Отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке» (т.1, М., 1978). Даль также, как во власти и русской чиновничьей среде в абреке видит двух разных типажей: абрека борца и разбойника, вот только не раскрытым остается абрек, который не щадя своей головы, готов неистово драться. С кем? Надо полагать, что Даль также имел ввиду новую здесь на Кавказе русскую власть.

В советское время термин «абрек» приобрёл новые оттенки. Большая Советская Энциклопедия (Б.С.Э.) за 1926 год отмечает, что понятие «абрек» «изменялось в связи с эволюцией во взаимоотношениях между коренным населением Северного Кавказа и русскими завоевателями».⁸⁹ В первый период завоевания края абречество выражалось, говорится в ней, «в эпизодических набегах на земли пришельцев с целью нанесения им экономического ущерба, будучи в то же время проявлением удали и молодечества. После «замирения» Кавказа абреками стали называть партизан, продолжавших в одиночку или небольшими партиями борьбу с русскими властями и установленной ими бюрократической государственностью, которой абреки противопоставляли старый религиозный и родовой уклад горцев. Это придавало им облик бойцов за национальное освобождение горцев».⁹⁰

Малая Советская Энциклопедия за 1930 год более лаконична. Она считает, что первоначально абреками считали кавказских горцев, «изгнанных родом из своей среды за преступление», а «с эпохи завоевания Кавказа русскими абреками назывались горцы, в одиночку или небольшими группами ведшие партизанскую войну с завоевателями».⁹¹

Та же Б.С.Э., но уже за 1970 год по существу повторяет М.С.Э. в характеристике абреков, отмечая, что в прошлом у народов Северного Кавказа это были «изгнанники из рода, ведшие скитальческую или разбойничью жизнь».⁹²

Так считает и Ф.И.Леонтович. Но, правильно относя зарождение абречества к древним векам, ученый слишком сужает смысл этого понятия. Он считает, что абрек—есть изгой, исключенный из семьи и рода (Леонтович, 1882, т.1, с.360).

Так было в его первом периоде, в глубокой древности. Первые абреки были те, кто бросил вызов своему обществу с отжившими архаичными представлениями и нормами жизни поведения еще в доклассовый, а затем и в феодальный периоды его развития. Еще в период разложения первобытно-общинного устройства молодым людям каждого нового поколения становилось все трудней подчиняться и выполнять устарелые обычаи предков, связывавшие их жизненную инициативу. Находились такие, которые отказывались исполнять их и, непонятые другими, большинством, изгонялись из общества и с этого времени становились абреками.

С приходом русских на Кавказ в корне меняется семантика слова. Она включает в себя уже открытое противостояние русскому владычеству на Кавказе, причем это смысловое содержание становится доминирующим. Протестная позиция абрека, ~~750~~ ответственная ему еще в древние времена относительно своего общества, которое он был вынужден покинуть как его изгнанник, в средние века и позднее сводится почти на нет из-за его переориентации на русскую администрацию и приобретает уже новый смысл — политический. Абреки второго, так скажем, (а возможно это уже третье по счету) поколения с приобщением Россией Кавказа почувствовали себя национально ущемленными и, не приняв русскую администрацию как вершителя их судеб, объявили ей войну. Война эта индивидуально-групповая, во многом походившая на партизанскую, была на уровне самой примитивной борьбы.

Обращает на себя внимание и то, что почти всеми авторами абречество, знакомое всему

Кавказу, рассматривается преимущественно как северокавказское явление. В известной мере это оправдано, так как оно наибольшее распространение получило на Северном Кавказе, а внутри этого региона более всего в Чечне, Ингушетии и Дагестане.

«В эпоху обоснования русского царизма на Северном Кавказе, — говорится далее в Б.С.Э., — абреками стали называть и всех тех, кто вёл одиночную борьбу против царизма и установленного им режима. Среди последних известны: Зелимхан Гушмазакаев из Харачоя (правильно Гушмазукаев — авт.) (погиб в бою), Саламбек Гараводжев (правильно Гороводжев — авт.) из Сагопша (добровольно сдался властям на условиях расстрела, но был повешен) и др».⁹³ Указывается также на то, что о самых выдающихся борцах-одиночках у народов Северного Кавказа сложился довольно значительный фольклор, повествующий об их мужестве и аскетизме.

Энциклопедия впервые в подобной литературе пытается дать этимологию слова. Автор считает, что слово абрек происходит «вероятно, от осетинского «абыраг», «абраг» — скиталец, разбойник».⁹⁴ Если быть ещё точнее, то осетинское абыраг означает: ползущий, подкрадывающийся (от осет. бырын — ползти), что предельно точно отражает действия охотника, подбирающегося к своей жертве. Поскольку ни в каком другом кавказском языке слово абрек не имеет такого точного фонетического и смыслового сходства, есть основание считать, что оно действительно осетинского происхождения.

Такой точки зрения придерживаются учёные, обращавшиеся к этому вопросу в разное время, В.Ф.Миллер, БААлборов и другие. В.Миллер доказывает его иранское происхождение и сравнивает с абракос припонтийских надписей.⁹⁵ Лишним свидетельством его осетинской природы, считает он, является употребление слова абрег, абрек в значении собственного имени мужчины (напр., Абрек-Заур или просто Абрек, (по-осет. Абыраг — авт.), встречающееся у осетин с давней поры до настоящего времени.

У всех народов Кавказа есть свои термины для обозначения данного социума. У дагестанцев — «гачах» и «абрек» означают разбойник, у ингушей — «гхи», «абрек», в чеченском и абрек, и разбойник называются «канлы» и т. Позднее в языке этих народов появилось и название «абрек». При этом во многих языках «абрек», в обход своего первоначального значения стал выражать несколько другой смысловой оттенок. Так, у черкесов «абрек» означает бездомный, беглый, бродяга, в ингушском «вор», что никак не согласуется с осетинским содержанием и обедняет его смысловое значение. Все перечисленные названия не столь точно передают суть этого уникального социального явления и очевидно потому в документах, а также в официальной переписке правительственных учреждений и литературе, да и в целом в русском языке закрепился вариант — абрек, близкий по своему смысловому значению к осетинскому абыраг, но никак не гачах, не канлы, не гхи и т. д.

Этот термин восходит к древнеиндийскому и персидскому «апарак» (н. перс, «авара»), что означает «бродяга», «грабитель» (Этимологический словарь русского языка, 1963,1, ч.1,17). Поскольку санскрит родственно близок осетинскому языку, то в нем сохранились почти без изменений не только изначальная форма, но и лексический смысл.

Осетинское «абыраг» гораздо больше, чем вор, беглец, тем более бродяга или бездомный. Оно есть — всё это вместе взятое плюс воинствующий протестант, мстящий своим врагам и всем тем, кто повинен в его трагической судьбе. Он знает, что за ним, таким, какой он есть, идёт постоянная охота как со стороны властей, так и со стороны кровников. Поэтому он всегда при кинжале и обязательно с огнестрельным оружием — берданкой или наганом, а чаще и с тем и другим, не то, что вышеуказанные отщепенцы — воры, бродяги, бездомные и беглецы — в экипировке которых этот грозный атрибут не обязателен и не всегда был. Для них достаточно и одного кинжала. Квинтэссенция понятия «абрек» не только не исключает принуждения, применения или угрозы применения силы для достижения цели, но делает эту черту неотъемлемой частью его существования.

Закрепившись в Осетии первоначально за людьми, отторгнутыми обществом за грубейшее отступничество (вольное или невольное) от адатов и убийство, а также другие тяжкие преступления, в силу чего вынуждены были в борьбе за выживание вести скрытный и преступный образ жизни, название «абрек», как наиболее удачное и точное определение, получило широкое распространение на Кавказе и среди всех его аборигенов, а затем и всей русской администрации края.

Однако как восприятие, так и его трактовка в словарях и другой научной литературе в

разные периоды были неоднозначны. Видный советский лингвист С.И.Ожегов в «Словаре русского языка» 1989 года издания даёт абреку следующее объяснение: «В период присоединения Кавказа к России: горец, участвовавший в борьбе против царских войск и администрации».⁹⁶

В этом определении вызывают возражение два момента. Во-первых, Ожегов сужает временные рамки существования абречества и связывает его появление только с началом присутствия, а затем и полным утверждением России на Кавказе, с покорением последнего оплота кавказской вольницы – Чечни и Дагестана. Во-вторых, он ошибочно относит к абрекам всех без исключения горцев, кто участвовал в русско-кавказской войне и других сражениях за свою независимость, против колонизации края, а это не одна тысяча человек. В этой освободительной и одновременно отечественной войне горцев были заняты целые народы. В таком случае по Ожегову получается, что абреками были поголовно все чеченцы и дагестанцы. С другой стороны, ряд народов Северного Кавказа – кабардинцы, осетины и др. – ещё до Кавказской войны на основе всеобщего волеизъявления добровольно вошли в состав России и даже участвовали в кавказских завоевательских экспедициях царизма против Шамиля. Однако и у них как тогда, так и до этого, было немало абреков.

Абрек, абречество – социально адаптированное к местным суровым условиям края явление. В основе его происхождения лежат экономические, политические, правовые и морально-этические причины, а многовековая её история – лучшее свидетельство того, что абречество изначально является исключительно кавказским феноменом и его появление уходит своими корнями в глубокую древность, во времена патриархально-родового строя, когда не было еще никакого русского присутствия на Кавказе.

Таким образом, во всех толкованиях «абрека» наблюдаются смысловое сходство и расхождения; подмечаются какие-то новые черты и оттенки, что значительно обогащает его семантику и делает феномен более многогранным и разноплановым. В разной трактовке понятия ясно прослеживается её связь с историческим временем, в котором жили и действовали абреки. Менялись эпохи, а с ними цели и поведение этих людей. Неизменным после завоевания Кавказа оставалось одно – борьба с русской властью, её администрацией и режимом.

Распространение на новых территориях российских законов, навязывавших разноплеменному местному населению новые правила жизни, не согласовывавшиеся и вступающие в конфликт с традициями и нормами обычного права горцев, встречало недовольство со стороны некоторой их консервативной части, а наиболее мобильные из них – абреки – оказывали открытое вооружённое сопротивление. Ещё острее делала эту борьбу насаждавшаяся метрополией идеология и основанная на ней русификаторская политика царизма, которая воспринималась горцами как попытка лишить их того, что они есть, как социальная общность, – природной самобытности, как желание перелицевать и сделать из них послушных рабов у себя на родине.

Такое силовое вторжение в привычный и веками сложившийся хозяйственный и культурный уклад горцев было глубоко противно их внутреннему состоянию и миропониманию, что ещё более укрепляло веру в правильности их жизненного выбора. Новые люди, новые порядки и законы не вязались с их внутренним миром и мироощущением, и абреки, в отличие от многих пассивно несогласных с новым мироустройством, объявили войну чужому засилью. Наибольшее распространение на Северном Кавказе абречество получило у вайнахов – чеченцев, ингушей и у дагестанцев. Помимо тяжелых экономических условий этому послужил и более низкий на тот момент уровень их общественного и культурного развития. Как отмечают историки, «некоторое отставание в общественном развитии вайнахских народов и высокая степень потестарности ~~761~~ традиционных форм управления становилась причиной нередких столкновений с российскими властями».⁹⁷

Абречество на Кавказе интересовало не только русскую администрацию, видевшую в нём только криминал. К нему как к уникальному социальному феномену в разное время обращались люди самых различных профессий и занятий – писатели, юристы, высокие военные и гражданские чиновники, представители делового мира и другие. Даже революционеры. Все они преследовали свои интересы. Одни пытались разобраться в сути абречества и познакомить с ним российского обывателя, другие – выявить причины его развития и популярности, третьи – найти способы и средства его искоренения как общественного зла,

четвертые – найти в них пособников революции.

Отдельные элементы и черты абречества можно встретить всюду, у всех народов в их прошлом и настоящем. Особенно те из них, которые свойственны разбойникам и грабителям в их «чистом», «классическом» виде.

Большинство авторов, особенно дооктябрьского периода, интересовавшиеся данной проблемой, считают термины «разбойник» и «абрек» синонимами: если разбойник значит абрек и наоборот. Но это не верно. В настоящей работе будет сделана попытка показать, что это не так и между ними в главных чертах нет ничего общего. Вслед за составителями словарей и энциклопедий такого мнения придерживаются литератор Платон Зубов, д-р В.П.Пфаф, Старчевский и др.

Похоже с этим согласен и проф. БААлборов, заявляя, что «абречество и разбойничество одно и то же явление, разница в них только в терминах».⁹⁸ Однако при более обстоятельном изучении его исследования «Осетинские абречьи песни» границы термина «абрек» несколько раздвигаются. Ученый отмечает, что в этих песнях славятся настоящие абреки, которые смертью храбрых сложили свои головы в борьбе против русских притеснителей и помещиков-мироедов." Тем самым в абреках он видит также, не будь сказано громко, борцов за свободу и независимость, как и отражено в устном народном творчестве. Но это борцы, уверен, за личную свободу, а не за общую, всенародную.

Одним из первых изображает абреков как разбойников упомянутый уже П.Зубов. Он не видит никакой разницы между ними. В «Картинах Кавказского края», вышедших ещё в начале

ХІХвека, он писал: «Производящие грабежи и нападения, называемые абреками, есть изгнанные за пороки и преступления и могут просто называться разбойниками, какие всегда были и среди образованнейших государств».¹⁰⁰

Эту же характеристику Зубов повторил и в другом разделе своих «Картин», где он, рисуя быт и нравы чеченцев, приводит пример: «Несколько удальцов, – пишет Зубов, – решаясь почти на верную гибель, тайно переправляясь через Терек, скрываются где-нибудь в кустах или ущельях и выжидают случая кого-нибудь ограбить или захватить врасплох; таковые удальцы, называемые абреками, и есть самые решительные разбойники, для которых не существуют ни препятствия, ни опасности; одна цель их – грабёж, для которого они жертвуют жизнью и готовы перенести все бедствия и крайности. Страсть сия, как кажется, влита в них с матерним молоком».¹⁰¹ Не сумев, а возможно, и не пожелав разобраться в истинных причинах такого поведения данной категории людей, Зубов допустил оскорбительный выпад против целого народа, огульно обвинив его в хищнических наклонностях с рождения.

Совсем другое дело – известный этнограф, знаток Кавказа и его обитателей д-р В.П.Пфаф. Он абсолютно точно показал один из источников генезиса абречества и его внутренний мир, психологический портрет. «Абреком называется, – считает он, – всякий исключённый из среды патриархального общества. Эти изгнанники делались совершенно беззащитными и бесправными: всякий мог их безнаказанно убивать; поэтому жизнь абрека заранее была предопределена: он должен был сделаться разбойником».¹⁰² Разумеется, чтобы выжить, продлить свое существование.

Развивая эту мысль, он продолжает: «Абрек – значит заклятый». Он, изгнанник общества, оказывается в ситуации неудач, несчастий и бесконечного горя. Но у него «... нет истинной веры, следовательно, нет опоры, которая бы в минуту скорби могла врачевать его душу и успокоить бури страстей... Но горе ему и близким его, если зло или несчастье перельётся через край его терпения, тогда же переполненная капля канет кровью!.. Сначала он осудит и проклянет себя, потом осудит и проклянет людей. Тогда жизнь делается для него эшафотом, на который он всходит для того, чтобы умереть, но умереть, совершив 762-туму отвратительных злодейств и неистовств, – словом он делается абреком». И такой человек, отказавшийся «...от любви, чести, совести, сострадания, словом, от всех чувств, которые могут отличить человека от зверя,.., есть самый страшный зверь гор, опасный для своих и чужих. Кровь – его стихия, кинжал – неразлучный друг, сам он – верный и неизменный слуга шайтана (чёрта)».¹⁰³

Как видно, глубокие психолого-этнографические наблюдения Пфафа достойны внимания и представляют несомненный научный интерес. Однако, пытаясь дать читателю более полное представление об этих людях, автор противоречит себе и даже идентифицирует понятия,

вследствие чего впадает в ту же ошибку, что и предшественники: в одном случае изгнанник общества есть абрек, который «должен сделаться разбойником», в другом — он разбойник, злодей, который «делается абреком». Что же получается? На каком-то этапе абрек ещё не разбойник, а разбойник — не абрек, который в конечном итоге становится или тем или другим.

Думается, что идентичность этих понятий нельзя абсолютизировать, так как отдельные личности, из каких бы мотивов не исходили — личных или общественных, — и по какой бы причине не стали абреками, не становились отпетыми разбойниками и даже избегали их. Настоящий абрек не мог опуститься до уровня неразборчивого грабителя, им двигали более высокие идеалы и цели: террор, борьба с русской властью и в целом со всей администрацией, которых они считали виновниками своих бед и несчастий. Такими были, например, Вара, Заид, Абдул-Керим, Эски, Зелимхан Гушмазукаев, Саламбек Гороводжев, Аюб Томаев.

Пфаф абсолютно заблуждается, делая заключение, что «в подобном зверском состоянии у осетин находился довольно значительный процент народонаселения в то время, когда древне-историческое патриархальное устройство стало у них разлагаться». ¹⁰⁴ Непонятно, чем это патриархальное устройство у осетин отличалось от подобного процесса у других, соседних с ним, народов, что в отличие от них именно у осетин оно вызвало появление «значительного процента» абреков-разбойников? Глубокое изучение данной проблемы, напротив, свидетельствует об обратном: осетин-абреков было меньше всего, а все самые знаменитые абреки, не одно десятилетие создававшие головную боль царской администрации и наводившие страх и ужас на нее и все местное население, не были осетинами. Осетинский народ во все времена был одним из самых законопослушных. Однако при их небольшом числе были и очень известные абреки, как отмечалось выше.

Отказ «младших членов общества от устарелых народных обычаев» не был столь массовым и бунтарским, как утверждает Пфаф. И если «неизбежным последствием подобного отказа было изгнание» значительного числа людей, то что же после этого оставалось от самого общества и способно ли оно было потом противостоять такой же массе обиженных и отвергнутых?! Вряд ли верно и то положение, что «с тех пор изгнанник уже не знал ни отца, ни матери, ни братьев»? ¹⁰⁵ Архивные документы свидетельствуют о другом. В них достаточно примеров продолжающихся тесных контактов с близкими родственниками и взаимоподдержки. Последние, а порой и вся фамилия абрека, укрывали его от властей, обеспечивали продуктами и информацией, а сами видели в нём, которому уже всё нипочём, надёжного защитника от любых посягательств со стороны администрации или кровников.

Пфаф и Алборов утверждают, что в Осетии многие феодалы произошли из абреков, и рисуют пути достижения ими этой социальной вершины. С этим, пожалуй, можно согласиться, но они были исключением. В криминальном мире наиболее удачливые его представители сколачивали огромные состояния. Поскольку грабить в одиночку и трудней и опасней, разбойники образовывали шайки, во главе которых становились самые смелые и решительные. Такие шайки завоёвывали и подчиняли себе целые поселения, устанавливали в них свои порядки, облагали налогами, обязывали нести определённые повинности, а успешный вожак шайки в какой то момент объявлял себя хозяином и превращался в феодала. Приобретённые же с помощью силы земли становились его вотчиной. Феодал-разбойник брал в свои руки всё управление подчинённой территорией, обязывал всех работать на себя и поднимать хозяйство, требовал исключить в быту всё, что, на его взгляд, изжило себя и порочит общество: кровную месть, семейные раздоры и т.д.. Он считал себя вправе вмешиваться в личную жизнь подвластных и даже чинить над ними расправу. Из этих же мирян создавал дружину, с которой осуществлял новые разбойные предприятия, причём походы эти были куда более дерзкие, чем предыдущие, а сам уже выступал не как главарь-разбойник, а как рыцарь.

Причин и источников абречества при его длительном существовании во всех стадиях развития общества столь же много, сколь широкое распространение оно получило. Абречество

— не только демонстрация отваги и удали, как пытались в прошлом представить кавказский феномен отдельные толкователи, желая добавить красок в экзотику таинственно-«дикого» края. Это всего лишь одна из черт его ментально-психологической характеристики.

Не совсем полное объяснение даёт ему и советская историография. В анализе причин

возникновения абречества и его широкого распространения на Кавказе она исходила из марксистского постулата о зависимости поведенческой психологии людей от бытия, от их социально-экономического положения. Такое объяснение не позволяло, а иногда и затрудняло дать подлинно научный и исчерпывающий ответ на происхождение данного социального явления и сводило лишь к одному: абречество возникло и существовало в дореволюционной России вследствие тяжёлого экономического и политического гнёта трудового народа, полного его бесправия и безысходности. Заидеологизированная и политизированная советская наука в очередной раз во всех бедах общества и каждого его члена обвиняла царизм и буржуазный общественный строй, угнетавшие трудовое население.

Такая трактовка всего лишь частично отвечает на вопрос происхождения абречества, исключив из его причин ментальность, психологию кавказца, общественно-политические и морально-этические факторы, которые для горца, человека гордого, свободолюбивого, с высоким чувством чести и благородства, значат больше, чем обычный достаток и безмятежность. Независимость и врожденное свободолюбие – вот те краеугольные камни, на которых зиждится кавказское абречество.

Исходя из этого, как важнейшую социальную основу абречества в первую очередь следует отметить кровную месть, уходящую своими корнями в глубокую древность, ещё в доклассовое общество. Она наступала вследствие убийства человека. Потерпевшая сторона требовала возмещения кровью и предпринимала все меры для его осуществления. Во все времена убийство, к большому сожалению, не было редкостью. Оно могло совершиться в результате обычной ссоры, драки или похищения чужой невесты, ценного имущества, угона скота, лошадей, осквернения могил и других фамильных святынь, оскорбления чести и достоинства, памяти покойных предков и т.д. А потому абречество уже тогда было не редким явлением.

Вот как пишет о своих наблюдениях один из публицистов рубежа XIX и XX веков Г.Туманов в статье «Разбои и саморасправа»: «Убийства на Кавказе, в громадном большинстве случаев, являются следствием ссор и драк, возникающих из таких пустых причин, о которых автор...не считает нужным даже вскользь упоминать. Между тем эти пустые ссоры и драки имеют своей подкладкой не только пустые любовные шашни и врождённый кавказцам будто от природы буйный нрав, как это любят доказывать некоторые поверхностные наблюдатели, сколько, главным образом, неудовлетворённое чувство справедливости, неудовлетворённые имущественные требования и вообще разрешение, выдаваемое анархией в самых кровных интересах».¹⁰⁶

Вооружённые набеги одних и защита другими себя и своего имущества, с трудом доставшегося состояния, также часто заканчивались гибелью одного или нескольких участников схватки. И опять следовала кровная месть. Она не обошла и социальные верхи. Кровная месть не различала людей по рангам и их статусу. Она в один ряд, на одну доску ставила всех, независимо от их социального положения и знатности происхождения, – начиная от простолюдина и кончая представителями высшего сословия. Кровная месть не обошла стороной и само высшее общество, хотя там она не была столь частой. Проф. Алборов, говоря об осетинах, отмечает: «Благодаря дроблению Северной Осетии на замкнутые ущелья, живущие самостоятельной жизнью, часто по разным причинам происходили враждебные столкновения и между отдельными осетинскими феодалами и, таким образом, возникала кровная месть, которая в свою очередь, порождала абречество: убийца должен был уйти из своего общества, чтобы не быть самому убитым. Обстоятельства делают его абреком».¹⁰⁷ Порой расправа чинилась и посредством нанятого киллера, в роли которого чаще вынужденно выступал подвластный феодала, в чём-то провинившийся перед последним и потому ему обязанный.

Наряду с преднамеренным убийством происходило и совершенно ~~764~~случайное, наступавшее в результате чьего-либо неосторожного действия. В этом случае могло произойти примирение сторон. Чаще всего, так оно и было, когда разум брал верх над предрассудками и болью от потери близкого. Виновные направляли в дом потерпевшего авторитетнейших послов с выражением глубокого соболезнования и мольбой о прощении, брали на себя организацию похорон и все связанные с ними расходы. Искренне раскаиваясь, они участвовали и в последующих поминальных ритуалах.

Но понимание случившегося и прощение не всегда наступало, и тогда безвинно виновный также объявлялся кровником. Человеческая жизнь рассматривалась как ни с чем не соизме-

римая ценность. Даже нанесение тяжёлого увечья, независимо от обстоятельств, предполагало убийство виновного как ответная мера. Исключением мог быть только приговор старейшин, вынесенный соответственно тяжести содеянного. Убит ли угонщик скота, лошадей или похититель девушки, а то и обычный вор, застигнутый с поличным, – следовала кровная месть. Ада- ты предостерегали любого члена общества от пролития невинной крови, как величайшего греха и преступления. Но если оно наступало, то и общество не противилось тому, чтобы убийца за дерзкое отступничество от адата понес такую же кару. Отмщение становилось делом чести и достоинства рода, способом восстановления справедливости и мира между кровниками.

После появления первых признаков имущественного неравенства в обществе проходят сотни лет, прежде чем его верхи призовут себе на помощь государство. А пока до его возникновения в обществе по традиции действуют патриархальные институты саморегуляции, одним из которых является кровная месть, как мера равнозначного наказания за убийство.

Формула кровной мести – это смерть за смерть, кровь за кровь. Очень простая формула, возникшая на заре человечества, в те времена, когда не было государственных институтов защиты человека, и каждый род, чтобы выжить в тех условиях, мог обезопасить себя только этой мерой, взятой на вооружение тогда всем древним мировым сообществом. Это социальное изобретение абсолютно соотносилось с той цивилизацией, в чреве которой оно возникло. Вероятно, что-то другое придумать на том уровне общественного развития было невозможно. Кровная месть прошла через тысячелетия и сохранилась у отдельных народов до наших дней как свидетельство того, что какая-то часть их населения всё ещё находится в плену старых представлений, и самосуд, личная расправа больше устраивает и удовлетворяет, чем цивилизованная мера наказания, назначенная властью и исполненная кем-то.

Как уже было сказано, потерпевшая сторона могла «смыть позор» только кровью. Этого требовал адат. Поэтому она искала убийцу всюду и до тех пор, пока не обнаружит его и не совершит акт возмездия. Срок давности не существовал, это могло случиться когда угодно – через год, десять, двадцать лет спустя, а то и позже. Если не находился прямой виновник, за него нередко расплачивался близкий родственник, чаще всего сын или брат. Иногда кровавая миссия передавалась следующему поколению, и так до тех пор, пока не свершится месть, расплата кровью.

Кровная вражда никогда не ограничивалась рамками двух родов, двух фамилий. Поскольку каждый из них находился в кровнородственных отношениях с другими родами, фамилиями через своих жен или мужей, зятьев и т.д., то в ее орбите оказывалась довольно значительная часть одного или нескольких сельских обществ. Последние в такой тревожной обстановке чувствовали себя очень неловко и всячески старались погасить кровную вражду. Для этого существовал институт примирения, который обычно состоял из почетных старцев, но и он не всегда приносил положительные результаты. Примирение производилось через посредников, которые обязательно устраивали обе стороны. В случае согласия потерпевшей стороны на примирение посредники определяли и меру материального удовлетворения за кровь или насилие. Однако как бы искусны и авторитетны ни были посредники, сильны в народной дипломатии, примирение или продолжение противостояния зависело от враждующих сторон, чаще от уступчивости или твердости и ригористичности пострадавшей.

Если потерпевший принадлежал к сильному, многочисленному роду, у которого и амбиций соответственно было больше, то, последний, как правило, отказывался от примирения и требовал удовлетворения кровью. Кровная месть, как и древнеримский закон Талиона «око за око», «зуб за зуб», ставил всех членов общества на одну доску независимо от их социального, общественного и материального положения. Безжалостный закон при всей его дикости и жестокости сдерживал буйные порывы отдельных неуравновешенных людей, а в классовом обществе от его сильных представителей, и способствовал поддержанию порядка в обществе. Особенностью этой вражды, как уже отмечалось, являлось то, что месть, как плата за кровь, распространялась не только на виновника (виновников), но и на всю его фамилию, в первую очередь на ближайших по родству.

Опасаясь возмездия, одни кровники бежали в горы и леса и вливались в ряды разбойников или сами организовывали шайки, другие поднимали свои семьи, отправлялись за десятки и сотни вёрст в неизвестном направлении и оседали в чужих краях под другими фамилиями и именами. Так появились у осетин (и не только у них) десятки новых фамилий и

даже русские, как, например, Ивановы, Медведевы, Богдановы и др. Об этом же пишет и В.Миллер: «В старину фамилия убийцы даже не оставалась в своем родном селе, а выбирала место для жительства или в другом ущелье, или даже за хребтом в Южной Осетии, или же перебиралась в Ингушетию, Чечню и Кабарду, где с течением времени беженцы ассимилировались: таковы фамилии Ха-матхановых, Цуровых и др. в Ингушетии».¹⁰⁸

Кровная месть на Северном Кавказе была настолько распространённым явлением, что по существу не было ни одного рода, который бы когда-то не находился в кровном противостоянии с одной или несколькими фамилиями. Поэтому, ставших на этой почве абреками было достаточно много. Количество их в каждом народе зависело и от уровня экономики, его общей культуры и политического самосознания.

Как уже отмечалось, кровная месть с самого начала возникла как механизм саморегуляции общества, межличностных отношений внутри него. В догосударственный период, когда ещё не было наёмных охранных структур по наблюдению за общественным порядком и его поддержанию, защите прав, жизни и здоровья каждого члена общества; этот институт обеспечивал безопасность людей, служил предостережением каждого от безрассудных поступков, иначе говоря, от убийств и покушений. Все понимали, что за такое преступление виновный или его близкий родственник обязательно должен понести адекватное возмездие. Можно с полным основанием сказать, что она не меньше, чем самый строгий закон, удерживала горячие головы от безумного шага. На такую ошибку никто не имел права, так как помимо собственной безопасности под угрозу ставилась безопасность ближайших родственников и даже всей фамилии в случае его бегства. А это уже кровь невинных людей и проклятие.

В механизме кровной мести, а если взять шире – в самосохранении мужчины, в обеспечении его безопасности, особую роль выполняет кинжал – непрменный атрибут кавказской черкески. Его имеют все без исключения, он всегда под рукой. В непрстой повседневной жизни – ив крестьянском хозяйстве, и в пути, нередко сопряженном с опасностями, – горцу кинжал необходим, как воздух. Он ещё и символ его достоинства и основа уверенности в собственных силах в любой ситуации.

Вместе с тем кинжал требует к себе в высшей мере ответственного и осторожного отношения. Повальное ношение кинжала всеми мужчинами Кавказа служит серьёзным предостережением от бездумного обращения с ним. Кинжал имел не только военное и хозяйственное назначение, не только служил украшением верхней одежды кавказца, в нём был заключён и очень важный психологический фактор. Поскольку он был у каждого, все, независимо от физических данных, старались быть почтительными друг к другу, не допускали необоснованных оскорблений, избегали ссор, ибо в кинжальной схватке трудно предугадать победителя. Если в настоящее время в кулачном бою решающее значение порой имеет физическое превосходство – рост, сила и прочее, то в кинжальном поединке его исход может решить тот, кто окажется изворотливее и первым нанесёт решающий удар. Поэтому, если ныне наглое поведение отдельных мужчин исходит из такого представления о себе как сильного человека, то в те времена это не имело или почти не имело никакого значения: человек даже невысокого роста с кинжалом был не менее опасен, чем великан, – всё зависело от его личных качеств.

В 30-е годы прошлого столетия, перед Великой Отечественной войной, ещё многие осетины пожилого возраста по старинке ходили в черкесках и при кинжалах. Некоторых из них можно было встретить в таком одеянии и после её окончания. Однажды во Владикавказе, будучи ещё студентом, мне довелось увидеть двух таких джигитов. Они сидели на скамейке в тени вековых лип и платанов знаменитого Скворцовского бульвара на проспекте Мира и о чём-то говорили. Я подошёл к ним, попросил прощения, что перебиваю их беседу, и спрашиваю:

766

– У каждого из вас кинжал. Вот также раньше он был у всех. Поэтому, наверно, в старые времена было много убийств?

Старики задумчиво покачали головой.

– Нет, дружок, с чего ты это взял? – вопрошающе ответил один.

– Меньше, чем теперь, – сказал другой.

– Как так?! Ведь все были вооружены?

– Поэтому и было мало, – продолжал первый. – Каждый видел на другом такой же къама (кинжал – авт.), как у него, и остерегался. Кто кому раньше вспорет живот в случае

ссоры, было неизвестно. Кинжал требует уважительного отношения к себе. Он не различает богатого и бедного, для него все равны. Поэтому охотников обидеть без причины не было. Все избегали конфликтов. А сегодня по-разному бывает: один при ноже, а у другого его нет. Вот он и куражится, богует. Раньше бы ему такое никто не позволил. Да и сам лишний раз подумал бы, стоит ли затевать ссору. Его исход мог быть любой.

– Только на рост и силу нельзя было надеяться, – вставил второй. – Все зависело от того, кто окажется более искусным и точным. Кинжал всех уравнивал, – заключил он, берясь за рукоять кинжала.

Два мудрых старца вспомнили о многих жизненных коллизиях и каждый раз указывали на очень осторожное обращение с кинжалом. И получалось, что за оружие брались только в том случае, когда обида или позор становились нестерпимыми и могли равняться цене крови.

Убийство считалось самым тяжким преступлением. Но это был и вызов. Люди знали, что за этим обязательно последует ответ. Это, во-первых. Во-вторых, чтобы уйти от преследования, нужно было отказаться всей семье а то и целому роду, особенно если он был малочисленным и слабым, от привычного, обустроенного места проживания, что было связано с большими материальными (и не только) затратами и потерями, и почти все с начала начинать на новом месте. В-третьих, это постоянная тревога и страх быть обнаруженными кровниками. Ну, и т.д. Все это лучше всяких светских законов, какими бы строгими они ни были, предостерегало людей от необдуманных шагов и принуждало жить по правилам полного взаимоуважения и считаться с достоинством каждого индивида, не взирая на происхождение и родовитость.

Кровную месть пережил весь современный цивилизованный мир. Не преминули его и народы Кавказа. Против нее в течение длительного времени печатно и устно выступали лучшие представители осетинской интеллигенции, деятели передовой культуры всех народов Северного Кавказа, которым сообще удалось многого достичь в ее искоренении: она перестала быть столь глобальной и фатальной, какой была прежде. Такая же просветительская работа проводилась и в Закавказье. Однако, несмотря на это, на Кавказе она сохранилась до начала XX века, а у некоторых его народов существует и поныне.

Другим источником абречества было грубое нарушение адата, родовых и общинных правил поведения, святость которых считалась незыблемой. Посягательство на вековые морально-этические устои общества, на которых созидалась сама жизнь этноса, было равносильно самоубийству и несмываемому позору. Такие нигилисты не имели права находиться рядом с безупречными членами общества и изгонялись.

Очень часто молодые люди становились абреками из-за убийства на почве ревности, нарушения данного им слова или клятвы. Вот один из сотен примеров. Житель селения Тамбиево, кабардинец Сафар Карданов сватался к дочери соплеменника Аликова. Близкие родственники девушки после обсуждения, как это бывает, дали свое согласие, но потом, спустя какое-то время, передумали и выдали ее за муллу Солемана Алоова. Посчитав себя незаслуженно униженным и оскорбленным, Сафар в 1857 году спалил двор и сакли Аликова, а через год превратил в пепел все заведения муллы Алоова и бежал в горы. К поискам Сафара Карданова подключились власти. «При этом князь полковник Орбелиани присовокупил, что Карданов до побега в горы вообще вел себя дурно».¹⁰⁹ Для большей безопасности абрек поневоле покинул кабардинские земли и перебрался к осетинам, где у него были однофамильцы. Но и здесь его подстерегала неудача. В селении Заманкул его выследили и арестовали. Во время захвата Сафар долго не сдавался и оказал упорное сопротивление. После суда он был сослан в Брест-Литовск и заключен в крепость.

В число абреков, лиц всеобщего неприятия, попадали и вполне уравновешенные и социально-активные люди. Косность отдельных обычаев раздражала и стесняла их хозяйственную и общественно-политическую инициативу. Наиболее ~~767~~ активные личности, не желая и дальше слепо следовать им, протестовали, а затем вообще покидали общество, покидали добровольно а то и по принуждению, если конфликт имел кровавый конец. Случалось и такое, когда совпадали желания обеих сторон – и общества, и протестующей личности – разойтись, взаимоисключить друг друга. Первое не хотело видеть у себя что-то вроде бунтаря-новатора (плохой пример заразителен), другой испытывал горячее желание скорее избавиться от всеобщего презрения, и тогда наступал их взаимоприемлемый развод, благодаря чему сама собой снималась социальная напряженность. С этого времени их ничто больше не связывало. Общество продолжало

свою привычную мирную жизнь, а протестант покидал его и становился отшельником, добровольно взяв на себя лишения и неудобства своей новой ипостаси. С того времени абрек жил по законам, которые исповедовал сам: либо он бандит, разбойник, промышленяющий разбоем и грабежом, не останавливаясь ни перед чем, вплоть до насилия и убийства, либо – абрек, следующий более гуманным правилам, где убийство – крайняя мера, вызванная особыми обстоятельствами в борьбе за выживание. Но в любом случае, чтобы выжить, он должен заниматься, если не разбоем, то хотя бы воровством или грабежом, который также не проходит без насилия, хотя можно исключить убийство. Есть еще один способ самосохранения – попрошайничество, совершенно мирный способ выживания, но он противен гордому горцу и воспринимается им как унижающий его достоинство поступок. В кавказских горах до революции людей попрошаек не было вообще. Какой бы тяжкой не была участь отвергнутого обществом горца, он лучше умрет с голоду, чем пойдет по миру с протянутой рукой.

Своеобразным источником абречества стали несправедливые судебные приговоры и места лишения свободы – тюрьмы, ссылки, каторги. На это как на причину роста абречества указывал и Зелимхан. «Большинство из них избирают такую долю, – писал он в Государственную думу, – вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата. Ибо, спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении».¹¹⁰

Одной из форм протеста этих людей, особенно незаконно осужденных, был побег. Они давали клятву по возвращении в родные края обязательно наказать тех, кто опорочил и вверг их в такие страдания. Бежавшие из мест заключения не могли появляться дома и уходили в абреки. Но к этому они шли долго и трудно. Выбравшись на волю через подкопы и подкупы тюремных надзирателей, преодолевали сотни и даже тысячи километров, продираясь сквозь дремучую сибирскую тайгу, переходили вброд речки, переплывали реки, в дождь и снег пробирались по диким ущельям, раздирая лицо и руки. Непроглядная, как смола, ночь была их верной подругой. Делали все это без страха и сожаления, потому что впереди маячили родные сердцу места и цель. Ею служило острое желание рассчитаться с личным обидчиком, кто бы он ни был: высокопоставленный чиновник, наделенный властью, или простой мирянин. И в этом их ничто не могло остановить – даже страх быть снова схваченными или сраженными пулей.

Важнейшей причиной развития в крае разбойного абречества была безысходная материальная нужда горцев, происходившая от почти повального недостатка земли. Земля была основным и чуть ли не единственным источником существования горца-крестьянина. Если её было в достатке, то и крестьянская семья не испытывала никакой нужды ни в пище, ни в одежде, ни в совершении ритуально-обрядовых действий. Но именно она, её полное отсутствие или недостаток были причиной многих бед и страданий горцев Северного Кавказа. Вечное голодание и недоедание на почве малоземелья и безземелья толкали на преступный промысел даже тех, кто об этом никогда ранее и не помышлял. Из всех равнинных сёл Терской области только в 35% размер земельных наделов не опустился ниже продовольственной нормы, остальные 65% были малоземельными и безземельными.¹¹¹

Особенно бедствовали жители нагорной полосы, где проживало по свидетельству крупнейшего экономиста и публициста начала XX века Г.М.Цаголова, 187 тысяч горцев. На одну семью там приходилось меньше, чем 0,5, а нередко 0,1-0,2 дес. пашни. Поэтому продуктов земледелия, производившихся на плешинах гор, на этих лоскутах земли хватало только на 1/3 или 1/4 года, а иногда и того меньше.¹¹²

Тяжелейшее положение горцев отмечал и А.Скачков: «... Горцы сидят в своих осиных гнёздах, придавленные голодом, холодом, безысходной нуждой и невежеством, разоряемые суевериями и нелепыми предрассудками, запуганные и забытые... Сидят и не видят просвета, не видят конца своему тёмному, тяжёлому, мучительно-жалкому прозябанию».¹¹³

Активно проводившаяся царизмом переселенческая политика в конце XIX века ещё более стеснила горцев в земле. Из Полтавской, Харьковской и других внутренних губерний России хлынул огромный миграционный поток.

Растущее из года в год малоземелье в нагорной полосе Терской области также вызвало волну переселения крестьянской бедноты с гор на равнину. В итоге аграрное движение в начале XX века приняло широкий размах. На почве беспросветной нужды пышно расцвели грабежи и разбои, активизировались абреки. Начальник Веденского округа полковник Галаев, не по слухам знавший о нуждах и бедствиях горцев, считал, что в основе разбоев и грабежей лежит «малоземелье и родовой дух, в котором продолжала консервироваться Чечня».¹¹⁴

Малоземелье и неустроенность были всегда бичом для Северного Кавказа. Недаром Кавказский запрос в третью Государственную думу 58 депутатов в 1908 году прозвучал как СОС от повсеместного разгула криминала (грабежей и разбоев) на Кавказе и аграрных беспорядков. Но Российское правительство для искоренения этого зла выбрало не экономические преобразования края, а меры силовой борьбы. Вместо практического решения неотложных социальных проблем оно предпочло карательные экспедиции, что не всегда даёт положительные результаты, ибо, пока существуют порождающие её причины, всё остаётся как есть, несмотря на силовые акции, и рассчитывать, что ситуация изменится, не приходится.

В Государственной думе положение на Кавказе воспринималось неоднозначно, поэтому в ходе его обсуждения возникли горячие споры, доходившие иногда до прямых оскорблений. Особенно «разошлись» депутаты правого крыла. Они на все лады говорили о разбоях, смутах и беспорядках, обвиняя в этом местное «дикое» население, а заодно наместника Воронцова-Дашкова и его окружение. Царского фаворита и других лиц из краевого начальства обвиняли в попустительстве революционерам и криминальному миру, но даже словом не обмолвились о тяжёлом положении трудового народа, придавленного нуждой, феодально-колониальным и капиталистическим гнѐтом. Российский капитализм, вступивший в свою высшую, империалистическую стадию развития, безжалостно крушил и выдавливал местное кустарное производство, срывал крестьян с наделов и пополнял ими рынок свободной рабочей силы.

В системе Всероссийского рынка Северный Кавказ занимал видное место. Вывоз из пределов края достигал нередко более 120 млн. рублей в год, из которых две трети отправляемых грузов приходились на продовольствие и сырьѐ. Однако, имея такое солидное пополнение в российскую казну, правительство оставалось глухим к острейшим нуждам края. Имея миллионные доходы от него, оно не отчисляло и тысячной доли их на удовлетворение жизненно важных духовных и материальных запросов горцев.

Лучше всего об этом сказал сам Пуришкевич, ярый реакционер и шовинист. В декабре 1908 года во время обсуждения того самого депутатского запроса он вынужден был признать, что в гибельном положении края виновна только администрация, во главе которой стояли преступники и вся деятельность которой ограничивалась всякого рода злоупотреблениями, взяточничеством, обманом, произвольным обложением денежными и натуральными повинностями, различными взысканиями и штрафами, направленными на личное обогащение, при почти полном отсутствии заботливости о нуждах края со стороны правительства, не издавшего за 35 лет ни одного законоположения, которое изменило бы к лучшему хоть отчасти крестьянский быт на Кавказе. Неудивительно поэтому, что еще к моменту вступления С.Е.Толстова на пост начальника Терской области (1900- 1905 гг.) благоустройство селений с туземным населением, по его же выражению, находилось «в первобытном состоянии. В них не было ни школ, ни лечебниц, ни запасных магазинов, ни бань, ни сколько-нибудь сносных дорог.

О невыносимых условиях жизни на Северном Кавказе говорилось с трибуны Думы и до указанного депутатского запроса, который обсуждался в течение трёх месяцев с конца 1908 – по февраль 1909 года. 5-го июля 1906 года, выступая на одном из заседаний Думы, депутат от Терской области

А.П.Маслов вынужден был признать: «Кавказ называли погибельным, т.е. обречѐнным русским правительством на погибель. Я позволю себе кратко остановиться на Кавказе и, в частности, на Терской области...Туземцы, состоящие из чеченцев, осетин и других народностей, находятся в ужасном положении. Земельный вопрос стоит там чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения горцев... Земля стоит там дорого. Так, например, кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова».¹¹⁵

Не менее красочно о мизерности наделов горцев свидетельствует кавказская легенда.

Устав от изнурительного труда, крестьянин-горец решил отдохнуть. Он расстелил бурку на земле и прилёг. Отдохнув, он поднялся, чтобы снова приняться за работу. Но где его земля? Оглянулся вокруг — нет её. Встревожился крестьянин: куда же она могла подеваться? Отчаявшись, собрался уходить домой, но как только поднял бурку, обнаружил свой надел: её было так мало, что она помещалась под буркой.

Больше того, горцы были обременены множеством повинностей, громадными расходами на сельские нужды и содержание правлений. Особенно чудовищной была налоговая политика царизма на Кавказе. По свидетельству весьма лояльного представителя русского чиновничества В.Погожева «все кавказские земли обложены в 10 раз выше, чем наиболее обложенные земли в России».¹¹⁶ А если учесть, что за 11 лет с 1906 по 1916 год (время реакции и первой мировой войны) налоги выросли в 6,5 раза¹¹⁷ то нетрудно представить, в каком катастрофическом положении находились горцы в конце XIX — нач. XX веков.

В системе угнетения видное место занимали штрафы. Им подвергали горцев за малейшие отступления от норм и правил. Но самыми несправедливыми и унижительными из всех были обложения за «доведённые следы» и укрывательство абрека.

Для взимания штрафов исключительно с горцев властями было принято специальное руководство «О наложении административным порядком денежных штрафов на туземные (аульные) общества Терской области», которое затем нашло воплощение в законодательстве. В одном только 1906 году штрафы по Терской области составили 21.938 руб. 95 коп., тогда как в соседней Кубанской области, превосходящей по территории и численности населения, они достигли всего 2.176 рублей.¹¹⁸ То есть в 10 раз больше, как и по налогам.

Непосильные налоги подрывали крестьянские хозяйства и по мере того, как падала платежеспособность, росли недоимки. За 15 лет, с 1899 по 1914 год податные оклады по Терской области выросли более чем вдвое, а недоимки почти в 6 раз, поземельные налоги за это же время увеличились в 5 раз, а недоимки по ним — в 211 с лишним.¹¹⁹ Ответом на всё это стали грабежи и разбои, организованные набеги на соседей. Другого ожидать было нельзя.

Вдобавок ко всему несносной жизнь делали такие издержки пережитков прошлого, как плата за кровь, калым, разорительные поминки. Они ввергали горскую бедноту в такую вопиющую нужду, что единственным спасением при отсутствии постоянного источника дохода или заработка становилась насильственная добыча средств жизни на стороне — разбой и грабежи.

Наконец немаловажным фактором развития протестного абречества на Кавказе была колониальная политика царизма. Особенно отразилась она на жизни малых народов Северного Кавказа.

В целом же приход России положительно сказался на их судьбах. Горцы приобщились к высокой русской культуре, стали с гордостью сознавать себя сопричастными к великой державе, получили блестящую возможность проявить себя на ратном поприще во имя новой большой Родины, умножая славу русского оружия. Горцы имели ещё многие другие выгоды. В частности, осетины, благодаря монаршьей воле Екатерины 11, покинули горы и выселились на равнину. Это был величайший акт милости, который осетинский народ всегда помнит и чтит.

2. Абречество как форма активного протеста и борьба с ним царской администрации

В настоящем¹⁶⁸ разделе автор не ставит задачу охватить всех абреков Кавказа. Это почти невозможно, да и нет такой необходимости, так как повадки и действия, фабула преступной жизни многих из них очень схожи. Поэтому внимание больше всего будет обращено на наиболее известных абреков, повергших власти в страх и отвлекавших у них большие силы на борьбу с ними вместо решения назревших социальных проблем. Однако замечено, что после Кавказской войны, длившейся без малого столетия, в борьбе с русским присутствием наметился некоторый спад: главные силы антирусской ориентации были повержены, а те, что еще оставались, сознавали свою беспомощность.

Набеговая система на Северном Кавказе и абречество как одна из ее ветвей также

заметно стихли, хотя наблюдались и отдельные их яркие вспышки. Такое положение длилось примерно до конца 70-х годов XIX века. Но это было всего лишь короткое затишье.

Особое место, как часть бурлящего Кавказа, занимала Терская область — одна из самых густонаселенных и многоязычных территорий Северного Кавказа. В последней четверти XIX века согласно Положению 21 марта 1888 года она состояла из 3 отделов: Сунженского, Пятигорского и Кизлярского и 4 национальных округов: Владикавказского, Нальчикского, Грозненского и Хасав-юртовского. Отделы включали земли, занятые казаками и управлялись атаманами отделов, которые, как правило, имели чин генерала или полковника, а в округа входили земли, принадлежавшие горцам, и назывались по названию административного центра проживавшего там этноса. Управление в округах вверялось начальникам округов, которые тоже были исключительно из числа военных — полковники и подполковники.

В конце XIX века в связи с ростом казачьего населения эта административно-территориальная структура подверглась первым изменениям. В 1899 году на базе восточной половины

Пятигорского отдела был создан самостоятельный Горско-моз-докский отдел, а в годы первой российской революции 1905-1907 годов для более успешной борьбы с ней, с усилившимися грабежами и разбоями, а также для повышения оперативности в управлении округами и решения хозяйственно-политических задач были созданы два новых округа: Назрановский — путем выделения из Сунженского отдела ингушских сел и Веденский, куда вошла юго-западная часть Грозненского округа, занятая чеченцами. В итоге Терская область после всех этих преобразований стала состоять из 4 отделов и 6 округов.

В восьмидесятые годы абречество вновь о себе заявляет и, подобно фениксу, возникшему из пепла, развивается как мощный социальный протест против наступающего по всему фронту капитализма и порожденных им институтов, безжалостно ломающих старые привычные патриархально-родовые и феодальные порядки горцев. Эту новую протестную волну на Кавказе вызвала русская администрация как главная проводница этих реформ. В конце XIX и начале XX века на арену террористической борьбы выходят главные ее фигуры, и абречество принимает уже такой размах, на ликвидацию которой кавказская администрация вынуждена привлечь не только правоохранительные органы и весь свой личный состав, но и значительные воинские части. Борьба с абречеством по существу явилась второй вялотекущей кавказской войной на стихийной основе.

В этот период довольно известной личностью среди кабардинских разбойников был Казбулат Мудов. Он был родом из аула Ажиева, что расположен на реке Малке в Кабарде. Это был человек среднего роста, лет сорока, широкоплечий, крепко сбитый горец. На голове у него были темнорусые, немного курчавые волосы, такие же усы и борода, небольшое немного продолговатое рябое лицо. К приметам можно отнести и то, что он никогда не носил одну и ту же одежду: его видели то в азиатской черкеске, то в европейском костюме. Постоянно менял лошадей, имел при себе револьвер, длинный кинжал с черной роговой рукоятью, в черных кожаных ножнах, без всякой оправы.

Казбулат Мудов не принадлежал к абрекам-борцам. По отношению к русским официальным властям был совершенно лоялен. Это был обычный разбойник, который к абрекам был причислен властями из-за своих грабительских налетов. Первая попытка легкой, но опасной наживы, была совершена им еще в 1877 году. В качестве жертвы он выбрал местного купца Аджимова, славившегося своими доходами и товарами. Желание сразу стать богатым не давала покоя. Но операция по ограблению, даже внезапно проведенная, не оправдала надежд

— унести много добра не получилось. Полиция быстро вышла на след, схватила Мудова и предала суду, по приговору которого его сослали в Сибирь. Нести бремя полуголодной и холодной каторги ни за что Казбулат не собирался, и вскоре ему удалось бежать в родные края, где все ему знакомо и мог располагать поддержкой друзей и родственников.

Поняв, что в одиночку в своем криминальном промысле невозможно быть успешным, Казбулат сколотил вокруг себя надежную шайку. Боясь быть обнаруженным, он постоянно менял местопребывание и нигде не задерживался больше суток-двух, переезжал с места на место, запутывая свои следы. Но чаще всего находился « в Пятигорске, Кисловодске и Ессентуках, а равно и в окрестностях этих мест, где в горах имелись коши, а иногда пробирался и в Кабарду. «Часто бывал у переводчика г. мирового судьи г. Пятигорска, с которым вел большую дружбу».¹²⁰

Организованная шайка не довольствовалась малыми доходами, хотя и ими не брезгала, когда не везло, и находилась в постоянном поиске подходящей жертвы. Последний случай подвернулся 23 июля 1880 года. Стало известно, что в этот день вечером по шоссе из Эссентуков в Кисловодск должен проследовать генерал Сафонов: наверняка при нем будет что-то такое, что ублажит грабителей. Мудов и его друзья взяли дорогу под контроль. Около 9 часов вечера показалась открытая почтовая коляска, в которой восседали ямщик Власенко и генерал-майор Илья Сафонов с сыном. На шестой версте пути, как только путники поравнялись с засадой, абреки из восьми верховых бросились вдогонку за своей жертвой.

– Ямщик, дай галопа! – приказал генерал. – Гони, что есть сил. Нас преследуют разбойники!

Запряженным лошадям не уйти от коней под седлом. Абреки, приближаясь к четырехколесному экипажу, открыли огонь из револьверов и ружей. Тот, кто был самым первым, зашел с левой стороны экипажа и выстрелил прямо в сидевших в нем, но промахнулся. Мгновенно в ответ выстрелил генерал и убил абрека, который тут же свалился вместе с лошадью в канаву. Друзья бросились к нему на помощь. За это время экипаж успел отдалиться от них на целую версту, но затем был снова настигнут ими. Генерал вытащил из ножен шашку, передал его сыну, коллежскому асессору Василию, и приказал обороняться ею с правой стороны экипажа, а сам стал отстреливаться из револьвера.

Пять верст шли гонки. Абреки произвели три залпа, а когда генерал сделал последний шестой выстрел из револьвера, один из абреков зашел вперед экипажа и стал сворачивать лошадей в канаву. Боясь быть опрокинутыми, пассажиры соскочили с коляски, тут же отец взял у сына свою шашку «и стал отбиваться от трех нападавших на него с кинжалами до тех пор, пока представилась возможность прыгнуть вместе с сыном в кручу».¹²¹

Грабители торжествовали успех. В качестве трофеев им достался небольшой чемодан, плед с завернутыми в него разными вещами, военная шинель с генеральскими брюками, синее статское пальто и подушка с сиденья экипажа. Но больше всего они были рады брошенным при обороне двум золотым часам и двум бумажникам с деньгами. Что касается самих пострадавших, то они отделались сравнительно легкими телесными повреждениями: генерал получил ожег на левой руке от выстрела, а ямщик – ушиб левой руки неизвестно чем.

По прибытии в Кисловодск генерал И. Сафонов тут же телеграммой доложил в Пятигорск временно исполняющему обязанности командующего войсками Терской области и просил «сделать усиленное распоряжение обыскать весь лес от пятой до двенадцатой версты, а также аулы, в которых будут или раненые или убитые и простреленные бурки. Где удобно Вам принять личный мой доклад, буду ждать ответ в Эссентуках. Генерал-майор Сафонов».¹²²

О случившемся срочно рапортовал начальнику Терской области из Котляревской и подполковник Полозов. Начальник области генерал-лейтенант Алексей Михайлович Смекалов распорядился немедленно начать розыскные действия, изловить злодеев и предать суду. 27 июля Полозов телеграфировал генералу Смекалову, что для розыска грабителей Сафонова командированы подполковник Цугулиев, майор Лавен, пристав Барбин, а также сделаны поручения надежным лицам некоторых аулов по организации питания этим людям.

28 июля тот же Полозов телеграфно докладывал во Владикавказ, что он «исключительно занят делом по ограблению Сафонова есть уже четыре заподозренных человека которыми проводится дознание следствие ведут опытные люди денег не жалею». 118 Восьмого сентября Смекалов обратился в Областное Правление с тем, чтобы предписать старшему чиновнику по особым поручениям надворному советнику Тхостову немедленно отправиться в слободу Нальчик, гор. Пятигорск и далее через Кисловодск в сел. Абуково для производства секретного дознания по делу о нападении на генерал-лейтенанта Сафонова и на основании сообщенных ~~ему~~ Ставропольским губернатором секретных сведений и личных его приказаний издать распоряжение Областного Правления об отпуске ему для этой поездки в названные пункты и обратно прогонов по Положению и суточных примерно на два месяца.

В шайку Мудова входили Элен Дыкинов из села Арсламбек-Атажук, Ханшао (Коншао) Шидов из Наурузова и другие. Ставропольский губернатор сообщал начальнику Терской области, что у последнего имеются часы, ограбленные у ген. Сафонова. Как Дыкинов, так и Шидов, доносил высокий чиновник, в настоящее время укрываются у табунщиков-кабардинцев, пасущих скот ниже станицы Горячеводской, около горы Машухи, где их легко можно захватить при помощи подкупа табунщиков. Шайка все время пополнялась новыми

людьми, и вскоре их число достигло дюжины.

19 мая 1881 года часть абреков из этой шайки была схвачена и направлена в различные карательные органы. Асламбек Жажитов, Хаджимурза Киргинов и Кайсын Перхичев переданы нальчикскому судебному следователю, Переждуко Козиев – судебному следователю 3-го Владикавказского участка, Хатах- шуко Кауфов отправлен на нальчикскую гауптвахту, а Казбулат Мудов и Саид Мурзаканов бежали в Турцию. Остались не пойманными Мурад Озов, заменивший Мудова на посту главаря, Так Шогенов, Коншао Шидов и Мусса Абитов. Затем к беглецам добавились Элен Дыкинов и Измаил Хацуков. Через князя Асламбека Атажукина этих абреков вызвались поймать арестованные начальником Пятигорского округа и находящиеся у судебного следователя люди (имена не называются – авт.) по своем освобождении их за недостатком улик в инкриминируемых им обвинениях.

Одновременно начальник округа подверг аресту 33 родственников абреков, среди которых были женщины: жены и сестры и даже подростки. Всех их посадили на нальчикскую гауптвахту, и там же им было заявлено, что они обязаны посодествовать в поимке абреков, в противном случае они сами будут высланы из края. Одновременно он предписал начальникам участков, чтобы никому из жителей не выдавались билеты на отлучку за округ без его личного разрешения, и наблюдали за тем, чтобы не были выданы билеты ни одному из абреков. Принятые меры дали результаты. Свое слово сдержали и бывшие арестанты, и на полях рапорта начальника Пятигорского округа вскоре карандашом было выведено – «Явились сами и представили предводителя абреков Озова».¹²³

У всех у них за плечами масса преступлений. Дыкинов и Хацуков обвинялись в совершении краж скота и лошадей у крестьян Солдатско-Александровского и Обильного, а Мурад Озов на допросе 23 июня 1881 года показал, что Дыкинов участвовал и в ограблении ген. Сафонова. Сам же предводитель абреков с целью грабежа совершил убийство целой крестьянской семьи Ечкаловых из села Воронцовки. При поимке у него был изъят револьвер ген. Сафонова. Абреки получили разные сроки тюремного заключения и этапированы в определенные судами места. Но не все были доставлены к местам назначения. 31 июля 1881 года воинский начальник Георгиевска донес начальнику Терской области, что в ночь с 24 на 25 июля во время проливного дождя и «господствовавшей вследствие того темноты, бежал незаметно для караула из Георгиевской тюрьмы пересыльный арестант гражданского ведомства, горец Мурад Озов, следовавший по распоряжению следователя 2-го участка Александровского уезда Ставропольской губернии в Пятигорскую тюрьму. При осмотре места заключения этого арестанта не обнаружено ни подкопа, ни других явных причин, способствовавших его побегу. Некоторые же из содержащихся вместе с ним в одной камере арестантов заявили, будто бы он сбил с себя кандалы и пролез наружу сквозь оконную решетку».¹²⁴

Побег отъявленного абрека вызвал целый переполох. Начался масштабный розыск. Для принятия срочных мер по его поимке было спешно сообщено начальникам Александровского, Новогригорьевского, Баталпашинского уездов, Владикавказского, Грозненского округов. Пятигорскому и Моздокскому полицмейстерам. Но это походило на – ищи ветра в поле, и ничего не дало. А причина побега оказалась самой банальной. Как говорилось в одном из октябрьских донесений начальнику Терской области, побег Озова произошел не по вине караула, исправно исполнявшего свои обязанности, а из-за «неудовлетворительного устройства» Георгиевского тюремного замка. Удалось скрыться и Исмаилу Хацукову. Он бежал в Грузию, в Сванетию, к своему давнему знакомому Тенгизу Дагишкалиони, который усердно помогал ему перебраться в Турцию, где уже свободно разгуливали его друзья.

Интересна история, связанная с ингушом Татарханом [Дуровым, жителем Джераховского общества Владикавказского округа. Он был абреком-одиночкой, но иногда в подмогу себе брал шайку и тоже действовал по принципу внезапности. Жертву застигал врасплох, забирал деньги и все, что было ценного, и отпускал, не причиняя телесного вреда. Если подворачивались арба или верховой, завладевал лошадьми, а затем продавал их. Но как ни действовал аккуратно, до администрации дошли слухи о его преступных вылазках. Началось преследование. На требование участкового пристава в мае 1879 года явиться для допроса ответил категорическим отказом. И с тех пор был объявлен в розыск.

Как абрек больше всего промышлял во Владикавказском округе и скрывался от преследователей в тамошних предгорных лесах, хотя был родом из соседнего Назрановского округа. В ненастную погоду он отсиживался у родственников или забирался в пещеру, а если

непогода или ночь заставляли близ чужих поселений, просился на отдых или ночлег к тем, кого Бог пошлет, хотя и неохотно это делал из-за риска быть обнаруженным. Но не меньше рисковал и приютивший абрека хозяин: за это он нес административную и даже уголовную ответственность. Однажды Татархан Цуров в темную осеннюю ночь под проливным дождем постучался в одну саклю на окраине селения Ларе. На стук и собачий лай вышел хозяин дома. Тусклый свет керосинового фонаря через открытую дверь упал прямо на гостя. Перед горцем-осетином стоял небритый, весь промокший незнакомец. Огромная дворняга на цепи остервенело рвалась к чужаку.

– Будь кунаком. Хоть на пару часов пусти, – попросил человек в черной бурке и папахе.

– Заходи. Будь гостем. Всякий гость – Божий гость! – ответил хозяин, разглядывая незнакомца.

Хозяин дома поднял жену, и, как принято у осетин, гостя накормили, уложили спать, а промокшую верхнюю одежду повесили сушить. Кто был этот человек, приютивший узнал только на следующий день. Он и тогда в самую полночь догадывался, что это абрек: выдавала внешность, настороженность, но не стал допытываться, а сам гость был немногословен, сказал только что ингуш, из Джераха, и если бы не дождь и разлившиеся речки, добрался до семьи. Рано утром, едва забрезжил свет, абрек поблагодарил хозяев дома за радушный прием и скрылся за околицей. А в это время уже шел розыск. Вскоре власти взяли след: выдал сильный собачий лай, который встревожил всех соседей вокруг. Они то и сказали, ничего не подозревая, что к соседу кто-то ночью наведывался. Не прошло и нескольких часов, как появился пристав с двумя милиционерами. Хозяина дома обвинили в том, что он приютил у себя абрека, а сам не сдал его властям, и увели.

– Откуда я мог знать, кто он такой, – объяснял на допросе осетин. – Но если бы и знал... Что сказали бы люди, узнав, что отказал в приюте? Это против адата. Лучше тюрьма, чем позор!

В итоге, за свою человечность и приверженность к национальным традициям простой горец-осетин, свято чтивший обычаи предков, получил шесть месяцев тюремного заключения. Могли дать больше, но соблюдение обычаев было признано как смягчающее обстоятельство.

Татархан Цуров был одним из тех абреков конца 80-х и начала 90-х годов, которых причисляли к самым дерзким во Владикавказском округе. Облюбованным местом, где он постоянно кружил и грабил проезжающих, были предгорье и Военно-грузинская дорога, которая из Владикавказа вела в Тифлис. Эта дорога всегда была богата состоятельными путешественниками, и Цуров редко упускал случай воспользоваться удачей, умея при этом остаться неопознанным. Отсюда со своими дружками-со- племенниками из Назрановского округа он совершал налеты и на более отдаленные села на равнине. Как следует из записки генерал-майора Дударова начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска генерал-лейтенанту Александру Павловичу Свистунову «он держал в блокаде Военно-грузинскую дорогу. Как полиция, так и общество желали прежде всего избавиться от него. Чрез него сильно терпели все прилегающие к дороге местности и их население. Поэтому против него были употреблены самые сильные и действенные меры, поставившие его в безвыходное положение и заставившие сдаться».¹²⁵

Но это было потом, а незадолго до этого Цуров и его сообщники, почувствовав нависшую над ними угрозу, решили бежать в Турцию. Для этого нужно было достать деньги, но на этот раз ничего не получилось. Генерал Дударов, принадлежавший к роду чминских и ларсских Дударовых, владевших на праве собственности многими тысячами десятин предгорной земли и контролировавших Военно-грузинскую дорогу, узнав о намерениях абреков, принял самые решительные заградительные меры и не дал им осуществиться. «Этими мерами, – продолжал генерал, – Цуров был совершенно лишен всякой возможности скрытно уйти за границу или быть выпровожденным, куда бы то ни было. После всего этого я приказал объявить ему, что единственным средством к спасению жизни ему остается сдаться на волю и великодушие Вашего Превосходительства, каковою решимостью он заслужит еще сочувствие и благодарность к себе тех, которые по родству и легкомыслию принимали его и которые сильно страдают, если он добровольно не сдастся или учинит еще малейшее преступление». В то же время генерал не упускал из виду и других абреков. «И хотя постоянно знал, – отмечал он, – где они находятся, кто из них с кем, и, следовательно, мог бы покончить с ними по сравнению легче и скорее, чем с Цуровым, но по разным

непредвиденным и независящим от меня обстоятельствам не имел возможности свободно действовать против них».¹²⁶

Но как не сопутствовала абреку удача, он был схвачен, осужден и в 1878 году выслан из пределов Терской области. Через год он бежал и снова был объявлен в розыск, уже во второй раз.

Популярность этого абрека была ему далеко не на пользу. Помимо тех преступлений, которые совершал сам Цуров, народная молва приписывала ему еще и другие. Но ему все таки везло в другом: у властей не было конкретных обличающих данных для привлечения его к судебной ответственности. «Тем не менее Цуров виновен в том, — писал начальник Терской области Свистунов начальнику Главного Управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, — что с 1879 года не поспешил явиться к начальству для опровержения возводимых на него обвинений, а напротив того, несмотря на производившиеся розыски, о которых не могло не быть ему известными, тщательно скрывался и тем давал повод злоумышленникам, хотя бы и не находившимся с ним в сообществе, производить грабежи под его именем».¹²⁷

22 февраля 1882 года Татархан, устав от постоянных преследований, добровольно явился к начальнику области с повинной. Выслушав абрека, Свистунов отдал приказ заключить его на Владикавказскую гауптвахту, «за то, что и после побега он, скрываясь в горных лесах Военно-грузинской дороги, учинил много разного рода преступлений, но по его ловкости и изворотливости дознаниями не добыто таких улик, которые могли бы послужить к обвинению его в судебном учреждении, но косвенно изобличается в этих преступлениях, а потому»,¹²⁸ сам как наказной атаман Терского казачьего войска обратился к тифлисскому начальству с прошением. В нем указывалось — с учетом добровольной явки абрека, но «для обуздания нравственности Цурова» исходатайствовать у главноначальствующего разрешение на высылку его в одну из внутренних губерний России под надзор полиции на срок по 22 февраля 1884 года с дозволением ему по окончании срока возвратиться на родину, если в ссылке он заслужит одобрительный отзыв местного начальства. При этом он отметил, что Цуров происходит из простого сословия и средств к содержанию себя в ссылке не имеет.

Одновременно начальник области сообщал, что у находящегося на гауптвахте абрека Цурова есть должники, с которых он просит взыскать эти деньги и вернуть их ему, — это житель сел. Гуши Гассиев, которому он наличными отдал займы 25 рублей, проживающий в Ларсе грузин Андро — 50 рублей за купленную у Цурова лошадь и житель Санибы Крым Есенов — 40 рублей тоже за лошадь. На оба запроса был получен положительный отзыв, и Цуров был отправлен в г. Харьков в ведение тамошнего губернатора «впредь до назначения ему места жительства министром внутренних дел, с которым вместе с сим сделано по сему предмету сношение».¹²⁹ Местом ссылки министром была определена Курская губерния.

Кавказский абрек все время ссылки провел без каких либо нарушений режима и по окончании срока получил право возвратиться на родину. Желая навсегда расстаться со старыми делами и памятью о них, Цуров отказался от этого права и с разрешения Департамента полиции остался на постоянное жительство в Тимском уезде Курской губернии.

А вот другой случай, произошедший летом того же 1882 года в селении Гельдыгинском Грозненского округа. В указанном селе жили два брата Османовых — Юнус и Гаирбек. Как-то к старшему Юнусу, жившему на окраине села, попросились переночевать два абрека. Тот не мог отказать в гостеприимстве и принял незнакомцев, которыми оказались абреки Пуру Долов и Адильгирей Арсамаков. За прержательство абреков, как тогда говорили, стражи порядка арестовали Юнуса, а затем и младшего брата. Общество решило заступиться за них. Односельчане написали на имя начальника округа прошение, в котором утверждали, что братья «хорошего поведения, никогда не были ни в чем замечены», что Юнус не виновен в принятии беглых абреков в свой дом. Он не знал, что они за люди, исполнил всенародный обычай, как жил на краю селения, принял их по ошибке, как неопытный молодой человек..., и он никогда с оными абреками не был знаком».¹³⁰ Все общество просило освободить братьев из-под стражи. Но освобождение не было скорым. Братья еще долго находились на Грозненской гауптвахте. 2 апреля 1883 года Гаирбек был освобожден и отдан на поруки, а второй продолжал сидеть. В августе 1884 года был отдан на поруки и Юнус. В общей сложности они просидели под следствием: один — 9 месяцев, другой более двух лет.

За укрывательство абреков прощения не было никому, даже заслуженным людям. В

начале XX века в Закавказье было очень популярно имя абрека осетина Магомета Томаева, воевавшего с грузинскими князьями. Еще в лучшие времена своей жизни, в годы мужской зрелости он был знаком с соплеменником Петром Гайтовым, успешно делавшим военную карьеру. Заподозренный в убийстве Магомет бежал и скрывался в лесах. Постоянные преследования грузинских князей сделали его абреком. Это был отважный и дерзкий мститель. Для его уничтожения была снаряжена воинская часть, и однажды она уже по пятам следовала за ним. Надежного укрытия вокруг никакого. Это было в районе проживания полковника Петра Гайтова. Абрек Томаев, убежденный, что дом Гайтова не будет подвергнут обыску, попросился к нему на это время. Риск был большой, но полковник, представленный к генеральскому чину, поддался, сработало чувство этнического единства. И за это сильно поплатился: Петр Гайтов был лишен этого повышения, к которому так долго шел.

Магомет Томаев

Борьба с абреками всегда была делом непростым и опасным. В 1885 году при активном участии отставного подпоручика Хабайлы Курбанова был убит бывший часто на слуху абрек Иба Амаев. За это подпоручик даже заплатил 50 рублей своих собственных денег. Пострадавшие родственники, живущие в селах двух участков, 5-го и 6-го, и два сына абрека не могли простить ему этого и стали преследовать. Остерегаясь мести, подпоручик Курбанов обратился к начальнику Терской области генерал-майору Евгению Корниловичу Юрковскому с просьбой разрешить ему продать все свое недвижимое имущество в Шатое и переселиться в Грозный, так как последнее обстоятельство приняло для него чрезвычайно «острый и безвыходный оборот». Подпоручик не мог дальше оставаться в пределах Аргунского округа, поскольку постоянно преследовавшие его сыновья убитого находились все это время в ауле Цогуной, расположенном рядом со слободой Шатой. Существование среди туземцев кровной мести, писал Курбанов, делает перемену места жительства крайне необходимой.

Вскоре дело приняло еще более угрожающий характер. По инициативе подпоручика была возбуждена переписка о возврате ему 50 рублей подкупных денег, данных им старшинам селения Дай Чинако Элаеву, Айдемиру Алдамову и Муртазали Ахметханову за убийство Ибу Амаева. Переписка привела к огласке настоящего организатора убийства абрека, и сыновья приняли решение убить самого Хабайлы Курбанова или, если это у них как-то сорвется, одного из трех проживающих с ним сыновей. Из-за угрозы возмездия семья Курбановых с наступлением сумерек не выходила из дому и сидела взаперти.

Семья Курбановых была родом из селения Бердикель 2 участка Грозненского округа. Около 30 лет назад Хабайла переехал в Шатое, а несколько месяцев назад переселился и старший сын Аслахан. Как официальное лицо Х.Курбанов не пользовался авторитетом, так как он не заботился о мирянах, игнорировал их интересы. Напротив, он еще больше сдружился со своими бывшими сослуживцами, которые из-за неблагоприятных дел подпали под наблюдение полиции, — Бергишем Акбулатовым и сыном его Песи «и вместе с ними подучает и подкупает легковых людей кляузничать, через что, волнуя народ, возбудил против себя большую часть населения 5-го участка».¹³¹ Ознакомившись со всеми этими сведениями, поступившими от начальника Грозненского округа, начальник Терской области наложил на ~~его~~ рапорте резолюцию: «Курбанов просился сам в Грозный, но туда я не разрешил. Пусть переселяется в Бердикель. Дома в Шатое может продать, но только русским».¹³²

Занимались разбоем и грабили не только у себя. Чтобы скрыть свои противоправные действия, уходили в другие места, нередко в очень отдаленные: разбойники-северяне — чаще за кавказский хребет и на Кубань, где их никто не знал. 14 сентября 1895 года сын Цоринского старшины Инарко Эльмурзиев письменно сообщил дежурному офицеру при начальнике Терской области, что житель этого же Цоринского общества Шаам Эльмурзиев заявил о том, что дней 18 тому назад экажевцы Пацо Гарданов, а имени другого не знает,

цоринец Андарко Парышев и малхинец Таубот Толигов поехали в Тифлисскую губернию с целью ограбить почту. Завели уголовное дело. Следствие по нему установило, что грабители до места назначения не прибыли. По пути в Грузию наткнулись на другое, не менее доходное дело, но назад не вернулись. Они напали на овечью отару и были убиты пастухами. Иногда грабителей поджидал и такой конец.

Борьба с абреками даже численно превосходящих сил не всегда завершалась успехом, и тогда оскандалившихся преследователей ждал не только позор, но и наказание со стороны властей. В мае 1890 года по станице Карабулакской пошли слухи, что пропавшие казаки Земцов и Спицын убиты в Назрановском общественном лесу абреками и затем повешены. Атаман станицы собрал до ста казаков, частью вооруженных, к которым присоединились старшина селения Яндырского Лорса Мусакиев со своими жителями, и начали прочесывать означенный лес. Во время облавы они наткнулись на бежавших из Владикавказской тюрьмы Санталиева и Бекова из Экажева и попытались их захватить, но абреки, имея бердановские винтовки, не подпустили к себе близко казаков, вооруженных простыми ударными ружьями и, пользуясь густотой леса, скрылись.

При обыске леса казаки задержали двух ингушей с арбами, тоже экажевцев, Бороко Тебоева и Саадула Сагиева. У первого в арбе лежали чуреки, сыр и мясо. Когда на них наткнулись казаки, абреки спокойно сидели за трапезой у арбы зикриста Тебоева, запряженной лошадей, которая ранее принадлежала отцу Санталиева. Оба они доставляли абрекам провианты, хотя в этом не признавались и говорили, что приезжали в лес за хворостом. Старшина Мусакиев и казаки, заподозрив пленников в пособничестве абрекам, арестовали их и доставили сперва в Карабулак, а затем к атаману Сунженского отдела. Атаман отдела тут же составил рапорт на имя и. д. начальника Терской области генерал-майора Топелева, в котором просил, в пример другим, сослать их на поселение. Атаман признал, что абреки ушли частью из-за плохого вооружения казаков, но, с другой стороны, он считал позорным для них, «бывших числом более 100 человек, дать возможность безнаказанно уйти двум человекам».

В связи с этим он просил также всех повинных в этом происшествии наказать соответствующим образом и сформировать партизанскую команду из пеших казаков под начальством офицера, которая выполняла бы роль уже имеющихся охотничьих полковых команд. И на атаманском рапорте появилась резолюция: Экажевцев Тебоева и Сагиева сослать на остров Чечень, атамана ст. Карабулакской арестовать на неделю, а урядника Баженко, руководившего поиском и столь постыдно упустившего абреков, разжаловать в казаки. О сформировании команды составить соображение».

Но это еще не все. Наказание понесли и те, кто об этом и не догадывался. На один год на остров Чечень был сослан житель сел. Костека Темук Окабов, содержатель в слоб. Хасавюрте постоянного двора, за то, что «дает приют разным подозрительным и беспаспортным лицам». На два года были отправлены туда же жители сел Плиевского Мусса Абыргов и Тембулат Темуркиев, а также Ааматханов – первые два за пристанодержательство, а третий – за укрывательство абрека.¹³⁴

Разбойничьи шайки, как летучие отряды, легко перемещались с места на место. Об одном таком случае начальник Хасавюртовского округа докладывал начальнику Терской области генерал-лейтенанту Каханову. Выясняя причины усилившихся в последнее время у него в округе грабежей и разбоев, он от преданных ему людей узнал, что туда из Грозненского округа прибыла шайка абреков и, совершая преступления, скрывается в чеченских селениях. Появление этой шайки особенно опасно потому, считал он, что порочные люди из чеченцев собственно Хасавюртовского округа также составляют свои шайки и под именем тех абреков совершают крупные грабежи. Слово подзадоривая друг друга, этими шайками за последнее время были совершены: подкоп дома Умаровой в сел. Аксае со стрельбой и поранением Исаева, угон 35 лошадей из табуна Месяцева, то же самое с 6 лошадьми у крестьян на участке Капланова, ограбление быков у проезжавших казаков ст. Шелковской на почтовой дороге, захват 42 лошадей у Эдельбиева из Зандакова, убийство и ограбление Трухачева и поранение Переверзева, угон лошадей с рыбного промысла Львовых и убийство с целью грабежа в сел. Андреево в собственном доме торговца еврея.

Начальник округа с несколькими помощниками был не в состоянии покончить с таким размахом преступлений, да еще при упорном укрывательстве злоумышленников «не только поголовно всем туземным населением, но и сельскими должностными лицами из туземцев и

при неимении сумм на наем сыщиков. Единственно полезною в этом случае мерою и достигающею цели, — писал он в рапорте Каханову, — является команда верховых вооруженных ружьями Бердана казаков. Такая команда за время управления мною округом была образована по ходатайству моему от 24 февраля 1899 года и двух абреков перестреляла, а остальных настолько успешно преследовала, что заставила бежать в Турцию. Ныне вновь прошу ходатайства Вашего Превосходительства перед господином главноначальствующим о разрешении отчислить с 1 мая сего 1901 года 30 человек всадников 8-ой сотни Терской постоянной милиции третьего разряда и нанять на их место 15 льготных казаков, которые будут удовлетворяться жалованием тридцати отчисленных милиционеров, т. е. по 20 рублей в месяц с фуражным довольствием лошадей по положению всадников 8-ой сотни».¹³⁵

Начальник области Каханов поддержал эту инициативу. Вообще Каханов был жесткий и прагматичный администратор, один из преданнейших своему делу людей. Это он Великого гуманиста, борца за свободу и защитника всех горцев Кавказа Коста Левановича Хетагурова сослал в Херсон. Ему не помешала это сделать даже всенародная любовь к этому несгибаемому альтруисту и поэту-гению.

Пока же в это время делаются отдельные частные запросы об оказании организованной вооруженной помощи. Спустя же всего несколько лет, по инициативе Терского областного правления и с согласия наместника Кавказа будет создан постоянно действующий военный отряд из более чем двух тысяч человек, который дислоцируется на всей территории Терской области, преимущественно в Чечне, Ингушетии и Дагестане.

Для борьбы с повальными грабежами и разбоями на Кавказе военные и гражданские власти ставили вопрос о вооружении всех лиц, занятых в охране, и вскоре в различные края и области был разослан специальный циркуляр, предписывающий его обязательное исполнение. По этому поводу у нового начальника Терской области Сергея Евлампиевича Толстова было свое мнение: он был твердо уверен, что это только частично решает вопрос, и предлагал более радикальные меры. В частности, начальнику штаба Кавказского военного округа он писал: «Вследствие отношения от 28 августа 1901 года за № 16129 сообщаю, что вооружение ночных караульчиков, полевых и лесных сторожей и пастухов нетуземных населенных мест усовершенствованным огнестрельным оружием считаю мерою, которая будет достигать лишь некоторых благоприятных результатов, так как это оружие у перечисленных охранителей порядка будет почти всегда в неумелых руках, и только сравнительно в не частых случаях, если это будет запасный или отставной солдат, оно будет отвечать своему назначению».¹³⁶ Но даже если в редких случаях это будет иметь хорошие результаты, вооружение населения целесообразно, считал Толстой. Поэтому из казенных складов он предлагал отпустить за деньги в каждый населенный пункт бердановские 4-линейные винтовки из расчета на каждые 10 дворов по одной винтовке. Причем нарезки в последних совершенно снять, сделав их гладкоствольными. Такие ружья, полагал он, вполне будут пригодны для ночной охраны, когда приходится стрелять только на очень близкие дистанции, но зато с ними бывает меньше несчастных случаев, чем с нарезными, имеющими слишком сильный бой. На все населенные пункты области приходилось 1100 бердановских ружей, к которым должны были отпускаться тоже за деньги по 10 патронов на ружье и иметь еще в запасе в г. Владикавказе 5000 штук для пополнения их по мере расходования.

Вооружение частных охранников и имущего населения для защиты себя и своего состояния от абречьих налетов не получило всеобщего одобрения. Начальник Грозненского округа полковник Николай Иванович Степанов на отношение начальника Терской области ответил, что «считает мерою паллиативной, от которой хотя и можно ожидать некоторого результата, но весьма слабого, и вот почему. Усовершенствованное оружие у охранителей порядка будет весьма часто в руках неумелых... Нарушители же порядка всегда будут с отличным привычным в обращении оружием, с почти инстинктивным обращением к нему в момент необходимости. В моменты столкновения охранителей с нарушителями первые, естественно, будут застигнуты в состоянии полудремоты, вторые же, которые сами выбирают время для злоумышления, всегда будут в состоянии полнейшего напряжения всех своих чувств и способностей.

Охранитель всегда будет обыкновенный русский человек, отбывающий очередь или службу по найму, нарушитель же будет не совсем заурядный экземпляр из народа с весьма развитыми хищническими наклонностями, вышедший на разбой по собственному побуждению и вдохновению. Если первого сравнить с сильным и мужественным (по природе) быком,

которому на рога надеты острые стальные наконечники (усовершенствованное оружие), то для второго напрашивается сравнение с волком с обыкновенными волчьими зубами и повадками.»¹³⁷ И полковник приводит пример того, как пять конновооруженных туземцев напали на двух чабанов Заболотного, вооруженных берданками. Кончилось дело тем, что обоих чабанов положили ничком и забрали у них обе берданки и пару быков. Если бы чабаны вздумали защищаться, продолжает начальник округа, конец был бы тот же, но только предварительно чабаны были бы перебиты, так как это случилось бы «прежде чем хохлы наладились бы действовать из своих берданок». Если учесть преобладание абреков в результате внезапности нападения в пути следования и на полевых работах, то станет ясной вся никчемность данного мероприятия.

Окружной начальник Степанов был уверен, что для достижения более решительных результатов, необходимо не уравнение сил мирного обывателя с злоумышленниками, потому что это вообще недостижимо, а следует стремиться уменьшить саму злую силу. Для достижения этой цели он предлагает меры радикальные, которые «дадут плоды в сравнительно далеком будущем» – это поднятие экономического благосостояния туземцев и нравственное воздействие на них через школы, то есть воспитание, и меры столь же радикальные, но которые дадут результат тотчас. К этим мерам он относит: 1) усиление влияния суда, для чего учетверить число судебных следователей и иметь на этих должностях «людей выдающейся опытности и умелости»; 2) усиление значения начальников участков, дав им соразмерные участки, ответственных делопроизводителей и гораздо большую власть, чем та, которую располагают теперь. Например, предоставить право налагать арест до одного года, безапелляционно переводить жителей своего участка в другой участок округа на срок до одного года и отдавать их под гласный надзор полиции «при полном содействии последней к приисканию заработка или промысла»; 3) усиление значения начальников округов, дав им более соразмерные районы и поднять власть до предоставления им права безапелляционно запрещать проживание в русских селениях и городах туземцам, высылать из пределов обитания народности в другие места области на срок до одного года и налагать арест до трех месяцев; 4) в борьбе с хищничеством и ношением оружия широко практиковать высочайше предоставленное право налагать денежные штрафы.

Полковник Степанов считал, что в этом деле необходим взвешенный подход. Следует провести простой арифметический расчет, что выгодней: предоставить такую власть в нынешнем Грозненском округе двум начальникам округов и примерно 14-ти начальникам участков против населения, вызвавшего эти особые меры, или предоставить этому населению в 230 тысяч человек «насиловать» всячески окрестное мирное русское население «и смеяться над бессилием своего начальства». Степанов сознает, что предлагаемая им «громкая власть», не предусмотрена законами. Но она как мера временная, в особых условиях, которые не были учтены при составлении законов, необходима и своевременна.

Высшее кавказское начальство положительно отнеслось к предложениям Толстова. Штаб Кавказского военного округа сообщил начальнику Терской области, что в рапорте Военному министру от 11 июня 1902 года командующий войсками округа возбудил ходатайство о вооружении винтовками Бердана русского и вообще нетуземного населения Терской области для защиты от злоумышленников и просил распоряжения об отпуске для этой цели безвозмездно из ближайших артиллерийских складов 1500 бердановских винтовок пехотного образца по расчету на каждые 10 дворов по одному ружью и на каждое ружье по 10 патронов с тем, чтобы за розданным оружием был установлен со стороны местной администрации надзор подобно тому, как и в казачьем населении.

Для реализации этого мероприятия Штаб Кавказского военного округа выработал специальные Правила. В них говорилось, что приобретаемые запасы оружия и патронов составляют собственность Терской области и распределяются по селениям и хуторам по усмотрению атамана отдела или начальника округа. Выданное оружие и патроны хранятся при сельских или хуторских правлениях под наблюдением старшин, которые выдают их в руки по мере действительной надобности, а затем и принимают их назад строго по учету и номерам.

Атаман Сунженского отдела генерал-майор Суворецкий, исходя из «тяжелого положения русских, которые бросают купленные земли и уходят невесть куда, спасая свои жизни и имущество», отмечал, что 1500 винтовок на всю Терскую область «в такое тревожное время совершенно недостаточно, так как для борьбы со свободно разъезжающими большими

шайками надо и станицы вооружать соответственно, не менее чем по 60 и более на одну станицу».³⁸ Исходя из этого, атаман просил об отпуске из Георгиевского артиллерийского склада для вооружения казаков и хуторян 5000 винтовок Бердана и к ним одного миллиона патронов. Упреждая возможные вопросы, атаман Суровецкий указывал, что бояться, что винтовки и патроны будут попадать в руки горцев, нечего, ибо они и без того приобретают их совершенно свободно без разрешительных свидетельств от ижевских мастеров. Один мастер Петров снабжает горцев, каким угодно количеством их. Это видно хотя бы из того, что из отобранных берданок в Сунженском отделе большей частью попадают с клеймом этого мастера.

Северная Осетия не была исключением. Здесь тоже хватало своих абреков, которые довольно громко заявили о себе.

Одной из жертв социальной несправедливости стал некий Гагуди (он же Халда) Алдатов, осетин, уроженец сел. Ольгинско-го, один из пяти сыновей Темболата, типичный горский красавец лет двадцати пяти. Гагуди, благодаря своей популярности и многим положительным чертам характера, стал прообразом Габо, одного из персонажей барона Иксуля в рассказе «Названные братья».

Гагуди Алдатов

В детстве Гагуди учился во Владикавказе в Константиновском училище и жил у Хусина, дяди по отцу. Благодаря своим стараниям, он скоро овладел русским языком и грамотой, был открытым общительным подростком, имел друзей. В училище научился ручному труду, стал хорошим умельцем и не без успеха делал столы, стулья, корыта, даже арбы и другой инвентарь, необходимые в крестьянском хозяйстве, за которые выручал хорошие деньги. Казалось, не было никаких причин для разбойной жизни, сама судьба к нему благоволила. Но так казалось. Когда подрос, как и многие его сверстники-неудачники на Кавказе стал жертвой несправедливости. После смерти отца дядя отвернулся от него, и в 16 лет, бросив школу, Гагуди вернулся к матери в Ольгинское, где без какой либо поддержки со стороны они стали влачить жалкое существование.

Позднее, объясняя причины своего абреческого перерождения, он говорил: «У меня отняли самым несправедливым образом все, что для меня было мило и дорого. Отняли любимое существо, отняли средства к жизни, отняли имя».

Известно, что беда приходит не одна. На нуждающуюся семью стали валить все преступления.

Спасало только то, что против Гагуди не было прямых улик. «Я старался самым законным путем выйти из того положения, в какое поставила меня судьба, — говорит он, — но все мои старания ни к чему не привели».³⁹

Те, кто был в силах помочь ему, оказались глухи к его несчастью. Потеряв всякую надежду, отчаявшись, он порвал с причинившим ему боль и страдания обществом и стал ему мстить. Мстил нещадно, как мог. И в этом находил утешение. Но в периоды своего относительного спокойствия сознавал, что в пылу гнева, во власти безрассудства он совершал что-то ужасное.

Как человек лишний Гагуди покинул пенаты и стал абреком. Чтобы выжить, нужно было стать на преступный путь. Сначала он украл из дома односельчанина Гоби Тарханова дорогие женские нагрудные крючки и 180 рублей. Потом присмотрел коня Куку Мамукова, угнал его, но тут же настигли преследователи и отбили назад. Со временем районом его дерзких вылазок стала Военно-грузинская дорога, от которой в разные стороны уходили горы и леса. Здесь можно было не только укрыться, но и найти укромное место с тихим ночлегом в пещере.

Следующей жертвой Гагуди стал грузин-гармонист Сабагулов, которого убил и ограбил. Полиция вышла на след и арестовала абрека. Суд приговорил его к ссылке на семь лет и его

поместили в Грозненскую тюрьму, одну из самых надежных в Терской области. Отправка в Сибирь затянулась, и он открыл в тюрьме лавку. Торговал сахаром, хлебом, табаком, иглами и т.п. Но однажды, повздорив с татаринoм-хлебопекoм на почве неуплаты долга, Гагуди пырнул его столовым ножом, отчего тот тут же скончался. Чтобы не повесили ему нового срока, Гагуди ничего не оставалось, как бежать из тюрьмы. Он подговорил еще двух ингушей, и, выбрав подходящий момент, неожиданно напали на часовых, отобрали у них оружие и патроны и стали стрелять по караулу: ранили дежурного офицера, убили ключника и скрылись.

На воле Гагуди был недолго, его и товарищей выследили, схватили и на этот раз заковали в кандалы. По совокупности преступлений они были приговорены к смертной казни через повешение и вновь отправлены в Грозненскую тюрьму, где содержались под строжайшим наблюдением.

Молодой узник Алдатов держался в неволе с достоинством. «К смерти я готов и не боюсь ее»¹⁴⁰, – признавался он надсмотрщику Козачковскому, с которым успел подружиться. Но, как всякий нормальный человек, всегда сожалел о случившемся и раскаивался, хотя сознавал, что в том, что у него сложилась такая судьба, вины его мало. Он обратился к высшим властям с просьбой о помиловании и обещал, что если ему будет дарована жизнь, он никогда больше не прольет крови.

Ему можно было верить, говорит Козачковский. Он был человеком глубоко порядочным и очень сентиментальным, умеющим ценить доброе к нему отношение. Когда в атмосфере жестокого тюремного распорядка кто-либо из охраны проявлял к нему сочувствие, протягивал как равному руку, у абрека поневоле на глаза накатывались слезы. Доброжелательность, простое человеческое понимание и сострадание, чего он не нашел среди своих соплеменников, волновали его как ребенка. Особенно он ценил доверие. Всякий раз, когда Козачковский бывал в карауле и выводил Гагуди на прогулку в арестантский двор под свою ответственность и своим только личным наблюдением, Алдатов при его ловкости и силе мог запросто перемахнуть через забор всего в три аршина высотой и бежать. Но он никогда этого не сделал, потому что не мог подставить своего добродетеля, подружившегося с ним казенного человека. На весах были: порядочность и смерть или предательство и свобода. И абрек выбрал первое ценой своей жизни и свободы.

Абрек Алдатов был повешен. По закону того времени казнь абреков как самая позорная осуществлялась только через повешение. Своего палача не нашлось ни в Грозном, ни во всей Терской области. Его пригласили из Тифлиса.¹⁴¹ Алдатов просил похоронить его в Ольгинском, и родственники, выпросив тело у начальства, выполнили его последнюю волю.

Архивные документы сохранили подробности исполнения приговора Временного военного суда. Поскольку некоторые из них чрезвычайно интересны и не совсем обычны по своему характеру, есть смысл привести полностью всю официальную переписку по этому поводу. В деле о приведении в исполнение приговора Временного военного суда над арестантами Гагуди Алдатовым, Заурбеком Мазуевым и Джеба Готаевым, приговоренными к смертной казни через повешение (за нападение на военный караул) говорится:

«Временный военный суд в г. Грозном, признав подсудимых арестантов гражданского ведомства, жителей: Владикавказского округа сел. Ольгинского Гагуди (он же Халда) Алдатова и Грозненского округа сел. Валерик Заурбека Мазуева и Джеба Готаева виновными в вооруженном нападении на военный караул, сопровождавшимся убийством, приговорил: по лишении подсудимых всех прав состояния, подвергнуть их смертной казни через повешение».¹⁴²

Командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант А.М.Дондуков-Корсаков утвердил приговор и «приказал привести таковое в исполнение публично в г. Грозном с тем, чтобы для присутствия при совершении казни было привлечено возможно большее число жителей из туземного населения. Для нахождения места казни следует снестись с начальником 20 пехотной дивизии. Прошу об исполнении приговора уведомить меня и Председателя Кавказского Военно-Окружного суда».

Для несения караула при казни были выделены два батальона. Приведение в исполнение приговора возложено на полковника Полозова, начальника Грозненского округа.

Приговор состоялся 25 июля 1883 года и включал в себя не только последний криминальный сюжет. Его вынес Временный военный суд в составе председательствующего полк. Ячевского,

при пом. военного прокурора надворном советнике Дробыше- ве и других официальных лиц в отношении арестантов, содержавшихся в Грозненской тюрьме: Халда Алдатов – 19 лет, Заурбек Мазуев – 23 года и Джеба Готаев – 26 лет.

У Алдатова это было не единственное преступление. Из справки прокурора Владикавказского окружного суда видно, что Гагуди Алдатов приговором Владикавказского окружного суда 29 ноября 1882 года присужден к каторжным работам на 13 лет с лишением всех прав состояния за убийство в г. Владикавказе Душетского жителя Кавтарова. Арестанты Заурбек Мазуев и Джеба Готаев 5 ноября 1882 года тем же судом приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы: Мазуев – за убийство Куларинского жителя Измаила Актемирова – на 2 года и 8 месяцев, Готаев – за покушение на убийство сельского старшины Гайшукиева – на 6 лет.

«Будучи несогласны с приговором, – говорится в справке, – все трое сговорились бежать из тюрьмы и около 7 часов вечера напали на застигнутых врасплох часовых, стоявших у дверей трех азиатских камер: рядовых Исатулиса, Чиличенко и Нагуманова, сбили их с ног ударами, нанесенными им по голове тупыми орудиями, отняли у них ружья и патроны и стали все трое стрелять по караулу, охранявшему калитку тюремного двора. Причем выстрелами этими изранили караульного унтер- офицера Зуенко, убили тюремного ключника Павла Архипова, а суд, не обнаружив по делу, кто из них был зачинщиком, признал, что все трое действовали как сообщники.

Применяя к преступлению подсудимых законы о наказаниях, положенных для военного времени, суд нашел, что «за преступления, в которых названные подсудимые признаны виновными, составляя вооруженное нападение на военный караул сопровождавшееся убийством, предусмотренные Улож. о нак. угол, и исправ... подлежат лишению всех прав состояния и смертной казни или ссылке в каторжную работу от 12 до 20 лет, а за умышленное убийство, которым сопровождалось это нападение – лишению всех прав состояния и смертной казни, каковому эти подсудимые подлежат, и по совокупности совершенных ими злодеяний.., причем самый вид смертной казни согласно ст. 10 и 12 той же Книги Свода представляется усмотрению суда; почему суд избрал для всех названных подсудимых смертную казнь через повешение».

В кассационной жалобе приговоренным было отказано. Безотлагательное дело потребовало своих исполнителей. Но власти не находили таковых. 17 августа 1883 года из канцелярии начальника Терской области на имя полковника Полозова поступило письмо: «Милостивый государь Иван Васильевич! Г. и. д. начальника области поручить изволил просить Вас по получении предложения Его Высокоблагородия немедленно опросить арестантов грозненской гауптвахты, не изъявит ли кто-либо из них желание исполнить казнь на правах палача за известное вознаграждение, и в таком случае распорядиться заготовлением верхней одежды присвоенного палачу; если же никто из арестантов и других лиц, проживающих в Грозном желаня на исполнение казни над названными преступниками не изъявит, то немедленно донести о том Евгению Корнильевичу по телеграфу.

За сим благоволите озаботиться устройством эшафота для казни преступников по установленному образцу. Прочтение во всеуслышание осужденным приговора перед смертною казнью имеете поручить или одному из помощников Ваших или секретарю окружного управления или же, наконец, одному из офицеров гарнизона по сношению с военным начальством, что признаете, по ближайшему Вашему усмотрению, наиболее приличествующим данному случаю. Все издержки по исполнению казни, в том числе и вознаграждение за исполнение обязанностей палача, Вам будут немедленно возмещены по получении от Вас счета расходам».

20 августа из Грозного в канцелярию пришла телеграмма: «Никто не изъявил желаня исполнить казнь над преступниками. Полк Полозов». Однако вскоре все же объявился человек, который был готов выступить в роли палача. 21 августа во Владикавказ пришла следующая телеграмма: «Здесь арестант Михаил Сальников, дисциплинарный, согласен исполнить казнь благоволите телеграфировать выслать ли его Грозный Бойчевский». «Прошу разъяснить значение слова дисциплинарный Юрковский». «Сальников – арестант Екатериноградского дисциплинарного батальона, не исключенный из военного ведомства Бойчевский». Исполняющий обязанности начальника Терской области счел, что «этому человеку неудобно поручать исполнение обязанности палача, так как он еще не исключен из военного ведомства» и Бойчевскому тут же сообщили: «Сальников не может немедленно

телеграфировать Тифлис Юрковский».

22 августа на имя тифлисского губернатора пошла телеграмма: «Для исполнения смертного приговора Грозном над тремя горцами, осужденными военным судом, необходим палач, которого области не имеется. Благоволите распоряжением скорейшей высылки штатного палача для означенной надобности издержки будут возмещены».

24 августа от Полозова последовала новая телеграмма: «Прошу телеграфировать когда будет выслан палач без чего не могу определить время казни».

Еще до казни Гагуди Алдатова его брат Александр обратился к исполняющему дела начальника области с просьбой передать ему после казни тело брата, но получил отказ. А в Грозный было сообщено по телеграфу: «Тело выдать нельзя должно закопать их место казни охранять караулом предупреждения вырытия день выезда палача сообщу особо до прибытия которого времени казни не назначать».

Ответ из Тифлиса задерживался. Наконец 31 августа исп. дела Тифлисского губернатора Шмаков сообщил: «Палач отправлен на почтовых». На телеграмме и. д. начальника области наложил резолюцию: «Принять меры, чтобы о времени прибытия палача сюда было известно канцелярии для уведомления начальника Грозненского округа о назначении дня казни и принятия мер к освобождению двух караульных батальонов, долженствующих охранять порядок при ее исполнении». В тот же день Юрковский передал: «Палач прибывает второго сентября полдень казнь назначить третьего утром».

Второго сентября по прибытии во Владикавказ палач Тифлисского тюремного замка из арестантов Бабак Самуилов Чинак в сопровождении городского Тифлисской городской полиции унтер-офицера Алексея Захарова был препровожден в Грозный.

Эшафоты были сооружены в поле на расстоянии трехсот саженей от Грозного. В 6 утра к смертникам в тюрьму были приглашены православный священник для Алдатова и кадий для двух других мусульман. «После отмоления грехов в арестантских платьях из места заключения они были выведены и переданы офицеру, командовавшему конвоем на месте казни». Под барабанный бой и под прикрытием конвоя они были доставлены к назначенному месту, где перед строем двух батальонов Апшеронского пехотного полка подпоручиком Лебедевским был зачитан приговор суда. На подсудимых надели холщовые саваны, прикрывавшие глаза, подвели к виселице, и палач совершил то, чего от него ожидали. Тела абреков похоронили там же в заранее приготовленных могилах и взяты под охрану, чтобы не допустить извлечения их родственниками.

На этом архивные источники обрываются, и трудно сказать, что было дальше. Но в народе говорят, что Александру Алдазову все таки удалось заполучить тело брата и похоронить его, как он просил, в родном Ольгинском.

Выходцем из сел. Ольгинского был и Како Дзампаев. Како стал абреком совершенно случайно. Его и совершенно бесправную и беззащитную мать, которая была наложницей у его отца, выбросили на улицу, ничего им не дав из нажитого совместным трудом. Его обидели и Алдазовы, выкрав у него мануфактуру. За это он мстит теперь и одним и другим. Несмотря на перенесенные в молодости жестокость и трудности, он был воспитанным и учтивым человеком. Хорошо знавшие его люди не считали Како социально опасным, привечали его и даже скрывали во время его розыска полицией.

Како, уходя от преследований, прятался в Ингушетии. Его считают абреком, но он был обычный грабитель, который начал свою разбойничью жизнь с ограбления вдовы бывшего начальника Терской области Нестерова. Она слыла в городе одной из самых богатых людей во Владикавказе. Како с девятью товарищами, из которых трое были осетины, остальные — грузины, подговорили горничную, пообещав ей долю, и по ее наводке напали на квартиру Нестеровой. Известная 55-летняя фрейлина не успела опомниться как была связана и брошена в угол, а сами грабители сложили в мешок все, что попадалось ценного: золотые кубки, чайник, посуду, деньги, бриллианты и пр. и направились в лес, в сторону Сапитской будки. Здесь была произведена дележка награбленного.

Окрыленные успехом, грабители через несколько недель сделали второй налет на квартиру Нестеровой, но на этот раз забрать им ничего не удалось. Хозяйка опознала их и подняла крик. Боясь быть выданными, бандиты убили ее как возможную свидетельницу и скрылись. Все бы и на этот раз сошло грабителям с рук, если бы не выдал их грузин, участник ограбления и убийства, обидевшийся за то, что при дележе награбленного добра он получил меньше других. После этого пошли обыски и аресты. Грабителей собрали, осудили и сослали в Сибирь, за исключением Како, ушедшего в абреки, навсегда покинув очаг и общество.

*Како Дзампаев (сидит)
и его друг*

Како постоянно менял свое местонахождение, часто бывал в Ольгинском, Старом Батако-юрте, оттуда уходил в Назрань к другу ингушу Солаку. Жил на те средства, что раздобудет в грабеже или разбое. Но однажды власти напали на его след и стали преследовать. В перестрелке ушло много патронов. Чтобы пополнить их запасы, Како направился в Ольгинское. По дороге встретился пастух-горец. Како бросил ему свой кошелек и, по-видимому, чувствуя приближение конца, попросил его сложить о нем песню.

Кольцо вокруг Како стало сужаться. Чтобы повысить вероятность успеха, к выделенным силам была еще подключена милиция под командованием полковника Билихо Базоркина. И вот Како окружен. В ожесточенной перестрелке его ранят в кисть левой руки. Потом были прострелены оба колена. Но, несмотря и на это, он

держался мужественно, пока было чем отбиваться. Когда иссякли патроны, он швырнул берданку в противников. То же самое он проделал со своим кинжалом и ранил одного милиционера. « На безоружного, — пишет проф. Алборов, — сразу же напали ингуши и засекли его шашками до смерти. Билихо Базоркин решил не отставать от милиционеров: он отхватил шашкой у Како одно ухо за то, что Како когда-то убил его родного брата. Убийство считается отмщенным, если срежешь убийце ухо и посвятишь его убитому на могиле». ¹⁴³

Несколько раньше большую известность приобрел другой осетинский абрек—Сабан Самбегов из селения Суатиси Трусовского ущелья. Его настоящая фамилия — Бекоев. А поменять ее на Самбеговых пришлось еще отцу, который, скрываясь от кровной мести, таким образом запутывал следы. В юности Сабан и не подозревал, что вскоре ему придется разделить судьбу своего отца Тока. А было это так. Испытывая большую материальную нужду, Тока нередко спускался с гор на равнину на заработки. Однажды он отправился в селение Кадгарон и нанялся убирать кукурузу. После окончания работ случайно попал на большую свадьбу. По дороге домой отяжелевший от выпивки Тока решил отдохнуть и прилег около моста на зеленую траву. Положил под голову полмешка заработанной фасоли и крепко заснул. Мимо проезжал крупный скотовод — алдар (феодал — авт.) Гми Есеев. Увидев спящего бедняка, он приказал своим слугам связать его и доставить в имение. Когда Тока долго не появлялся, в Суатиси спохватились и начался его розыск. Сельчанам удалось узнать, что алдар Есеев продал Тока в рабство другому феодалу, в Кабарду, и что он там скоростижно умер.

Спустя несколько месяцев, у Тока родился сын. Он рос живым и бойким мальчиком, но порой игры омрачались до боли обидными укорами:

— Твоего отца продали в рабство, и он там умер...А ты не мстишь за него. Какой же ты сын, Сабан? Ты — трус!

— Ты сын проданного! Ты не отомстил за отца! — попрекали, когда уже был юношей, другие при каждой ссоре.

Эти унижающие упреки не давали покоя Сабану. Он много раз пытался узнать у матери правду об отце, но она, боясь потерять его, не говорила ее. Сабан не отступал. И однажды, когда он дошел до отчаяния и бросился на мать с кинжалом, она поведала ему всю историю. Теперь Сабан знал, кто его враг, кто отнял у него отца и сделал несчастными его и мать. Он

решил и дал себе клятву взять свою кровь. Ему было всего 16 лет, когда он оставил дом, покинул семью. Алдара Есеева он отыскал в селении Карца, устроился к нему батраком и имел немало случаев, когда мог убить его. Но Сабану кровнику нужна была жертва, как требует адат, равная той, которую он понес. И в качестве своей жертвы он выбрал одного из сыновей алдара — Заура. Во время сенокоса они встретились у подножия горы Тарской, и Сабан объявил Зауру, что должен отомстить за отца. Он выхватил кинжал и нанес тому смертельный удар. А чтобы знали, кто совершил месть, Сабан снял с себя черкеску, накрыл им бездыханное тело Заура, а сам ушел в горы.

К вечеру следующего дня он добрался до Дарьяльского ущелья. Здесь охранники уже знали о случившемся, и задержали Сабана, поместили в крепость около замка Тамары, но удержать не смогли. Он ночью незаметно пробрался к начальнику охраны, снял с его черкески газыри, и, предъявив их вместо пропуска охранникам, вышел из крепости.

Сабана всюду поджидала опасность. На всех мостах и переправах были расставлены караульные. Нельзя было показываться и в Суатиси. Как сообщили друзья, там уже был расквартирован отряд казаков. Тогда Сабану пришлось пройти вверх по ущелью и спрятаться в пещере. Существует она и поныне, но теперь ее называют пещерой Сабана. После трех месяцев постоя казаки, убедившись, что жители не выдадут абрека, оставили селение и возвратились в места своей дислокации.

Но и после он не мог показаться в доме: алдар всюду имел своих доносчиков, которым пообещал за голову кровника большие деньги. Сабан вынужден был навсегда расстаться с родным домом и даже покинуть Осетию. Темной ночью он явился в дом, чтобы попрощаться с матерью и друзьями. Надев на себя все лучшее, что было в доме — черкеску с газырями, суконные штаны, кожаные арчита (обувь из сыромятной кожи домашнего производства — авт.) и, вооружившись кремневым ружьем и кинжалом, Сабан стал настоящим джигитом. Он был высокий, стройный юноша с орлиным профилем и твердым взглядом больших темных глаз.

Солнце еще не взошло из-за гор, а Сабан уже скакал верхом на коне к селению Деси, расположенному недалеко оттого места, где Десикомдон впадает в Терек. Оттуда он, перебравшись через Урусланский перевал, ушел в леса Грузии. Здесь он примкнул к местным абрекам и вместе с ними принял участие в вооруженном восстании крестьян Южной Осетии. Восстание это было вызвано нескончаемыми поборами и притеснениями со стороны феодалов и царских чиновников.

На подавление восстания была послана специальная карательная экспедиция, которая жестоко расправлялась с людьми. Разоряла и сжигала села, угоняла скот. Особенно упорное сопротивление оказывали жители селения Кола Кешельтского ущелья, в котором участвовали Сабан и друзья-абреки. Но силы были неравны. Регулярные части разгромили повстанцев, а военно-полевой суд самых активных участников приговорил к ссылке в Сибирь на каторгу. На них надели кандалы и отправили этапом.

Общительный Сабан быстро познакомился с конвоирами и даже успел войти в их доверие, а когда в одном из сел на берегу Арагвы остановились переночевать, он щедро угостил их раздобытым тут же вином. Вскоре захмелевшие конвоиры заснули, и Сабан без труда ушел из лагеря. Бросившись в бушующий поток Арагвы, разлившейся после дождя, он с трудом перебрался на противоположный берег и тут же услышал крики: «Абрек убежал! Ловите его!» Но погоня ничего не дала. В лесу Сабан камнем разбил кандалы и быстро зашагал в сторону дома. К вечеру следующего дня Сабан добрался до ухатских пастухов, державших свои отары в верховье Ухатского ущелья. Пастухи оказались своими, давними друзьями. Они накормили его, подарили старую черкеску, одели на голову меховую шапку, чтобы походил на пастуха, снарядили ружьем, саблей, буркой и проводили в путь. В таком виде он тайно явился домой.

Однако Сабан не остался незамеченным. Люди алдара Есеева сообщили ему и властям, что разыскиваемый абрек дома. На поимку или уничтожение его выступил казачий взвод. Кровники тоже заспешили к нему и, чтобы застать его врасплох, решили подбираться к нему не по Военно-грузинской дороге и Трусовскому ущелью, а в обход — по Военно-осетинской дороге, ущелью Закадон и Трусовскому перевалу.

Но Сабан и на этот раз был предупрежден верховым, опередившим казачий отряд. Сабан схватил свои доспехи и отправился навстречу отряду. Абрек хорошо знал местность, где прошло детство, выбрал самый узкий проход в ущелье, тропинку, по которой отряду

необходимо будет проходить, создал там завал из камней и стал поджидать противников. Перед завалом отряд остановился. Как быть дальше? Офицер решил не продолжать путь, а выманить к себе самого абрека. В это время Сабан был совсем рядом и слышал весь разговор. Он решил, что наступил самый подходящий момент, прицелился и выстрелил прямо в офицера. Раненный он скатился вниз по крутому откосу. Одни бросились за ним спасать, другие открыли ответный огонь. Стрельба всполошила все село. Перестрелка затихла только к утру. Есеевы вынуждены были возвращаться домой ни с чем, а Сабан ушел из села, чтобы не подвергаться больше подозрению и опасности его жильцов.

В абреках Сабан провел 16 лет. Он грабил обозы богачей, нападал на турецких купцов, торговавших с Россией, и каждый раз делился добром с бедняками. За это время сельские старцы помирили кровников, и родственники Сабана решили разыскать его и вернуть домой, к нормальной жизни. Сабан поверил им, вернулся домой, а вскоре и женился на красивой девушке Азау Кусаевой.

С этого времени пошла совсем другая жизнь. Когда в 1877- 1878 годах Россия вступила в войну с Турцией, Сабан добровольцем отправился на фронт. Вместе с русскими он освободил болгарский народ от турецкого ига. За проявленную отвагу и доблесть был награжден Георгиевским крестом и несколькими другими медалями.

В этой войне Сабан был несколько раз ранен и даже лишился глаза. Он хотел принять участие и в русско-японской войне, но ему было отказано по возрасту. У Сабана было двое детей—дочь Софья и сын Федор, у которого родились шесть сыновей и три дочери. Умер Сабан в родном селении в 1911 году в возрасте 80 лет.

Улица Купеческая. Почему? — с такой корреспонденцией 19 сентября 1996 года выступил в «Северной Осетии» старожил гор. Владикавказа К.Амбалов. Ныне эта улица носит имя известного осетинского революционера Чермена Баева. Обуреваемый воспоминаниями К.Амбалов решил поведать читателям газеты «удивительную историю, связанную с домом №20 этой улицы. «В этом доме, — пишет автор, — после побега из Пятигорска скрывался в 1915 году Абрек-Заур. Да, да, тот самый Абрек-Заур, о котором впоследствии был снят фильм».^ж

Надо сказать, что эта история тоже из серии чрезвычайных случаев, толкавших людей уходить в абреки. Не корысть, не желание разбоем нажиться на чужой беде, а защита собственного достоинства и свободы как высшего божьего дара вынудила его стать абреком. Ни он сам и никто другой не назовет его разбойником. Он — абрек, борец за чистоту своего имени и против насилия. Такие как он сторонятся разбойников и в отличие от них даже гордятся тем, что они абреки. У него даже имя произносится только с приставкой «Абрек», а по фамилии он Амбалов.

Заур Амбалов, выходец из осетинского селения Какадур Даргавского ущелья, стал абреком по очень простой банальной причине. Молодой человек был призван в армию и определен проходить военную службу в Пятигорске в одном из полков Терского казачьего войска. «Свободолюбивый горец... Абрек-Заур, Заурбек Амбалов, — пишет его сородич, — не выдержав издевательств и в один из таких случаев очередного оскорбления со стороны офицера, смертельно ранил его и скрылся. На захват мятежного солдата были брошены войска. За его голову обещали крупное вознаграждение. Но Абрек-Заур был неуловим. Люди сочувствовали ему и своевременно предупреждали об опасности.»⁴⁵

Дерзкие похождения даргавского абрека были направлены больше на то, чтобы досадить местной администрации, тщетно пытающейся изловить его или уничтожить. Он держал в страхе не только администрацию Владикавказского округа и самого Владикавказа, но и высшее начальство. Охота велась даже на самого атамана Терского казачьего войска, в резиденции которого однажды он побывал без особого труда, перемахнув тайно ночью через крепостную ограду. Не раз делал грозные предупреждения и тем,¹⁷⁶ кто обижал бедняков, нуждавшихся в защите.

Отчаянные налеты бесстрашного абрека приводили всех в восторг и восхищение. Он не трогал простых людей. Напротив, при случае приходил им на помощь, и за это они ему отвечали дружеским расположением. Очевидцы рассказывают, что в августе 1915 года в войсковое ведомство поступило известие о местонахождении Абрек-Заура. Кто-то из местной администрации донес, что он прячется дома и у своих родственников, и просил спешно выслать подмогу. В Какадур была немедленно направлена воинская команда. Однако по прибытии на место солдатам не удалось обнаружить «злодея». Люди предупредили его, и он

бежал. Через все воинские посты, которые стояли на разъездах, он прошел незамеченным по горным тропам, только ему известным, и спустился на Военно-грузинскую дорогу, а оттуда направился во Владикавказ. Кто бы мог подумать, что преследуемый абрек может укрываться под самым боком полиции и администрации.

Вскоре по всей России и Осетии пронеслась революционная буря, свергли царя, пришла новая власть. Но в судьбе абрека не наступило облегчения. В числе других уголовников розыск продолжался, а он оставался неуловим. Советская власть оказалась куда более грозной и успешной, чем ее либеральная предшественница, романовская Россия. Усвоив это, Абрек-Заур решил не испытывать больше свою судьбу и в 1919 году эмигрировал в Турцию. Государственную границу он пересек также легко и безупречно, как умел он это делать всегда.

Таинственные похождения Абрек-Заура, благородство и справедливость, которыми щедро наделила его природа, вызывали в народе симпатию к нему и даже обрел множество друзей. Его имя обросло легендами, он был на устах современников, однако каких-либо существенных свидетельств, письменных или вещественных, сохранилось о нем очень мало. Но это не помешало ему приобрести всероссийскую известность. В 20-е годы прошлого столетия в Москве на запрос «Красной газеты», какие фильмы больше всего вам нравятся и хотели бы увидеть вновь, рабочие столицы первым назвали «Абрек-Заур», а потом «Дитя цирка» и «Броненосец Потемкин». Особенно запомнился зрителям момент, когда Абрек-Заур тайно, бесшумно, как кошка, перелез через высокий каменный забор резиденции начальника Терской области, атамана Терского казачьего войска и направился в глубь двора, пытаясь проникнуть в покои генерал-губернатора и свести счеты. Охрана обнаружила дерзкого абрека и попытка сорвалась. Абрек-Заур легко ушел от переполошившихся солдат, ушел незаметно и невредимый. Ведь на то он и абрек.

Абреков в широком смысле слова на Кавказе было столько, что трудно вообразить. Они рождались по причинам известным: правовой и социальной несправедливости, кровная месть, а также из-за безысходной нищеты основной массы коренного населения, которая толкала на противоправные действия – грабежи и разбои. По размаху абречества Северный Кавказ нисколько не уступал Закавказью, где первенство по их числу держал Азербайджан. Не было недостатка в них и в Северной Осетии. Но на Северном Кавказе абреки особенно наводнили Чечню, Ингушетию и Дагестан. С этими местами связаны и наиболее известные из них. Чего стоит, скажем, абрек Эски. Низкорослый и худой чеченец, с темным лицом и со злым выражением глаз был безрассудно жесток с людьми. И в этом равных ему на Кавказе не было. Жизнь человека для него не имела никакой цены. Он навел ужас не только на русское население, но и на местное. Засев в кустах у самой дороги, он убивал всех подряд, кто попадался ему под руку, и часто без причины – так просто, ради спортивного интереса. При этом даже не грабил.

Чем была вызвана такая ненависть к людям, остается загадкой. Даже в Грозненской тюрьме, где в 80-х годах XIX века уже в преклонном возрасте содержался одно время с Алдатовым, он не шел на контакты ни с кем, был замкнут и не отвечал на вопросы. Он знал, что ему, за душой которого не одна погубленная жизнь, прощения не будет, а потому считал, что все это ни к чему. В числе многочисленных жертв были и известные в определенных кругах люди. Так, с небольшим перерывом им были убиты адъютант генерал-лейтенанта М.Д.Скобелева поручик Панфилов и купец из слободы Шатое Барыхин. Причем оба среди бела дня. Один неподалеку от гор. Грозного, другой – под слободой Воздвиженской, что в полутора десятках километров от него.

Убил обоих ни за что. Просто, так захотелось. Ни того, ни другого Эски не знал. Но выбор жертв у него все-таки был. В данных случаях к убийству его побудили офицерский мундир, при виде которого он вспылал больше обычного, и купеческий лоск другого. Преступления Эски не отличались тактическим разнообразием. Как правило, он выходил на дорогу, искал густые кустарниковые заросли на обочине, находил там углубление и, подложив какой-нибудь валик или камень под ружье, выжидал жертву. Чтобы избежать немедленной погони, засада устраивалась в основном на одиночек. Когда до него оставались считанные шаги, он одним выстрелом сражал наповал ничего не подозревавшего путника и спешно ретировался с места. Но уйти от ответственности бандиту не удалось. Охота за ним полиции вскоре увенчалась успехом, он был схвачен и заключен в Грозненскую тюрьму. Разбойник держался особняком и был всегда угрюм. Потом задумал побег. Случай подвернулся в 1886 году.

Недовольство арестантов содержанием в тюрьме и грубое обращение с ними охранников готово было вылиться в бунт. Во время одной из прогулок по огражденному двору Эски подскочил к часовому, ударил его медным чайником по голове, выхватил у растерявшегося тюремщика ружье и убил часового и караульного унтер-офицера. Давно замышлявшие побег арестанты устремились к стене и, перемахнув через нее, а потом и через крепостной ров, что был за ней, бросились вплавь через реку Сунжу и скрылись в ближайшем лесу. Часовые и караул открыли огонь. Были убитые и раненые. Не успевших уйти от преследования схватили и загнали в камеры. Однако побег для многих удался, и среди них был Эски, его главный организатор и зачинщик.¹⁴⁶

Оказавшись на свободе, злой разбойник снова приступил к своему привычному черному делу, охотясь главным образом на тех, кто находился во власти или прислуживал ей. Не щадил он и своих единоверцев-мусульман, за кем был этот грех. Не забывал он и о расправе с кровниками, для чего использовал каждый удобный случай, и могло это произойти в любом месте. Узнав однажды, что один из его врагов направился в мечеть, он взобрался на пригорок рядом с селом и стал выжидать. Когда тот после намаза вышел из мечети, Эски тут же уложил его с одного выстрела.

Снова начались поиски и облавы на Эски. Недавно заступивший начальник Грозненского округа полковник Чекунов устроил настоящую охоту за ним. Вскоре его убежище было обнаружено в лесу в гуще кроны огромного чинара, служившим ему не только ночлегом, но и наблюдательным пунктом. Но когда пришли брать, его на месте не оказалось.

Вопреки всем ожиданиям развязка наступила совсем неожиданно и необычно. Уставший от постоянных преследований и облав, Эски однажды, решив немного отдохнуть, забрел в чье-то кукурузное поле, присел и, сам того не ожидая, заснул. Совсем случайно его, спящего в обнимку со своей винтовкой, обнаружил пастух, выпасавший рядом стадо, и, узнав в нем своего кровника, злодея, никуда не стал сообщать, а убил сам, выстрелом в упор. Как видно, избавления от него хотели не только власти, но и немало хлебнувшие с ним горя миряне.

Довольно известным абреком был и Алихан Дебиров из сел. Старый Юрт Грозненского округа. На его счету не одно убийство русских чиновников и местной знати. Озlobившиеся власти начали преследование. Наконец охота увенчалась успехом. Они выследили его, схватили и по суду сослали в Сибирь. Большую помощь в этом оказал свой сельчанин подполковник Шеда Эльмурзаев. Он долгие годы провел на царской службе за пределами Чечни, а на старости вернулся в родное село. За время службы накопил хорошее состояние и, как бы подчеркивая свой высокий социальный статус, часто запрягал в новенькую карету молодых резвых коней и разъезжал по селу, подразывая земляков. Боясь за свое добро и мести из зависти, Шеда активно подключился к поиску Алихана и его сподручных абреков и стал одним из инициаторов их высылки на каторгу. Это ему не сошло с рук. В «отмщение за ссылку» Дебирова его друзья в сентябре 1889 года рассчитались с ним.

Простые крестьяне дорого заплатили за убийство подполковника. Тот самый начальник Грозненского округа полковник Чекунов, который до этого расставлял ловушки против Эски, узнав о случившемся, решил наказать дерзких староюртовцев и приказал всем им собрать тысячу рублей для «открытия убийцы». При этом он им объявил, что «при неоткрытии убийцы подполковника Шеды... староюртовцы будут привлечены к наказанию»- крупному штрафу.³⁰ Для исполнения задания горцам дали месячный срок. Когда стало известно, что они игнорируют его, начальник Терской области доложил в Тифлис. Командующий кавказскими войсками приказал обезоружить староюртовцев, «поставить экзекуцию один батальон, в течение месяца взыскать штраф в пользу семейства убитого и назначить старшину по выбору начальника округа с определением содержания 600 рублей в год, уплачиваемых аульными жителями».¹⁴⁷

18 сентября войска, посланные из Грозного, перед рассветом окружили Старый Юрт, согнали перепуганных жителей в одно место и стали проводить обыски. Они забирали оружие, оставляя его только «почетным старикам», георгиевским кавалерам, имеющим медали «За усердие», а также милиционерам, которые служили опорой русских властей на местах. В ходе обысков было отобрано 114 ружей, 104 пистолета, 256 кинжалов, 22 шашки. Все это потом в Грозном превратили в 19 пудов лома, затем продали, а вырученные деньги передали в грозненский штрафной фонд. Были также собраны деньги в пользу семьи убитого в сумме 1200 рублей. Но и это еще не все. Закончив перечисленные операции, основная

часть войска вернулась в места дислокации, а в селении остался на неопределенное время экзекуционный отряд из 19 офицеров, 326 солдат и казаков. Они должны были находиться на полном обеспечении села из 600 домов. Каждый день такого постоя обходился жителям в 56 рублей, не считая дров и фуража для лошадей. Это оборачивалось тем, что при длительных постоях, у горцев наступал падеж скота из-за нехватки кормов, а сами жили впроголодь, не имея никакой возможности поддержать стариков и тяжело больных.

Чтобы впредь исключить неповиновение, власти решили придать своим действиям публичный характер: они свезли из Грозненского и Аргунского округов аульных старшин, чтобы они наглядно представили себе, чем все это может кончиться. «Все испугались этой экзекуции, — писал очевидец, — были сильно возбуждены и опасались за последствие оной. Пугались и боялись не того, что староюртовцы понесут материальное наказание, а того, что войскам будет разрешено мародерничать, обижать и оскорблять женщин и девушек, надругаться над ними, не щадить ни стариков, ни малолетних, что оскорбление женщин побудит староюртовцев к столкновению с чинами экзекуционного отряда и поведет прямо к уничтожению или избиению староюртовцев».⁴⁸ В селении команда простояла до 12 ноября. За два месяца воинского постоя чеченцы натерпелись всякого, и обошелся он им в 6 тысяч рублей — по 10 рублей с дыма.

В этом же Грозненском округе Терской области не один год разбойничал легендарный абрек Осман Мутуев. Азаматюртовский Осман. Он принадлежал к одному из почетных чеченских родов, родился и воспитывался в семье сподвижника Имам-Шамиля, учился в грозненской Горской школе, по окончании которой намеревался поступить на государственную службу в качестве переводчика. Но этим планам не суждено было осуществиться. Очень рано умер отец, а вскоре не стало и матери. Осман оставил учебу и вернулся домой, в родной горный аул. Близких родных у него уже больше не было, и все хозяйство теперь целиком легло на его плечи. Вскоре в нем проявился талант умного и рачительного хозяина. Однако идиллия мирной беспорочной жизни длилась недолго.

В ауле часто случались кражи и грабежи, а виновных не находили. То ли преступники умели хорошо замечать следы, то ли власти не очень старались. Но однажды в ауле произошел большой разбой. Следствие и на этот раз не выявило виновных. Уставшие от такой жизни миряне настаивали принять строгие меры, положить конец ночным налетам грабителей. В ответ администрация потребовала от взволнованного общества выдачи всех порочных лиц для выселения их из края в административном порядке. Почему-то почти всем казалось, что это дело рук бедняков. В итоге в приговор, составленный на общем сходе аулчан, вместе с другими байгушами (безродный, бездомный — авт.) попал и Осман Мутуев, якобы и до этого не раз уличенный в воровстве.

Протесты и просьбы мои о производстве дознания, — признавался позднее Осман одному из своих пленников, купцу Хренову, — ничего не помогли, никто не хотел внимательно разобратся в моей просьбе и я, как порочный член общества, на основании мирского приговора, был сослан административным порядком в Сибирь».¹⁴⁹

Осман понимал, что за его отсутствие дом и хозяйство разорятся. Поэтому еще до высылки он в спешном порядке продал за бесценок все, что у него было. Чужбина, темная и тесная камера, окрики, наказания за малейшую провинность были противны его душе, привыкшей к вольности, и он бежал из ссылки. По возвращении на родину он явился прямо к начальнику области генералу Толстову, рассказал ему все, как было, что к порочным людям не имеет никакого отношения, а местная — участковая и окружная — администрация не захотела разобратся в достоверности обвинения. Генерал сочувственно отнесся к незнакомцу, выслушал его исповедь и разрешил ему дальнейшее проживание в родном ауле. Но счастье Османа длилось недолго, до первого разбоя, а когда началось расследование, его враги постарались повесить на него и это дело. Осман снова оказался в Сибири. На этот раз в каторжанах он провел два года, затем бежал и опять явился к тому же генералу Толстову. Наказной атаман Терского казачьего войска и на этот раз пошел ему навстречу, но предупредил, что это он делает последний раз.

Осману хотелось верить, что враги, дважды загнавшие его на каторгу, теперь уже успокоятся и отстанут от него. Но он ошибался. Местные заправилы и сельский старшина, находившиеся в сговоре, не хотели простить ему визиты к генералу, который после каждого раза делал им соответствующие внушения. Не прошло и полугода, как на Османа вновь завели дело. Заинтересованные лица собрали сельский сход и посредством уговора сумели

принять такое решение, в котором выражалась настоятельная просьба к властям выслать Османа за пределы области теперь уже как предводителя всех вокруг воров и разбойников. И опять Сибирь. Третий по счету. И снова побег. На этот раз с пути. Выбрав удобный момент, Осман набросился на конвойного, что был поближе, отобрал у него винтовку и бросился в заросли. Пока растерявшиеся конвойные приходили в себя, Осман успел скрыться. Где пешком, где поездом, с одного товарняка на другой, стараясь не привлекать к себе внимания, он преодолел тысячи верст и вернулся в родные края. Но расчетов на мирную, безмятежную жизнь уже не было. Он стал тем, кого из него хотели сделать. Абрек поневоле вершил теперь суд сам. Он отомстил всем своим врагам, не оставив никого из них в живых. Однако беспощадный к своим врагам, он не тронул других и даже был подчеркнута добр к тем, кто не сделал ему ничего дурного. Натерпевшись много от несправедливости отдельных злых людей, он остро чувствовал боль и страдания других и всегда помогал им, как мог, за что простые люди называли его своим князем.

В пору абречества Мутуева начальником участка, где он жил, был поручик М.П.Высоцкий. Строгий и в то же время справедливый администратор Высоцкий в отличие от многих других приставов с уважением относился к местному населению, проявлял о нем заботу. Это не прошло незамеченным, и чеченцы ответили русскому чиновнику небольшого роста полным доверием и симпатией.

Перед третьим побегом Османа с каторги в окружной администрации произошла смена начальства. Новым главой Грозненского округа стал петербуржец, происходивший из графов, некий П... Принимая дела, он выслушал доклад об общем положении в округе, в том числе и о криминогенной ситуации, и явно настроился на решительную борьбу с отступниками от закона. К этому времени в родных краях снова объявился абрек Мутуев, который уже не думал прощать своим врагам и начал за ними настоящую охоту. Вылавливая по одному, он беспощадно их уничтожал.

Новоявленный начальник округа, ознакомившись с обстановкой, вызвал энергичного поручика и потребовал немедленно доставить ему разошедшегося абрека. Высоцкий попробовал объяснить, что это не такое простое и безопасное дело, что для этого нужны время, средства, люди. Но граф стоял на своем. Для выполнения задания он установил приставу недельный срок и выдвинул условие: или абрек Мутуев, или отставка. Сознвая невыполнимость задания (где гуляет абрек, как его выследить в майюртупских дебрях, как взять живым и доставить так спешно?) поручик стал готовиться к уходу с работы. Весть об этом быстро разнеслась по всем селам. Чеченцы не хотели терять понравившегося им участкового, и стали думать, как защитить и помочь ему. Весть, передаваясь из уст в уста, дошла и до самого Османа.

На второй или на третий день к приставу прямо в канцелярию явился тот, кого требовалось срочно доставить в округ. Перед Высоцким стоял красавец мужчина, стройный молодой человек с решительным видом.

— Начальник округа приказал Вам поймать и привести к нему абрека Османа Мутуева. Не так ли? — по-русски обратился незнакомец к Высоцкому. — Поймать Османа едва ли кому удастся,⁵⁰ но добровольно явиться он может. Я Осман Мутуев! Ведите меня к начальнику округа.

Осман знал, чем ему это грозит. Но знал и другое — он обязательно совершит опять побег из тюрьмы, зато не пострадает добрый и порядочный участковый. И Мутуев, желая избавить своих сельчан от напрасного гнева властей, за чем обязательно последуют притеснения, и чтобы сохранить для них нужного им администратора, в очередной раз поступился своей свободой. Чтобы исключить всякие сомнения и убедиться в том, что это искомый абрек, были приглашены старики-понятые, которые удостоверили личность Османа. Довольный пристав доставил абрека в Грозный, где по приказанию окружного начальника его заключили в местную тюрьму.

Едва прошла неделя, как Осман вновь оказался на свободе, и от Высоцкого потребовали, чтобы он опять срочно представил абрека. Зная уже, как это сделать, пристав обещал исполнить и это приказание нового начальника, но теперь уже только в том случае, если он, Высоцкий, будет переведен в другой округ. Заручившись таким обещанием, Высоцкий вернулся в участок и через друзей — чеченцев послал за Мутуевым. На этот раз пристав и

абрек явились в окружное управление на фазтоне. Оставив Османа в приемной, поручик прошел в канцелярию. Чиновники-коллеги, сочтя, что Высоцкий один, фортуна его подвела, решили подшутить над ним:

– А, Михаил Павлович?! Здравствуйте! Как поживаете? Как Ваш Осман Мутуев себя чувствует?

– Ничего. Слава Богу, жив и здоров, – отвечает Высоцкий. – Сам приехал в Грозный бить вам челом за вашу заботу о нем...

– Шутить изволите, Михаил Павлович?!

– И не думаю, а вот посмотрите.¹⁵¹

Через урядника, приставленного к дверям, Высоцкий позвал Османа Мутуева. Завидя переступившего через порог абрека, поразились: как это он самолично привел с собой такого абрека да еще оставил одного в приемной?! В довершение этого на виду у всех Высоцкий достал из портфеля какую-то бумажку, вложил в нее деньги и попросил Османа, пока отсутствует начальник округа, сбегать в казначейство. Сдать по этой квитанции 1 б рублей 50 копеек, да поскорей вернуться до прихода начальника.

В канцелярии все недоумевали. Что все это значит? Как могло случиться, что знаменитый абрек полностью повинуется приставу? По их лицам и глазам Высоцкий прочел вопрос и тут же пояснил, что административное дело есть дело живое, и только тот достигает успеха, кто вкладывает в него помимо циркуляров и инструкций свою душу и сердце.

– Как видите, Осман является добросовестно второй раз. И вы думаете, что он явился потому, что боится власти, боится силы? Народ приказал! И это есть нравственная победа власти и вместе с тем – высшая награда, какую только может заслужить административный чиновник»¹⁵², – заключает Высоцкий, по-видимому намекая на себя.

Чиновников одолело любопытство. Они просят Высоцкого объяснить, что все это значит, и как так произошло, на что тот, смеясь, ответил, что такое особенное слово знает.

Выполнив поручение, абрек тут же вернулся из казначейства, отдал расписку по назначению и, как бы прощаясь, пристально глянул на Высоцкого, потом нервно снял с себя патронташи, ружье, передал их стоявшему рядом казаку и отдал себя властям. Османа заключили в Грозненскую тюрьму, а Высоцкого перевели во Владикавказский округ. Последний таким образом избавился от двух зол – от абрека, создававшего ему хлопоты, и честлюбивоного начальника-карьериста.

Вскоре Осман опять был на свободе. Теперь он уже ничьей власти над собой не признавал. Молва об абреке Османе Мутуеве обошла всю Чечню, и вокруг него стали собираться другие абреки. В его группу или шайку, как обычно называли их официальные власти, когда речь заходила о разбойниках, вошел и знаменитый Зелимхан из Харачоя со своим братом Солтамурадом и тюремным товарищем ингушом Саламбеком Гороводжевым. Теперь в шайке стало два Зелимхана – один харачоевский, другой – гельдыгинский* Эта шайка стала грозой всего округа. Она терроризировала и держала под контролем все почтовые тракты из Грозного в горную Чечню и пути, ведущие к шумным базарам. Не чуралась она и захвата заложника, если его пленение обещало хороший выкуп.

Один из таких эпизодов имел место в конце июля 1905 года. Экскурсия в составе нескольких человек – инженера-химика Байздренко с супругой, купца Хренова, трех спутников и вооруженного проводника – возвращалась с озера Эйзенам через Керкетский перевал. В число трех последних входили интеллигент Мусса Курумов, Крошкевич – служащий одного из грозненских учреждений, а также их общий приятель из местных представителей, которые, как и вооруженный проводник, были приглашены в компанию для большей безопасности. Проведя всю веселую летнюю ночь на берегу тихого озера с рыбой и выпивкой и хорошо отдохнув, они в начале следующего дня возвращались домой. Помимо экипажа в распоряжении экскурсантов были еще два велосипеда, которыми поочередно пользовались мужчины.

Ничего не предвещало беды, как вдруг часов в 10 утра на самом пике перевала раздались выстрелы. Шайка Османа Мутуева застигла экскурсантов врасплох. Смертельно раненый с первого залпа проводник успел еще произвести выстрел в сторону нападавших и тут же скончался. Экипаж и велосипедисты остановились. К безоружным экскурсантам из засады вышли четыре разбойника и потребовали денег. Пленники вытрусил все, что было у них в кошельках и карманах. У супруги Байздренко оставались еще деньги, и даже большие, зашитые в чулке, но она так перепугалась, что о них совсем забыла. Всего набралось около

10 рублей. Это не устроило главаря шайки, и он приказал произвести обыск. Обыск тоже ничего не дал. Тогда Осман заявил, что раз денег нет, то двух из них возьмет в плен, и дал понять, что тут есть родственники помощника наместника, за которых можно получить хороший выкуп. Два Зелимхана предложили взять в плен госпожу Байздренко, так как родственницей помощника наместника Крым-Гирея была именно она, но Осман не согласился, указав, что с ней будет много хлопот. Остановились на инженерере и купце, а остальных отпустили. Осман заверил госпожу, что она может не волноваться за супруга, он будет в полной безопасности, и как только она вышлет за него выкуп, будет освобожден. После этого мутуевцы оседлали своих коней и погнали пленников в горы.

В пути, длившемся не один час, купец сумел войти к Осману в доверие, поинтересовался его жизнью, и тот с какой-то неподдельной грустью стал рассказывать, как он стал абреком, хотя никогда не хотел им быть. Весь день и всю ночь они шли по лесным тропам и горным завалам и только к утру остановились отдохнуть близ аула Шуани, на границе Терской области с Азербайджаном. За пленников был установлен выкуп в 2 тысячи рублей.

Окружная администрация в Грозном, узнав о случившемся, подняла по тревоге две сотни гребенских казаков и организовала преследование. Прошел не один день, прежде чем недалеко от сел. Майюртупа казаки настигли разбойников и открыли по ним огонь. В завязавшейся перестрелке Осман был ранен в голову, но пленников освободить не удалось. Их еще до этого закутали в бурки и отправили с чеченцами-майюртуповцами глубоко в лес. Срочно доставленный доктор-чеченец осмотрел Османа, перевязал рану, и главный абрек вскоре вновь предстал перед заложниками. Он снова посадил их на коней и повез, на этот раз обратно, в сторону Грозного. Заставил так поступить полученный от одного из его поклонников сигнал. По пути в условленном месте, в лесу их встретили несколько чеченцев и отсчитали Осману 20 сторублевков. Засовывая в карман бешмета выкуп, Осман объявил пленникам, что они свободны, и указал путь до ближайшей станции. Не скрывая своего удовлетворения, он также, как бы в шутку, попросил у них прощения за причиненное беспокойство и пояснил, что такова служба, ничего не поделаешь. Указанная станция была «Аргун». От нее до Грозного – рукой подать, не более 10 верст.

На этом можно было и разойтись. Но купец Хренов, преодолев страх, обратился к главе шайки и заявил, что еще в самом начале их пленения у него отобрали пояс и часы, и указал на гельдыгинского Зелимхана. Могут ли теперь, продолжал купец, когда выкуп полностью уплачен, просить вернуть ему его вещи? Осман с выражением удивления на лице дал понять, что, ну, конечно же – да! и разбойник, Зелимхан гельдыгинский, которому было не занимать мужества, беспрекословно подчинился приказанию Османа и возвратил вещи хозяину. Так закончилась злополучная эпопея двух русских экскурсантов – чеченских пленников.

У Османа и его шайки после этого было еще много разбойных походов. Иногда казаки настигали их на месте преступления, завязывалась перестрелка. В одной из таких схваток были убиты два его абрека, а сам Осман снова тяжело ранен. Сподвижники унесли его с поля боя и спрятали в одном из домов родного аула. Кровники, давно выслеживавшие его, узнали о местонахождении их врага, окружили дом и потребовали от хозяина его выдачи, пригрозив в противном случае расстрелять всех и поджечь дом. Пришлось принять ультиматум. Хозяева дома, закутав полуживого Османа в бурку, выбросили в окно. Обступив плотным кольцом, кровники расстреляли его с особой жестокостью. Вскоре был убит и гельдыгинский Зелимхан. Не пощадили и его жену, с ним абречившую. Из всей некогда грозной банды остались только Зелимхан из Харачоя и его брат Солтамурад. Пройдет совсем немного времени и вслед за османовцами уйдет и Солтамурад, но Зелимхан еще долго будет держать в напряжении и страхе администрацию и всю Чечню.

Примерно в то же время, в начале XX века, по соседству с Чечней, в Дагестане орудовали два других не менее известных абрека – Али-Баба и Мамед-Али. Это были бежавшие с каторги в 1905 году лезгины. У них было много общего как в жизни, так и в почерке действий. Оба одной национальности и веры – мусульмане, оба за убийство были сосланы в Сибирь, оба почти одновременно будут уничтожены. Одинаково жестокие, они и действовали в пределах одного и того же района, но строго придерживались правила: действовать отдельно друг от друга. Последнее объясняется, по-видимому, складом их натур, желанием оставаться всюду первым лицом, лидером. Но разбой в одиночку был связан с большим риском для жизни и исключал крупные операции из-за недостатка людей. Поэтому оба, как по уговору, взяли себе в товарищи по два преданных абрека.

Действуя порознь, они терроризировали весь рыболовецкий мир Каспийского побережья, крупных садовладельцев и сам Дербент. На всем протяжении от Баку до Петровска (ныне гор. Махачкала) было более ста рыбных промыслов. Они, а также владельцы садов и богатые купцы были поделены между двумя разбойниками. Взнос каждого владельца зависел от величины его предприятия и дохода. Никто не мог уйти от навязанного рэкета, ничего не давало и обращение к властям и полиции. Напротив, от этого положение жалобщика только усугублялось. Категорическое неприятие рэкета могло стоить отказнику жизни. Практически не было и случаев невыплат обложений, ибо любая такая попытка уклониться от него, наказывалась вдвойне. Однажды один из промысловиков, чтобы избавиться от рэкета, обратился к властям за защитой. Узнав об этом, Мамед-Али явился к доносчику и объявил ему, что теперь он заплатит два таких взноса, а если еще повторится такое, он лишит его жизни.

Этим положением воспользовались шулеры. В дни выдачи денег на рыбных ватагах они приходили и требовали свою долю от имени разбойников. Данники смиренно отдавали положенную сумму, а когда являлись настоящие рэкетеры, то или уже денег не оставалось, или расплачивались с большим скандалом, указывая, что одну выплату они уже произвели. Такое не могло долго длиться. Абреки установили слежку. И вскоре, в считанные дни смельчак-мошенник, назвавшийся посланцем Али-Бабы, был тут же убит самим Али-Бабой. Откуда было тому знать, что допытывавшийся у него, кто он такой, был сам Али-Баба. С этого времени не стало больше охотников присваивать себе чужие рэкетные деньги.

Но не дремала и администрация. Для более успешной борьбы с абречеством, в том числе и для уничтожения или, если удастся, и для поимки двух разгулявшихся троек был создан из ряда воинских частей охотничий отряд под началом войскового старшины Вербицкого с участием ротмистра Конно-Дагестанского полка Зайнудина Доногуева.

Разбойничьи тройки по-разному восприняли это событие. Хитрый и необычайно ловкий Мамед-Али избегал встречи с отрядом, а смелый и безгранично дерзкий Али-Баба, напротив, держался подчеркнуто мужественно и при каждом случае вступал в бой с преследующим отрядом. Али-Баба был грозой этих мест, его именем даже пугали детей. Он был очень опасен: абрек не скрывал, что он и сам может взять в плен любого нерасторопного начальника. Но этого не случилось, да и фортуна скоро отвернулась. Во время очередного набега на дербентские сады тройка Мамеда-Али была схвачена и разоружена, а перед самым арестантским домом при попытке к бегству казаки положили всех на месте. Через несколько дней в горах в стычке с отрядом Вербицкого попаданием в голову был убит и Али-Баба. Два его подельника попали в плен, но не надолго пережили своего главаря. По дороге они, как и мамедовцы, при попытке к бегству были казаками расстреляны. Так закончилась двухлетняя разбойная жизнь двух дагестанских Али.

Немало абреков появилось на почве неудавшейся любви и несостоявшейся свадьбы, закончившийся убийством. Одним из таких был Гейдар из азербайджанского селения Логич, разместившегося высоко в горах по южному склону Кавказского хребта. Логич был знаменит тем, что еще в давние времена, когда шла война с Персией, жители этого селения изготавливали оружие и порох для защитников, а с приходом русских стали производить еще и медную посуду. Это ремесло так было развито здесь, что логичские мастера полностью удовлетворяли свои материальные и духовные потребности.

Год от года росли и крепили связи Азербайджана с Россией, особенно взаимовыгодные торговые отношения. Среди тех, кто развивал эти контакты, были видные представители деловых кругов Баку и даже Логича. Много повидавший и набравшийся столичного лоска выходец из этого поднебесного селения Абдул-Керим, вернувшись на родину, построил на вершине горы шикарный дом, обставил его современной мебелью и повел жизнь на европейский манер. Свою единственную дочь Зулею в десять лет отдал учиться в один из Санкт-Петербургских пансионов.

Через восемь лет повзрослевшая Зулея стала девушкой сказочной красоты. Она получила среднее музыкальное образование и хотела поступить в консерваторию. Европейски настроенный отец тоже разделял ее мечты. Но ее осуществлению мешал обычай. Еще в детстве женихом девушки был наречен Гейдар. Молодой человек происходил из богатой и знатной семьи и даже приходился родственником отцу невесты. Прежде чем отправить дочь в российскую столицу, необходимо было решить этот непростой вопрос.

Между тем весть о небывалой красоте Зулей облетела все Закавказье. Под видом

всевозможных туристов, охотников и просто проезжающих в доме Абдул-Керима стали появляться женихи из разных мест. Под предлогом заблудившегося охотника однажды явился и гвардейский офицер, сын управляющего губернскими государственными имуществами, которого хорошо знал Абдул-Керим. Офицер, как и Зулея, увлекался музыкой, владел несколькими иностранными языками. Словом, жених был, что надо. Да и вообще у восточных людей сам по себе офицер много значит: любят здесь военных, достигших определенных званий. Как сын знакомого управляющего он был радушно принят в этом доме и провел в гостях целых четыре дня. За это время молодые люди успели понравиться друг другу и даже решили пожениться. Похоже, что и старик Абдул-Керим был не против того.

Не прошло это и мимо Гейдара. Заподозрив неладное, и боясь потерять нареченную невесту, Гейдар решил перейти к решительным действиям. Как только гость уехал, Гейдар предъявил свои претензии и потребовал совершения «кябина», венчания. Между тем продолжал навещать Зулею и гвардеец. Надо думать, он был посвящен в давний уговор двух фамилий и знал о правах Гейдара. Кому принадлежит план дальнейших действий, Зулее или молодому офицеру, осталось тайной. Но во время одной из последних встреч Зулея дала свое согласие Гейдару и выдвинула условие. Что он должен отправиться в Мекку и у гроба Пророка попросить о даровании им семейного счастья. Гейдар еще больше убедился в своих подозрениях, но не подал вида.

Скоро Гейдар объявил о дне своего отъезда. Извещенный об этом офицер прибыл на ближайшую станцию железной дороги, и как только поезд скрылся за ближайшим поворотом, отправился в Логич к Зулее. Гейдар, проехав две станции, покинул поезд и тоже направился в Логич, но не домой, а туда, где любила гулять Зулея. Гейдар залег за одной из скал. Ничего не подозревавшие молодые люди, были счастливы. Как только они приблизились, Гейдар выскочил из засады и в упор расстрелял офицера, а Зулее, в беспамятстве склонившейся над ним, вонзил кинжал прямо в сердце.

После этого у Гейдара не было выбора кроме как податься в горы и абречествовать, пока его самого не настигнет смерть или не изловят и не отправят в Сибирь на каторгу. В горах он влился в шайку Талыба, которой по дерзости в те времена не было равных во всем Закавказье. Богатый опыт шайки быстро передался Гейдару. Он участвовал во всех разбойных операциях и скоро стал выделяться как один из самых умных и неустрашимых абреков и ближайший сподвижник Талыба. Удачных вылазок было много, но самым дерзким и по своему романтическим было нападение на английский лакричный завод, находившийся в непосредственной близости к станции «Уджары» Закавказской железной дороги. От завода до станции было около ста метров и примерно двести до поста земской стражи. На самом заводе было 5 человек вооруженных англичан и 10 наемных сторожей, тоже вооруженных.

Гейдар и Талыб заметили, что во время подхода поезда заводские стражники и сторожа, что стоят на воротах, а также англичане-владельцы завода, устремляются к вокзалу и все бывают без оружия. Они оставляют его там, где считают наиболее безопасным, — в сторожке, на посту, в кабинете, и делают свои дела, растворившись в массе прибывающих и отъезжающих.

Нападение было совершено летом 1895 года. Как только подошел пассажирский поезд, и началась суматоха, Гейдар и Талыб незаметно подошли к заводу и разоружили оставшегося на тот момент единственного сторожа. Это послужило сигналом начала операции. Шайка открыла стрельбу одновременно по посту стражников, вокзалу, поезду, квартире управляющего и кассовой комнате. Никто ничего не мог понять, всюду стояли крик, пальба, люди в панике и растерянности метались из стороны в сторону. И только хозяин завода старик Уркарт быстро нашелся и открыл огонь по разбойникам. Под ружейные выстрелы, крик и плач Гейдар выломал оконную раму, проник в кассовую комнату, взломал ломом железный сейф, забрал все деньги, что там были, — 18 тысяч рублей — и обратился в бегство. По его сигналу вслед за ним бросились в сторону прикуринских камышей остальные абреки.

Однако просчитанная и успешно проведенная операция печально завершилась для ее участников. На место чрезвычайного происшествия была срочно послана сотня Лабинского полка, которая в это время стояла на соседней станции. По получении экстренного сообщения о происшествии на станции «Уджары» и направлении отхода грабителей, сотня бросилась шайке наперерез, заблокировала ее на узком перешейке между болотами и почти всю уничтожила. В бою были убиты Талыб и четыре его сподвижника. Не удалось поживиться

награбленным и другим: спасаясь, деньги пришлось бросить в болотах. Второй лидер шайки Гейдар оставался на воле, но не долго. Преследование продолжалось. Вскоре его выследили, поймали и повесили в гор. Шемахе.

Так никогда не видевший себя абреком Гейдар стал им в результате неожиданного стечения обстоятельств и нарушения людьми данного слова. Двойственность Абдул-Керима, спекулировавшего на национальных обычаях, но не придерживавшегося их, привела к трагической развязке всех, кто был повязан в описанной любовной истории.

Остатки разбойной шайки Талыба и Гейдара долго скитались по лесам и ущельям, прежде чем встретили молодого Абдул-Керим-бека, преследуемого властями. Последний был сыном малоземельного бека из селения Казьян, учился в реальном училище, который покинул со второго класса. В конфликт с законом вступил в результате убийства односельчанина, как тогда посчитали, на романтической почве. Совершив этот злодейский акт, он тут же скрылся, и суд заочно вынес ему смертный приговор.

В бегах Абдул-Керим-бек сколотил группу из указанных остатков и стал грабить людей на большой дороге между городами Шемахи и Шушу. Для этого прикуринская степь была самым подходящим местом. Ограбления в основном происходили днем. Чтобы успешнее проходили операции и легче было уходить от преследования, Абдул-Керим-бек выставлял дозорных на удобных для слежки вышках и курганах или на высоких деревьях с пышной и густой кроной, где можно было оставаться незамеченными. Дозорники сообщали главному абреку сведения о происходящем вокруг, о приближении врага.

Абдул-Керим-бек не принадлежал к тем разбойникам, которым было все равно, кого грабить. У него были свои правила «игры». Односельчан и родственников друзей не трогал. За это снискал у них уважение и сам отвечал тем же. Он хорошо знал все села вокруг и строго обходился с ворами, взяточниками, жуликами. Поэтому, когда у кого-либо похищали из хлева скот или угоняли его с пастбища, потерпевшие чаще обращались к нему, нежели к местной администрации, с просьбой разыскать и вернуть им украденных животных. И знаменитый абрек приходил им на помощь, при этом еще строго наказывал обидчиков. Вот один из таких случаев.

Однажды у сельского богача похитили корову. Когда поиски ничего не дали, он решил забрать корову у бедняка из соседнего села, ссылаясь на то, что она, как две капли, похожа на его корову, и она вообще-то та самая и есть. Началась тяжба. Дело дошло до суда. Богач решил дело выиграть подкупом. Не долго думая, дал судье взятку, и спор был решен в его пользу. Так единственная корова бедняка перешла к владельцу целого стада. Надежда оставалась только на Абдул-Керим-бека. Когда ему сообщили, он явился в указанное село, зашел в загон мироеда, выбрал лучшую буйволицу и пригнал ее обиженному крестьянину, а богачу объявил, что другого решения не может быть и изменению оно не подлежит. Предупреждение абрека подействовало: боясь более сурового наказания, в случае если он попытается вернуть буйволицу, обидчик смирился и даже никому не пожаловался.

А еще раньше пришла жалоба как на взяточника, на самого старшину одного из близлежащих сел. Абрек явился к нему, вывез его из села, заточил в коровник и семь дней продержал там под арестом. Старшина со страха не только не бежал оттуда, хотя и была возможность, но даже никуда и никому не заявил об этом. Выпуская взяточника, бескомпромиссный абрек предупредил, что если тот еще повторит что-либо подобное, ему несдобровать совсем.

Участие Абдул-Керим-бека в поддержании порядка на участке, откуда происходил сам, несколько скрашивали его преступную деятельность, и поэтому местные власти, а точнее участковый пристав, если и не совсем прощал его, то, по крайней мере, был к нему более или менее снисходителен. Более того, сознавая, что своих сил не достает, часто наиболее гибкие административные лица – приставы сельские старшины, ¹⁸⁵ начальники участков – обращались к абрекам за содействием в борьбе с кражами и грабежами. И абреки, если они не имели никаких претензий лично к этому администратору, откликались и оказывали ему необходимую помощь. А иногда даже сами на какое-то время отказывались от абречества. Так было с Абдул-Керим-беком.

Как-то на участке поменялся пристав: старый получил новое назначение, а на его место был назначен некий К... Назначение произошло помимо желания начальника уезда, имевшего уже к этому времени сорокалетний стаж административной службы и получившего в народе прозвище «Коджа Курт», что означало «Старый волк». На почве неприязни Коджа

Курт с первых же дней стал предъявлять к новому приставу повышенные требования. Он указал ему, что в его участке орудует шайка абреков во главе с Абдул-Керим-беком, созданная им из остатков расстрелянной и рассеянной шайки Талыба и Гейдара, и что его предшественник уже имел с ней несколько перестрелок, в результате которых были убиты и сами главари. Начальник уезда пообещал направить приставу на пост 19 стражников (милиционеров) и выразил надежду, что возродившаяся шайка будет уничтожена окончательно.

Новому приставу К. выполнять это задание приходилось в не совсем обычных условиях. Оно происходило в такой обстановке, когда Абдул-Керим-бек имел к себе очень хорошее расположение населения. Во время знакомства с участком он предполагал услышать ужасы о похождениях этого абрека, а получилось наоборот: люди не только не питали к нему неприязни и злобы, но даже похваливали как заступника и человека очень справедливого.

Пока пристав ознакомился с участком, входил в круг своих обязанностей, до него дошел слух, что Абдул-Керим-бек собирается напасть на поезд в районе его участка. Правдоподобней слух казался оттого, что в районе участка на протяжении почти двадцати верст железная дорога проходила садами и болотами, поросшими камышом. Вспомнив рекомендации коллег иногда обращаться за помощью к населению, пристав отправился в Казиян, на родину абрека. Собрав старейшин села, пристав сообщил им, что ходят слухи о том, что Абдул-Керим-бек хочет ограбить поезд, и если такое случится, большие неприятности будут не только у него, но и у жителей села. Поэтому он хотел бы их совета, как это предупредить.

Оказанная честь понравилась старикам. Один из них вышел вперед и сказал, что когда-то в их участке был еще такой начальник Загайный, который всегда в трудный момент спрашивал у них, что делать, и никогда о том не пожалел. Потом он попросил отпустить их, чтобы через час дать ему ответ. Посоветовавшись между собой, старейшины приняли положительное решение и сказали приставу, чтобы он с командой ехал в свою ставку и не беспокоился: ничего плохого не произойдет, и поговорят с абреком. По дороге назад приставу встретились три туземца, родственники Абдул-Керим-бека, вышедшие ему навстречу. Узнав о том, кто они такие, пристав, как и со старейшинами, был сдержан, обошелся с ними вежливо и попросил их передать своему родственнику его просьбу оставить свою преступную деятельность или покинуть уезд хотя бы на время и в таком же духе повлиять на других абреков.

Вечером следующего дня в открытое окно пристава была брошена записка. «Гаспадин пристав, – говорилось в ней. – Благодарю вас (стиль и орфография сохраняются – авт.) за ласковое слово до маих родственников. Абецаю вам, буду сидеть спокойно. А может и поеду. Воров буду держать строго. Абдул-Керим-бек».¹⁵³

Воздействие почетных стариков и гуманность местного администратора заметно повлияли на судьбу абрека. Абдул-Керим-бек совсем покинул уезд, перебрался в другую губернию и зажил там тихо у своих родственников, занимаясь, как все, обычным трудом по хозяйству.

С этого времени всю весну и лето на участке было спокойно, притихли даже скотокрады. Так вместо угроз и оскорблений, часто раздающихся в таких случаях со стороны администрации, простое человеческое отношение к себе и родственникам, а также доверие абрек по достоинству оценил и сделался таким, каким хотели его видеть и общество, и те, кто наблюдал за общественным порядком.

Потом случилось то, чего совсем не ожидал преобразившийся абрек. Той же осенью пристав К. получил новое назначение. Абдул-Керим-бек не узнал о смене власти и не очень остерегался. Новый администратор, наслышанный о нем как об абреке, устроил ему ловушку в виде засады, и его убили. Вскоре примерно таким же способом были уничтожены еще два его товарища. Известный в абреческих кругах вор пригласил их при встрече к себе на ночлег и зарезал спящих. За это в подарок от начальника уезда Коджа-Курта он получил берданку, часы и должность старшины. Шайка вновь была обезглавлена.

В 80-е годы XIX века по всему Закавказью разнеслась слава и о тезке Абдул-Керим-бека, но только без титульной приставки «бек». Он прослыл как неуловимый и бесстрашный абрек, который мог в целях личной безопасности за считанные часы преодолеть сто и более верст. Когда его искали в близких к совершенному преступлению местах, он оказывался там, где и предположить не могли, что ставило администрацию в тупиковую ситуацию. Глядя на действия Адул-Керима, можно подумать, что он играл и спорил с властями. Спор заключался

в том, что он хотел доказать: я всегда буду у вас под боком, буду делать, что хочу, но вы меня не достанете.

Опасные игры абрека были вызывающими и издевательскими, которые после каждого раза возбуждали еще больший гнев к нему. Самолюбие властей заставило пустить в ход все самые изощренные методы борьбы: засады, обман, подкупы, обещания. Но и эти всегда срабатывавшие способы не имели успеха. Во многом потому, что он был абрек-одиночка. Это позволяло ему лучше маневрировать, быть застрахованным от предателя, оставаться менее заметным и легко ускользать, уходить от преследования. Он совершал грабежи и разбои там, где, казалось, это невозможно, прямо под боком у преследующего отряда или в селе, где остановился разыскивающий его пристав.

Однажды на рассвете видели, как Абдул-Керим выезжал из селения на коне, нарочито вызывающе и лихо гарцуя. А вскоре оказалось, что это был конь самого начальника отряда, расположившегося на ночлег в этом селении. Был и такой случай. Некий князь во время одной из служебных поездок по вверенной ему губернии остановился перед огромной толпой встречавшего его народа. Поездка была верховой, так как путь местами пролегал по гористой местности, где никакой другой транспорт не мог пройти. Князь слез с коня, пообщался с людьми (к его чести он знал языки многих здешних народов) и тут же обратил внимание на стоявшего перед ним подтянутого мужчину средних лет, богато одетого и с виду как будто персиянина. Князь заговорил с ним по персидски, на что тот, приложив руку к сердцу, а потом, поклонившись, так же по персидски ответил, что он местный житель. Князь остался доволен. А когда он сел на коня, этот туземец быстро подошел и подал ему стремя. Каковы же были его разочарование и обида, когда он по пути узнал от провожавших его селян, что говоривший с ним и подавший стремя был тот самый абрек Абдул-Керим, с которым вот уже несколько лет ничего не могут поделать.

Абдул-Керим не совершал преднамеренных убийств. Он прибегал к нему только в случае необходимой обороны. Когда же угроза его жизни исчезала, был готов проявить милосердие. Рассказывают, что Абдул-Керим в Елисаветполе, когда он бывал в этих краях, постоянно брился у одного и того же цирюльника. Последний, узнав о том, что за его клиента-абрека установлено вознаграждение в 10 тысяч рублей, предложил властям свои услуги и пообещал зарезать во время бритья абрека, как только он явится еще раз. Абдул-Керим до этого всегда заходил к нему один, без какого либо сопровождения, на что цирюльник обратил внимание как на самый подходящий момент.

Прослышав об этом через своих агентов, Абдул-Керим захватил с собой товарища и явился в цирюльню. Он поставил своего подельника с ружьем около двери, а сам сел в кресло бриться. Цирюльник видел, что тот, который стоит у двери не сводит с него глаз. Когда он закончил работу, Абдул-Керим встал, повернулся к цирюльнику и повелительно потребовал, показывая на кресло: «Ну, теперь ты садись, я тебя побрею, как ты обещал уездному начальнику побрить меня».⁵⁴

Цирюльника хватил шок, в полуобморочном состоянии он бросился в ноги Абдул-Керима и стал просить пощады. Абдул-Керим презрительно посмотрел на него, кинул ему его заработок, плюнул в лицо и ушел.

Отчужденность от общества и связанное с постоянным риском абречество в конце концов заставили его поменять образ жизни. Местом нового обитания он избрал Персию, возможно потому, что свободно владел персидским языком. Черты прекрасного наездника и находчивого воина обратили там на себя внимание, и он был определен в курдскую конницу, а вскоре стал начальником одного из отрядов. Вслед за отцом на военную службу пошли и сыновья.

Восьмидесятые годы XIX века были очень урожайными на известных абреков. В эти годы в Кубинском уезде в течение нескольких лет гуляла и шайка из 10 человек под предводительством Мешады-Меджида. Это был известный в уезде человек, преуспевающий торговец из гор. Кубы. Добропорядочный мужчина средних лет был всегда приветлив и выказывал хорошее воспитание. Но однажды жизнь преподнесла ему один не самый лучший урок. По ложному обвинению в грабежах Мешады-Меджид был осужден и отправлен на каторгу. Совершив побег и возвратившись на родину, он первым делом расправился со своими врагами, по настоянию которых был сослан в Сибирь. После целой серии убийств у него не осталось шанса вернуться к мирной жизни, и он стал изгоем.

После некоторых скитаний в одиночестве он сколотил шайку и стал хозяйничать в уезде. Мешады был умный и расчетливый абрек со своей тактической системой. После каждого разбойного нападения он на время, на два-три месяца покидал эти места, ложился на дно, как сказали бы сегодня, пока о нем не забывали. Потом, когда вокруг все утихло, притуплялась бдительность, он совершал новый разбой. Чаще всего орудовал между Дербентом и Кубой.

Однажды в период затишья, когда его никто не ждал, он с утра объявился у моста между этими городами и стал останавливать весь гужевой транспорт, подъезжавший с обеих сторон. К полудню образовалась пробка из более чем ста экипажей, фургонов, арб, дрог и подвод. Мешады-Меджид с завидным спокойствием и достоинством, без единого выстрела собрал у перепуганных путников деньги и все, что было ценного, и ушел в горы. Опять на несколько месяцев, пока улягутся страсти.

Мешады всегда грабил по крупному, на мелочи не разменивался. Куда девал он такое количество награбленного: поддерживал ими родственников или где-то копил, неизвестно. Но твердо придерживался одного правила — скоту или какому другому добру он предпочтение отдавал деньгам и каждая охота была связана с ними. Был в Кусарском урочище некий офицер, бесшабашный весельчак и балагур, знаток всех новостей и любитель рассказывать их всем встречным, за что у лезгин получил прозвище «Хабар» («Новость»). Понадобилось ему как-то попасть в Дербент. Дорога пролегла через густой кустарник. Вдруг из-за кустов один за другим выскочили несколько вооруженных человек. Офицер понял, что это за люди, а потом узнал и главаря Мешады-Меджида. Бежать уже было поздно, и офицер сам подошел к абрекам.

— Деньги! — строго потребовал Мешады по-русски.

— Ты, наверно, не узнал меня, Мешады-Меджид? — по-лезгински ответил ему русский офицер. — Я — Хабар. Какие у меня деньги?

Он полез в карман и достал трехрублевую бумажку.

— Вот все, что у меня есть. Возьми, если хочешь, — и протянул трешку Мешады.

Мешады-Меджид узнал Хабар, подошел к нему и подал руку.

— А!.. Хабар! Знаю Хабар! Хабар якши адем! (хороший человек). Издравствуй, Хабар!¹⁵⁵

Видя такое расположение к себе, офицер достал из корзины заготовленные на дорогу продукты и угостил ими абреков. Офицер знал много анекдотов и был прекрасным рассказчиком. Пока абреки ели, он выдал им несколько пикантных анекдотов, и те, покатываясь от хохота, готовы были на мировую. Когда трапеза закончилась, Мешады поблагодарил Хабар за угощение и отпустил доброго и веселого офицера, так и не взяв предложенных трех рублей.

Другой раз на том же самом месте Мешады-Меджид подкараулил командира полка полковника Линевича, который ехал без охраны с одним только вестовым на козлах экипажа. Полковник держал путь в Дербентское казначейство. Главарь банды догадывался (не раз подтверждались его расчеты), куда и за чем он едет, и пропустил его. На обратном пути Линевич был остановлен. Дорогу в том же урочище Кусары преградили десять пеших абреков. Предположение главаря шайки подтвердилось. Полковник вез деньги. Их было около 10 тысяч рублей, из которых 5 тысяч были двадцатипятирублевые белые ассигнации (купюры), только что выпущенные в обращение. К экипажу подошел Мешады-Меджид.

— Деньги, ага! (господин), — коротко и повелительно произнес он.

Полковник Линевич был не из робкого десятка, позднее он станет кавказским героем среди сослуживцев, грозой жителей

Ширвани, произведен в чин генерала и будет участвовать в русско-японской войне. Созная, что в данной ситуации всякое сопротивление бесполезно, Линевич расстегнул пальто, достал бумажник и, протягивая его главарю абреков, сказал: «Все!», чтобы избежать излишнего обыска. Мешады-Меджид достал из бумажника деньги, отобрал кредитки старого образца, положил их в карман, а все остальное, в том числе и новенькие белые двадцатипятирублевки, приняв их за деловые записки, вложил обратно в бумажник. Мешады-Меджид остался доволен мирным исходом дела и, возвращая бумажник, сказал: «Испасибо, ага! Расписка возьми себе назад, нам не надо».¹⁵⁶

Прискакав в штаб-квартиру, полковник по тревоге поднял учебную команду с двумя офицерами, и в считанные минуты все бросились в погоню за грабителями. А разбойники почему-то на этот раз не спешили, они стали дожидаться наступления темноты, чтобы раствориться в ночи. Но солнце еще не ушло за горизонт, как преследователи настигли

абреков. Последние стали разбегаться по лесу. Уйти удалось не всем: двое были убиты, а еще двое — ранены и задержаны. Сам Мешады-Меджид спустя два года был предан одним из участников шайки, задержан и приговорен к смертной казни через повешение. Казнь была произведена близ города Кубы при стечении более десяти тысяч лезгин и других обывателей.

Чтобы иметь более полное представление об абреках, их психологии, поведенческом многообразии и сметливости, расскажем еще о нескольких. Возьмем абрека Ших-Заде. Ших в переводе с азербайджанского означает святой, что указывает на его знатное происхождение. Это был мужчина средних лет, атлетического телосложения, неплохо владевший русской грамотой и речью. Еще на каторге Ших-Заде решил на воле больше не братья за старое и по возвращении на родину простил всех своих врагов и даже вопреки обычаям мести помирился с ними. Надо начать жизнь сначала. Но как без средств? Кроме как криминальным способом на ум ничего не приходило. И Ших-Заде сколотил шайку в 16 человек, состоявшую главным образом из лезгин. Она сложилась из остатков шайки Мешады-Меджида и свежего пополнения. У опытных разбойников-головорезов новобранцы прошли хорошую школу стратегии и тактики разбоя и других криминальных операций.

Работу шайки Ших-Заде поставил так, словно это было государственное учреждение. Чтобы попасть в шайку, недостаточно было одного желания, нужно было личное знакомство с членами шайки, которые поручились бы за новичка, а самое главное

— наличие совершенного серьезного преступления, которое исключило бы предательство и возможность возвращения в нормальное общество. В шайке была установлена особая форма одежды, по которой всегда можно было узнать своего человека. Это была короткая черкеска, какую носят пешие казачьих частей, с позументом по борту и полам, погоны кованого серебра, маленькая черная чеченская папаха, тоже с галуном, и небольшая пороховница на серебряной ленте через плечо — казачья натруска. Подражать этой форме и носить ее кому-либо из посторонних, помимо шихзадинцев, строго запрещалось. Нарушители карались: первый раз пороли, а в случае повторения могли даже убить. Вооружение состояло из берданок, кинжалов и револьверов. Все они также были очень красиво отделаны драгоценным металлом.

Огромная шайка, походившая на целый отряд, никогда не действовала в полном составе, была разбросана и собиралась только в экстренных случаях для принятия какого-либо важного решения. Для большей мобильности и неуязвимости Ших-Заде разбил ее на части, в основном на пятерки со своими старшими, ввел должность казначея, завел приходо-расходную книгу и установил свои карательные меры для недобросовестных налогоплательщиков. Но Ших-Заде был против бесцельных убийств. Он требовал избегать их по возможности и совершать таковые в исключительных случаях, когда есть угроза собственной жизни, и наказывал тех, кто нарушал это правило. Сам Ших-Заде никогда не участвовал в операциях и за все время, как свидетельствуют показания его сподвижников на суде, он сделал всего два выстрела и то при попытке выйти из окружения перед своей гибелью. Как предводитель большой шайки он собирал донесения, анализировал их, строил планы и осуществлял руководство дальнейшими ее действиями. В итоге шайка стала самой грозной и организованной из всех когда-либо существовавших на Кавказе. Ее штаб-квартира находилась в Мюшкурском районе (участке) Кубинского уезда (Каспийское приморье).

Разбои и грабежи со стороны шайки были не редки. Они давали солидные барыши. Но основным источником доходов были регулярные поступления от рэкета и пленения заложников, за которых взимался выкуп. Похищали чаще близких родственников и даже первых лиц: как получится. Рэкету же подвергали помещиков, владельцев спиртовых заводов, виноградных плантаций и садов, рыбных промыслов, ватаг и других состоятельных сельских буржуев. Особенно частым гостем был у рыболовецких промысловиков¹⁸⁹. По всему побережью Каспия, на протяжении 200 верст их объезжал и облагал лично Ших-заде. Затем все эти данные поступали к казначею, который в дни выплаты жалованья ватажникам и другим наемникам, занимался сбором обложений.

Редко, но приходилось слышать, что пленение людей с целью их последующего выкупа, — грузинского происхождения. С этим можно поспорить. Как показывают документальные источники, заложничество и рэкет возникли на Северном Кавказе в далеком прошлом и имеют свою самобытную историю. Именно здесь, как и само абречество, они получили наибольшее распространение.

Казначеем шайки Ших-Заде назначил бежавшего с сахалинской каторги Салмана, незаменимого в этой роли. Салман завел приходную книгу, в которую заносил фамилии облагаемых, сумму налогов и следил за исправностью их погашений. Отдельные налоги доходили до нескольких сот рублей. Размер дани зависел от урожая, доходности предприятия, а у рыболовецких артелей от числа сельдяных чанов. Плата абрекам стала настолько обычным явлением, что всеми считалась обязательной расходной статьей. Но если кто жаловался властям, налог удваивался или налагался штраф, который обязательно тоже превышал первоначальное обложение. Точно так же, как это делал Али-Баба. Вероятно, кто-то у кого-то научился, хотя каждый из них мог придти к этому самостоятельно. Причем это делал сам Ших-Заде. Как-то жители одного села пожаловались администрации на притеснения со стороны шихзадинцев. Узнав об этом, вся шайка подошла вечером к околице села и преградила дорогу стаду. Оно было арестовано до тех пор, пока старики не вынесли штраф в размере нескольких сот рублей.

За данью, как правило, посылались молодые разбойники. Прибыв в рыбные ватаги или имения, они вызывали управляющего, который тут же на виду у всех производил расчет. Их ничего не смущало, действовали предельно смело и даже вызывающе, но никто не решался воспрепятствовать этому, так как все знали, что совсем рядом, в лесу, сборщиков подстраховывают дружки.

Жадный до денег и дотошный по натуре, Салман великолепно справлялся со своими обязанностями. Он был типичнейший разбойник, который даже чисто внешне наводил страх на окружающих: одноглазый великан (другой глаз был выколот на каторге) с глубокими следами оспы на лице и громадной бычьей головой; лицо словно перекошено, так как одна ноздря, часть верхней губы и половина уса вырваны. Уродство, какое трудно себе представить. Именем Салмана пугали детей. При всем этом он был очень жесток. Еще на Сахалине, работая в зубном отделении госпиталя, он научился рвать зубы, что пригодилось в дальнейшем. Рассказывают, что когда после Сибири и поимки Мешады-Меджида, с которым разбойничал одно время, и до формирования шайки Ших-Заде, Салман промышлял в одиночку, за утайку денег при обыске он вырывал у своей жертвы один или два, а то и несколько зубов в назидание ему и другим.

Зимой в конце 1893- начале 1894 годов, шайка совершила дерзкий налет на ближайшую кассу и завладела 60 тысячами рублей – хорошая добавка к налоговым деньгам. Седьмого сентября 1894 года в доме одного бека, у которого до этого не раз собирались, Ших-Заде достал эти деньги и поделил их между всеми поровну, а затем объявил, что хочет отправиться в Мекку, и советует всем дружкам последовать его примеру – отправиться с этими деньгами в Персию и заняться там нормальной богоугодной жизнью. Он понимал, что в своих краях вернуться в лоно мирной и свободной жизни невозможно, слишком тяжел кровавый груз, хотя средства для безбедного существования уже есть. Чужбина пугала, зато религиозный имидж и шарм Мекки сулили свои надежды.

Но этого не случилось. Наблюдая за всем происходящим, бек понял, что это последнее собрание разбойников и через своего сына донес приставу Жукову о местонахождении абреков. Для уничтожения наведшей ужас шайки были мобилизованы воинские части, казаки, милиция и даже охотники из числа простых сельчан, в основном кровников. Вся эта пешая армада тут же нагрянула в село, окружила дом и предложила абрекам сдаться. В ответ последовала пальба. После долгой перестрелки команда Жукова обложила дом соломой и пригрозила ее поджечь, если разбойники не сдадутся. Раненый Ших-Заде показался на крыльце. Двумя выстрелами он ранил двух всадников, но тут же сам был смертельно ранен. Это были те самые два первых и последних выстрела, которые сделал главарь Мюшкурско-Кубинской шайки. Обезглавленная шайка сочла, что дальнейшее сопротивление в окружении бессмысленно, и сдалась. За пять лет шайка, состоявшая в основном из лиц среднего возраста, совершила 56 убийств – по 3-4 человека на каждого. По делу прошел громкий судебный процесс. Восемь наиболее активных участников были приговорены к смертной казни, остальные к разным срокам сибирской каторги. На суде все были сдержанны. Особенно Салман. Он знал, что ждет за содеянное его и товарищей, и был готов к этому. Когда один из разбойников, в прошлом почетный бек, пытаясь облегчить участь своего племянника, заявил на суде, что это он увлек его за собой, и при этом расплакался, Салман презрительно посмотрел на него и, покачав головой, сказал по-лезгински: «Эх, ты, баба! Разве, когда ты шел на разбой и вел своего племянника, ты не знал, что его вместе с тобой

повесят? Чего же ты теперь ревешь? Баба!». ¹⁵⁷

Весной 1895 года в гор. Кубе при стечении огромного числа людей смертный приговор был приведен в исполнение. Свидетели утверждают, что это ужасное зрелище наблюдали более 20 тысяч человек. После этого в целом уезде на несколько лет воцарилась долгожданная тишина. Но затем – кто по отбытии срока ссылки, а кто после побега с каторги – абреки возвратились на родину и возобновили свою преступную деятельность. Начали с того самого бека, который через сына-посыльного выдал их властям. На этот раз это была кровная месть за казненных товарищей и убитого Ших-Заде.

Огромной популярностью в Закавказье пользовался абрек Заид из села Екихана. Он был одним из тех, кому надоела жизнь преследуемого аскета, и пытался вернуть себе доброе имя. История с ним очень проста. Она похожа на судьбу большинства абреков. Но в своей человеческой сути он все-таки оставался самим собой. Он наблюдал, как в его родном селении один богач-миродед наживался на почти бесплатном труде односельчан, жестоко притеснял их, чинил расправу над бедняками, и однажды решил избавиться от него народ. С той поры, как тайно осуществил свое намерение, Заид находил приют в каждом доме.

Однако худая слава не только не покидала его, но даже росла. Каждый раз, когда Заид отлучался от дома, уезжал из села, преступники, пользуясь его отсутствием, вешали на него свои преступления. Тогда Заид обратил свой гнев против них: он отлавливал их по одному и убивал, а иногда вступал в связь с администрацией и подсказывал, где можно словить разыскиваемого разбойника. Так он невольно стал помощником властей.

Заид существовал на средства, которые добывал у беков и других богатых людей. Самой же доходной статьёй его были выборы должностных лиц в обществах, особенно старшин. Как правило, один из претендентов на должность старшины обращался к нему за содействием, и тот за определенное вознаграждение оказывал давление на общество, после чего его кандидатура проходила без заминок. Такие выборы не всегда устраивали администрацию и общество, но возражать Заиду не смели.

Весной 1905 года, когда в Баку развернулись Февральские события, между армянами и мусульманами-шиитами, жившими до этого добрыми соседями, возникли острые противоречия. Противоречия были на национальной почве и росли день ото дня. Страсти подогревали агитаторы с одной и с другой стороны. К этому времени из Константинополя вернулся Заид. Он собрал вокруг себя до 80 человек надежных молодых людей из татар и направился в горы на большой Исмаилинский базар (район армянских поселений), где всегда были наряду с армянами и татары, и стал произносить речи, призывая обе нации не нарушать дружбы, которая всегда была между ними. Такую же работу он провел и в населенных пунктах и тех и других.

Узнав об этой самодеятельности Заида, начальник уезда приказал ему распустить своих всадников и удалиться. Приказ был выполнен, а вскоре начальник уезда получил по почте письмо: «Многоуважаемый начальник! Я взял с собою несколько человек, проезжали по вашему участку (стиль и орфография сохраняются – авт.), чтобы сказать сельчанам армянам и татарам не бунтовали на Геокчайском уезде, я говорил им ктонибудь из татар будут бунтовать, тогда я буду убить, зажигать это селение, а если армяны будут бунтовать, тогда будут убить армян: они все радовались на мою совещанию; я не ходил чтобы ограбить вашу участку и убить; я говорил чтобы жить на свете как наши деды и отца жили вперед. Я думал вы будете радоваться на мою распоряжению, вам будет хорошо и вы будете помогать мне на свободе, я слышал что вы сердились на мои распоряжения я всех удалил а сам остался только двое. А если хотите, мы не издешни, мы поедем в Константинополь».

Г. начальник, когда я поеду в Константинополь, тогда вы будете увидеть что будет в вашем участке. Вы радуйтесь что ни пускать бунтовать татары с армянами. Прошу выслать мне ответ, как советуете мне, так и слушаюсь. От Заид Эфенди». ¹⁵⁸ 191

Миссия, которую Заид по своей инициативе возложил на себя, была успешной. В уезде воцарилось полное спокойствие. Воодушевленный этим успехом Заид задумал исходатайствовать себе амнистию, на что недвусмысленно намекал в письме участковому. Рассчитывая на поддержку обеих наций, на Геокчайском съезде почетных людей был поднят этот вопрос и составлено ходатайство об амнистии Заида. Оставалось дело за администрацией. Но к несчастью Заида она вскоре поменялась, и пришедшие ей на смену новые чиновники от власти не только не поддержали решение съезда, но, напротив, приняли энергичные меры по уничтожению абрека. Были задержаны и высланы за пределы края родственники Заида.

После этого обозленный Заид собрал шайку уголовников и на протяжении двух с лишним лет не давал покоя ни отвергшим его властям, ни населению. Но у любого абрека конец всегда один. Застигнутые врасплох Заид, его брат мулла Ших-Али и 4 разбойника были убиты. По этому поводу в одной из терских газет сообщалось, что «шайка знаменитого разбойника Заида, терроризировавшего уезд более 10-ти лет истреблена».

Иногда к абрекам причисляют воров. Для русской администрации, все находящиеся в розыске преступники – абреки. Вероятно потому, что у вора те же повадки: так же крадется, так же, но уже тайно, присваивает чужое добро, угоняет скот, лошадей... Но это неверно, если даже он отъявленный вор. Абрек – прежде всего мститель, человек, отвечающий террором на террор властей. Он совершает поступки, в которых присутствует насилие и кровь. Противоправное действие абрека в отличие от воровства, тайного завладения чужим имуществом, имеет более тяжкие последствия, принуждающие человека с момента совершения преступления, покинуть общество и скрываться от уголовного преследования. Вор также преступник, но не так социально опасен. От него нет потенциальной угрозы для жизни, для установленного миропорядка. И до тех пор, пока не падет на него подозрение, может находиться в обществе, как его равноправный член, без всякой опаски для себя.

Абреки всегда несли более тяжкие наказания и их чаще других ссылали в Сибирь и другие отдаленные губернии России. Они и после отбытия наказания были ограничены в правах, в свободе перемещения по стране, в выборе места жительства и пр. Например, возвращающимся из Сибири административно-ссыльным мартовским указом кавказского наместника за 1899 год запрещалось селиться в губерниях и областях, смежных с Терской областью. Запрет был вызван желанием уберечь эти регионы от разгула криминала, так как основная масса отбывших наказание не всегда оказывалась способна начать новую, трудовую жизнь и возвращалась к своим прежним привычным разбойным делам. Этот региональный закон продержался недолго, всего пять месяцев. Центральной властью он был признан противоправным и нецелесообразным и 1 августа того же года его отменили.

Абреки, будучи воплощением зла, не только негативно, но и положительно влияли на многие процессы социально-экономической жизни. Подтверждают это не только вышеприведенные нами примеры заинтересованного взаимодействия местной администрации, сельского общества и абреков, но и официальные выводы общественных институтов. По свидетельству комиссии по разбору сословных и поземельных прав горцев, учрежденной в Терской области в 1870 году, «уруги (то есть абреки – авт.) у всех чеченцев пользовались и продолжают еще пользоваться большим влиянием на общественные дела».^{1M} Такое положение наблюдалось всюду на всем Кавказе, но на Северном Кавказе это влияние было особенно заметно, поскольку Чечня являлась районом самого развитого абречества.

Теперь обратимся к Грузии и входившей в ее состав до конца XX столетия Южной Осетии. В связи с распадом СССР и образованием в Закавказье из бывших союзных республик Азербайджана, Армении и Грузии суверенных независимых государств доступ к их архивам по известным причинам стал весьма проблематичным. Поэтому восполнить этот пробел удалось только частично посредством использования различной печатной продукции и то в основном только по Южной Осетии и лишь частично по Азербайджану и Грузии.

В материалах об абречестве в Грузии и Южной Осетии отсутствуют какие либо сведения о причинах и обстоятельствах, которые побудили их встать на этот криминальный путь, как это наблюдается в северокавказских источниках. Ни в грузинской прессе, много писавшей о грабежах и разбое, борьбе с ними и печальных последствиях их участников, ни в официальных документах не указываются мотивы, наподобие кровной мести или произвола и насилия со стороны администрации, которые заставили этих людей сделать свой последний выбор – объявить властям войну, уйти в леса и горы и выживать там так, как это возможно в условиях дикой природы. Во всех имеющихся по этому поводу источниках значатся сведения исключительно о преступных деяниях разбойников, местах их обитания и промыслах, о преследовании их властями и воинскими частями и понесенной за злодеяния каре. Поэтому очень трудно сказать, кто из них – натуральные грабители и разбойники, а кто – настоящие абреки, ставшие ими на почве большой личной обиды и конфликта с законом или адатами. Исходя изданной ситуации, чтобы не вводить читателя в заблуждение, считаем, будет правильно, если в части, касающейся Южной Осетии, будем придерживаться официальной терминологии, по которой все эти люди проходили как абреки.

Замечена одна особенность разбойничьих групп Южной Осетии. Они действовали самостоятельно, на своей территории, почти не контактируя с грузинскими абреками, хотя в редких случаях бывало и такое. Здесь, как и всюду абреками становились в основном уголовники, лица не поладившие с законом и склонные к легкой наживе.

Большой известностью пользовались абреки из Гудо Мти- ульского района Военно-Грузинской дороги. Они грабили пассажиров, нападали на казенную почту, даже если она была с охраной казаков, убивали русских офицеров, если от них исходила опасность. Абреками их сделали издевательства царских чиновников и офицеров, бесчеловечные притеснения, обложение непосильными налогами, поборы, экзекуции и казачьи постои.

Все это довело гудских абреков до полного отчаяния, и они открыто выступили против своих притеснителей. На помощь гудцам всегда приходили туалыцы, «в том числе и туалыцы Северного Кавказа, «подстрекаемые якобы Шамилем». Против них были брошены большие воинские силы, которые разрушали жилища, родовые башни. Однако восстание гудских осетин раз- росталось. «Шайки, – писал генерал Головин в своем рапорте от 8 января 1841 года, – растут численно, и к ним присоединя

ются целые селения, и пренебрегают властью, и легко принимают характер политический».¹⁶⁰

Руководить военными операциями против восставших осетин было поручено князю Андроникову. Последней «шайкой», на подавление которой он бросил свои войска, были гудские абреки. 30 человек грузинского линейного батальона при одном горном орудии для уничтожения башен вели бои с горсткой абреков. 7 суток продолжались они между ними и абреками, засевшими в башне. Превосходившие силы царских войск вынудили в конце концов абреков покинуть башню. Они перешли в Трусовское ущелье, а оттуда направились прямо к Шамилю.

Одним из широко известных абреков Южной Осетии был и Акка Гивов сын Кабисашвили. Он являлся главарем шайки из 40 человек выходцев из Кешельтского ущелья. В шайке находились и два его сына – Бабе и Мирман. Шайка была как бы фамильной: в нее входили боковые родственники Кабисовы второго и третьего колена. Это положительно сказывалось на сплоченности и единстве помыслов.

У большой шайки были и большие запросы. Разбойники нападали на пастухов, отбивали у них стада овец и крупного рогатого скота, свиней, брали людей в аманаты (заложники) и возвращали за выкуп. Особенно они охотились за высокопоставленными чиновниками и людьми знатного происхождения. Так, за один 1830 год Акка со своими единомышленниками взял в аманаты несколько таких особ, как например, дворянина Джа- мелашвили, у которого забрали все ценное, что у него было, «затем отпустили, взяв за него выкуп 60 рублей серебром».¹⁶¹ Точно так же они поступили с дворянином Джавахашвили и князем Захарием Херхелудзевым.

Разбоем и грабежами жили Иосиф Хубулури и высокий, русоволосый, плотного телосложения Нони Чибиоров (Чибираш- вили). Последний был уже однажды схвачен властями и посажен в тюрьму, но он сумел снять со своих ног кандалы, бежать из нее и вновь заняться старым «промыслом».

После шайки Акки больше всех терроризировала администрацию и мирное население небольшая группа Тате Джиеова.

В шайку входили еще два человека – Сандро Хубулури (Хубу- лов) и Алексей Хасиев (он же Хетагуров). Это были уголовники, каждый из которых отсидел срок, а Сандро Хубулури побывал в тюрьме несколько раз. Не уступал ему в этом и родной брат Гиго, который был сослан в Сибирь за убийство консула в Тифлисе. Гиго не смирился с такой судьбой и бежал из ссылки. Но вскоре был схвачен и снова этапирован в сибирскую ссылку. Ловкий и находчивый, он делает попытку во второй раз бежать с каторги, и это ему опять удается. Теперь он бежит оттуда навсегда: ни полиция, ни другие органы сыска его больше не нашли.

Бывшая у всех на слуху тройка абреков Тате Джиеова настолько уверовалась в своих силах и безнаказанности, что стала бросать вызов властям. В июне 1891 года эта тройка отправила письмо ахалгоскому приставу с наглым предложением поме- ряться с ними силой. «Мы слышали, – писали они, что как будто мы вам очень нужны, преследуете нас и не можете встретить нас. Так, если ты не баба какая либо, то выходи к нам навстречу с тремя

сотнями казаков или чапаров, и тогда видно будет, кто какое имеет мужество.. Если только не попробуешь нас и не исполнишь нашу просьбу, то все таки мы доберемся до вашего дома и заберем жену и дочерей ваших. Остаемся в Душетском уезде, жители сел. Ардиси.»¹⁶²

Для уничтожения джиоевской тройки была снаряжена небольшая команда в шесть человек из служащих местной администрации и полиции и направлена в Горийский уезд. После двухчасовой перестрелки Тате и Сандро сдались. Алексей Хасиев успел бежать и скрыться. Но на другой день с повинной явился и он. В ходе перестрелки князь Пагава, начальник земской стражи, был тяжело ранен, а урядник Ладо Албрашвили убит. В ликвидации шайки помощь оказало и местное население, которое все время находилось в состоянии террора и страхе за свою жизнь и имущество. На этот раз абреков приговорили к смертной казни и повесили прямо в Гори.

Впоследствии их жизнь и дела были воспроизведены в художественной литературе Юго-Осетии. О них были написаны «Горийская повесть» и пьеса Давида Джиоева «Джиоты Тате». Повидимому, Д.Джиоев обратился к данной теме как представитель этой фамилии из родственных чувств, чтобы показать этого бесстрашного главаря как народного заступника.

Немало беспокойств создали грузинским властям разбойные шайки Илико Пухаева, Итона Дриаева, Карума Хубиева, Кужи Остаева и других. Первые два очень быстро обрели известность, о них рассказывали газеты. «Читатели «Тифлисского листка», – писала редакция, – знакомы уже с личностью Пу- хашвили, крестьянина сел. Склит Горийского уезда, который с 1892 года терроризирует громадный Горийский уезд, и своими подвигами давно уже обратил на себя внимание как губернской администрации, так и уездной». С самого начала, сколотив шайку, Пухаев вымогал деньги у имущих и во всю кутил «с товарищами. Шайка кейфовала чуть ли не во всех деревнях, где только представлялась возможность».¹⁶³

Газета «Тифлиссский листок» в номере 147 за 1887 год писала, что «местный священник Гаврил Окроперидзе почти ежедневно получает от этой шайки письма с требованием денег и с угрозой предать священника и его семью казни, если требование разбойников не будет исполнено». Потом шайка начала открыто разбойничать. Закрывая лица башлыками, они нападали на свои жертвы в любое время суток и отбирали все, что находили драгоценного, или вымогали деньги. Так, у священника Кванчахадзе в сел. Дици забрали серебряные вещи и 200 рублей денег, у еврея из села Плави отняли 50 рублей прямо у церкви, ограбили помещика З.Павленова из сел. Квемо-Никази.

В это время в Закавказье дерзко орудовал опытный налетчик Хадо Ханикашвили. Он происходил из трудовой, но малообеспеченной осетинской семьи Ханикаевых, которые на манер грузинских фамилий приписали себе «швили», но от этого грузинами не стали, и грузины их за таковых не признавали. Он начал с ограбления купцов, не боялся и чиновников, ссаживал с коней, которым тут же находил покупателя, обчищал казначейства. Район его действий был очень обширный – от Гори и Южной Осетии до Военно-грузинской дороги. Власти сбились с ног в поисках абрека. Последний раз вместе со своими подельниками он совершил большое разбойное нападение на почту 28 июля 1889 года близ станции Азнаур на Военно-грузинской дороге. В тот же день оперативно сработавшей Душетской полицией во главе с приставом князем М.Тумановым были задержаны три злоумышленника, а четвертый, их атаман, как определила его местная печать, «осетин Хадо Ханикашвили, в продолжение многих лет совершивший массу других преступлений, успел бежать. Благодаря дремучим лесам этой гористой местности и своему обширному родству, – писала газета «Новое обозрение», – он до сих пор успешно скрывался от преследований полиции».¹⁶⁴

Попытки полиции выявить местопребывание Хадо ничего не дали. Тифлиссский губернатор князь К.Д.Шервашидзе для захвата неуловимого абрека снарядил целый отряд всадников и в стражи тифлиссского и душетского уездов и направил его в Горийский уезд. Во главе отряда был поставлен тифлиссский уездный начальник князь Джандиери, а в помощники назначены душетский полицейский пристав князь М.Туманов и переводчик горийского уездного управления Н.Пурцеладзе. Несмотря на снег и холод, отряду пришлось прочесать леса и горы Южной Осетии, совершая иногда объезды по 100 верст в сутки и более. 16-го октября Хадо Ханикашвили был обнаружен и схвачен. Тифлиссский суд приговорил его к длительному тюремному заключению, где испытал каторжный труд и кандалы.

3. Преследование за пособничество и укрывательство абреков

В условиях долгой и трудной борьбы с абреками, разбоями и грабежами, принявшими устойчивый характер, царская администрация направляла свои усилия не только непосредственно на их ликвидацию, но и жестко преследовала пособников, в роли которых выступали чаще всего близкие люди и члены тейпа, из которого происходили абреки и разбойники, а также сельчане и даже просто соплеменники, недовольные властями.

Неудачи властей во многом были обусловлены их поддержкой абреков, поэтому применяемые к ним меры были очень строгими и не всегда адекватными степени их вины. Зачастую они карались так же, как и те, которых укрывали и которым пособничали, у кого были тайными агентами и посыльными. Их ссылали в далекие и холодные края Сибири и Дальнего Востока, на безжизненный остров Чечень в Каспийском море, сажали в тюрьму, брали под стражу и т. д. А если уличалось в подобном криминале целое село, аул или хутор, то там проводились массовые экзекуции и постойи воинских отрядов от одного до трех и даже шести месяцев.

Особенно тяжелым бременем постойи становились тогда, когда устраивались зимой. Все это время жители оккупированного села обязаны были полностью содержать за свой счет весь личный состав отряда (сотню или полусотню солдат) и все конное хозяйство. Запасенный под личный скот фураж на зиму быстро расходовался и, так как корма уже не оставалось, а до зеленки, наступления весны было еще далеко, пускали свой скот под нож. С другой стороны, казаки и солдаты, сознавая, что они здесь в роли карателей, нередко подвергали мирных жителей разного рода бесчинствам и насилию. Чаще всего от этого страдали одинокие незащищенные женщины.

Административное и даже уголовное наказание за пособничество распространялось на всех. Наиболее распространенным видом были аресты жен и братьев, а то и целых семей с целью принудить абрека явиться с повинной, а также высылка их с оставлением несовершеннолетних детей на попечение стариков

– бабушек и дедушек, – если они были, или родственников. И побывать им пришлось не только в арестантских отделениях, но и в бараках острова Чечень, куда обычно ссылались самые злостные преступники.

Объективности ради надо сказать, что не всегда им это сходило с рук. Чиновники высшего эшелона кавказской администрации старались показать, что русская власть одинаково гуманна и справедлива по отношению к своим подданным независимо от их места проживания и национальной принадлежности.

Поэтому карателям за свои противоправные деяния приходилось и отвечать, когда они получали слишком большую огласку. Да и то не всегда. Если это лицо что-то собой представляло, начальство старалось замять дело или переводило его из одного округа в другой, из одной воинской части в другую без понижения в должности и звании.

Однако, чтобы впредь никому не повадно было, лишний раз возмущать и без того настороженное и беспокойное население, к коррумпированному чиновничеству принимались и строгие меры наказания. Чаще всего они применялись к национальной знати и администраторам местного происхождения. Некоторые из них, войдя в тайный сговор с абреками, сами грабили народ. В декабре 1857 года начальник Большой Кабарды полковник князь Орбелиани направил сообщение командующему войсками Левого крыла Кавказской линии генерал-лейтенанту и кавалеру Евдокимову, в котором писал: «С самого вступления моего в управление Кабардою, я со всех сторон получал сведения о том, что князь Джамбот (он же Николай – после крещения, 26 лет) Мисостов, забыв свое звание и пренебрегши данным ему воспитанием в кадетском корпусе, занимается беспрестанно воровством, имеет сношение с абреками, доставляет им всевозможные средства вторгаться в Кабарду, нападать на своих соотечественников и грабить их».¹⁶⁵

Орбелиани указал, что князь действует не один, что у него есть надежный подручный уздень 2-ой степени Пшемахо Ге- тежев 27 лет, «который всегда и везде сопутствует Мисостову и разделяет с ним все преступные его подвиги».¹⁶⁶ «Исходя из требований кабардинцев», Орбелиани просил» сослать князя Мисостова и узденя Гетежева на службу в Оренбургское казачье войско сроком: Мисостова на шесть лет, а Гетежева – на четыре года... Если же в продолжение этого времени они не исправятся в поведении, то продлить

означенный срок и дальше по усмотрению тамошнего ближайшего начальства».¹⁶⁷

Кабардинский князь и его сообщник уздень были сосланы в Олонецкую губернию. По прошествии указанного срока отбывания наказания князь Мисостов хотел вернуться домой, но ему было отказано на основании Правил возвращения на родину горцев, принявших православие. В нем говорилось о невозможности возвращать ссыльных горцев, принявших христианство, на родину, так как они снова попадут в мусульманскую среду фанатов, ненавидящих христианство, а также в условиях отсутствия там церквей».¹⁶⁸

Весной 1882 года у жителя селения Ольгинское поручика Газданова разбойники ночью угнали 25 лошадей. Их поиск был недолгим, следы привели в селения Ачхой, Катыр-юрт и Валерик. Начальник Грозненского округа полковник Авалов направил начальнику Терской области генерал-лейтенанту Александру Павловичу Свистунову письмо, в котором просил «лиц, принимавших участие из чеченцев привлечь к самой строгой ответственности, т.е. выслать их административным порядком на остров Сахалин и, если только от суда не встретится препятствий, так как они привлечены по делу, оштрафовать тот квартал, в котором проживают эти лица и где были найдены ограбленные лошади, в размере от 15 до 20 рублей с каждого двора, чтобы удовлетворить Газданова за число недостающих лошадей. Правители этих селений также будут наказаны».¹⁶⁹

Вскоре на свое письмо от 21 марта 1882 года Авалов получил от шефа ответ, в котором указывалось, что «ссылка горцев... на остров Сахалин до сих пор не практиковалась и во всяком случае заняло бы много времени испрошение на это разрешения, с своей же стороны я полагаю наказать виновных как можно строже и скорее». В связи с этим Свистунов просил доставить ему «в самом непродолжительном времени сведения: 1. кого именно из чеченцев считаете в этом деле наиболее виновными и из кого состоят их семейства; 2. кого из них надо считать второстепенными участниками для наложения наказания и на них; 3. кто из сельских старшин и их помощников виновны в попустительстве, ^ . на сколько дворов в каждом селении Вы полагали бы наложить денежный штраф».

Делу придавалось «такое серьезное значение», что начальник области обещал «при первой же возможности прибыть в гор. Грозный», чтобы помимо требуемых донесений, лично выслушать его доклад по этому вопросу.¹⁷⁰

Одним из угонщиков ольгинских лошадей был ингуш Татар- кан Цуров, тот самый, из-за которого отбывал тюремное заключение осетин из сел. Ларе за то, что приютил в холодную осеннюю ночь промокшего до нитки абрека, предоставив ему ночлег и пищу. Цуров был одним из тех абреков 90-х годов, которых причисляли к самым дерзким во Владикавказском округе. Облюбованным местом, где он постоянно кружил и грабил проезжающих в Тифлис и обратно, были предгорье и Военно-грузинская дорога. Отсюда со своими дружками-соплеменниками из Назрановского округа он совершал налеты и на более отдаленные села на равнине. Как следует из записки генерал- майора Дударова начальнику Терской области Свистунову «он держал в блокаде Военно-грузинскую дорогу. Как полиция, так и общество желали прежде всего избавиться от него. Чрез него сильно терпели все прилегающие к дороге местности и их население. Поэтому против него были употреблены самые сильные и действенные меры, поставившие его в безвыходное положение и заставившие сдаться».¹⁷¹

Но это было потом, а незадолго до этого Цуров и его сообщники, почувствовав реально нависшую над ними угрозу, решили бежать в Турцию. Генерал-майор Дударов, принадлежавший к роду чминских и ларсских Дударовых, владевших на праве собственности многими тысячами десятин предгорной земли и контролировавших Военно-грузинскую дорогу, узнав о намерениях абреков, принял решительные заградительные меры и не дал осуществиться их намерениям. «Этими мерами, — продолжал генерал в письме, — Цуров был совершенно лишен всякой возможности скрытно уйти за границу или быть выпро-вожденным,¹⁷² куда бы то ни было. После всего этого я приказал объявить ему, что единственным средством к спасению жизни ему остается сдаться на волю и великодушие Вашего Превосходительства, какою решимостью он заслужит еще сочувствие и благодарность к себе тех, которые по родству и легкомыслию принимали его и которые сильно пострададут, если он добровольно не сдастся или учинит еще малейшее преступление». В то же время генерал Дударов не упускал из виду и других абреков, «и хотя постоянно знал, где они находятся, кто из них с кем и, следовательно, мог бы покончить с ними по сравнению легче и скорее, чем с Цуровым», но по разным непредвиденным и независящим от него обстоятельствам не имел возможности, отмечал он, «свободно

действовать против них».¹⁷²

В начале 1889 года в должность начальника Терской области вступил генерал-лейтенант Семен Василевич Каханов. Это был жесткий администратор, сторонник палочной системы и волюнтарист. При нем борьба с абречеством была так строго поставлена, что власти наказывали виновных служащих за любую неудачу, даже если она случалась по независящим от них обстоятельствам, как в ниже приведенном случае.

Весной 1890 года казаки станицы Карабулакской Земцов и Спицын пропали, не оставив после себя никаких следов. Поползли слухи, что их убили абреки в Назрановском лесу, а затем повесили. Атаман Сунженского отдела, собрав до 100 человек казаков, «частью вооруженных», решил организовать обыск пропавших в названном лесу. Старшина селения Яндырского Лорса Мусакиев, взяв с собой нескольких селян, присоединился к поисковикам. Прочесывая Назрановский лес, казаки и яндырцы наткнулись на бежавших из Владикавказской тюрьмы экажевских жителей Санталиева и Бекоева, «с которыми завели перестрелку, но абреки, имея берданские винтовки, близко к себе казаков, вооруженных простыми ударными ружьями, не подпустили и, пользуясь густотой леса, успели скрыться. Во время перестрелки казак Шереметьев был легко ранен в правую руку, а у Мусакиева — прострелена черкеска».¹⁷³

Преследуя абреков, казаки снова наткнулись на двух ингушей из Экажево с арбами, на Барокко Тебоева и Саафуля Сагиева. «У первого из них на арбе были найдены чуреки, сыр и мясо, а лошадь, запряженная в арбу, ранее принадлежала отцу Санталиева, арба же второго была найдена пустой, но около нее сидели абреки. По всей вероятности, означенные лица доставляли провизию абрекам, хотя в этом они не сознаются, а показывают, что приезжали в лес за хворостом, почему я нашел необходимым теперь же их арестовать и полагал бы в пример другим сослать их на поселение».¹⁷⁴

В заключение атаман Сунженского отдела генерал-майор в рапорте на имя исполняющего дела наказного атамана генерал-майора Шмелева указывал: «Упуск абреков я частично отношу плохому вооружению казаков и разбросанностью их в лесу, но во всяком случае считаю позорным для казаков, бывших числом более 100 человек, дать возможность безнаказанно уйти двум человекам, а потому покорнейше прошу... льготного урядника 3 очереди Гашенко, бывшего начальником команды, за нераспорядительность разжаловать в казаки, а атамана станицы на неделю посадить на гауптвахту».

Генерал-майор Шмелев, ознакомившись с рапортом сунженского атамана, издал приказ по Терскому казачьему войску № 109 от 20 июня 1890 года, согласно которому урядник Гашенко «за полную нераспорядительность при поимке абреков, последствием чего был упуск их» лишился звания урядника. А на полях того же рапорта чьей-то рукой была сделана надпись: «Экажевцев Тебоева и Сагиева сослать на остров Чечень, атамана станицы Карабулакской арестовать на неделю, а урядника Гашенко разжаловать в казаки».¹⁷⁵

На следующий день, 21 июня 1890 года, после кратковременной отлучки к работе приступил начальник Терской области Каханов. Выслушав доклад Шмелева о проделанной работе, он изменил приказ в отношении Гашенко на один месяц гауптвахты и оставил в урядниках. Как поступили с другими — неизвестно. Надо думать, что они понесли проектировавшиеся им наказания, поскольку никаких замечаний и поправок по ним Кахановым сделано не было. Известно только, что по ходатайству начальника Терской области командующий кавказскими войсками генерал-лейтенант Шереметев 5 июня 1891 года разрешил отчислить из штрафных сумм Сунженского отдела 100 рублей для выдачи в пособие жителю селения Экажевского Асланбеку Эльджуркиеву, раненому при преследовании абреков Санталиева и Бекоева. А вот житель Кади-юрта Грозненского округа Юнай Дантаев «за принятие у себя абрека Алим-Гирея Шахбаматова был сослан на остров Чечень. В эти безжизненные места сроком на два года были сосланы также арестанты из Кужмазукина Ханаф Жангиреев и тамбиевец Хажобекир Балкатзов «за содействие к побегу арестованного абрека Хажобекира Жангиреева».¹⁷⁶

Такая политика кнута и пряника широко практиковалась. Наказывая одних за нерадивость, поощрялись другие за проявленное мужество и усердие. На 2-ом участке Сунженского отдела поручик Высоцкий, получив точные сведения от «секретного доказчика», что абрек Эсаки Эстоев прячется в доме своего отца в селении Барсуковское, взял с собой шестерых казаков и направился по указанному адресу. Чтобы не упустить разбойника поручик приказал полным карьером подъехать к дому, окружить и захватить его врасплох. Однако сделать это казакам

не удалось. Заметив их Эсаки бросился в одну из внутренних комнат, схватил берданку и патронташ с боевыми патронами, произвел в казаков несколько выстрелов, чтобы осадить их, на что те ответили тем же, и через заросли кустарников убежал в горы. Но казачья пуля достала его и угодила в ногу. Раненый укрывшись за одним из выступов скалы, открыл огонь. Несмотря на опасность, рядовой Кондрат Ефремов больше других выдвинулся вперед и с близкого расстояния вступил в перестрелку. Абрек прострелил ему черкеску, но Кондрат не отступил. Подобрал удобный момент, он точным выстрелом сразил абрека, который тут же свалился со скалы в обрыв. Кондрат достал его берданку, патронташ с оставшимися патронами и передал их поручику Высоцкому. За проявленную отвагу казак Кондрат Ефремов был награжден серебряной медалью «За храбрость».¹⁷⁷

Между тем за место под небом шла борьба и между самими разбойниками. Айдемир и Астемир Исаевы из сел. Ачхой предложили администрации свои услуги в поимке разбойников Ар-сануко Мадаева, Мутала Чалиева и Атабая Инаркиева, которые похитили 90 баранов у некоего Кобзе. Таким предложениям власти всегда были рады и никогда не преминули ими воспользоваться.

В борьбе с абречеством власти прибегали к самым изощренным методам уголовного и административного воздействия на тех, кто пособничал абрекам и независимо от степени их участия в этом несли наказание во всей полноте, предусмотренной законом. Нередко помимо ссылки в непривычные для южан холодные северные края России или на голый безжизненный остров Чечень в Каспийском море, производились аресты близких, чтобы принудить преступников добровольно сдаться властям. Эти меры оказывали действие не только на мирных жителей, но иногда и на тех, из-за кого они вводились. Так, начальник Владикавказского округа в отчете за 1882 год указывал, что из 12 числившихся абреков добровольно явились 5, убито 4, а 3 продолжают оставаться в бегах. А вот в Нальчикском округе дела обстояли иначе – там на тот же год всего абреков значилось 10, и все они были в бегах, двое из них даже мигрировали в Турцию. Убитых и добровольно сдавшихся властям не было.

Но имел место один курьезный случай. Пшемахо Тамбиев из селения Тамбиево 1, занимавшийся разбоем и грабежами с 1879 года, был самим отцом доставлен в Нальчик и заключен под стражу. Несколько странно звучит, но как следует из рапорта начальника Нальчикского округа начальнику Терской области, это было так. «3 декабря 1882 года, – писал начальник округа, – юнкер Берд Тамбиев, он же старшина селения, в 8 часов вечера представил ко мне абрека сына Пшемахо Тамбиева, пойманного им лично в степи. Далее он пояснял, как это было. Юнкер ехал из Нальчика по направлению к сел. Куденетово 1 и вдруг увидел в стороне от дороги двух едущих верховых, закутавшихся башлыками. Узнав в одном из них своего сына, юнкер направился к ним и приказал сыну остановиться. Но сын не подчинился, напротив, поскакал от него. Тогда Берд Тамбиев, имея под собой хорошую лошадь, нагнал его и схватил лошадь за повод, пытаясь остановить сына. Но тот выхватил револьвер и хотел застрелиться. Отец Берд мгновенно обезоружил сына, силой доставил его в Нальчик и передал властям, после чего он был заключен в местную гауптвахту.

В это время в Грозненском округе орудовало более сотни абреков и разбойников, из которых почти половина бежали из тюрем, гауптвахт и арестантских палат военных госпиталей и других лечебных учреждений, а в 1885-86-м годах их значилось

– 17.

Довольно громким стало заведенное 16 июля 1893 года в правлении начальника Терской области «Дело о ссылке из края жителя Зарамагского прихода Семена Сикоева на остров Чечень за укрывательство брата, бежавшего из Сибири, и об аресте старшины Сиды Ногаева за халатность по службе». А суть дела, как видно из рапорта временно исполняющего обязанности начальника Владикавказского округа Н.Семенова начальнику Терской области Каханову, заключалась в следующем. Александр Сикоев во время бытовой ссоры убил родственника Огалька Сикоева, старшего брата Налька Сикоева, за что был сослан в Сибирь на каторжные работы. Вскоре он бежал оттуда. Но как только объявился на родине, был схвачен и посажен во Владикавказскую областную тюрьму. В ночь на 29 марта 1890 года он снова бежал, и на этот раз он уже взял сан абрека. Исполняющий обязанности начальника 3 участка Владикавказского округа юнкер Иван Хетагуров организовал розыск беглеца, но он не был найден. Начальник тюрьмы Н.Семенов предписал Хетагурову бдительно следить за появлением А. Сикоева в пределах своего участка и при каждом случае его появления при-

нимать энергичные меры к поимке.

Розыск сопровождался обыском. Он был произведен у родного старшего брата Семена, «жившего нераздельно с преступником, с матерью и младшим братом, обыск был произведен также у зятя Георгия Кантемирова, у родного племянника по матери Александра и братьев его Сикоевых, у двоюродного брата по матери Тассо Макаева». Иван Хетагуров докладывал потом Семенову, что разыскиваемого «беглого каторжанина в участке нет, иначе бы он, Налык Сикоев, как враг и мститель за кровь убитого брата первым долгом счел бы донести о том начальству для заарестования беглеца». Однако по поступающим от агентов сведениям и последующим расследованием было установлено, что приговоренный к каторжным работам беглец прячется у своих родственников, проживающих в Зарамагском приходе Владикавказского округа, но по вине старшины прихода Сиды Ногаева, из-за его халатности он остается на воле. Главным пособником в укрывательстве абрека был признан родной брат Семен Сикоев.

Ознакомившись с рапортом, начальник области и наказной атаман Каханов наложил на нем резолюцию: «Семена Сикоева сослать на остров Чечень за укрывательство брата, беглого каторжанина Александра Сикоева, а старшину Сиды Ногаева за небрежное отношение к своим обязанностям арестовать на месяц при Владикавказской областной тюрьме.»¹⁷⁸

Одновременно Каханов направил начальнику штаба Кавказского военного округа ходатайство о том, «чтобы понудить бежавшего явиться», утвердить сделанное им распоряжение «о высылке на о. Чечень брата беглеца Семена Сикоева.» Ходатайство наказного атамана области было удовлетворено. Не прошло и десяти дней как от помощника командующего Кавказскими войсками генерал-лейтенанта графа Татищева пришел ответ: «Принимая во внимание, что означенный туземец изобличен в укрывательстве арестанта распоряжение Ваше о высылке Сикоева изволили утвердить.»¹⁷⁹

Взятый под стражу Семен Сикоев передал на имя начальника Терской области ходатайство, в котором просил освободить его «от столь тяжкого наказания, как ссылка на о. Чечень» и оградить «оставшуюся семью от угрожающего кровомщением дяди его Битара Сикоева и его сыновей Налыка, Илзарко, Афако и Батыра Сикоевых.» В этом же прошении указывалось, что по дошедшим до него слухам от односельцев Александр Сикоев и его товарищ Алихан Карсанов бежали в Турцию, «а потому семейство нашего дяди Битара Сикоева все свое мщение перенесли на меня и и брата моего Данилу Сикоева и своими гнусными проделками довели меня до того, что я принужден был жаловаться начальству области.» После этого с Битара Сикоева «была взята подписка в том, что он не будет кровомстить семейству» Семена. Но как видно из продолжения письма попытки кровомщения не прекращались.

Ходатайства Семена Сикоева были проигнорированы властями и он, несмотря на мольбы его старой матери и обращения к начальнику области отменить ему ссылку, был водворен на о. Чечень. Впоследствии всех укрывавших каторжанина и сделавшегося потом абреком оказалось 11 человек. Державший на контроле это дело начальник области в апреле 1895 года предложил «из числа указанных 11 лиц, обвиняемых в укрывательстве абрека Александра Сикоева – выбрать и арестовать трех, арест коих может способствовать явке Сикоева.» 14 июня 1895 года из управления Владикавказского округа в канцелярию начальника области поступил доклад: «23 сего июня заключены во Владикавказскую областную тюрьму обвиняемые в укрывательстве абрека Александра Сикоева жители Зарамагского прихода Цыцеу Кайтмазов, Александр Тегкаев и Григорий Сикоев на один месяц каждый.»¹⁸⁰

Дел о высылке из края в отдаленные губернии России сообщников абреков как в центральных, так и в местных, кавказских архивах, имеется десятки и даже сотни. Приводить их все – занятие довольно скучное, так как сюжеты их сходны и отличаются друг от друга только персонажами и отдельными подробностями. Но приведем еще несколько примеров.

Территория Сунженского отдела была одним из тех, которые наводнили абреки, и вместе с ними подверглось преследованию очень много мирного населения. В числе их были семья и родственники абрека из Кескема Туруша Чемурзиева. За кражу четырех лошадей из немецкой колонии он по приговору общества своего селения и согласно указу Терского областного правления от 6 марта 1890 года «был сослан в Сибирь на водворение». Но долго там не задержался, бежал и сделался абреком, продолжая заниматься грабежами и разбоями «при помощи и пособничестве своих родственников».

Делал это он без всякого разбора, нередко грабил и своих сельчан по наводке родственников. Не желая больше терпеть грабежи повадившегося разбойника и его помощников, 21 января 1894 года общество селения Кескем на своем сходе вынесло приговор, в котором выступило с ходатайством к властям: «родственников Туруша Чемурзиева, а именно Яголби Чемурзиева, Курко Бекиева и Магижа Джамурзиева как сообщников и укрывателей абрека, в чем оно вполне убеждено и считает их вредными в своей среде, сослать в Сибирь на поселение с семействами их».¹⁸¹

Приговор был направлен в Сунженский отдел. Но поскольку закона о ссылке укрывателей абреков с семействами в Сибирь на поселение не было, атаман отдела, генерал-майор Морозов обратился к начальнику Терской области Каханову разрешить ему поименованных в приговоре родственников абрека сослать на остров Чечень на два года.

Генерал-лейтенант на рапорте атамана наложил резолюцию: «Запросить атамана Сунженского отдела имеет ли он за означенными здесь лицами, какие либо порочащие действия, рассмотренные судом. Если такие действия были, то общество имеет право составить приговор об удалении за порочное поведение, к коему должно быть отнесено и сокрытие абрека. Все проступки должны быть оговорены в приговоре.».¹⁸²

Атаман Морозов, получив согласие начальника области на свое прошение, арестовал и водворил на Назрановскую гауптвахту братьев Ильяса и Яголби Чемурзиевых. Шли дни, недели и даже месяцы, а их брат абрек не являлся с повинной. Потом под стражу взяли семью Ильяса, но Туруш не появлялся. Один из братьев абрека, Ильяс, в отчаянии обратился к начальнику области с прошением, в котором указывал, что уже идет четвертый месяц, как он содержится на Назрановской гауптвахте, а его «семейство, состоящее из женского пола» на днях вызвано во Владикавказ и арестовано. Такому наказанию он и его семейство, как ему известно, подвергнуты «в надежде склонить брата Туруша, находящегося в бегах, к добровольной явке начальству».

Далее он поясняет, что между ними туземцами существует разного рода междоусобная вражда и из мести за это, пользуясь, что третий брат их Туруш находится в бегах, на них двоих, Ильяса и Яголби, делаются доносы. На основании их местные сельские власти и начальник участка производили у них обыски с целью захвата беглеца, но они ничего не дали и «доносы наших ненавистников оказывались вымышленными».

«Подобно тому и в настоящем случае доносы наших ненавистников о том, что мучением меня с семейством можно склонить брата моего беглеца к добровольной явке, поверив которым, Вашему Превосходительству угодно было подвергнуть меня с семейством аресту, не есть справедливые, так как брат мой Туруш, как мне хорошо известен его характер, добровольно не сдастся, хотя бы даже нас всех членов семьи подвергли самому тяжкому мучению. Место пребывания его мне и моему семейству решительно неизвестно и, если бы знали об этом, то решительно заявили бы начальству, чтобы не страдать за это. И второе. Имущество мое в настоящее время находится без всякого присмотра, и пока я с семейством из дома отсутствую, на него много находится распорядителей. Так, например, старшина Кескемского селения, взяв к себе мою лошадь, стоившую мне 50 рублей, свободно ездит на ней под предлогом, что ее он заарестовал за долг 15 рублей, числящийся за братом моим Яголби в пользу какого то кескемского жителя».¹⁸³

В заключение обращения на основании вышеизложенного и с учетом того, что нет возможности склонить его брата к добровольной явке властям и приюта у себя он с братом Яголби ему никакого не оказывали, он покорнейше просил освободить его и семейство из под ареста, а если это будет сочтено невозможным, то скорее привести в исполнение тот приговор, который имеется ввиду ему и его семейству, а имущество его и брата Яголби подробно описать и «отдать на благонадежные поруки, оградив таковое от растраты со стороны презорливых сельских властей и других лиц, пользующихся случаем отсутствия хозяев. 30 мая».¹⁸⁴

В искренность признания И. Чемурзиева власти не поверили, и ответ последовал отрицательный. Начальник области распорядился объявить просителю, что через месяц, если Туруш не явится, они будут сосланы на о. Чечень, а об охране имущества сообщить атаману Сунженского отдела.

Прошение на имя начальника области из Владикавказской тюрьмы поступило и от жен Чемурзиевых — Гули, Сайби и Дзаки. Они писали, что содержатся под стражей, как и их мужья, по тому же подозрению в укрывательстве брата наших мужей, бежавшего из мест

административной ссылки в России, Туруша Чемурзиева, но к этому никакого отношения не имеют, так как до его ссылки он жил отдельно от своих братьев и «с нами ни в каких связях не состоял». Что касается доноса, то это явная клевета. Жены братьев-арестантов были так же убеждены в том, что если бы им пришлось вечно сидеть в тюрьме, Туруш нисколько не пожалел бы их и «добровольно никогда не явится подлежащему начальству». «Ввиду того обстоятельства, — просили они, — что мы засеяли кукурузу, которая остается необранной в степи, и того, что наши дети и оязяйство остаются без всякого надзора, покорнейше просим...об освобождении нас от незаслуженного наказания, чтобы мы получили возможность содержать нашу семью, если же освободить нас почему либо представляется невозможным, то умоляем соединить нас с нашими малолетними детьми и сослать куда угодно жительство».^{18^} неграмотных прошение составил и подписал 21 июня К Васильев.

Во Владикавказскую тюрьму за укрывательство абрека Туруша были посажены также жительницы Насыр-Кортковского селения Халимат и Тонах Майриевы.

Каковы бы были последствия прошения жен Чемурзиевых, неизвестно. Однако вскоре 27 июня абрек Туруш был заключен во Владикавказскую тюрьму (явился ли он добровольно или был схвачен — не говорится — авт.) и тут же освобождены находившиеся под стражей родственники.

Пострадали и родственники разбойника Габла Кокаева из селения Зильга Владикавказского округа. Габла был большим любителем поживиться чужим добром и подвергал разбойным нападениям не только богатых встречных, но и односельчан. Когда терпению пришел конец, зильгинцы в сентябре 1894 года общественным приговором постановили просить об удалении из своей среды Габла Кокаева, который во всех кругах уже слыл абреком. Узнав о таком решении схода, разбойник скрылся. Начальник округа предпринял розыскные меры, но они ничего не дали. Тогда 22 сентября он обратился к начальнику Терской области Каханову: «...Местопребывание Кокаева принятыми мерами розыска не обнаружено, и потому испрашиваю разрешения В. Пр-ва об арестовании впредь до поимки Габла Кокаева двух ближайших его родственников: брата Дударко и жены Леська для скорейшего выполнения приговора над ним».

Начальник области положительно отнесся к предложению подчиненного, поскольку карать родственников за содействие абреку стало обычным правилом. Тем более что эта мера иногда срабатывала. На данном рапорте адресат наложил визу: «Арестовать двух родственников на месяц. Если бежавший не будет найден, то по прошествии месяца выслать арестованных на остров Чечень».¹⁸⁶

Но этими мерами не ограничились. 11 ноября 1894 года месячный срок заключения брата и жены абрека истек. И начальник округа обратился к начальнику области за распоряжением о высылке на остров Чечень Дударко Кокаева. При этом он указал, что в деле появилась заминка, связанная с женой абрека. Она заключалась в том, что арестованная как жена Габла Кокаева, жительница сел. Заманкул Леська заявила, что она в замужестве за Габла не состоит, а была лишь его наложницей и после того, как он скрылся из селения, вернулась домой к своим родителям».¹⁸⁷

Начальнику 2-го участка, в ведении которого находился этот населенный пункт, было предложено произвести данное расследование и о результатах доложить. Параллельно с этим из управления Владикавказского округа в областное правление поступил новый рапорт. В нем шла речь о том, что кроме указанных выше лиц, с абреком связаны два других его односельца Джава Бзаров и Таби Борукаев. Уличить их в этом помог случай.

Еще «до бегства абрека из Зильги нач. 2-го участка округа отобрал у него за бесписьменность лошадь», на которую не было надлежащего паспорта, который указывал бы, чья она, «и передал ее на хранение зильгинцу Хачаще Козыреву. Спустя два месяца в Зильги у Гусалова пропали из общественного табуна 4 коровы, и жители этого селения Цицко Амбалов и Бибо Гусалов отправились их разыскивать. Хачаща Козырев как караульщик этого табуна хотел отправиться вместе с ними, но Джава Бзаров и Таби Борукаев отклонили его от этой поездки и предложили ему «поехать лучше с ними осматривать потраву на кукурузных загонах». Козырев согласился и поехал с ними на отобранной у абрека лошади. Проехав около пяти верст от Зильги по направлению к Батакоюрту, Бзаров предложил остановиться на отдых и, «пустив своих лошадей на пастьбу, сами саженьях в 30-ти от них забрались на копну сена и закурили. Вдруг из кукурузного загона выскочил Габла Кокаев, поймал лошадь, на которой приехал Хачаща, сел на нее и ускакал».¹⁸⁸

При производстве зильгинским старшиной дознания Хачаца Козырев и его дядя Афако Козырев заявили, что по их убеждению Джава и Таби состоят в дружбе с Габла Кокаевым и «с обдуманной целью отклонили Хачацу от поездки для розыска коров Гусалова и уговорили его ехать на кукурузные загоны, зная, что именно здесь скрывается Кокаев». К такому решению пришел и расследовавший это дело участковый начальник, поэтому в рапорте на имя начальника округа он просил арестовать Джаву Бзарова и Таби Козырева как находящихся в связи с абреком и всячески оказывающих ему содействие. На полях этого рапорта легла ремарка: «Разрешить Бзарова и Борукаева арестовать на месяц и объявить, что если в течение этого срока Кокаев не будет выдан, то они будут сосланы на о-в Чечень».⁸⁹ Спустя несколько дней Каханов через свою канцелярию передал в округ, что «ввиду переполнения острова Чечень ссыльными, продолжить до времени содержать их под стражей».

На этом преследование зильгинцев не завершилось. Чтобы раз и навсегда покончить с разбойником Габла Кокаевым, власти решили мобилизовать на борьбу с ним все общество. 26 ноября один из жителей Зильги сообщил старшине, что недалеко от села он встретил абрека Габла Кокаева, «у которого была берданка и большой запас патронов». Старшина тут же приказал собрать народ, «чтобы сделать облаву на Кокаева, но явилось лишь 15 человек и то без оружия, с палками и заявили, что они не могут отправляться на поимку абрека, так как он вооружен берданкой, а у них кроме палок ничего нет».⁹⁰ На приказание старшины дать знать в Хумалагское селение, зильгинцы также ответили отказом, заявив, что они и туда боятся ехать без оружия. В это время на сход явился Аслангери Дзарахоев, только что вернувшийся с поля. Он сказал, что «видел Габла Кокаева с двумя неизвестными ему товарищами, все трое вооружены были берданками и гнали 2-х быков. Это еще больше подстегнуло старшину, но и на этот раз приказ отправиться всем на поимку абрека не был выполнен.

Такое поведение зильгинцев возмутило власти. Начальник Владикавказского округа обратился к Каханову с просьбой: «Зильгинское общество за уклонение от задержания абрека Кокаева оштрафовать 50 рублями с обращением этих денег в окружную штрафную сумму, караульщики же за неявку их по требованию старшины арестовать на две недели каждого». Начальник области одобрил ходатайство. «Разрешаю исполнить согласно представлений, — записал он на полях рапорта. — И далее продолжил — Объявить зильгинскому обществу, что в случае повторения подобного отказа все жители этого селения будут лишены права ношения оружия».¹⁹

Исполнения намеченных мер наказания долго ждать не пришлось. С зильгинцев был взыскан штраф в размере 50 рублей, Джава Бзаров, Таби Борукаев и Дударко Кокаев сосланы на два года на о. Чечень, а караульщики Крым Бзаров, Иналдыко Бекузаров, Гадако Дзарасов, Хачаца Козырев, Бибо Гусалов и Афако Борукаев отсидели во Владикавказской тюрьме по две недели каждый. А новым кандидатом для ссылки на о.Чечень стал и Азирт Биджелов, который, как указывает командир 2 сотни Терской постоянной милиции ротмистр Курумов, «находится в постоянных сношениях с абреком Габла Кокаевым и знает, где последний скрывается, но упорно отказывается указать местопребывание абрека»,¹⁹² в связи с чем был арестован и посажен во Владикавказскую тюрьму. По истечении месячного срока, за который абрек должен был добровольно объявиться и сдаться на милость властям, но не сделал этого, Биджелов был сослан на указанный злополучный остров Чечень.

В конце мая 1895 года абрек Габла Кокаев явился с повинной и сдался властям. То ли пожалел пострадавших из-за него родственников, то ли не вынес участь скитальца. Возможно и то и другое. 31 мая, уже находясь под арестом, он обратился к начальнику Терской области Каханову с ²⁰²просьбой. В нем он указал, что в прошлом 1894 году его брат Дударко Кокаев... на два года выслан на остров Чечень за то, что будто бы он скрывал его в то время, когда он, Габла, самовольно, не добившись разрешения общества, отлучился в Горийский уезд на заработки, а в текущем году он сам добровольно явился начальству, был арестован и заключен в тюрьму. Но его беспокоила не собственная судьба. «Семья моя и брата Дударко, — писал он, — остались без всякого призрения и заставлены были искать приюта по чужим людям, не имея никакой поддержки. Так как мое заключение лишило семью и последней поддержки..., а моя явка оправдывает проступок брата..., то я дерзаю обратиться к Вашему Превосходительству и почтительнейше просить не ради себя, а семей наших, возвратит из

ссылки моего брата, сосланного через меня и тем дать покровителя обездоленной семье, оставшейся на произвол судьбы.¹⁹³

Во время дознания, которое проводил поручик Степанов, младший делопроизводитель управления Владикавказского округа, абрек показал, что однажды вечером в степи он встретил человек 10 зильгинцев, которые предупредили его, «чтобы скорее уходил отсюда, а то у нас теперь русский старшина и, если увидит тебя, сейчас же поймают».

«У меня в это время, – продолжал абрек, – было два револьвера, старый пороховой, а другой мне дал Темирсултан Гу-салов». А было это так. Темирсултан Гусалов, Афако Козырев и Аслануко Гусалов попросили абрека взять под свою охрану их хутора, чтобы исключить всякое воровство. За это они обещали ему харчи, «кушать у них чурек», а Темирсултан дал ему казенный револьвер. Абрек принял условия и некоторое время жил в этих хуторах. А когда ему сказали, чтобы поскорее убирался, «если не хочет быть пойманным, ушел в лес на Дударовской земле» (район Военно-грузинской дороги – авт.). Через какое-то время, устав от лишений и преследований, он вновь вернулся на хутора с твердым намерением сдать властям. У него никогда не было берданки, но «если бы и была, – говорит он, – я бы все равно ее выбросил, так как с нею было тяжело таскаться, а все мое вооружение составляли два револьвера и кинжал». И вот теперь перед тем как явиться с повинной, он возвратил Гусалову его револьвер, а свой револьвер и кинжал сломал и выбросил.

Как только родственникам абрека стало известно, что находившийся в бегах Габла добровольно сдался на милость властей, малолетний сын Дударко Кокаева Инал обратился к начальнику Терской области с прошением, написанным за него, неграмотного мальчишки, кем-то из друзей семьи со словами: «Со времени ссылки моего отца с двумя малолетними сестрами, из которых старшей 7 лет, я скитаюсь по чужим людям, не имея матери, родственников и приюта в Зильге, а на зиму предстоит нам испытать холод, голод и другие нужды, если отец наш не будет Вашим Превосходительством освобожден».¹⁹⁴ Мальчик просил «справедливого распоряжения» Каханова об освобождении и возвращении домой отца, чем обяжете «нас, малолетних, – заключал он, – вечно молиться за Вас».

Начальник области, довольный ходом дел и, сочтя, что люди достаточно поплатились за свое неразумное поведение, пометил на прошении мальчика: «Сделать распоряжение об освобождении из под стражи и возвращении из ссылки с острова Чечень всех сосланных за укрывательство явившегося абрека Кокаева, но только тех, кто сослан только по одному подозрению в укрывательстве».¹⁹⁵ Так родственники абрека Дударко Кокаев, Джава Бзаров, Таби Борукаев и другие односельчане, проходившие по статье «укрывательство» были освобождены и возвращены на родину. За служебное усердие и в знак признания заслуг Каханова одна из станиц Терской области была названа его именем.

Бродяжничество было широко распространенным явлением в России. Для профилактики любого роста криминогенной обстановки в области и на всем Кавказе решительная борьба велась и с людьми без определенного места жительства, странствующими по свету. Видя в бродягах резерв для пополнения разбойничьих шаек, при выявлении их вылавливали, подвергали экзекуциям, а затем выдворяли за пределы региона с определением на принудительные работы. В мае 1891 года Терским областным врачебным отделением «был освидетельствован арестант Алексей Орлов, осужденный окружным судом за бродяжничество к наказанию тридцатью ударами розог и ссылке в Восточную Сибирь для водворения с употреблением там в работы».¹⁹⁶ Бродяжничество и разбой несоизмеримые и несовместимые понятия по своим последствиям. Однако меры пресечения их были почти идентичными.

Строго наказывались и те, кто предоставлял абрекам ночлег или как тогда говорили за ночепредержательство. Таких людей ждал арест и тюремное заключение как пособников злостных нарушителей общественного порядка. Ну а за массовую поддержку абреков и участие в разбоях и нападениях на воинские части и важных особ администрации наказанию подлежали целые села и даже участки: они подвергались огромным штрафам, экзекуциям, а нередко и высылке в Сибирь. Так, 20 декабря 1907 года генерал-губернатор Алексей Михайлович Колюбакин (звание генерал-губернатора было присвоено в связи с объявлением области на чрезвычайном положении по случаю революционных событий 1905-1907 годов), направил приказ командиру Кизляр-Гребенского полка, в котором, ввиду неисправимой порочности жителей селения Адиль Чонка-юрт 2 участка Хасавюртовского округа и

окружающих это селение многочисленных хуторов, населенных преимущественно чеченцами Веденского округа, самовольно поселившимися там, признал необходимым «поставить в этом селении на экзекуцию обе сотни 1 Кизлярского Гребенского полка впредь до прекращения краж и грабежей в этом районе и исполнения жителями моих требований в составе 2 командиров сотен, 4 младших офицеров и 80 урядников и казаков». Сотням было приказано выступить из Грозного 27 декабря на станицу Кахановскую, а 28 перейти в Азамат-юрт Веденского округа, где остаться 28 и 30 декабря «для содействия начальнику округа в обезоружении жителей этого селения, после чего 31 декабря сотням отправиться в селение Адиль Чонка-юрт, где стать на экзекуцию».¹⁹⁷

Как в первом, так и во втором селениях сотни расположились по квартирам при содействии администрации Веденского и Хасав-юртовского округов и во все время пребывания в каждом из этих селений должны были получать натурой и деньгами с их жителей все виды довольствия людей и лошадей по установленному положению (нормам), кроме жалованья офицерам и строевым казакам. Виды и количество довольствия были указаны в первом же приказе вновь заступившего начальника военного отряда полковника Маргании от 17 октября 1910 года. «Все то, что положено получать от населения на довольствие людей и лошадей, должны быть получаемы через аульных старшин и начальников участков, но отнюдь не местными распоряжениями, так как на этой почве могут быть большие недоразумения. Предписываю сотенным командирам требовать от населения на довольствие людей и лошадей нижеследующие предметы и в следующем размере: 1) мясо (гов. или бар.) по 1 фунту (равен 409,5гр — авт.) на человека в сутки; 2) приправы и прочие продукты — применительно к раскладке казенного отпуска; 3) крупы и сала, для варки каши, согласно существующей раскладке в полку; 4) чайное довольствие тоже по расчету казенного отпуска; 5) фуража — 15 фунтов сена, соломы по 3 фунта на подстилку и одиннадцать фунтов овса, а за неимением последнего — кукурузы». И хотя в этом приказе было оговорено все, начальник области Колюбакин наложил резолюцию: «Указать, что довольствие людей и лошадей должно производиться в размерах, не превышающих казенного отпуска».¹⁹⁸

Экзекуционному отряду предписывалось — поддержать исполнение требований, предъявленных предписаниями начальника области начальникам двух указанных округов и «патрулирование разъездами воровских дорог по указанию местной администрации». Самому же начальнику отряда вменялось «действовать во всем согласно с начальниками округов», поддерживая во всем их требования и высылая по их указанию разъезды. О времени возвращения отряда из Адиль Чонкаюрта в свою штаб-квартиру генерал-лейтенант Колюбакин обещал сообщить дополнительно.

Приказное предписание начальника области, являющегося одновременно наказным атаманом Терского казачьего войска, было незамедлительно исполнено, и уже в начале января 1908 года на его имя поступили первые доклады. В рапорте начальника Хасав-юртовского округа за 9 января, в частности, говорилось:

«1. С приходом 31 декабря в селение Адиль Чонка-юрт карательного отряда в составе двух сотен 1 Кизлярского Гребенского полка жители этого селения сдали начальнику 2 участка вверенного мне округа: 4 бердановских ружья, 6 патронов к ним, 35 бердановских гильз, 3 револьвера, 5 патронов к ним, 11 двустольных шомпульных ружей, 20 таких же одноствольных, 30 азиатских ружей, 4 пистонных пистолета, 53 кремневых пистолета, 16 шашек и 150 кинжалов, а жители хуторов Лабазанова, Алибекова, Туршуная, Хасаная, Костековского, Патимат Отара и Уцму-юрта сдали: 24 кинжала, 4 азиатских ружья, 1 двухствольное ружье — шомпольное, 3 таких же одноствольных, 1 двустольный пистолет и 11 азиатских пистолетов.

2. Адиль Чонка-юртовцы внесли 805 рублей на удовлетворение крестьян хутора Джабаюрта Чирвы, Рудова и Струмецкого, согласно оценки заявлений в протоколе об ограблении, а также внесли 210 рублей на удовлетворение крестьян хутора Еленовки Петра Драгина и Даниила Запорожца, у которых в ночь на 28 сентября 1907 года были уворованы 4 лошади, и в краже этой общество признало участие своих односельцев.

3. Жители хуторов Лабазанова, Алибекова и других, ввиду зимнего времени не выселены в места их приписки, а оставлены за присяжным поручительством землевладельцев и арендаторов тех земель, на которых расположены хутора, впредь до первого ограбления или кражи, или даже если следы преступления будут доведены в этот район.

— Жители селений Адиль Чонка-юрта, Магоматова Моста, Хамамат-юрта и хуторов Чагар

Отара и Герменчук Отара имеют составить общественные приговоры о найме общественных караульщиков, а до найма таковых в названных селениях и хуторах учрежден очередной наряд жителей, а именно: по сел. Адиль Чонка-юрту— 17 пеших и 3 конных, по сел. Хамамат-юрту 20 пеших и 4 конных, по сел. Магомат Мосту и Кара-Тюбе – 12 пеших и 3 конных, по Чагар-Отару – 6 пеших и 2 конных и по Герменчук-Отару – 5 пеших и 1 конный.

4. О задержании и обезоружении чеченцев, проезжающих по дорогам в районах указанных сел и хуторов, распоряжение сделано.

5. С 31 декабря по 5 января, т. е. во время пребывания в Адиль Чонка-юрте карательного отряда были установлены от населения посты летучей почты через хутор Чага-Отар до сел. Аксая».¹⁹⁹

В Терской области были обычным явлением и экзекуции для принуждения населения к уплате штрафов и налогов. Широкое распространение телесное наказание получило особенно после первой российской революции. Одними из первых испытали его на себе и харачоевцы, уличенные в пособничестве своему знаменитому односельчанину Зелимхану. Штраф был наложен в 500 рублей, сумма по тем временам большая. Чеченцы не стали устраивать тяжбу с властями и выплатили эти деньги, чтобы избавиться от казачьего постоя и дополнительного материального бремени.

13 июля 1907 года подполковник Петропавловский, исполнявший обязанности начальника округа, направил из Ведено во Владикавказ телеграмму на имя генерал-губернатора Колюбакина: «Харачоевцы пятьсот рублей внесли разрешите снять экзекуцию».²⁰⁰ Что и было сделано. Но на этом неприятности жителей села не прекратились. В том же году за укрывательство Зелимхана это общество было лишено права выбора старшины на один год. А потом тот же начальник 1-го участка Веденского округа в феврале 1911 года просил начальника Терской области «ходатайствовать перед главнокомандующим войсками Кавказского военного округа лишить общество сел. Харачой права выбора себе старшины еще на один год с утверждением в должности старшины на тот же срок жителя селения Дышни- Ведень Сулеймана Айдемирова. В качестве основания он приводил продолжающуюся связь Зелимхана с некоторыми жителями сел. Харачой, куда временами приезжает к своим близким родственникам на самое короткое время. Он напомнил еще и о том, что это село не раз наказывалось экзекуционными отрядами за укрывательство абрека.

Таковы в общих чертах основные мероприятия экзекуционной политики, проводившейся на Кавказе в целях борьбы с грабежами и разбоями, и в первую очередь с абречеством.

• Так было и в октябре 1911 года, когда нападение абреков на военный отряд в Ассиновке стало последней каплей, переполнившей чашу терпения и вызвавшей бурю негодования у всей кавказской администрации. Вслед за наложением 100-тысячного штрафа на жителей Грозненского и Веденского округов для возмещения физического ущерба погибших и раненых, высылкой семи шейхов и заменой выборных старшин правительственными назначенцами, последовала широкомасштабная экзекуция жителей сел этих двух самых пульсирующих округов области.

13 октября 1911 года из штаба Кавказского военного округа на имя начальника Терской области Александра Степановича Михеева, сменившего Колюбакина и заступившего на эту должность в 1908 году, поступило сообщение, что главнокомандующий войсками округа командует «в Терскую область на экзекуцию 5-ый Кубанский пластунский батальон из 4 сотен и одну сотню 2-го Кубанского батальона. Означенным частям предписано прибыть в г. Грозный и поступить в Ваше распоряжение», - говорилось в нем. В это время Михеев находился в Грозном, где и застало его предписание наместника. Новое пополнение было сразу же включено в состав военного отряда под общую команду его начальника полковника Маргании, после чего весь личный состав военного отряда, усиленный вновь прибывшими частями, Михеев распределил для экзекуции между селами Грозненского и Веденского округов. Довольствие всех частей, направленных на временный постой, устанавливалось смешанное: на счет населения в абсолютном большинстве случаев и на счет казны. Распределение было организовано следующим образом.

Сотни Конно-Дагестанского полка и 1-го Кизляро-Гребенского казачьего полка:

В селениях Веденского округа:

Гудермес, Истису и Устар-Горзой – по полсотни солдат за счет 3 и 4 участков и Шали – одну сотню за счет этого селения.

В Грозненском округе:

Воздвиженская слоб., Чечень аул, Урус-Мартан – по полсотни и Старо-Сунженское – один взвод казаков. Все за счет этих селений.

Сотни пластунов:

В Веденском округе:

Майортуп, Бичи-юрт, Цонторой, Джугурты, Курчалой, Гель-диген, Элисхон-юрт и Цацан-юрт, Автуры, Махкеты, Агашты, Та-узен, Дотуни, Новые Элистанджи, Ца-Ведень, Агишпатай, Сер-жень-юрт, Гуни, Ачарышки, Курчалой и хутор Ашехатой, Дышни-Ведень, Харачой – по полсотни казаков и все за счет указанных селений. А также Завирхи и Ричахой, тоже по полсотни и за счет сел 3 участка.

В Грозненском округе:

Дачу-Барзой, Варандинские селения (Большое и Малое с хуторами), Штум-Кале и Ушкалой – по полсотни казаков и тоже за счет этих селений.

Войсковые части должны были получать с населения квартиры, отопление, освещение и подстилку для лошадей, а также воду для питья и варки пищи. А в пищу на каждого нижнего чина полагался один фунт мяса и три фунта хлеба. Господа офицеры, фельдфебеля и вахмистры получали по походному положению двойную порцию мяса. Приварок заготавливали сами части за счет казны.

Стрелецкие лошади, не исключая и офицерских, получали от населения ежедневно по 14 фунтов сена и 11 фунтов овса или ячменя, а при невозможности достать этого зерна разрешалось временно, но не более чем на неделю, заменить его кукурузой по 12 фунтов на лошадь. Подводы для отправки больных, для доставки продуктов и «для других законных надобностей войсковых частей» поставлялись населением также бесплатно.²⁰¹

Оперативно решив поставленную задачу, Михеев 5 ноября доложил в Тифлис главнокомандующему, что «получив предписание от 15 октября с.г. за № 6645 в гор. Грозном, где я находился по делам службы, я сделал лично на месте все распоряжения в отношении постановления экзекуции».²⁰²

В свою очередь канцелярия начальника Терской области уведомила Управление интенданта Кубанской пластунской бригады о том, что «начальник Терской области генерал-лейтенант Михеев, в целях сохранения платежеспособности населения и, опасаясь его разорения, установил для экзекуционных частей войска довольствие смешанное, а именно – частью на счет казны и частью на счет населения. Последнее должно перечислять, помимо указанного довольствия и повинностей еще по 3-4 копейки в день на человека и по 15 копеек на каждую казенную лошадь».²⁰³

Такие наказания несли вместе с пособниками абреков и разбойников тысячи невинных мирных жителей. И чего бы не устраивать постоянные посты воинских частей в «туземных» селах, когда под предлогом борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка можно переложить их содержание с государства на плечи умиротворенного, этнически не принадлежащего к великороссам народа. Посты воинских частей, именуемые в официальной переписке властей экзекуцией, ложились тяжелым бременем на жителей сел: они не только содержали на своем довольствии весь личный состав частей и конное хозяйство, но несли телесные наказания, выполняли различные повинности и денежные обложения.

Считалось, что эти люди в большой вине перед государством, и военные постояльцы позволяли себе поступать с ними как им заблагорассудится: насиловали женщин и девушек, склоняли их к распутству, били и унижали стариков и детей и т.д. Иногда позволяли себе это и люди с положением. Но, надо сказать, не всегда им сходило с рук. За свои противоправные действия приходилось и отвечать, когда они получали слишком большую огласку. Да и тогда некоторым удавалось избежать наказания: начальство или замнет дело, или сделает вид, что ничего им не известно, а то и просто заволокитит его. Но если все-таки приходилось принимать меры к таким преступ

ав

никам, чего-то собой представляющим, то их, как правило, переводили в другие места, даже не понижая в должности и звании. Если их не успели убить пострадавшие или абреки, как это было, например, с полковником Вербицким или капитаном Ханжаловым, переведенными соответственно из Грозненского округа в Кизлярский отдел и из Веденского округа во Влади-

кавказский.

Первоначальный план распределения по селам постоянных частей страдал неточностями. В него попали и те населенные пункты, которые отвернулись от Зелимхана и уже давно ничего общего не имеют с абреками. Местная администрация приняла меры к устранению допущенных ошибок. 7 декабря 1911 года начальник Грозненского округа направил начальнику области Михееву рапорт, в котором докладывал: «В настоящее время в сел. Урус-Мартан стоит в экзекуционном порядке полусотня казаков. Постановка этой команды в названном селении за счет его жителей была вызвана тем соображением, что в сел. Урус-Мартан ранее находил себе приют Зелимхан. Но так как Зелимхан за последнее время (в особенности после 12 февраля 1910 года после убийства жителя сего селения Баки Баканаева, имеющего многочисленную родню) в этом селении приобрел себе свыше тысячи человек кровников, то он уже в течение почти двух лет не смеет там укрываться». Начальник округа указал, что по имеющимся у него сведениям, Зелимхан преимущественно укрывался на хуторах Рожичу, из которого «выехал 12 февраля в день стычки с начальником 1 участка, в коей был убит стражник Бака Баканаев», Кахинчу, Зеренчу, Арчаличу, Джинг-Инчу, Тенчичу, Валерик-Чу, Ага-Баси и Чижгити, а также на частновладельческих хуторах селений Новые Алды, Гойты и Алхан-юрт, находящихся в административном распоряжении начальника 1 участка. В связи с этим окружной администратор ходатайствовал «о переносе довольствия стоящей ныне в сел. Урус-Мартан полусотни казаков на счет выше означенных хуторов» и просил «оставить полусотню в сел. Урус-Мартан, как в центральном месте».²⁰⁴

По ходатайству начальника Веденского округа было освобождено от экзекуционного довольствия войск население 3 и 4 участков. Такое довольствие было оставлено «только для войск, расположенных в 1 участке, так как Зелимхан имеет постоянное пребывание в нем, и население этого участка главным образом укрывает его и особенно ему покровительствует».²⁰⁵

Воинские постои в селах двух указанных округов существенно сковали действия Зелимхана и ограничили его не только в передвижении, но и в местопребывании. Все, что было против его воли, он всегда безоговорочно отметал, но на этот раз не стал искушать судьбу и из Веденского округа, где всегда имел приют, перебрался в нагорную часть Назрановского округа и устроил себе пристанище в существующих в Ассиновском ущелье старинных сторожевых башнях, из которых он, как доносили агенты Веденскому окружному начальнику И.Д.Джапаридзе, предполагал делать внезапные нападения как на должностных лиц администрации, так и на мелкие воинские команды, посылаемые с целью разведок о его местопребывании.

Зная из донесений об этих намерениях Зелимхана, а также о той опасности, какую представляли собой упомянутые башни в руках отчаянного абрека как самые надежные прикрытия от врага и удобные для дерзких вылазок его со своими подручными, начальник области Михеев обратился к главнокомандующему войсками Кавказского военного округа И.И.Воронцову-Дашкову с просьбой об отпуске из подлежащего артиллерийского склада 100 штук пироксилиновых шашек и о командировании 10 нижних чинов подрывной команды для уничтожения сторожевых башен в Ассиновском ущелье. Подрывная команда третьего Кавказского саперного батальона под начальством подпоручика Штромера, успешно выполнив возложенную на нее задачу по уничтожению сторожевых башен, была откомандирована обратно в названный батальон.

Дважды выселяли горных ингушей и их семейства в Сибирь за содействие Зелимхану и его дружков. При этом особое усердие проявил командир 3 сотни 2 Кубанского пластунского батальона есаул Василенко, где он был тогда начальником отряда. После этого он вскоре в декабре 1911 года был уволен на льготу. Помня о его способностях организатора и заслугах, начальник военного отряда Маргания 17 января 1912 года обратился²⁰⁷ рапортом к Михееву. Он просил начальника области о прикомандировании в его отряд, находящегося ныне в Грозном, есаула Василенко, ссылаясь на то, что нахождение в отряде такого офицера считает необходимым «для вышепоименованных целей и в будущем до полной развязки с Зелимханом».

Однако эта просьба осталась без последствий. Изменились обстоятельства, и необходимость в этом отпала. Об этом свидетельствует рапорт, который Михеев направил заместнику Кавказа. «Принимая во внимание, — писал он, — что жители Грозненского и Веденского округов достаточно понесли наказание от экзекуции, а также в целях сохранения

платежеспособности населения, ходатайствую перед Вашим Сиятельством о снятии упомянутой экзекуции и о переводе частей войск с экзекуционного довольствия на казенное».²⁰⁶

Такое согласие было получено, и 9 февраля 1912 года начальник области направил телеграмму в Грозный полковнику Марганию, в котором потребовал согласно распоряжению главнокомандующего прекратить немедленно повсеместно в области экзекуцию, вернуть воинские части в места своей постоянной дислокации и поставить их на казенное довольствие. Это было одно из последних распоряжений Михеева на этом посту, который вскоре сдал другому генерал-лейтенанту Сергею Николаевичу Флейшеру.

Надо сказать, что сама дислокация военного отряда не была компактной. Его части были разбросаны по территории двух наиболее неспокойных округов – Грозненского и Веденского, что повышало их боевую оперативность и позволяло постоянно держать под контролем все населенные пункты. Яркой иллюстрацией этого служит «Ведомость расквартирования частей военного отряда Терской области к 20 ноября 1911 года», найденная в делах врача Хлодковского, ведавшего санитарной частью отряда.

Округ – Грозненский с. Гудермес

полус. 5 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Хабаев. с. Истису

полусотня 5 сотни Дагестан, конного полка поручик (фамилия не разб.). с. Шали

3 сотня Дагестан, конного полка ротмистр Котиев. с. Устар-Гордон

полус. 2 сотни Дагестан, конного полка штаб-ротмистр Мусалаев. с. Автуры

полус. 4 сотни 5 Кубанского пластунского батальона подъесаул Запорожченко. с. Майортуп

полус. 4 сотни 5 Кубан. пласт, батальона подъесаул Черников, с. Махкеты

полус. 2 сотни 5 Кубан. пласт, батальона подъесаул Кислый, с. Элистанджи

полус. 2 сотни 5 Кубан. пласт, батальона есаул Романенко, с. Дышни-Ведень

полус. 1 сотни 5 Кубан. пласт, батальона хорунжий Хомулов. с. Харачой

полус. 1 сотни 5 Кубан. пласт, батальона подъесаул Ермолаев, с. Ригахой

полус. 3 сотни 5 Кубан. пласт, батальона хорунжий Колбиков. с. Завирхи

полус. 3 сотни 5 Кубан. пласт, батальона

подъесаул Вошин. укр. Ведено
 штаб 5 Кубанск. пласт, батальона войсковой старшина Яковлев,
 с. Воздвиженское
 полус. 6 сотни Дагестан, конного полка ротмистр Доногуев. с. Урус-Мартан
 полус. 6 сотни Дагестан, конного полка поручик Шрамченко. с. Гойты
 полус. 2 сотни Дагестан, конного полка штаб-ротмистр Доногуев. с. Дачу-
 Барзой
 полус. 3 сотни 2 Кубан. пластунского бат-она сотник Сус. с. Б. Варанды
 полус. 3 сотни 2 Кубан. пластунск. батальона сотник Мурзаев. с. Итум-Кале
 полус. 1 сотни 2 Кубан. пластунск. батальона подъесаул Елоев. с. Ушкалой
 полус. 1 сотни 2 Кубан. пластунск. батальона хорунжий Проффен. г.
 Грозный
 штаб военного отряда, писаря, вестовые и конвой конно-да-гестанцев
 полковник Маргания. г. Грозный
 взвод 6 сотни 1 Кизляро-Гребенского полка подъесаул Кибиров.²⁰⁷

Воинские части часто меняли места своего экзекуционного пребывания. Так, полусотня 6 сотни 1 Кизляро-Гребенского полка с 2 офицерами и 40 солдатами под началом подъесаула Кибирова еще до массовой экзекуции, до ноябрьского расквартирования, в феврале 1911 года стояла в ст. Новые Атаги при полном обеспечении ее станичниками. А в с. Бачей-юрт находилась команда всадников 5 сотни Дагестанского конного полка в составе 2 офицеров и 40 солдат под командой ротмистра Ха-баева. Поручик же Кибиров со своей полусотней с весны этого года успел побывать с месячными постоями в селениях Эрсеной и Ца-Ведень.

Как видно, изоощренных способов давления властей на местное население Северного Кавказа, и в частности Терской области, было множество. Завершалась эта система мер еще одним административным наказанием: за содействие абрекам селяне лишались также права свободного выбора старшины, права, которого они с трудом добились благодаря недавней революции. Ограничение горцев в этих правах широко практиковалось в прошлом, почти повально оно применялось и после подавления всеобщего народного восстания 1905-1907 годов. По представлении начальника Грозненского округа приказом № 1 по Терской области от 1 января 1912 года «в селения, лишенные за укрывательство абрека Зелимхана права выбора старшин на один год, назначено на тот же срок 18 правительственных старшин, большинство из которых были русские военные штрафники и из «почетных туземцев», как, скажем, князь Тури Алхазов в Али-юрте». А приказом № 2 по Веденскому округу за короткое время вместо выборных были назначены правительственные старшины в 65 селах. Таким образом, наряду с вооруженной борьбой против абречества терская администрация вела борьбу с демократическими элементами в национальной деревне: она ограничивала крестьян и других сельских обывателей в избирательных правах, во-вторых, заменяла неугодных ей выборных старшин своими, более надежными и послушными. Такая замена старшин была произведена в этих же округах и в 1913 году в более чем полусотне сел.²⁰⁸

И все же военный отряд, созданный еще в 1909 году для борьбы с абречеством, грабежами и разбоями, «для охраны тишины и порядка в области», во многом не оправдал связанных с ним надежд, хотя его деятельность сыграла определенную положительную роль. Преступность в области, если и не убавилась заметно, то, по крайней мере, не получила того размаха, какого можно было ожидать под управлением не справлявшихся уже с ситуацией гражданских властей. Но этого было недостаточно. Главари разбойных шаек и абреческого движения долгие годы оставались на свободе, делали, что хотели, служили символом неповиновения властям и даже пользовались симпатией у отдельной части общества.

Хорошо осведомленный об этом начальник области Михеев установил для себя и другую причину недостаточно эффективного решения военным отрядом поставленной перед ним задачи. Наличие в нем своей полицейско-сыскной службы из числа солдат и казаков, наподобие тех, что были в гражданском обществе, делало отряд более мобильным и целенаправленным. Но положительный на первый взгляд фактор не давал нужных результатов. Такое стало возможным потому, что эта служба в отряде действовала не в контакте с гражданскими полицейскими органами, а, напротив, изолированно, зачастую

несогласованно с ними, отчего страдала эффективность борьбы с преступностью и терялось дорогое время. Огромная по объему работа и важность задачи требовали объединения общих усилий двух этих органов, но амбиции их начальников препятствовали этому.

В апреле 1912 года новый начальник Терской области генерал-лейтенант Флейшер направил заместителю Кавказа Воронцову-Дашкову доклад о расформировании военного отряда, в нем Флейшер, только что сменивший Михеева, весьма откровенно выражал свое недовольство военным отрядом. Он писал: «Все несомненные обязанности отряда осуществлялись, видимо, с заметным отклонением в сторону: чины отряда приняли несколько несвойственное им и слишком самостоятельное участие в системе полицейского охранения мира, тишины и спокойствия, занимаясь, в частности, предварительными розысками и планами поимки абрека Зелимхана».

Имея в виду два указанных фактора, Флейшер направил Воронцову-Дашкову докладную, в которой указывал, что «эта служба действовала не в контакте с гражданскими сыскными органами, а, напротив, изолированно, зачастую несогласованно с ней и даже вредя ей. Огромная по объему работа требовала объединения общих усилий, на деле же получалось обратное». Доказательством этому, считает он, служит присутствие в отряде (у полковника Маргании и ротмистра Доногуева) постоянной розыскной агентуры, «получающей вознаграждения из сыскных денег, и направляющей свою деятельность на собирание сведений о Зелимхане и доставление их нижеследующим лицам отряда, независимо от существования полицейского сыска». И как неизбежное последствие этого, считает он, явилось распоряжение об объединении действий администрации и самостоятельного военного отряда в лице генерала Степанова. В этом распоряжении, продолжает он, нельзя не видеть яркой иллюстрации того, что совместная работа отряда и полиции протекала не в той степени солидарности и сплоченности, «какие необходимы для требуемой пользы дела».²⁰⁹

Исходя из вышесказанного, Флейшер резюмирует, что «там, где дело ведется на началах объединения без единоличной ответственности за успех дела, нельзя рассчитывать на полное и желательное его достижение», и на основании этого ходатайствует:

«1. Самостоятельный военный отряд упразднить вовсе, ибо существование его в данное время не оправдывается теми результатами в деле уничтожения абреков, какие достигнуты в течение 3-летнего его существования.

2. Ввиду исключительной обстановки области, подверженной частым злоумышленным выступлениям абреков и главного из них Зелимхана и ввиду чрезвычайно недостаточного количества полицейской стражи у начальников округов и полное отсутствие ее у атаманов отделов, считал бы необходимым пока не лишать местную административную власть постоянного присутствия воинской силы, находящейся у нея под рукой и в ее распоряжении, а потому ходатайствую перед Вашим Сиятельством о разрешении временно оставить в районах: Грозненского округа — 1 сотни конно-дагестанцев и Веденского — 2 сотни конно-дагестанцев с 1 сотней пластунов.²¹⁰

Возражения не последовало, и четыре сотни Конно-Дагестанского полка были оставлены в распоряжении начальника области «впредь до возвращения 3-х сотен Кизлярско-Гребенского полка из Персии».²¹¹

Заместитель Воронцов-Дашков не спешил с упразднением военного отряда в Терской области. Он считал, что пока не ликвидирован главный вдохновитель всех кавказских абреков Зелимхан, военный отряд, созданный в свое время именно для этой цели, должен быть сохранен.

ГЛАВА III НАМЕСТНИК ГОР

1. Знаменитый абрек из Харачоя

Наместник гор – так в народе и прессе был титулован знаменитый чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев за успешные действия против кавказской администрации, которые он проводил более 12 лет, начиная с первого осуждения и побега из Грозненской тюрьмы в начале 1901 года и до своей гибели в сентябре 1913 года.

Абречество на Кавказе уходит своими корнями в глубокую древность и первоначально возникло на почве кровной мести и конфликта с обществом из-за нарушения его отдельными членами социальных, нравственных и воззренческих устоев общества, в результате чего последовало их изгнание из своей среды старейшинами и теми, кто строго придерживался веками сложившихся адатов и ревностно оберегал их от любого посягательства со стороны кого бы то ни было. Это были первые абреки, положившие начало многовековому феномену, просуществовавшему чуть ли наших дней.

С приходом России на Кавказ абречество получило дальнейшее развитие. Оно не только значительно выросло численно, но приобрело еще и политическую направленность. Такую особенность имело далеко не все кавказское абречество, а только та его часть, которая повела борьбу против русской администрации и насаждаемого ею имперского режима. Абреки с самого начала не приняли русскую власть у себя и были готовы внутренне, а в какой то мере и подсознательно, бороться с ней. Они усмотрели в российских законах, в методах и характере действий русской администрации по управлению Северным Кавказом посягательство на их жизнь и неоспоримые устои общества с целью переделать их на свой лад, что не укладывалось в их сознании с их консервативными, патриархально-родовыми представлениями о самобытности и смысле жизни. Такова была позиция наиболее решительных и национально ориентированных абреков. Их ряды постоянно пополнялись за счет беглецов с каторги и тюрем, а также тех, кто еще не успел познать «прелести» российских застенков, но уже не в силах был выносить произвол и самоуправство русской администрации, которые, как отмечал Зелимхан в письме в Государственную думу, – «жизнь делают тягостною, а иногда и невыносимую».

Такое направление абречества приняло еще задолго до Кавказской войны. Однако наибольший размах получило в те огненные годы и все последующее время, вплоть до свержения царизма, а в советское время продержалось еще до начала Великой Отечественной войны, когда отдельно взятый человек тоже ничего не значил и не стоил, зато драли с него все, что можно и не можно было, а сотни тысяч и даже миллионы безвинных людей были загнаны в тюрьмы и советские концентрационные лагеря, и столько же подвергнуто казни.

Перенесение абречества с одной общественно-политической системы в другую, советскую, было обусловлено той же вседозволенностью властей, а также унижением и попранием человеческого достоинства, как тогда в царское время, так и в первые десятилетия советского строя. Основной формой борьбы абреков с властью всегда – и тогда и теперь – был террор. Надо сказать, что ответная адекватность была свойственна обеим сторонам: чем жестче становилась карательная политика кавказкой администрации, тем больше активизировалось абречество. Абреки отвлекали огромные военные и административно-управленческие силы. На поимку или ликвидацию одного только Зелимхана было снаряжено в поход более двух тысяч солдат и казаков.

Но так было только до революции. После Октября 1917 года карательная политика советской власти оказалась на порядок эффективней царской. Карательная политика советского государства предусматривала жесточайшее подавление любого сопротивления. Советские охранные органы и ведомства, призванные обеспечить государственную безопасность, перекрыли все каналы пополнения абреков: охрана заключенных была поставлена так капитально, что исключались за крайне редким случаем побеги из тюрем и

лагерей; ужесточились уголовный розыск и преследование. Это был жесткий и непреодолимый заслон, который навсегда не только остановил рост абречества, но и стал одним из условий его полной ликвидации.

Зелимхан был самой видной фигурой среди всех абреков, какие были известны во все времена существования абречества на Кавказе. Знал об этом и сам Зелимхан. Поэтому он всегда держался так, как должно было соответствовать его лидерскому статусу.

Зелимхан родился в январе 1872 года в селении Харачой Веденского округа Чечни. Он был старшим из четырех сыновей Гушмазуко Бекоева (от двух жен), человека среднего достатка и уважаемого среди сородичей.

Зелимхан и абреки его ряда отличались от обычных разбойников своими целями и направленностью действий. Если разбойники выходили только грабить и подвергали этому всех подряд, неважно какого достатка оказывались их жертвы, и отбирали у них последний рубль или единственную клячу, то для абреков это было занятием попутным и входило в разбой в силу крайней необходимости, чтобы поддержать себя, свое существование в тяжелых неестественных условиях и придерживались при этом чаще всего выборочного принципа. Их жертвами становились, как правило, чиновники и богачи, сделавшие свои состояния не всегда честным путем. Наказать самого грабителя в народе считалось справедливым и богоугодным делом, а сам поступок – благородным. Крестьянская беднота, которая теряла своего кормильца, становилась вдвойне беззащитной. Зелимхан не был скуп, умел делиться тем, что добывал и имел от успешной разбойной операции. Он помогал семье, близким родственникам. Не так часто и щедро, как своих близких, но поддерживал и сельчан. Поэтому для многих чеченцев он был первым кумиром и божьим кадием. В «Прощении», которое Зелимхан направил 15 января 1909 года на имя Председателя III Государственной думы октябриста НАХомякова, он писал: «Хозяйства как сосланных, так и заключенных, совершенно разорились, жены и дети их живут подаянием добрых людей, да тем, что я иногда уделю им из своего добра после удачного набега».²¹²

Однако все, что делалось для материального поддержания чеченской бедноты, для Зелимхана было второстепенным делом. Главное заключалось в борьбе с произволом царской администрации и против присутствия России на Кавказе, в частности в Чечне. Он был заражен шамилевской идеологией независимости, которая продолжала тлеть в чеченском народе.

Зелимхану не нравились новые порядки, которые принесли с собой на Кавказ царизм и его многочисленная рать чиновников и военных, а вместе с ними и капитализм. Негативные настроения, зародившиеся еще при Шамиле, росли и крепились с каждой новой попыткой укрепить в крае драконовскими методами, не согласующимися с широко рекламируемыми царским правительством гуманными обещаниями и целями. Они росли с каждой очередной экзекуцией, надуманными штрафами и налогами, повешением абрека и ссылкой в Сибирь и другие «заповедные» места и попыткой скрутить непокорных туземцев в бараний рог.

В такой обстановке в недрах кавказских народов зрела идея сопротивления. Сопротивление злу, которое вторгалось в быт, язык и культуру, в его таинственную связь с Богом. Сопротивление всегда начинается с малого – от отрицания чужих законов и идей до простого неповиновения, а от него к активной борьбе, возрастающей с каждым разом. Абречество на Кавказе было одним из проявлений такой борьбы.

Разбои были всегда и есть они до сих пор в каждой стране, у каждого народа. Это не борьба с существующей политической системой. Это способ существования: для одних, чтобы выжить, для других, чтобы нажиться. Борьба же предполагает действия, направленные против порядка, режима, политической системы и всегда направлена против тех, кто их пестует и защищает. Однако важно подчеркнуть, что кавказские абреки воевали с краевой администрацией не потому, что она была преимущественно, на девять десятых, русской. Им было все равно, кто эти пришельцы, навязывающие им свой устав поведения и законы, – русские, французы, турки и т. п. Эта борьба была той же кровной мезьей, которая не щадит и соплеменников. Только поэтому среди убитых русских чиновников власти и управления есть и лица кавказского происхождения – начальник Веденского округа полковник Галаев, начальник участка Исламов и др.

Но абреки в силу своего политического невежества и оторванности от освободительного движения остались в изоляции, в собственном замкнутом круге, и обе буржуазно-демократические революции и другие важные события в стране прошли у них стороной. Их

не сумели увлечь за собой никакие партии и движения, поскольку они не были готовы к этому и не понимали социальной значимости происходящего на рубеже двух – XIX и XX столетий и на изломе Российской истории в семнадцатом году.

Жизнь абрека очень сурова и опасна. Но и до нее она у него зачастую бывает не менее драматична, что, собственно, делает его кандидатом в абреки, а затем и вовсе толкает в это лоно. Вначале судьба к Зелимхану была более благосклонна, ничто, казалось, не предвещало беды. Семья, в которой родился и рос, была большой и происходила из авторитетного рода (тейпа), любила и умела трудиться, пользовалась уважением со стороны окружающих. Но в какой то момент фортуна отвернулась от них. Ровная, спокойная жизнь была нарушена случаем, за которым начался настоящий и долгий ад.

В указанном выше «Прошении», являющемся по существу исповедью абрека, Зелимхан писал: «Чтобы гг. депутаты имели хоть какое-нибудь представление о драме моей жизни, я должен упомянуть в коротких словах о месте моего рождения и о своей семье. Родом я из чеченского селения Харачой, Веденского округа, Терской области. В то время, о котором идет рассказ (1901 год), семья наша состояла из старика-отца, меня и двух братьев, из которых один уже был взрослый юноша, а другой совсем еще ребенок. Кроме того, был у нас еще и столетний дед. Жили мы богато.

Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей, мельницу, правда, татарскую, но все же она нам давала приличный доход, и имели мы еще богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла у нас ссора с односельчанами из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник».²¹³

И хотя Зелимхан пишет в этом письме-послании, что у них в хозяйстве было всего предостаточно для безбедной жизни, он первое время до случившегося кровавого конфликта с элсановыми был непротив поживиться и чужим добром. В молодости, пока не стал преследоваться русскими властями как опасный преступник и за побег из тюрьмы, он нередко участвовал в разбойных набегах на соседние земли, демонстрируя редкую удаль и отвагу, а иногда поступал и как банальный вор. К краже Зелимхан прибегал и спустя много лет, в 1911 году, когда уже был в зените своей абреческой славы. Скрываясь в пещере всего в трех верстах от родного Харачоя в холодный декабрь, он тайно таскал овец своего соаульника-пастуха с помощью капкана, доставленного ему навещавшими его там родственниками. И когда хозяину отары надоело это, он заложил абрека властям, которые тут же начали на него охоту.

Все это первое время он был относительно лоялен к русской власти. Потом уже, когда он, его брат Солтамурад и отец Гушма-зуко были приговорены к тюремному заключению за убийство ими из-за не поделенной невесты сразу двух Элсановых, посчитав себя и своих родных незаслуженно обиженными пришлой властью, он встал на путь борьбы с ней и сделался абреком: разбой и убийства стали обычным делом.

А произошло это так. Молодые люди двух известных в Чечне фамилий – Гушмазукаевых и Элсановых – Солтамурад из Харачоя и Шугаип из рядом расположенного отселка Эшель-Хатоя полюбили одну и ту же девушку – харачоевскую красавицу Зезык. Она и явилась тем яблоком раздора, который сделал несчастными не только двух пылких юношей, но и родственников с обеих сторон. Оба по-кавказски сдержанно и втайне от посторонних глаз, выражали ей знаки внимания, и каждый из них считал ее своей невестой.

Боясь, что богатый соперник может добиться расположения к себе отца и матери Зезык Хушуллы и Душты, Солтамурад и Зелимхан решили опередить события и украсть возлюбленную, пока она находится еще у родителей. Подкараулив Зезык у реки, куда ходили за водой харачоевские девушки с перекинутым через плечо кумганом, Гушмазукаевы похитили ее и увезли в свой дом.

Зезык – очень видная девушка, скромная и воспитанная в национальных традициях, могла составить партию самому изысканному и успешному молодому чеченцу. Поэтому похищение только унижало и оскорбляло Элсановых: почему бы им не выдать свою дочь красиво, по всем чеченским правилам и обычаям? И родители девушки при содействии администрации – старшины Харачоя Адода, участкового пристава, капитана Чернова и старшего помощника начальника Веденского округа Добровольского добились ее возвращения в дом, откуда она

вскоре была выдана замуж за Шугаипа.

Поскольку девушка без всякого возражения с ее стороны рассталась с Солтамурадом и тут же без чьего либо принуждения и долгих обрядовых процедур вышла замуж за Шугаипа, можно заключить, что она была больше расположена к последнему. Иначе, зачем надо было Гушмазукаевым ее похищать?! Из всего этого следует, что Зезык скорее была невестой Шугаипа, а не Солтамурада, как утверждает Зелимхан в письме в Думу, объясняя причину разыгравшейся кровавой драмы между двумя фамилиями.

Братья Гушмазукаевы посчитали себя глубоко оскорбленными: мужчины они или нет? И Зелимхан решил восстановить пошатнувшийся было авторитет Гушмазукаевых в глазах сельчан. Он встретил Шугаипа и заявил ему, что девушку он не уступит и рано или поздно она станет женой его брата Солтамурада, чего бы это ни стоило. Несмотря на серьезное предупреждение, Шугаип, считавший, что и он такой же чеченец, сын своих родителей, такой же мужчина, как и его противники, не думал уступать молодую жену.

Началась борьба за невесту. Теперь Гушмазукаевы решили вернуть девушку силой, посредством нажима на Сугаипа, родного брата соперника. Началась слезка, охота за ним. И однажды, когда Сугаип, ничего не подозревая, отправился в соседнее село, два брата Гушмазукаевых взяли себе в помощники родственника Бекмурзаева и засели на скале у дороги, по которой должен был возвращаться Сугаип. Ждать долго не пришлось. Как только тот поравнялся со скалой, подстерегавшие харачоевцы набросились на него, обезоружили и потребовали клятвы, что его брат Шугаип отдаст свою жену Солтамураду. Сугаип отказался дать такую клятву.

— Тогда твое место в пропасти! — решительно заявила тройка.

Завязалась потасовка. Сугаип, оказавшийся сноровистей своих противников, выхватил в суматохе у одного из них кинжал и вонзил в живот Бекмурзаева. Пока те были в замешательстве, Сугаип спрыгнул в ближайшую балку и бежал, петляя по ложине, а Бекмурзаев на следующий день скончался.

В проигравших заговорила кровь мести. По древнему кавказскому обычаю кровной мести отмщение должно было обязательно когданибудь состояться. Воспитанный в духе чеченских адатов, Зелимхан считал, как он указывает в «Прошении» в Думу, что он должен «отомстить за смерть родственника, выполнить святую для каждого чеченца обязанность».

В ту же ночь накануне рамазана месяца (религиозный месяц мусульман — авт.) почти вся мужская половина Гушмазукаевых явилась к Элсановым. Постучались в калитку. Вышедшие на их зов во двор Сугаип и отец Элсан были тут же в упор расстреляны.

Так как российское законодательство исключало в своей правоприменительной практике древний кавказский обычай кровной мести как субъект права, и за это надо было отвечать в уголовном порядке, то Зелимхан решил взять на себя всю ответственность за свершившееся, чтобы выгородить близких и снять с них всякое подозрение.

В том же послании Председателю Государственной думы Хомякову Зелимхан писал, что акт кровомщения совершил он сам без соучастников, хотя на деле их было трое — Гушмазуко и два его сына — Зелимхан и Солтамурад. На этом, как считалось на Кавказе, канлы (почеченски — кровная месть) должна была прекратиться, поскольку кровь за кровь была взята. Но это чаще всего бывает в том случае, когда потери конфликтующих сторон уравниваются. А в данном случае за одного взята кровь двоих. Кто знает, возможно, многочисленной фамилии Гушмазукаевых и старейшинам села удалось бы примирить кровников. На это рассчитывали Зелимхан и его семья. «Все в ауле вздохнули свободно, — пишет Зелимхан, — канлы должны были окончиться и между сторонами состояться полное примирение».²¹⁴

Оправдываясь, Зелимхан указывал на этот трагический случай с односельчанами как на справедливый с их стороны по местным обычаям поступок, но слукавит дважды, когда скажет, что «Молодая горянка, из-за которой разразилась кровавая драма между двумя фамилиями, была невестой его брата, и что «акт кровомщения втайне, ночью, накануне рамазана месяца», был совершен «без соучастников».

Но власти, несмотря ни на что, действовали так, как требовалось от них. И делу дали законный ход.

На основании предсмертных показаний тяжело раненого Сугаипа и других улик Гушмазукаевы были арестованы и доставлены в Веденское арестантское отделение. Началось дознание. Как утверждает Зелимхан, его вел начальник участка капитан «Х», которым был, как свидетельствуют архивные документы, Чернов. Ставка Чернова находилась в крепости

Ведено, и по роду своей полицейской службы первоначальное расследование преступления было его прямой обязанностью как участкового пристава. Получив доклад о случившемся, он одним из первых оказался на месте преступления и от умирающего Сугаита узнал имена его убийц. Чернов, таким образом, став одним из главных обвинителей, и после держал под своим контролем это дело. Поэтому Зелимхан стал считать его главным организатором и виновником их ареста и осуждения.

«Где же справедливость? Зачем нам такая власть нужна?»— спрашивали себя осужденные. Ведь должны же были разобраться, почему все это произошло?!

Эта история произвела переворот в их умах и душах. Если Гушмазукаевы до этого были лояльны к русской власти, то теперь они возненавидели ее, и не только местную, но и всю терскую администрацию во главе с наказным атаманом Терского казачьего войска. Они дали клятву отомстить властям за отнятую свободу и поруганную честь. Отныне это стало смыслом их жизни.

Вскоре арестованных перевезли в Грозненскую тюрьму в распоряжение судебного следователя. 27 января 1901 года на каждого арестанта завели Открытый лист, где помимо прочих сведений были биографические и антропологические данные.

Относительно Зелимхана в формуляре значилось:

Арестант: Зелимхан Гушмазукаев, национальность — чеченец,
рост — средний, лет — 28,
волосы на голове — черные, брови — черные, нос —
умеренный, рот—умеренный, лицо — чистое, глаза — карие,
подбородок — стрижет, особых примет — нет.

Пока рассматривалось уголовное дело, не стало деда Зелимхана Бехо, которому тогда исполнился 101 год. Жил бы он в Ведено и дальше, но, собравшись попрощаться с сыном Гушмазу- ко и внуками перед их отправкой в Грозный, а потом и в ссылку, упал, взбираясь на арбу во дворе, захворал и умер. На свободе из мужчин оставались Хассий — старший сын Гушмазуко и подросток Бийсултан от его второй жены, Бельгаса Элсановой, сестры Шугаипа. Но они ничем не могли им помочь. Хассий был слишком мирный человек и только то и делал, что хозяйством да ульями занимался, на какие либо другие дела, тем более выступить против властей, он не был способен. Хассий был до того тихим и кротким, что даже кровники его не трогали. Баба он, а не мужчина, считали они. Кому он нужен и что может сделать такой? Кому отомстит?! Ягненок и тот иногда может боднуть, а Хассий — самое безобидное существо, какое может быть на свете. Убить такого труда не составит, но и ничего не даст, потому что не будет полного удовлетворения. Нужна такая жертва, которая чего-то стоит, что-то значит в роду и представляет опасность для кровника. Остальные были женщины да малые дети.

Хочется остановиться еще на одном факте, не получившем документального подтверждения. Зелимхан в приведенном «Послании» говорит, что капитан «Х» «показал, что он застал нашего врага живым и последний будто бы указал как на виновников своей смерти на меня, на моего отца и двух моих братьев,..» и «суд нас четверых присудил в арестантское отделение...». Но по архивным источникам проходят не четыре человека, а только трое: отец Гушмазуко и два его сына — Зелимхан и Солтамурад. Старший брат Хассий не упоминается совсем. А самый младший Бийсултан был еще малолетка. Факт, который приводится в ряде произведений художественной литературы о том, что в кровавой расправе над элсановыми участвовали еще два двоюродных брата Зелимхана, документами также не подтверждается. Это и сам Зелимхан как бы отрицает, отмечая, что «они ни в чем не виноваты».

24 мая 1901 года суд приговорил Гушмазукаевых к лишению всех прав состояния и тюремному заключению на три с половиной года с высылкой на каторгу в Сибирь. Осужденных этапировали через Ростов в Оренбург, а оттуда на Илецкие соляные разработки. Но долго отбывать наказание им не пришлось. Через несколько месяцев, в том же 1901 году они все трое бежали из тюрьмы. В тюрьме Зелимхан познакомился с сокамерником, признанным уже абреком ингушом из селения Сагопш Салам- беком Гороводжевым. Он тоже бежал с Зелимханом. Теперь их стало четверо, а к приговорам добавился побег. На свободе они дали клятвенный обет — домой не возвращаться, а сразу уйти в абреки. Эта четверка потом станет ядром зелимхановской шайки. Преследование беглецов стало вестись по трем направлениям: со стороны административной власти, судебных органов и Шугаипа, который

в свою очередь обязан получить с них как со своих должников кровь за отца и брата. Так с этого времени началась настоящая абреческая жизнь Гушмазукаевых — отца и двух его сыновей — Зелимхана и Солтамурада вместе с сагоп-шинским Саламбеком.

Несколько позднее к ним примкнул и Аюб Томаев. Теперь их уже стало пятеро. Они будут самыми преданными друг другу соратниками и составят ядро во всех будущих шайках Зелимхана. Как абрек Зелимхан уникален, и с Аюбом у них мало чего было общего как внешне, так и внутренне, разве что одна общая трагическая судьба. Аюб был хорошо сложенный красавец-юноша из селения Старые Атаги. Другим достоинством молодого атагинца было то, что он, в отличие от неграмотного Зелимхана, хорошо знал русскую грамоту и свободно владел русской речью.

Зелимхан был широкоплечий с большими кистями рук смуглый мужчина, немного, как казалось, косивший на левый глаз из-за слегка прищуренного века. Он был остроумен и общителен с обычными нейтральными людьми, от которых не исходила опасность, говорил лаконично, убедительно и мог расположить к себе собеседника.

Аюб — слишком юный для такого опасного промысла как абречество — был подкупающе скромно и застенчив. Но в этом как будто хрупком теле билось отважное сердце, которое в нужный момент делало его таким же сильным и опасным волком, как Зелимхан.

Зелимхан тяжело переживал свое тюремное заключение и кровноблизких людей. Оно добавило к его чувству скрытой неприязни полное неприятие русских порядков. Столкновение двух разных миров, конфликт между разными духовно-нравственными ценностями, которые приходилось наблюдать ему в повседневной жизни, все больше подвигало его к борьбе с тем, что пришло непрошено и навязывалось силой. Справедливое наказание всегда переносится легче, потому что оно воспринимается как заслуженное. Но когда наказываются одни виновники, а другие остуются на свободе, возникает кровная обида, которая толкает потом к вымещению злости, к активным действиям против несправедливости. Он действовал с группой своих единомышленников, обрастая иногда целой шайкой одиозных разбойников, когда затевалась большая и сложная операция, а также в одиночку после гибели близких друзей и предательства некоторых из его шайки.

После побега из тюрьмы Гушмазукаевы некоторое время находились в банде Османа Мутуева, участвовали в его «походах», набирались опыта и совершенствовали свое разбойное ремесло. Первое такое дело, в котором Зелимхан принял участие в банде Османа, как уже отмечалось выше, был захват на Керкетском перевале двух экскурсантов инженера-химика Байздренко и купца Хренова. За пленников запросили две тысячи рублей выкупа, которые по получении были поделены между участниками облавы.

Керкетский захват пленников и хороший выкуп за них пришлись по душе Зелимхану. Память о нем никогда не покидала его в последующем и, когда организовал свою шайку, он ввел пленение в моду. Пленение всегда дело очень хлопотное (особенно когда и самого постоянно преследуют): захваченных надо кормить, находить место содержания, прятать от посторонних глаз, ставить охрану или самому не спускать с них глаз и т. д., но зато и очень прибыльное. Не всякий налет дает такие доходы. Убить всегда можно. Но от убийства не всегда деньги. Поэтому плен, как и рэкет, то, что надо. А если попался кровник, то там уже нет выбора: кровник должен быть убит.

Зелимхану Осман Мутуев нравился за его образованность, за сходство их социального происхождения, иначе говоря, за принадлежность к слоям средней зажиточности, и, несмотря на это, за его сочувственное отношение к простым чеченцам, особенно обиженным администрацией. Эти черты его, повидимому, и явились условием доверия к нему со стороны Зелимхана. В нем он видел равного себе по социальному происхождению, и, главное, что он не был чистым разбойником, грабившим всех подряд, кто подвернется, ради одной только цели — нажиться.

Зелимхан прошел хорошую разбойную школу у Османа, и даже — подпольщика-террориста. Вскоре, обогатив ее еще своим опытом, он превзошел учителя в стратегии и тактике. В них он никогда не придерживался одних правил: шайка то вырастала до небывалых размеров (60 человек и более), превращаясь в целые отряды хорошо вооруженных разбойников-абреков, то, как шагреневая кожа, сокращалась до нескольких человек. В самом начале своей новой криминальной карьеры Зелимхан из соображений конспирации был противником больших разбойничьих шаек: их легче обнаружить и преследовать. Да и предатель среди такого множества абреков может чаще оказаться.

Поэтому первое время он никого не держал около себя кроме своих родичей. Но он, как уже отмечалось, не исключал и совсем крупные разбойные шайки, которые после удачного набега снова распускались до тех пор, пока их снова не призовет Зелимхан. Все зависело от того, какая затевалась операция.

Позднее, несколько лет спустя, когда в 1910 году во время пленения овцевода Архипа Месяцева шайка понесла потери, не стало брата и отца, Зелимхан был склонен больше действовать в одиночестве или только с ближайшими соратниками – Любом Томаеым, Саламбеком Гороводжевым и еще несколькими преданными абреками. Его постоянно преследовала подозрительность, которая становилась острее с каждым днем, и шайка редко выходила за пределы 30 человек. Другой тактической особенностью, к которой прибегал Зелимхан, было то, что после каждого группового налета абреки рассыпались и растворялись в родных пенатах среди населения, до тех пор, пока их снова не соберет знаменитый харачоевец.

Еще до тюрьмы Зелимхан, дитя своего народа, выросший в чеченских патриархально-родовых условиях, на древнем чеченском адате и шариате, перед которыми все равны, впитавший в себя с молоком матери святую любовь к окружающей красоте девственных гор и лесов, с детства усвоивший, что все это безраздельно принадлежит ему и его соплеменникам, был против всякого присутствия чужаков и особенно против всякой чужой власти в Чечне, посягнувшей и отнимающей у него все это. Ему не нравились порядки и новый уклад жизни, которые насаждались здесь русской администрацией.

Обычное недовольство после ареста переросло в непримиримость, за чем последовали прямые действия. Враждебность Зелимхана строилась не на национальной почве, не потому, что властьпредержащие были сплошь и рядом русские, хотя и это его подогревало, подстегивало. Порой он даже благосклонно относился к тем из них, кто выделялся своим дружелюбием или хотя бы просто лояльностью. Но был против всякого насилия с их стороны, против всякой их попытки изменить привычный, чеченский образ жизни. Он понимал также и то, что вступать в борьбу с новоявленной администрацией, в руках которой находятся суды, полиция и воинские части, один на один да с голыми руками глупо. Нужно оружие. На Кавказе его всегда было много. Было оно и у него в доме, а как же иначе с таким хозяйством, как у них, и кровниками? Но то было отцовское оружие. Поэтому, чтобы раздобыть его лично для себя, придется купить или кого-нибудь ограбить. Лучше, конечно, ограбить, отнять. И долго охотиться за жертвой не пришлось.

Первым на главной дороге из Ведено в Грозный он встретил купца Носова. Это то, что надо. Несмотря на шапочное знакомство с ним в прошлом, он решительно потребовал деньги. Заикающемуся от страха купцу Зелимхан дал понять, что ему нужны только деньги и за себя может не бояться. Но только чтобы об этом никто не узнал. Купец с радостью принял условия и объявил, что готов отдать ему все деньги, но их у него всего 60 рублей. Зелимхан поверил ему и обманулся. Не первый раз, наверное, но последний. Купец врал: в потайном кармане у него были спрятаны большие деньги, на которые намеревался прикупить товары.

– Давай их сюда! – приказал Зелимхан, заключив про себя, что деньги небольшие, но их вполне хватит на трехлинейку. Трехлинейка считалась одной из лучших боевых винтовок на то время: стреляет метко и далеко – самый раз, что надо джигиту или абреку. Пряча деньги в хурджине (кожаная переметная сумка), он снова наказал купцу, что он никому в крепости не скажет, кто его ограбил, и что, вообще, видел Зелимхана.

– Узнаю, убью! – пригрозил абрек.

После этого Зелимхан на некоторое время скрылся. Следующий раз он объявился в тот день, когда за крепостными стенами Ведено на лужайке, в живописном местечке несколько офицеров и государственных служащих со своими женами и подругами устроили пикник. Такие загородные увеселительные прогулки компанией особенно летом были довольно частым явлением. В разгар веселья перед ними неожиданно предстал Зелимхан с трехлинейной винтовкой, купленной на деньги Носова. Опешившие кутилы почти в шоковом состоянии были препровождены под дулом в ближайший лес, ограблены и раздеты донага все. И опять под обещание «хуже будет!» приказал пленникам и пленницам никому не говорить о случившемся и не называть его имени. Как и купец Носов, они выполнили требование абрека, слишком велик был страх перед ним и всеобщим позором. Да и как можно было признаться в том, что они, все вместе, не смогли одолеть одного, так цинично посмеявшегося над ними, оставив среди бела дня в том, в чем мать родила.

Потом была та самая любовная драма с убийством, связанная с Зезык, закончившаяся кровомщением и заключением почти всех мужчин-гушмазукаевых в Веденское, а затем и в Грозненское арестантское отделение. Однако долго сидеть гушмазукаевым не пришлось. При всей коррумпированности охранной администрации российских тюрем и безответственном отношении к делу и своим обязанностям бежать с каторги было делом немудреным. После этого у беглецов не было другого выбора, как идти в абреки.

Абречество было таким большим социальным злом, что борьба с ним становилась величайшим гуманным делом. В этой борьбе простые горцы-труженики, не раз пострадавшие от разбоев и грабежей, всячески поддерживали администрацию, участвуя с ней в операциях по их уничтожению. Но были и другие, которые укрывали абреков, доносили им о грозящей опасности или сами устраивали беспорядки в ответ на невнимание властей к их нуждам. Больше всего это проявилось в годы первой российской революции. Смуты 1905-1907 гг. в стране воспользовались и абреки. В то время, как власти были заняты подавлением революции, во всем Кавказском крае участились грабежи и разбои. Но примечательно то, что даже те из них, которые были антироссийски настроены и имели свои счета с новой властью, остались в стороне от народного движения. Настоящие абреки, наподобие Зелимхана, боролись с русской администрацией и находившимися у нее на службе аборигенами, но вся эта борьба стояла особняком от общей борьбы с царизмом. Первый и главный протест абреков был обращен против тех, чье особое усердие на службе переходило всякие границы, кто чинил насилие и самоуправство, кто нанес им личную обиду.

Ярким примером этому могут служить грозненские события осенью 1905 года. В один из воскресных дней, 10 октября, на многолюдном грозненском базаре произошел конфликт между русской торговкой, казачкой и чеченцем. Вскоре в эту ссору втянулись и другие, ставшие ее невольными свидетелями, а затем и участниками. Нашлись защитники и у одной стороны и у другой. В результате, как снежный ком, разросся конфликт. Началась потасовка. Кто-то в разгар свалки на подмогу вызвал Ширванский полк, дислоцированный в Грозном. Прибыв на место событий, полк расстрелял целую толпу чеченцев. Насчитали 17 трупов.

Весть о случившемся, как молния, разнеслась по округе и всей Чечне. Узнал об этом и Зелимхан. Ему передали, что солдаты убили 17 чеченцев. Через неделю недалеко от станции Кади-юрт Зелимхан со своими товарищами остановил проходящий пассажирский поезд, ограбил его и устроил массовый расстрел пассажиров. Можно догадываться, кто это были. В письме к Доногуеву Зелимхан признавался, что «я узнав, чем дело, собрал свой шайка и ограбил поезд Кади-юрта, и убивал поезде русских людей за мезтью». А тех, кто уцелел, кого он миловал, попросил: «Передайте полковнику Попову, что жизни, взятые в Грозном, отомщены». Полковник Иван Дмитриевич Попов был на тот момент начальником Грозненского округа, а в 1910 году перевелся и стал атаманом Пятигорского отдела.

Об этой драме в повести «Зелимхан» (Грозный, 1971) пишет также чеченский писатель Магомед Мамакаев, но он указывает, что Зелимхан расстрелял тогда не просто 15 пассажиров (а не 17, как было – авт.), а 15 русских офицеров, которых собрали по всему составу, во что верится с трудом, ибо все они как люди военные были самых разных званий и при оружии, а кого-то даже сопровождали солдаты. К тому же трудно предположить, чтобы в пассажирском поезде, курсирующем на этом участке, оказалось одновременно столько одних только русских офицеров, которых в спешке, в считанные минуты могли всех собрать, вывести на поляну и так просто расстрелять.

Об этом пишут также Козачковский и современный писатель Антон Уткин. И тот и другой также указывают число убитых в отместку, но уже не 15, как у Мамакаева, а 17. Повидимому, эту цифру Уткин заимствовал у Козачковского, полагая, вероятно, что его данные, как современника событий и служившего в тюремной администрации, являются более точными. 17 убитых чеченцев называет и осетинский писатель Дзахо Гатуев, свободно владевший чеченским языком, в одноименной повести «Зелимхан», написанной им на основе первоисточников и показаний свидетелей тех событий.

Одним из таких, чья служба вызвала возмущение в чеченском народе, был и подполковник Добровольский, старший помощник начальника Веденского округа, переведенный из Грозного. Этот округ был новой административной единицей на карте Терской области. Он выделился из Грозненского округа в 1906 году в связи с начавшейся революцией, в целях более эффективной борьбы с ней и абречеством. Первым начальником его стал войсковой старшина (подполковник) Иван Александрович Ханжалов. Служба

Добровольского здесь совпала с началом реакции в стране. Выполняя строгие предписания этой поры сверху, он, уже опытный администратор, действовал жестко и снискал себе недобрую славу в народе.

Крепость Ведено была возведена царскими генералами на крутом берегу реки Хулхулау. Неудобное на первый взгляд место вполне устраивало власти и военных, так как отсюда хорошо просматривались окрестные села и аулы горцев. Вокруг крепости угрюмо стояли орудия, призванные устрашать вольнолюбивых горцев и не раз паливших по ним во время крестьянских волнений. Под жерлами пушек протекала полунищенская и полная тревог жизнь бесправного и постоянно обижаемого, неграмотного и запуганного местного населения, ничего не вызывающего, кроме сочувствия и жалости. Твердыня Ведено была грозным предупреждением для всего окружающего мира и особенно тех, кто мог бы посягнуть на установленный правопорядок.

Веденский округ был одним из самых беспокойных и криминогенных мест Чечни, и Добровольский действовал сообразно обстановке. К нему приходили чеченские старшины и жаловались, что жители их не слушаются, не исполняют их приказаний, не являются на вызовы в суд, не выполняют повинностей и уже несколько лет подряд не платят им жалованья. Жаловались и горцы-крестьяне. Только те уже на нехватку земли, на денежные поборы, на то, что старшины и писари покрывают воров, а краденое и даже разбойные преступления нагло приписывают им, ни в чем неповинным, за что их облагают штрафами и даже сажают в тюрьму или ссылают. Они требовали, чтобы старшин не назначали сверху, так как почти все они бывают с «потерянной репутацией, лишённые прав по суду», а избирали бы на месте они сами, как это делается в казачьих станицах, чтобы содержались старшины не за счет крестьян, а за счет казны и т.д.

Но больше всего донимали разбойники, разгул воровства и грабежей. Поэтому Добровольский, основным направлением деятельности которого по решению Ханжалова стали разбои и грабежи, с особой энергией взялся за борьбу с этим злом. Он ограничивал перемещения людей, устраивал обыски и облавы, направлял военные отряды на постой в провинившиеся села, где они — солдаты и кони — в течение многих недель и даже месяцев содержались за счет его жителей.

Не была исключением и родина Зелимхана — Харачой. Только одна семья Гушмазукаевых дала трех абреков. И каких?! Один Зелимхан чего стоил, находившийся в ипостаси абрека № 1 более 10 лет, начиная с 1901 года. Другой — Солтамурад, конечно не был ему ровней, но он активно участвовал во всех дерзких налетах старшего брата. А отец — в прошлом молодой удалец?! Он им обоим учитель. «Зелимхан — звер, Гушмазуко — двадцать раз звер!», — говорит о себе Гушмазуко Бехоев. Гушмазуко готов всех Элсановых убить! И даже женщин, в том числе и свою вторую жену Бельгас, не будь она матерью его младшего сына Бийсултана. Потому что она тоже Элсанова, из тех, которые стали их кровниками.

Конечно, Гушмазуко-абрека не сравнить с Зелимханом. Это обычное на Кавказе почитание старших, тем более отца. На самом деле Зелимхан как абрек превосходил не только отца, но и всех других самых известных. Он был абреком абреков и даже называли наместником гор в противовес официальному наместнику царя на Кавказе, подчеркивая тем самым его первородство и естественное право на это.

Это заставило Добровольского установить особое наблюдение за харачоевским трио и их дружками, готовыми явиться по первому зову Зелимхана, которое нередко сопровождалось притеснениями. Постоянные преследования и гонения сделали жизнь невыносимой. Зелимхан в своем письме в Государственную Думу, направленном для того, чтобы показать, кто виноват в том, что все мужчины в его семье стали абреками, указывал: «Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыл свой срок наказания и в особенности брат — самый тихий и добродушный из харачоевцев — подверглись со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время, под тем или иным предлогом и пр., пр. мелочам, пересказывать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда невыносимую».²¹⁵ И в качестве одного из примеров приводит случай, как подполковник в пути из Ведено в Грозный встретил его брата Солтамурада и приказал сопровождению отобрать у него оружие. На это брат ответил, «что оружие его азиатского образца и выдать его не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский привстал на тройке с винтовкой в руке. Солтамурад ударил лошадь и ускакал, а начальник пустил ему вдогонку несколько пуль: не знаю, с какой целью — напугать или

попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление.»²¹⁶

Солтамурад не стал искать мести. Не советовал ему это делать на первый раз и Зелимхан. Тогда же Зелимхан через людей передал подполковнику просьбу не преследовать брата и дать ему возможность заняться мирной жизнью, на что тот разразился, якобы, в его адрес нецензурной бранью.

Солтамурад покинул дом и ушел в Дагестан. Думал: не будет попадаться на глаза и забудут о нем. Но скрыться совсем не удалось, его и там достали. Местные полицейские, которым телеграфом из Владикавказа поручено было выследить его, схватили и посадили в Порт-Петровскую тюрьму. Пробыв в ней около года, Солтамурад вышел на свободу и сделался абреком, уйдя оттуда прямо в горы, к Зелимхану и отцу. Сочтя Добровольского главным виновником сломанной судьбы брата, Зелимхан выследил его и 4 апреля 1906 года убил на одной из тех же веденских дорог. В том же письме в Думу Зелимхан так объяснил свой поступок: «За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью».²¹⁷

После Ханжалова начальником этого округа был назначен полковник Василий Савельевич Галаев, уроженец станицы Чер-ноярской, Владикавказского округа. В послужном списке значится: Родился 1 марта 1860 года. Окончил Владикавказское реальное училище и Ставропольское казачье юнкерское училище по первому разряду. Участник русско-турецкой и русско-японской войн. Служил в 1 Владикавказском полку. Награжден Георгиевским крестом 4 степени (1878). Офицер с 3 декабря 1880. Подъесаул с 30 декабря 1886. Старший помощник атамана

Пятигорского отдела Терского казачьего войска. 9 марта 1906 произведен в полковники. С 2 июня 1906 начальник Веденского округа Терской области. Женат, трое детей.

Первое знакомство Галаева с Веденским округом и его жителями началось еще до того, как он стал его начальником. В 1905-1906 годах производился капитальный ремонт дорог Дагестанского отделения. Часть этих дорог, от Грозного до Ведено, пролегла по Терской области. Для освидетельствования произведенных работ из Тифлиса в Темир-хан-Шуру был направлен старший инспектор Кавказского округа инженер путей сообщения статский советник Мелиоранский. 5 сентября 1906 года временный генерал-губернатор Терской области генерал-лейтенант Колюбакин телеграммой в Ведено «приказал полковнику Галаеву распорядиться конвоем и сопровождать комиссию в пределах округа».

Галаев застал Веденский округ в хаотическом состоянии. Как видно из послужного списка и рапорта от 28 марта 1906 года Галаев в должности старшего помощника Пятигорского атамана приобрел определенный опыт административной работы, хотя и отличалась от той, которой придется ему заниматься теперь. Сразу по принятии им округа к нему, как в свое время к Добровольскому, стали являться доверенные от сельских обществ 5 участка с заявлением, что в их селениях нет порядка, жители не слушаются старшин, не исполняют их приказаний, не являются на вызовы в суд, не выполняют денежных повинностей, уже несколько лет подряд не платят жалованья старшинам, и что сами выборные старшины не в силах бороться с этим злом. В общем, то же самое, что было и до Добровольского. Высказывая все это, они просили нового начальника в самом непродолжительном времени приехать к ним и, лично убедившись в справедливости их заявлений, принять меры к нарушителям и помочь им восстановить порядок.

В августе, на третьем месяце исполнения своей новой должности в роли начальника округа Галаев прибыл в Хой, одно из неповинующихся селений, но в нем кроме старшины никого не нашел. Жители не пожелали его видеть, пытаясь этим показать, что они не признают его за начальника. Примеру хоевцев последовало еще несколько селений, а нижелоевцы¹²⁵ свою демонстрацию довели до того, что собрались группами и, если Галаев хотел говорить с одной из них, то одновременно все галдели так, что не было возможности ни успокоить их, ни разъяснить им бесполезность их неповиновения. А несколько позже Галаев получил сообщение судебного следователя, что нижелоевцы не допустили его до вскрытия трупа. А в Макажое дошло до того, что в то время, когда начальник участка Владиславский ехал впереди шедшей из селения Хой роты, в него бросали камнями. Не в безопасности была и жизнь бывшего до этого начальника участка есаула Золотарева, так как на него готовилось покушение.

Галаев обратил внимание, что умы этих чеченцев были поколеблены злонамеренными

агитаторами с целью вызвать среди них брожение. Отказ их исполнять законные требования властей «основывался на слухе, что в России нет царя и правительства, и поэтому не следует исполнять повинности и требования начальства, так как все платежи пойдут не на пользу общего дела, а приберут их себе они.

Неисполнение законных требований продолжалось вплоть до конца ноября 1906 года. Обстоятельства вызвали необходимость вновь посетить этот участок и показать населению, что неповинующиеся властям будут приведены к покорности силой. 25 ноября начальник округа получил сообщение, что в ночь на это число в Шаро-Аргуне в своей квартире ранен начальник участка Владиславский. На следующий день, 26 ноября, Галаев с находившимися в его распоряжении частями войск выступил в Шаро-Аргун, куда прибыл 28 числа.

Население не ожидавшее в это время года видеть у себя войска и пораженное скоростью их появления, смирилось, особенно после того, как прибыли два орудия. 15 старшинств тут же изъявили согласие на выполнение всех предъявленных к ним требований и выдали в том приговоры.

Упорствовало одно нижелоевское старшинство: отказывалось от выполнения требований даже тогда, когда на селение Нижелой были наведены пушки, а жителям приказано покинуть жилые помещения вместе со скотом. Покорились они только после того, как несколько жилых домов было разрушено. Потом выяснилось, что жители этого селения упорствовали благодаря агитации нескольких лиц во главе со старшиной.

Несколько наиболее «вредных» агитаторов было арестовано, и нижелоевцы как будто успокоились. Но не надолго. Нижелоевцы Ахараш Акуев и Кади Махаев стали агитировать за отказ от найма писарей и выбор сельских судей, хотя обществами и были даны приговоры, распространяя среди населения тот взгляд, что «приговоры составлены по принуждению», под угрозой войсковых частей, поэтому они «приведению в исполнение не подлежат».

В феврале нижелоевец Ягъя Юсупов собрал с населения 80 рублей и по телеграфу перевел их в Тифлис для Умахана Ахаева и нескольких жителей из других селений, которые отправились к наместнику исходатайствовать избавление их от сборов на содержание писаря и освобождения от выполнения приговоров, принятых под давлением.

Ходатайства эти не увенчались успехом. Но это их не остановило. В начале мая они продали уже весь свой пастбищный участок и снарядили двух доверенных на подачу нового прошения наместнику, а для более вящего успеха в предприятии обратились с просьбой к наиболее влиятельным Баматгирею-Хаджи Митаеву и дагестанцу Узуму-Хаджи лично принять участие в их ходатайстве.

Уличенный в преступной агитации старшина Дильмахан Урмаев был отстранен от должности и сослан в Вологодскую губернию, а исполнение его обязанностей до выбора нового было поручено его помощнику Охуеву. Но он оказался «настолько слабым, что при нем кучка агитаторов» подбила всех, уже внесших причитающиеся с них повинности, ничего не вносить, и все отказались платить, а собранные деньги пошли на телеграммы и оплату поездок агитаторов к начальствующим лицам.

Все это вынудило Галаева отстранить от должности Охуева и назначить старшиной в Нижелой жителя селения Буни Хега Юсупова. Однако нижелоевцы отказались признавать его своим старшиной и по-прежнему не исполняли никаких требований власти, не вносили мирские сборы. А еще они заявили начальнику участка, что «если тронут их имущество, то они вынуждены будут взяться за оружие». На неоднократные требования выдать подлежащих аресту людей отказались, и был даже случай, когда целая толпа не допускала начальника участка к дому одного из разыскиваемых.

Ни с чем возвратилась и посланная начальником округа казачья команда для розыска подлежащих аресту лиц, если не считать арест всего лишь одного из них. Но и этот арестованный⁴²⁶ был в селении Ригахой украден нижелоевцами и ригохоевцами, а затем предлагали за него начальнику команды залог 500 рублей. Руководители и подстрекатели этого дела были арестованы Галаевым на разные сроки.

А вследствие продажи своих пастбищных угодий для расходования на агитационные цели нижелоевцы стали травить чужие пастбища, и на этой почве произошла между ними и богочароевцами драка, закончившаяся резней, с поранением до 10 человек. Кроме того, нижелоевцы регулярно не выходили на ремонт дорог.

Обо всем этом Галаев доносил начальнику Терской области в рапорте о положении дел в округе и принятых им мерах.

Однако обстановка усугубилась ростом разбоев и грабежей во всем округе. Она требовала более решительных действий. И Галаев это прекрасно понимал.

События на Тереке вызвали большой резонанс и столичная газета «Речь» поспешила рассказать о них своим читателям. Под рубрикой «Наши корреспонденции» она поместила репортерское сообщение «60 артиллерийских снарядов», в котором говорилось: «Покорение Веденского округа (Терская область) карательным отрядом под начальством начальника того же округа полковника Галаева продолжается. К сожалению, более или менее подробных сведений о ходе военных операций отряда в общество не проникает, за исключением извлечений из реляций Галаева, изредка помещаемых во Владикавказских газетах. Последнее из таких извлечений гласит, что за время пребывания карательного отряда в Веденском округе артиллерией выпущено более 60 снарядов без всяких, однако, человеческих жертв со стороны населения» (Кавказский край, №14, 1907 г.).

Далее столичный репортер замечает, что «если принять во внимание то обстоятельство, что артиллерия карательного отряда действует с единственной целью разрушения жилых домов тех жителей, которые, по мнению начальника округа, подлежат этому жестокому наказанию, то отсутствие человеческих жертв со стороны населения, при таком усиленном орудийном огне, надо признать за чудо. Шестьдесят разрывных снарядов... и ни одной человеческой жертвы!».

Свое удивление он аргументировал наглядным примером. Во время покорения Осетии карательным отрядом Ляхова (февраль – март 1906 года), говорит он, когда по официальным сведениям по селениям выпускалось по два-три орудийных снарядов, жертв человеческих (убитых и раненых) было много. Галаевская же экспедиция, выпустившая 60 орудийных снарядов, обошлась без каких бы то ни было человеческих жертв!

Отсюда вывод один. Это было скорее устрашение неповину- ющегося населения, нежели желание реально наказать.

За порядок на своих подведомственных местах боролись все чиновники, не только Галаев. В том же 1907 году начальник штаба Кизлярского военного округа докладывал главнокомандующему кавказскими войсками, что при поездке его во второй половине октября в Веденский округ лично пришлось принимать некоторые репрессивные меры против жителей горных чеченских селений, в том числе и против жителей селения Нижелой, участвовавших в сентябре в грабеже и разбое в пределах Кизлярского отдела, а также за их явное неповиновение властям.

Для достижения большей эффективности в борьбе с абречеством в области широко применялись арест, высылка семей и близких родственников абреков.. Полковник Галаев начал с того же. Дзахо Гатуев пишет: «Ссылки предшествующих администраторов не давали желанного результата. Ссылные возвращались и пополняли абреческие кадры. Чтобы уничтожить тоску по родине, по семье, Галаев начал выселять с семьями.

Каждой высылке предшествовал арест, и тюрьмы пополнялись преступниками от грудного и до старческого возраста».²¹⁸

Это утверждение не совсем верно. Во-первых, высылка семей абреков, замеченных в пособничестве им, проводилась задолго до Галаева, еще в начале 90-х годов XIX века. Галаев только продолжил эту практику семейных высылки, введенную правительством с целью ослабления абречества путем лишения ее народной опоры, и внести какие либо изменения, а тем более отменить ее, Галаев не имел никаких прав. Во-вторых, изловленных абреков вместе с их семьями никогда не этапировали и общих для абреков и их семей судебных процессов тоже не было и быть не могло, поскольку в преступных деяниях абрека или разбойника их семьи не участвовали, а порой ничего не знали об этом. Поэтому не могли быть привлечены к уголовной ответственности заодно с ними. Семьи привлекались к ответственности только в том случае, если они, как уже было сказано, оказывались замечеными в пособничестве и укрывательстве беглых каторжан-родственников, и если приговаривались такие семьи к высылке, то для них определялись совсем другие места. Уничтожить тоску по родине или семье в отрыве от них никогда и ничем нельзя. А вот лишить беглого абрека возможности находить тайное пристанище у своих близких можно, что и делалось путем высылки последних за содействие преступникам.

Видя в широкой народной поддержке абречества одну из главных причин устойчивости этого явления, высшая Кавказская администрация в наказание одних и в назидание другим нередко прибегала к высылке абречьих семей как к превентивной мере. Однако во все

времена самым распространенным способом борьбы с народным участием в этом были экзекуции, штрафные обложения и различные правовые ограничения. Как ни строг и изобретателен был новый начальник Веденского округа, не изменил этому правилу и он. Вот один из таких примеров. 16 апреля 1907 года полковник Галаев обратился с телеграммой к начальнику Терской области: «Владикавказ, Генерал- губернатору Дополнение 9564 Белготоевцы не внесли сроку деньги и не выдали абреков прошу разрешения поставить экзекуцию полусотню из стоящей Ведено Моздокской сотни до выполнения требований». «Ведено начальнику округа Экзекуцию Белготое разрешаю». Но стоило ситуации измениться в нужном направлении, как принималось другое решение. «Владикавказ Генерал-губернатору Белготоевцы внесли утром деньги полностью отправка полусотни приостановлена до Вашего распоряжения Полковник Галаев». «Ведено начальнику округа Генерал князь Орбелиани приказал экзекуцию Белготое отменить».^{2,9}

Из переписки видно, что полковник Галаев не был столь кровожадным, как его пытаются представить. Он действовал в рамках закона и не позволял себе никаких злоупотреблений своим служебным положением и был предельно справедливым по отношению к подведомственному ему населению. Выполнили белготоевцы, что от них требовалось, и полковник тут же самостоятельно отменил все властные меры воздействия на них еще до распоряжения вышестоящего начальства.

Галаев с первых же дней своего назначения главой Веденского округа стал искать причины разросшихся разбоев, грабежей, а также развития абречества в этом регионе. И ему, такому же горцу, как чеченцы и ингуши, не составило никакого труда установить их. Они были очевидны: «крайнее малоземелье», как он говорит, и на этой основе безысходная бедность этих народов «и родовой дух», замкнутая тайповая система, «в которых продолжала консервироваться Чечня и Ингушетия».

Второй фактор оказывал, пожалуй, более негативное влияние на происходящие социальные и политические процессы, чем острый дефицит земли, потому что он служил благодатной почвой для обычая кровной мести, которая как нигде больше культивировалась здесь как один из институтов саморегуляции общества. Это подтверждает и писатель Дзахо Гатуев, который устами самого Зелимхана говорит, что в Чечне нет ни одной фамилии, которая бы не участвовала в кровной мести. Порой в ее орбите оказывался многочисленный род, с которым в кровной вражде оказывались несколько фамилий. И тогда цепь кровавых расчетов затягивалась на долгие годы и на несколько поколений.

Понимая, что одними карательными мерами проблему разбоев и грабежей не решить, Галаев поставил перед собой задачу устранения их причин. Более простой, но для чеченцев важной такой мерой он считал, если не ликвидировать полностью земельный голод, то хотя бы за счет неудобных земель, после приведения их в культурное состояние, увеличить земельную обеспеченность части остронождающегося в ней населения округа. В качестве такого резерва он видел топкие болотистые Истисинские луга.

Однако благим намерениям царского полковника, где-то в душе сочувствовавшего таким же, как он сам горцам, осуществиться не было дано. Каждая его мера по наведению порядка и спокойствия в округе для блага его жителей встречалась в штыки местной оппозицией и абреками во главе с их вожаком Зелимханом. Армейский полковник, как начальник Веденского округа, поставленный на эту должность в первую очередь для борьбы с абречеством и разбоями, был непримирим как с ними самими, так и с их пособниками. Он не превышал власти, но и не делал никаких уступок. В этом он видел залог успеха.

Зелимхан, свыкшийся к этому времени с мыслью, что он народный герой, воспринял подобную деятельность и служебное усердие нового, администратора как чрезмерную жестокость и закручивание гаек на всю катушку. А раз так, то нет и ему пощады. Но для начала абрек²⁸ послал на его имя предупреждение. Это было первое письмо Зелимхана Галаеву. Оно начинается с религиозного посвящения – «Бисмилла, аррахман, аррахим!», затем идет оскорбление полковника, приверженца закона: «Я думаю, что из головы твоей утекло масло, раз ты думаешь, что царский закон может делать все, что угодно».

Галаев – один из тех, кто действует в рамках русского закона. Поэтому абрек обращается и ко всем властьпредержащим чиновникам. «Эй, вы, начальствующие и судьи! Эй, правосудие! Вы неправильно решаете дела. Почему вы неправильно судите, почему вы осуждаете детей?.. Потом снова возвращается к Галаеву, чтобы сказать, в чем его непростительная вина, за которую он так враждебен к нему. «Эй, полковник! Я тебя прошу

ради создавшего нас бога и ради возвысившего тебя – не открывай вражды между мной и народом. Ты должен стараться, чтобы женщины и дети не плакали и не рыдали. Они же плачут и проклинают меня. Они говорят: «Хоть бы убили его, и чтобы он был уничтожен Богом!» Так они проклинают меня. Они не виноваты. Ты же не должен сомневаться, если будешь обижать арестованных, то ко мне будет вражда. А мы до сих пор жили хорошо: кто мне сделает добро, тому отплачу тем же; кто мне сделает дурное и злое, тому отвечу тоже тем же»...

Всего неистовому полковнику было направлено два письма. Второе уже начинается с прямой угрозы убить его. «Пишу тебе последнее письмо, – говорится в нем, – которое я с помощью Аллаха безусловно исполню. Это будет скоро». Зелимхан напоминает Галаеву о том, что он «сделал с Добровольским, таким же полковником, как он», и что его сердце таит желание то же самое «сделать с ним «за незаконные действия» его «и из-за меня заключенных людей, которые совсем невинны»... Я Добровольскому говорил так же, как и тебе, гяур. Но ты меня тоже не понимаешь. Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю, тебе, гяур. Раз я говорю «не позволю», значит, правда.

Если я, Зелимхан Гушмазукаев, буду жив, я ж заставлю тебя, как собаку, гадить в доме и сидеть в доме с женой. Трус ты! В конце концов – проститутка, – убью тебя, как собаку». Абрек напоминает полковнику, что если он думает, что он, Зелимхан, уедет в Турцию, то он ошибается. «Чтобы люди не обложили» его «позором бегства», он не сделает этого. Даже на шаг дальше не уйдет, пока не кончит с ним. И ставит условие, которым заканчивает письмо: «Освободи же людей невинных, и я с тобой ничего иметь не буду. Если же не послушаешь, то будь уверен, что жизнь твою покончу или увезу в живых казнить тебя». (Целиком письмо приводится в конце сочинения).

Объявленный трусом полковник вовсе не был им. Получив предупреждающее письмо от зарвавшегося в своих требованиях и угрозах абрека, боевой казачий офицер, Георгиевский кавалер остро среагировал на такое наглое заявление и был готов встретиться с Зелимханом и его шайкой в любом формате. Но потом передумал. Неистовый Галаев решил в полемику не вступать. Негоже ему, полковнику, начальнику округа втягиваться с бандитом в публичный спор, чтобы выяснять, кто из них действительно трус, а кто нет. Он и после зелимхановских угроз, известных ему как нешуточных, ни на йоту не отступил от своих правил, и с такой же твердостью продолжал свое дело. Галаев сам уличал Зелимхана в трусости, представляя, как он «из-за угла» стрелял в Добровольского и вероломно расправляется со своими противниками.

Галаев как новый начальник Веденского округа в своей карательной деятельности ничего нового не придумал. Он делал то же самое, что и другие до него, но только более методично и бескомпромиссно. Как видно из письма Зелимхана в Государственную думу этот деятельный и энергичный человек «сразу выслал из Веденского округа 500 человек, якобы за воровство, которые вернулись уже в качестве абреков и наводнили весь Веденский округ. Галаев считал неотвратимость наказания – важнейшим условием успешной борьбы с преступностью, и добивался ее.

Это было противно Зелимхану, потому что оно являло собой то, против чего он боролся. К тому же убийства высокопоставленных чиновников, первых лиц окружного начальства не достигали цели, напротив, они оказывали обратное действие и не устрашали власти, а еще более мобилизовывали их. Такого Зелимхан не ожидал. Сознание своего бессилия что либо изменить в общественной жизни приводило абрека в бешенство. И Галаев, повторявший своих предшественников в действиях по закону, да еще более эффективно, стал, по существу, очередной целью, которую он будет преследовать, пока не устранил.

Абрек Зелимхан, совершивший до этого целый ряд громких убийств исподтишка, вошел в своеобразный воинственный кураж и также вероломно учинил свою расправу над полковником Галаевым. Зелимхан начал слежку за ним, установил привычки, наиболее уязвимые места его пребывания на службе.

В крепости Ведено был старый с вековыми деревьями и ухоженными дорожками и скамеечками парк. Он заканчивался крутым обрывом, где по дну оврага вился ручей. К нему вела крытая стеклянная галерея. За обрывом, кругом огороженным колючей проволокой, на

другом его берегу виднелся густой кустарник, а за ним начинался благоухавший цветами бескрайний луг. Административное здание управления находилось рядом с парком, и начальник округа имел привычку до работы и после нее прогуляться по его тенистым аллеям, часто присаживался на скамейку и любовался открывающейся чудесной панорамой. Убежденный в недостижимости и безопасности места, Галаев в то злополучное утро не изменил своему правилу и заглянул в парк, как всегда почти безлюдный и с несмолкающим птичьим гомоном. Зелимхан уже поджидал его, притаившись в кустарниках. Выждал, когда наступит удобный, беспроигрышный момент, и выстрелил. Пуля угодила прямо в голову.

Первое телеграфное сообщение в областное правление о случившемся сделал 8 июня 1908 года подполковник Петропавловский. Он также передал по телеграфу, что пострадавшая семья без всяких средств и необходима срочная помощь.

Весть об убийстве одного из лучших и грамотных окружных начальников Галаева потрясла Терскую администрацию. Начальник области Колюбакин был в ярости. Он приказал назначить от 1-го Кизляро-Гребенского полка полусотню в конвой семье от Ведено до станции железной дороги, все исполнить без промедления и потребовал от штаба сделать распоряжение о перевозке тела из Ведено в станицу Черноярскую, а также немедленно выделить из войсковых сумм на первое время 100 рублей и из особого кредита в помощь пострадавшим от злоумышленников тоже около 100 рублей. Деньги перевести по телеграфу полковнику Петропавловскому. Организация похорон и оказание помощи семье покойного заняло несколько дней. Тело погибшего отвезли в станицу Черноярскую и со всеми воинскими почестями предали земле, а вдове и детям назначили хорошую пенсию.

22 июня выборные от жителей всех пяти участков Веденского округа, от имени последних, возмущенные дерзким убийством своего начальника полковника Галаева, собрались в Управлении округа «для выработки мер к уничтожению разбойнической шайки Зелимхана, наносящей громадный вред как русскому населению, так и туземному». Своим приговором они постановили «образовать капитал сбором по одному рублю с дыма, что по числу 16426 платных дымов составит капитал 16426 руб. и выдать из него тому или тем, кто доставит начальству, а при сопротивлении убьет разбойников, а ранее для этой же цели первым участком собранными и отпущенными наместником Е.В. на Кавказе: Зелимхана Гушмазукаева – 8000 руб. Солтамурада Гушмазукаева – 3000 руб. и отца их Гушмазуко Бехоева – 1500 руб.», доказчику, указавшему место нахождения разбойников и давшему возможность окружить их, хотя те и не будут пойманы или уничтожены – 1000 руб. Если кто из преследующих разбойников будет последним убит, получит увечье или поранение, то семье первого из них выдать 630 руб., второму – 300 руб. и последнему – 100 руб.²²⁰

Веденские выборные выразили семье покойного глубокое соболезнование, осудили гнусных убийц и заявили о своем желании «вместе с семьей поставить на могиле покойного памятник», если она на то даст свое согласие.

В канцелярии начальника области было решено «распространить среди населения как своего, так и соседних округов, и в газетах» о размере вознаграждения за уничтожение шайки.

Труды и старания Галаева по наведению порядка в округе, несмотря на борьбу с ним и всей русской администрацией своего соплеменника Зелимхана и его разбойной шайки, поддерживались и были высоко оценены всей трудовой и законопослушной частью населения, составлявшей основную ее массу. Свидетельством тому является то, что после схода выборных 22 июня, на котором убийство Галаева получило резкое осуждение убийц, 6 июля 1908 года они вновь собрались в окружном правлении, чтобы подтвердить ранее вынесенный приговор и принять конкретные меры по его осуществлению. Было принято к чести выборных постановление, очень обязывающее их и все население округа. В постановлении из пяти пунктов говорилось:

«1. В месячный срок от этого числа передать в распоряжение начальства разбойника Зелимхана Гушмазукаева, Солтамурада Гушмазукаева и их отца Гушмазуко Бехоева.

2. Выдавать всех соучастников разбойников и лиц, оказывающих им покровительство и укрывающих их от преследований.

3. Если в месячный срок мы не выполним изложенного в параграфе 1 сего приговора обязательства, а нашему начальству будет известно, что разбойники были в пределах наших юртовых наделов, т.е. в селениях, хуторах или кутанах и нами не будет принято мер к их задержанию или уничтожению при сопротивлении, то помимо могущей быть наложенной на

нас высшим начальством кары, обязуемся в недельный срок без понуждения со стороны ближайшего начальства представить штраф в размере десяти рублей с дыма.

4. Обязуемся для ловли и преследования разбойников в каждом участке составить партизанские команды в составе 15 конных и 15 пеших человек и отдать их в распоряжение начальников участков, при чем, при отсутствии охотников поступить в такие команды на наем их по выбору начальников участков, выдавать необходимые суммы денег.

5-й пункт касался участковых начальников. В нем указывалось, что «при поездках их по делам службы, как в пределах своих участков, так и соседних, нанять по 5 конных человек в каждом участке», и все они должны быть по избранию самих начальников.²²¹

После Галаева временно исполняющим обязанности начальника Веденского округа был назначен войсковой старшина Хетагуров. Вскоре эту вакантную должность начальника Веденского округа занял молодой капитан Василий Филиппович Дудников. Генерал Колюбакин не ошибся, когда на это место назначал его, хотя он уступал в звании предыдущему на целых три ранга. Все думали, что Зелимхан нагнал столько страха, что тот, кто придет за Галаевым, будет мягче и осторожней. Однако не по годам хваткий, Дудников успешно делал карьеру. До этого он успел поработать начальником Назрановского округа и уже имел опыт административной работы. Было очевидно, что неуловимость Зелимхана состоит в народной поддержке и умелом пособничестве родственников. Поэтому первым делом он снарядил отряд в Харачой и окружил дома оставшихся там родственников абрека. Особенно интересовали жены Зелимхана и Солтамурада, через которых рассчитывали выведать местонахождение мужей. Но их там не оказалось, и долго никто не говорил, где они. И только после угроз сжечь их дома, сослать в Сибирь, перепуганные харачоевцы сказали, что жены их в Ингушетии, возможно на Ассе. Поскольку проводить дальнейшее преследование их за пределами округа его никто не обязывал, Дудников ограничился передачей добытых сведений начальнику области и командиру военного отряда.

Как шло выполнение июльского решения выборных от жителей Веденского округа, неизвестно. Однако по истечении четырех месяцев в первых числах ноября на имя начальника округа Дудникова пришло два письма на арабском языке от лица, выдающего себя за Зелимхана. В них автор называет причины, заставившие его и его брата Солтамурада сделаться абреками, совершить убийство Добровольского и Галаева и выдвигает ряд требований срочного исполнения, за отказ от которых грозит суровой карой – убийством.

Ознакомившись с посланиями, Дудников срочно переслал их Степанову, исполнявшему тогда обязанности врем, генерал-губернатора Терской области.

Степанов придавал им самое серьезное значение и приказал помощнику разослать секретный циркуляр, что было сделано 8 ноября 1908 года, всем атаманам отделов, начальникам округов и полицмейстерам области следующего содержания: «На днях начальником Веденского округа получены на арабском языке два письма от имени Зелимхана или лже-Зелимхана, в которых автор сообщает о причинах, заставивших его и его брата Солтамурада сделаться абреками и побудивших его совершить убийство старшего помощника начальника Веденского округа подполковника Добровольского и начальника того же округа полковника Галаева, которых он обвиняет в пристрастиях и незаконных отношениях к его родственникам, а также, требуя объяснения о причинах высылки его родственников в Сибирь и по поводу уничтожения его единоутробного брата Хасая и домов, настаивает на возвращении из ссылки первых и о постройке им домов, угрожая в противном случае «поднять тревогу и собрать в короткий срок большую толпу настоящих, достойных мужчин», так как он имеет много денег на наем таковых и помощников в лице «Всемогущего Бога, пророка Магомета и его уставов», которые сохранили его как человека, не делающего плохих дел, ибо Богом деятельность его одобряется, почему ему все легко удастся.

В заключении, – говорится в циркуляре, – автор писем угрожает начальнику Веденского округа в случае невыполнения его требований, убить его».

Сообщая об этом, генерал Степанов предписал «принять самые действительные меры к поимке Зелимхана или выдающего себя за него». И потребовал разъяснить еще раз населению, что «на поимку или уничтожение, при сопротивлении, Зелимхана населением Веденского округа ассигновано 8000 рублей, каковая сумма собрана, хранится в казначействе и будет выдана по принадлежности немедленно по выполнении задачи. Данное дело, – предупреждает он, – настолько серьезно, ввиду злостности абрека и его шайки, что только солидарность действий может дать желанный успех».²²²

У Зелимхана было много кровников. Но расчет с кровниками составлял только одну сторону его кровавых деяний. Не самым главным было и занятие грабежом. Большую часть своей энергии и времени он отдавал борьбе с администрацией, а с весны 1909 года и военным отрядом, созданным для борьбы с абречеством и в первую очередь с ним. Для этого он использовал каждый выгодный случай. Летом 1909 года около двенадцати часов ночи при въезде в Харачой он внезапно обстрелял отряд из двенадцати человек: трех стражников, четырех партизан, старшину и четырех своих кровников, которые были высланы начальником Веденского округа в секрет. Были убиты один стражник, три лошади и одна лошадь ранена. Принятые администрацией экстренные меры по преследованию абрека никаких результатов не дали.

Зелимхан действовал и в одиночку, и со своей, как он говорил, шайкой. При этом он никогда не скрывал своих намерений и намеченной жертвы. Он открыто обозначал лиц, которых преследовал и обрекал на самосуд. Так он поступил с начальником военно-охотничьего отряда подполковником Вербицким, которому «дал перед тем знать», так поступил с начальником Веденского округа полковником Галаевым, а еще до него со старшим помощником начальника этого округа подполковником Добровольским. Но в отличие от двух последних Вербицкому удалось избежать мести Зелимхана. Возможно потому, что вскоре он был переведен и назначен атаманом Кизлярского отдела и оставил в покое соплеменников абрека.

Такие предупреждения о том, что он собирается их убить за то, что они ослушались и не выполнили его требований, посылались атаману Кизлярского отдела Турченко, ротмистру Зайнуд-тину Доногуеву, полковникам Маргании, Дудникову, Каралову и своему земляку Юсупу Датыхскому, чинившему на него доносы начальнику Назрановского округа князю Андронинову. Каждый из перечисленных чиновников был приговорен абреком к смерти за служебное усердие и несговорчивость, неотступное следование своему долгу. Этим он как будто демонстрировал свое мужество и отвагу, но на деле каждый акт его возмездия становился коварным убийством ничего в тот момент не подозревавшего человека.

Но Зелимхан, несмотря на это, в глазах его преследователей не был столь отважным, как представлялся. Больше того, его самого считали подлым трусом, в чем унижительно упрекал других. Из них одним из первых был Галаев. Он упрекал Зелимхана в том, что все его жертвы были убиты исподтишка, «тайно подкрадываясь, как кошка». Вслед за ним в трусости уличали самого Зелимхана Вербицкий, и Андроников.

«Имя твое известно всей России, но слава твоя скверная, — писал Вербицкий сразу по назначении его командиром военноохотничьего отряда в своем «Воззвании» к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению Терской области.

— Ты бросил отца и брата умирать, а сам убежал с поля битвы, как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея.....

чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину, и я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия, и если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов... Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, войсковому старшине Вербицкому, в гор. Владикавказ». Зелимхан не ответил на этот вызов.

Сходную оценку дал Зелимхану и князь Андроников — гвардейский офицер, сосланный на Кавказ за какое-то нарушение воинского устава и назначенный начальником Назрановского округа: «Мой святой долг, — писал он одному из своих приятелей с места нового назначения, — во что бы то ни стало, хотя бы и ценой жизни, уничтожить этого подлого труса — Зелимхана, нападающего из-за скал и горных трещин».

Цивилизованный мир знает такую форму выяснения остроконфликтных отношений как дуэль. Дуэль тем «гуманна» по сравнению с другими системами тайной кровавой расправы с обидчиками, что это открытый поединок, и об их участниках можно сказать, что это действительно мужественные люди. Противники видят друг друга. Никто ни в кого из засады не стреляет. Это поединок, где у участников абсолютно равные условия и возможности.

Зелимхан тоже предлагал своим врагам что-то вроде дуэли, указывал и время, и место встречи. Но это был фарс. Он понимал, что люди с таким социальным и государственным статусом, не будут и не имеют права участвовать в такого рода незаконных, варварских самосудах. Ни один госчиновник не пойдет на это, как бы внутренне он не желал, так как все

служебные предписания и регламенты не позволяют им делать этого. А Зелимхан, бросив вызов однажды, никогда не повторял, если противник не являлся на указанное место. Этого было достаточно, чтобы потом обвинить другого в трусости, как это было в случае с Вербицким.

Зелимхан не обладал безрассудной храбростью и не явился к месту дуэли, где его ждал Вербицкий. Там могла оказаться засада, готовая к любому повороту событий: защите своего атамана, в случае явки дерзкого и неуловимого абрека-дуэлянта с шайкой, и даже к их захвату, если на то последует приказ. Действительно так и было — Вербицкий прибыл на дуэль в сопровождении нескольких солдат, полагая, что и Зелимхан будет не один.

И все же Зелимхану не откажешь в мужестве и смелости. Но его заявления и вызовы на единоборство больше были проявлением бравады. Тем более что эти вызовы писались другими, известными в Чечне и более грамотными, чем он, людьми, которые, несомненно, разносили их и делали достоянием всего народа. На это и были направлены помыслы абрека, чтобы лишний раз донести до соплеменников, что он есть «Зелимхан, решающий народные дела», как писал в письме полковнику Га-лаеву. На деле же это был самый банальный расчет, чтобы представиться людям как их самоотверженный и смелый защитник, из-за которого они так много невзгод терпят от администрации.

Когда один другого упрекает в трусости, а себя выставляет героем, лучшим доказательством того, что и кто он есть, как уже было сказано, является дуэль, открытый честный поединок двух непримиримых противников, а не коварный выстрел из-за кустов. На такую дуэль Зелимхан по настоящему не приглашал никого из своих врагов. Все убитые им представители власти, окружные начальники, были застигнуты врасплох или поражены вероломно с невидимого расстояния, заранее выследив жертву.

Но как бы там ни было, взаимные обвинения в трусости были неверны. Они вызваны обоюдной неприязнью друг к другу. И Зелимхану, и начальникам округов храбрости было не занимать. Все они прошли хорошую школу мужества и отваги, участвуя в вооруженных столкновениях между собой и даже в войнах, как скажем, полковник Галаев, как участник двух последних войн России.

Родной стихией Зелимхана были территории Грозненского, Веденского и Назрановского округов с их лесными массивами и камышовыми и кустарниковыми зарослями, горнообрывистым рельефом. Особенно, когда буйствовала «зеленка». Но он вольготно чувствовал себя и во Владикавказском округе и даже в самом Владикавказе, где размещалась резиденция Наказного атамана Терского казачьего войска и восседал в кресле начальника области генерал-лейтенант Алексей Михайлович Колюбакин, который занимал этот пост с 1905 и почти до конца 1908 года. Его деятельность в определенной мере сдерживала абречество, но она все же не была столь эффективной, как этого хотелось. За два последних года народной смуты в 1906-1907 годах только во Владикавказе Зелимхан совершил около десятка дерзких налетов на самых успешных предпринимателей: на склад Кролика, мельницу Проханова, магазин Симонова, на часового мастера Шихмана. Не забыл и купца Резакова. И всегда риск был оправдан.

Но самым удачным из серии подобных грабежей был налет на Грозненскую станционную кассу. Восьмого января 1910 года глубокой ночью с шайкой в 20 человек Зелимхан появился на платформе Грозненского вокзала. Ударом приклада обезвредили оказавшегося на их пути приемщика поездов и ворвались в помещение вокзала. Они тяжело ранили двух стражников, выскочивших им навстречу, и сразу же с ломом бросились к сейфам. Их было два, и вскрыть железные сейфы удалось не сразу, так как они были с двойной крышей. Налетчики били по ним ломом, что было сил. Наконец вскрыли их на глазах у лежавших на полу стражников и перепуганных до смерти телеграфисток, наблюдавших за всем происходящим из под столов, куда они забрались, спасая свои жизни.

В эту ночь абреки унесли 18 тысяч рублей. Вскоре по тревоге, поданной телеграфистками, на место происшествия прибыли начальник Грозненского округа полковник Попов и начальники участков. Но сделать что либо по розыску грабителей не смогли

— след шайки давно простыл, и ищи теперь ветра в поле.

Докатившаяся до Северного Кавказа революция отняла много сил и времени у терской администрации. 7 декабря 1908 года на этот пост заступил другой генерал-лейтенант Александр

Степанович Михеев, приложивший немало усилий, чтобы наверстать упущенное в период всеобщей российской смуты 1905-1907 годов.

В начале XX века Терская область так наводнилась абреками и разбойниками, что Кавказская администрация, неуверенная в том, что собственными силами сможет переломить ситуацию, для борьбы с ними решила привлечь население. В качестве первого опыта был выбран только один округ, самый беспокойный

– Веденский. Главнокомандующим Кавказскими войсками графом Воронцовым-Дашковым была создана чеченская охранная стража в составе 100 человек по приговору уполномоченных от населения Веденского округа на срок, какой определит начальник Терской области. Согласно приговору во всех пяти участках округа были образованы отряды по 20 конных всадников в каждом участке. Стража именовалась «Партизанская сотня Веденского округа». Она была учреждена на средства, ассигнованные приговором уполномоченных от 6 июля 1908 года. Круг обзавелся и полномочий был очерчен Положением, утвержденным Воронцовым-Дашковым 7 апреля 1912 года.

Положение запоздало на целых четыре года. Как говорится, комментарии излишни. Чем занималась все это время специально созданная сотня, тоже неизвестно. Однако Положение вводило жесткие правила как относительно стражников, так и для мирян. 27-й параграф гласит: «Чины отвечают всем своим содержанием (пропорционально) в пользу потерпевших за грабежи, разбои и кражи как в Веденском округе, так и по доведенным следам со стороны других округов и отделов, когда не будут обнаружены виновные и похищенное». А в 30 параграфе говорится: «В случае обнаружения виновных в преступлениях, поименованных в параграфе 27, то они ответственны перед стражей в сумме понесенных ею убытков по удовлетворению потерпевших в судебном порядке путем предъявления к виновным гражданских исков в надлежащем суде».

Такие статьи повышали ответственность стражников и мобилизовывали их работать энергично и только на результат. Вместе с тем, в Инструкции предусматривалась целая система вознаграждений стражникам. Если кто из стражников во время операции против злоумышленников будет убит, то семья его получит в вознаграждение 630 рублей «от всего населения Веденского округа по равномерной раскладке, а если кто получит увечье, то он из тех же средств получит 300 рублей. И наоборот, если кто-либо из стражников во время боевой операции убьет кого-либо из злоумышленников, и если последний будет чеченец, то «на примирение с кровниками такому стражнику выдается... одна тысяча рублей». За поимку абрека Зелимхана живым... выдается тем стражникам пять тысяч рублей, а за его убийство – две тысячи рублей». И все эти деньги из тех же средств от населения по раскладке.²²³

Ожидаемых результатов чеченская сотня стражников не дала. Поэтому создавать что-то вроде этого в других округах не стали. Однако чтобы злободневнейшую задачу решить, власти продолжили начатое дело, но уже в другом качестве и в других масштабах. Главной и неотложной, или как сказали бы сегодня, приоритетной задачей оставалась ликвидация Зелимхана как знамени не только чеченского, но и всего кавказского абречества.

7 марта 1909 года был создан Временный охотничий отряд. Его возглавил войсковой старшина Гаврил Викентьевич Вербицкий, родом из кубанских казаков, ранее служивший в Пятигорском отделе. Выбор на него пал неспроста. В событиях 1905 года он отличился подавлением там беспорядков с особой жестокостью. Убийство почти подряд двух высокопоставленных особ, Добровольского и Галаева, ускорило появление этого отряда с общей как будто бы задачей борьбы с разбоями и абречеством, на деле же – для уничтожения главного террориста Кавказа – Зелимхана и его шайки.

Для отряда в канцелярии начальника области была выработана специальная «Инструкция», которая в качестве главной цели выдвигала скорейшее искоренение краж, грабежей и разбоев в пределах Хасав-юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов и в сопредельных районах, «дабы к наступлению теплого времени мирное трудящееся население могло с сплошной гарантией на безопасность личную и имущественную приступить к полевым работам».²²⁴ Под начало Вербицкого как начальника отдельной сводной части передавались одна конная партизанская команда хорунжего Яицкого и три охотничьих команды Дагестанского, Самурского и Ширванского полков. Отряд был обеспечен переводчиком, двумя фельдшерами и медицинскими средствами. Командиру отряда, «сообразуясь с обстановкой и при мотивированной необходимости, предоставлялось «право потребовать от сел выдачи всех лиц, занимающихся воровством, и всех абреков»,

«право производить повальные обыски в населенных пунктах, запрещать на точно определенное время движение между селениями, а при явно выраженных попытках к сопротивлению применять» все имеющиеся у него средства «до открытия огня включительно». Огнестрельное оружие подлежало изъятию у всех, «кроме должностных лиц сельской администрации и состоящих на государственной службе, коим присвоено оружие, и т.д.»²²⁵

Примечательно, что Владикавказский и Нальчикский округа очень редко, а то и совсем не указывались в подобных документах как районы сплошных грабежей и разбоев. Были обойдены они и в данной «Инструкции». Населяющие эти округа народы (в частности осетины, кабардинцы и балкарцы) находились в таких же социально-экономических и политических условиях, а посягательств на чужое имущество, разбоев и грабежей было значительно меньше. Объяснить этот феномен могут помочь, на наш взгляд, публицистика, историко-этнографические исследования тех лет, деловая переписка администрации, ее доклады в центральные ведомства империи, а также дневники и путевые записки государственных служащих и путешественников, в которых даются характеристики здешних народов. Из них следует, что эти народы двух вышеуказанных округов больше продвинулись в своем общем развитии и обладают несколько другой психологией и ментальностью, наиболее приоритетными ориентирами которых стали просвещение и общечеловеческая культура.

Войсковой старшина (в казачьих войсках – подполковник) Вербицкий свою ответственную миссию начал с того, что обратился к населению с довольно пространном воззванием на русском и арабском языках. В нем говорилось: «Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению.

Вы – храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России. Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы. Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, кузнец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу.

Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства».²²⁶

Однако борьба, которую вела кавказская администрация с абреками, была и на этот раз малоэффективной, не давала желаемых результатов, несмотря на самые ухищренные методы с ловушками, подкупами, подключением воинских частей, засадами. Летучие группы и отряды абреков были неуловимы: они оказывались там, где их не ждали, а, уходя от преследования, оказывались там, где не могли даже предположить, и так быстро, что позавидовал бы любой стратег, любой кавалерийский эскадрон.

За многие десятилетия были убиты или схвачены и отправлены в тюрьмы и на каторги не одна сотня абреков-разбойников, именитых и малоизвестных, но искоренить зло не удавалось. Царское правительство и Кавказская администрация все более убеждались, что с таким масштабным и уникальным по своей живучести явлением нужны решительные меры. Необходима фронтальность и активное участие всего общества: с одной стороны, широкая повседневная поддержка населения, с другой – административное и уголовное преследование родственников и всех тех, кто пособничает и укрывает абреков. Такое тотальное наступление связывалось с фатальным исходом этого всем изрядно поднадоевшего явления, которое одних ввергает после разбоя в нищету и разорение, других – лишает кормильца, а с третьими случается и то и другое.

К такому выводу подталкивала власти и задача, поставленная перед отрядом, – чтобы к наступлению теплого времени население могло с гарантией на безопасность приступить к полевым работам. Но она не была достигнута. Поставленная задача и время, отведенное для ее выполнения, были несоразмерны.

В середине декабря 1909 года, сочтя, что Временного охотничьего отряда крайне недостаточно «для содействия гражданской администрации Терской области в борьбе с

разбойниками и по охране тишины и порядка», по распоряжению Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа во Владикавказе был сформирован Военный отряд, теперь уже со статусом постоянного подразделения, много превосходивший первый по численности своего личного состава, боевым качествам и снаряжению. В него вошли: все команды разведчиков 21 пехотной дивизии, команда 3 пластунского батальона, команды 253 Грозненского, 255 Аварского, 249 Майкопского и 250 Ахульгинского резервных батальонов, – последние четыре в составе 30 человек каждая, сотня 1 Кизляр-Гребенского полка и по одной команде из 81 Апшеронского, 82 Дагестанского, 83 Самурского и 84 Ширванского полков.²²⁷ Резиденция начальника военного отряда находилась во Владикавказе, а части этого внушительного отряда были разбросаны по всей Терской области, главным образом в Чечне, Ингушетии и Дагестане.

Это был первоначальный состав отряда, в последующем по мере развития абреческого движения он разрастался и брал под свой контроль новые территории и населенные пункты.

Во главе указанного отряда Главнокомандующий войсками назначил командира 253 Грозненского резервного батальона полковника Веселовского. Во исполнение данного распоряжения начальник Терской области Михеев 19/20 декабря 1909 года издал приказ, которым обязал Веселовского незамедлительно принять от войскового старшины Вербицкого, начальника временного охотничьего отряда, все делопроизводство и весь инвентарь канцелярии управления. Согласно описи инвентарь Вербицкого, переданный штабу военного отряда, был очень скромным и состоял всего из: пишущей машинки «Ундервуд» – 1, столика – 1, табуреток – 2, сумки походной для бумаг из непромокаемой парусины – 1, чернильницы – 1, штемпеля «Вр. Охотничий отряд» – 1, ручек – 1.

Некоторое время Вербицкий после передачи дел находился при Веселовском, но затем был назначен атаманом Кизлярского отдела.

Придавая большое значение прессе, штаб отряда обратился к редакторам-издателям газет «Терские ведомости» и «Терек» с тем, чтобы они работали в тесном контакте с отрядом, публиковали приказы и все, что касается его жизни и службы. Это предложение журналисты восприняли с большим воодушевлением и регулярно откликались на все события, связанные с жизнью военного отряда. В некоторых случаях оперативность газет была настолько высокой, что опережала срочные рапорты и донесения с мест начальству. Однажды такой случай в правлении Терского наказного атамана вызвал резко негативную реакцию. Начальнику военного отряда спешно была направлена телефонограмма. «Третьего июня 1910 года в 7 часов вечера

и.д. начальника области была получена телеграмма, в коей Вы доносили о результате перестрелки с абреками. Те же сведения были напечатаны в номере газеты «Терек» от 4 июня, вышедшем накануне в 8 часов вечера и, следовательно, сделались достоянием печати раньше, чем стали известны начальнику области». Помощник начальника области потребовал «принять меры к недопущению этого в будущем».²²⁸

На 1910 год пришлось высокая преступность: в январе была ограблена грозненская станционная касса, в апреле абреки провели дерзкий налет на кизлярское казначейство, а в августе

– на богатое хозяйство крупного землевладельца и овцевода Архипа Месяцева, которого ко всему еще взяли в плен, чтобы получить за него выкуп, и ряд других преступлений. У овцевода Месяцева были и целые табуны лошадей, которые не раз становились объектом нападения абреков и разбойников. Еще задолго до пленения в 1901 году у него угнали 35 лошадей, которые так и не были найдены и возвращены хозяину.

Но самым громким и хитро задуманным разбоем был кизлярский. Для его осуществления Зелимхан сколотил шайку из 60 человек. В нем участвовали самые решительные и последовательные абреки – ингуш Саламбек Гороводжев, чеченец Аюб Томаев – атагинский, Магомет-Али из Хасав-юртовского округа, незадолго до этого бежавший из тюрьмы и пополнивший зелимхановские кадры, Нукка Домбаев, повешенный позже властями, Юсуп Датыхский, тот самый, которого вскоре Зелимхан сам казнит, как предателя, за то, что он сошелся с начальником Назрановского округа князем Андрониковым и находился у него на тайной службе.

Шайка состояла из трех отрядов – одного ингушского и двух чеченских. Первый был сформирован Саламбеком Гороводжевым из своих земляков Назрановского округа, второй – Аюбом Томаевым из чеченцев окрестностей Грозного. Третий отряд составляли Зелимхан и группа из нового набора молодых джигитов, готовых идти за своим вожаком на любые экспедиции, чтобы заслужить имя настоящего волка. Местом сбора выбрали Большие Атаги, родину Аюба.

Отряд Аюба, пройдя вдоль реки Аргун южнее Грозного, перешел у станции Гудермес железнодорожное полотно и в условленном месте соединился с частью Зелимхана, который вместе с Саламбеком двигался вдоль Терека со стороны Назрани. Объединенный отряд быстро пересек территорию Хасав-юртовского округа и подошел к Кизляру. Это был один из самых дерзких и демонстративных рейдов абреков в глубь противника, напоминавшего военную операцию с отвлекающим маневром.

Чтобы избежать каких-либо подозрений и обеспечить успех дела, Зелимхан прибег к хитрости. Он приказал всем участникам нападения нацепить на себя заранее заготовленные им синие погоны Терского казачьего войска с литерами К.Г. – Кизлярского Гребенского полка, а сам – полковничьи эполеты. 9 апреля абреки по три всадника в ряду, имитируя построение регулярной кавалерии, с полковником Зелимханом во главе въехали в Кизляр. Встречные военные, ничего не подозревая, поравнявшись со смуглым, строго восседавшим на коне командиром, отдавали честь и продолжали путь. За ним таким же строгим конным строем следовала казачья сотня.

Зелимхан проявил себя и как военный стратег. На подступах к казначейству он разбил отряд на небольшие группы из 4 человек каждая, которые взяли под контроль все близлежащие улицы вокруг. А когда отряд подъехал к казначейству, главари шайки Саламбек Гороводжев, Аюб Томаев, сам Зелимхан и еще несколько человек быстро спешились и заскочили в здание, остальные организовали наружную охрану и держали наготове лошадей. Непрошенных гостей первым заметил кассир Копытко и, заподозрив неладное, запер на замок кладовую, а ключи метнул в окно на зеленую лужайку.

Чтобы никто не мог воспрепятствовать грабежу, абреки убивали всех, кого встречали на своем пути: это были не только казначеи, но и вкладчики, оказавшиеся в помещениях банка. Пальба шла вокруг казначейства и на близлежащих улицах. Так было задумано, чтобы посеять у всех страх. А в это время Зелимхан и его друзья сгребали в свои хурджины звонкие монеты. Вся операция длилась недолго, но жертвами ее стали 19 человек и четверо раненых. В числе первых был убит самим Зелимханом казначей Копытко за попытку припрятать ключи от хранилища денег. Абреки же до единого ушли целыми и невредимыми. Видавшие виды кадровые военные были вне себя от удивления удавшимся конным рейдом Зелимхана и его шайки в Кизляр.

О готовящемся нападении знали все: и атаман Кизлярского отдела, тот самый войсковой старшина Вербицкий, что был командиром военно-охотничьего отряда, и местная полиция, но поступавшим сведениям серьезного значения не придали, а начальника воинского гарнизона даже не поставили в известность. О том, что идет на Кизляр со своей шайкой «на отмщений Вербицкого», предупредил и сам Зелимхан. В письме Доногуеву он также говорит, что «дал Вербицкому перед тем знать я еду Кизляр».

После этого случая терская администрация выразила крайнее недовольство бездействием Вербицкого, авторитет его сильно пошатнулся. Начальник области Михеев был возмущен таким поведением подполковника. Вскоре уличенный в продажности и новых злоупотреблениях служебным положением Вербицкий вместе с рядом других коррумпированных должностных лиц был предан суду и таким образом избежал встречи и мести абрека, которая могла закончиться более трагично.

Однако ⁴³⁷великолепно проведенное нападение без каких-либо потерь со стороны шайки не оправдало надежд абреков. В своих хурджах они унесли всего 5 тысяч рублей и то большей частью медью. Для Зелимхана этот разбой должен был стать последним, так как после него он намеревался переселиться в Турцию, где о его прошлом и настоящем никто не знал, а с хорошими деньгами можно было неплохо устроиться. Но после того, как абреки поделили награбленное между такой оравой, все планы Зелимхана рухнули: слишком мал оказался куш, доставшийся ему.

Примечательно, что в состав шайки входил и один терский казак, некий Орлов. Русский по происхождению он оказался там совершенно не случайно. Не желая отбывать воинскую

службу, призывник Орлов покинул станицу и бежал к ингушам. Там он принял ислам, выучил их язык, женился на местной девушке и стал заниматься разбоем, как самым легким способом добывания средств к существованию. Он много еще промышлял разбоем, но потом все-таки попался. Ему припомнили и кизлярское дело. Вместе с пятью ингушами, которым инкриминировали этот разбой, в 1912 году его приговорили к смертной казни.

В области очень много расплодилось абреческих шаек и почти ежедневно происходили происшествия, связанные с насильственным похищением чужого имущества, убийством, нападением на гражданские объекты. Прошел слух и о том, что шайка разбойников во главе с Зелимханом намечает новое нападение, теперь уже на тюрьму, где содержатся его соратники Дадаша Карамурзаев и Магомат Газиявов-Ахмаров, пленившие с Зелимханом Месяцева. Все сведения проверялись, но не придавать им значения с первого дня, было нельзя.

Полковник Веселовский трезво оценивал обстановку и сообразно с ней управлял отрядом. С округов и отделов к нему поступали сведения о состоянии дел и мерах борьбы с абречеством. Поступил такой рапорт и от Вербицкого: «Мои меры – двинуть войска в Чечню и занять там мелкими командами все притоны разбойников, пользуясь для передвижения отрядов подводами и лошадьми чеченцев, постоянно, неожиданно, быстро и на большие расстояния передвигать команды разведчиков и казаков, а по аулам ставить просто пехоту. Тут нужно думать о спокойствии и «успокоении» края, а не о маневрах и обучении. У нас война».²²⁹

Одним из первых подтверждений, что это так, были рапорты о столкновении разведывательных команд военного отряда с абреками. Одно из них произошло в июне 1910 года. Абреки с помощью тщательно продуманных операций, проведенных одну за другой, захватили 200 лошадей и 7 быков, принадлежавших разным селам Грозненского и Назрановского округов. Получив срочные донесения о случившемся, начальник Грозненского округа, вызвал для содействия команду из 40 человек нижних чинов Ахульгинского полка, квартировавшего в Шатое, и немедленно отправился на место происшествия. Прибыв в сел. Галанчо́ж утром 23 июня, он произвел допрос свидетелей, а также корнета Смирнова, старшину Галанчо́жа Чока Бехова, и установил обстоятельства.

Начальник 4 участка Грозненского округа корнет Смирнов, узнав о том, что в окрестностях хут. Кулы скрывается огромный табун лошадей с быками, в числе которых есть и кони Зелимхана и Аюба, решил спешно отправиться к этому хутору, арестовать воров и весь похищенный скот, а затем разыскать их законных владельцев. Для подмоги себе он потребовал команду разведчиков Ширванского полка, стоявшего в сел. Ушкалой. Но верховых оказалось только 6 солдат, к ним он присоединил еще 4 своих милиционеров и отправился с ними на хут. Кулы. Но «на хуторе оказалось только 7 быков «плоскостных» и 38 уворованных лошадей, в числе которых были лошади абреков Зелимхана и Аюба Томаева (серая в яблоках)». Начальник участка Смирнов арестовал пастухов жителей хут. Кирибичи Джанарали Бесанаева, Писара Хажаяева – «родного брата Дуба и Бейсары, содержащихся в Грозненской тюрьме по подозрению в участии ограбления кизлярского казначейства, и ингуша, жителя Назрановского округа Алхаста Ванкиева. Затем разъезд направился к сел. Мередже́й, где было задержано еще 24 лошади».²³⁰

Из Мередже́я разъезд прибыл в сел. Галанчо́ж, где по предъявлении надлежащих документов, хозяевам выдавался их скот. Но дело это оказалось непростым, так как у одних коней умышленно были искажены клейма, а у других их не было совсем. Чтобы уберечь табун, начальник участка сдал его на хранение по описи помощникам старшин. Однако ночью лошадь, которая по предположению принадлежала абреку Аюбу, была украдена. Во избежание подобных попыток в дальнейшем, табун отогнали к озеру у подножия гор и сдали под охрану ~~с~~ солдат.

Весть об аресте скота быстро разнеслась по всем окрестностям и к сел. Галанчо́ж стал отовсюду стекаться народ. Собралось более 100 человек. Начальник участка Смирнов, подпоручик Константинов и трое арестованных под конвоем милиционеров направились в сторону горы к озеру, где пасся табун, а за ними последовали все прибывающие люди. С начальником участка были и местные старшины. Видя, что толпа подступает к табуну, Смирнов приказал толпе остановиться, а от подпоручика потребовал принять меры, чтобы не выхватывали лошадей без выданных разрешительных удостоверений, а сам со старшиной Чока Бехоевым начал проверять поданные ему свидетельства. Несколько лошадей,

бесспорность которых была очевидной, были выданы хозяевам. Толпа наседала, окружила начальника участка и пыталась прорваться к табуна. В это время перед табуном оказались два верховых чеченца, пытавшихся увести двух лошадей. Смирнов приказал милиционеру Дзурабову арестовать их и отвести к другим арестованным.

Брат одного из только что арестованных Гелага Бесанаев вышел из толпы и стал ходить вокруг табуна, выжидая момента. Ефрейтор Бахурцев стал отгонять его. В ответ Бесанаев ударил его плетью. Бахурцев тут же нанес ему удар прикладом. Младший офицер подпоручик Константинов, заметив происходящее, подъехал к Бесанаеву и ударил его нагайкой. Тот в свою очередь отстегал нагайкой самого подпоручика. Вышедший из себя Константинов достал револьвер и пытался произвести несколько выстрелов из него, но он дал осечки. Бесанаев воспрял духом, обнажил кинжал и грозно шагнул в сторону противника. Опасаясь за Константинова, старшины сел бросились на выручку и окружили Бесанаева. Но тот прорвался сквозь них и нанес Константинову удар кинжалом в левую руку. Стоявший недалеко рядовой Рыжков, увидев такое, выстрелом из винтовки парализовал правую руку самого Бесанаева. Несмотря на ранение, Бесанаев нанес еще два удара кинжалом все по той же руке Константинова. В это время в стороне раздался чей-то выстрел.

Галанчожский старшина Чока Бехоев, встревоженный такой пальбой и возбужденной толпой, поспешил на выручку начальника участка. «Он считал его своим гостем и согласно правилам шариата — «защищать своего гостя собственным телом», заслонил его собой. Между тем от подпоручика Константинова Гелага Бесанаев бросился к участковому, но не имея возможности дотянуться до него, бросил ему в спину кинжал, который причинив корнету Смирнову резаную рану длиной в два вершка и глубиной до полувершка, отскочил».²³¹ В момент, когда он напал на начальника участка, солдаты произвели по нему несколько выстрелов. Несмотря на то, что Бесанаев был ранен, он подхватил отскочивший от Смирнова кинжал и бросился на стрелявших солдат. Находившийся в их рядах рядовой Рыжков выстрелил в Бесанаева прямо в упор. Теперь бой завязался с Рыжковым. Бесанаев ударил Рыжкова кинжалом по голове. Тот упал, и тогда Бесанаев вонзил кинжал ему в грудь.

Еще до ранения Рыжкова солдаты выстрелили в Бесанаева и ранили его в рот, грудь и живот. Теперь он бросился на подпоручика Константинова, но на миг остановился, поднял руки вверх, выкрикивая: «Алла! Алла!». В это время рядовой Гонтурев выстрелил ему прямо в сердце. Пуля прошла навылет и смертельно ранила стоявшую за ним лошадь. После этого солдаты сделали несколько выстрелов в наседавшую толпу, которая бросилась врассыпную и больше не появлялась. Напуганные залпами лошади сорвались с места и тоже понеслись. Воспользовавшись суматохой, арестованные чеченцы, все пятеро, бежали и растворились в толпе. Нападение на разъезд было пресечено. Среди нападавших, несомненно, были и абреки. Возможно, к табуна имели отношение Зелимхан и Аюб. Об этом свидетельствует то, что в табуна находились их лошади, выкраденные потом сподвижниками.

Спецотряд выполнил возложенные на него задачи. Последовательная борьба и военная оперативность за более чем три с половиной года постепенно сковали действия абреков, рассеяли и уничтожили самые известные шайки, а осенью 1913 года убили и самого Зелимхана, служившего знаменем кавказского абречества. С устранением Зелимхана был ликвидирован и военный отряд.

Но это, забегая вперед. А пока отряд исправно исполнял свои охранно-карательные обязанности. Исходя из ведомости о его деятельности за полугодие с 19 декабря 1909 по 19

июня 1910 года, по вызову центральной администрации с разрешением применять оружие команда выходила 61 раз, из них в пешем порядке — 36, в конном — 25. По собственному почину — 118 раз, из них в пешем — 86 и конном — 32; всего — 179 раз. Больше всего вызовы пришлись на Сунженский ~~48~~ отдел — 11 раз, Грозненский и Назрановский округа — 31 и 90 соответственно. Меньше всего воинские части направлялись в Нальчикский округ — 3, из отделов в Моздокский — 2, а Пятигорский отдел вообще не вызывал.²³²

Кизлярский отдел и Хасав-юртовский округ оказались в зоне средней активности разбойников. Разгул криминала не исключает влияния на него сезонности, природно-климатических и других условий, он больше всего приходится на теплое время года. Но нередко остается значительным и в зимнее время. Так, за две недели с 1 по 15 февраля в зимних условиях воинские части выходили для борьбы с разбоями и наведения порядка 124 раза, из них — в Назрановский округ — 45 раз, во Владикавказ — 14, несмотря на то, что

последний был центром всей Терской области и там находилась резиденция самого начальника, атамана Терского казачьего округа.²³³

Одной из мер в борьбе с грабежами и разбоями было лишение права ношения оружия. Причем, это касалось только местного населения, и наибольшее распространение оно получило на Северном Кавказе, где оружие было в ходу больше, чем где-либо. Власти с помощью казаков, милиции и армии обезоруживали горское население всеми возможными способами и всюду, где только происходили встречи с горцами: в городах, селах, особенно на дорогах и близ казачьих станиц. Подобные акции проходили непросто, они сопровождалась жестоким сопротивлением со стороны владельцев оружия, так как для горца, как и кинжал, ружье или пистолет были неотъемлемой вещью к черкеске в их повседневной жизни, полной риска: они обеспечивали ему безопасность, успех на охоте, защиту жилища, хозяйства, а также от кровников.

Самоуправство чиновников и грубое наведение «порядка», походившие больше на оккупационные действия, не только не подавили антирусские настроения у отдельной части населения, но заметно подогревали их. Обезоруживание воспринималось ими, как посягательство на жизнь и свободу. В архивах отложилась не одна сотня документов, свидетельствующих об этом. Вот один из них. Он приводится целиком, как показательный. В рапорте командира 6 сотни 1 Кизляр-Гребенского генерала Ермолова казачьего полка сотника Попова от 13 июля 1910 года говорится: «Сегодня в 5 часов утра с 8-ю казаками и начальником участка капитаном князем Джаваховым, по требованию последнего выезжал по направлению к селению Долаковскому для задержания злоумышленников, которые по полученным негласным сведениям, должны были ехать к нам навстречу. По дороге мы встретили двух туземцев, ехавших на фургоне, у которых с трудом были отобраны трехлинейная винтовка и 30 боевых патронов к ней, а также берданка с таким же количеством патронов. Арестовав одного из них, мы отправили его в ставку начальника участка с милиционером, а сами поехали дальше.

Проехав версты две, мы заметили одного верхового туземца, скакавшего наперерез арестованному с целью перехватить и отбить последнего у милиционера. Я послал урядника Солныш-кина и казака Селенкова навстречу скакавшему туземцу, чтобы перехватить его, как вдруг услышал выстрел, произведенный со стороны туземца, и поскакал туда со всеми казаками. Между тем стрельба продолжалась. Я выскочил на гору и увидел убежавшего от нас по кукурузе туземца и взад по нашему направлению стрелявшего. Я приказал дать по нему залп, после которого тот упал с лошади в кукурузу, а лошадь побежала, и он из кукурузы произвел еще несколько выстрелов, а потом стрельба прекратилась, и нам его не стало видно.

Предполагая, что он еще жив, я приказал тут же находившемуся на работе ингушу, идти уговорить туземца сдаться, так как перед этим видели, как стрелявший туземец стоял и разговаривал с ингушом. Тот отказался, но я силой заставил его исполнить мое приказание, и он пошел. Но когда он прошел шагов двадцать, то со стороны туземца еще раздалось два выстрела. Произвели и мы несколько выстрелов.

К этому времени стала валить толпа вооруженных ингушей из сел. Верхний Ачалул, которой я приказал разыскать стрелявшего в кукурузе, причем в таковой и был найден стрелявший туземец убитым, винтовка же последнего тут же толпой была скрыта. С большим трудом, с наведенными винтовками в толпу, в которой уже к этому времени насчитывалось до 200 верховых человек, вооруженных кинжалами, а некоторые винтовками и кремневым оружием, удалось отогнать от себя эту разъяренную толпу, готовую с момента на момент броситься на нас. Я приехал в сел. Верхний Ачалул. Находя после этого случая весьма рискованным отправлять в Назрань для связи разъезд в 4-5 человек, а также находя, что вверенная мне команда в числе 17 человек слишком мала для несения службы в Сагопше, прошу ходатайства о прекращении высылки такого малого разъезда в Назрань и о доведении вверенной мне команды до 30 человек, так как слишком заметно враждебное отношение к нам всех ингушей.

Пока пишу я этот рапорт, а начальник участка приказывает старшине доставить фуража для лошадей и провиант для людей, ингуши всего Верхнего Ачалука собрались против ставки начальника участка и стали угрожать неистовыми криками и жестами рук по нашему направлению; больших трудов стоит разгонять ее, не употребляя оружия. Ни фуража, ни провианта жители не дают, почему вполне возможно вооруженное столкновение с верхне-

ачалуковцами. Подлинный подписал сотник Попов».²³⁴

Запрет на ношение оружия налагался и на целые села. Для этого не нужен был какой-то особый повод. Администрация исходила из многолетнего опыта наблюдений, и села, зарекомендовавшие себя как беспокойные, при первом же отступлении от закона, попадали в этот разряд. Так, начиная с приказа по Терской области, изданного еще в 1893 году тогдашним начальником Терской области генерал-лейтенантом Семеном Васильевичем Кахановым, по 1909 год права ношения «всякого рода оружия» были лишены 66 селений. Причем, особенно отличились Хасавюртовский, Назрановский, Грозненский и Веденский округа, где по одному приказу Начальника области прошли сразу от двух до пяти населенных пунктов.²³⁵ Привести в действие приказ было совсем непросто, всякая подобная попытка натывалась на дружное сопротивление общества и грозило перерасти в вооруженный бунт. Этнический монолит: один за всех, все — за одного, вынесенный из глубокой древности, делал эти народы неприступными для местной администрации. Оставалось одно — разоружение каждого по отдельности или группами по мере встреч и перехватов казачьими или армейскими нарядами. На тотальное разоружение не хватало политической воли, слишком велик был страх вызвать новую Кавказскую войну.

В борьбе с абречеством и разбоями кавказская администрация широко использовала агентурную сеть, поощряла доноительство, оплачивая по 50 рублей за каждое отобранное по наводке незаконное оружие. Такое сотрудничество давало неплохие результаты, а отдельные люди зарабатывали на этом хорошие деньги. По доносу одного только Магомета Саралиева из Экажево было отобрано у жителей сел Барсуковского, Сурхо- хи и Гамурзиевского 6 берданок, 1 трехлинейная винтовка и револьвер казенного образца. Заработок составил 400 рублей.²³⁶

Терская администрация постоянно занималась вербовкой агентов, среди которых было немало кровников Зелимхана. С их помощью ей удавалось проникать в замыслы Зелимхана. Так, 22 сентября 1909 года начальником Грозненского округа было получено сообщение о намерении Зелимхана взять в плен кого- либо из богатых людей в Грозном. А 30 сентября планировалось нападение на нефтепромышленника Максимова. И то и другое были сорваны.²³⁷

В городе Шуше около 60 революционно настроенных студентов, преимущественно армяне, постановили привлечь Зелимхана для достижения своих целей. Для этого в Чечню были командированы 5 студентов. Они долго добивались встречи с Зелимханом. Наконец они вышли на жителя сел. Шали Шахида Борщикова, который устроил им желаемое свидание. Случилось это 19 апреля, когда в селении по случаю приезда студентов организовали совещание с участием 22 человек. На него попали также лазутчики — один из сел. Анди, другой Баммат Гирей-Хаджи, а также ногаец. Студенты привезли для Зелимхана красно-черный флаг анархистов, четыре бомбы и печать с надписью: «Группа кавказских горных террористов-анархистов. Атаман Зелимхан». С это времени все свои послания Зелимхан заверял этой печатью, а иногда вместе с другими, которых у него было несколько. На совещании студенты говорили, что скоро ожидается война с Китаем, и как только она начнется, вся революционная Россия поднимется, и тогда чтобы Зелимхан поддержал революцию.

В знак своей верности Зелимхану студенты дали своеобразное обещание. Один из них бросит бомбу в генерала Степанова, исполняющего обязанности начальника Терской области, и в ротмистра Зайнутдина Доногуева. Для этого он сегодня же отбудет в Грозный. Другой студент бросит бомбу в магазин господина, с которого Зелимхан требует 7 тысяч рублей, если он не внесет деньги в будущий четверг. Третий обещал взорвать мосты, когда будут проходить войсковые части, вызванные по ложной тревоге. Четвертый и пятый студенты обещали доставить точные сведения Зелимхану, когда будут идти поезда с большими деньгами, и на условленном месте остановить их с помощью тормоза Вестингауза. Первым делом Зелимхан должен был ограбить почту, которая идет от Гудермеса в Шелковскую станицу и дальше на промыслы. Начальник станции Гудермес в сговоре с Зелимханом и он обещает сообщить ему, когда будет проходить поезд. Назвавшиеся в помощники студенты решили подъехать ночью к колодцу, что около почтовой дороги. На другой день напасть на почту, и в этот же день уйти в горы.²³⁸

Студент, который должен был совершить покушение на Степанова, отправился в Грозный, где в то время находился генерал. Вслед за ним приехал и ногаец, но приехал он туда для

того, чтобы предупредить и выдать студента властям. Ногаец посоветовал убраться из Гудермеса, и тогда, почувствовав безопасность, непременно будет нападение на почту, где их можно потом встретить другими силами. В шайке Зелимхана находился брат ногайца. Он сообщил, что Зелимхан отказался от мысли брать кого-либо в плен, но будет нападать на почту и казначейства.

Место несчастного столкновения войска въ Ассинскомъ ущ. съ Зелимъ - Ханомъ.

Студенты, по всей видимости, рассчитывали, что он включится в их борьбу и будет действовать по заданию центра. Но больше всего им нужна была финансовая подмога отчаянного абрека, для чего предложили идею и свою помощь в налете на почтовый поезд.

Но какой из Зелимхана революционер? У него свои счета с администрацией и кровниками и свои дороги к ним. На тот период его волновал чехкиринский пристав. В письме на арабском языке, найденном в доме адресата, и, по-видимому, выполненном кем-то по просьбе Зелимхана (он был почти безграмотен), говорится: «Дорогому моему брату дубаюртовцу Джабраилу Маашеву. Салам и маршула (почеченски привет и будь здоров

— авт.) тебе и твоим родственникам. Джабраил, что было тебе поручено относительно Чехкиринского (слободы Воздвиженской) пристава о его выезде куда-нибудь не оставь без внимания. Прошлый раз, когда я был на плоскости переданные тебе деньги для передачи автуринцу Ряжи-хажи, находившемуся в Грозненской тюрьме, передал ли

или нет, известие об этом передай через зазергановца Исапила в селение Таузенъ. О выезде Чехкиринского пристава немедленно сообщи Исапилу, тогда мне будет известно. Джабраил не оставь без внимания о наблюдении за выездом пристава. Я передал караульщику Омару, чтобы он не препятствовал тебе ездить в лес. Сообщи, передал ли ты ружье, которое я тебе поручил передать. На Аргунском мосту есть ли тавлины или нет, сообщи об этом. На все вопросы напиши ответ через Исапила. Письмо это пишет скрывающийся Зелимхан. Джабраил, ты сам должен знать, кто тебе пишет».²³⁹

Что стало с приставом, о передвижении которого с такой настойчивостью требовал сведения Зелимхан, скрывавшийся от властей и своих кровников, неизвестно, в архивах никаких следов не обнаружено. Но можно полагать, зная беспощадность абрека, что встреча их состоялась, и исход ее был трагический. К многочисленным кровникам Зелимхана это добавило еще.

Между тем Зелимхана больше интересовали деньги, в которых нуждались он сам и его

семья. Вынашивая план очередного разбоя, выбор Зелимхана пал на крупного овцевода – тавричанина Архипа Месяцева. 30 августа 1910 года Зелимхан во главе шайки из 15 человек в 40 верстах от Хасав-юрта в глухих кизлярских степях, где находилось имение намеченной жертвы, взял Месяцева в плен прямо у него дома вместе с управляющим Фроловым. В этой операции с ним участвовали Гушмазуко, Солтамурад, Аюб, Саламбек, Эски, Зока и его агенты-осведомители жители селения Кий Телик Идигов, Шишик Алдагов и другие. Во главе всадников опять, как в кизлярском случае, ехал офицер теперь уже в мундире есаула Терского казачьего войска. Это был Зелимхан, который не раз еще будет переодеваться в мундир царского офицера (одновременно наряжая шайку в солдатскую или казачью форму), чтобы ввести в заблуждение окружающих во время очередного разбойного налета.

Архипа охватила тревога. Овцевод приказал жене и детям получше спрятаться, а обслуге вооружиться и быть готовыми к любому повороту событий. Однако это не помогло. Решительность и твердость нежданного офицера сломили всякую волю охраны имения, и Зелимхан с Саламбеком беспрепятственно вошли в усадьбу овцевода, где в углу одной из комнат стоял с пистолетом в руках хозяин имения.

– Не делай глупости! Брось оружие! – приказал есаул Зелимхан. – Поговорить надо.

Месяцев, поняв, с кем имеет дело и что исход поединка в любом случае будет не в его пользу, подчинился. Потом они прошли в кабинет Месяцева. Чтобы не было никакой утечки информации, Зелимхан приказал взять под охрану дом, а также никого не выпускать из него. Принятые меры придавали уверенность Зелимхану, но разговор был все же короткий.

– Я – Зелимхан, – признался человек в офицерском мундире, среднего роста, с подстриженной бородкой и косивший на один глаз. – Так вот, ты человек богатый, тебе люди много добра и денег заработали. Аллах говорит, что ты должен поделиться. Если хочешь остаться живой как есть, заплати мне дань 15 тысяч рублей.

– Откуда их взять? Да разве держат такие деньги в доме? – взмолился овцевод.

– Где хозяйка? – возмутился Зелимхан, надеясь выудить всю правду у нее.

– Ее нет дома, – лукавил Архип. – Она в Шали.

Не нравилось все это Зелимхану, и он сказал тогда, что пленит Архипа, а он должен написать ей письмо, чтобы привезла ему указанные деньги, не то муж никогда не вернется домой. В конце письма было указано место передачи денег и предельный срок.

На следующий день Пржевальский, остававшийся во Владикавказе за начальника области, направил в Моздок находящемуся там генерал-губернатору Михееву телеграмму: «Котляревский телеграфирует, что вчера полдня шайка Зелимхана взяла плен Фролова и Месяцева ограбила золотых дел мастера захватила семь лошадей и потребовала 15 тысяч выкупа девятидневный срок ночью скрылась направлению Веденского округа».²⁴⁰ Примерно такого же содержания 31 августа Пржевальский направил телеграммы и начальникам Веденского и Грозненского округов, но с тем добавлением, что просил принять меры по розыску и задержанию шайки. Местная администрация, узнав о случившемся, тут же, не дожидаясь указаний сверху, провела облавы, чтобы с поличным захватить грабителей, освободить пленных, отобрать у них ворованных и принадлежащих им самим лошадей. Из Хасав-юрта в погоню отправился воинский отряд, напал на след Зелимхана и почти настигал абреков, но помешали местные чеченцы. Они посредством обмана направили отряд в другую сторону, и Зелимхану с друзьями удалось рассеяться и скрыться в горах.

В числе преследователей были также кровник Шугаип и его два товарища. Они не поддались обману, зная повадки своих соплеменников, и с несколькими казаками пошли по действительному следу. Настигнув группу Зелимхана во время отдыха в лесу, они в кинжальном рукопашном бою с применением оружия убили отца и брата – Гушмазуко и Солтамурада – и ранили самого Зелимхана, спасшегося бегством, бросив оружие и папаху.

Вскоре наступило и время расчета. Деньги должен был получить Аюб на станции Самашкинской. Когда их доставили, Аюб отправился в явку Зелимхана и сообщил ему, что деньги за Месяцева привезли и требуют его выдачи. Но Зелимхан отказал. Он просил передать, что после потери своих родных выкуп увеличен до 18 тысяч. Семье овцевода ничего не оставалось, как согласиться, и на следующий день сделка состоялась. Местом передачи повышенной суммы денег была теперь выбрана станция Слепцовская, куда их в полной мере привез сын овцевода Проня.

Захват пленников и хороший выкуп за них пришлись по душе Зелимхану. Этому он научился у Османа Мутуева, когда после побега из Грозненской тюрьмы они вместе пленили на Керкетском перевале инженера Байздренко, купца Хренова и получили за них две тысячи выкупа. Память об этом никогда не покидала его и, когда организовал шайку, он ввел пленение в моду. В последующем он также хотел поступить на Керкетском перевале с подполковником Чикалиным. Но тогда у него случилась промашка – пленник бежал. Пленение с целью выкупа всегда дело более хлопотное: захваченных надо кормить, где-то содержать, прятать от сыщиков и посторонних людей, ставить охрану или самому не спускать с них глаз. Убить всегда можно. Но убийство не приносит деньги, так как их при нем может не оказаться. Поэтому лучше пленить человека, а потом за него потребовать деньги, да таких, каких он стоит. Это дело куда вернее, признавался себе Зелимхан, и твердо следовал этому принципу.

В это время в Назрановском округе произошла смена власти. Его новым начальником (исполняющим обязанности) стал Андроников Георгий Александрович, происходивший из грузинских князей Тифлисской губернии. Как видно из послужного списка он воспитывался в Николаевском кавалерийском училище, который успешно окончил по первому разряду. Был женат на дочери отставного капитана девице Екатерине Слевицкой, от которой имел двух дочерей. Андроников увлекался фехтованием, преуспевал в верховой езде, за что на больших соревнованиях неоднократно получал награды и денежные премии. А в 1902 году с Высочайшего соизволения был командирован в Италию в гор. Турин для участия в международном конном состязании. Несколько раз был командирован в дальнюю поездку разведчиков. Помимо всего он был очень инициативен на работе. «Загоревшись желанием во что бы то ни стало изловить дерзкого абрека, писал о нем начальник области главнокомандующему кавказскими войсками, он прежде всего постарался выяснить местопребывание его семьи, будучи уверен, что с ней несомненно живет и сам Зелимхан. Проверив свои предположения, благодаря умению привлекать людей и располагать их к себе, Андроников доложил об этом начальнику области. Последнему идея Андроникова показалась вполне реалистичной, и он сформировал особый отряд. Общее руководство было поручено осуществлять Андроникову. Одновременно, чтобы принудить Зелимхана сдаться, было решено арестовать его семью и этапировать ее в одну из отдаленных губерний России – в Енисейскую.

В самом начале задуманной операции ставка снова стала делаться на разведчиков. Поступавшие агентурные сведения тут же тщательно, на сколько было возможно, проверялись и перепроверялись, тем более что большинство местного населения оказывало сильное противодействие. Данные лазутчиков командира б сотни Дагестанского конного полка Доногуева и исполняющего дела начальника Назрановского округа Андроникова о местонахождении семьи Зелимхана и его самого «вполне сходились». Проанализировав их еще раз, Доногуев и Андроников составили план действия, подробности которого были известны помимо них только начальнику Терской области Михееву, заместителю на Кавказе Воронцову-Дашкову, командиру сотни постоянной милиции капитану Шадиеву и начальнику 3 участка штабс-капитану Беймурзаеву.

План держался в таком строжайшем секрете, что даже начальники команд, отдельных взводов, не знали, зачем и куда они выступают. Каждому из них указывалось только направление и название одного из аулов, по прибытии в который они должны были распечатать пакет с сургучной печатью и исполнять то, что предписано в нем. Такие меры предосторожности были вызваны тем, что, как отмечал Доногуев, «агентура Зелимхана стоит гораздо выше, чем наша».

По результатам последней разведки семья Зелимхана находилась на горе Черх-Корт Тионетского ⁴⁴⁴ уезда. Решено было блокировать этот район. 12 сентября все команды были приведены в действие. Пехотными частями из отряда полковника Веселовского заперли все выходы со стороны Терской области, а два выхода со стороны Тионетского уезда коннодагестанцами под командой поручика Саидова. Передвигаться приходилось по сильно пересеченной местности, больше пешком и гуськом, в ожидании, что на каждом шагу их могут встретить огнем из засады.

15 сентября 1910 года Доногуев и Андроников повели наступление с северной стороны, имея во главе колонны абрека, который согласился показать жилище Зелимхана. Оно находилось на северо-западе Черх-Корта на высоте 3-4 верст. Но к приходу войск в жилище уже

никого не было: «Зелимхан бежал и скрылся в горах, оставив семью со всем имуществом». Рядом находились лошади, корова и разбросанные предметы домашнего обихода. Отряд сжег жилище, захватил все трофеи, двинулся дальше по предполагаемому следу и вышел на снежную гору. Ближе к полуночи корнет Бейбулатов и «его люди» обнаружили костер на неприступной скале. Это был бивак Зелимхана.

16 сентября на рассвете охотники начали штурм высоты. Отряд дагестанцев под командой взводного урядника Ихлаза Арсланбекова, следуя за абреком-проводником, достиг семьи Зелимхана в одной из пещер и доставил на пост, расположенный на берегу реки Ассы на западном склоне Черх-Корта. Два следующих дня 17 и 18 сентября были потрачены на поиски самого Зелимхана, бежавшего и на этот раз, но они были безуспешными: ему удалось незамеченным прорваться через все окружение. Вместе с ним ушли его младший брат Бийсултан и житель сел. Нельх Эльберт Андоркаев. Затем по приказанию Андроникова саперная команда поручика Афанасьева взорвала остатки сакли Зелимхана и три дома, принадлежавшие нельхинцам-укрывателям Азамату Астемирову, Эльберту Андоркаеву и Дауту Долакову, после чего сотня, захватив с собой семью Зелимхана с вещами, начала возвращаться назад и взяла курс на сел. Эгикель Хамхинского общества.

Все считали, что абрек так просто семью не сдаст, что он где-то рядом и обязательно попытается ее отбить. Князь Андроников, будучи убежден в этом, решил обратный путь держать через Ассиновское ущелье, где ожидалась засада Зелимхана, надеясь, во время его попытки отбить семью, взять его живым или убить. С учетом этого он составил план дальнейших действий: 19 сентября переночевать в сел. Эгикель, а утром следующего дня двинуться к хутору Ерш, занять Ассиновское ущелье, а чтобы Зелимхан не ускользнул совсем, взять под контроль и высоты ущелья.

Как и было задумано, утром 20 сентября отряд выступил из сел. Эгикель по единственной горной тропе к Ассиновскому ущелью и хутору Ерш. Зная повадки абреков, некоторые местные жители предупредили отряд быть начеку. «Иной встречи с Зелимханом, — отмечал потом в своих показаниях ротмистр Доногуев, — мы и не предполагали, как обыкновенно и встречаешься с абреками, засевшими в скалах, землянках и домах, зачастую расположенных на окраинах аулов. 14 числа нам было точно известно, что при Зелимхане есть житель сел. Нельх — Даут Долаков, 14-летний брат его Бийсултан и сам Зелимхан, но никак не ожидали, что жители количеством до 30 человек, вооруженных всевозможными ружьями могут нам сделать засаду в 5-6 местах по обеим недоступным склонам гор Ассиновского ущелья.²⁴¹

Перед входом в ущелье Андроников остановил отряд, еще раз проинструктировал его, а Доногуев потребовал, чтобы офицеры находились при своих взводах и со своими людьми и были в полной готовности ко всяким случайностям. В это время разведка донесла, что Зелимхан находится поблизости, в окрестностях Цоринского и Хамхинского обществ и внимательно следит за отрядом, имея намерение отбить свою семью и имущество.

Согласно выработанному плану движения сначала на тропу вышел головной отряд из 10 человек под командой юнкера Темир-Гусейнова, от которого тут же был выслан вперед дозор. Но независимо от этого Беймурзаев с 5 стражниками по собственной инициативе выехал раньше дозора и все время находился впереди для предупреждения отряда в случае засады. Непосредственно за головным отрядом ехал капитан Шадиев со своими милиционерами, затем следовала посаженная на лошадей семья Зелимхана под конвоем всадников сотни. Конвой двигался гуськом справа по одному, так как иное движение по узкой тропе было невозможно. Справа и слева вдоль тропы тянулись скалы, покрытые лесом, и никаких горных троп на вершинах скал не было, в связи с чем высылка боковых дозоров была исключена. Однако наличие большого риска вынудило отряд выделить 10 ходоков и лазунов по горам из всадников урядника Ихлаза Арсланбекова, которые должны были при обнаружении Зелимхана тотчас же искать обход, чтобы выйти злоумышленникам во фланг или в тыл. Остальным было приказано, чтобы в случае перестрелки первые номера передали лошадей вторым, а сами как можно скорей подключились к бою. От господ офицеров снова потребовали, чтобы находились на своих местах, а поручику Улубиеву было приказано следовать замыкающим колонну в арьергарде.

В таком порядке 20 сентября сотня двинулась вниз по ущелью реки Ассы, имея только узкую, едва проходимую тропу. Поскольку она вьется по обеим берегам бурной реки, нужно было попеременно переходить с одного берега на другой «через качающиеся узкие мосты кавказского образца». Следуя таким образом по ущелью, отряд без всяких происшествий

добрался до второго моста. Впереди ехавшие милиционеры и дозор спокойно преодолели его.

Перед мостом течение Ассы и тропа делали зигзаг. Это позволило абрекам устроить засады в нескольких местах, благодаря чему стрелять можно было и спереди в упор и с боков.

После дозорных к мосту подошла головная колонна основных сил с семьей Зелимхана. Первым на него въехал Андроников. Доногуев остался на месте, дожидаясь, пока Андроников преодолеет мост. Но как только князь достиг его середины, с противоположного берега раздался выстрел. Это стрелял Зелимхан и не в кого угодно, а в самого главного. «Терские ведомости» сообщали потом своим читателям, что князя Андроникова убил Зелимхан. За этим выстрелом тут же последовали еще три, после чего, как отмечали в своих показаниях Доногуев, Бек-мурзаев и другие, «был открыт убийственный огонь из засад».

Первыми же выстрелами был ранен и Доногуев. Зелимхан и его шайка рассчитывали посеять панику, поразив первых лиц в команде. Но этого не произошло. Теряя сознание и еле держась в седле, Доногуев приказал открыть огонь. Один из подоспевших всадников успел снять командира с лошади, прежде чем он потерял сознание. Вскоре Доногуев пришел в себя и продолжил руководить боем, одновременно стреляя из нагана по абрекам. Рядом с ним отстреливался его вестовой Даньял Эльдар, но вскоре был сражен пулей в голову.

Превозмогая боль и головокружение, Доногуев взял винтовку вестового и начал отстреливаться. В какой-то миг пуля попала прямо в ствол винтовки и погнула его. Почти в тот же момент почувствовал сильный удар в плечо, после чего окончательно потерял силы. Но к счастью в это время подоспела подмога, основные части отряда обрушили залпы огня в расположение абреков, и вскоре их огневые точки замолкли. Прекращению огня способствовал также обход абреков, организованный прапорщиком Измайловым. Он и 4 всадника, сняв обувь, с большим трудом поднялись на скалу, вышли им в тыл и открыли огонь. Абреки не ожидали такого, обстреливаемые со всех сторон, бежали. Ушел и Зелимхан, которого хотели взять на дорожную приманку.

В Ассиновском столкновении участвовало около 30 абреков. В этом сходятся все показания. Беймурзаев пишет, что, «судя по выстрелам из засад, абреков было человек 30. Полагаю, что все эти абреки не кто иные, как жители сел Нельх, Кеки и других аулов Назрановского округа». Отмечая такое же число абреков, Доногуев заключает: «Думал, если встречу Зелимхана, то с одним или двумя товарищами, а никак не с таким количеством жителей, как впоследствии выяснилось».²⁴²

Весь остаток дня до самого вечера отряд занимался сбором убитых, оказанием первой помощи раненым и доставкой их на хутор Ерш. Отряд понес большие потери. В Ведомостях о вознаграждении семьям убитых и раненым на основании закона от 18 марта 1909 года говорится: «После 5-часовой непрерывной перестрелки оказались убитыми: начальник округа ротмистр князь Андроников, поручик 3 Кавказского саперного батальона Афанасьев, один милиционер 4 сотни Терской постоянной милиции Цыганков, проводники — житель Цоринского общества Мишхиев и житель Хамхинского общества Чоплоев. Ранены: командир 6 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Доногуев четырьмя пулями, 5 всадников его сотни, милиционер 4 сотни Терской постоянной милиции Козлов. Лошадей убито 10, ранено 4. Кроме этого убиты лошади переводчика прапорщика Кадиева и лазутчика Юсупа Долакова. Из абреков, по заявлению некоторых участников перестрелки, убит 1 и ранен 1, причем оба унесены товарищами».²⁴³

Сумма вознаграждения была определена в 4000 рублей. Подсчитали и стоимость потерь в лошадях. Все эти деньги предполагалось взыскать с жителей Назрановского округа. Начальник Терской области обратился к наместнику утвердить такое решение, на что последовал ответ: «Главнокомандующий войсками счел наиболее удобным взыскать эти деньги с виновных или же отнести на штрафные суммы Терской области (4000 руб.). Увеличивать же для вышеуказанной надобности сумму штрафа, определенного ко взысканию с ингушей Назрановского округа, на 2060 рублей, составляющие стоимость утраченных лошадей, ... считает излишним».²⁴⁴ По особому ходатайству начальника области вдове Андрониковой с четырьмя детьми была установлена пенсия из государственного казначейства по 2252 рубля в год.

Армия и ее офицерский состав находились под постоянным контролем царя. Офицеры не только высших, но и низших званий были на особом учете. На имя Его Императорского Ве-

личества поступали донесения не только об их заслугах перед Отечеством, получении генеральских чинов, но и о погибших при выполнении боевого задания даже в мирное время. Немедленно докладывалось «вверх» и в случае каких либо трагических происшествий. Терская область не была исключением. Вот один из таких примеров. «9 числа августа 1902 года начальник 2 участка капитан Высоцкий за занятиями в участковой канцелярии... убит из огнестрельного оружия двумя выстрелами, произведенными с улицы в окно». Об этом начальником Владикавказского округа Вырубовым было срочно сообщено не только начальнику Терской области, но и Государю Николаю 11.245 Надо полагать, что не каждое донесение такого рода ложилось прямо на царский стол, но то, что в его канцелярии был заведен такой порядок, говорит о многом.

Неудачу с вызволением семьи Зелимхан переживал тяжело. Он понимал, что лишился ее надолго, а может и навсегда. Ожидание смерти и предательства, сознание постоянной охоты за ним властей и кровников все более удручали его. Несмотря на твердый мужской характер, иногда он впадал в состояние жуткой депрессии. Но проходило время, в нем возрождался дух мести, и он снова становился тем, кем был. В минуты такого малодушия и отчаяния он мог поступиться и своими принципами.

Близкие Зелимхана видели, что он устал от жизни загнанного зверя и пытались ему помочь. Особенно старалась двоюродная сестра Деши Заракаева. В такие минуты она не раз советовала и уговаривала Зелимхана оставить абречество и разбои и попросить начальство, чтобы простили его и разрешили жить мирно. В какой-то момент он поверил, что это возможно, если начальство благосклонно отнесется к нему и пойдет на мировую: ведь от постоянной тревоги и кровавого террора устали все. Зелимхан понимал, что как лидер абречества, он подавал великий пример успешного разбойника, и с его уходом разбои совсем не прекратятся, но их станет значительно меньше. Поэтому начальство может пойти на это ради всеобщего мира в крае.

Однако природный ум Зелимхана подсказывал ему другое— не делать этого, ибо ничего не даст. Но искушение было так велико, что он все же обратился к главе Терской области генералу Михееву с ходатайством о помиловании и обещанием никогда и никому не причинять более зла и зажечь тихой мирной жизнью.

Письмо знаменитого абрека стало неожиданностью для всей администрации. В тот же день канцелярия Терского казачьего войска с коротким пояснительным сопровождением своего Атамана направила его Наместнику в штаб Главнокомандующего Кавказскими войсками. Не дождавшись каких либо особых указаний на этот счет со стороны Воронцова-Дашкова, Михеев с нарочным доставил его копию во владикавказскую газету «Терек». По мнению генерала общество обязательно должно было знать о происшедших вдруг переменах в настроении и сокровенных движениях души главного террориста края. Редактор-издатель Сергей Казаров, большой любитель таких сенсаций, опубликовал это письмо буквально на следующий день. Читатели были в восторге от него: ведь Зелимхан и его похождения были постоянно у всех на устах.

«Несколько времени назад, — сообщала газета, — вр. генерал-губернатором г.-л. Михеевым было получено от знаменитого абрека Зелимхана письмо, написанное на арабском языке.

Выражая желание сдаться в руки властей, Зелимхан в письме указывал, что он стал абреком благодаря несправедливости отдельных представителей окружной администрации, потому что видел вокруг себя зло. Вместе с тем он просил генерала Михеева взглянуть на его дело беспристрастно и помиловать его».

Вслед за газетой генерал-губернатор разослал всем начальникам округов области, за исключением Нальчикского, следующий циркуляр:

Я получил от абрека Зелимхана Гушмазукаева письмо, в котором он, описывая причины, побудившие его стать абреком, просит меня расследовать и убедиться в правдивости его слов и затем «во имя Бога и царя» помиловать его.

Предлагаю объявить всем муллам и кадиям, для оповещения населения в мечетях, что письмо Зелимхана я прочел и со своей стороны отвечаю:

...Мне известно и без указаний Зелимхана, что на царскую службу иногда принимаются люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Мне также хорошо известно, что от этого страдает служба и справедливость и что с этим злом надо бороться беспощадно. Но зачем Зелимхан говорит о них, когда он первый отступил от закона, когда он

больше нарушил его больше, чем кто-либо, сделавшись абреком.

Всякий виновный в нарушении закона преследуется по закону же, а не тем путем, который избрал себе Зелимхан, не путем произвольного насилия и убийства, которых никогда не одобрит ни Бог, ни государство, ни человеческая совесть. Пусть Зелимхан знает, что я как представитель закона и порядка в области считаю его, Зелимхана, самым крупным нарушителем закона и виновником перед Богом и царем, а потому заслуживающим понести тяжелую кару...

Относительно же его просьбы о помиловании добавляю, что, во-первых, миловать я не в праве. Это не в моей власти. Эта власть принадлежит только царю. Во-вторых, меня крайне удивляет, что Зелимхан говорит о помиловании.

Где же его уважение к закону, если он же склоняет меня на беззаконие, то есть призывает к помилованию, тогда как я во имя закона обязан судить его.

Закон, конечно, примет во внимание чистосердечное признание, но во всяком случае Зелимхану следует помнить, что раз он имел мужество судить и наказывать других, пусть имеет мужество и отдаться в руки правосудия».

Теплившаяся искра надежды на помилование была настолько мала, что Зелимхан другого и не ожидал. А раз так, то все остается, как было. Борьба до победного конца. Борьба для абрека неравная, но другого выбора нет. За Зелимханом будет продолжена охота как за невиданным преступником, но и ему пусть никто из них не попадается.

Ответ начальника области, наказного атамана Терского казачьего войска заставил Зелимхана лишней раз пожалеть о своем малодушном поступке и окончательно убедиться в том, что назад у него дороги нет, там ждет его позорная смерть, а потому, как вечный абрек, будет и дальше вести войну, но теперь уже и с теми, кто захочет на его жизни заработать хорошие деньги или сделать себе карьеру.

Известный осетинский общественный деятель Ахмед Цаликов по этому случаю писал: «Зелимхан, как и ему подобные, считают себя жертвою административной несправедливости, но Зелимхан не верит, чтобы путем российского закона справедливость могла восторжествовать, — и он хочет восстановить нарушенную справедливость теми средствами, которыми сам располагает.

А такое средство: самому лично покарать зло(!), поступая в этом случае согласно веками выработанному социально-бытовому укладу горцев.

Ясно, что и генерал Михеев и разбойник Зелимхан в конечном счете апеллируют к справедливости и исходят из нее, но они говорят на разных языках и понимать друг друга не могут.

Если бы русская власть на Кавказе взяла на себя труд разобраться в социальной природе кавказского разбойничества или даже поняла бы психологию кавказского разбойника, — то она решительно раз навсегда, отказалась бы от каких бы то ни было репрессивных мер по отношению к туземному населению,

— мер, обрушивающихся исключительно на мирное трудовое горское население, так как абреки оказываются всегда за пределами досягаемости, и она бы выдвинула на первый план меры социально-правового, экономического и культурно-просветительного характера».²⁴⁶

Письму Зелимхана не придали никакого значения и в Главном штабе Кавказского войска, так как сочли его мистификацией, поскольку «оно написано литературным слогом, а Зелимхан — человек, владеющий весьма слабо русской грамотой». В ответ на это тифлисский корреспондент, пожелавший остаться инкогнито, 25.12.1910 года в газете «Голос курортов» поместил статью «Зелимхан как «литератор». «Голос курортов» издавался в Пятигорске со 2-ой половины 1910 года под редакцией Ф.И.Казманова. Полемизируя с Кавказским военным штабом, корреспондент допускает «вполне возможным, что письмо это было прислано Зелимханом». Правда, — указывает он, — Зелимхан положительно нигде не учился: не только в среднем, но даже и в начальном училище. Сам, лично, написать письмо он, конечно, не мог. Но разве оно не могло быть написано кем-либо другим по просьбе Зелимхана?

Не нужно забывать, — пишет он далее, — что Зелимхан прибегает к посредству писем уже не в первый раз». В качестве примера автор корреспонденции приводит письмо бывшему начальнику Веденского округа полковнику Галаеву «с угрозой убить его, если последний не откажется преследовать его. Угроза эта, как известно, была потом приведена в исполнение. И письмо это было грамотно, — утверждает автор. — Такое же грамотное письмо было оставлено им в кизлярском казначействе после его погрома. Подобные же письма, наконец,

были подбрасываемы им и разным другим начальствующим лицам. Причем все угрозы, заключающиеся в письмах, точно были приводимы Зелимханом в исполнение». А что эти письма принадлежали Зелимхану, сомнений не вызывало: каждое из них было заверено его личными печатями.

Анонимный автор, выражая свое несогласие с тем, что ни наместник, ни штаб его войска не придали никакого значения заявлению Зелимхана о желании его сдать властям и оставили его, как тогда выражались, без последствий, только потому, что сочли Зелимхана неспособным на такие грамотные письма, а значит оно могло быть подброшено кем-либо, в заключение пишет: «Если все эти письма могли быть рассыланы Зелимханом, то почему он не может считаться автором и этого письма, которое было получено наместником?».²⁴⁷

Кто знает, откажись власти тогда от казенного подхода к этому делу, прими всерьез нелегко давшееся решение абрека, судьба Зелимхана и положение в области могли кардинально измениться в сторону смягчения и либерализации обстановки. Зелимхан знал, что он должен понести наказание за все содеянное, и он был готов уже к нему, рассчитывая на какое-то помилование, которое позволит ему остаться в живых, а впоследствии по отбытии наказания зажить свободной мирной жизнью. За Зелимханом, как главной фигурой, вышедшей из игры, несомненно потянулась бы целая цепочка добровольных сдач на условиях взаимных уступок власти и абреков. Высокая кавказская администрация из-за своей прямолинейности и закоснелости бездарно упустила этот шанс на успех, из-за чего еще многие годы область трясло и напоминала взбудораженный улей.

В ответ на Ассиновские события последовала жесткая реакция как в терской, так и в кавказской администрации. Приказом начальника Терской области все старшины сел Назрановского округа, расположенных по периметру движения отряда, были уволены с должности за укрывательство абрека. Не спасло даже то, что отдельные из них «прослужили правительству честно и беспорочно многие годы», «открыли массу преступлений, убили и изловили по несколько абреков». А 23 сентября 1910 года в городское полицейское управление Владикавказа военный отряд доставил семью Зелимхана: его жену Бици Дударовну, 30 лет, сыновей – Магомеда 6 лет, Умара-Али 2 года и дочерей – Мусильмат 10 лет и Онимат 7 лет, а также семью убитого брата Солтамурада, состоящую из его жены Дезик Хумаговны 20 лет и сына Лома-Али 2 года, которые были заключены во Владикавказскую областную тюрьму. Почти 8 месяцев провели они в тюрьме, а 14 мая 1911 года с этапом отправлены в Енисейскую губернию в распоряжение ее губернатора.

Следующей мерой была организация экзекуционных постоев воинских частей в «отличившихся» селах. Начальник области постановил направить по одной сотне в хутора Галашки, Датых, Алкун, Сарали-Опиева и Мужичи. Вместе с тем было предписано как пищевое и фуражное довольствие, так и все необходимые средства по передвижению войсковых частей в пределах Назрановского округа производить в экзекуционном порядке с возложением расхода на весь ингушский народ. Кроме того, в охоте за абреками сотня ротмистра Долидзе провела в Ассиновском ущелье более трех недель с 27 декабря 1910 года по 20 января 1911 года. За это время сотня в составе 96 всадников, «совершенно изнасилась за поход: особенно изорвались в горных переходах». И Долидзе поставил вопрос, чтобы все расходы по восстановлению обмундирования – 39 пар сапог по 7 рублей, 57 пар чувяков и черек по 2 руб. 50 коп., 57 пар ноговиц по 3 руб., 96 шаровар по 4 руб., 96 черкесок по 7 руб. 60 коп. и столько же бешметов по 5 рублей – также возложить на жителей Назрановского округа. Выплаты должны были производиться из казенных денег, которые «складываются» из налогов, штрафов и других поступлений от населения. Точно такие же рапорты подали все другие части, побывавшие в Ассиновском лесу: командир разведчиков 81 пехотного Апшеронского полка штабс-капитан Бакулевский, командир 3 сотни Дагестанского полка ротмистр Котиев и другие

Последовавшие за Ассиновскими событиями карательные меры были очень чувствительными для населения. Однако, считая их недостаточными, местная администрация обратилась к наместнику с целым рядом новых предложений, посылая их вдогонку друг за другом, – сперва второго, а затем восьмого октября 1910 года. На основании настойчивых ходатайств начальника Терской области Воронцов-Дашков 4 марта 1910 года направил адресату во Владикавказ для исполнения специальное резолютивное письмо. Чтобы полнее представить меру понесенной ответственности ингушами за широкий размах абречества и нападение на военный отряд в Ассиновском ущелье, приведем его

полностью:

«Преступность ингушей – жителей Назрановского округа, повальное воровство, кражи, грабежи и разбои, особенно сильно развившиеся в среде этого народа, буквально не дают возможности мирно трудиться мирному поселянину, особенно же соседям ингушей – казакам и осетинам. Наглость и дерзость этого племени за последнее время достигли невероятных размеров и бороться с этим злом мерами культурного характера, при наличии чрезмерно низкой ступени развития ингушей, очевидно невозможно.

Благодаря такому положению вещей, я нахожу, что престиж русской административной власти среди полудикого ингушского народа падает с каждым днем, понятие о законности утрачивается, человеческая жизнь совершенно обесценивается и чужая собственность не признается вовсе. Мало того, ингуши, очевидно, не останавливаются и перед тем, чтобы открыто выступить против правительственной власти, желающей охранить как их личную, так и общественную безопасность.

Это подтверждается тем, что 20 прошлого сентября они вместо содействия, которое должны были оказать воинскому отряду, посланному для поимки главаря разбойничьей шайки абрека Зелымхана, сами примкнули к этой шайке и напали на отряд в Ассиновском ущелье, где, обстреляв войска, первым же выстрелом убили своего начальника округа ротмистра князя Андроникова.

Возмутительно незаконные действия ингушей должны, наконец, получить полное заслуженное возмездие и потому я решил по всей полноте предоставленной мне Государем Императором власти принять против них чрезвычайные меры наказания.

Предложенные Вашим Превосходительством, в докладе от 2 сентября сего года за № 19074, меры воздействия на преступный ингушский народ я вполне одобряю и предписываю Вам:

1. Всех жителей поселков Нельх и Кек (согласно рапорту Вашему от 2 ноября с. г. в составе 49 дымов – 107 мужчин, 86 женщин и 136 детей), среди которых в продолжение полутора лет укрывались семьи детей абреков Зелымхана и Солтамурада, выселить вместе с означенными семьями в Сибирь.

2. Хутора, расположенные по Ассиновскому ущелью, в которых был оказан приют Зелымхану, и жители которых принимали участие в нападении на войска, уничтожить, расселив жителей к местам их приписки.

3. Немедленно взыскать с ингушей Назрановского округа штрафа в размере 20.000 рублей, кои и выдать в вознаграждение семействам убитых чинов отряда и частных лиц семействам: ротмистра князя Андроникова десять тысяч рублей, поручика Афанасьева – три тысячи рублей, убитых пяти нижних чинов и одного туземца – по одной тысяче рублей за каждого, и в пособие раненым ротмистру Доногуеву – одну тысячу рублей, шести нижним чином и одному туземцу – по сто рублей каждому.

4. Лишить общества Назрановского округа права выбора старшин и назначить туда правительственных.

5. Предложить, через начальника области, сельским обществам составить приговора на учреждение в них 25-ти должностей полицейских урядников за счет самого населения.

6. Семьи абреков Зелымхана и Солтамурада выселить в Сибирь вместе с жителями поселков Нельх и Кек. Об этом также донести ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и сообщить Председателю Совета Министров и Военному Министру».²⁴⁸

Предписание наместника показало, сколь высокомерно кавказская администрация держалась по отношению к местному населению. А столь оскорбительная характеристика ингушского народа не могла дать положительных результатов в деле установления общественного порядка в крае, напротив, она еще более провоцировала его на неприятие русской власти⁴⁵⁰, на непослушание и сопротивление.

О чрезвычайных мерах наказания ингушей наместник донес

321 царю и вошел в сношение с Председателем Совета Министров, военным министром, главнокомандующим землеустройством и земледелием и сенатором Никольским с просьбой оказать содействие к скорейшему осуществлению предпринятых им чрезвычайных мер наказания. В письме Председателю Совета Министров он высказал, что наиболее подходящим местом для поселения указанных выселенцев признает Амурскую область, где можно устроить их оседлость путем отвода им свободных земельных участков. А начальнику Терской области приказал «теперь же выселить из поселков Нельх и Кек всех жителей муж-

ского пола в возрасте от 16 лет и старше», перевезти их во Владикавказ и содержать под охраной военного караула. А семьи абреков Зелимхана и Солтамурада по прежнему содержать под стражей, впредь до отправления их к месту назначения». Воронцов-Дашков в заключение предупредил начальника Терской области, что все его распоряжения по настоящему делу должны составлять строгую служебную тайну, дабы не возбудить каких либо кривотолков, могущих осложнить приведением в исполнение вышеозначенной меры наказания».

Последние успехи и поддержка главнокомандующего вдохновили генерала Михеева на окончательное подавление активности ингушских абреков. Но решить эту задачу будет крайне сложно, пока живет и на свободе гуляет их сагопшинский главарь Саламбек Гороводжев, ближайший соратник Зелимхана и его начальник штаба. Газеты о нем писали: «С именем Саламбека связаны самые дерзкие разбои Зелимхана; в то время как Зелимхан одухотворял шайку своей религиозно-политической популярностью, Саламбек производил на шайку магическое действие своей неустрашимостью и своей безумной отвагой. За ним абреки шли почти на верную смерть, в самый центр города, отдаваясь прямо в руки войск. Кроме как храбростью Саламбек отличался необычайной силой воли, свойством не теряться в минуты опасности и, главное, — беспощадностью. Безумная храбрость Саламбека — это идеал, которого желал бы достигнуть каждый абрек. Словом, Зелимхан и Саламбек взаимно друг друга дополняли».

Ни поймать такого абрека, ни убить не получалось. Вызвал генерал Михеев выборных старшин с грешками, которые по предписанию наместника должны быть сняты со своих должностей и заменены правительственными за пособничество абрекам и за то, что не уберегли пристава Андроникова, ими же запрошенного на эту должность, за передачу патронов Зелимхану, за неуплату недоимок и многое другое, и приказал доставить ему абрека Гороводжева живым или мертвым, иначе Сагопша постигнет участь Нельха и Кека. И отвел им срок на доставку абрека — две недели.

Уже на второй день весь Назрановский округ знал об угрозе начальника области. Забеспокоились старики сел. Сагопш, женщины с малыши детьми. Собрали сход. Что делать? Как выдать такого абрека, который под стать Зелимхану? Свой ведь он, сагопшинский. Ничего не могли придумать старейшины и авторитеты села: как сказать жене и родственникам Саламбека, чтобы отдали его властям, ведь повесят они его. Если бы тюрьма грозила или расстрел, а то, ведь, как собаку, вздернут. Только так поступают с абреками.

Пока думали-гадали сагопшинские мудрецы, как быть, нашлись люди, которые передали Саламбеку обо всем, что ожидало Сагопш и его семью, Задумался Саламбек. У абрека одна судьба: рано или поздно он будет или убит, или пойман и повешен. Решение Михеева тоже не оставило для него выбора. Чтобы спасти село и своих детей, он должен сдаться. Пойти под расстрел он еще может, но быть повешенным не хотел, позорная смерть. Ему не нужна. Питая надежду, что в случае добровольной сдачи власти все таки уважат его просьбу и расстреляют, но не учинят позорной казни через повешение, поздно ночью явился в дом и наказал жене, чтобы с наступлением утра она с братом отправилась к адвокату Баширу и попросила его съездить во Владикавказ к Михееву. Пусть он передаст русскому генералу, что абрек Саламбек сам явится и сдастся властям, но при условии, что его не повесят, а расстреляют.

— Генерал сам суда не вершит и не расстреливает, — пояснил Михеев Баширу, но пообещал сделать для этого все, что в его силах.

Поверив высокому обещанию, абрек явился с повинной и сдался правосудию. Но закон есть закон: на абрека Гороводжева завели уголовное дело и передали в военно-полевой суд. На Северном Кавказе и даже за его пределами это был второй по знаменитости абрек, и суд без каких-либо колебаний вынес решение: подсудимый не военный, чтобы его расстреливать, а злостный абрек, разбойник, который должен быть только повешен. И приговор суда привели в исполнение.

Все это похоже на легенду, ибо ни один абрек, ни один разбойник, испытывая угрызения совести и вину за содеянное, добровольно не принес себя в жертву Фемиде отвергнутой им власти, так как ясно сознавали, что для них предусмотрено одно позорное наказание — казнь через повешение.

Такова одна из народных версий гибели Саламбека Гороводжева. Но так сложилась его судьба или иначе, неизвестно. По крайней мере, в республиканских архивах обнаружить что либо об этом не удалось, хотя в советской энциклопедии, с чьей то подачи, говорится, что он

«предался властям под условием расстрела, но был повешен». Скорее всего, он погиб в бою, так же, как и другие сподвижники Зелимхана Аюб Томаев и Абубакар Хасуев. Так предполагает и Ахмед Цаликов (См. «Избранное», Владикавказ, «Ир», 2002, с.221). В апреле 1911 года на это указал и начальник Терской области Михеев (см. ниже) в отчете за 1910 год заместнику Кавказа. Его имя там называется в числе 28 других абреков, уничтоженных за последний период.

В ингушском народе, у которого Саламбек пользуется большим уважением и любовью, живет и другая легенда, не нашедшая подкрепления в документах, о том, что, как пишет один из его ингушских исследователей, «голова Сулумбека Горовожева была царским правительством оценена в десять тысяч рублей».

Во-первых, вряд ли этим занималось царское правительство, подменяя заместника и терскую администрацию. Не делало оно такого даже в отношении Зелимхана. Во-вторых, автор так завысил стоимость этого абрека, что он на две тысячи стал дороже самого Зелимхана, у которого тот ходил в соратниках. Много встречается и других нестыковок. Например, говоря о времени его гибели, автор указывает не 1910, как это было, а относит на несколько лет позже – к 1913 году. Вероятно, он что то путает, ибо в сентябре 1913 года не стало Зелимхана – последнего из абреческих знаменитостей. Убит или повешен был Саламбек Гороводжев сказать трудно. Если повешен, то где, когда и кем? Где приискали палача и кто он? Ведь когда до этого казнили абрека Алдатова в своей области не нашли такого человека и пришлось выписать из Тифлиса, о чем свидетельствует большая официальная переписка. А казнь Гороводжева была бы куда более громкой и обязательно оставила бы какой то письменный след с ходатайством родственников о выдаче им его тела.

Любимая крепость Зелимхана - Хана "Сандуели".

Любимая крепость Зелимхана «Сандуели»

Все эти уголовно-административные карательные меры властей только прибавили дерзости Зелимхану. Он полностью перешел в нагорную часть Назрановского округа, поселился в старинных сторожевых башнях и оттуда совершал новые налеты «как на должностных лиц администрации, так и на мелкие воинские команды», посылаемые с целью разведки его местопребывания. Но в большей безопасности он чувствовал себя в крепости Сандуели.

Указанные башни, как самые удобные пристанища абреков, стали представлять собой большую опасность, и начальник Терской области обратился к главнокомандующему с просьбой отпустить «из подлежащего артиллерийского склада 100 штук пироксилиновых шашек» и командировать подрывную команду из 10 солдат для уничтожения сторожевых башен в Ассиновском ущелье. Ходатайство граф Воронцов-Дашков удовлетворил.

Начальник военного отряда Веселовский для операции против Зелимхана и его сподвижников направил отряд в Большую Чечню, предвидя, что абреки большей частью будут скрываться в области гор и на хуторах в Веденском и Грозненском округах, где имеются боевые башни и помещения, удобные для обороны. Об этом он сообщил начальнику Терской области и просил при этом оставить в составе военного отряда саперную команду, оказавшую громадную услугу отряду при исполнении возложенной на нее задачи в Ассиновском ущелье, «ибо насколько легко ее откомандировать, настолько трудно обратное». Учитывая сложность предстоящей операции, такое согласие было дано.

Заместник Кавказа Воронцов-Дашков внимательно отслеживал ситуацию на Северном Кавказе и пришел к выводу, что необходима реорганизация имеющихся там сил.

В октябре 1910 года для достижения большего эффекта по решению главнокомандующего конно-дагестанский полк и военный отряд были объединены. Вместо полковника Веселовского, позднее ставшего командиром 81 пехотного Апшеронского полка, усиленный военный отряд возглавил полковник Маргания, командовавший до этого конно-дагестанским полком. Отряд продолжал оставаться в подчинении военного ведомства и был обязан «действовать решительно, справедливо, без колебаний, отнюдь не считаясь с возможными жертвами, если то нужно для общего блага». И далее в приказе генерал-лейтенанта Алексеева по 3-му Кавказскому армейскому корпусу, куда входил отряд, говорилось, что «собираемые ныне у полковника Маргании силы — большие для поставленной ему задачи; но, если явится надобность, то будет дана еще помощь сапер, пулеметов, артиллерии и пехоты».²⁴⁹

Из рапорта нового начальника отряда Маргании исполняющему дела начальника Терской области по поводу увеличения денежного содержания видно, что «при полк. Веселовском состав отряда был незначителен и главным образом отряд был сосредоточен на линии железной дороги; при мне же, — пишет Маргания, — отряд увеличился на четыре конные и две пешие сотни и отряд весь раскинут в разных частях вверенной Вам области, не исключая и горных районов».²⁵⁰ На содержание канцелярии отпускалось 50 рублей в месяц, теперь в связи с ее увеличением Маргания просил 75 рублей.

После известного крупного происшествия в Ассиновском ущелье стало очевидно, что средства, которыми располагает военный отряд, недостаточны и требуют дополнения. Недостаток выражался в отсутствии артиллерии. Сознывая остроту такой необходимости, начальник Терской области Михеев обратился к главнокомандующему кавказскими войсками с прошением о командировании горной артиллерии в помощь военному отряду. «Должен доложить, — писал он, — что за последнее время условия службы в отряде стали заметно изменяться, приобретая характер несколько отличный от того, какой существовал при начале его формирования, и в будущем влияние это... будет испытываться в отряде в более резкой степени. Причина всему... заключается в том, что усилившаяся деятельность администрации на почве искоренения преступности в связи с энергичными поисками ротмистра Донугова и, самое главное, ряд решительных мер воздействия, частью уже примененных.., естественно, вносят в среду абрачества, не только главных его представителей вроде Зелимхана, Аюба, Юсупа, Абубакара и пр., но всех вообще, более или менее влиятельных сподвижников их, сильное замешательство и тревогу».

Такое положение вещей, продолжал Михеев, «сильно отражается на спокойствии самого населения, вынужденного, с одной стороны, прислушиваться к неотступным требованиям властей, а с другой, — считаться с беспрестанным натиском всполошившихся абреков, в особенности Зелимхана, ищущих и требующих традиционного укрывательства и угрожающих мезью за помощь полиции и войскам».²⁵¹

Такая обстановка вызывала «напряженное состояние умов», и в то время как некоторая часть жителей охотно могла пойти на то, чтобы избавиться от непрошенных абреков путем выдачи их властям, другая, к сожалению, более многочисленная и сильная, ведет диаметрально противоположную линию, которую можно характеризовать как упорное укрывательство. Одним из признаков таких настроений является усилившаяся в последнее время добровольная агентура, которая «закидывает администрацию всевозможными сведениями о готовящихся движениях и местопребываниях абреков».

Военный отряд вынужден реагировать на все эти донесения и предупреждения, и ему приходится часто передвигать с места на место свои команды и нередко посылать их в труднопроходимые места, порой в самую глубь диких ущелий с тем, чтобы настигнуть там абреков и уничтожить их. А для этого нужна легкая, подвижная и выносливая для горных переходов команда, какой могут быть только пластуны. Но и они вряд ли что смогут сделать «без горной артиллерии в количестве хотя бы двух горных орудий», — заключает начальник области. Не будучи уверенным, что эти орудия будут переданы на постоянной основе, Михеев заключает, что «в постоянном присутствии при отряде просимых двух горных орудий надобности не встречается, но... «настоящим рапортом усердно ходатайствую... о предоставлении мне права пользоваться, в случае нужды, содействием также и горной артиллерии».²⁵²

Для военного отряда были выработаны новые правила. В инструкции начальникам разведчиков на линии железной дороги указывалось, что «главной задачей отряда, в состав которого вы теперь входите, служит еще борьба с разбойничеством и скотоконократством в

Терской области, а также обезоружение чеченского и ингушского племени... При обысках... и при обезоружении необходимо приглашать старшину и понятых, требовать, чтобы прежде всего вынесли или вынули деньги и все ценное, а затем уже приступить к обыску. Иначе чинов отряда обязательно будут обвинять в грабеже и краже. Кинжалов не отбирать, если при них не будет другого запрещенного оружия. При исполнении чинами указанных обязанностей население должно беспрекословно следовать всем их требованиям под страхом употребления против неповинующихся оружия. Ни в каком случае безоружных разведчиков вне казарм не выпускать. Могут ходить только командами не менее 4-5 человек».²⁵³

Шестого декабря 1910 года в жизни начальника области Михеева произошло торжественное событие – был награжден орденом Белого орла. Как он сам признавался заместнику на Кавказе Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову, жизнь его «всегда отличалась отменным усердием и выдающейся энергией».

После захвата Месяцева Зелимхан ушел в тень. Но не надолго. Приближение холодов всегда подгоняет абреков. Зима не лучшее время для них: в обнаженном, сбросившем листву лесу трудно укрыться, а снег выдает след. Поэтому тройка лидеров

– Зелимхан, Аюб Томаев и Абубакар Хасуев решили до этого совершить новую вылазку. Начальник 2-го участка Грозненского округа в секретном рапорте от 14 ноября 1910 года докладывал своему непосредственному шефу в округ, что, по сведениям его агента, эти три лица, «собрав шайку в 21-22 человека, направились для совершения крупного ограбления. Намечены пункты: Кизляр, Петровск, Моздок или Пятигорск. Точно неизвестно, так как держится в строжайшем секрете. Многие из них поехали верхом (в том числе Зелимхан), многие на арбах и фургонах, в виде покупателей. Есть предположение, что будут ехать по железной дороге. Оружие спрятано в вещах. Пунктом сбора для совещания выбрано кладбище возле селения Новые Атаги».²⁵⁴

Основанием для такого рапорта послужило сообщение анонима из числа местных жителей. «Разъясняю я вам, что я могу высказать своим письмом, потому что мне словесно нельзя высказать. Вот я вам упрещаю в том, что я знаю и слышу хотя бы абреки станцию разбить или же казначейство. Так я вам предупреждаю, чтоб оберегитесь. Я по-русски плохо знаю, разбирайте».²⁵⁵

Сообщение агента для принятия срочных надлежащих мер было передано всем начальникам округов, военному отряду, атаманам отделов, а также в жандармские и полицейские управления. Однако оперативность подвела. Шайка успела напасть на кизлярское казначейство (уже второй раз) и забрать все деньги, которыми оно располагало. А деньги эти были немалые. Теперь можно было затаиться на всю обеспеченную зиму. В составе этой шайки в походе на Кизляр участвовали и ингушские абреки, в частности, жители Назрановского округа: братья Аля и Иса Белхороевы, Года Гетиев (Цельгов), Арза Мирза Китиев (Аугаев) и Камберт Беков из сел. Сурхохи, Боки Анзоров, Инаус Поргиев, Саид Чеплов и Мурцал Темирзиев из сел. Базоркино.²⁵⁶

В первое десятилетие XX века абречество получило такой размах на Северном Кавказе, что об этом заговорили в самых высоких кругах России. Особенно оно приобрело разгул в Терской области, несмотря на бескомпромиссные усилия Вербицкого, Добровольского и Галаева, нанесших абречеству значительный физический и моральный урон.

Тревогу забили не только миряне и пресса, но и депутаты Государственной думы. В декабре 1910 года 58 депутатов 111 созыва сделали запрос в Думу о мерах борьбы с разбоями и грабежами на Кавказе. Вопрос вызвал горячее обсуждение. И хотя непосредственно терская проблема как таковая не стояла в повестке дня Государственной думы, все выступления ораторов от самых разных партийных фракций в связи с тревожным депутатским⁴⁵⁴ запросом касались преимущественно этого региона как более всех наводненного абреками. Депутаты Маслов, Лисичкин и другие винили во всем этом заместника Кавказа, в частности Воронцова-Дашкова и Терскую администрацию за мягкотелость и попустительство. Другая же группа депутатов в лице Эльдарханова, Гегечкори и других считала, что в основе повальных грабежей и разбоев на Кавказе и в частности в Терской области лежат экономические и социальные причины – губительное малоземелье и безземелье горцев, отсутствие должного внимания к их быту, просвещению и здравоохранению, беспросветная нужда, произвол и самоуправство чиновников. Прения нередко перебивались голосами с мест, окриками и даже бранью. Но, как показало время,

Государственная дума, выступившая в роли шумного балагана, так и не добилась от правительства выделения хоть каких-то средств на благоустройство с таким рвением завоеванного края и улучшение условий жизни его населения.

Запрос депутатов в Думу вызвал большой резонанс в обществе и такой же интерес у кавказской прессы. В периодическую печать посыпались корреспонденции. Каждый автор предлагал свое решение проблемы. Отозвалась и пятигорская газета «Голос курортов». В номере за 25 декабря 1910 года редакция (редактор-издатель Ф.И.Казманов) поместила статью «К запросу о Зелим-хане» — записку Терского Общества любителей казачьей старины кавказскому наместнику. Подписавшийся под ней Совет Общества любителей казачьей Сталины не ошибся, когда указал, что внесенный в Государственную думу запрос 58 ее членов «о незаконных действиях начальника Терской области несомненно вызовет прения по вопросу об отношениях русской власти к кавказским горцам вообще и к туземцам Терской области в частности».

Совет считал, что этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение, так как от его правильного разрешения будет зависеть вся борьба с грабежами и разбоями, от которых одинаково страдают «все без различия части местного населения. Бесперывно заливаемый кровью богатейший край обречен на экономическое и духовное прозябание, потому что здесь имущество и жизнь не обеспечены законом, человеческий труд не используется до конца, энергия отдельных лиц, общественных и правительственных учреждений поглощена постоянной борьбой с разбоями, которая тянется уже целое столетие, но, к сожалению, до сих пор не дала положительных результатов». Такое состояние края признавалось нетерпимым и для того, чтобы положить ему конец, необходимы серьезные меры как административного, так и законодательного характера, выработанные на основе «близкого знания народа».

Чтобы аргументировать необходимость кардинальных преобразований в крае, Терское общество любителей казачьей старины решило с помощью своей записки познакомить «с положением и бытом местных туземцев». И в обществе, и в печати, указывало оно, существует твердое убеждение, что кавказские грабежи и разбои, как и всякая преступность вообще, порождаются бедностью туземного населения, «для экономического и культурного развития которого русская власть со времени покорения горцев решительно ничего не сделала». Общество любителей казачьей старины отметило также, что массовые разбои и грабежи возрастают в теплые месяцы года и участвуют в них далеко не бедняки. «Обращаясь к народу, — говорится в записке, — по поводу которого последовал запрос, т.е. к чеченскому племени вообще и его ингушской ветке в частности, можно отметить, что преступность среди этого племени, — вопреки научной теории, — сильно возрастает в периоды наименьшей нужды, а именно: в весенние, летние и осенние месяцы. Кроме того, все грабежи носят характер набегов, и чтобы принять в них участие, каждому участнику необходимо иметь хорошего верхового коня, усовершенствованное оружие и отличное походное снаряжение, вследствие чего грабежи составляют привилегию зажиточных горцев, совершенно недоступную бедняку».

Приводя и дальше отдельные факты экономического роста края, авторы записки пытаются навязать своекорыстную, по сути реакционную точку зрения, доказывая, что грабежи и разбои в крае пышно расцвели потому, что кавказские горцы стали жить в отличных условиях или, как сказали бы в народе, — бесятся с жиру. «История развития грабежей в Терской области, — писали они, — показывает, что они прогрессивно возрастают и по числу случаев, и по степени напряжения параллельно с экономическим развитием края.

Построив еще во время Кавказской войны Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую и чеченскую дороги, русская власть открыла горцам свободные сношения с плоскостью; стоявшие на рубеже ее крепости скоро превратились в торговые города, в которых горцы легко и выгодно стали сбывать свои продукты и приобретать предметы высокой культуры; затем вдоль всего предгорья пошла железная дорога, по линии которой возникли бойкие русские и туземные поселки, появились крупные склады товаров и заведения фабрично-заводской промышленности.

Под влиянием экономического оживления края расцвели ингушские и чеченские аулы: площади украсились дорогими каменными мечетями, турлук и солому в саклях заменяют кирпич и черепица, традиционную деревянную арбу вытесняют легкие линейки и брички, в редком доме нет самовара и швейной машины, в редком ауле не собирается еженедельный

базар. Насколько выросло благосостояние племен, можно видеть из того, что значительная часть лучших домов и торговых предприятий в русских городах принадлежит ингушам и чеченцам».

В заслугу русской власти членами общества ставилось и то, что она сразу же после Кавказской войны приступила к насаждению просвещения среди горцев, в результате чего из их среды в течение очень короткого времени вышла целая плеяда талантливой интеллигенции в самых различных областях жизни. Авторы записки сетовали, что, несмотря на это, «в русском обществе все-таки господствует предрассудок, что для культурного развития этого народа русской властью до сих пор ничего не сделано».

Отвечая на вопрос, где же кроется причина столь распространенного заблуждения, которое служит помехой к правильному разрешению очень многих вопросов в интересах как русской, так и туземной стороны, указывают на тот самый предрассудок, который проистекает от незнания народа. На самом деле кавказская преступность зависит не столько от экономических, сколько от бытовых условий, замечают они, намекая на менталитет и состояние души ингушей и чеченцев.

Характерная особенность разбоев в Терской области заключается в том, что здесь почти нет профессиональных разбойников, за исключением единичных абреков, посвятивших себя разбою в силу своего нелегального положения. Здесь почти каждый горец при случае становится разбойником и невозможно установить границу, где кончается обыкновенный мирный поселенец и начинается разбойник. Народ, обычное право которого покоится на кровной мести, который охраняет это право поголовным ношением оружия, постоянно совершает преступления: каждую минуту кинжалы сверкают угрозой лишения жизни, каждый день увозятся и насилуются девицы, из-за каждого угла мстительная винтовка сторожит появление обидчика, чтобы смыть его кровью нанесенное им оскорбление, а если обидчик сильнее, то обиженный глухой ночью пробирается к его имуществу, поджигает сено, уродует скот, стреляет в окна. Все это карается по русским законам, зато по обычному праву составляет священный долг каждого горца.

Абрек с точки зрения горцев – герой. Служить известному абреку – большая честь для истинного горца. Горская молодежь принимает за счастье приглашение на участие в особенно крупном и рискованном набеге. Поэтому абреки не имеют постоянных шаек, как предводители разбойников на Западе: во всяком отдельном случае и в любом ауле они свободно находят нужное количество джигитов для своих экспедиций.

Совет общества считает, что эти особенности и взгляды «в наибольшей чистоте сохраняются у ингушей и чеченцев, почему борьба с разбоями этого племени равносильна борьбе с целым народом... Население по горькому опыту знает, что абрек сильнее власти, он может щедрее наградить от избытков первой удачной экспедиции, он может и сильнее покарать, не опасаясь никаких думских запросов».

Таков взгляд терских выборных представителей любителей казачьей старины на причины и криминальную обстановку в Терской области. Несмотря на порочность его отдельных положений, в записке делается правильный вывод: «Русская власть и русское законодательство не вправе оставаться простыми зрителями такого вопиющего порядка вещей. Приняв в свое державное обладание кавказские племена и, населив Кавказ русскими гражданами, Россия взяла на себя обязательство обеспечить тем и другим спокойную жизнь и развитие своего благосостояния. Как Божий день ясно, что здесь неприменимы общие правовые нормы, и всякий исключительный закон, если он будет разумно приурочен к мировоззрению туземцев, явится той высшей правдой, которая спасает мир смелым разрывом с банальной справедливостью».

Завершив 1910 год громким ограблением кизлярской казны, Зелимхан и его ближайшее окружение ~~вступили~~ в 1911 год.

Вскоре в стане абреков произошла крупная ссора между Любом и Зелимханом. Причина банальная – неподделанные деньги. Аюб покинул шайку, порвал всякую связь с Зелимханом и стал скрываться у родственников в одном из хуторов на горе Дуба-юрт, а 1-го марта 1911 года погиб в перестрелке во время облавы на него.²⁵⁷

По этому случаю начальник военного отряда полковник Маргания в рапорте Его Императорскому Величеству докладывал, что «в ночь с 28 февраля под первое марта с. г. на рассвете полусотней 6-ой сотни 1 Кизляро-Гребенского полка под командой сотенного командира есаула Борисова, состоящей в военном отряде Терской области и квартирующей в

селении Старые Атаги Грозненского округа, был убит житель этого же селения Аюб Томаев, известный абрек, сподвижник абрека Зелимхана, руководивший в его шайке всеми нападениями».²⁵⁸

Далее он подробно изложил обстоятельства дела. В 4 часа 30 минут утра 1 марта прибежал к командиру сотни есаулу Борисову казак, дежуривший у телефона при сельском правлении Старых Атагов, и доложил, что сейчас начальник 2 участка Грозненского округа корнет Смирнов из слободы Воздвиженской передал ему для доклада сотенному командиру, что он намерен сейчас же сделать обыск в сел. Старые Атаги и просит содействия командира сотни. Борисов тут же приказал поднять казаков. Не прошло и получаса, как явился и сам корнет Смирнов. Он заявил, что начальник Грозненского округа приказал ему арестовать братьев абрека Аюба и его мать и просил содействия Борисова. На обыск вместе с Борисовым вызвались идти подъесаул Кибиров, хорунжий Глебовский и ночевавший случайно у сотенного командира командир 5 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Долидзе. В половине 6-го полусотня в составе 33 человек была уже на месте операции. Чеченец, шедший впереди проводником, указал на один из домов, сказав «Вот этот», а сам скрылся. Казаки быстро, бегом оцепили дома. В это время из окна самого маленького дома на задний двор выскочил человек и бросился к плетню и находившимся за ним кустам. Часть казаков во главе с Кибировым, Глебовским и Долидзе в числе около 20 человек, бросились за ним и, обложив его со всех сторон, стали преследовать.

Погоня была настолько энергичной, что убежавший не имел возможности остановиться и вести прицельный огонь. Так он пробежал пять дворов, где двумя выстрелами был убит наповал. Как оказалось потом, до этого он был ранен несколькими пулями. Сам тоже сделал несколько выстрелов в казаков, но безрезультатно. Убитый был опознан соседями, матерью и братьями, и все они назвали Любом Томаевым. Убегая, Аюб бросил бывшие в руках бешмет и пальто, кожаные галоши с ног, а при нем нашли 3-линейную винтовку казачьего образца за № 14148, заряженную тремя патронами. Во время обыска дома были еще обнаружены: записная книжка, паспорт за номером 1194, два письма и погоны пограничной стражи.

В донесении начальнику Терской области помимо сообщений, сделанных Е.И.В., указывалось, что в двух окруженных домах, кроме родственников Аюба, никого не оказалось, обыск домов не был сделан тщательно, из-за отсутствия полиции, а сам начальник 2 участка корнет Смирнов, как только услышал, что Аюб убит, сейчас же уехал для доклада начальнику Грозненского округа о случившемся по телефону. Затем, отметив доблесть полусотни есаула Борисова, указал, что со смертью Аюба Терская область избавилась от самого серьезного и предприимчивого абрека. Газета «Терек» незамедлительно дала это сенсационное сообщение, а полусотне в качестве поощрения выдали 200 рублей.

Такая щедрость властей имела основание: Аюб входил в десятку самых отважных абреков. Еще в период смут первой народной революции 1905-1907 годов Аюб за дерзкий грабеж был сослан в Сибирь на поселение. Вскоре он совершил побег и объявился в родных местах. Терская область тогда в самый пик революции в декабре 1905 года была объявлена на военном положении. Генерал-губернатор Колюбакин потребовал от земляков Аюба: или выдать опасного абрека, или уплатить штраф в размере 3000 рублей. Общество, не зная местонахождения Аюба, вступило в переговоры с родственниками, и последние изъявили согласие на его выдачу за 400 рублей. Эти деньги в самый короткий срок были внесены родственникам, и Аюб Томаев был передан обществу, а оно выдало его администрации. Аюба снова отправили в ссылку. Но не прошло и месяца, как он вновь бежал и примкнул к Зелимхану, в дружках которого уже был хаджиюртовец Абубакар Хасуев. «Он стал его правой рукой»,

– вспоминали земляки староатагинцы Тука Рукаев и Зибир Хабиров. – «Тогда наше общество во что бы то ни стало решило покончить с Томаевым и за поимку его или убийство назначило вознаграждение в 600 рублей, и деньги эти были сданы в депозит Управления Грозненского округа.»²⁵⁹

Узнав об этом, Аюб решил терроризировать своих земляков и весь Веденский округ. Он подговорил Абубакара, и они вдвоем напали на Старые Атаги. На этот раз фортуна им изменила. Не успели они совершить грабеж, как попали под казачью облаву, устроенную

участковым Смирновым. В перестрелке Абубакар был убит. Аюбу удалось бежать, но не надолго: как было сказано выше, он был убит около своего дома, застигнутый врасплох, во время очередной облавы.

Убрался подальше с этих мест и Зелимхан. Теперь уже без привычной надежной опоры, ближайших соратников. Помощник начальника Терского областного жандармского управления ротмистр Беллик сообщал начальнику Грозненского округа, что по полученным сведениям «абрек Зелимхан ввиду невозможности скрываться вследствие холода и преследования на плоскости ушел в Дагестанскую область и скрывается, по тем же сведениям, в доме старшины сел. Кинды Бесхана», 260 очень состоятельного человека.

Зелимхан был прекрасный конспиратор. Он постоянно менял места своего пребывания и потому был неуловим. Не задержался он и в Дагестане. Вскоре по одному ему известным признакам он понял, «что место его пребывания... открыто». Инстинкт и интуиция его никогда не подводили, и он перебрался в Веденский округ, Там он остановился в сел. Новые Атаги. Село скорее напоминало хутор. В нем было всего несколько дворов, принадлежавших Абу-Умару Салгирееву, Хамиду Салтханову, Хамиду Шахгирееву и Магомаду Шалдуеву. Все эти дворы находились в одном «кубе». При остановке у одного из названных лиц, лошадь обязательно оставлялась у другого. В это время недалеко от сл. Шатой на хуторе Горгхчу, что в двух верстах от сл. Воздвиженской и в 29 верстах от села Вашендерой, находился больной брат Зелимхана. Этот хутор состоял из трех дворов и принадлежали братьям Тесаевым, у одного из которых и лежал больной.

Хорошо осведомленный об этом начальник Грозненского округа вошел с предложением к начальнику военного отряда Марганию: «Так как Зелимхан пробирается в сел. Новые Атаги по Агишинской дороге и так как в селении Вашендерой проживает отец Тесаевых – Теси, где также, вероятно, временами бывает Зелимхан, то, по мнению тайных сотрудников, в настоящее время, и при том немедленно, возможно захватить названного разбойника следующим порядком: ночью внезапно окружить на хуторе Горгхчу все три двора и одновременно с этой облавой окружить в с. Вашендерой дом отца братьев Тесаевых».²⁶¹

Если эта облава результатов не даст, продолжал окружной начальник, будет ясно, что Зелимхан, узнав о приближении команды, бежал в лес, а по сему на следующий день необходимо занять спуск к дороге из с. Агюшты на Новые Атаги и одновременно оцепить в с. Новые Атаги дворы Салгиреева, Салтаханова, Шахгиреева и Шалдуева. Для успеха дела предлагалось план сохранить в абсолютной тайне и даже совершать его под каким-либо другим благовидным предлогом.

Теснимый частями военного отряда, Зелимхан все чаще стал подумывать о переезде в Турцию. В начале февраля 1911 года, проводя зимовку в Андийском округе Дагестана, он навел святаго Нажмудина, у которого «просил совета относительно ухода в Турцию, но последний, делая ссылку на то, что его там без семьи замучает тоска, а семью все же освободят, советовал не уходить и подождать еще некоторое время».²⁶²

Вскоре, когда из Дагестана перебирался в Чечню, Зелимхану передали, что семья его уже освобождена и поселена в Назрановском округе. Переодевшись в тавлина, он решил пройти туда и тайно навестить семью, для чего ему пришлось пересечь 3-й участок Грозненского округа. Убедившись, что произошла ошибка, семья все еще находится в ссылке, Зелимхан направился в Шатое, где местный кузнец подковал ему лошадь. Из-за постоянного преследования администрации, ее агентов и частей военного отряда Зелимхан нигде не задерживался долго и непрерывно перемещался. «Он не ночует в селениях. Если же и останавливается, то не более как на час-два, дабы успеть накормить лошадь и самому перекусить. Ходят с ним его брат и два ингуша из числа нападавших на военный отряд из засад в Ассиновском ущелье. Кто именно эти ингуши, пока неизвестно»²⁶³ докладывал Марганию помощник начальника Терского областного жандармского управления 1 марта 1911 года.

Зелимхан строил различные планы на ближайшее время. Он думал ограбить какие-нибудь денежные учреждения или взять в плен богатого промышленника, овцевода или торговца. Ему не давало покоя и чувство мести казакам. Он хотел при случае вызвать отряды дагестанцев и гребенцов на заблаговременно устроенную им засаду. С этой целью он хотел обстрелять ночью эти части в пункте их расположения или подослать к ним «ложного шпиона», который указал бы мнимое место его нахождения. «Сим последним средством, —

совершенно секретно докладывал начальнику Терской области пожелавший остаться неизвестным, — он рассчитывает нанести урон частям военного отряда, за что, по его мнению, подобно войсковому старшине Вербицкому, настоящий начальник отряда будет смещен и в промежутке между увольнением одного и назначением другого, пока последний будет входить в курс дела, он выиграет спокойствие. После этого он будет без устали в разных пунктах портить железные дороги, производя крушения поездов».²⁶⁴

В план Зелимхана входило и желание взять в плен семью ротмистра Доногуева, которая находилась в грозненской гостинице «Гранд-Отель», и даже обсуждался с товарищами план нападения на гостиницу. Все соратники охотно согласились исполнить это решение, но впоследствии было отклонено «одним из интеллигентных туземцев», который имел «громадное влияние на Зелимхана». Кто был этот интеллигент, установить не удалось. Кроме того, Зелимхан сам ожидал и говорил всем соплеменникам, с которыми общался, что в скором времени из Дагестана прибудет большой шейх, который будет воевать против гяуров. Известие об этом было найдено в хурджине убитого Аюба, из его записки своему старому приятелю. Неизвестный автор предполагал также, что как в Дагестане, так и в Чечне могут находиться младотурецкие эмиссары, занимающиеся на всем Кавказе своей агитацией.

Постоянно сосущее желание добыть деньги не оставляли Зелимхана в покое, и при выборе объекта остановился на Моздокском казначействе. Для этого он стал собирать шайку примерно из 20-25 человек, преимущественно из сел Старо-юрт и Ново-юрт Надтеречного участка Грозненского округа. Время было назначено на начало месяца марта, считая рождение луны, а местом сбора — село Ново-юрт. В постоянной шайке у него, кроме брата, были еще два ингуша из числа участников нападения на отряд в Ассиновском ущелье, один кумык и один дагестанец. Все участники будущего набега получили приказание заняться «приисканием и подготовкой к набегу лошадей».

Чтобы отвлечь внимание администрации и военного отряда, Зелимхан распустил слух, что он намерен ограбить поезд и пленить семью Доногуева, а сам отправился в Ново-юрт, где он всегда пользовался особым гостеприимством. Сколоченная шайка, по сведениям начальника 2 участка Сунженского отдела, числом около 20 человек, выехала в Ставропольскую губернию. Ему известно также, что в шайке есть какой-то русский писарь. А «для того, чтобы шайка при посадке в поезд на одной какой-либо станции не вызвала подозрения, он разбил ее на двойки и разослал по станциям, где они посадились в поезд незаметно для людей. Станция высадки неизвестна. Возможно, что он остановится в Георгиевске, Пятигорске или Армавире. Эти пункты находятся в таких местах, где легко скрыться в горы и остаться невредимым».²⁶⁵ На этом все обрывается, о дальнейших действиях шайки в архивах ничего не удалось обнаружить.

Остались неизвестными и последствия одного письма Зелимхана. 8 марта 1911 года Кизлярский пристав препроводил помощнику начальника Терского областного жандармского управления копию письма, полученного кизлярским купцом Артемием Мелькомовым от Зелимхана. На письме стоял штемпель г. Грозного и было следующего содержания: «Артем Мелькомов меня нужны деньги, а потому по получении письма прислать немедленно 1500 руб. человека найдешь сам. Когда я получу от тебя деньги пришлю тебе записку о получении с приложением четыре печати один из них ваша Кизлярский. Если скоро не пришлешь, то ты будешь убит. Это я сделаю очень легко абрек Зелимхана».²⁶⁶ Кроме печати Кизлярского окружного казначейства на письме были еще печать Андреевского сельского правления и две именных — бывшего казначея Копытко и самого Зелимхана. Чиновники предполагали, что это письмо было передано Зелимханом во время перехода из Дагестана в Назрановский округ кому-либо из приверженцев на плоскости, а этим последним уже письмо брошено в почтовый ящик в г. Грозном.

Угрозы ~~не~~⁴⁶⁹ Мелькомова не подействовали, и тогда за получением «долга» Зелимхан в начале мая вознамерился сам ехать в Кизляр. В случае же, если и тогда ему по какой-либо причине не удастся получить ожидаемые деньги, «в коих очень нуждается», как говорил он, то намерен оттуда проехать к берегу моря к местным рыбопромышленникам, с которых и соберет необходимую сумму денег.

Если раньше Зелимхан после удачного ограбления субсидировал своих родственников, а иногда и бедных земляков, то в 1911 году потесненный и потерявший к этому времени лучших сподвижников, денежным обложениям стал подвергать и сородичей. Но продолжал больше требовать от виновных

перед ним и его родом, как он считал, кровников. Забравшись в одну из пещер недоступной горы Чермоевской, в разгар лета стал рассылать оттуда требовательные письма: чтобы его кровники харачоевцы внесли ему 170 рублей, а кровник из сел. Махкеты Маак Джамалудин — 300 рублей. Не пощадил и свое общество Харачой — он обязал их платить ему дань, а какую, не указано. Вероятно за то, что в родном селе оказалось слишком много кровников. А чтобы все его «должники» не думали, что потянут время и все это сойдет им с рук, потому что абрек собирается бежать за границу, он объявил для них, что «решил умереть на родной земле и никому свою позицию не уступит.»²⁶⁷

Ассиновские события потребовали более результативной работы. Военный отряд при всей кажущейся деловитости не достигал желаемых результатов. Причина — ее оторванность от других сил, занятых решением этих же задач. 11 марта 1911 года исполняющий обязанности начальника Терской области г.-м. Степанов направил директивное письмо начальнику военного отряда. В нем говорилось: «Имея в виду, что усилившаяся деятельность администрации по уничтожению абреков и главным образом Зелимхана, с одной стороны, и таковая же усиленная деятельность военного отряда, с другой, нередко страдают отсутствием согласованности в своих действиях, начальник области нашел необходимым обратить на эту сторону дела серьезное внимание и теперь же озаботиться организацией этих действий, дабы, предупредив возможность каких бы то ни было трений и недоразумений, обеспечить задаче наибольший успех».²⁶⁸

Для устранения указанного диссонанса начальник Терской области ген.-лейт. Александр Степанович Михеев поручил своему заместителю генералу Николаю Ивановичу Степанову взять на себя лично обязанности по объединению действий администрации и отряда, а также непосредственное разрешение вопросов, «связанных с осуществлением возложенной на полицию и отряд задачи по поимке Зелимхана и других абреков».

Поставленные задачи требовали от Степанова переезда к местам наибольшего скопления абреков и дислокации частей военного отряда. И генерал прибыл в Грозный, где он должен был оставаться до особого распоряжения. Степанову предоставлялись самые широкие полномочия. Он мог по собственному усмотрению менять свое местопребывание с целью необходимой конспирации, донося лишь об этом начальнику области Михееву для сведения.

Основным районом действий координатора были Грозненский, Веденский, Хасавюртовский и Назрановский округа, а в случае необходимости в его сферу входили и все другие районы области. Степанов был уполномочен отдавать полиции и отряду любые указания, направленные на организацию совместных действий полиции и войска. Подробно изучив дела военного отряда, генерал-майор в письме начальнику отряда Марганию отмечал, что «действия воинских частей, входящих в состав военного отряда, против такого неуловимого неприятеля, как абреки вообще, а в особенности против Зелимхана, соблюдающего величайшую осторожность, сами по себе являются совершенно бессильными, хотя бы численность отряда была во много раз больше; и как бы искусны ни были распоряжения его частями, успех возможен лишь случайный, на который рассчитывать нельзя, тем более что население сплошь относится к абречеству благосклонно. Многие жители по тем или иным причинам укрывают абреков, и только меньшинство, наиболее благоразумные, готовы оказать начальству помощь в борьбе с этим страшным злом и народным бедствием».²⁶⁹

Таким образом, утверждал Степанов, части военного отряда, распределенные по району действия абреков, могут служить только как готовая сила для борьбы против абреков и предупреждению их замыслов. Но чтобы применить эту силу, необходимо добыть сведения об абреках и их планах, а они могут быть получены военным отрядом от тайных агентов непосредственно или от администрации. Степанов считал, что первый вследствие частых перемещений частей и отсутствия организованной связи с населением имеет меньшее значение, ~~чем~~ вторая, у которой имеется прочная иерархическая организация, начиная от начальников округов и кончая сельскими старшинами и их помощниками. Однако, утверждал он, и по настоящее время конечный результат не достигнут.

Причину этого он видел в двух обстоятельствах. Первая и важнейшая заключается в том, отмечал он, что только немногие начальники участков проявляют в этом направлении достаточную энергию, большинство же относится с преступным равнодушием сами и не желают заставить старшин относиться к этому делу «как бы следовало по долгу службы». Степанов строго предупредил, что неумение или нежелание начальников участков выполнять эти обязанности, он сочтет за несоответствие своему назначению и войдет с предложением

об удалении их с должности. «Что касается старшин, — продолжал Степанов, — то они сплошь относятся к абречеству не по долгу службы и присяги, а по адату, то есть даже с некоторым поощрением». В связи с этим Степанов предложил объявить им, что подобное отношение не может быть терпимо и в случае неисполнения ими своих обязанностей, будут немедленно отстраняться от должности, «не останавливаясь перед числом таковых, хотя бы пришлось сменить весь состав старшин».²⁷⁰

Вторую и также весьма важную причину неуспеха он видел в том, что отдельные чиновники администрации стремятся достичь успеха непременно лично, чтобы такую заслугу не мог иметь другой. Поэтому он подчеркивал, что «борьба с аб- речеством... имеет такое громадное общественное и служебное значение, что в этом деле, ради успеха его, долг службы велит поступиться личными интересами и честолюбием».²⁷¹ Степанов считал, что с устранением двух указанных причин обязательно будет достигнут желаемый результат, который приведет к спокойствию в крае и нормальному течению всякой службы.

Через агентуру власти постоянно вели наблюдение за передвижением абреков и в первую очередь Зелимхана. Но главный абрек ловко путал карты администрации и воинских частей, подкидывая через своих доброжелателей, служивших ему одновременно и подручной агентурой, ложные сведения, а те во власти чрезмерного усердия верили каждому такому сигналу, принимали превентивные меры, но, как потом оказывалось, напрасно, и сокрушались от своего бессилия и промахов. Вот один из таких примеров. 8 апреля 1911 года командир 3 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Котиев направил из сел. Урус-Мартан рапорт полковнику Марганию, в котором доносил, что 7 апреля начальнику 1 участка Марковичу стало известно из достоверных источников, что абрек Зелимхан ночью 7 же апреля должен прибыть в сел. Гойты или в сел. Урус-Мартан. Далее сообщалось, что Зелимхан будет двигаться юго-западнее Воз- движенска или Старых Атагов.

Проверка этого района показала, что там девять дорог. Понимая, что занять всех их силами только своей сотни он не сможет, Котиев послал экстренно-нарочного с письмом к начальнику военного отряда, изложив все подробности через передаточный пункт Алхан-Юрт, где располагается 2 сотня. Предполагая, что Маргания пожелает сам лично приехать, Котиев предупредил командира 2 сотни ротмистра Мусалаева «быть всей сотней начеку и выслать начальнику военного отряда на вокзал лошадей к поезду № 9. Однако эта сотня была вызвана самим Марганией, и намеченный план встречи изменился, но дать об этом знать начальнику отряда по телефону Котиев не решился, «дабы, — как он говорит, — не обнаружить плана».²⁷² Тогда Котиев со своей сотней, 8 стражниками и 8 кровниками Зелимхана Баканаевыми занял указанный район, приблизительно на протяжении 14 верст, и простоял там с 8 вечера до утра. Но, как он выразился, «безрезультатно и при самых отвратительных условиях»: была страшная грязь, стоял холод и слегка моросило.

Грозная фигура Зелимхана и его отряд побуждали власти к принятию срочных мер предосторожности. Напряженная обстановка, сложившаяся на востоке Терской области в связи с злонамерениями этой шайки, заставила местную администрацию провести в Грозном 15 апреля 1911 года представительное совещание по поводу организации охраны города.. В его развернутом постановлении говорилось, что: 1) по сигналу «тревога» к месту происшествия должны выступить взводы дежурных частей, находящихся в полной готовности от пехоты и конницы; 2) чтобы дежурная барышня на почте немедленно уведомляла о тревоге; 3) чтобы станичное правление, получив сообщение о тревоге, тотчас же высылало в станичную церковь дежурного бить набат; звон в набат подается следующим образом: после ряда частых ударов (как при пожарах) подаются редкие удары, числом не более пяти, затем опять частые. Затем редкие и т. д.; 4) обеспечить телефонами начальника военного отряда, а также помещения 1 и 3 рот 82 Дагестанского полка. Кроме того, начальнику Грозненского округа было поручено возбудить ходатайство об отпуске оружия лицам, проживающим в Грозном, изъявившим желание явиться на тревогу и вполне благонадежным. Еще столько же пунктов значилось с различными строгими предписаниями мер и обязанностей чиновников, ответственных за регион и его спокойствие. Протокол подписали: председатель совещания — и. об. начальника гарнизона полк. Сулейманов, за командира 1 Кизляр-Гребенского полка войсковой старшина Аверьяхов, городской голова Грозного Катров, и. д. атамана Кизлярского отдела войсковой старшина Коцырев, начальник округа полк. Стрижев, пристав Грозного коллежский регистратор Кауфман.²⁷³

Несмотря ни на что, абреки продолжали свое дело: ходили в разведку, преследовали

жертву, брали в заложники богатых, занимались рэкетом, мстили кровникам и администрации. С наступлением весны 1911 года шайка из семи человек ингушей Назрановского округа перешла через Темир-Хан-Шуринский округ на рыбные промыслы Воробьева, братьев Тушмаловых и других с целью осмотреть расположение таковых, а затем напасть на них или захватить в плен кого-либо из богатых рыбопромышленников. Начальник Хасав-юртовского округа командировал туда начальника 1 участка с частью команды сотника Яицкова. Солдатам удалось задержать двух подозрительных лиц, из которых один был ингуш Алимурза Тариев, другой – шуршинец из Дагестана Юсуп Салих оглы. Во время допроса они показали, что поскольку везде по области расположены части войск и команды стражников ингуши проникли на промыслы через Дагестанскую область. Они не скрывали, что являются разведчиками шайки и явились сюда для того, чтобы изучить местность и выследить удобный момент для нападения.

А в это время в сел. Автуры проходило совещание абреков, на котором было решено напасть «на экономию Месяцева с целью убить его и его телохранителя Мудала, показавших на суде против лиц, осужденных судом по делу пленения Месяцева, и на Грозненскую ярмарку с целью ограбить выручку денег».²⁷⁴ Здесь же обсуждался план нападения на магазин Ганжимова в Грозном или на кожевенный завод торгового дома «Кашченко». Для осуществления замыслов Зелимхан сколотил шайку до 28 человек.

Такой отряд мог внушить страх. Справиться с ним было совсем непросто и требовались большие силы. 3 мая начальник Грозненского округа с грифом «В.спешно. Совершенно секретно» направил сообщения об этом во все округа и отделы, в жандармские управления и полицию. На одном из них рукой Маргании была наложена резолюция: «Телеграммой. Яицкому. Немедленно командой возвращайтесь Хасав-Юрт. Григорьеву – Со взводом занять Ваше место Воздвиженском».²⁷⁵

Нападение абреков затягивалось. Причина не ясна, возможно, переживали бдительность властей. А уже 13 мая от того же лица и также «В.спешно. Сов. секретно.» всем структурам гражданской и военной власти Терской области поступило новое сообщение «в дополнение к первому от 3 мая», что «по вновь полученным достоверным агентурным сведениям, абрек Зелимхан Гушмазукаев решил, если удастся, устроить нападение на почту, идущую из Гудермеса на Кизляр. Нападение предположено произвести через 3-4 дня, причем шайка к рассвету должна пройти горную полосу. Какую именно, точно установить не удалось, но, вероятно, ту, которая идет к Шали или ту, в которой прапорщик Цаголов устраивал засаду после ограбления Воздвиженской почты в 1909 году. Полк. Стрижев».²⁷⁶

Факт непрекращающихся грабежей и разбоев констатировал и начальник Веденского округа. Он отмечал, что «даже увеличиваются, и их так много, точно народ только и живет ими, точно это и есть тот идеал жизни, к которому мы должны стремиться от мала до велика. Сосед ворует и грабит своего же соседа, братская кровь льется из-за всякого пустяка, народ несет огромные жертвы и разорительные материальные убытки, и все же среди них не находится ни одного здравомыслящего человека, который мощно крикнул бы: «Остановитесь, безумные, довольно!».²⁷⁷ Существование такого порочного явления начальник округа относил прежде всего за счет бездеятельности магометанского духовенства, большая половина которых в своих проповедях не учит народ добру, тому главному догмату веры, который служит «основанием религии и Закона Божьего». Он сетовал, что почтенные старцы, имеющие большое влияние на народ в своих беседах не направляют его к культурному развитию и совершенствованию, не объясняют, что только мирным трудом можно завоевать свое благосостояние. Подверг критике и своих сослуживцев. Он отметил, что старшины сел небрежно относятся к делу борьбы с преступным элементом, зачастую совершенно бездействуют, а начальники участков не проявляют достаточно активного участия не только в искоренении ~~этого~~ и в уменьшении преступности в округе.

В связи с этим начальник округа подполковник князь С.Г.Каралов, чтобы, положить конец этому крайне позорному явлению, по возможности сократить преступность в округе последовал примеру Грозного. 8 июня 1911 года для обсуждения способов борьбы с усилившимся злом он собрал в слободу Ведено большое число влиятельных лиц, в общей сложности более пятидесяти человек. Среди них были – кадий Аутахажиев, депутаты Горского суда Гази Магома Ольмисханов, Шепи Цуруев и Буп Гайбулатов; из 1 участка: Касим Хажу Сайбатаев, корнет Магомад Шамилев, Махматхан Сайханов, Эльсамирза Чогаев; из 2 участка: Касум Хажу Ильясов, Кехурса Темиргиреев, Расу Мула Гайтупаев; из 3 участка:

Сугаип Мула Гайсумов, Шамсудин Хажу Аутахаджиев, Ибрагим Гергизов, Демай Талхигов; из 4 участка: Ибрагим Юсупов, Юсуп Хажу Байбетыхажиев, Абдул Кадыр Хажу Берсанов, Темурко Хажу Лечиев и из 5 участка: Бета Келоматов, Лабадан Хажу Безерханов.

Приглашены были также начальники всех пяти участков округа и по два доверенных по выбору уполномоченных от каждого селения. Какие были выработаны мероприятия и намечены способы борьбы с подмявшим край под себя злом, установить не удалось. На этом текст документа обрывается. Но ясно одно, что население, изрядно страдающее от непрекращающихся грабежей и разбоев, выразило экстренную готовность активно подключиться к борьбе с ними.

После потери Саламбека Гороводжева, главного вдохновителя Зелимхана, и Аюба, организатора налетов, Зелимхан не впал в отчаяние, но дух его был заметно поколеблен. Отсюда — душевная неуравновешенность и двойственность. То он хочет уехать в Турцию, то представляет себя будущим имамом Чечни, который поднимет народ, подобно Шамилю, против России. Первый раз он хотел переселиться в Турцию сразу после ограбления Кизлярского казначейства. Но операция оказалась не очень удачной — слишком мала была сумма, которой завладели абреки — 5 тысяч рублей медяками, после дележа которой на каждого приходилось совсем ничего. Потом осуществить мечту помешали арест и ссылка семьи в Сибирь: все это время он ждал свою семью и вынашивал мысль об ее освобождении.

Настроения покинуть родину были следствием душевной слабости, в результате чего хотелось покончить с изрядно надоевшей скитальческой жизнью и обрести наконец покой. Но когда к нему возвращался воинственный дух, он, сознавая свою знаменитость, представлял себя в другой роли — в роли имама Чечни, который, в случае войны России с кем-либо, может поднять народное восстание против нее. Вот что доносил командир 6 сотни Дагестанского полка начальнику военного отряда 5 июня 1911 года: «В последние два месяца, как только заговорили о войне России с Китаем и Турцией, Зелимхан начал вести усиленную агитацию среди населения нагорной Чечни относительно восстания. Всюду разъезжает и упрашивает, чтобы повстанцы шли бы за ним и что у него будет поддержка со стороны. Также за последнее время с Зелимханом имеют связь турецкие муллы и какие-то армяне. В особенности в данный момент Зелимхан занят главным образом этой мыслью. Но и не может забыть ту обиду, которую нанесли ему начальство отправлением его семьи в Сибирь. Во всем этом он обвиняет ротмистра Доногуева, коему во что бы то ни стало хочет отомстить».²⁷⁸

Что такое намерение имеется у Зелимхана, подтвердило «совершенно секретное» письмо из Грозненского жандармского управления тому же Маргани 23 июня: «Абрек Зелимхан в настоящее время укрывается в 4 участке Грозненского округа в горах в специально устроенной им землянке. Усиленно занимается пополнением боевых припасов, необходимых ему, по его словам, как будущему имаму, коим он намерен стать в случае войны России с Турцией. Говорит, что, якобы, в его распоряжении имеется более 1000 трехлинейных винтовок, предназначенных раздаче населению в случае той же войны. В самом непродолжительном времени предполагает сделать выступление на плоскость, когда же именно неизвестно».²⁷⁹

Среднее и низшее звено терской администрации в лице начальников округов и участков и их помощников, а также сельские старшины имели свою разветвленную сеть шпионов и агентов, которым поручалось неустанно следить за абреками и главным образом за Зелимханом, за их местонахождением и ближайшими планами. Особо интересовали ночлежки и связи Зелимхана. Агентура выполняла важную работу, но она не всегда была продуктивной, поскольку выуженные сведения не всегда были достоверными, а зачастую и заранее вымышленными. На институт доношительства опирались и военные чиновники из казачьих отделов. Как военным людям им было гораздо труднее устанавливать широкие контакты с гражданским населением, но дело это было не совсем безнадежное: отдельные горцы, преследуя личную корысть, втайне от соплеменников помогали им и администрации.

Свою агентуру имел и Зелимхан. Это были родственники, со-аульники, сочувствующие и неприязнившие царский режим люди. Их так же, как и первых, было немало. В их обязанности входило вводить преследующую Зелимхана администрацию в заблуждение и дезориентировать, направлять ее по ложному пути и в любом случае выиграть время. Это помогало Зелимхану не только уходить от преследования, но внезапно оказаться и напасть там, где его не ждут.

Были и такие люди, которые вели двойную игру: работали и на администрацию, и на знаменитого абрека, извлекая свою пользу и там, и здесь. Косвенные подтверждения тому есть. Но они составляли единицы, так как это занятие требовало от человека особых способностей, и было слишком опасно, особенно со стороны загнанного в угол абрека, готового ради собственного спасения жестоко покарать любого предателя. С именем Зелимхана, как отмечалось выше, связаны десятки громких разбойных дел. Но самыми дерзкими из них являются налет на грозненский железнодорожный вокзал, попытка пленения миллионера Максимова, налет на кизлярское казначейство, разбои на Керкетском перевале и в Ассиновском ущелье. Но первым делом, принесшим Зелимхану славу непростого абрека, было пленение овцевода Месяцева.

Шайки формировались Зелимханом в зависимости от масштабности и сложности предстоящей операции. Они создавались только на время набега, затем после дележа добычи самораспускались, и каждая разбойничья группа уже действовала самостоятельно, пока опять не последует от Зелимхана сигнал на новое дело. Наиболее постоянный состав шайки обычно включал от 3-х до 5-ти человек. Такая небольшая группа обеспечивала внезапность налета, быстрый отход и превращение в невидимок. После убийства брата и отца Зелимхан еще придерживался этого принципа, но, боясь предательства, стал еще чаще держаться от всех особняком. Помощник начальника Терского жандармского управления, курировавший Грозненский и Хасав-юртовский округа и Кизлярский отдел, в одном из своих совершенно секретных рапортов начальнику военного отряда полковнику Марганию доносил, что «Зелимхан в большинстве скрывается один, отстранив от себя всех единомышленников. Встреча же бывает лишь по приглашению их Зелимханом».²⁸⁰

В 1911 году терская администрация подвела первые итоги своей противоабреческой деятельности и по наведению общественного порядка в крае. Результаты были обнадеживающими, хотя и не столь внушительными, как этого хотелось. Десятки абреков были убиты, среди них немало знаменитых, еще больше преданы суду, а главное успешная борьба оказала сильное положительное влияние на умы и сердца простых мирян, уверовавших, что худо-бедно власти справляются с этим злом.

В апреле того же года начальник Терской области докладывал главнокомандующему Кавказскими войсками в Тифлис о проделанной работе и своими соображениями по дальнейшему ходу дела. «Благодаря настойчивым преследованиям, розыскам со стороны полиции и отряда и в немалой степени развитию агентурной службы, осуществилась возможность задержания и уничтожения многих более или менее важных абреков, оказывавших в свое время значительное влияние на статистику преступлений в области. Таковыми являются: Ахмат Бергиев, Абуба-кар Хасуев, Саламбек Гороводжев, Межит Тасуев, Ваха, Мехты, Сулейман и Магомет Ведзижевы, Ногай Джаватханов, Шамсу Зубаиров, Вагап Гониев, Саад Багарчиев, Туган Шидаков, Соси Госаров, Олуп Казыров, Юсуп Долатов, Хамит Джантиев, Афанасий Лукожев».

На отпечатанном в канцелярии правления начальника области рапорте генерал-лейтенант Михеев надписал: «Вместо этого списка напечатать другой при сем прилагаемый». В новом списке уже значилось не 18, а 28 абреков, из которых еще четверо были убиты в перестрелках при задержании, это – Сунди Госаров, Мусса Козырев, Исак Халгавов и Аюб Томаев.

Далее начальник области отметил, что успешные действия полиции и отряда оказали сильное впечатление на жителей, и что если и впредь их действия будут таковыми, результаты указанной работы «окажутся самые желательные, тем более что недавнее переселение нельхинцев и кекинцев в Сибирь внушило окружающим твердую уверенность в том, что укрывательство не проходит безнаказанно для виновных, а полиция, между тем, все равно доберется, рано или поздно, до укрывающих».²⁸¹

Эти успехи вызвали не только «лихорадочный интерес» со стороны сельских обществ, но и желание самим «изыскивать более реальные способы к охранению необходимого всем спокойствия и порядка». В подтверждение приводятся примеры. Так, весь Назрановский округ по своей инициативе постановил о сформировании стражи из 100 человек для охраны территории округа от проникновения в него злоумышленников и похищенного скота. Затем некоторые участки Грозненского округа через своих доверенных постановили выделить путем самообложения 3000 рублей в распоряжение администрации для улучшения службы по борьбе с Зелимханом и прочими абреками.

Затем начальник области целиком сосредоточил внимание на Зелимхане. «В настоящее время, — писал он, — остается непойманным один Зелимхан, самый крупный, самый важный и зловредный абрек, по отношению которого... все меры, к сожалению, остаются пока тщетными... Но все таки точно установлено одно: Зелимхан чувствует себя крайне обессиленным и стесненным и потому окружает себя такой бдительностью и осторожностью, к каким он не прибегал ни разу за всю свою прежнюю практику. Лишенный двух ближайших и верных сотрудников своих: Аюба Томаева и Абубакара Хасуева, вынужденный считаться с неослабевающими действиями отряда, покрывшего сеть команд все подозрительные и удобные для Зелимхана места, наконец, далеко уже не уверенный в прежних услугах со стороны жителей, предавших на его глазах упомянутых Аюба и Абубакара, Зелимхан буквально зарывается от всякого постороннего взора, стараясь жить в самом строгом уединении, подальше от родства и знакомства. С целью гарантировать себя от опасных случайностей Зелимхан никогда не остается в одном каком либо месте более одного-двух часов, в последнее же время он буквально избегает населенных пунктов и, ютясь в глухих и неприступных горных лощинах, довольствуется не совсем удобным для него, но более безопасным и таинственным в глазах населения одиночеством».²⁸²

Начальник области отметил и самые разноречивые слухи, которые ходят вокруг имени Зелимхана. Одни, например, утверждают, что он в Турции, другие — называют Дагестанскую область, третьи — Грозный и даже Владикавказ, либо что он в том или другом ауле. Наконец, немалая часть населения уверена, что Зелимхана уже вообще нет в живых. Михеев докладывал Главнокомандующему и о состоянии души абрека № 1 последнее время и указывал, что он сильно злобствует и никогда не помирится с той ролью, которая ему выпала в качестве загнанного и обессиленного абрека. Помимо этого Зелимхана не оставляет мысль о судьбе его семьи, заключенной в тюрьму, которую должны выслать вместе с нельхинцами и кекинцами, и ждет того удобного случая, чтобы тем или иным выступлением сорвать на ком либо злобу и восстановить поколебленную славу.

Зима с обильными снегами и холодом создавала большие неудобства в борьбе с абречеством. С другой стороны и теплое время года создавало администрации свои трудности. Для абреков же весна и лето — самый благоприятный сезон, так как в это время значительно повышается их подвижность, а в зеленке легче укрыться от преследователей.

Со времен Кавказской войны прошло уже почти столетия, но в памяти она была еще очень жива. Царские власти не исключали, что при стечении определенных обстоятельств, воздействии на народ мулл и кадиев или враждебных сил извне может повториться что-то подобное. Поэтому, чтобы обезопасить себя, они регулярно конфисковывали у горцев оружие. И не только огнестрельное, но и холодное — кинжалы, несмотря на то, что они были неотъемлемым атрибутом кавказской черкески. Вот одна из таких описей оружия, конфискованного за время с 4 марта по 9 июня 1911 года и сданного на хранение в оружейный склад 82-го пехотного Дагестанского полка: кинжалов простых — 53, в черной оправе — 47, лезвие от кинжала

— 1; нарезных винтовок — 4, гладкоствольных системы Бердана — 7, пехотная винтовка — 1, карабин системы Бердана — 5, дробовых и кремневых ружей — 5, трехлинейная винтовка — 2 (одна отобрана у Аюба Томаева с 15 патронами), одноствольный пистолет-ружье — 2, револьвер системы Ногана — 3, системы Смита и Вессона — 13, системы Людвиг Лева — 1, системы Лепаж — 1, пистолет двухствольный — 1, пистолет одноствольный — 8, револьвер пятизарядный — 1, пистолет шестизарядный (Бульдог) — 1 и т. д., патронов — 59. Итого: огнестрельного оружия — 73, холодного (кинжалов) — 101 и 59 патронов.²⁸³

Но главная задача военного отряда заключалась в разгроме абречьих банд и прежде всего Зелимхана, ~~164~~ как все были убеждены, что с его уничтожением абречество если не исчезнет совсем, то хотя бы значительно ослабнет. Самый пораженный абречеством район — это Веденский и Грозненский округа. Поэтому все внимание военного отряда было направлено на этот регион. Начальник Веденского округа Каралов попросил помощи у находившегося ближе всех к нему 3-ей сотни Дагестанского полка, дислоцированного на тот момент в Грозном. В секретном предписании говорилось, что сотню необходимо поделить на две части: первую полусотню направить в сл. Ведено, а другую вместе с начальником 3-го участка — в сел. Махкеты, причем обе полусотни должны были производить обыски в селениях АгештиДаузен и во всех хуторах по пути следования. Вся дорога до места назначения и выполнение

поставленной задачи заняли немало-немного почти 12 дней – с вечера 7 июня до утра 18 числа. Но результаты были нулевые: ни Зелимхана, ни других абреков они не нашли, хотя те орудовали в это время совсем рядом.

Начальник области, следивший за развитием событий, был настроен решительно. 16 июня 1911 года он направил срочное предписание начальнику военного отряда: «Начальник Веденского округа шифровал телеграммой: Пребывание Зелимхана обнаружено районе Харачой Зиверхи Ахкеты Командируйте сотню полка».²⁸⁴

Контроль за исполнением этого приказа взял на себя заместитель начальника области генерал-майор Степанов. К названному приказу он приложил для полковника Маргании сопро- водилровку с более четкими указаниями. « С получением сего немедленно командировать надежную сотню в распоряжение князя Каралова, направив ее в с. Шали, якобы для смены 5-ой сотни. Князю Каралову телеграфировано: распоряжение сделано. Сотня выступает в с. Шали. Встречную направить скрытно куда необходимо».²⁸⁵

Лазутчики почти ежечасно доносили, что Зелимхан «оперирует южнее Ведено, приблизительно в 20-25 верстах». Для большей убедительности один старик мехкетинец 16 июня заявил начальнику округа, что «Зелимхан отдул его нагайкой и потребовал к 23-му июня (четвергу) 300 рублей». Другой, житель сел. Зиверхи, заявил, что «18 вечером Зелимхан угнал из общественного табуна 3-х лошадей и взял в плен самого табунщика – его племянника».²⁸⁶ Зиверхинец говорил, что табунщик был взят в плен с целью убить его, якобы, за доносы на Зелимхана.

К вечеру 19 июня к начальнику округа неожиданно явился сам пленник. Он рассказал, что утром на рассвете этого дня Зелимхан освободил его с двумя лошадьми, а сам направился на восток, взяв с собою одну лучшую лошадь. Начальник округа и командир сотни ротмистр Котиев вечером провели более глубокое дознание. Табунщик и родственники давали очень сбивчивые показания, вследствие чего дознаватели пришли к выводу, что лошадь или продана Зелимхану и табунщик ищет оправдание перед его хозяином и начальством или же просто демонстрирует свою непричастность. Они подтвердили, что Зелимхан действительно недалеко в труднодоступных местах. О дальнейших своих действиях ротмистр докладывал начальнику военного отряда: «Передвигаться верхами по пересеченной и лесистой местности, без определенной точки и трудно, и опасно, а потому я и начальник округа решили высылать с вечера сильные пешие секреты станичные со стражниками на более серьезные пункты насколько это позволяет нам численность нашей силы. Если верить слухам, передаваемым людьми заинтересованными, Зелимхан желает втянуть нас в глубь гор или, желая навести нас на засаду, хочет воспользоваться этим временем и выйти на плоскость».²⁸⁷

На самом деле было не так. Зелимхан с пятью ингушами занял позицию в недоступной Чермой Ламе и оттуда стал рассылать свои требования. Одно такое он направил в сел. Харачой своим кровникам, в котором обязывал каждого кровника внести ему дань 170 рублей. Другое такое же послание было передано кровнику из сел. Махкеты Мааку Джамалуддину. Тот должен был внести ему 300 рублей. Но таких денег не оказалось, и родственники Маака–Тайсум и другие отправились в Грозный раздобыть требуемую сумму. Третье послание было связано с расползающимся по Чечне слухом о, якобы, его переселении в Турцию. Хотя автором слухов бывал и сам Зелимхан, на этот раз объявил населению, что «он решил умереть на родной земле и никому свою позицию не уступит». В новом неприступном укрытии абреки испытывали трудности с продуктами, но эту заботу на себя взяли пастухи. Доступ к Зелимхану, к облюбленной им Чермоевской горе, был только один – через гору Макажой.

Чтобы точно установить местонахождение Зелимхана, ротмистр Котиев 21 июня отправил в разведку своих лазутчиков- ингушей. На Чермой Ламе они разбились на несколько партий. Так как во время разговора с пастухами их выдавал ингушский акцент, им пришлось выслать на равнину двух бывших с ними проводников из чеченцев. До самого вечера ингуши ждали возвращения своих разведчиков, но, потеряв всякое терпение, сами двинулись вперед. В сумерках они узнали от одного пастуха, что их посланцы пленены Зелимханом. Ингуши бросились во все стороны на подмогу, но к их большому огорчению своих товарищей чеченцев нашли только в одних бешметах, все же остальное – винтовки, кинжалы, лошади, седла, отдали Зелимхану.

Так в деталях и блестяще продуманная операция была полностью провалена. Поздно

вечером ингуши ни с чем возвратились назад. Командир сотни был расстроен от такого доклада. «В тот же миг, — доносил он начальнику военного отряда полковнику Маргании, — получив от меня указания, одни вернулись на Чермой Лам, а другие отправились занять дорогу, по которой был возможен выход его на плоскость по правой стороне Шаро Аргуна. От этого места до Виной Ведено насколько позволяет наша сила, дороги заняты секретами, а за Чермой Ламой установлено тщательное наблюдение с охраной».²⁸⁸ Далее текст обрывается.

Командир военного отряда Маргания поспешил сообщить начальнику области Михееву о положении дел на текущий момент и еще о чем-то многом, но настолько запутанно, что тот вынужден был как следует вразумить полковника. «При рапорте Вашем от 20 июня за № 68, — писал генерал Михеев по поводу его необстоятельных донесений, — представлена копия рапорта командира 6-й сотни Дагестанского конного полка ротмистра Доногуева от того же числа за № 230, о месте пребывания абрека Зелимхана и о его дальнейших намерениях. Так как из помянутого рапорта не видно сделаны ли были Вами лично, по помещенным сведениям (агентурным — авт.), какие либо распоряжения, то не представилось возможным предпринять что либо с своей стороны. Вследствие этого, считая данный рапорт Ваш только напрасной потерей времени в ущерб делу, предписываю на будущее время представлять вполне ясные и не вызывающие недоразумений донесения».²⁸⁹

Несколько дней противостояния ничего не дали, и воинские части вернулись в свои казармы. А Зелимхан с друзьями в это время осваивал уже другие места в соседнем округе. Чеченцы не все жаловали Зелимхана и его шайку, как и другие. К тому же из страха понести наказание со стороны властей они иногда откровенно отказывали им в приюте. Тем более после грозного предупреждения генерала Степанова о том, что пособникам абреков не будет никакой пощады, будут строго судить и даже ссылать на каторгу. Но горцы не из тех, кого можно легко напугать, и Зелимхан сделал свой выбор на временное жительство. Выбор пал на хутор Цереты Варандийского селения 3-го участка Грознеского округа. Здесь шайка провела шесть суток. Все это время их укрывали двоюродные братья Нажу и Дока (фамилии не установлены), а 13 июля 1911 года Зелимхан с шайкой из семи человек напал на почту возле Аргунского моста. Исполняющий обязанности помощника начальника Терского жандармского управления в Грозненском и Хасав-юртовском округах и Кизлярском отделе докладывал генералу Степанову: «Преступление это было совершено исключительно с целью причинить неприятность чеченцам, на коих падает ответственность за отказ в гостеприимстве и за доносы начальству. С этой же целью он намерен убить или пленить кого-либо из военных чинов в слободе Воздвиженской, а при случае и ограбить почту».²⁹⁰

После ограбления почты Зелимхан снова перебрался в Веденский округ. Несмотря на активную охоту за ним, его вернули сюда две не дающие покоя идеи — рассчитаться с кровниками Боту Туртуевым и его братом и убить слишком усердствующего начальника округа подполковника князя Каралова. И он решил начать с того, что легче.

Боту Туртуев держал овец и пас их на пастбищах в Аллеровских горах. Управляться с отарой помогали ему сын Джими и наемный чабан Мужа Али Мамадиев. В один из июльских дней, когда баранта находилась рядом с границей Андийского округа, из близ расположенного кутана выехали четыре всадника.

Подъехав к Мамадиеву и узнав у него, что отара принадлежит Боту Туртуеву, за которого в его отсутствие остался сын, всадники направились к нему. Один из них выступил немного вперед и, направив винтовку на юношу, сказал: «Я Зелимхан. Твой отец и дядя убили моего отца и брата, и я должен тебя убить».

Джими ответил всаднику, что он в той перестрелке не участвовал. «Тогда, — заявил Зелимхан, — я возьму тебя в плен». В тот же миг один из абреков связал Джими руки, а Зелимхан, трогаясь с места, крикнул Мамадиеву: «Скажи Боту, что я, Зелимхан, взял в плен его сына, и если он через 5 или 6 дней принесет мне 1500 рублей, то я освобожу его сына, а нет я его убью», и уехал, захватив с собой Джими. Дорогой они встретили жителя аула Саурго Садуллу Мокакаева. Зелимхан и ему наказал передать Боту внести за сына выкуп в сумме 1500 рублей.

Абреки сначала везли Джими с открытыми глазами, но затем при приближении к конечному пункту они завязали ему их. Все дни кормили хлебом и сахаром. На ночь развязывали глаза, но перевязывали ноги. Так Джими провел три недели. На 21 ночь пленения Зелимхан подвел юношу к какому то плетню, связал ему руки и ноги, обвязал башлыком голову и велел сесть, а сам ушел, пообещав скоро вернуться, но так больше и не

показался. Уходя, он забрал с собой бурку Ботуева, оставив его в одном бешмете. В таком положении Джими провел ночь. На следующий день он был найден проезжавшим мимо жителем сел. Дышн-Ведень Умажем Закраевым, который сообщил об этом стражнику в Ведено Гела Аматаеву.

Освобождение юноши прошло без выплаты выкупа. Причины, побудившие Зелимхана к такому поступку, неизвестны. Повидимому, безвинность юноши. На дознании все, кто был свидетелем пленения юноши, показали, что человек, который выдавал себя за Зелимхана, был мужчина среднего роста, 40 лет, с проседью. Был одет в черный бешмет, серую черкеску и рыжую папаху. Кинжал и шашка его украшены серебром, а сам он обвешан патронами. Под ним была черная лошадь. Зелимхану еще не было и 40, хотя нехватало всего-то несколько лет, но в условиях скитальческой жизни, недосыпаний и постоянного страха преследований он вполне мог сойти за этот возраст и даже больше.

Против Зелимхана в очередной раз было возбуждено уголовное дело по статьям 1540, 1545 и 1630 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», но ввиду его отсутствия, судебнo-прокурорским надзором дело было приостановлено «впредь до его розыска или добровольной явки».

Абрек не скрывал и своего намерения. «Все чаще и чаще повторяются слухи о том, — докладывал Котиев начальнику военного отряда, — что Зелимхан не покидает Веденский округ и во что бы то ни стало хочет убить начальника округа, по возможности скрытно, но если это не удастся, то открытым нападением... Весьма положительные агенты говорили мне, — продолжал он, — что Зелимхан принял присягу убить».²⁹¹

Отправив этот секретный рапорт по назначению 23 июля, ротмистр направил полусотню в сел. Элистанджи и далее по направлению гор, с тем чтобы установить там секреты, поскольку принесли известие, что знаменитый абрек должен пройти там. Котиев признается, что приходилось непрерывно закладывать секреты то здесь, то там и на более отдаленные пункты. Но этого было недостаточно. «Докладываю третий раз, — писал ротмистр, — что необходимо усилить сотню в 25-30 человек при офицере».

Настойчивость Котиева вызвала адекватную реакцию у Марганини, который в свою очередь направил рапорт начальнику Терской области Михееву: «Представляя настоящий рапорт, без приказанья В.Пр-ва я не могу ни единого всадника добавить к сотне, расположенной в Ведено, где стоят две пехотные роты и сотня конно-дагестанцев, хотя слабого состава и не может отразить мнимое нападение Зелимхана на Ведено, то для охраны вверенной В.Пр-ву области военный отряд нужен не в составе 4-х слабых конных сотен и одной пешей сотни, а целой бригады или дивизии».²⁹²

А в это время командир 6 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Доногуев в доме дагестанца временнопроживающего в сел. Катыр-юрт Насипа Дарга оглы вместе с вахмистром

Чеоровым и горожанином Атау Гаджиевым вел тайное совещание с шайкой Заурбека. О чем было совещание, документов на этот счет нет, но сам факт сближения военного представителя с абреками, наводит на мысль, что власти сумели войти в доверие к определенной части этих людей и привлечь их в качестве пособников, играя на чувствах неприязни друг к другу и соперничества, а возможно обещая и помилования.

Узнав об этой странной встрече, начальник 1 участка Грозненского округа Меркович сначала «справился об истине этого совещания» у Марганини, «а спустя некоторое время явился в сел. Катыр-юрт» и около часу ночи послал к Насипу урусмартановца Доша Баканаева, который стал допрашивать его: «был ли у него кто-либо из офицеров и нижних чинов Дагестанского конного полка» и был ли лично Доногуев, с кем и какую вели беседу. На все это Насип дал отрицательный ответ. Тогда Баканаев, как ему было приказано, потребовал ⁴⁶⁸ Насипа, явиться к самому начальнику участка. Агент Доногуева застал начальника участка сильно пьяным, который, несмотря на это, стал его допрашивать о том же. Возмущенный таким поведением Мерковича боевой офицер Доногуев 17 августа обратился к начальнику военного отряда Марганию с просьбой «войти с ходатайством перед начальником Терской области о воспрещении низшей администрации вмешиваться в мои секреты, ибо этим они приносят вред общему делу, но не пользу».²⁹³

Тогда же Зайнуддин Доногуев сообщил Марганию, что еще 11 августа с.г. состоялось «совещание Зелимхана с Заурбеком и, как сообщил ему агент, Зелимхан отвел того в сторону и что-то ему шепнул. О чем — Заурбек не сказал никому. «Но

спустя несколько дней после того, — докладывал Доногуев, — был ко мне прислан Заурбеком другой агент, через которого и сообщил мне Заурбек тот секрет, который не мог мне сообщить первый агент. Этот секрет заключался в следующем: Зелимхан предложил Заурбеку убить старшину сел. Шали Атаева и придти на присоединение с ним».²⁹⁴

После свидания ротмистра Доногуева с Заурбеком И. и Даутом Д. в селении Катыр-юрт в ночь с 29 на 30 июня, вышеназванные два абрека взяли с собой бывшего при ротмистре вахмистра 5 сотни Дагестанского конного полка юнкера Тагира Чеорова, который их сопровождал до Ведено, и въехали на нанятом фургоне в Веденский округ. Здесь они нашли Зелимхана в окружении исключительно ингушей Азамата Астемирова, Эль-берта и Иналха Эндыркаевых, Османа Умаханова, Дашлыко и Девлет-Гирея Даутиева. Вахмистр был взят ими с целью свободного проследования туда и обратно в Грозный, чтобы местные власти и войсковые части не задерживали их в пути. Зелимхана должны были взять 2 июля вечером или 3 утром, но этого делать не стали — мешало большое окружение людей.

2 июля Заурбек и Даут с вахмистром вернулись в Грозный и стали делиться увиденным: Зелимхана с ингушами они оставили в горах близ селения Сержень-юрта; провизию им доставляли серженюртовцы братья Омар и Хаси Басиловы и один харачоевец (фамилия неразборчива — авт.). Во время поездки Заурбека и Даута в Катыр-юрт для переговоров с ротмистром Доногуевым, названные серженюртовцы были арестованы начальником Веденского округа за то, что Зелимхан пользуется у них гостеприимством. Их арест и охота жителей Веденского округа за Зелимханом последовали главным образом вследствие последней угрозы ст. пом. начальника области генерала Степанова. Это лишило Зелимхана единственной надежной продовольственной базы. Поэтому ингуши предложили ему временно, пока не настанет затишье в Чечне, перейти с ними в горную Ингушетию, в частности, в Цори и Нельх, что они и сделали, и пробыли там с 30 июня по 1 июля. А вечером 2 июля Даут и Заурбек выехали из Грозного в Катыр-юрт. Там им были предложены верховые лошади. «Оттуда, — докладывал Маргания в правление Терской области Степанову, — они поедут за Зелимханом, и сегодня, 3 июля, рассчитывают с ним соединиться. Соединившись, убьют, где на лошадях, где на колесах привезут его в Грозный, где и желают получить все обещанное им. По их мнению, они свое предательское дело разыграют в течение 3-х или 5-ти дней, считая со дня их выезда из Грозного, т.е. со 2 июля».²⁹⁵ Заурбек и Даут очень просили освободить хотя бы временно арестованных братьев Омара и Хаси Басиловых, а также харачоевца, так как они очень на них рассчитывают, если вдруг Зелимхан из горной Ингушетии повернет обратно в Чечню.

Препятствовать перемещению Зелимхана с шайкой в Назрановский округ начальник военного отряда не стал, «боясь, — как он говорит, — помешать операциям Заурбека и Даута, так как поимка Зелимхана в настоящее время сделалась яблоком раздора между почти всеми административными и высшими властями».²⁹⁶ 30 июня в горы, в Ассиновское ущелье, инкогнито выехал пристав Малышев. Его приезд туда совпал с приездом Зелимхана, и Маргания волновался, как бы он не помешал операциям партии Заурбека и не спугнул Зелимхана. Волнения начальника военного отряда не были напрасными: Зелимхан и на этот раз ушел.

В поле действий военного отряда как первоочередная задача входила также охрана железной дороги и всех ее производственных и служебных объектов. Они не раз становились предметом искушения абреков. 16 июля 1911 года начальник Владикавказского жандармско-полицейского управления полковник Вальден направил начальнику Грозненского жандармского отделения депешу, в которой указывал, что по полученным сведениям абрек Зелимхан с шайкой в недалеком будущем предполагает нападение на почтовый поезд между разъездом Абухун и ст. Гудермес в черте земель станицы Кахановской и приказывал принять необходимые меры. Как свидетельствуют документы, выбор места нападения около станицы объясняется тем, что Зелимхан очень боялся настроить против себя соплеменников, среди которых и так было у него много кровников. Он знал, что в случае ограбления поезда в черте чеченских или ингушских сел, ответственность могут понести и их невинные жители, за что он обязательно будет проклят ими.

Железная дорога стала предметом особой заботы еще и потому, что поездом № 3, отходящим из Петербурга 26 июля отправлялись 8.350.000 рублей кредитными билетами для усиления Армавирского, Асхабадского и Бухарского отделений Государственного банка. В

связи с этим сенатор Ватаци просил начальника Терской области принять чрезвычайные меры охраны пути следования означенных ценностей по железной дороге на Баку. Меры были приняты тут же. Полковник Маргания получил приказ экстренно организовать воинскую охрану указанного поезда «чинами военного отряда (независимо от наряда и войск)» с тем, чтобы от Минеральных вод и до Петровска его обязательно сопровождал один офицер. Тогда же было предписано атаману Кизлярского отдела принять меры охраны железнодорожного пути между разъездом Аргун и станцией Гудермес в юрте Кахановской станицы.

Наряду с усердием большинства военных и гражданских служащих, были случаи расхлябанности и халатного отношения к делу. 7 июля на родине знаменитого абрека в селении Харачой произошло вооруженное столкновение военного секрета с Зелимханом., в котором был убит стражник урядник Магомет Хадисов. О подробностях этого боя было доложено в Тифлис, в Кавказский военный округ. В штабе округа, изучив обстоятельства и ход столкновения, были возмущены безответственностью и неумелыми действиями занятых в нем лиц. В докладе штаба и в спущенном циркуляре обращалось «внимание на несоответствие обстановке действия начальника Веденского округа подполковника князя Каралова, которые привели к полной неудаче и печальным последствиям, а также на возмутительное поведение всех должностных лиц, назначенных в секрет для выслеживания и задержания Зелимхана».⁷

Команде, сформированной подполковником, было отдано приказание о порядке следования ее к месту разведки с указанием вполне определенной задачи, выполнение которой возлагалось на секрет, а именно обнаружить местопребывания Зелимхана и уничтожить его вместе с шайкой. Однако, указывалось далее, для выполнения такого серьезного поручения Караловым был выслан секрет к месту назначения не под командой и общим руководством какого либо опытного участкового начальника или офицера охранной стражи, как это следовало бы сделать, а под наблюдением старшего в нем урядника Хадисова, благодаря чему секрет, не имея во главе авторитетного начальника, с самого начала своих действий уклонился от поставленной ему задачи и вопреки отданному категорическому приказанию, отправился без всякой на то надобности в сел. Харачой, куда раньше того отлучился из состава команды старшина этого селения Азарсанов и несколько человек из партизан. Опасения штаба были не напрасны: Азарсанов и сопровождавшие его партизаны опередили команду с той целью, чтобы предупредить Зелимхана и его друзей.

Во-вторых, внезапно столкнувшись с абреками и сразу же потеряв руководителя, команда пришла в полное замешательство и, не оказав должного отпора противнику, открыла по абрекам беспорядочный огонь, «вследствие чего, отмечалось штабом, дальнейшее вялое и нерешительное преследование злоумышленников свелось лишь к бесцельным розыскам следов ускакавших абреков. Резкая оценка была дана и поступкам старшины Азарсанова и начальника участка кн. Эльдарова. Прибыв к месту происшествия только по окончании стрельбы (а Эльдаров вообще явился только на второй день), они не приняли вместе с сбежавшимся народом никаких мер к задержанию скрывшихся всадников и не попытались обрезать следы абреков вокруг селения, «благодаря чему последние оказались окончательно утерянными». По этим фактам было возбуждено уголовное дело, привлекались вышеназванные лица, началось следствие, но чем оно закончилось, неизвестно: в архивах не удалось обнаружить материалы об окончании следствия и приговоре суда.

9 августа произошло еще одно столкновение. И таких случаев было очень много, так как Зелимхан и его друзья не всегда знали места расположения секретов. На этот раз оно произошло в Аржихоевском ущелье. И опять зелимхановцы ушли невредимыми. Поиски их давали самые разноречивые сведения. Начальник Веденского округа сообщал Марганию, что два его агента видели 13 августа, как из сел. Нижелой проехала через Аргун в сел. Шалажи 1 участка Грозненского округа туземная арба, запряженная двумя волами, на котором лежал больной или раненый человек. Погонщиком на этой арбе сидел, как им показалось, переодетый в женское платье мужчина. В этой же арбе они заметили три винтовки, а к арбе были привязаны два быка, вслед за которыми шли два чеченца проводника, один из которых был житель Нижелоя Атабай, бывший в ссылке. По предположению агентов на арбе везли самого Зелимхана, раненого в перестрелке, а возможно и его товарища.

Начались поиски и дальнейшая слешка. Каралов обратился к Марганию с просьбой установить секретное наблюдение за лекарями, проживающими в сел. Валерик Эльмурзой,

его братом Лаки и их двоюродным братом Сардалом Хаджи. Возможно, это наблюдение откроет местонахождение раненых в Аржи- хоевском ущелье, так как, по предположению агента, раненые пользуются услугами этих лекарей.

Однако все это была ложь, догадки. Вся информация об абреках в спешном порядке поступала как в правление Терской области, так и к начальнику военного отряда. Ротмистр Котиев докладывал последнему, что его два агента – один 15 августа, другой 18 августа – встречались с Зелимханом. От них достоверно известно, что он жив-эдоров, продает лошадей и седла и ищет заграничный паспорт. На этом же рапорте, повидимому рукой самого Маргания, написано: «Достоверно известно, что Зелимхан не ранен, ибо 15 и 18 августа с ним разговаривал близ сел. Новые Алды и хутора у сел. Урус-Мартана один из наших агентов. Другой же агент с ним разговаривал 19 августа в казенном лесу в 4-х верстах от аула Сержень-юрта. Равно по сведениям тех же агентов не подтверждается появившаяся в газетах версия о поранении ингуша Дашалко, которого оба раза видели с Зелимханом».²⁹⁸

Непрекращающиеся грабежи, разбои, убийства стали чуть ли не главным социальным злом. На Северном Кавказе росло недовольство, в том числе среди самих соплеменников. Не стало это нравиться и оппозиционной части религиозного толка – шейхам, мюридам, кадиям, и они были готовы оказать властям помощь в борьбе с абреками. Об одной такой отвергнутой попытке рассказывает тот же Доногуев. 14 августа был у него агент из Автуры Баммат-Гирей-Хаджи Митаев и сообщил ему, что недавно он ездил в Ведено, говорил с начальником округа князем

Караловым о том, что, «как сам Хаджи, так и его мюриды, хотят всячески оказывать содействие администрации для задержания Зелимхана, на что он ответил, чтобы Хаджи никакие меры в этом направлении не принимал, а сидел бы дома. Что мне теперь делать? С Вашего разрешения я пустил было в ход своих мюридов, а князь Каралов мне приказывает не вмешиваться в это дело?».²⁹⁹

В данном случае налицо осторожность со стороны администрации. Трудно сказать, напрасны были эти опасения или нет, но с другой стороны военный отряд наращивал свою активность. Его начальник полковник Маргания 18 августа направил ротмистру Дагестанского конного полка Долидзе, чей отряд занимал одну из ключевых позиций, предписание, в котором требовал вменить в обязанность начальникам постов Ведено, Ца-Ве- ден, Махкеты и Эрсеной изучить подробно все дороги и тропы, идущие от этих пунктов во все стороны на расстоянии 20 верст, равным образом дороги и тропы, ведущие от одного поста к другим, и произвести маршрутные съемки, «дабы начальники постов и урядники сами без проводников знали бы дороги». Он потребовал также наметить каждому посту пункты, где должны выставляться на ночь секреты, которые в свою очередь должны постоянно меняться.

Маргания отметил, что офицеры на засады не идут, а посылают урядников. Это недопустимое нарушение правил службы. Засада может быть надежной только при офицере. Поэтому в тех постах, где есть по два офицера, начальником заставы должен быть обязательно офицер, а где один, он должен чередоваться с вахмистром или полковым юнкером и урядником. Начальники постов должны вести дневники о засадах и разъездах. В Махкеты, как в самый отдаленный и важный пост, следовало командировать штаб-ротмистра Шамсудина Доногуева (родной брат командира 6 сотни Дагестанского конного полка ротмистра Зайнутдина Доногуева). При отправке на засады Долидзе должен был просить начальника округа и сельских старшин подключать к ним надежных чеченцев, которые на своем языке могли спросить всякого подходящего к засаде человека, чтобы не перебить невинных людей. Ему вменялась также обязанность отправлять Марганию донесения, а в экстренных случаях телеграммы обо всех столкновениях и происшествиях с постами, о месте пребывания Зелимхана.

Сам же Маргания, получив сведения, что Зелимхан, теснимый в горной части Веденского округа, спустился на плоскость Грозненского округа ближе к железной дороге, временно передвинул Шалинский пост в Устар-Гордой на Аргун. Уверяли даже, что 4 дня назад он был в ауле Новые Алды и с одним из своих сподвижников обсуждал план своего выступления. Маргания допускал, что с усилением облавы на Зелимхана в Веденском округе он может уйти в Андийский округ и горную часть Грозненского округа, а для совершения выступления – в районы Бачей-юрт, Гудермес и даже ближе к городу Грозному. Вместе с тем начальник военного отряда в случае, если у Долидзе или у начальника округа окажутся достоверные сведения о том, что Зелимхан все еще в районе сл. Ведено, обещал возвратиться назад

Шалинский пост и даже усилить все другие посты Веденского района полусотней ротмистра Мусалаева.

С целью взаимодействия и более оперативного решения задач между командами постоянно поддерживалась нарочная и телефонная связь. Но, к сожалению, и она зачастую не давала никаких результатов. 27 августа 1911 года ротмистр Котиев передал командиру 5 сотни Дагестанского полка ротмистру Хабаеву, что, как донесли ему его агенты, Зелимхан с товарищами из 8 человек 28 августа пройдет по контролируемой им территории из Херстен-Корта в сел. Бачей-юрт. Хабаев отобрал из сотни 20 всадников и в 4 часа утра 28 августа выступил по направлению к сел. Курчалой и Гельдыген. Пройдя Курчалой, ротмистр разделил команду на 2 части по 10 человек в каждой и устроил 2 засады: одну, – пройдя 7 верст на Кочерыжки, другую – между Гельдыгеном и Кочерыжкой, в месте соединения дорог. Пробыв в засаде до самого вечера и ничего не обнаружив, команда в 7 часов вечера вернулась в места расположения.

Мы уже отмечали, что как окружение Зелимхана, так и некоторые агенты администрации, делающие вид, что преданно служат властям, помогали Зелимхану, сознательно вводили заинтересованных лиц в заблуждение, распуская самые невероятные слухи. Это всю терскую администрацию и воинские части держало в постоянном напряжении, заставляя делать большие напрасные траты средств и времени. Вышеприведенный факт тому подтверждение. А вот еще такого рода примеры: 30 августа тот же Котиев сообщил начальнику военного отряда, что повсюду ходят «слухи, что он (Зелимхан – авт.) находится в 3 и 4 участках: одни говорят, что покупает лошадей, другие – что нет, напротив – продает своих и ищет паспорт, а третьи – что запрятался на время у родни».³⁰⁰

Во время засад случались всякие эпизоды, на первый взгляд ничего не значащие, но свидетельствующие о том, что жизнь в этом беспокойном крае никогда не утихает, она в любое время суток насыщена и полна любых неожиданностей, за которыми стоят свои причины и интересы. И ночь в этом отношении – самое удобное время. Если нападения на воинские части и разбои совершались преимущественно днем, то темная ночь становилась свидетельницей разного рода хищений и тайных сходов. Зелимхан часто, особенно во время уразы посещал могилы отца и брата, которые находились в семи верстах от сел. Бачей-юрт. Зная об этом, старшина Бачей-юрта вместе со стражниками отправился к могилам и устроил там засаду. На рассвете показалась арба, в ней сидел житель этого села чеченец Ваача Батаев. Когда арба была уже рядом, старшина решил выйти из засады. На вопрос: куда едет, Ваача ответил, что за дровами. Старшина ему не поверил, так как это было в праздник, в пятницу, но все же отпустил его. Позже старшина узнал, что аробщик был выслан Зелимханом для разведки и был предупрежден им о нахождении на кладбище засады. Он также узнал, что примерно тогда же Зелимхан был в Бачей-юрте и передал его жителю Кади Гакаю харачоевскому 50 рублей для раздачи бедным. Но для старшины показалось подозрительным и то, что Ваача Батаев всегда – и днем, и ночью – без дела слоняется около 5 сотни, что приводило его к мысли, а не следит ли он за действиями сотни по заданию Зелимхана.

Командир 5 сотни ротмистр Хабаев, учитывая это обстоятельство, в спешном порядке с той же самой целью – изловить или уничтожить Зелимхана – в ночь с 25 на 26 августа устроил недалеко от могилы отца абрека свою засаду. Вдруг в одиннадцатом часу вечера с противоположной стороны села Бачей-юрт раздался выстрел, а спустя полтора часа к могилам подошли три чеченца. Они долго о чем-то говорили между собой, потом стали осматривать местность. Это дозор, высланный Зелимханом, подумал ротмистр, и тут же раздался предательский шорох со стороны засады. Это насторожило чеченцев, они умолкли и даже стали отходить. Предположив, что засада обнаружена, Хабаев подал команду задержать ~~их~~⁴⁷²Один из них оказался чеченцем, два других были ингушами, и все при оружии. На вопрос, почему они в такую пору оказались здесь, оправдывались тем, что искали затерявшийся скот. Через какое-то время с той же стороны, что и первый раз, снова раздался выстрел, на что задержанные привстали. Один из них покачал головой и что-то сказал другому, а когда Хабаев спросил их, что это значит, они ничего не ответили, что заставило ротмистра предположить, что это был условный знак, на который задержанные не смогли ответить. С наступлением утра задержанные с оружием были переданы начальнику 1 участка Веденского округа.

У каждой из противоборствующих сторон имелась хорошая разведка, а у Зелимхана были еще и дезинформаторы, которые при случае наводили преследователей на ложный след. Вообще, если сравнивать, кого больше: тех, кто симпатизирует Зелимхану, или тех, кто готов сдать его властям, даже если взять его многочисленных кровников, то первых окажется гораздо больше. И тому немало доказательств. Гибель отца Гушмазуко, брата Солтамурада, а затем и ранение самого Зелимхана у чеченцев вызвало чувство глубокого сопереживания. Многие даже решили отомстить за них. Так, например, махкетинцы в числе 6 человек, узнав однажды, что штабс-ротмистр Шамсудин Доногуев – родной брат ротмистра Зайнудтина Доногуева вызван в Ведено, устроили ему засаду, но опоздали. Обрато Доногуев возвращался другой дорогой, так как был уже предупрежден. Из симпатий к Зелимхану в первый день гибели его брата были заперты все лавки, их хозяева объявили бойкот властям, а аварцам и чеченцам, у которых на постое были солдаты, предлагали выгнать их.

Еще одно дерзкое нападение, на этот раз на дорожную комиссию, совершил Зелимхан в ночь с 15 на 16 сентября 1911 года. Комиссия должна была произвести плановый осмотр дорог от озера Эйзенам на Ведено и Грозный. В нее входили инспектор Кавказских путей сообщения, представители от Военного ведомства и Государственного контроля – всего 4 человека. По этому случаю начальник работ Дагестанского отделения, статский советник, инженер М.Орловский писал начальнику военного отряда: «Ввиду того, что проезд на всем вышеуказанном протяжении не безопасен благодаря известному разбойнику Зелимхану, имею честь покорнейше просить Ваше высокоблагородие не отказать в назначении надежного конвоя из нижних чинов конно-дагестанского полка в таком количестве, в каком это найдете необходимым для безопасности проезда вышесказанной комиссии».³⁰¹

Новость не стала секретом. Она быстро облетела все окружение и дошла до Зелимхана. В состав этой комиссии входил также инженер Юцевич, известный как очень богатый человек. Это и привлекло внимание Зелимхана к комиссии. Кажется, появилась возможность добыть деньги и кое с кем свести счеты. Он хотел пленить Юцевича и получить за него хороший выкуп, а если удастся, то и произвести обмен пленников на свою семью. 28 августа абрек с пятью товарищами явился в дорожную сторожку и говорит дежурному:

– Я знаю, на днях будет ревизия шоссейной дороги, и комиссия будет здесь в сторожке. Если ты мне не дашь знать, то тебе смерти не миновать. Скажи, когда сюда приедет дорожный мастер?»

Сторож ответил, что ничего определенного сказать не может. После этого абрек потребовал:

– Если до 30-го он не приедет, я пришлю человека, которому ты вызовешь его. И еще передай Селимову, что если он о времени прибытия этой комиссии мне не даст знать, я его убью.³⁰²

О том, что Зелимхан уже охотится за комиссией, Кибиров узнал, как он говорит, от близкого ему человека, родственника Зелимхана. Этим родственником оказался тот самый Ца-Веденский дорожный мастер, которого искал абрек. Поручик в то время стоял с полусотней в сел. Ца-Веден и жил в доме Селимова. Селимов – закадычный друг Зелимхана, находился в постоянном общении с ним, пил запоем, и однажды, будучи сильно пьяным, проговорился Кибирову, что Зелимхан на этих днях под вечер подъехал к будке, расположенной на перевале за Кари-чаем, вызвал сторожа будки и имел с ним разговор. О чем он был, мы уже знаем. Утром следующего дня поручик Кибиров сообщил о сведениях, полученных от своего агента, начальнику военного отряда. В рапорте он просил уговорить инженера, чтобы тот из-за этого слуха не отложил свою ревизию, а самому Кибирову было разрешено переодеться и поехать с комиссией, взяв с собой человек 8-10 из своей команды пешими «в виде чинов комиссии на фургоне, авось попытается напасть. Я слышал, он намерен взять комиссию в плен». Затем Кибиров попросил начальника отряда строго держать эти сведения в тайне. Не дай бог, если ктонибудь проговорится Селимову об этих планах, ибо Селимов – ярый приверженец Зелимхана, и тогда все дело пропало. Пока ждал дальнейших указаний, Кибиров установил осторожное наблюдение за человеком, которого должен прислать Зелимхан за мастером. Но он не знал, поможет ли его задержание или расстроит план.

С целью проверки полученных сведений 31 августа полковник Маргания вместе с Долидзе зашел к инженеру Юцевичу, живущему в Грозном и ведающему шоссейной дорогой на участке Грозный – Ведено – Эйзенам. Юцевич сказал, что Зелимхан действительно хочет его

пленить, и добавил: К моему несчастью кто-то ему сообщил, что я богатый человек.

Относительно комиссии инженер сказал, что она прибывает в Шуру 2 сентября. Маргания решил присоединить к комиссии команду всадников для ее охраны, а главное для уничтожения Зелимхана в случае его нападения. При этом просил все это держать в большом секрете и не брать в состав комиссии Ца-Ве- денского дорожного мастера Селимова, родственника Зелимхана, «могущего играть в этом деле двойную роль».

Более других информированный Кибиров делился своими соображениями с начальством. Он говорил, что если случится нападение, то оно должно произойти на Царской дороге в районе караулки (будки), находящейся в 12 верстах от Ведено и в 5 верстах от сел. Харачой.

Такого же мнения были Маргания, и Каралов. Они также считали, что нападение должно случиться между озером Эйзенам и сел. Харачой, в районе, представляющем все удобства для нападения: прилегающая местность сильно пересеченная, покрыта лесом и близка к местонахождению Зелимхана близ сел. Харачой, где чеченское население вполне ему сочувствует.

Со всеми этими делами совпал и приезд наместника. 4 сентября с ночным поездом Маргания выехал на ст. Минеральные Воды для встречи наместника на Кавказе, возвращавшегося из Петербурга в Тифлис, а ротмистр Долидзе отправился в Пет- ровск и далее в Темир-Хан-Шуру, где находился сборный пункт дорожной комиссии. На следующий день в поезде наместника адъютант Маргании подъесаул Федюшкин доложил своему начальнику, что Орловский настоятельно просил ввиду скорого приезда комиссии не отказать в назначении надежного конвоя и в случае согласия сообщить ему в Темир-Хан-Шуру, а он, Орловский, будет телеграфировать из Хунзаха о дне приезда комиссии к озеру Эзенам. 6 сентября Маргания сообщил Орловскому, что командовать конвоем назначен ротмистр Долидзе, который со всадниками из Шуры будет сопровождать комиссию до самого Грозного. Комиссию действительно сопровождали 12 солдат Долидзе, которые, как предлагал поручик Кибиров, сходили за рабочих подрядчика. Это были, как свидетельствуют сотенные командиры, «лучшие стрелки и вполне соответствовали требуемым качествам».

Зелимхан всем вскружил головы. Постоянная слежка за ним и большая агентура стали источником многочисленных сведений, как действительных, так и ложных. Вот и теперь в период подготовки сопровождения комиссии они набегали одна на другую. От генерала Степанова Долидзе получил сообщение, что Зелимхан хочет пленить на ст. Слепцовской богатого грека- ссыпщика. Но тут же вслед за этим агент ротмистра Доногуева передал, что абрек собирается «сделать выступление», чтобы обеспечить себя необходимыми финансами, и вместе с ним, являвшимся одновременно и агентом Зелимхана, отправиться в Сибирь, чтобы выкрасть свою семью и уехать в Турцию. Уже по этому донесению этого слуги двух господ жертвой нападения должен стать один из богатых казаков ст. Ермоловской, у которого около 4 тысяч наличных денег.

Полковник Маргания сообщил об этом атаману Кизлярского отдела, лично донес Степанову, корнету Дагестанского конного полка Шрамченко и приказал Долидзе отправиться в Ермоловс- кую, выбрать там место для засады со стороны Чечни.

Что касается Зелимхана, то он приказал агенту Доногуева в недельный срок разыскать того казака ст. Мекенской, который был в работниках у богатого казака и говорил, что у него есть деньги. Казак-работник не разыскивается, и абрек снова посылает агента за ним. Когда и повторные поиски не дали результата, Зелимхан ушел в горы. А вскоре 4 сентября в апартаменты начальника Терской области и в военный отряд пришла весточка, что в самую главную шайку внедрился ингуш Назрановского округа, на которого возлагались надежды, что он убьет Зелимхана, относящегося к нему с большим доверием. Этому внедрению придавалось настолько важное значение, что неким официальным лицом было доложено начальнику ~~области~~ ³⁰³ Михееву и его помощнику генералу Степанову о том, что «Зелимхан уже убит и тело его лежит во льду, в ожидании предварительно получить 8 тысяч обещанных за голову Зелимхана».

Об этом было доложено и наместнику на станцию Минеральные Воды, где в это время он находился проездом.

Но 6 сентября осторожный Зелимхан обыскивает этого ингуша, находит подозрительные лекарства и талисман и прогоняет его от себя. Ингуш, убежденный в том, что осуществить замыслы больше не удастся, взял двух земляков-ингушей, которых привел с собой в шайку, и возвратился в свои места, а Зелимхан остался в горах Веденского округа с братом

Бийсултаном и еще одним андийцем. Других товарищей тогда у него не было. Но это ни о чем не говорит: в нужный час Зелимхан мог завербовать какое угодно количество сподвижников из числа абреков и сочувствующих чеченцев, готовых принять тайное участие в любом его предприятии.

12 сентября Зелимхан присылает к ингушу-агенту своего родственника передать ему, что он пока отказывается от поездки в Россию, а его приглашает принять участие, не говоря, куда и на что, в новом разбое. Для этого он наказал ему сварить 50 яиц, зажарить двух кур, припасти достаточное количество хлеба и приготовить коня. Однако в тот же день вслед за родственником он прислал гонца из сел. Старые Атаги передать ингушу, « что он разуверился в его дружбе, ибо он агент русских, и больше с ним никакого дела иметь не желает». На вопрос агента, где сейчас находится Зелимхан, тот ответил, что сегодня на рассвете выехал на Шаложинские хутора и намерен произвести ограбление одного из хуторян-овцеводов в юртовых наделах станицы Червленной или Мекенской.

Получив эти сведения, начальник отряда Маргания вместе со своим адъютантом подъесаулом Федюшкиным вечером 14 сентября прошел к начальнику гарнизона генералу Майбороде и попросил приготовить две сотни 1-го Кизляро-Гребенского полка в свое распоряжение. Одновременно в сел. Шаложу был отправлен агент, чтобы проверить, действительно ли Зелимхан там. Если да, то агент должен вернуться в Урус-Мартан, где его будет ждать 2 сотня Дагестанского полка, вызванная туда к 15 числу. По получении положительных сведений от командира сотни штаб-ротмистра Мусалаева, добытых агентом в Шаложу, Маргания должен будет с двумя сотнями 1 Кизляро-Гребенского полка и полусотней 6 сотни Дагестанского полка, присоединив в пути полусотню 2 сотни Дагестанского полка из сел. Урус-Мартана, окружить на рассвете Шаложу и его хутора.

Вся вышеприведенная суэта и сношения военного начальства в итоге оказались по существу напрасными. Ровно в половине первого ночи с 15 на 16 сентября временно командующий Дагестанским полком подполковник Кобиев передал Маргании по телеграфу, что «на границе Веденского и Андийского округов разбойниками команда конно-дагестанцев с Долидзе перебита. Инженер Орловский и три ямщика убиты. Полковник Чикалин взят в плен». ³⁰⁰ Начальник военного отряда, как и положено, срочно сообщил о случившемся по команде, а Котиев и Каралов приказали всем постам перекрыть пути отступления абреков.

Работа комиссии была обставлена сложностями, связанными с пересеченной местностью, и затягивалась. В это время за ней внимательно следил Зелимхан. На одном из поворотов малого Керкетского перевала он устроил засаду, удобную для себя на неприступной скале в зарослях и совсем неудобную для противника из-за открытости местности. Чтобы не навлечь гнева начальства на Чечню, Зелимхан со своей шайкой расположился на границе с Дагестанской областью, но откуда просматривалась вся дорога.

В пути между станциями Кизляр и Левашу инженером Дагестанского отделения Кавказского округа путей сообщения инженером Орловским, проводившим там ремонтные работы, была получена с нарочным телеграмма от начальника 4 дистанции инженера Юцевича с просьбой дождаться его приезда, так как он везет секретную бумагу чрезвычайной важности. В бумаге начальника военного отряда сообщалось, что на комиссию шайкой Зелимхана готовится нападение в районе Керкетского перевала у форельного озера, вследствие чего выслан отряд под начальством ротмистра Долидзе с 12 рядовыми Дагестанского полка. Прибывший вместе с Юцевичем ротмистр Долидзе сообщил, что для отвлечения внимания Зелимхана дагестанцы едут на подводах под видом рабочих подрядчика. Уже в Ботлихе поздно вечером комиссия получила донесение от дорожного мастера третьей дистанции Саида Селимова, что у Керкетского перевала замечена шайка из 10 абреков. В 7 часов утра следующего дня, 15 сентября Долидзе послал из Ботлиха в Ведено начальнику округа телеграмму на грузинском языке русскими буквами. В ней говорилось: «десять конных разбойников ждут нас около озера». И далее он просил передать Котиеву, чтобы тот выслал к форельному озеру 20 человек конных дагестанцев, чтобы в случае, если между шайкой и отрядом завяжется перестрелка, они не дали ей уйти, отрезав путь отступления. В этот же день неожиданно заболел (на этот раз на свое счастье) инженер Юцевич и остался в Ботлихе, а по дороге вышли из строя фургоны, и пешая охрана пересела на фаэтоны, высланные из Ведено.

Телеграмма Долидзе поступила к Каралову во втором часу дня. Ознакомившись с ней, подполковник Каралов и ротмистр Котиев направили на перехват Зелимхана и его

сподвижников во много раз больше людей, чем просил Долидзе. Чтобы на этот раз наверняка взять Зелимхана, было сделано распоряжение: 1) полусотне, квартирующей в сел. Харачой под командой поручика Гасанилова, немедленно выступить по Царской дороге к озеру Эзенам; 2) полусотне, квартирующей в сл. Ведено под командой ротмистра Котиева выступить вслед за поручиком Гасаниловым.; 3) полусотне, квартирующей в сел. Мехкеты под командой штабс-ротмистра Доногуева выступить в горы и занять командную высоту по дороге к озеру; 4) полусотне, квартирующей в сел. Сержень-юрт под командой поручика Доногуева выступить по Царской дороге к Арджиаховскому ущелью и, пройдя сел. Эшельхот, закрыть дорогу, идущую в горы; 5) полусотне, квартирующей в сел. Ца-Ведень под командой поручика Кибирова прибыть в Шамилевский хутор и оттуда подняться на Чермой Лам к Завирхи и там загородить предполагаемый путь отступления; б) команде, составленной из партизан 1 участка и стражников Веденской охранной стражи под командой прапорщика Гамиева, занять дорогу, идущую из Дышни-Веден в Ца-Веден, и 7) секрет из добровольцев под командой старшины Эрсеной Абдулхана Чопалаева занять дорогу, идущую из хутора Харачоя в Дарго.³⁰⁴

Всем им была дана одна общая задача – перекрыть пути отступления разбойников, предоставив командирам «в остальном действовать самостоятельно и по их инициативе.» Но проявить инициативу ни одной из команд не пришлось. Совершив нападение на дорожную комиссию и ее военное сопровождение, Зелимхан с остатками своей шайки ушел от преследования по только им известным тропам, но вскоре вновь нарвался на одну из засад, удачно расставленных по всему периметру Кер-кетского перевала. Зелимхан проиграл и второй бой, причем с бегством, оставив в качестве трофея врагу только что погибшего братишку Бийсултана.

А вот как все происходило. Подъехав к караулке, расположенной на вершине Мемено Керкетского перевала, «мы, – показал позже на дознании член комиссии инженер подполковник Чикалин, – остановились на четверть часа, дабы произвести осмотр работ и дать время дагестанцам исполнить намаз. Затем ротмистр приказал нескольким рядовым идти вперед для осмотра местности, но так как мы двинулись тотчас же, то немедленно догнали высланных вперед и, чтобы не задерживать движение, приказал им сесть в фаэтон. Впереди ехал фаэтон с

5 рядовыми, вслед за ним на расстоянии 50 шагов фаэтон, в котором сидел я и контрольный чиновник Ворченко, с рядовым на козлах, – далее следовал фаэтон с инженером Орловским и ротмистром Долидзе, тоже с рядовым на козлах, последним ехал фаэтон с 5 рядовыми».³⁰⁵

Бой завязался на 10 версте от форельного озера к Ботлиху в 2 часа дня. Не успела комиссия отъехать от караулки и 100 сажений, как из-за бугра, находящегося у первого поворота шоссе, на вершине, обозначенной на военной и геодезической карте как высота 7149, неожиданно выдвинулось несколько человек с винтовками. Преградив путь первому фаэтону, один из них, что-то крикнул. Дагестанцы стали выскакивать из фаэтона, чтобы занять позиции. Со стороны абреков раздался выстрел, «после которого немедленно же началась трескотня, – говорит Чикалин. – Лошади, испуганные выстрелами, шарахнулись вправо, к откосу дороги, и фаэтон, в котором я продолжал сидеть, пригнув голову к козлам, полетел под откос». Ехавшие впереди и сзади комиссии солдаты открыли ответный огонь. Завязалась перестрелка, которая продолжалась около часа. «Не имея возможности как безоружный принять какое-либо активное участие в перестрелке, я решил... наблюдать за происходившим, вполне уверенный, что окончательный перевес будет на нашей стороне. Наблюдая из небольшой впадины, я заметил слева на откосе выше дороги ротмистра Долидзе, который лежа стрелял из винтовки, далее видел инженера Орловского, переходящего через бугор,... вправо от меня лежали два дагестанца на расстоянии 15-20 шагов и тоже производили стрельбу. Немного времени спустя,... я заметил на гребне фигуру во весь рост, что-то кричавшего, а влево по гребню у дороги еще две фигуры абреков. Один из дагестанцев крикнул: «Нас обошли». Почти в тот же момент что-то ударило меня в голову..., и я потерял сознание. Очнувшись от толчков и увидел, что меня обскивают, а заметив, что я открыл глаза, подняли и, понуждая толчками, повели за собой».³⁰⁶

В небольшой лощине за засадой были спрятаны лошади абреков. Когда Чикалина привели туда, его окружили, как он говорит, 8 человек и один мальчик лет 13-14, по виду очень больной и беспомощный. Главарь шайки был одет в пальто инженера Орловского, а поверх него прицеплена шашка ротмистра Долидзе. Посадив Чикалина на лошадь убитого абрека,

шайка поехала по травянистому откосу горы Мемено Керкета. В этом бою Зелимхан был легко ранен в левую руку. С несколькими абреками он периодически отдалялся, поднимаясь выше, осматривал противоположные склоны и возвращался. «В одной лощине все остановились; Зелимхану поднесли бутылку с водой, и он сделал намаз, громко читая молитву. Потом ему перевязали рану. Далее, проехав верст четыре, они остановились, уселись кружком. Зелимхан вынул из кармана несколько портмоне и бумажников и начал вынимать все содержимое. Один из абреков, говорящий очень плохо по-русски, под наблюдение которого я был отдан Зелимханом, сказал, чтобы я считал деньги. Я насчитал 264 рубля, кроме принадлежащих мне 3 старинных серебряных рублей».³⁰⁷ Деньги эти были небольшие, но Зелимхан тешил себя тем, что впереди его ждет большой выкуп за подполковника Чикалина, как в свое время за овцевода Месяцева.

Окончив подсчет выпотрошенных у трупов денег, шайка двинулась дальше. Стало смеркаться. Одно время ехали по оврагам и лощине какой-то речки. Вдруг встретились трое всадников. Зелимхан тотчас же подъехал к ним и после разговора с ними, абреки занервничали, стали в беспорядке переезжать речку. Наблюдавший за Чикалиным абрек, боясь, что отстанет, стал гнать его лошадь вперед, а затем сорвал с себя башлык и завязал им ему рот. В это время наверху на краю обрыва показались люди: раздался выстрел, потом – второй. Это была казачья засада, устроенная Доногуевым, недалеко от аула Хой Дагестанской области, на которой, как ни осторожничал Зелимхан, наскочили абреки, преследуемые Котиевым. Их охватило смятение, но они все же вступили в бой. Несмотря на критическую ситуацию, абрек, присматривавший за Чикалиным, подогнал его лошадь к Зелимхану. Главарь шайки схватил Чикалина за рукав пальто и стал заслоняться пленником от выстрелов, нервно прикрикивая: «Иди! Иди!, и уволакивая его то влево, то вниз за собой. «Вполне убежденный, – заключает Чикалин, – что выстрелы были произведены своими дагестанцами и уверенный, что более благоприятного момента для бегства мне уже не представится, я, вырвав руку, пригнулся к седлу и, свернув круто вправо, с места в карьер бросился по пашням. Сзади себя я услышал выстрелы, руганью, крики и погоню. Проскакивая мимо столпившихся позади селения людей, я крикнул: «Свой, не стреляйте!», но к удивлению моему я заметил людей с палками и вилами, которые начали кричать и швырять в меня камнями, один из которых попал мне в спину. Тогда, поняв, что я ошибся и никаких дагестанцев тут нет, я усилил ход лошади, держась направления обратного к пути Зелимхана, наскочил на белеющую в темноте тропинку, которой и стал держаться».³⁰⁸

Тропинка вывела Чикалина на более широкую дорогу, которая в конечном счете привела его к казачьей караулке близ озера. Как только Чикалин въехал в ворота, за ним подъехал отряд дагестанцев во главе с Котиевым. Это был тот самый отряд, шедший на подмогу Долидзе, о высылке которого телеграфировали из Ботлиха. Последний принял его за абрека и окружил караулку. Но вышедший к нему дорожный мастер разъяснил все недоразумение.

Узнав все подробности произошедшего, ротмистр тотчас же послал донесение в Ведено, а сам, оставив охрану, отправился с отрядом на место происшествия, оттуда поехал дальше для преследования шайки, но, сочтя затем, что это уже бессмысленно, вернулся в караулку, куда к тому времени прибыли три фургона с трупами и ранеными. В бою были убиты, как уже сообщалось по телеграфу, ротмистр Долидзе, инженер Орловский, контролер, 9 всадников, один ранен смертельно, другой тяжело. Легко ранен в голову Чикалин.

15 сентября штабс-ротмистр Шамсудин Доногуев, получив в Махкеты телефонограмму от Котиева и Каралова, сейчас же выступил через горы к сел. Нижелой, чтобы преградить путь отступления шайки. К семи часам вечера уже были готовы три засады. В третьем часу ночи шайка наткнулась на них, и снова завязался бой, в котором были убиты брат Зелимхана юноша Бийсултан и один абрек. Последнего опознали не сразу, даже думали, что это сам Зелимхан, но потом установили, что он житель сел. Майортупа Джамалдин. Еще один из Майортупа Каим Шарипов был ранен в руку. В качестве трофеев были захвачены 4 лошади, из которых две убиты в перестрелке. Одна из них – вороной масти с белыми щеточками на ногах, известная всей Чечне как зелимхановская, – лежала рядом с юношей. Видя свое поражение, Зелимхан предпочел бегство, бросился в обрыв и скрылся, оставив на поле боя друзей, юношу-брата и пожитки. Преследование Доногуев продолжал пешком по труднопроходимым горным местам, но вскоре след был утерян, и он с командой возвратился в Нижелой.

берданы, а также 3 папахи, из них 2 папахи на убитых, пояс с кинжалом на убитом».³¹⁰

Проведенным дознанием были установлены и другие подробности. По заявлению раненого вахмистра Магома Али, всадника Ибрагима Халимбекова и дорожного мастера в шайке было около 30 человек. После того, как был открыт лобовой огонь, часть разбойников, прикрываясь складками местности, зашла в тыл и открыла перекрестный огонь.

Начальник 3 Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенант Холмицкий в рапорте командиру 3 Кавказского армейского корпуса сообщает: «Из подробного дознания, проведенного по поводу разбойничьего нападения на инженерную комиссию.. я вынес уверенность, что со стороны Зелимхана было настоящих абреков только 10 человек, но принимало участие в перестрелке не менее 30 человек, т.е. где бы ни действовал Зелимхан, он всегда имеет возможность на вербовать себе шайку из близлежащих аулов и поселков, отлично знающих прилежащую местность, иначе говоря, вся Чечня, как горная, так и на плоскости фактически принимает участие в разбойных действиях этого абрека».³¹¹

Генерал Холмицкий указывает далее, что главной причиной неудачи очень хорошо продуманного плана было то, что все маленькие команды действовали врозь, и подмога явилась слишком поздно.» А это он объяснял тем, что запоздала телеграмма, «которая своевременно не была принята, так как на основании существующего положения почта в ночное время не работает».³¹²

Событию, случившемуся на границе Веденского и Андийского округов в связи с нападением абреков на дорожную комиссию и гибелью команды и Долидзе, было придано такое важное значение, что в области сочли необходимым доложить об этом Его Императорскому Величеству. В частности, такое послание направил Николаю 11 с указанием основного сюжета начальник Веденского округа подполковник князь Каралов, пообещав ему направить подробности дополнительно.³¹³

Зелимхан и на этот раз благополучно для себя ушел с остатками своей шайки, хотя потери были тяжелыми, а главное навсегда лишился последнего и самого младшего брата Бийсултана, а сам был ранен в руку. Преследование было организовано из рук вон плохо, можно сказать его не было по настоящему. Никакой помощи в их розыске не оказало и местное население, хотя у чеченского и ингушского народов к Зелимхану уже было двойственное отношение: одним он надоел и натерпелись от властей за более 10 лет его абречества, а многочисленные кровники даже хотели расправы над ним, другие смотрели на него как на героя и продолжали поддерживать. К последним власти применяли строгие меры. Особенно администрация преследовала родственников Зелимхана. Из-за проигранного боя и неудавшегося преследования шайки вся обида и злость администрации и воинских властей были спроецированы на родственников Зелимхана и 15 из них тут же были арестованы и допрошены, а когда следствие оказалось бессильно доказать их вину, отпустили. Однако подозрение с них не было снято и за ними была установлена фискальная слежка.

На поле боя Зелимхан оставил много трофеев, свидетельствующих о многогранности его планов и действий, о его изобретательности. Попадись они властям в руки, могли стать ценными вещественными доказательствами его вины и причастности ко многим преступлениям, а часть из них ждала своего применения. Вот что показал произведенный младшим помощником начальника Веденского округа капитаном Костюковым осмотр вещей, ружей, лошадей и трупов людей, доставленных штабс-ротмистром Доногуевым в сл. Ведено после столкновения его у Нижелоевских хуторов с шайкой абреков, в частности:

Сумка из желтой кожи с плечевым ремнем и двумя отделениями, в которой находились: а) вырезка из «Одесской газеты» за 1910 год с изображением Зелимхана и подписью внизу «Кавказский разбойник, голова которого оценена правительством в 8000 руб. и за поимкой коего ныне отправлено в горы несколько отрядов войск»; б) годовой паспорт под № 85 на имя жителя сел. Майортуп Джамалдина Кадиева, выданный 10 октября 1910 года с приметами: лет 40, чернорабочий, женат, рост средний, волосы черные, — за подписью старшины Докалова (мухор) и писаря Синельникова и скрепленная печатью Майортупского сельского правления; в) клочок бумаги с указанием карандашом двух принадлежащих лошадей, из которых одна масти гнедой, другая черной, но обе среднего роста и с белыми пятнами; г) на бланке начальника Грозненского округа удостоверение от 2 июня 1911 года под № 170 на имя жителя сел. Коки Дударку Хасиева в том, что ему с разрешения высшего начальства дано

поручение особой важности и приглашаются все чины, учреждения и проч. власти оказывать содействие. На нем 3-х линейная винтовка и кинжал. Подпись полковника Стрижева и печать начальника Грозненского округа; д) удостоверение за №178 Ав- туринского сельского правления от 24 марта 1911 года на принадлежность мерина светло-гнедого, рост ниже среднего, грива направо, хвост средний, ноги по щетку белые, передняя правая нога от копыта белая, на лбу белая звездочка, на спине по обеим сторонам белые пятна, 8 лет, выданное жителю сел. Автуры Бушуй-Ягай-Ханаву, и эту лошадь он продал жит. сел. (далее неразборчиво), заверена подписями и.д. старшины Закр. Саара- лиева и писаря Попова и печатью; е) преискурант биноклей; ж) на картоне отдельный портрет жены Зелимхана; з) открытка с изображением семьи Зелимхана; и) карточки с изображением князя Андроникова и ротмистра Доногуева; к) карточка с видом любимой крепости Зелимхана «Сандукели»; л) тоже абрека Хаджи Мурада; м) тоже Шамиля на молитве; н) тоже наибы Шамиля; о) тоже Шамиля с сыновьями; п) тоже Шамиля; р) старые есаульские погоны; с) небольшой подпилоч со следами золота; т) печать и ее оттиск: «Группа Кавказск. Горн. Анархистов-терро- ристов. Атаман Зелимхан. Каучуковая с ручкой; у) печать Андреевского сельского правления 1 участка Хасав-юртовского округа и ее оттиск. Каучуковая без ручки; ф) печать Кизлярского окружного казначейства и ее оттиск; х) тоже именная Копытко; ц) серебряное кольцо с арабской нарезкой «Божий раб Зелимхан» – перевод и его оттиск; ч) жестяная коробка с подушкой для краски; ш) флакон с краской для подушки; щ) 4 обоймы от 3-х линейных патронов; э) 2 палочки сургуча; ю) почтовый герб металлический; я) пружинка, медное кольцо, кусочек свинца, щетинная щеточка, два винта, кусочек пробки с дырочкой, металлическая палочка, веревочка с петлей. Кроме того были собраны – кинжал, два полосатых хурджуна, три старых коротких бурки, три старых седла, на одном кровь, сафьяновые ноговицы и кожаные галоши, три папахы: две на убитых абреках и одна на ране мальчика и два мерина 8 и 10 лет. Далее идет перечисление захваченного оружия, трупов и убитых лошадей, о чем было сказано выше.³¹⁴

Абреки, как правило, лечились у знахарей, тайно, скрываясь от посторонних глаз. Но у некоторых были и свои люди среди настоящих врачей. Лекарей приходилось излишне беспокоить, доставляя к больному чаще всего в ночное время, но за безотказность их всегда окружали своим расположением и щедро одаривали.

С Керкетского перевала Зелимхан со своими сподвижниками бежал на Маштах-Корт Хатуни. Два шалинца Хаджи и Кади стали свидетелями, как Зелимхан упражнялся в стрельбе, пробуя новую винтовку, доставшуюся ему от убитых на перевале. Проезжавшие мимо оказались знакомыми. Зелимхан подозвал их к себе, завязался разговор. Зелимхан поделился горем, рассказал, что недавно убили его сводного брата Бийсултана, еще раньше потерял отца и другого брата, а теперь хотят сослать в Сибирь семью. Узнав об этом, шалинцы сделали ему «Алхан» (выразили молитвенно соболезнование). Неподалеку на привязи стояла вороная лошадь с приметамы: белое пятно на лбу и белая щетка на задней левой ноге. Эта лошадь принадлежала Ясахану Бисаханову из сел. Курчалой, проживавшему около Эр- сеной на хуторе, у которого Зелимхан часто бывал дома. Недавно в день Байрама, 12 сентября, Ясахан зарезал барана и угощал Зелимхана и его товарищей, а затем вместе с ними поехал в Андийские горы, где участвовал в перестрелке на Керкетском перевале. Когда в бою убили лошадь Зелимхана, Ясахан отдал ему свою вороную, «а сам отправился в Ведено, узнать какие хабары относительно перестрелки».

Зелимхан нигде не останавливался на длительное время. Из Хатуни он направился в Махкеты к сестре. Начальник Ца-Веден- ской команды Дагестанского полка поручик Кибиров в рапорте Марганию указывал, что по слухам Зелимхан «после зверского поступка с нашей командой» пробыл 17,18,19 сентября подряд три дня у своей сестры в Махкетах вместе с восемью вооруженными товарищами, имея при себе лишние винтовки. Все были на лошадях. Оттуда Зелимхан хотел перебраться к другой сестре в Дышн-Ведень, но «какой-то пожилой человек с бородой, присланный от переводчика начальника Веденского округа, предупредил его: «Не ходи, пока округ начеку, ибо везде устраивают засады», и указал направление, куда следуют воинские команды».³¹⁵ Поручик говорит, что Зелимхан получив предупреждение, объявил, что с товарищами уходит в Грозненский округ, на деле же он уйдет в горы.

Далее поручик Кибиров предложил командиру военного отряда свое видение захвата и ликвидации Зелимхана. Он отмечает, что это трудное, опасное и, быть может, кому-то даже покажется невозможным делом, но там, где Зелимхан «годами гарцует, туда надо попасть и

днями походить», установить по настоящему слежку своими людьми. В конце концов придет зима, удобств не станет, ходить будет трудно, ночевать в лесу нельзя» и конец Зелимхана предрешился. Как отнесся к этому плану Маргания, неизвестно.

За ходом борьбы с абречеством внимательно следила высшая кавказская администрация и требовала от терской администрации периодической отчетности о проделанной работе. Очередной доклад в штаб Кавказского военного округа начальник Терской области Михеев сделал 26 августа 1911 года. В своем пространном отчете он писал, что за короткий промежуток времени (какой не указывается – авт.), было изловлено и уничтожено до 20 крупных абреков, часть которых была подвергнута смертной казни по суду, а часть убита при преследовании. Все это следует отнести главным образом за счет полиции, хотя и не без участия военного отряда. Боясь, что по этой причине военный отряд как не оправдывающий себя может быть расформирован штабом, Михеев указывает, что, несмотря на это, необходимость присутствия последнего «вызывается, помимо искоренения разбойников вообще, другим еще весьма крупным и серьезным обстоятельством, именно, непрекращающейся деятельностью абрека Зелимхана, значение которого, как это не грустно, очень велико, а потому и уничтожение которого должно явиться задачей первостепенной важности. Выполнить эту задачу без отряда – крайне трудно».³¹⁶ И он объясняет, что трудно не потому, что Зелимхан «олицетворение неуязвимой храбрости и боевой увертливости, а потому, что он завоевал умы и настроение народа.., пользуется репутацией народного героя и широким укрывательством окружающих. Было время, когда Зелимхан не подымался выше Гороводжевых, Томаевых, Хасуевых, Зубаировых и пр., лично не менее, если не более Зелимхана храбрых, но тем не менее без особого труда изловленных и уничтоженных. Но время это упущено и теперь, после 12 лет безнаказанной деятельности, Зелимхан приобретает другую позицию, за которой стоит фанатичная масса и которого нужно брать путем строжайшей борьбы с этой массой, связывающей с именем Зелимхана свои несбыточные мечты».³¹⁷

Таково мнение всех, пишет Михеев, и ссылается на начальника Веденского округа, который в своем рапорте ему докладывает, что громкие успехи в делах, помощь, оказываемая многочисленными его родственниками, симпатии некоторой части туземного населения и преступный интерес, щедро уделяемый этому разбойнику в печати газетными репортерами, возвели его на пьедестал легендарного народного героя, в честь которого слагаются и распеваются песни в Чечне и Дагестане, в особенности же в Андийском округе, где Зелимхан как у себя дома и имеет сторонников-укрывателей. «Затуманенная голова бывшего пастуха и поденного каменщика, – продолжает начальник округа, не замедлила воспользоваться этими благоприятными для него обстоятельствами, и сумасбродная мечта – провозгласить себя имамом Чечни – готова перейти в действительность».³¹⁸

Михеев докладывает, что он четко осознает свои задачи. Как лицо, на которое «возложена великая миссия русификации туземного населения, приобщения его к русской культуре», а также привития ему правильных взглядов на чужую собственность и жизнь и забота о нравственном и умственном развитии его, он работает с населением «с целью дискредитировать в его глазах Зелимхана, доказать всю бесплодность и безрассудность его мечтаний, оградить население от больших несчастий, если будет продолжать поддерживать Зелимхана. В связи с этим своей главной задачей ставит «уничтожение этого вредного разбойника-политикана со всеми его сподвижниками», для чего считает «необходимым безотлагательно применить меры административного наказания ко всем тем, кои сочувствуют его идее и способствуют столь долгому его существованию».³¹⁹

Руководство терской администрации и военного отряда было убеждено, что бороться нужно не с одним Зелимханом, и даже не столько с ним, сколько с теми (которых множество),⁴⁸¹ что укрывает его, а порой и участвует в боевых действиях на его стороне. Оправдывая жесткие меры и льясь заместнику, Михеев назвал спасительными те санкции, которые наложил Главнокомандующий войсками на ингушский народ в виде штрафов и высылки с семьями целых поселений за нападение на воинские части в Ассиновском ущелье в 1910 году. «Теперь ингуши не только не делают каких-либо попыток укрывать Зелимхана,

– продолжает начальник области, – но еще со своей стороны принимают меры к тому, чтобы содействовать администрации в борьбе с разбоями, для чего ингуши на свой счет сформировали особую стражу в 100 человек».³²⁰

В результате Зелимхан оказался стеснен как в передвижениях, так и в действиях. Но праздновать администрации победу было еще рано: популярность и неуязвимость главного абрека Кавказа, наместника гор, как его величала местная пресса, была велика.

В то время как Зелимхан воевал на Керкетском перевале, в ту же ночь под 16 сентября восемь вооруженных абреков решили пленить овцевода Митрофана Нестеренко, как когда-то были пленены под выкуп овцеводы Месяцев и Кошелев. Они подъехали к станции Калиновской, окружили дачу и отару овцевода, но хозяина не оказалось. Тогда они подожгли чабана и приказали зарезать им барана. Всю ночь абреки провели за приятной трапезой, а под утро уехали. Но на душе лежал тяжелый осадок от неудачи. И тут на дороге им повстречался караногаец Акмурзаев, возвращавшийся с Николаевского базара. То, что им надо было. Они убили его и забрали все, что у него нашли: деньги и ценные вещи.

Ассиновские события отрезвили головы многих начальников: была усилена охрана Владикавказской железной дороги, поезда стали сопровождаться конвоями, а, учитывая случай с телеграммой Долидзе, которую получил адресат с 4-часовым опозданием, владельцам всех почтово-телеграфных учреждений, находящихся в Терской и Дагестанской областях, было приказано беспрепятственно принимать телеграммы от местной администрации и военных чиновников. Было увеличено число засад, чтобы передвижение Зелимхана и других абреков в любом направлении – с гор на плоскость или наоборот, сделать невозможным. Кроме того, численность воинских частей, участвовавших в рейдах, были увеличены вдвое, а то и втрое. Это наглядно видно из телеграммы начальника военного отряда Маргании главнокомандующему в Тифлис. «По сведениям начальника Веденского округа, полученным 15 октября, – докладывает он, – абрек Зелимхан находится в Старосунженском ауле Грозненского округа в домах Шааба и Саадулы. Для облавы аула и поимки Зелимхана были направлены из Грозненского гарнизона три роты 82 пехоты, 219 человек из Кизляро-Гребенского казачьего полка, 169 человек из милиции и 16 конно-дагестанцев».³²¹ Примерно в 5 часов утра началось окружение аула, в котором около 60 дворов принадлежало ха-рачоевцам.

Однако завидя такую массу военных аульцы не дрогнули и не выдали Зелимхана. Напротив, когда одна полурота стала приближаться к дому Шаабы, оттуда раздались выстрелы, за чем последовала всеобщая перестрелка. Пока дом не был взят в кольцо, несколько человек, отстреливаясь, бежали из него и скрылись в ночной темноте за массой хозяйственных строений, и, перейдя вброд реку Сунжу, ушли в лес. С ними был и Зелимхан. Когда не стало абреков, бой прекратился. Со стороны военных был убит начальник команды поручик Епифанов и рядовой Ляшенко, ранены рядовые Токмаков и Горифов. Из тех, кто оборонялся, были ранены Шааба и его сосед и убиты случайно не поберегшие себя две женщины.

Но это были полумеры по сравнению с тем, что санкционировал наместник Воронцов-Дашков. Сразу после ассиновских событий Главнокомандующий Кавказскими войсками для более детального изучения положения дел направил в Терскую область своего помощника по военной части генерала Шатилова. Энергичный генерал лично посетил наиболее беспокойные округа, а затем в салон-вагоне в Грозном, куда он прибыл поездом, провел расширенное совещание с участием атаманов отделов, начальников всех уровней, приставов и сельских старшин. И хотя речь шла в целом о грабежах и разбоях, захлестнувших область, разговор сводился к Зелимхану, который помимо всего прочего негативно относится к русской власти и при каждом случае вступает с ней в борьбу, а также о том, что он превратился в такую величину, что стал идейным знаменем этого движения. Все участники совещания сошлись во мнении, что одной из главных причин, популярности и неуловимости Зелимхана является поддержка его со стороны шейхов и их мюридов, работающих на него в народе, поэтому помимо давно практикуемых экзекуций все остановилось на необходимости выдворить шейхов из пределов области. По возвращении в Тифлис о результатах командировки Шатилов немедленно доложил Воронцову-Дашкову.

15 октября 1911 года наместник направил специальное предписание начальнику Терской области, в котором говорилось, что из доклада помощника по военной части генерала Шатилова, командированного в Терскую область для выяснения причин неуловимости разбойника Зелимхана и выработки на месте как чрезвычайных мер административного воздействия против отдельных лиц и целых обществ, виновных в укрывательстве и пособничестве названному абреку, так и предложений по дальнейшей борьбе с ним, он

установил, что самым главным тормозом в поимке Зелимхана служит поголовное укрывательство его почти всем чеченским народом без различия звания и положения лиц и оказываемая им абреку в необходимых случаях активная поддержка.

Наместник считал также, что не менее серьезным препятствием к поимке этого абрека служит существующая в Чечне и Ингушетии особая секта «Зикра», к числу рьяных последователей которой принадлежит и Зелимхан. Шейхи этой секты покровительствуют ему, имеют с ним тесные сношения, комплектуют его шайку своими последователями – мюридами, доставляют оружие и патроны и, наконец, укрывают его.

Было обращено внимание и на то, что самовольно основавшееся на значительной площади горной полосы Веденского и Грозненского округов, а также и на плоскости у предгорий, громадное количество хуторов и кутанов, находящихся вне всякого надзора полиции, дает постоянный приют массе абреков и даже способствует формированию разбойничьих щаяк.

Одним из неблагоприятных условий в борьбе с Зелимханом наместник считал также слабый состав чинов местной администрации и сельских выборных старшин. Объяснял он это тем, что многие участковые начальники, вследствие малого знакомства с населением, слабохарактерности и пассивности, как он отмечал, «отсутствия у них должной энергии», совершенно безучастно относятся к поимке Зелимхана. Серьезные претензии были предъявлены участковым из числа коренных жителей, которые из боязни обычной мести со стороны Зелимхана и его родни не проявляют достаточной решительности в его преследовании. В борьбе с ним участковые ограничиваются простым сыском с помощью сельских старшин, которые, будучи связанными с абреками узами родства или приятельских отношений, или, наконец, принадлежностью к общей секте, не только не бывают настоящими помощниками, но зачастую заваливают дело.

К числу второстепенных причин наместник отнес слабую постановку агентурной работы, плохо организованный сыск и даже «некоторые трения и недоразумения между чинами администрации и военного отряда» из стремления достигнуть успеха непременно самому и не дать такой возможности другому, а также отсутствие согласованности и солидарности в действиях полиции и войсковых частей.

Дальше следовали санкции, которые должен был привести в действие начальник Терской области для «достойного наказания чеченского народа за непрерывное, в течение 12 лет, укрывательство Зелимхана и явное ему пособничество» и для дальнейшей борьбы с названным разбойником:

«1. Командируемые мною войсковые части (пластунских сотен) с включением всех войск, находящихся ныне в области для содействия администрации, поставить на экзекуции командами не менее полусотни в населенные пункты Веденского и Грозненского округов, в районе которых Зелимхан скрывался последнее время, а также и в те, к составу которых принадлежат задержанные и убитые разбойники, и чрез которые следовала шайка после нападения на дорожную комиссию (Харачой, Дыш-не-Ведень, Мехкеты, Завирхи, Ца-Ведень, Хатуни, Эшель-Хотой, Элистанджи, Таузен, Истису, Майортуп, Хой, Ихарой, Ригахой, Макажой, Автуры и Варанджи некие хутора).

2. Выслать теперь же в Тульскую губернию сроком на пять лет вместе с семьями жителей Веденского округа Бамат-Гирея Хаджи Митаева, Сугаипа-Муллу Гойсумова и Факирза-Хаджи, Назрановского округа – Батал-Хаджи Белхороева и Грозненского округа – Канна-Хаджи, Абдул-Азиса Шаптукаева и Маго-мада-Муллу, как наиболее влиятельных представителей секты «Зикра» (за исключением Сугаипа-Муллы Гойсумова), вредных для общественного порядка и спокойствия и вместе с тем способствующих разбойнической деятельности Зелимхана...

3. Выслать в том же порядке из пределов края в Орловскую губернию сроком на пять лет тех 15 родственников Зелимхана, которые, будучи задержаны вслед за столкновением с ним в сел. Харачой, были освобождены из-под предварительного ареста, с обязательством изловить Зелимхана в недельный срок, чего, однако, не исполнили, а также и тех 10 родственников его, кои содержатся ныне во Владикавказской тюрьме, представив на всех их сведения о судимости, семейном и общественном положении. Меру эту привести в исполнение только по установлении несомненной виновности каждого из них в укрывательстве и пособничестве Зелимхану.

4. Признавая уничтожение всех хуторов Веденского, Грозненского и Хасав-юртовского

округов, как общую меру, нежелательным, предлагаю войти с представлением о расселении в административном порядке только тех самовольно, без общественных приговоров, возведенных хуторов в указанном районе, жители коих уличены или будут замечены местными властями в укрывательстве Зелимхана и предержательстве шайки.

5. Назначить теперь же правительственных старшин во всех сельских обществах, составляющих район деятельности Зелимхана. а равно и в тех селениях, откуда происходили разбойники, принимавшие участие в последнем нападении шайки».³²²

В качестве следующей меры наместник предложил сосредоточить всю сыскную часть и агентуру в руках старшего помощника начальника Терской области генерал-майора Степанова и пообещал оказать дополнительную денежную помощь, если в этом возникнет необходимость.

И наконец последний, седьмой пункт был посвящен денежным компенсациям пострадавшим. Начальнику области предлагалось в месячный срок со дня получения настоящего предписания взыскать со всего чеченского населения Веденского и Грозненского округов, за исключением селения Беной, жители которого, убив отца и брата Зелимхана, являются его кровниками, штраф в размере ста тысяч рублей и без замедления деньги эти выдать семьям убитых ротмистра Долидзе, чиновника Ворченко и детям инженера Орловского по пятнадцать тысяч рублей; семьям убитых 10 всадников конно-Дагестанского полка по три тысячи рублей; подполковнику Чикалину на лечение раны две тысячи рублей; двум раненым нижним чинам полка всаднику Ибрагиму Халимбекову одну тысячу и вахмистру Магома-Али Магомаеву одну тысячу пятьсот рублей.

В этом списке значились еще более десятка лиц, которым полагалось вознаграждение за убитых и раненых лошадей фазонщикам и всадникам, на ремонт сбруй и фазонов по одной и полторы тысячи рублей и еще пятнадцать тысяч рублей другим пострадавшим, которые «почему-либо не вошли в список».

К предписанию наместника в Терской области отнеслись с большим пониманием и ответственностью. Особенно в той ее части, где подвергается критике деятельность государственных чиновников. Во все округа областное правление спустило копии предписания наместника и призвало начальников в кратчайший срок рассмотреть вопрос о соответствии каждого ответственного служащего занимаемой должности и принять меры по повышению эффективности в борьбе с Зелимханом и в целом с абречеством. Вот один из таких циркуляров, адресованный начальнику Грозненского округа: «Ввиду изложенного в настоящей копии указания Главнокомандующего войсками округа о том, что одним из неблагоприятных условий для борьбы с Зелимханом является слабость состава местных начальников участков (у наместника говорится о всех чинах местной администрации и сельских выборных старшинах – авт.), которые вследствие малого знакомства с населением, слабохарактерности и отсутствия должной энергии, совершенно безучастно относятся к делу поимки Зелимхана, областное правление по поручению начальника области предписывает Вам в непродолжительном времени донести по содержанию приведенных указаний Главнокомандующего войсками округа на сколько начальники участков вверенного Вам округа соответствуют своему назначению и какие меры могли бы быть приняты к устранению указанного нежелательного явления в будущем».³²³

После этого циркуляра в Грозненском и Веденском округах начальники участков прошли повальную аттестацию, в результате почти все были освобождены от занимаемой должности. Однако, зная причины слабости этого звена, отдельные начальники округов заявляли, что одними оргмерами дело не поправить, необходимо поднимать материальную заинтересованность, что при той заработной плате, которую они получают, требовать от них чего-то большего просто безнравственно. В рапорте от 24 ноября 1911 года начальник Веденского округа князь ~~И. Д. Джапаридзе~~ писал Михееву: «В деле поимки Зелимхана и борьбы с ним при повсеместном слабом составе института начальников участков, находящихся в зависимости от их материальной необеспеченности, упрекнуть начальников участков вверенного мне округа в безучастности не представляется возможным, так как чиновники эти достаточно добросовестно затрачивают много труда в пассивной борьбе с Зелимханом, который, однако, неуловим главным образом благодаря поголовному укрывательству его чеченским населением, которое, руководимое политически развращенными шейхами и такими же интеллигентами, смотрит на Зелимхана вовсе не как на разбойника с большой дороги, а как на народного героя – защитника от русского влияния, неугодного эксплуатирующим темное

население руководителям».³²⁴

Вместе с тем достойную оценку получали заслуги тех, кто до конца был предан делу и достигал определенных результатов. В числе их можно назвать командира 3 сотни Дагестанского конного полка ротмистра Арсланбека Котиева, 1867 года рождения, имевшего уже к этому времени две награды: Святого Станислава 3 степени (1899г.) и Святой Анны 3 степени (1908г.), а в октябре 1911 года «за выдающиеся отличия» производился в подполковники. Представление делалось в 3 Кавказскую казачью дивизию. «Ротмистр Котиев, — указывалось в описании заслуг, подписанном начальником военного отряда полковником Марганией, — командует сотнями пять лет, его сотня по строевой подготовке и в смысле дисциплины, выше прочих сотен полка. Офицер в высшей степени энергичный, разумный, распорядительный, очень любит службу и предан ей и законности, как природный горец — ингуш ездит лихо; в высшей степени самолюбив; технику кавалерийского дела знает отлично, очень хорошо развит, по природе умен, находчив, изворотлив из всякого опасного положения, быстро находя выход».³²⁵

Котиев в военном отряде находился уже второй год и за это время успел принять участие в ряде серьезных операций против абреков. Это горный поход в январе 1911 года в Ассиновское ущелье, к местам проживания горных ингушей Назрановского округа, где из местной администрации никого не было, за исключением покойного начальника этого округа ротмистра князя Андроникова, экспедиция которого так печально окончилась для него и других. Военный отряд, состоявший из двух родов оружия, проваливаясь по колено в снег, прошел около пяти верст и достиг хуторов Нельх и Кок, «составлявшие, — как пишет Маргания, — твердыню самого многочисленного и притом неприязненно относящегося к нам ингушского племени, и твердыни эти были разрушены до основания.» Разрушение этих «вековых гнезд» еще более усилило ненависть ингушей, и они поклялись отомстить за разгром их убежищ, «и отряду готовили в горных теснинах ряд засад, но благодаря присутствию при отряде офицера из ингушей ротмистра Котиева, весьма преданного долгу службы и происходящего из большого рода тех же ингушей, он со своими многочисленными родственниками, сопутствуя отряду и составляя вокруг отряда, в движении на привалах и стоянках кольцо охраны и держа меня всегда в полном курсе о замыслах населения, совершенно парализовал враждебные выступления озлобленных ингушей, и отряд, пройдя все горные аулы, благополучно исполнил возложенную задачу и вернулся во Владикавказ».³²⁶

Тот же Котиев все небольшие отряды, расположенные в Веденском округе, направил к вероятным путям отступления Зелимхана из Дагестанской области в Терскую при совершении им дерзкого нападения на дорожную комиссию во время следования ее по Царскому шоссе, около форельного озера, и уничтожении конвоя ротмистра Долидзе и членов комиссии. Оттуда Зелимхан мог благополучно уйти и скрыться. Но «благодаря принятым энергичным и разумным мерам ротмистра Котиева, шайка эта, преследуемая им же, наткнулась на одну из выставленных им засад под начальством штабс-ротмистра Доногуева в ночь с 15 на 16 сентября в 3-ем часу ночи. Шайка рассеяна, оставив на месте столкновения убитых двух абреков, в том числе брата Зелимхана, 4 лошадей и 9 винтовок, не причинив чинам засады никакого вреда».³²⁷ Завершая свое ходатайство, Маргания подчеркивал, что блестящее командование сотней и описанные заслуги Котиева обязывают его в интересах службы и ее поощрения просить о награждении его «вне нормы наград», то есть досрочно, чином подполковника.

Ротмистр Арсланбек Котиев, как талантливый военный может составлять гордость ингушского народа. Великолепно знавший национальные и психологические тонкости своего народа, он мог принести много пользы ему. Но в данном случае эти знания были отданы на службу интересам русской власти в крае и способствовали ее немалым успехам. Пожалуй, большим, чем этого мог достичь инородец, человек со стороны. По этому поводу вспоминаются слова князя Барятинского, бывшего наместником Кавказа, не раз подчеркивавшего, что при наличии двух кандидатур на административную должность на Кавказе — русского или коренного жителя — он обязательно выбрал бы последнего, так как несоизмеримо лучше кого-либо знает данную местность, проживающий на ней народ, его язык и традиции. Он отмечал также их старательность и преданность порученному делу.

Следующим шагом начальника Терской области генерала Михеева после аттестации чиновников администрации на предмет их профессиональной пригодности были организация высылки из области семи шейхов и выработка мер борьбы с религиозными сектами в Чечне и

Ингушетии. Шейхи (святые) «Зикры» и «Кунта-Хаджи» открыто покровительствовали Зелимхану, призывая народ всячески его поддерживать. Огромную помощь в этом им оказывали их верные слуги — мюриды. Состоя в секте «Зикра», Зелимхан и сам был мюридом Автуринского шейха Бамат Гирея Хаджи Митаева. Это была хорошая гарантия его живучести. Надежность ее обеспечивалась тем, что его поддерживали и все другие шейхи, некоторые из которых вели двойную игру.

Не пожелавший открыться автор (по всей вероятности, довольно известная личность) направил временно исполняющему дела начальника Терской области генерал-майору Степанову письмо с пометкой «Сов. секретно, в собственные руки», в котором рассказывает о фактах из противоправной жизни и деятельности шейхов. «Мне известно, — пишет он, — что Зелимхан главную нравственную поддержку... имеет в лице крайне хитрого и двуличного Сугаиб-муллы и говорят, что очень недавно он был у него. Факт двуличия Сугаиба-муллы обнаруживается тем, что на грозненской ярмарке он... открыто высказался, что убивать Зелимхана большой грех».³²⁸

Аноним сообщает далее, что в 1905-1907 годах Сугаиб-мулла «во время бывших революционных событий совершенно открыто говорил в мечетях народу «Патга дац» — «Царя нет». Под влиянием такой агитации Зелимхан и сам в разговоре с людьми не раз утверждал, что близится перемена обстановки в крае, и он снова восторжествует.

Сугаиб-мулла был одним из самых грамотных и популярных шейхов Чечни. С ним считались не только верующие, но и вся небольшая национальная интеллигенция, находившаяся на военной и гражданской службе у русской власти. В связи с появлением в Чечне турецких мулл автор письма призывал быть особенно осторожными в отношении Сугаиба-муллы, а при возможности «хотя бы временно изолировать из Терской области, а также буде возможно, сделать то же самое с Омаром Гаджи, так как он глава самых многочисленных сектантов в Чечне — кунта-хаджистов».³²⁹

Еще раньше, в июне этого года начальник Веденского округа отмечал в приказе, что такое порочное и крайне нежелательное явление, как абречество, он относит прежде всего за счет полнейшей бездеятельности магометанского духовенства, большая половина которых в своих проповедях не учит народ добру, то есть тому главному догмату веры, который служит основанием религии и Закона Божьего. Не делают этого в своих беседах и почтенные старцы, имеющие большое влияние на народ, не объясняют ему, что «только мирным трудом можно завоевать свое благосостояние».

Хорошо осведомленный об этих вещах, наместник дал шейхам, как бы для искупления своей вины, срок на поимку и уничтожение Зелимхана. В случае невыполнения этого условия шейхи должны будут сами подлежать высылке, на что и указал он в спущенном потом приказе. Узнав о намерении кавказской администрации выселить из области за поддержку Зелимхана и агитацию против русской власти, чеченские шейхи притихли на время, а некоторые даже предприняли действия по собственной реабилитации. В своих молитвах они стали не только осуждать абреков и их вдохновителя, но и пытались помочь властям в их ликвидации. Собственная шкура стала дороже. Напуганные такой участью Дени-шейх, Бамат Гирей, Сугаиб-мулла, Аббас Ауд, Омар Гаджи и другие шейхи обратились к Чечне с воззванием: «Мы, нижеподписавшиеся, извещаем вас, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев, происходящий из селения Харачой, очень вредный для всего населения, и действия его совершенно противны шариату и недопустимы. Деяния Зелимхана безумны. Великий всемогущий бог наградит того, кто избавит народ, исстрадавшийся от разбойников».³³⁰

Тогда же был распространен список из 23 уничтоженных чеченцами абреков как показатель того, что уставший от них народ, без какого либо участия русской власти, сам чинит над ними расправу. Список должен был вдохновить на такую борьбу всех, кто еще оставался в стороне от нее. Шейхи обещали, что если их не вышлют, они выполнят возложенную на них миссию. Выполнение этой задачи они возлагали на тысячную рать мюридов, поскольку последние видели в своих наставниках покровителей перед Аллахом и готовы были служить им как верные слуги.

И кое-что удалось сделать. Тот же аноним писал, что «с выступлением против Зелимхана Дени-шейха, 3-х партий сподвижников Бамат Гирея и с появлением ингушей, преследовавших его, из разных источников стало подтверждаться, что круг вращения Зелимхана в Большой Чечне значительно сократился, и в данное время главным образом он скрывается в горных хуторах и в прилегающих к горам аулах у своих единомышленников харачоевцев».³³¹

О неожиданных переменах в поведении шейхов донесли Зелимхану, и он решил лично проверить это известие.

По сведениям, полученным 4 и 5 декабря ротмистром Доногуевым, о чем он тут же совершенно секретно из слободы Воздвиженской доложил в Грозный начальнику округа, «абрек Зелимхан с двумя товарищами спустился близ Сатуры и Шали, чтоб убедиться самому, – что проповедуют против него Бамат-Гирей Хаджи (Митаев – авт.) и Сугаип Мулла. О таковом приближении Зелимхана и его намерении, – писал Доногуев, – как Бамат-Гирей-Хаджи, так и я были сейчас же поставлены в известность. Но не было никакой возможности, как команде прапорщика Исмаилова, так и частям отряда, что либо предпринять против него, ибо его агенты зорко следят за чинами отряда, хотя команда прапорщика еще ему неизвестна».³³²

Войдя в сношение с авторитетным шейхом из сел. Автуры Бамат-Гирей Хаджи Митаевым, Доногуев и он предприняли некоторые конкретные меры. Ротмистр указывал, что «самые верные люди этого района, приверженные Зелимхану, также были у Хаджи, подтем предлогом якобы пришли его навестить. Двоих из них пригласил к себе Хаджи, одному дал 300 рублей, а другому 1000 рублей, которые взяли эти деньги и обещали подвести Зелимхана к команде Исмаилова, который находится в ожидании там.» Прапорщику же Исмаилову было приказано, что «если его команда силой 9 человек не сможет почему либо одолеть его, чтобы он обратился за помощью к частям военного отряда. По подробному же ходу дела» Доногуев считал, «что Зелимхан будет убит кем нибудь из приближенных изменнически».³³³

В числе приглашенных шейхом был и Шахид Борщиков, который на сделанное ему предложение, «ответил колеблюще и не дал определенного слова, деньги же взял. Но он взял позавчера от фанатика сверх 250 руб. еще 150 руб. и обещал устроить свидание. Поголовно все агенты мои, причастные к этому делу, говорят, что как Омар, так и Борщиковы ни за что не выдадут Зелимхана. Лишь разве ради спасения себя от смерти, ибо известные Вам абреки в крайнем случае, если наши планы не удадутся, хотят покончить с своими, т.е. с Омаром и Шахидом».³³⁴

Ротмистр докладывал, что Бамат-Гирей-Хаджи в данный момент принес огромную пользу и что все его мюриды, собравшиеся к нему, пожертвовали большие деньги, «специальное назначение которых против Зелимхана». В связи с этим Доногуев просил хотя бы еще на короткое время оставить этого шейха в Автурах, так как его присутствие сильно подняло дух против Зелимхана. Он просил также на этих днях не делать никаких передвижений отряда в районы Шали, Автуры, Сержень-юрта и об этом дать знать только генералу Степанову. В рапорте указывалось, что «точно также и мюриды Сугаипа Муллы вооружились против Зелимхана. Вообще все мюриды шейхов, которые гонятся за Зелимханом, сами себя вооружили, чем попало, и ищут его, чтоб иметь дело с ним при первой встрече. Если даже не все от души, но по крайней мере, часть их желает убить Зелимхана.» Наиболее надежным из них по указанию самих шейхов Доногуевым были выданы удостоверения за подписью генерала Степанова. Несмотря на это, отмечал ротмистр, некоторые начальники участков охотятся за ними и отбирают у них оружие, а они идут к нему с плачем, говоря, «как мы будем искать своего врага без оружия в руках». В связи с этим Доногуев просил начальника округа, «хотя бы на это время, предписать начальникам участков не относиться вообще к агентам так строго».³³⁵

У каждого святого – шейха – свои мюриды, почитатели, их сотни и даже тысячи, которые искренне верят в святость шейха, видят в нем своего защитника перед Аллахом и как верные слуги готовы положить за него свои головы. Вот и получилось, что новый настрой шейхов привел в настоящее движение мюридов против Зелимхана. Шейхи, поддерживаемые многочисленными мюридами, всегда представляли большую силу. И начальство не могло с этим не считаться.

Рапорт заканчивается постскриптумом. В приписке к письму Доногуев обращает внимание начальника округа, что «дело Зелимхана в настоящее время крутится вокруг Бамат-Гирей-Хаджи», а потому ради извлечения пользы начальству следовало бы дать знать, что, «если он способствует уничтожению Зелимхана, то будет удостоен внимания начальства». Доногуев отмечал, что Бамат-Гирей-Хаджи недоверчиво относится к администрации и просил начальника округа лично вмешаться в это дело. «Ваше одно ласковое слово будет иметь большое значение. А потому, если бы Вы устроили Бамат-Гирей-Хаджи продление срока его пребывания дома, что, безусловно, нахожу необходимым, как я вижу здесь по ходу дела, то

это подняло бы его в глазах населения с точки зрения уважения к нему начальства, что важно для туземцев. Наша основная цель — использовать шейхов. И громадную пользу принесло предоставление Хаджи хотя на неделю свободы». Постскриптум заканчивается тем, что «его (Хаджи

— авт.) появление сразу оживил всех его приверженцев, и дела пошли совершенно иначе.³³⁶

Вышеприведенные доводы получили должную оценку, и начальник Грозненского округа направил письмо с тем же грифом «совершенно секретно» генералу Степанову во Владикавказ. Исходя из рапорта ротмистра Доногуева, писал он, «считаю долгом доложить В.Пр-ву, что в искренности желаний шейха Бамат- Гирея и Сугаипа Муллы уничтожению абрека Зелимхана навряд ли в данное время есть сомнение, так как этот вопрос для них стал вопросом шкурным; поэтому, если этого шейха и муллу мы терпели десятками лет, то не составит особенного ущерба, если высылку их в Россию отложить на месяц или более, испробовать их влияние и старание против поимки Зелимхана».³³⁷

Тем не менее предписание наместника выполнялось неукоснительно. Помощник начальника Терской области генерал Степанов в письме начальнику военного отряда Маргании указал, что по донесению № 129 «назначено расследование о действиях шейха Сугаиб-Муллы», и ему «следует установить наблюдение в тех местах, где находятся родственники-укрыватели Зелимхана

и, при случае, делать засады последнему. Эта мера, несомненно, принесет больше пользы, чем арест родственников».³³⁸

На этом все сведения о шейхах обрываются. Каковы последствия предписания наместника Кавказа о выдворении из пределов края семерых провинившихся чеченских шейхов неизвестны. На вопрос — когда и куда они были высланы, какова была реакция высокого начальства на предложение Доногуе- ваприостановить на время высылку шейхов и использовать их против Зелимхана, архивы не дают ответа. Козачковский, долгие годы прослуживший в грозненской администрации, в том числе и тюремной, писал, что все они понесли вынесенное им наказание и высланы за пределы области. Но заявление это тоже не подкреплено никакими фактическими и документальными данными. Эту версию повторяют за ним и последующие авторы, полагаясь, повидимому, на его осведомленность как современника тех событий, а может и очевидца. Однако в нас, готовых также поверить в это, как не располагающих исключаящими фактами, закралось сомнение: шейхи, перешедшие в самый последний момент на сторону царских властей, могли быть негласно прощены и оставлены на месте. По крайней мере, вышеназванные два шейха, вступившие в сотрудничество с властями для поимки и уничтожения Зелимхана. Другим закрепляющим сомнение моментом является то, что высылка святых отозвалась бы громким эхом в мусульманском мире и обязательно отразилась в печати и деловой переписке. А этого всего не было.

В то же время возлагавшиеся администрацией и самими шейхами надежды полностью не оправдались. Большинство мюридов и населения, в сознании которых Зелимхан представлялся как народный герой, не могли в одночасье изменить свое расположение к нему. Поэтому если и были случаи выдачи отдельными чеченцами и ингушами абреков или попытки ликвидации, то только тех, которые являлись их кровниками. Но этого было так мало, что почти не сказалось на решении общей задачи борьбы с абречеством, а Зелимхан продолжал оставаться на воле. Поэтому можно вполне допустить, что семь шейхов могли быть высланы из пределов Терской области, но, как уже было сказано, обнаружить каких либо следов этого не удалось.

Для выяснения причин «неуловимости разбойника Зелимхана» и выработки на месте как чрезвычайных мер административного воздействия «против отдельных лиц и целых обществ, виновных в укрывательстве и пособничестве названному абреку», так и предложений по дальнейшей борьбе с ним наместник направил во Владикавказ своего помощника по военной части генерала Шатилова. Выслушав доклады начальника Терской области, других заинтересованных лиц и ознакомившись с ситуацией на местах, прибывший с инспекцией генерал установил, что самым главным тормозом в поимке Зелимхана служит поголовное укрывательство его почти всем чеченским народом без различия звания и положения лиц и оказываемая им абреку в необходимых случаях активная поддержка. В целях успешной борьбы с абречеством в дальнейшем Шатилов предложил выработать чрезвычайные меры не только административного, но и уголовного воздействия против отдельных лиц и целых об-

ществ, виновных в укрывательстве и пособничестве Зелимхану и остатков его сподвижников. Прибытие генерала Шатилова с инспекцией значительно активизировало действия военного отряда и всей терской администрации по сковыванию действий и ликвидации самого опасного абрека.

По возвращении в Тифлис Шатилов подробно доложил графу Воронцову-Дашкову о результатах своей командировки и выработанных вместе с ним Терской администрацией мерах по усилению борьбы с разбоями и грабежами и в особенности по уничтожению Зелимхана. Признав их вполне удовлетворительными, 15 октября 1911 года наместник направил начальнику Терской области специальное предписание, в котором потребовал неукоснительно выполнять все пункты совместно выработанной программы.

Зелимхан хотя и был ограничен в своих перемещениях, обложенный секретами и засадами военного отряда, без особого труда передвигался не только по Чечне, известной ему как свои пять пальцев, но и выбирался за границу, как это было сделано в то же лето, когда он отправился в Персию (если верить тогдашней официальной переписке), чтобы заготовить боеприпасы. Бакинская сыскная полиция, пытаясь предостеречь от очередного злонамерения абрека, 18 июля 1911 года уведомила об этом полицмейстера гор. Петровска (ныне Махачкала). «По имеющимся сведениям 16 сего числа июля через Баку в Петровск, проездом из Ленкорана проследовал известный разбойник Зелимхан. Зелимхан был в Персии, где закупил патроны и теперь намерен совершить в Петровске ограбление казначейства».³³⁹

Это подтвердил и агент Доногуева. Он сообщил, что Зелимхан «собирается сделать выступление», чтобы добыть денег, а затем с ним уехать в Сибирь, выкрасть свою семью и уехать в Турцию. Для этого предполагает отправиться в ст. Ермоловскую Кизлярского отдела, напасть на богатого казака этой станицы, у которого, как ему передали, имеется около 4 тысяч рублей наличных денег. Осуществить даже такой на первый взгляд несложный план в условиях начавшегося повального преследования было непросто. Понимал это и сам Зелимхан. Поэтому решил не спешить, выждать более подходящее для этого время.

Истосковавшийся по семье Зелимхан решил воспользоваться этим временем и жениться. Благо Коран разрешает многоженство. Помогли друзья, подыскали невесту. Его новой женой стала жительница села Ца-Веден Зайна Маасуева, проживавшая на Гунийском хуторе у своего родственника Гадая. Вышла за абрека, а слух пустила (возможно, чтобы не навести на него след) будто ее выдают замуж за Саубана Наза-Хаджиева из 2-го Гунийского хутора.³⁴⁰

Сознавая, что об этом его недоброжелатели или кровники обязательно сообщат администрации, которая непременно попытается осуществить его захват по этому адресу, Зелимхан не стал испытывать судьбу и скрылся. Никто не мог сказать, куда подевалась и сама Зайна. Существует и другая версия, дошедшая до Степанова, будто Зелимхан взял себе в жены родную сестру братьев-малхетинцев, проживающих на хуторе Хоржанта, расположенном около сел. Мереджей — «Берема Гучика и прочих». Но и в этом случае Зелимхан там не задержался, отправился в Харсеной, оттуда спустился в Шали, а жену «вероятно, оставил в Гой-Харсеное или на одном из Варандеевских хуторов около Сюреты или Дамендука».

Но вскоре все эти версии отпали. Начальник Веденского округа Каралов направил Маргании рапорт, в котором сообщал, что по сведениям его агентов Зелимхан последнее время скрывается в пещере, расположенной между селением Гуни и хутором Джонхенкорт. Сразу была организована облава. К пещере в спешном порядке направили команду из военного гарнизона Ведено, стражников и ряд добровольцев из числа местных жителей. В основном это были кровники. На случай прорыва Зелимхана перекрыли пути его отступления заставами из числа нижних чинов в количестве 20 рядов и 2-х офицеров. Одна застава заняла Арджаховский мост близ аула Ца-Веден, другая — перекресток дорог, идущих из Ца-Ведена в Гуни и из Агашпатоя на Эртенкорт. Таким образом, были перекрыты все подступы, а паролем стала «Пуля».

В этой операции был задействован и временно командированный в Терскую область 5-й Кубанский пластунский батальон. Он должен был выставить из сел. Автуры 30 человек и занять населенные пункты 3 участка заставой и постами, столько же из селения Майортуп и занять заставами пункты 4 участка и 10 человек из Ведено для блокирования пещеры. К каждой команде был приставлен офицер. Пропуском для всех служила все та же «Пуля». Кроме того, в разных местах была размещена команда из 10 пластун, 8 добровольцев и 5

нижних чинов Дагестанского конного полка при 2-х офицерах, а еще 30 пластунов при офицере выдвинуты в качестве резерва.³⁴¹ Вся эта сила была брошена для обнаружения и захвата одного человека. 12 ноября 1911 года для этого были предприняты все меры, но они оказались напрасными. Обысканные пещеры результата не дали: донос оказался ложным.

Борьбу приходилось вести не только с Зелимханом. В Терской области орудовали сотни других банд. 11 -го ноября в шесть часов вечера шайка разбойников из 50 человек чеченцев и русских верхами и на арбе близ Ставропольской границы напала на экономию крупного скотозаводчика-туркмена Муссы Шитай Арчиева (по другим источникам – Аджиев – авт.). Шайка завладела «одной пятисотрублевой бумажкой, на пятьдесят тысяч сторублевыми бумажками, на тридцать тысяч старыми пятирублевыми бумажками, золотых монет тысячу штук, турецкой золотой монетой на триста рублей, в числе которых много с дырками, седло, браунинг, разные татарские ценные вещи». При этом был убит работник, а сам Мусса и его жена ранены.

По получении тревожного сигнала начальник военного отряда 15 ноября приказал командиру 2-ой сотни Дагестанского конного полка штаб-ротмистру Мусалаеву «немедленно с полусотней выступить в сел. Шеды-юрт, где полусотня будет стоять, освещая (контролируя – авт.) местность до сел. Кень-юрт и Аду-юрт». Восточнее ее, в сел. Новый-юрт, должна была разместиться полусотня ротмистра Котиева, «освещая местность до Николаевского моста и до сел. Брагуны», а правее его со своей полусотней ротмистр Хабаев. Предписывалось также по Тереку против казачьих станиц устроить засады на бродах через р. Терек, о чем Мусалаев должен был немедленно по прибытии в Шеды-юрт сообщить атаманам станиц и взять их под свое начало. Подозрительные дома в аулах и хуторах должны были осматриваться, приглашая для этого сельскую администрацию. Так Зелимхан и его друзья брались в кольцо. Круг сжимался. Продолжительность пребывания полусотни в Шеды-юрте ограничивалась тремя днями. Если за это время шайка не обнаружит себя, полусотня должна будет возвратиться на место прежней дислокации. Согласно приказу по Терской области за № 200 обеспечивать полусотню довольствием в пути и на стоянке должно было чеченское население района охраны.³⁴²

Собственная разведка военного отряда не справлялась с обязанностями, была очень инертна и почти никогда не устраивала своих поисков и тайных слежек за Зелимханом. Рыскать в горах и лесах на виду у чужих людей было непросто и опасно. Да ее, этой разведки, и не хватало. Вся надежда возлагалась на обиженных абреками людей, на кровников Зелимхана и добровольцев-осведомителей, чуть ли не каждый день доносивших военному начальству и местной администрации (сельским старшинам, начальникам участков и округов) о виденном или слышанном. В одном из рапортов генерал-лейтенанту Михееву начальник Грозненского округа писал, что Зелимхан в одном только Урус-Мартане, где 12 декабря 1910 года «после убийства... Боку Баканаева, имеющего многочисленную родню..., приобрел себе свыше тысячи человек кровников».³⁴³ Все эти люди, находившиеся как бы на внештатной службе у администрации, составляли агентурный костяк. Но среди множества поступавших сведений были и заведомо ложные, поставщиками которых являлись все еще многочисленные сторонники неуловимого абрека, готовые всегда придти ему на помощь. Они-то и подкидывали властям дезориентирующие сведения – назывались другие места и населенные пункты, укрывались спутники и намерения.

Наместник Кавказа, главнокомандующий войсками края граф Воронцов-Дашков еще в октябре приказал старшему помощнику начальника Терской области генералу Степанову сосредоточить в своих руках всю сыскную часть и агентуру по уничтожению абрека Зелимхана. И генерал «в целях выяснения наиболее достоверных сведений и согласования принимаемых мер» потребовал от всех должностных лиц, имеющих отношение к данному делу, «представлять ему еженедельно по понедельникам краткие донесения о всех сведениях, полученных за истекшую неделю», а для сокрытия и удержания в тайне лазутчиков предложил «именовать начальной буквой округа и цифрой, начиная с 0 № 1 и т.д. Равным образом включать сведения и из случайных источников, помечая их: О.С.».³⁴⁴ В срочных донесениях агенты-осведомители обязаны были помещать сведения о местопребывании Зелимхана за истекшую неделю, о его намерениях и планах, о том, кто ходит с абреком и другие сведения, которые будут признаны имеющими значение. Было приказано адресовать донесения в Управление Кизлярского отдела, куда генерал на время перенес свою резиденцию, чтобы быть ближе к местам разгула Зелимхана и поднять розыскную оператив-

ность. Пакеты следовало пометить: «секретно – срочно».

Вскоре к генералу Степанову стали поступать сведения по указанной форме. Вот так выглядели сведения, полученные за неделю с 14 по 20 ноября 1911 года:

Вопросы, на которые следовало дать ответы:

Источник Местонахождение Его намерение Кто с ним

ходит Различные сведения О. №1

17 ноября около хутора Сюрезы. 20-го в сел. Вашиндерой. Надтеречный участок.

Приискивает себе убежище на зиму.

Два ингуша и один чеченец.

Интересны сведения, поступившие с 6 по 14 декабря 1911 года от командира 1 сотни Кубанского пластунского батальона подъесаула Дикова.

Источники Местонахождение Его намерение Кто с

ним ходит

Различные сведения О. №2

В ущелье близ аула Харачой. Окружен Кубанским пластунским батальоном и сотней Дагестанского конного полка.

Прорваться через окружающие его посты и убежать в 4-ый участок Грозненского округа.

Около 5 абреков, но кто неизвестно.

По слухам – есть жертвы.

А вот сведения за тот же период с 7 по 14 декабря, полученные от командира 5 сотни Кубанского пластунского батальона полковника Масляникова.

Источники Местонахождение Его намерения Кто с ним ходит Различные

сведения О. №3

Сообщение начальника Веденского округа:

В ночь с 8 на 9 и весь день 9-го декабря в пещере в 3-х верстах от сел. Харачой. Остальное неизвестно.

12 декабря начальник Веденского округа князь Каралов такой же рапорт, как и полученный от Масляникова, направил начальнику Терской области. В отличие от оказавшегося ложным ноябрьского доноса агентов о том, что Зелимхан находится в пещере около сел. Гуни, это сообщение было достоверным. Во всех докладах указывалось, что по имеющимся у них сведениям «Зелимхан скрывается в пещере харачоевской горы в 3-х верстах от сел. Харачой – родины Зелимхана.»

Заботу о нем с первого дня взяли на себя родственники и даже сельчане. Они знакомили его с новостями, носили в пещеру продукты. Зелимхан частенько закусывал также мясом ягнят, которых иногда таскал и сам из расположенного рядом кутана. За два месяца хозяин отары не досчитался нескольких овец. Он был возмущен, но открыто выступить против такого абрека боялся. Он понимал, что в случае чего тот при первой же встрече с ним не посчитается с тем, что они единоверцы и оба чеченцы.

Как бы там ни было, Каралову стало известно, что Зелимхан прячется в пещере. Об этом ему тайно донес харачоевец Ах- матхан А., возможно, тот самый пастух по соседству, у которого пропадали овцы. Как только были получены эти сведения, Каралов организовал отряд, в состав которого вошли: партизанская сотня численностью в 60 всадников под командой прапорщика Гамиева, 10 всадников Терской охранной стражи с офицером стражи подпоручиком Лопатчиковым, 5 человек добровольцев из числа кровников Зелимхана и приглашенная к содействию пулеметная команда 5-го Кубанского полка при двух пулеметах во главе подъесаула Варламова и полусотня пластунов того же батальона под командой сотника Жмакина. «Приняв меры,

– писал Каралов, – к совершенно секретному выступлению, так как в Чечне очень трудно отдать какое-либо распоряжение, чтобы через несколько минут оно не сделалось достоянием многочисленных агентов Зелимхана, я в 2 часа ночи с этим отрядом выступил из слоб. Ведено на селение Хорочой».³⁴⁵ Бесшумно пройдя селение, отряд остановился у подошвы харачоевской горы, на которую круто поднималась узкая тропа. Ввиду невозможности продолжать марш верхом, пулеметная команда и верховые лошади с коноводами вынуждены были отправиться назад в Харачой. Вдоль по ущелью реки Хулхулау был выслан секрет из 10 человек с подпоручиком Лопатчиковым с целью ограждения возможного спуска Зелимхана с высоты в случае обнаружения им облавы, остальной отряд

двинулся на высоту около 8000 футов (фут равен 30,48 см. – авт.). Достигнув ее в 8 часов утра, отряд остановился и занял предварительную позицию для ознакомления с топографией местности и расположением пещеры на противоположном берегу глубокого ущелья, в котором по указанию агента должен быть Зелимхан.

Для точного определения этого места был взят хозяин находящегося там же кутана Туса Исламов, который указал, что не знает, там ли Зелимхан. Но когда ему было приказано, чтобы он пошел в пещеру и произвел разведку, он ответил: «Хоть убейте, но туда не пойду!». Отряд применил к нему силу, выставил его перед командой и отправился к пещере. Через засланного чеченца было установлено, что Зелимхан действительно там. В 8 часов вечера пещера была окружена цепью стрелков. Главная позиция – гребень горы против пещеры была занята полусотней пластунов подьесаула Варламова с частью партизан и стражников, снятых с ущелья Хулхулау, под начальством Ло- патчикова, а также кровниками Зелимхана. Прапорщик Гамиев с партизанами, стражниками и сотник Жмакин со взводом пластунов были направлены в обход ущелья с целью зайти с тыла и стать под самой пещерой.

Князь Каралов со своим переводчиком Данилханом Чумаковым оставался на гребне с десятью пластунами и тремя стражниками, откуда могли обстреливать всю лощину между позицией стрелков и пещерой. Это место было наилучшим наблюдательным пунктом для руководства боем, который начали стрелки и продолжался до пяти часов дня. На выстрелы обложения Зелимхан из небольшой амбразуры ответил огнем из трехлинейной винтовки. Залпами цепи была выбита дверь пещеры. Войска понесли потери. За этот день были убиты один пластун и всадник партизанской сотни Эдильби Губиков и ранено три пластуна. Для оказания медицинской помощи раненым из Ведено были вызваны врач статский советник Тиль и фельдшер.

По ходу боя и в результате оценки подступов к пещере было установлено, что взять ее приступом невозможно из-за недоступности, даже если пожертвовать всем отрядом, «так как докарабкаться до нее можно было только по одному человеку без расчета дойти до цели. Князь Каралов срочно обратился через посыльного к начальнику Веденского военного гарнизона Мас- лянникову с просьбой, чтобы тот прислал офицера артиллерийской роты с пироксилиновыми шашками, «дабы попытаться взорвать пещеру». Но так как в гарнизоне взрывчатых веществ не оказалось, то Масленников распорядился доставить орудие. Пушка была доведена до Харачоя в трех верстах от позиции, но доставить дальше не было никакой возможности из-за отсутствия дороги и ночного времени. Тогда для усиления облавы была вызвана полусотня пластунов, квартирующая в сел. За- вирхи, а из сел. Шали сотня дагестанского полка.

В седьмом часу вечера на позицию прибыл и сам полковник Масляников. Цепи пластунов окружили пещеру сжатым кольцом в диаметре до 300 шагов, а для того, чтобы исключить всякую возможность Зелимхану уйти за ночь, да еще при возможности попытаться ворваться в пещеру, Каралов предложил подьесаулу Варламову и подпоручику Лопатчикову продвигнуться ближе к пещере. С вечера стрельба прервалась и затихла до 12 часов ночи. Потом она снова возобновилась и продолжалась недолго – 7-10 минут. После этого больше не начиналась.

На рассвете была произведена смена постов частями из резерва. После этого прапорщик Гамиев попросил разрешения у Каралова «осмотреть пещеру, так как, по его убеждению, Зелимхан ночью вышел из нея». При осмотре, действительно, абрека там не оказалось. Князь Каралов докладывал подробности виденного. Пещера расположена на левом берегу скалистой лощины, образовавшейся от снежных завалов. Она находится на высоте 40 сажень от дна лощины. С передней стороны нет подступа. Пещера имеет вид раковины, передний ⁴⁰² фасад которой искусственно заделан каменной стеной, обшитой зацементированным плетняком, в стене небольшая дверца из плетняка, забитая соломой и рядом маленькая амбразура для стрельбы.

Наружная стена облицована большими плитами из местного камня, которые маскируют пещеру с окружающими ее скалами. Внутренний вид пещеры имеет форму овала в 5 шагов длины, 4 шага ширины и 4 аршина высоты. В задней стене устроена траншея шириной в поларшина и длиной в 2 сажень. Траншея эта делает посредине поворот налево, но, видимо, не доведена до конца и задумана для тайного выхода. Как наружная стена, так и внутренняя свидетельствуют о попадании стрелков – много пуль, засевших в стене, торчат оттуда. К

пещере ведут две тропинки — одна влево к большому камню, за которым лежали стрелки, а другая — вверх, тоже на позицию. У наружной стены на узкой террасе сложено несколько бровен дров.

В покинутой Зелимханом пещере были найдены следующие предметы: палас, ватное одеяло, медный кумган, переметная сумка с кукурузной мукой, алюминиевый котел 3-й сотни 5-го Кубанского батальона, пивная бутылка с керосином, две бутылки пустые, стакан с блюдечкой, эмалированные чашка и чайник, глиняная чашка и такой же горшок с маслом, Чугунный котел, разбитый при перестрелке, деревянная ложка, сушенная баранья колбаса, сырая ляжка говядины, деревянное блюдо, перочинный нож, стреляные гильзы от трехлинейки, одна щетка с зеркальцем, старое в футляре, большая пробка, по-видимому из фиалкового корня. Заявление В.Козачковского о том, что в пещере вместе с Зелимханом два месяца находились еще несколько абреков и «найден между прочим капкан для ловли баранов», источниками не подтвердились: вся утварь была рассчитана только на одного человека.

Как свидетельствует опись вещей, харачоевская пещера служила Зелимхану настоящим пристанищем, удобным своей неприступностью и близостью к родственникам. Она устраивала еще и тем, что после убийства Боку в Урус-Мартане он в течение двух лет не мог там показаться, и здесь он нашел надежное укрытие. Боясь обнаружения, он никогда и нигде не останавливался так долго. Не спасли его теперь и родные места.

Князь Каралов писал далее, что «от пещеры взяты свежие следы одного человека по снегу, которые шли сперва вдоль правой скалистой стены, а затем перешли лощину, в конце которой по гребню на снегу заметны и следы правой руки с каплями крови. Очевидно, поднимаясь по гребню, он упирался этой рукой, которая была поранена».³⁴⁶

По кровавому следу для розыска и преследования ускользнувшего абрека Караловым был командирован прапорщик Гамиев с партизанами и опытными следователями и полусотня пластунов. Кроме того, были посланы в населенные пункты, где по агентурным сведениям Зелимхан может найти приют, 7 команд из партизан, стражников и добровольцев-кровников численностью по 15 человек, а затем еще в 2 пункта по полусотне дагестанцев по распоряжению начальника военного отряда полковника Маргани, прибывшего в сел. Харачой 10 декабря.

В заключение князь Каралов не преминул сделать свои выводы. «Считаю долгом — указывал он, — доложить, что для того, чтобы положить конец этому гнусному издевательству над правительством чеченского населения, в особенности же харачоевцев, которые 13 лет кормят и укрывают его в трех верстах от своего селения, а в 600 шагах от пещеры, искусственно укрепленной руками этого же населения, находятся кутаны тех же харачоевцев, которые ежеминутно общаются с ним не как с разбойником, а как с желаемым имамом Чечни и легендарным народным героем и защитником их от этого влияния, я нахожу необходимым применить к населению Харачоя единственное радикальное средство, а именно: предъявить к населению Харачоя и ко всем ближним и дальним родственникам Зелимхана категорическое требование выдать его в недельный срок, в противном случае разгромить все Харачоевское селение как невернопопданное Его Императорскому Величеству Государю Императору».³⁴⁷

А 16 декабря, через несколько дней после побега из пещерной ловушки, Зелимхана уже видели, как он утром на рассвете спускался по большой шоссейной дороге, идущей из слободы Ведено, на плоскость на конной арбе, запряженной лошадей гнедой масти. Одет он был в черную черкеску с рыжей шапкой на голове.

Везучесть Зелимхана поражала. «Какой-то бог удачи, — писал А. Цаликов, — сопровождает все набеги Зелимхана, и он выходит из всех стычек и форменных сражений, правда, теряя одного за другим близких ему лиц.

Гибнут его отец, оба брата, лучшие его сподвижники Аюб и Саламбек, вместе с ним переносившие невзгоды его скитальческой жизни».³⁴⁸

То, что известный абрек и на этот раз остался цел и невредим, не устраивало не только администрацию. Вышеупомянутый Ахматхан А. вошел в сговор с двумя жителями селения Беной стариками Гехой Д. и Бийсултаном К. «образовать команду из 10 человек беноевцев и 10 человек харачойцев, родственников этого Ахматхана А., с целью идти на поиски Зелимхана». Они обещали в слободе Воздвиженской ротмистру Доногуеву дать

подписку, что «если в течение 2-х — 3-х месяцев они не уничтожат Зелимхана, то согласны быть сосланными в Сибирь. Но так как они люди бедные и их поиски сопряжены с расходами, то просят зачислить себя в резерв Веденского округа».³⁴⁹

О состоявшемся визите и разговоре Доногуев сообщил начальнику военного отряда, но как была воспринята эта инициатива и имела ли она ход дальше, в документах не получила отражения.

Охотников за Зелимханом стало много. Они даже готовы были перехватить инициативу друг у друга. 22 декабря к тому же Доногуеву явились агенты прапорщика Исмайлова и сообщили, что им удалось многое выведать, а именно: Зелимхан после бегства из пещеры был в Бачи-юрте, Майортупе, далее в Истису и направился на Брагуны. Затем, как установили они, он проехал к селам Казма и Аксай Хасав-юртовского округа, где у него есть родственники. В тот же день они выехали по пятам в надежде обнаружить его, так как родственники Зелимхана, находящиеся в Казма, также приходится родственниками одного из них. И там им повстречался один чеченец, у которого на хранении находились 2000 рублей Зелимхана и около 1000 штук патронов, «с коим они вошли в сделку, и последний обещал выдать Зелимхана, если ему дадут 2 тысячи». Люди Исмайлова заметили на это, что они «сами тоже хотят заработать деньги, и если он не спустит означенную цифру, они и без него найдут Зелимхана. За 3000 рублей обязался выдать абрека и другой чеченец, которому на этот раз обещали эти деньги. «Сегодня же, — докладывает ротмистр начальнику военного отряда Маргания, — когда были у меня эти люди, приехал гонец от чеченца, просящего 3000 руб., за командой прапорщика, куда они и выехали».³⁵⁰

А еще через два дня подполковник Каралов получил известие, что Зелимхан уже находится в Кешень-ауле того же Хасавюртовского округа. «Там проживает перс, которому Зелимхан поручил найти 5000 руб. фальшивых денег, с которыми он предполагает открыть торговлю в Астраханской губернии среди киргизов. Перс предполагает переехать за Аргун, где рассчитывает достать эти деньги».³⁵¹

Копии этого сообщения Маргания направил генералу Степанову, начальникам Грозненского, Хасав-юртовского и Назрановского округов, а также жандармскому ротмистру Белику и ротмистру Хабаеву.

Это были последние меры терской администрации по захвату и уничтожению Зелимхана в 1911 году.

Новый 1912 год, как, собственно, и следующий 1913 — последний год его жизни, уже не отличался особой активностью знаменитого абрека. Как свидетельствуют документы, 1912 год был временем затишья. Затишья большого. Совместные усилия военного отряда и администрации дали свои результаты. Зелимхан и другие абреки были существенно потеснены и ограничены в своих действиях. Усердие подполковников Митни-ка, Ханжалова, Вербицкого, Добровольского, Клишбиева, Каралова, полковников Галаева и Маргания и военного отряда, возглавляемого последним, ротмистров Котиева, Доногуева, Кибирова, Мусалаева, генерала Степанова и лично начальников Терской области — генерал-лейтенантов Толстова, Колюбакина, Михеева и Флейшера, заступившего в эту должность 18 апреля 1912 года, а также большая агентурная сеть во многом из числа местных жителей, дали свои положительные результаты. Заметно уменьшилось число вылазок абреков. Значительная часть абреков и даже целых шаек была обезврежена: одни убиты, другие осуждены и сосланы в Сибирь, а некоторые даже на крайний Север, где от холода, голода, болезней и непосильных трудов многие не доживали до конца своего судебного срока. Стало меньше воровства, угона скота и лошадей.

Даже Зелимхан, еще недавно диктовавший свои условия всем — и мирянам и администрациям, не объявляется лишним раз. Живет в основном за счет поддержки оставшихся верных ему друзей, сочувствующих и родственников. Несомненно, сказались и возраст и усталость за долгие годы борьбы, которая не принесла каких либо заметных результатов: на смену убитым неугодным администраторам приходили новые, иногда даже более опытные и решительные люди, как, скажем, полковник Галаев и другие.

Свои положительные результаты принес и военный отряд, постоянно преследовавший абреков и в первую очередь их символа Зелимхана. Военный отряд, хотя и подвергался заслуженной критике и обвинялся в слабой работе, не отвечающей поставленным задачам и

назначению, свое дело делал, все более ограничивая знаменитого абрека в территории для маневров и друзьях.

В итоге, Зелимхан, потерявший многих своих соратников по разбойному промыслу и в борьбе с администрацией, в какой-то мере смирился со сложившимися новыми обстоятельствами. Однако терская и вся кавказская администрация все еще видела в нем своего злейшего и опасного врага и продолжала преследовать его до полного уничтожения. Она делала все, чтобы лишить его последних надежд, закручивая дальше гайки административных мер, делая упор на высылку преступников и их пособников в далекие губернии России. Очередная такая высылка родственников Зелимхана должна была состояться в феврале 1912 года. Но до отправки они были заключены в Веденскую тюрьму.

Начальник военного отряда полковник Маргания доносил в секретном предписании командиру 5 Кубанского пластунского батальона. «Начальник Веденского округа отзывом своим от 4-го февраля 1912 года, полученного в штаб в. отр. 7 февраля уведомил меня об отправке этапом из сл. Ведено в гор. Грозный 1 февраля 68 человек чеченцев-родственников известного абрека Зелимхана подлежащих высылке административным порядком в Орловскую губернию и просил, ввиду важности отправляемой партии арестантов- ближайших родственников Зелимхана, а вследствие этого и возможности нападения на конвой с целью освобождения арестантов назначить кроме одной роты нижних чинов Веденского гарнизона еще от конно-дагестанцев, как дополнительный конвой, от сл. Ведено до Сержень-юрта одну сотню, стоящую в Дышни-Ведень и от Сержень-юрта до Устаро-Гордя и до Грозного Устарогордоевскую сотню. На следующий день, 8 февраля в рапорте начальнику области общал, что он « секретно предписал командиру 5 Кубанского пластунского батальона о сопровождении 68 арестантов родственников Зелимхана.

Для усиления конвоя разрешаю Вам вызвать с постов батальона на тот случай столько, сколько Вы найдете нужным, но только не от одного поста, а от всех, кроме харачоевского, оставя достаточное число людей на постах, имея ввиду и обеспечение этих постов от всяких случайностей. Полк. Маргания».³⁵²

Дело не ограничивалось одними высылками за пределы области укрывавших Зелимхана родственников. Подлежали сносу и те самовольно образовавшиеся хутора, которые становились надежными и постоянными пристанищами абреков. Это засвидетельствовал рапорт начальника Терской области от 2/3 февраля 1912 года главнокомандующему войсками Кавказского военного округа. В нем говорится, что главнокомандующий, «обратив внимание на то, что за последнее время (т.е. до 1905 года) случаи грабежей и убийств в районе расположения Урус-Мартановских хуторов значительно усилились, и злоумышленники находили в них постоянное и надежное пристанище, изволили приказать принять безотлагательные меры к уничтожению хуторов, образовавшихся самовольно на Урус-Мартановской земле, с переселением проживающих на них туземцев к местам приписки их; канцелярией моей, по поручению бывшего начальника области ген.-лейт. Толстова, тогда же (11 мая 1905 года) было сообщено начальнику Грозненского округа, ввиду отсутствия в отзыве Штаба за № 9956 точных указаний о том, какими мерами должно быть исполнено распоряжение Вашего Сиятельства и, приняв во внимание, что расселение хуторов вообще может быть осуществлено не иначе как в судебном порядке, обратился к этому последнему и передал дело о расселении 42-х хуторов на рассмотрение Шатоевского горского словесного суда. Горский же суд определением своим от 27 июля 1905 года за № 533 обязал выселиться с Урус-Мартановской земли только жителей двух хуторов, а по отношению остальных 40, за давностью поселения их, дело прекратил, признав таковое себе не подсудным».³⁵³

По мере роста населения рядом с первыми поселениями образовывались хутора. Как правило, хуторяне были выходцами из этих же поселений и все, что находилось вокруг, все, что лежало, росло и стояло рядом, воспринималось ими, как свое. Они знали здесь, где проходило их детство, каждый овраг, ручей и дерево, каждый молитвенный холм и камень. Поэтому расселять и переселять их куда-то, было не так просто.

Учитывая, что горскому словесному суду удалось расселить только два хутора, помощник правителя канцелярии начальника Терской области, решил проявить собственную инициативу и вошел к главнокомандующему с предложением, на его взгляд более радикального свойства и без каких либо особых хлопот. Он писал: принимая во внимание, что расселение в судебном порядке как Урус-Мартановских, так и всех вообще, хуторов сопряжено с большой волокитой и лишь с затруднениями и потерей времени может решиться в

желательном смысле, я полагал бы, что вопрос этот полезнее было бы осуществить исключительно административным порядком, именно, распоряжением

В. С.-ва, на основании 11 ст. Учр. Упр. Кавк. края.»

Главнокомандующий войсками на Кавказе граф Воронцов- Дашков в резкой форме ответил незадачливому советчику, что это было бы грубым попранием национального достоинства людей, хотя в чем-то и провинившихся. Призывая действовать в рамках закона, Воронцов-Дашков указал, что «Урус-Мартановское сельское общество само может принять меры к сносу всех самовольно обосновавшихся на юртовой их земле хуторов путем предъявления к их хозяевам иска о восстановлении нарушенного владения., если со дня такового прошло более чем шесть месяцев в общих судебных установлениях, но не в горском суде». ³⁵⁴ Такие меры будут законными и не вызовут недовольства у населения.

В начале марта 1912 года в Терской области происходит смена руководства. Почувствовав сильное сердечное недомогание, генерал-лейтенант Михеев 2 марта 1912 года издал приказ по области, которым возложил управление областью и войском на своего старшего помощника ген.-майора Степанова. Об этом он тут же направил рапорт главнокомандующему Кавказскими войсками генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову: «Доношу Вашему Сиятельству, — говорится в нем, — что за последнее время я стал страдать мучительно болезненными припадками в области сердца, а потому, не будучи в состоянии заниматься служебными делами, приказом моим от 2 сего марта управление областью и войском возложил на моего помощника ген.-м. Степанова». ³⁵⁵ Почувствовав, что навсегда может потерять эту высокую должность, 11 апреля Михеев поспешил отправить через полковника Гаибова телеграмму главнокомандующему: «Выздоровев сего числа, я вступил в управление областью и войском». Но, как видно, опоздал. Илларион Иванович, имевший к Михееву свои претензии по части его службы, видел на его месте другого более расторопного генерал-лейтенанта — Сергея Николаевича Флейшера, который вскоре же, 18 апреля 1912 года, вступил в должность временно исполняющего обязанности начальника Терской области, а затем и на постоянной основе.

Чтобы совсем не остаться не у дел, 1 июля 1912 года Михеев направил письмо-ходатайство наместнику Кавказа, не забыв при этом упомянуть о том, какое усердие он прилагал на службе и в мирное и в военное время. «Многосложные обязанности, лежащие на начальнике Терской области, усидчивая кабинетная работа, неблагоприятные для моего здоровья климатические условия гор. Владикавказа и, наконец, постоянные волнения и огорчения, испытанные мною в течение четырех лет вследствие неприятных событий, имевших место за это время (в первом варианте доклада — огорчения по поводу поступавших многочисленных донесений о дерзких нападениях шайки Зелымхана и его жертвах) крайне расстроили мое здоровье, и я вынужден был слечь в постель от мучительной острой болезни ноги и сердечных припадков». Далее он пишет, что по настоянию врачей сдал управление областью генералу Степанову и подал рапорт о болезни, после чего Его Сиятельству угодно было... для управления областью командировать ген.-лейт. Флейшера. «При дальнейшей переписке моей с начальником штаба генералом Берхманом и к крайнему огорчению моему узнал, что согласно решению Вашего Сиятельства я должен оставить управление областью. Но в настоящее время, — продолжает он, — после четырехмесячного лечения... по заявлению пользующего меня профессора Субботина я буду в состоянии продолжить службу».

Михеев прекрасно понимал, что при сложившемся положении, когда на его место уже назначено другое лицо, он не может больше претендовать на него. Но, веря в справедливое отношение наместника к себе как к старому и заслуженному генералу, решился обратиться к нему с ходатайством о назначении его на должность сенатора или же предоставления ему другой соответствующей должности. Михеев действительно имел заслуги перед Отечеством. Он верой и правдой служил в офицерских чинах всюду, куда его направляли. Он — участник двух военных кампаний: русско-турецкой 1877-1878 гг. и русско-японской 1904-1905 гг., где за выдающиеся отличия был Высочайше пожалован шестью боевыми наградами. В 1906 году, в смутные революционные времена наместник назначил Михеева начальником артиллерии Кавказского военного округа и одновременно исполняющим обязанности Батумского вр. ген.-губернатора, где так же отличился в подавлении революции. «Моя последняя служба в Терской области, если и не оправдала вполне тех надежд, которые на меня возлагались, то во всяком случае исправлялась мною с большим усердием и от всего сердца настолько, что

подорвало мое здоровье». ³⁵⁶ Наместник И.И. Воронцов-Дашков благосклонно отнесся к заслуженному генералу и по его ходатайству Высочайшим приказом от 25 сентября 1912 года Михеев был назначен сенатором Правительствующего Сената.

Ему на смену пришел другой, не менее образцовый генерал- лейтенант Сергей Николаевич Флейшер. Новый начальник Терской области, видя, что общественному порядку и спокойствию в принятой им области, уделяется недостаточное внимание, а силы (администрация и военный отряд), призванные обеспечить это, безответственно относятся к возложенным на них обязанностям, действуют порознь порой во вред делу, счел необходимым с самого начала поставить перед главнокомандующим войсками округа вопрос о существовании в Терской области специального военного отряда, «назначенного для содействия администрации в борьбе с разбоями и по охране тишины и порядка».

Исходя из имеющейся по этому поводу огромной переписки, Флейшер пришел к выводу, что наместник хотел поставить службу военного отряда таким образом, «чтобы она отвечала специальным законам, которые принимались для содействующих воинских частей, касаясь вместе с тем взаимоотношения чинов администрации, с одной стороны, и отряда — с другой». Характер и порядок несения службы военным отрядом были определены двумя изданными в разное время инструкциями наместника: «Общими указаниями военному отряду, предназначенному для содействия администрации по охране тишины и порядка и в борьбе с разбойниками в Терской области» и «Инструкцией чинам администрации Терской области и военному отряду к розыску и уничтожению разбойничьих шаек».

Оба документа требовали, чтобы в основе совместных действий администрации и военного отряда лежало обязательное соблюдение отрядом принципов невмешательства в сферу деятельности администрации, при соблюдении стройной системы совместной работы полиции и войска. «Между тем, — пишет Флейшер, — на практике, как мне лично пришлось убедиться из накопившегося канцелярского материала и из докладов по текущему состоянию дела, совместные действия отряда и полиции ввиду самостоятельного существования их в виде двух заинтересованных сторон, преследующих одну и ту же цель, принимают неизбежно разрозненный характер, нежелательно отзывающийся на успехе дела». ³⁵⁷

Признавая такое положение не соответствующим назначению отряда и даже наносящим вред решению поставленной задачи, ретиво взявшийся за дело Флейшер признал нецелесообразным его дальнейшее существование и обратился с рядом предложений к главнокомандующему: «1. Самостоятельный военный отряд упразднить вовсе, ибо существование его в данное время, как мне кажется, не оправдывается теми результатами в деле уничтожения абреков, какие достигнуты в течение 3-летнего его существования. Для борьбы с абреками в серьезных и массовых военных операциях надобности не встречается, наряды же отдельных команд для партизанских действий против разбойничьих шаек и ловли отдельных абреков не требуют соединения в большой самостоятельный особый воинский отряд с отдельным начальствующим лицом и целым штабом при нем». Далее он отмечает, что существующее соединение мелких войсковых единиц, разбросанных на значительном пространстве под начальством одного, общего для всех военного начальника со штабом отряда, через который проходит большинство нарядов для содействия полиции, неизбежно влечет за собой непроизводительную потерю времени и служит одной из главных причин разрозненности и несвоевременности действий полиции и войска.

«2. Ввиду исключительной обстановки области, подверженной в данное время частым злоумышленным выступлениям абреков и, в частности, главного из них Зелимхана, ввиду чрезвычайно недостаточного количества полицейской стражи у начальников округов и полное отсутствие ея у атаманов отделов, я считал бы необходимым пока не лишать местную административную власть постоянного присутствия воинской силы, находящейся у нея под рукой и в ея распоряжении, а потому ходатайствую перед Вашим Сиятельством о разрешении временно оставить в районах: Грозненского округа 1 сотню конно-дагес- танцев и Веденского — 2 сотни конно-дагестанцев с 1 сотней пластунов.

Далее в третьем пункте он просил оставить эти сотни в его распоряжении с тем, чтобы при необходимости он мог передавать их в распоряжение начальников округов или атаманов отделов. Это позволило бы, поясняет Флейшер, «без потери времени вызывать эти части и направлять их сообразно с надобностями». ³⁵⁸

Главнокомандующий не согласился с предложением своего нового ставленника о ликвидации военного отряда, сочтя эту меру преждевременной, пока область все еще

наводнена разбойничьими шайками, а на свободе гуляет главный их вдохновитель абрек Зелимхан. Флейшер признал преждевременность выдвинутых им мер и в очередном рапорте теперь уже в штаб

Кавказского военного округа он писал: «Ввиду исключительной обстановки в данное время в временно управляемой мною области, благодаря злоумышленным выступлениям шаек абреков вообще и абрека Зелимхана, в частности...граф Воронцов-Дашков не признал возможным оставить Терскую область без постоянного в ней присутствия воинской силы, которая находилась бы всегда под рукой администрации и в ее распоряжении».³⁵⁹ После этого Флейшер решил лично предпринять меры, мобилизующие все имеющиеся под его началом силы к более активным и результативным действиям. 22 мая 1912 года всем командирам войсковых частей, направленных в область для содействия администрации, атаманам отделов, начальникам округов и участков, полицмейстеру и приставам он направил циркуляр, в котором выражал крайнее недовольство тем, что во многих случаях совместных действий войск, административных и полицейских властей против абреков не только не было между ними необходимой для успеха согласованности действий и объединения всех имеющихся средств и усилий к достижению нужных результатов в бывших до этого времени случаях столкновения с шайками абреков, но в некоторых случаях даже наблюдались «признаки как бы противодействия административных властей успешным против абреков действиям войсковых начальников, а так же и друг другу».

В своем циркуляре Флейшер не допускал и мысли о возможности умышленного противодействия административных и полицейских властей как войскам, так и друг другу в деле уничтожения абреков «и тем не менее, — подчеркивал он, — считаю необходимым теперь же предупредить всех лиц, прикосновенных по долгу службы в области к делу борьбы с абречеством, что не только противодействие с чьей либо стороны, но и неокказание полного возможного друг другу содействия в каждом отдельном случае столкновения с абреками, или в деле предупреждения преступного с их стороны выступления, поставить меня в неизбежную необходимость вменить это в преступление тому лицу, которое окажется виновным в противодействии или бездействии и, независимо от предания его суду за преступление по должности, я сочту себя обязанным виновных лиц, на коих распространяется предоставленная мне законом власть, немедленно увольнять от занимаемых ими должностей и вовсе от службы, не стесняясь тем служебным положением, которое они занимают в области».³⁶⁰

Вместе с этим начальник области не скупился на поощрения тех, кто беззаветно выполнял свои служебные обязанности по искоренению абречества, несмотря на их этническое родство с последними. Среди них был Арслан-Бек Котиев, которого командир военного отряда полковник Маргания представил в качестве одного из таких кандидатов. Котиев был повышен в чине. «За выдающиеся отличия» вне установленной нормы, — говорится в представлении, — на основании приказа военного ведомства за № 184 и официального письма начальника штаба 3 Кавказской казачьей дивизии от 25 ноября 1912 года командир 3 сотни Дагестанского конного полка ротмистр Арслан-Бек Котиев произведен в подполковники. До этого был награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны 3 степени.

В описании заслуг, направленном начальнику 3 Кавказской казачьей дивизии, говорится, что Котиев имеет «большие заслуги при нахождении в военном отряде по охране Терской области уже третий год. — Это горный поход в январе 1911 года в Ассиновское ущелье, к твердыням полудиких горных ингушей Назрановского округа, где был убит ротмистр князь Андроников, экспедиция которого так печально окончилась для него и других».

Поскольку в этой характеристике конкретного участия Котиева в столкновениях с абреками имеются дополнительные штрихи целесообразно восполнить ими вышеописанные эпизоды.

«Военный отряд из двух родов оружия, — говорится далее, — переваливши по колону в снегу через снежную линию более 11000 футов, достигла хуторов Нельха и Коки, составляющие твердыню самого многочисленного и при этом неприязненно расположенного к нам ингушского племени, и твердыни эти были разрушены до основания. Разрушение этих вековых гнезд еще более усилило ненависть ингушей к нам и имелись у меня и начальника Назрановского округа сведения, как до появления, так и после появления отряда, что жители этих гнезд поклялись отомстить за разгром их убежищ и были

достоверные сведения, что отряду готовили в горных теснинах ряд засад, но благодаря присутствию при отряде офицера из ингушей – ротмистра Котиева, весьма преданного долгу службы и происходящего из большого рода тех же ингушей, он со своими многочисленными родственниками, сопутствуя отряду и составляя вокруг отряда, в движении на привалах и стоянках, кольцо охраны и держа меня всегда в полном курсе о замыслах населения, совершенно парализовал враждебные выступления ингушей, и отряд, пройдя все горные аулы этих ингушей, благополучно выполнил возложенную задачу и вернулся во Владикавказ».³⁶¹

Были отмечены и другие факты. После дерзкого нападения Зелимхана и его отряда на дорожную комиссию при ее следовании по Царскому шоссе, около малого форельного озера, и уничтожения конвоя ротмистра Долидзе и членов комиссии абреки стали уходить от преследования. Ротмистр Котиев умело расположил секреты по вероятным путям отступления абреков из Дагестана в Терскую область. Отряд Зелимхана, преследуемый Котиевым, наткнулся на одну из выставленных им засад под начальством штаб-ротмистра Доногуева в ночь с 15 на 16 сентября в 3-ем часу ночи. Шайка была рассеяна, оставив на месте столкновения двух убитых абреков, в том числе брата Зелимхана, 4-х лошадей и 9 винтовок, не причинив засаде никакого вреда.

Характеризуя ротмистра как замечательного командира, Маргания указал, что его сотня, единственная во всей дивизии, дала в текущем году отличный результат по стрельбе. Свое ходатайство начальник военного отряда закончил словами: «Блестящее командование сотней, а также описанные заслуги ротмистра Котиева обязывают меня в интересах службы и ея поощрения просить о награждении его «вне нормы наград чином подполковника. Полк. Маргания».³⁶²

Весьма похвально, что, несмотря на ранее данную нелестную характеристику ингушского народа, как одного из поставщиков абреков, военное командование так высоко оценило заслуги одного из его талантливых сыновей. Он показывал свою незаурядность на протяжении всей своей военной службы России.

2. Гибель абрека

1913 год стал последним годом походов и вообще существования Зелимхана. Неуловимый и неустрашимый, он с самого начала XX века был живой легендой и одновременно грозой для кровников, несговорчивых официальных лиц и толстосумов. За это время он и подустал, и лет прибавилось, стали сказываться ранения, не оставляла в покое малярия, валившая его с ног, но несколько не убавилось злости и ненависти к тем, кто, как он считал, сломал ему судьбу, отнял жизни у отца и братьев, арестовал и сослал семью с малыми детьми в Сибирь... Однако, несмотря ни на что, рой этих чувств периодически вызывал у него прилив новых сил. И тогда мысль об уходе в Турцию, куда еще недавно, несколько десятилетий назад, переселилось много единоверцев со всего Северного Кавказа, среди которых были тысячи соплеменников- чеченцев, на время отступала, а то и вообще закрадывалось сомнение в правильности такого решения. Что лучше: жить на чужбине с тоской по родным местам и не вымещенной злобой, или быть всегда – и живым и мертвым – рядом с прахом предков и многочисленными родственниками по линии отца и матери?

Это была задача, которую Зелимхан всегда решал по-разному, в зависимости от обстановки и настроения. Но теперь, когда вокруг него все больше сжималось вражеское кольцо, в нем с большей силой заговорил дух борьбы, которая привела уже этой осенью к той развязке, которую готовили Терская администрация и военный отряд при поддержке населения, уставшего от Зелимхана самого и его дружков, а также от постоев, штрафов, контрибуций, тюрем и ссылок в Сибирь и на остров Чечень не только отдельных личностей, но и целых семей и даже поселений, которым ставились в вину укрывательство и пособничество абрекам.

Военному отряду очень трудно давалась борьба с летучими отрядами разбойников и абреков. За четыре года существования он не добился сколько нибудь заметных успехов, за что подвергался серьезной критике и нареканиям со стороны областной и кавказской

администрации. Боясь, что за такую пассивность можно схлопотать наказание с оргвыводами полковник Маргания в очередной раз потребовал от подчиненных активизировать разведывательную и оперативно-карательную работу и изловить или уничтожить, наконец, главного смутьяна и бандита Зелимхана.

Между тем о Зелимхане почти всю зиму ничего не было слышно. Причина временного затишья оказалась банальной. По агентурным сведениям, которые получил ротмистр Хабаев, командир 5 сотни Дагестанского конного полка, от своих тайных осведомителей из окружения Зелимхана, он в январе и феврале болел и находился в селении Новые Алды.

В конце января хозяин дома, где он лежал, одел его в женский костюм, посадил на одноконную повозку и повез в Веденский округ. Отдохнув немного в Чечень ауле у знакомого, они продолжили путь, «ив том же селе, – сообщает агент, – они завернули к лавочнику- мануфактурщику Бейсултану. Остановив арбу у дороги, возчик зашел в лавку и купил там за 7 рублей головной платок для своего подопечного. Зелимхан взял этот недостающий к его женскому убранству платок, закутался в него и переправились через Аргун, чтобы попасть в Веденский округ.

Хабаев, держа под контролем Зелимхана и пути его следования, решил узнать еще некоторые подробности, связанные с ним и его друзьями, а именно, у кого он находился больным два месяца в Алдах, к кому он заезжал в Чечень ауле и др. Обо всем этом должен был знать один из жителей Герменчук, но дело может затянуться, так как он пока в отлучке. С его прибытием ротмистр связывал также выяснение местонахождения абрека «номер первый», конечный пункт его следования. Пока Хабаев уточнял эти вопросы, координаты Зелимхана указал командир 6 сотни ротмистр Доногуев. 5 февраля 1913 года он сообщил начальнику военного отряда о том, что три дня назад его агентами Зелимхан был замечен в первом участке Веденского округа. Тот же источник сообщил Доногуеву, что Зелимхан «этот месяц непременно посетит гробницу матери Кунта Хаджи, так как богомольцы начали стекаться со всех сторон к упомянутой гробнице для моления и этот месяц называется месяцем «Мовлед» («Мовлид» – по-чеченски – авт.), где производится жертвоприношение и хождение по гробнице святых».³⁶³

Из дальнейших наблюдений стало известно. Что Зелимхан действительно посещал могилы святых вместе с богомольцами Веденского округа.

Зелимхан располагал только тем оружием и боеприпасами, которые доставались ему трофейным путем или посредством покупки. Иногда это мог быть подарок. Когда же не оказывалось в нужное время этих источников, Зелимхан, готовя крупное ограбление с участием большой группы людей, нападал на военные гарнизоны или склады оружия.

Приближалась весна, запасы истощились. Надежды на трофеи были невелики. Ничего другого не оставалось, как совершить налет на расположения воинской или казачьей части. И как знать, возможно, очередной такой налет мог удалиться, если бы не утечка информации. В начале февраля 1913 года командиру 3 Кавказского артиллерийского корпуса, находившегося в городе Кизляре, местная администрация сообщила, что у нее имеются агентурные сведения «о намерении Зелимхана напасть с шайкой на один из гарнизонов с целью добыть оружие и патроны. По рассказам нападение это предполагается сделать по характеру похожим на Андижанское».³⁶⁴

Командир корпуса усомнился «в достоверности этих сведений», в том, что это возможно, тем не менее во избежание какой либо из его частей быть застигнутой врасплох, приказал «принять все меры предосторожности, считая, что, если бы такое нападение и было произведено, то последствием его было бы истребление всех нападавших и недопущение похитить хотя бы одну винтовку».

Ставя в известность об этом начальника 3 Кавказской казачьей дивизии в Кизляре, начальник штаба корпуса генерал- майор Квещинский передал ему приказ командира корпуса: «1. во всех гарнизонах, где возможно ожидать нападение, все винтовки должны на ночь стоять у изголовья каждого солдата или рядом. В случае пропажи винтовки как в отношении ее хозяина, так и похитившего ее будет возбуждено ходатайство для осуждения их по законам военного времени; 2. принять меры к тому, чтобы в случае нападения на гарнизон, квартиры офицеров не были отрезаны от казарм; 3. в укреплении Шатое а равно и в других более опасных пунктах учредить наблюдение за окружающей местностью».³⁶⁵

Пока по доносам агентов военными властями принимались меры предосторожности от

внезапного нападения абреков на гарнизон, Зелимхан через своих посредников занимался вербовкой охотников в шайку для очередного предприятия. Он посетил населенные пункты 2 и 4 участков, компактно расположенные – Галахи, Махкеты, Баин-юрт, Герзель-аул. Шихо-юрт и Нажай-юрт. Начальник области, опасаясь, что охотников, особенно среди молодежи, как и в Керкетской операции окажется много, приказал всем чинам гражданской и военной администрации «принять самые настойчивые и энергичные меры к агентурной разведке в целях своевременного раскрытия формирования шайки. Судя по тому, как набираются охотники, – поясняет он, – можно заключить, что шайка готовится для действий в Хасав-юртовском округе или Кизлярском отделе».³⁶⁶

День то дня сжималось кольцо возмездия вокруг Зелимхана. Теряя народную поддержку, приближение конца чувствовал и сам Зелимхан.

Расквартировав свои подразделения на правах постоя в нескольких десятках наиболее неблагополучных сел, военный отряд взял под контроль почти всю территорию той части Терской области, на которой Зелимхан чувствовал себя вольготнее всего – Чечню. Однако принцип иерархии в армии, который требовал постоянного согласования вопросов и ближайших действий, отрицательно сказывался на их оперативном решении. Пока испрашивалось разрешение на ту или иную инициативу, уходило дорогое время, за которое часто менялась обстановка и намечаемые меры теряли всякий смысл. Начальник Веденского округа обратился к начальнику области за разъяснением вопроса – «следует ли испрашивать согласие ротмистра Доногуева, на которого кавказским наместником возложена известная миссия, в каждом отдельном случае на задержание абреков, беглых каторжан и др. преступников даже в тех случаях, когда лица эти разыскиваются судебными местами, следственными властями и прокурорским надзором, а также о преподании указаний о том, должны ли чины полиции, в случае получения агентурных сведений о прибытии Зелимхана в то или другое место, принимать немедленные меры к задержанию его без предварительного испрошения согласия на сие ротмистра Доногуева, дабы не терять времени».³⁶⁷

Генерал-лейтенант С.Флейшер нашел этот вопрос праздным, поскольку на него давно уже есть ответ, но на запрос все таки наложил резолюцию, в которой указал, что уничтожение абреков и задержание преступников и лиц, разыскиваемых судебными властями, составляют «первейшую и непеременимую обязанность как самого начальника округа, так и всех полицейских и административных властей, ему подчиненных, а потому в этом деле им не только ничьего разрешения испрашивать нет надобности, но всякое промедление или неполное использование всех имеющихся в их распоряжении средств в деле уничтожения абречества и задержания преступников, вменяется им в строжайшую и непростительную вину, влекущую за собой тяжкую ответственность не только в административном порядке, но и по суду».³⁶⁸

Весной 1913 года семья Зелимхана после 2-х лет ссылки в Енисейскую губернию была возвращена на родину. Они были доставлены в Трозный в сопровождении стражников, а затем в сел. Старый Юрт для поселения

В конце своей резолюции Флейшер обратил внимание на один момент, который в ходе розыскных мероприятий, может потребовать такого согласования, а именно: если в агентурных интересах явится необходимость временно оставить на свободе то или иное лицо, подлежащее задержанию, то вопрос этот может быть разрешен⁴⁹⁹ не иначе как через него, вследствие чего в подобных случаях каждый раз следует входить к нему с особыми представлениями.

Такое уже было, когда шейхи, подлежавшие высылке за антирусскую агитацию

просили Терскую администрацию воздержаться от этой меры хотя бы на время, чтобы дать

им возможность провести со своими мюридами такую работу, какую ждут от них власти. Так шейхи хотели реабилитировать себя. Однако власти не были уверены в искренности этого заявления, и они были немедленно высланы за пределы области.

С первых дней 1913 года стал расти поток агентурной информации. Разведка следовала буквально по пятам Зелимхана. Стали более конкретно называться адреса и лица, у которых находил приют неуловимый абрек. 2 марта агент начальника военного отряда полк. Маргании Шахби Кудаев сообщил начальнику Веденского округа кн. Каралову, что в сел. Старый-юрт Надтеречного района Грозненского округа в доме Дики Лорсанова приспособлено помещение для приема Зелимхана, который скрывается там от властей. Это — маленькая комната, замаскированная обоями, в которой хранятся двухствольное ружье, чемодан коричневого цвета, черкеска и черный овчинный тулуп. Все эти вещи лично известны агенту, так как он видел их у Зелимхана. Ружье раньше принадлежало Омару Эдыдарову из сел. Сержень-юрт, высланному из пределов Кавказского края за укрывательство Зелимхана. Главным же вдохновителем преступных деяний Зелимхана и его покровителем, по заявлению агента, является заведующий чеченской охранной стражей Грозненского округа Эти Яндаров, «который лично просил агента передать Зелимхану, ... чтобы он был осторожным до тех пор, пока не получит от него, Яндарова, ответа». Яндаров — харачое-вец и происходил из одного рода с Зелимханом. Он внимательно следил за всеми распоряжениями администрации и передавал их знаменитому абреку-родственнику.

Князь Каралов, получив сведения, что Зелимхан прячется у Лорсанова, направил Шахби Кудаева к Марганию с просьбой произвести облаву указанного дома с целью захвата Зелимхана и принадлежащих ему вещей для опознания их агентом. Облава дома Лорсанова была совершена только 5 марта. Зелимхана там уже не оказалось. Не подозревая, что власти напали на след и обнаружили одно из его явочных мест, Зелимхан по счастливой случайности еще до облавы покинул его, но не позаботился о том, чтобы скрыть все улики против себя, оставленные в доме приютившего кунака. В ходе обыска была обнаружена двухстволка центрального боя с двумя патронташами и около 40 патронов, снаряженными картечью крупного калибра. Патронташи были найдены Шахбием между дровами, сложенными во дворе, а двухстволку представил сам Дики, указав, что она была спрятана его женой в печке. Попалась и коричневая папаха Зелимхана с бархатным поношенным верхом, хотя и не бухарская, но довольно высокой цены. Ее заметил на голове Дики Кудаев. Все эти предметы были изъяты и переданы в военный отряд. Дики попытался удержать ружье, заявив, что несколько лет назад он купил его у своего односельца, но проверкой это не подтвердилось и оно было изъято в числе других улик. За удачно проведенную операцию Ш.Кудаев и другие агенты, подтвердившие его сообщение, получили вознаграждение.

Тому же Каралову донесли, что 13 февраля Зелимхан с двумя товарищами-ингушами, верхом на очень хороших лошадях, приезжали в селение Старый Чиркей Темир-Хан-Шурина округа Дагестанской области, где пробыли два дня, но у кого именно неизвестно. В этом селении они обстоятельно обсудили план ограбления Темир-Хан-Шурина почты, идущей на Петровск или же из Петровска на Шуру, ввиду крайней нужды Зелимхана в деньгах. Кроме этого в донесении указывалось, что Зелимхан имеет пристанище в Дагестане в селении Цоботль у своего родственника Гази Магомада Абдурахмана Хаджиева, где и укрывается пока в листву не оденется лес, когда во всякое время можно укрыться. Кроме упомянутых сел Зелимхан, хотя и редко, но имел приют в селениях Хасав-юртовского округа — Миатлахе, Бургунае и Алмаке.

Агенты также утверждали, что Зелимхан на данный момент «чувствует себя совершенно здоровым и способным к разбойным деяниям и даже хвалился, что в скором времени заявится в Веденском округе с 10-15-ью хорошими и преданными товарищами. А пока он занят подготовкой грандиозного разграбления вышеупомянутой почты или казначейства».³⁶⁹

Узнав от Маргании, где следует искать Зелимхана, ротмистр Мусалаев, командир 2 сотни Дагестанского конного полка, направил ему ответ, в котором писал, что «абрек Зелимхан никогда не был и не мог быть в сел. Чиркей (Чир-юрт) и вот почему: немало честных, верных слуг царя убиты и искалечены, немало вдов и сирот в этом селении, благодаря хищническим нападениям на наш полк. Главное Чиркей не заселен нашими предателями (друзьями Зелимхана), а заселены благородными и верными Престолу салатовцами, которые ему

никогда не дадут крова. Для открытия всего этого мной приняты все меры».³⁷⁰

После Дики Лорсанова Зелимхан нигде не задерживался больше, чем на ночь. Он ловко запутывал следы, сбивая с толку чужих агентов, и в ближайшую администрацию летели доносы, что абрек направился туда-то, на деле же он оказывался там, где его совсем не ждали. Так было и на этот раз. В течение недели с 5 по 12 марта из Темир-Хан-Шуры он перебрался в Грозненский округ к Дики Лорсанову, а оттуда – в наделы Хасав-юрта. Затем он прошел к морю вступил в пределы Кизлярского отдела и остановился в местности, именуемой по-чеченски «Шави». Здесь, несколько в стороне от тех мест, где его искали, он и думал выждать время, пока подвернется счастливый случай снова заявить о себе. На самом деле не такие уж это были далекие края, но полное безденежье заставляло его идти на риск.

Кизляр – крупный промысловый центр Терской области, где бойко шла торговля не только рыбой, но и ценными завозными товарами, имел солидный денежный оборот. Его деловые круги, обладавшие состоянием и деньгами не меньше, чем самые известные толстосумы области, постоянно щекотали разбойничью страсть Зелимхана. Здесь он и думал поживиться очередной раз.

Но совершать разбойное предприятие становилось все труднее. Абречьи и разбойничьи шайки редели. Заметно убавилось сторонников и укрывателей: аресты и высылки их, а также жесткие административные наказания целых сел вынудили многих отказаться от Зелимхана и выбрать мирную безмятежную жизнь. Число же врагов и кровников абрека после каждого нового вооруженного разбоя, где погибали и чеченцы и ингуши, становилось больше. Давно выделенное за его жизнь денежное вознаграждение в 8000 рублей ждало своего обладателя.

Искушение было велико, потому что это были большие деньги. Простой горец никогда не держал в руках такой суммы. Терская администрация на это и рассчитывала. Сдавленный со всех сторон горец: беспросветной нуждой, мздоимствующей властью, экзекуциями, непомерными налогами и страх перед кровниками – неохотно, но шел на это безнравственное дело. И то не все, а только самые жадные и те, кого сломала трудная судьба.

И вот появились первые охотники, охотники за абреком – источником их зла – и за вознаграждением. Более 10 лет с 1901 по 1912 год Зелимхан пользовался поддержкой десятков и сотен простых горцев, благодаря чему был неуловим и взошел в зенит славы.

Но 1913 год изменил ему. 30 марта младший офицер, штаб-ротмистр Гасанилов был вызван из слободы Воздвиженской в сел. Шали братьями Б.-ми. Они заявили ему, что решили серьезно взяться за поимку абрека Зелимхана и выдвинули свои условия, которые они здесь же передали ему.

Гасанилов срочно сообщил об этом начальнику военного отряда и попросил передать ему «возможно скорее мнение свое и начальника области, дабы не терять время и скорее приняться за дело».

Понимая важность дела, братьями было решено и самим встретиться по этому непростому вопросу с высоким начальством. Они прибыли во Владикавказ и нанесли тайный визит генералу Степанову, хорошо знавшему их по прежней своей службе в Грозненском округе, с предложением покончить с вождем всех абреков Зелимханом и предъявили свои условия. Но стороны не сразу пришли к взаимному согласию. Некоторые пункты этих условий оказались для властей неприемлемыми и начальник области Флейшер, «по докладу ему», отклонил их. Через некоторое время был предъявлен новый вариант условий, но и он был признан неподходящим. На этот раз братьям было указано, какие именно пункты отвергнуты.

Наконец, в начале июня после переговоров с начальником военного отряда братья подготовили условия, «более или менее подходящие и приемлемые», после чего Флейшер разрешил Маргании подписать их «в виде обязательства по отношению сказанных туземцев в случае, если ими, или при их поддержке, абрек будет задержан или убит при сопротивлении с оружием». 11 июня полковник Маргания подписал уже третий вариант этих «Условий» и передал его через адъютанта отряда есаула Штольдера для окончательного утверждения вр. исп. обязанности начальника Терской области генерал-майору Степанову».

Условия Б.-ых состояли из 18 пунктов, и одним из их главных требований было сохранение в строжайшей тайне их имен и Гасанилова, который согласился выполнить посредническую миссию между ними и властями. Ознакомившись с ними, генерал внес новые поправки, а в третьем пункте счел необходимым вообще отказать.

Ввиду своего любопытного содержания «Условия» печатаются полностью с красной корректурой, внесенной Степановым.

Условия

1. В случае убийства абрека Зелимхана освободить арестованных (дописано красным – «чеченцев») и вернуть высланных из Терской области из-за него в административном порядке.

2. На время преследования назначить старшиной в сел. Шали Шахида Б.- ва, но это назначение должно быть, якобы, по просьбе штаб-ротмистра Гасанилова, дабы не возбудить подозрение администрации (продолжено красными чернилами – «при условии, что это будет проведено без участия начальника области и генерала Степанова»).

3. В случае убийства Зелимхана утвердить его в должности старшины на три года того же Шахида Б.- ва (красными чернилами пункт зачеркнут и дописано: «пункт 3 обещать нельзя»).

4. Выдать разрешение на бессрочное ношение оружия старого образца трем братьям и сыну старшего брата.

5. То же и тем лицам, кои способствовали нам в этом деле не более как на семь человек.

6. В случае убийства абрека нами—десять тысяч; по нашему указанию войсками – семь тысяч; если он уйдет из указанного нами места по вине войска – четыре тысячи.

7. На расходы наших сообщников единовременного пособия по 30 руб. на семь человек – 210 руб., которые будут удержаны при выдаче указанных в п. б денег.

8. Расписка полковника Маргании, что деньги, указанные в п. б будут уплачены.

9. В случае убийства Зелимхана нам выдать удостоверение, что он убит нами или по нашему указанию.

10. Двум другим братьям и сыну старшего предоставить подходящую службу по окончании дела по усмотрению начальника области.

11. Желательно одну сотню поставить в Воздвиженской, а другую оставить на месте в Шали (красным дописано: «зависит от начальника военного отряда»).

12. Если наш сообщник будет арестован администрацией, желательно его освободить на это время.

13. На первое время для расходов нам братьям необходимо еще 250 рублей, которые будут возвращены, если наше предприятие не увенчается успехом. При успехе эти деньги останутся нам дополнительным вознаграждением (зачеркнуто «останутся нам» и приписано: «будут удержаны при выдаче денег, указанных в п.б»).

14. Все сведения будут получаться только через штаб-ротмистра Гасанилова.

15. Необходимо пребывание Гасанилова на это время в Шали. (Приписка – «зависит от нач. военного отряда»).

1 б. Никто не должен знать, что сведения исходят через Гасанилова.

17. У нас есть только сообщники, которых пока не будем называть.

18. Эти пункты условия и имена нас трех братьев должны знать только начальник области, генерал-майор Степанов, полковник Маргания и штаб-ротмистр Гасанилов как в период наших действий, так и по окончании оных.³⁷¹

В начале 20-х годов в одной из первых советских публикаций на Дону об абречестве были уже названы имена и фамилия этих людей, вступивших в сговор с Терской администрацией по поводу их участия в ликвидации Зелимхана. Несмотря на эту известность, автор настоящей книги счел необходимым из этических и других соображений больше не указывать их (хотя они вполне доступны и имеются в государственных архивах), и ограничиться написанием только начальной буквы, которая сама по себе ни о чем не говорит: мало ли какая может стоять фамилия за такой буквой.

Из «Условий» видно, что не только братья Б.. – вы изъявили желание ликвидировать изрядно поднадоевшего абрека, а еще семь их сообщников. Но и они не были последними, нашлись бы еще – и не один десяток.

Вместе с условиями Маргания передал Степанову докладную с пометкой на конверте: «Совершенно секретно, в собственные руки».

В докладной полковник указал, что штаб-ротмистра Гасанилова знает как самого серьезного офицера полка, имеющего большое желание уничтожить Зелимхана, и в этом направлении во все время нахождения в сотне, расположенной в Ведено, немало работал, и добытыми им сведениями о Зелимхане неоднократно пользовались при своих донесениях начальству подполковник князь Каралов и командир сотни ротмистр Котиев. Доступность, такт и умение говорить с туземцами, писал Маргания, обеспечило за ним близкое и откровенное знакомство представителей чеченского народа, главным образом в Веденском

округе, где он прослужил в сотне ротмистра Котиева более 14 месяцев.

Маргания отметил также, что Гасанилов отлично знаком со всеми братьями Б.-ми. Многочисленность этого рода и влияние его в Веденском округе, а в Шали в особенности, «Вам несравненно лучше известно, чем мне, и зная, что все сведения о Зелимхане вертятся около Шали, думаю, что братья Б.-вы могут его уничтожить. Автор докладной просил все изложенное довести до сведения начальника области и сообщить ему его решение, чтобы дать «совершенно правдивый и откровенный ответ тем же Б.-м». Свое письмо он закончил уверенностью в правильности предпринимаемых действий: «Условия, кажется, весьма приемлемые. Аналогичные условия были нами испробованы в отношении других туземцев в вопросе о поимке Зелимхана. Попробуем и в последний раз в отношении Б.-вых».

Выше было отмечено, что многие агенты как одной стороны, так и другой вели двойную игру, служа и властям и абрекам, главным образом Зелимхану, который для властей был дороже всех как самый крупный абрек и вдохновитель разбойных шаек и протестных акций в крае. Все они от этого рассчитывали, и не без основания, на денежные вознаграждения и другие выгоды от властей и в то же время расположение со стороны Зелимхана, который не мог догадываться об этом.

Но были среди них и такие, которые, несмотря на доверие и доброе отношение к ним властей, укрывали Зелимхана. Так, начальник Веденского округа князь Каралов в секретном отзыве от 4 апреля 1913 года полковнику Маргании доносил, что «житель сел. Майортуп Темирсолтан Кохаев, состоя агентом ротмистра Доногуева, получил от Вашего Высокоблагородия расписку о вознаграждении его на случай поимки или убийства им разбойника Зелимхана, каковую он возвратил Вам осенью прошлого года в присутствии того офицера, который возил эту расписку генерал-майору Степанову». Намереваясь «возбудить ходатайство перед начальником Терской области о высылке Кохаева из пределов Терской области как укрывателя разбойника Зелимхана», он просил адресата сообщить ему «откровенные сведения о названном туземце и действительно ли он возвратил расписку, упомянутую выше».³⁷²

Подполковник Каралов был одним из тех, кто тесно сотрудничал с полк. Марганием для принятия им превентивных мер. 10 мая 1913 года он сообщил последнему, что Зелимхан вместе с автуринцем Микаиловым отправился в Андийский округ, но долго задерживаться там не будет, поскольку ингушский разбойник по имени Поскоч, прозванный Зелимханом Аржи Галга (Черный ингуш), участник шайки Зелимхана, убившей князя Андроникова в Ассиновском ущелье, прибыл во вверенный ему округ для присоединения к Зелимхану.

У Каралова были также свежие данные о том, что в эту шайку хотят войти еще несколько ингушей-разбойников – Дашлуко, Даут и другие. В связи с этим Каралов просил Маргания выехать в Ведено для обсуждения вопроса о дислокации частей военного отряда, которая, по его мнению, «требует неотложного изменения». Каралов считал более целесообразным иметь пластунскую сотню в сел. Ца-Ведень, откуда она может успешно производить разведку в районах Эртен-Корт и Маштак, где «наиболее удобное и частое пребывание имеет абрек Зелимхан», а в селения Дышни-Ведень и Харачой – конную часть для преследования его в районе Чермой Ламы.

Группировку Зелимхана пополняли не только остатки других разбитых шаек, но родственники и потомки тех, кто пострадал от предыдущих репрессий со стороны властей. Среди них автуринцы, жители 3 участка Веденского округа два сына шейха Бамат-Гирея-Аджи Митаева, которые «для мести за наказание правительством их отца вербуют из молодежи приверженцев шейха с целью присоединения к Зелимхану и совершения вместе с ним ряда преступлений».³⁷³

Но еще незадолго до этого одну такую вылазку, закончившуюся большой перестрелкой с жертвами, Зелимхан организовал во время апрельской пасхи. По его ~~508~~ подстрекательству произошло столкновение с его участием между казаками станицы Наурской и чеченцами сел. Верхний и Нижний Наур. Перевес сил был на стороне казаков. Чеченцы отступили, а Зелимхан нашел убежище в этих селах. Их жители, приверженцы абрека, тщательно укрывали его, придали ему другую внешность, чтобы не вызвать подозрение, одели в совершенно изодранный костюм, запретили носить оружие. Здесь он ожидал известия от братьев Митаевых о готовности его товарищей к выступлению, чтобы возглавить и руководить их действиями.

После некоторого затишья, наступившего в 1912 году, Зелимхан, как в начале своего

абречества, активизировал свои действия, возможно считая, что спад его борьбы убавляет симпатии к нему и поддержку со стороны соплеменников. В мае 1913 года в Грозном должна была состояться очередная весенняя ярмарка, и начальник военного отряда, как один из гарантов тишины и спокойствия в области, опасался за нее. В связи с этим он направил командиру 5 сотни Дагестанского полка ротмистру-сотнику Хабаеву депешу, в которой просил «прислушиваться самому и требовать то же самое делать всюду от офицера и вахмистра», чтобы заслуживающие доверие сведения о Зелимхане сообщать ему. «Как Вам известно, — писал он, — последнее время участились его выступления. Скоро ярмарка, и за нее я очень опасуюсь. Примите в полусотнях... полную осторожность и полную готовность для заграждения и уничтожения шайки, если бы она произвела выступление...». ³⁷⁴

Характер текущего момента в Веденском и Грозненском округах вызвал тревогу и у администрации. 21 мая начальник Терской области Флейшер направил в военный отряд Марганию письменное распоряжение. Исходя из того, что ингушские разбойники Дашлуко и Даут имеют намерение присоединиться к абреку Зелимхану в районе сел. Урус-Мартан он приказывал «принять самые действенные меры к воспрепятствованию соединения названных разбойников с Зелимханом, равно и поимке или уничтожению таковых».

Одновременно с этим повсеместно в терскую администрацию стало поступать столько тайных сведений, что это походило на какое-то соревнование агентов. Как показало дело, ничего хорошего в этом не было. Донесения о местопребывании Зелимхана противоречили друг другу, и трудно было разобрать, на какие из них можно положиться, а какие специально подкинута, чтобы ввести всех в заблуждение. На самом деле было так, как показал пристав Хасав-юрта 12 июня 1913 года. Он сообщил Марганию, что Зелимхан со своей шайкой из 42 человек хотел в мае совершить нападение на Хасав-юрт но не удалось, так как старшина сел. Мескер-юрт Талхинов «во время обысков отобрал у некоторых членов этой шайки бердановские ружья, чем и расстроил планы Зелимхана».

А вскоре Зелимхан сам сильно заболел лихорадкой, продолжал пристав, и пролежал около 20 дней в сел. Элихан-юрт и только лишь дней 5-6 как поднялся на ноги, «но хотя и ходит, чувствует себя очень слабым». Старшина отметил также, что «по выздоровлении он предполагает все же осуществить свою преднамеренную цель нападения». ³⁷⁵

Но этого не произошло. После выздоровления Зелимхан скрылся в Маиртупском лесу и полностью доверился мюридам Бамат-Гирея-Хаджи. Они укрыли его в сильно засекреченной яме, в которую можно было проникнуть незамеченным даже среди бела дня. Установили охрану из нескольких человек и сносились с ним только по вечерам, когда приносили ему пищу и новейшие известия. Днем Зелимхан никуда не выходил из леса и сам никого не принимал.

Но как ни конспирировался, его местонахождение скоро стало известно офицеру 6 сотни Дагестанского конного полка поручику Астемиру Кибирову. Он доложил об этом начальнику военного отряда и попросил у него разрешения на проведение хотя бы на одну неделю обысков с конфискацией оружия как в самом ауле Маиртупе, так и в местах расположения команд 5 сотни. «При этом прошу, — писал он, — не арестовывать ни одного лица даже из тех, которые дают ему (Зелимхану — авт.) приюта, если даже будут уличены в этом». ³⁷⁶

Согласно рапорту Кибирова целью обысков было не столько изъятие у населения оружия, которое в любое время может быть повернуто против непонравившейся акции властей, сколько желание спугнуть и согнать опасного абрека с потайного места и дать ему возможность приютиться там, где ему будет позволено. А для этого, считал Кибиров, необходимо убрать с Маиртупа и командировать в распоряжение начальника 4 участка Мусу Борщикова, «который и раньше, и в настоящее время очень мешает здесь делу», а также перевести вахмистра 5 сотни «из такого важного пункта, как Маиртуп, так как не делает ни обысков, ни ⁵⁰⁴разъездов и только распускает команду, кому куда благорассудится, а потому они постоянно бродят здесь и в Атагах, куда им совершенно нет никакого дела».

Для того, чтобы достичь поставленной цели, братья и их сообщники составили план действий. Исходя из него, Кибиров считал, что, если серьезно потрудиться хотя бы одну неделю, то успех будет предрешен. Но для этого он просил начальника военного отряда разрешить всем доверенным людям, которые участвовали в составлении плана, делать все то, что они считают важным и полезным, «дабы узнать, кто из них, чем дышит, что очень важно делу. В виду таких соображений, — продолжал Кибиров, — одного, среднего, я послал побывать пока в Маиртупе, а младшего — в Гуни, чтобы они сами в качестве гостей у родс-

твенников, которые есть и в одном и в другом ауле, следили за движением народа. Я же сам сейчас еду в Ерсеной тоже в качестве гостя к хорошему знакомому до вечера, так как вечером необходимо быть у себя в Шали». ³⁷⁷ «Средний» и «младший» — это Б...-вы, но как они и просили, Кибиров их не наказывает. От «среднего» Кибиров вскоре получил записку, из которой следовало, будто Бамат-Гирей-Хаджи уведомил своих мюридов через посыльного о том, чтобы они «до возвращения его обратно во всем религиозном обряде обращались к Зелимхану, и они чуть ли теперь не признают Зелимхана святым и шейхом из шейхов».

Поручик Астемир Кибиров имел много приятелей среди чеченцев и хорошо владел их языком. Благодаря этому он мог свободно без посредников общаться с тем, к кому он направлялся, и получить от него нужные сведения, а именно — последнее местонахождение Зелимхана. Эти данные подтвердили и братья Б.-вы. Полковник Маргания, не отстраняясь от столь важного дела, которое было смыслом его жизни последних лет и военного отряда, поручил его своему временному заместителю, исполняющему обязанности адъютанта отряда есаулу Кизляро-Гребенского полка Штольдеру, доверив «секрет настоящего дела с предварением, что за огласку этого вопроса понесет строгое наказание или по суду уголовному или по суду чести».

Наконец наступило время решительных действий. С разрешения начальника Терской области руководить операцией по уничтожению Зелимхана было поручено Кибирову как безусловно надежному и самому внедренному в дело офицеру, уже имевшему заслуги перед Отечеством: был дважды награжден Георгиевским крестом в русско-японской войне. Одновременно Маргания предписал всем сотенным командирам «беспрекословно и немедленно давать поручику Кибирову для исполнения возложенной на него задачи войсковую часть или команду по его требованию, не спрашивая, для какой цели».

Особая заинтересованность и активность Кибирова в уничтожении Зелимхана была вызвана не только сознанием высокой ответственности перед долгом царского офицера, но и мало кому известным обстоятельством: убитый Зелимханом начальник Веденского округа Василий Галаев приходился ему родственником. С тех пор для Кибирова абрек стал кровником и имел с ним личные счёты.

Как только стало известно во Владикавказе о трех напросившихся помощниках, исполнявший обязанности начальника военного отряда Штольдер получил от генерала Степанова срочную депешу, в которой говорилось, что начальник области приказывает поспешно представить ему подробный рапорт о составлении плана к задержанию или уничтожению Зелимхана при содействии известных лиц и приложить к нему заключенное с ними «Условие» без фамилий и без названия местностей. Он потребовал также на всякий случай уничтожить их фамилии, тщательно зачеркнув чернилами, чтобы во всей переписке их никогда не было, и устранить то лицо, которое «обрекло бы план на неуспех. Известных трех лиц называйте «сотрудники из населения и называйте их — №1, №2, №3, если нужно будет их называть»». ³⁷⁸

Вся хроника последних событий по уничтожению абреков и связанная с «Условиями» складывалась следующим образом.

Ряд успешных операций, которые проводились в конце 1912 — начале 1913 годов привели к полному разгрому остатков группировок Зелимхана, в результате чего он остался один без вооруженной поддержки друзей, стал более доступным и ликвидным. Уставший выносить из-за абреков и разбойников административные и другие наказания со стороны властей чеченский и ингушский народы, становились все более безразличными к судьбе Зелимхана, хотя где-то и льстила им его недавняя слава, громкое имя, пусть даже разбойника, на всю Россию. Союзников у властей в борьбе с абречеством и их главарем Зелимханом становилось все больше и больше.

Хотя подобных обещаний со стороны чеченцев и ингушей было ~~505~~ много, в данном случае были особые обстоятельства, которые внушали надежду на то, что на этот раз обещание дается искренне, «поскольку над предложившими свои услуги туземцами, как и многими другими, — писал позднее начальник Терской области Флейшер временно исполняющему дела главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, — нависла реальная угроза высылки из края за укрывательство абреков, и прежде всего самого дерзкого из них Зелимхана Гушмазукаева из Харачоя».

Имея ввиду использование этих туземцев для уничтожения Зелимхана, я приказал вопрос о высылке их приостановить ввиду данных ими по этому делу обещаний». Во-вторых,

кровникам и другим противникам Зелимхана не давали покоя назначенные за его голову 8000 рублей.

Начальник области, желая использовать этих людей в своих целях, приказал вопрос об их высылке приостановить, так как они не только согласны, но и готовы изловить или уничтожить этого ярого злоумышленника, навлекшего на них гнев власти. Для обеспечения успеха Флейшер счел нужным снабдить трех помощников на первое время необходимым авансом и приказал Марганию выдать им те 250 рублей, которые они просят, и «соблюсти величайшую тайну, дабы сторонники абрека, узнав, откуда грозит ему опасность, не имели возможности принять контр меры».³⁷⁹

Для соблюдения полной тайны были приняты и другие меры. Чтобы частое появление братьев во Владикавказе или в Грозном не возбудило против них подозрений, было создано еще одно промежуточное звено на месте. Наиболее подходящим пунктом было признано селение Шали, около которого часто бывал Зелимхан, и которое имело свою телеграфную связь.

О том, как идет подготовительная работа на всех ее этапах, Флейшер аккуратно докладывал наместнику. «Во вновь выработанный план, — указывал он в очередном сообщении, — был посвящен офицер Дагестанского конного полка, осетин по происхождению, поручик Кибиров, как офицер заведомо мужественный, осторожный, распорядительный, умеющий входить в общение с туземцами и умеющий крепко хранить тайну, в чем он уже имел случай себя зарекомендовать. Таким образом, в план были посвящены с начала и до конца приведения его в исполнение только четыре лица — я, генерал Степанов, полковник Маргания и поручик Кибиров, а все письменные и телеграфные сношения, не попадая ни в какие канцелярии, велись лично генерал-майором Степановым. С отъездом генерал-майора Маргании (это новое звание он получил незадолго до этого за усердие и по выслуге лет — авт.) его заменил бывший адъютант военного отряда есаул Штольдер, и на него было возложено мной продолжение дела по уничтожению абрека».³⁸⁰

С момента заключения договора началось выслеживание братьями абрека и постепенное шаг за шагом приближение к нему с целью войти в доверие. Все самые свежие сведения о Зелимхане, его местонахождении и намерениях они, ставшие отныне по существу штатными агентами администрации, сообщали Кибирову, а он в свою очередь передавал их начальнику военного отряда, который в зависимости от их содержания делал перестановки и перегруппировки воинских частей, и доносил обо всем начальнику области.

В середине сентября местопребывание Зелимхана уже было установлено точно. Братья, начиная с отдельных встреч, вошли в тесное общение с Зелимханом, оказывали ему различные услуги. Снабжали всем необходимым для жизни, а с наступлением холодов обещали устроить надежные пристанища, которые были ими уже приготовлены в двух местах — в Шали и в глухом хуторе 70-летнего старика Эумирзы Бугаева, на реке Шали-ахк, в 8-10 верстах от Шалей.

Особенно один из них стал близок к Зелимхану. Войдя в полное доверие к нему, часто навещал и все рекомендовал ввиду приближения зимы поселиться где-нибудь на отдаленном хуторе и даже называл особняком живущую семью, якобы очень расположенную к нему. Это был тот самый ранее намеченный дом Бугаева. Зелимхан посетил указанный хутор и остался доволен. После этого он стал чаще заходить туда. Оставалось только выбрать момент, чтобы взять абрека.

Кибиров одобрил работу братьев, которые с момента заключения с ними договора, стали по существу сотрудниками администрации. Но важность дела требовала проверки их показаний. Кибиров предложил им «дать ему возможность лично видеть Зелимхана», и они организовали такую встречу. Переодетый в простого скрывающегося от властей чеченца Кибиров виделся с Зелимханом в лесу неподалеку от Шали. Выказывая к нему свое искреннее расположение, он подарил телохранителям абрека бердановскую винтовку и обещал впредь добывать нужные для него патроны, а сам в это время успел заметить номер его трехлинейной винтовки. Кибиров поверил, что перед ним действительно Зелимхан. Но чтобы окончательно убедиться в этом, потребовал от сотрудников, чтобы они указали ему номер его винтовки, который ему известен, якобы, из других источников. Через несколько дней братья доставили ему «снятый на бумажку трением номер винтовки — 22178», тот самый, который видел поручик Кибиров. Теперь никаких сомнений в отношении личности абрека не было.

Понижение температуры во второй половине сентября ускорило развязку — сам Зелимхан искал место для зимовки.

Это обстоятельство толкало к решительным действиям. 22 сентября поручик Астемир Кибиров лично прибыл в Грозный и подробно доложил есаулу Штольдеру об обстановке. Было решено спешно подготовиться к окончательному наступлению. Поскольку Кибиров имел в своем распоряжении всего 28 человек 6 сотни, то начальник военного отряда Штольдер направил в сел Герменчук полусотню 5 сотни в 35 человек под командой поручика Абдулаева с подчинением Кибирову. Кроме того, прапорщику Ибрагимову, стоящему с полусотней в сел. Старые Атаги (12 верст от Шалей) и штаб-ротмистру Доногуеву с полусотней в сел. Курчалой (15 верст) было предписано «немедленно и спешно следовать в сел. Шали для совместных действий с поручиком Кибировым.

В это же время начальник Веденского округа Каралов получил сведения, что Зелимхан собирается на хадж в Мекку, и в течение двух дней 23 и 24 сентября занимался поиском его к востоку и северо-востоку от Шалей (в сел. Гудермес, Ойсунгур и др.). Тогда же Кибиров обратился к Штольдеру, чтобы тот разрешил ему взять под контроль район к западу и юго-западу от Шалей (сел. Махкеты, Елистанджи, Зазоргон и др.), а также просил удалить из Шалей хотя бы на 2-3 дня одно лицо, которое может помешать благоприятному исходу дела. Есаул Штольдер тут же отправился за искомым разрешением к начальнику области.

С.Флейшер поддержал предложения. И то и другое было немедленно исполнено.

Чтобы исключить поиск Зелимханом зимовки в других районах, в результате чего он мог бы уйти, части военного отряда перекрыли все оставшиеся вокруг пути. Младший помощник начальника Веденского округа капитан Костюков со стражниками и полусотней пластунов заградили пути в Махкетинском районе, а заведующий чеченской охранной стражей прапорщик Га-лиев и его помощник Муса Борщиков со стражей и агентами Веденского округа вели наблюдение «за линией железной дороги, по которой абрек намерен был перебраться в Турцию вместе с богомольцами, отправляющимися в Мекку и Медину. Кроме того, 24-го сентября в 3 часа дня зашифрованной телеграммой начальнику Веденского округа Флейшер приказал прочесать весь Шалинский район, как место наиболее вероятного пребывания Зелимхана. По случаю отсутствия Каралова в ночь на 25 сентября это задание выполнил его младший помощник капитан Костюковский, а «вредный для успеха дела туземец» под благовидным предлогом при содействии прокурора Владикавказского Окружного Суда был экстренно вызван из Шали в Грозный.

На рассвете 24 сентября Штольдеру доставили еще один рапорт Кибирова. В нем была изложена просьба отвести часть отряда из Ведено к Махкетам. В этом случае Зелимхан считал бы свое пребывание в Шали безопасным. Штольдер срочно выехал во Владикавказ для согласования. Флейшер и этот раз, предвкушая близкий успех и веря в правильность принятого поручиком решения, одобрил его, и маневр был срочно приведен в исполнение.

Тогда же 24 сентября, но уже вечером, на Бугаевский хутор пришел неизвестный чеченец, назвал себя пастухом и попросил у Еумурзы приюта. Хозяин дома в ходе разговора узнал в нем Зелимхана, принял, как положено у кавказцев принимать гостя, накормил и предложил остаться у него. Зелимхан согласился и провел ночь на хуторе. На другой день 25 сентября абрек забрал свое ружье, вышел из сакли и направился в кустарники, разросшиеся вокруг хутора, и вернулся обратно только к вечеру, когда пошел проливной дождь. Это был теперь маневр самого абрека, проверявшего надежность своего укрытия. Зелимхан чувствовал себя здесь спокойно, да и друзья ему советовали это место.

Старик-хуторянин снова проявил гостеприимность, предложил ужин и ночлег, а сам тайно отправил доверенного человека по адресу, чтобы дать знать о пребывании на хуторе преследуемого абрека. Посыльный — один из братьев Б.-вых, теперь уже постоянный агент Кибирова, сообщил ему эти сведения и уведомил еще о том, ~~что~~ Зелимхан отказался приютиться в Шалах, ссылаясь на то, что видел дурной сон, а потому никуда больше не пойдет и будет ночевать в хуторке из двух саклей у Еумурзы Бугаева, живущего с доброй 50-летней подругой.

Получив эти сведения, поручик Кибиров лично отправился в сел. Герменчук, отдал приказ прапорщику Абдулаеву немедленно прибыть с полусотней в сел. Шали. Он не сказал, куда и против кого направляется полусотня, но заметил, что придется действовать против очень вооруженного туземца. А чтобы отряд не перепутал и действовал точно по цели, описал его приметы по одежде и вооружению и объяснил солдатам, как действовать. После этого

нетрудно было догадаться, для чего требуется срочно прибыть в указанное место. Для поднятия духа солдат свой инструктаж поручик закончил словами: «Докажите, что вы гордые дагестанцы и постарайтесь достойно отомстить за погибших ваших братьев от руки Зелимхана».³⁸¹ Затем, дав Абдулаеву последние распоряжения, Кибиров уехал в Шали.

За ним к назначенному времени в Шали прибыл со своими людьми и Абдулаев. Поручик Кибиров, взяв с собой своих 28 человек из 6 сотни и Абдулаева с его командой в 27 человек из 5 сотни и тайного проводника, двинулся к месту назначения. Впереди шел проводник. Ночь была темная, из-за начавшегося дождя движение сильно затруднялось. В четырех верстах от хутора дорога раздваивалась: одна шла прямо, другая вправо, в обход. По той, что уходила вправо, Кибиров послал отряд Абдулаева и приказал подняться на горку, откуда видны два домика, расположенных прямо у ее подошвы, и ждать, пока не начнется операция. Как только раздадутся первые выстрелы, рассыпаться цепью и наступать на хутор. Сам же Кибиров отправился по прямой дороге. Приблизившись к хутору на расстоянии 1,5 верст, он спешил людей и пешком пошел уже с 25 солдатами в сопровождении шалинского старшины, осетина Михаила Дзи-лихова и его переводчика Кази Магомаева.

По выходе из леса команде предстояло пройти кукурузный загон. Здесь Кибиров разделил команду на две части: один отряд из 10 человек послал вперед, а вслед за ним, но чуть в обход, с другим отрядом пошел и сам. В 20 шагах от хутора стоял кукурузный сноп. Кибиров со своими людьми подошел к одному из двух домиков. Раздался собачий лай и в это время из ближайшего дома выскочил босой растерянный человек. «Эй!» крикнул он в темноту, но ответа не последовало.

Кибиров приказал окружить дом и залечь, что было сделано с такой быстротой, что едва ли кто мог заметить. Было около десяти вечера. Запевив команде стрелять, пока не последует сигнал, Кибиров вышел вперед, чтобы лучше разобраться в обстановке, и в шагах 7-8 увидел за снопами кукурузы сидящего на корточках человека. «Хо стакъ вуй? Чахк соваала!» («Кто ты такой есть? Сейчас же иди сюда!») — обратился поручик Кибиров к нему по-чеченски. В ответ последовал выстрел, которым боевой офицер был ранен в правое плечо навывлет с раздроблением кости. Кибиров упал, но тотчас же приподнялся и левой рукой произвел из револьвера системы «Ноган» четыре выстрела в абрека и тоже тяжело его ранил. Зелимхан упал. Тут же к абреку подскочил и юнкер Закарья Гебеков. Но тот произвел несколько прицельных выстрелов из револьвера и ранил юнкера сначала в бедро, а затем в левый пах. Продолжая отстреливаться, Зелимхан ранил еще двух всадников той же 6 сотни — Закарья Абдулазимова и Абаса Магомадова.

Как только стало ясно, что Зелимхан не намерен сдаваться, последовал приказ стрелять, и абрек снова был ранен. Сам Кибиров не имея возможности из-за полученного ранения продолжать бой и чтобы не быть помехой для других, залег и приказал залечь также другим, но смотреть в оба, чтобы не упустить абрека. В это время подоспел прапорщик Абдулаев, который оцепил своими людьми хутор с противоположной стороны. До 5 утра перестрелка не прекращалась. Всю ночь Зелимхан ругался и матерился на чеченском и русском языках, называл окруживших его гяурами и тавлинами.

На рассвете, когда голос Зелимхана смолк, решили проверить, где он и что с ним. Абдулаев и несколько его солдат направились к месту, где находился абрек. Раненый Зелимхан, «лежа произвел несколько выстрелов из браунинга и вторично ранил обоих Закариев — юнкера Гебекова и Абдулазимова. Подошедшие с ними сослуживцы произвели в него ответный залп, решивший весь исход боя. На теле убитого 26 сентября Зелимхана насчитали 17 ранений. При нем оказались: трехлинейная винтовка, значившаяся за Дагестанским конным полком, револьвер «Браунинг», кинжал в серебряной оправе, два патронташа с 20 годными патронами, так как остальные были побиты пулями команды,³⁸² бинокль, три письма на арабском языке и молитвенник.

На месте всем раненым была оказана первоначальная медицинская помощь сотенным ветеринарным

фельдшером, а затем и прибывшим врачом отряда Холодовским, после чего командир Кибиров и юнкер Гебеков как тяжело раненые 27 сентября были отправлены в Грозненский лазарет, а легко раненые два всадника остались в строю. По другим архивным данным, в частности, по показаниям Штольдера, 27 сентября в лазарет отвезли Гебекова, а Кибирова как офицера, командовавшего успешно завершённой операцией, на автомобиле доставили во Владикавказский госпиталь, согласно же телеграмме штаб-ротмистра Федорова, оставленного замещать Кибирова в качестве командира полусотни, — раненого поручика отправили во Владикавказ поездом в сопровождении врача Холодовского.

*Отряд, действовавший против Зелимхана, и члены семьи у его тела. Цифрами отмечены:
1 – дочь Зелимхана, 2 – его сноха, 3 – его сын,
4 – начальник отряда Кибиров.*

Тело Зелимхана перевезли в Шали, где начальником Веденского округа Караловым в присутствии участкового начальника Шевченко и понятых был предъявлен для опознания. Дочь Зелимхана Мусульмат 14 лет, его невестка Дзезаг 28 лет, старшина сел. Харачой Махматхан Асхабиев, лично знавший абрека, стражник Терской охранной стражи, житель сел. Анди Хамут Ибрагимов, стражник чеченской охранной стражи, житель сел. Дышни-Ведень Гела Алатаев, житель сел. Махкеты Майк Джамал-диев и около 10 кровников абрека (фамилии опущены – авт.) утвердительно заявили, что убитый есть Зелимхан Гушмазукаев,

которого они опознают по лицу и особым приметам. Правительственный старшина Асхабиев при предъявлении ему оружия и личных вещей также признал за его вещи — кинжал, револьвер «Браунинг», бинокль и пояс. Далее он пояснил, что кинжал был отобран Зелимханом у гехинца в 1911 году, а пояс снят с убитого им еще в 1905 году армянина в Хасав-юртовском округе.

После этого к Зелимхану были допущены фотографы, которые сделали ряд снимков для прессы и следственных органов: один — абрека самого в отдельности и другой — в окружении всадников Терского казачьего войска.

По распоряжению начальника Веденского округа с разрешения судебных властей Зелимхан был погребен 27 сентября 1913 года на Шалинском кладбище.

Своеобразным кумиром Зелимхана был Шамиль и во всем хотел походить на него. Особенно в последние годы, когда после посещения его ростовскими анархистами-террористами стал считаться возможным народное восстание вследствие растущего недовольства чеченцев и ингушей. Об этом говорят вещи, которые были обнаружены в трофейной кожаной сумке Зелимхана, оставленной им после столкновения с командой всадников штаб-ротмистра Доногуева в ночь с 15 на 16 сентября 1911 года, среди которых были фотографии Шамиля во время молитвы, вместе с сыновьями, Шамиля с наибами и другие.

Среди дознавательных показаний о ликвидации Зелимхана есть ⁵⁰⁹ и такие, в которых помимо описания того, как это происходило, дается оценка ему как абреку, называются причины популярности и трагизм его как протестующей личности. Вот что пишет тот же начальник Веденского округа князь Каралов, заступивший на эту должность двумя годами раньше, начальнику Терской области Флейшеру: «Донося об изложенном, счастлив доложить Вашему Превосходительству, что самоотверженная и неутомимая борьба с зловерным разбойником Зелимханом и его шайкой... увенчалась полным успехом, освободив верноподданный чеченский народ от тягчайших бед и несчастий, причиняемых злейшим врагом народа Зелимханом».³⁸³

Взгляд на зелимханщину и его последствия одного из чиновников администрации подполковника Каралова представляется интересным и, чтобы не упрощать пересказом, приведем хотя бы часть продолжения его доклада.

«Чеченцы отныне могут спокойно предаваться мирному труду, развивая промышленность, торговлю и сельское хозяйство при полном и искреннем доверии и глубоком уважении русской власти.

Разбойник Зелимхан крайне преступную свою деятельность проявлял в течение почти 14 лет. История Зелимханиады говорит о переворачивании поездов с их ограблениями, о появлениях массовых шаек в городах, чуть ли не среди белого дня, о разрушении магазинов с ограблением их, о нападениях на вокзалы в городах и ограблении вокзальных касс, о дневных набегах на города и ограблении правительственных учреждений, о повальных пленениях зажиточных обывателей и, наконец, о систематических уничтожениях верных своему долгу чинов Терской нагорной администрации.

Громкие успехи в делах, помощь, оказываемая многочисленными его родственниками, симпатия некоторой части туземного населения и преступный интерес, щедро уделенный этому разбойнику в печати газетными репортерами, возвели его на пьедестал народного героя, в честь которого слагались и распевались народные песни.

Затуманенная голова бывшего жалкого пастуха и поденного каменщика не замедлила воспользоваться этим благоприятным для него обстоятельством, и сумасбродная мечта — провозгласить себя имамом Чечни, готова была перейти в действительность.

Пользуясь религиозной фанатичностью народа Чечни, Зелимхан пускал в ход Коран и для убеждения народа в чудодейственной его силе, при всяком удобном случае, совершал молитву как имам, — с большой торжественностью, которую заканчивал, возведя руки к небу, так: «Боже, если я действительно вредный на земле разбойник, то без жалости уничтожь меня, или повели это сделать тем людям, которые меня преследуют.

Если же я полезен делу магометанства, и если я достоин, как Шамиль, стать имамом Чечни, то прославь меня и осыпь меня своими щедротами».

Неустойчивые умы темного и еще малокультурного населения, по суеверному своему воззрению, не могли разобраться в этом и впадали в заблуждение и, не зная за кого принять Зелимхана, говорили: «Если Зелимхан разбойник, то почему же Бог его не уничтожит за такую богохульную молитву, — очевидно Зелимхан имам; его и пуля не берет».

Вступив в управление вверенным мне округом в мае 1911 года и сознавая, что на меня, как на начальника округа, возложена великая миссия руссификации туземного населения, приобщения его к русской культуре, привития ему трезвых и здравых взглядов на чужую собственность и жизнь, а также нравственного и умственного развития ВЫСОЧАЙШЕ вверенного мне населения округа, я начал принимать меры путем убеждения населения, с целью дискредитировать Зелимхана в глазах народа, доказывая всю бесплодность и безрезультатность его мечтаний и, считая священным долгом оградить население от больших несчастий, признал необходимым прежде всего в корне уничтожить эти преступные мысли в народе и, поставляя для этого себе главной задачей — уничтожение этого вредного разбойника, со всеми его сподвижниками, приступил с подчиненными мне чинами округа, при помощи влиятельных, благонадежных и преданных правительству туземцев к борьбе с ним и его сподвижниками и способниками столь долгому его существованию.

Таким образом, в течение двух с лишним лет, несмотря на неоднократные угрозы и покушения на жизнь, при неблагоприятной топографии местности в дебрях Чечни, неутомимая борьба велась административными чинами округа при дружном содействии военного отряда, состоящего из 4 сотен Дагестанского конного полка, 2 сотен пластунов 2-го Кубанского ~~пластунского~~ батальона, героическая служба коих говорит сама за себя».³⁸⁴

Далее Каралов указывает, что при содействии преданных правительству туземцев-чеченцев «принимались самые энергичные меры к разрушению его организации и результатом этого неустанного преследования было то, что Зелимхан не мог в течение 2-х последних лет произвести какого либо активного преступного выступления, а при столкновениях лишался своих товарищей». И приводится пример, как из 10 человек «постоянного разбойничьего кадра» в 1911 году были убиты трое, пять человек задержаны живыми, и будучи преданы военному суду, двое из них приговорены к смертной казни, а трое в арестантские отделения сроком на шесть лет каждый, «девятый раненый бежал в

Турцию и десятый Зелимхан, оставшись одиноким и тем обезвреженный, как затравленный зверь, скитался по глухим хуторам, лишенный прежней поддержки и симпатии населения и, доведенный до отчаяния, намерен был бежать в Турцию, но и этого ему не удалось, так как будучи застигнут в Шалинском хуторе был убит».³⁸⁵

Когда была поставлена победная точка в борьбе с Зелимханом, в Тифлис и Петербург полетели срочные донесения. В одном из них, направленном в Кавказское наместничество, Наказный атаман Терского казачьего войска Флейшер докладывал временно исполняющему дела главнокомандующего войсками Кавказского военного округа об уничтожении абрека Зелимхана, в течение 14 лет терроризировавшего Терскую область своими из ряда выходящими преступными выступлениями, который «представлял самое больное место области» и был предметом весьма напряженной и неослабной деятельности всех чинов администрации и военного отряда.

Давая всем им высокую оценку, Флейшер особо отметил следующих:

1. Генерал-майора Степанова, в руках которого была сосредоточена вся агентурная деятельность и ведение секретной, переписки по этому делу.

2. Начальника Веденского округа, подполковника кн. Каралова, который в течение двух лет самоотверженно боролся с абреком и довел его своим упорным преследованием и постоянной ликвидацией его шайки до того, что абрек вынужден был остаться один и укрываться, как хищный зверь. Кроме того, он деятельно и продуктивно работал в развитии тех многочисленных мер, которые были мною предприняты в целях дискредитирования абрека среди населения, и который действительно приводил к тому, что у Зелимхана осталось приверженцев очень ограниченное число.

3. Генерал-майора Маргания, при помощи которого было организовано последнее предприятие, приведшее к уничтожению Зелимхана.

4. Есаула Штольдера, принявшего это дело от генерала Маргания, и доведшего его до благоприятного конца.

5. Поручика Кибирова, составлявшего душу этого предприятия и с выдающимся мужеством уничтожившего со своим отрядом Зелимхана.

6. Прапорщика Конно-Дагестанского полка Абдулаева, принявшего деятельное и непосредственное участие в уничтожении абрека.

7. Юнкера Дагестанского конного полка Захарья Гебекова, который, несмотря на то, что был дважды ранен, мужественно в течение всей ночи приводил в исполнение распоряжения раненого поручика Кибирова и содействовал успеху предприятия.

8. Младшего помощника начальника Веденского округа капитана Костикова, в течение двух лет производившего по поручению князя Каралова многочисленные поиски Зелимхана и весьма сложные расследования по обстоятельствам, связанным с деятельностью абрека и сношениями последнего с преданными ему туземцами.

9. Нижних чинов Дагестанского конного полка (согласно прилагаемым спискам), принимавших с опасностью для собственной жизни непосредственное участие в уничтожении абрека.

10. Старшину селения Шали Михаила Дзилихова и его помощника Кази Магомаева, принимавших с опасностью для жизни участие в уничтожении Зелимхана и оказавших весьма деятельное и продуктивное содействие поручику Кибирову 25 сентября.

11. Старшего стражника Терской охранной стражи урядника милиции Данильхана Чумакова, посвященного в качестве переводчика при начальнике округа в сокровеннейшие предприятия князя Каралова и бывшего посредником, через которого начальник округа добывал сведения об абреке.

Против каждой фамилии на полях этого документа имеются пометки, вероятно сделанные самим Флейшером, о наградах и поощрениях, к которым представлялись участники успешно завершенной акции: Степанова — к очередной награде, Каралова — к чину полковника, Маргания — к ордену Вячеслава I степени, Штольдера — к очередному ордену, Кибирова — к дарованию ценза (какого, не указано), Абдулаева — к чину и ордену, Гебекова — к чину прапорщика, Костикова — к чину подполковника, Дзилихова и Магомаева — к медали, Чумакова — к чину прапорщика.

Исходя из ремарок, думается, что заслуги поручика Астемира Кибирова, более всех преуспевшего в подготовке и проведении этой военной операции, поставившей последнюю точку в многолетней борьбе с Зелимханом, с учетом того, какие награды и повышения в чине

получили другие ее участники, оценены недостаточно. Неизвестно также, какой ценз был дарован и каким образом менял он его социальное положение.

В свою очередь, командир Кавказского армейского корпуса приказал командиру 3 Кавказской казачьей дивизии представить «всех дагестанцев, способствовавших завлечению разбойника Зелимхана в обстановку при которой он был убит, к наградам: 1. офицеров – к орденам с мечами, 2. нижних чинов – к Георгиевским медалям. При представлении он требовал иметь в виду, чтобы описания заслуг представляемых вполне отвечали условиям статута соответствующей награды.

Однако каковы были последствия этих представлений неизвестно, источники молчат.

В последнем 12 пункте начальник области просил дать ему для вознаграждения агентов, «благодаря которым явилась возможность уничтожить абрека, семь тысяч рублей из сумм десяти тысяч рублей, разрешенных Высочайшей резолюцией на этот предмет, а три тысячи рублей обратить в пособие на лечение раненых в последней перестрелке с Зелимханом».³⁸⁶

Так закончился самый значительный этап полной драматизма эпопеи борьбы русской администрации с абречеством на Кавказе и одним из его ярких представителей, по сути – вождем этого движения в начале XX столетия Зелимханом Гushima- зукаевым.

3. *Искушение вины*

Позитивные сдвиги, произошедшие в экономической и культурной жизни Северного Кавказа в последней четверти

XIX и начале XX веков привели к большим социальным переменам в жизни народов края. Появилась национальная светская и военная интеллигенция, изменилось отношение аборигенов к русской власти, выросли доверительность и тяга к сотрудничеству с ней.

Бесперспективность продолжения борьбы с русской администрацией произвели переворот и в сознании абреков. Начало

XX века для многих из них явилось периодом попыток искупления своей вины перед обществом и властью. Анализ обстановки и сложившихся обстоятельств показывает, что к этому времени произошло удачное совпадение интересов противоборствующих сторон, захотели этого и те и другие. Но это не было банальным прощением преступных деяний абреков. Со стороны властей это был просто поиск любого способа, который хоть мало-мальски способствовал бы прекращению абречества, бесконечных разбоев и грабежей.

Как в каждом затянувшемся деле, когда принимаемые меры не дают нужных результатов, в борьбе с абречеством назревали перемены. Власти все больше убеждались, что кавказский менталитет таков, что карательные ужесточения вызывают только обратную бурную реакцию. И кавказская администрация пошла на определенные послабления и уступки в борьбе с абреками. Это не было готовым решением, заранее продуманным планом. Власти пришли к нему спонтанно, а еще точнее – подсказали сами абреки, когда они по поручению начальников округов или участков воцаряли общественный порядок или когда в разное время то одни, то другие обращались к властям за помилованием под клятву горца и условием навсегда оставить свое позорное и противоправное ремесло и вернуться к мирной трудовой жизни.

Для такого положительного обоюдно устраивающего исхода дела было уже не мало обнадеживающих обстоятельств и фактов..

На протяжении всего повествования не раз отмечалось, что абреками становились люди самых разных социальных слоев общества, взглядов, характера и темперамента и не все они были одинаково кровожадными и неисправимыми бандитами. Многие из них стали таковыми из-за предвзятого отношения к ним и несправедливого обвинения в криминале, а также случайно, по стечению определенных непредвиденных обстоятельств. И будучи в новой ипостаси – ипостаси абрека, отдельные из них в какие то часы и минуты, несмотря ни на что, испытывали естественную человеческую потребность помочь и поддержать слабого и нуждающегося, защитить обиженного или просто сотворить добро.

Так не раз поступал абрек Абдул-Керим-бек. Однажды узнав, что сельский старшина в очередной раз взял взятку у бедняка, Абдул-Керим-бек нашел его и заключил в коровник. Продержав его там семь дней, он выпустил старшину-взяточника и строго наказал ему, что

если он когда-либо повторит еще такое и возьмет хотя бы раз взятку у бедных сельчан, распрощится с жизнью. А вот другой случай из его же жизни. Сельский богатей-ми-роед, подкупив судей, под видом своей на основании схожести животных забрал единственную у односельчанина корову. Когда об этом донесли Абдул-Керим-беку абрек забрал из стада богача самую лучшую буйволицу и пригнал ее во двор к обиженному, а богача строго предупредил что это решение окончательное и никаких переделов не может быть.

Так поступил и зильгинский абрек Габла Кокаев, взявший на себя по просьбе своих селян охрану их дальних подворий, всего движимого и недвижимого имущества от нападений извне со стороны таких же абреков, как сам.

Справедливости ради надо сказать, что таких примеров, когда абреки защищали и помогали в трудную минуту своим селянам и содействовали администрации в поддержании общественного порядка, было немало. Но это были не те, кто находился в открытой борьбе с властью и ее режимом. В этих благородных делах участвовали представители либерального крыла абречества, сознававшие свою вину перед властью и обществом и готовые искупить свою вину за прошлые противоправные поступки. Они позднее окажутся теми, из которых одни будут амнистированы властью, другие помилованы, а третьим будет даже предоставлена возможность в составе своих национальных полков участвовать в войнах России.

Подобные благотворительные акции совершал и закавказский осетин Лексо Битарашвили. «Известный разбойник», как именовался он в официальной переписке, по выражению властей, наводил ужас на весь Горийский уезд Тифлисской губернии. В октябре 1914 года Лексо убил арендатора имения помещика Мдивани Тер-Акопова за то, что тот безжалостно обирал крестьян, забрал у него все «деньги, собранные с крестьян, и вернул их обратно».³⁸⁷ Потом на почве жестокости он убил старшину Мгелобашвили и управляющего Скачкова. Не избежал сурового наказания и сам. Застигнутый врасплох, он был схвачен и казнен.

С добрыми напутствиями и денежным пожертвованием попрощался с друзьями и Ших-Заде. Отдавая шестьдесят тысяч рублей, все, что тогда у него было, членам своей шайки в момент расставания с ними, он сказал: «Все это ваше! Мне ничего не надо. Я пойду в Мекку и больше сюда не возвращусь. Советую и вам сделать то же. Уйдите в Персию, займитесь там хозяйством или торговлей и дайте торжественный обет пророку к такой жизни больше не возвращаться».³⁸⁸ Не раз делился своим добром с совсем чужими людьми и Зелимхан

Многие из этой плеяды не совсем обычных абреков, постоянно находясь в силу двойственности их натур во власти разъедающей душу борьбы двух противоречивших друг другу чувств – добра и зла – в конечном счете склонялись в сторону первого. Одержавшее верх гуманное начало заставляло их бросать свое противоправное занятие – абречество – и искать другие пути жизни. В основном это было прощание с родиной и нелегальный уход за границу, главным образом в Персию и Мекку или в Турцию. Последняя была более предпочтительной, так как еще в прошлом веке, сразу после Кавказской войны, там уже обрели вторую родину тысячи переселенцев из Северного Кавказа.

Абреки такие же обыкновенные люди, как и все. Они так же любят и ценят все, чем прекрасен мир, умеют дружить, трудиться, способны на благородные поступки и дела, поступиться всем и даже жизнью во имя чести. Все эти чувства и черты свойственны большинству абреков, только в одних их больше, в других – меньше. И не было бы, уверен, этого кавказского феномена, не будь безысходной материальной нужды и оголтелой социальной несправедливости, которые пробуждают в людях здоровый естественный инстинкт самосохранения и самоутверждения.

Абреки всегда считали, что пути назад к прежней мирной жизни у них нет. Но абреки абрекам рознь. Не за всеми ими тянулся одинаково длинный кровавый след. Среди них были и такие, которые не имели к администрации особых претензий за незаслуженно причиненные им обиды и насилие. Как более лояльные со временем они стали лелеять мечту о возвращении к прежней мирной жизни. Они устали от одиночества, от жизни, уподобленной существованию дикого зверя, и готовы были отдаться в руки властям в надежде на помилование, примириться с тем, что есть там, в той оставленной ими некогда мирной жизни – с бедностью и нищетой, и навязанным новым общественным порядком. Эти абреки в дальнейшем старались воздерживаться от грабежей и разбоев, но если все же приходилось это делать в силу крайней необходимости, чтобы поддержать свое существование, то совершали они их уже предельно редко и осторожно, чтобы не

засветиться лишний раз и не пополнить свое криминальное досье еще одним преступлением, которое в итоге могло похоронить последнюю надежду на возвращение в свое село, в родной очаг.

Такие настроения абреков все больше подвигали власти к помилованию, усматривая в этом акте еще один способ положительного воздействия на абречество, на снижение криминальной напряженности в крае. На такой шаг они пошли потому, что за время пребывания на кавказской земле хорошо изучили ее население: если горец сказал, то обещанное обязательно будет выполнено, чего бы ему это ни стоило. Его слово, как клятва. Он никогда не даст клятву под чьим – либо давлением, но и ни при каких обстоятельствах не нарушит, дав его однажды. Вспомните известных абреков Османа Мутуева в Терской области, закавказских Заида и Абдул-Керим-бека, поведение которых достойно уважения, как свято выполнивших свои обещания чиновникам администрации, обратившимся к ним с поручениями помочь им установить порядок, восстановить мир и спокойствие в местах, вышедших у них из под контроля.

Узнав о том, что некоторые из них могут рассчитывать на снисхождение властей, обещали, что в случае их помилования, они никогда больше не переступят закон, займутся трудом и не пойдут ни на какие преступления. Русская администрация, не раз в этом убеждавшаяся, дала такие заверения и помиловала не один десяток абреков, как об этом сказано выше в конце нашего основного повествования. Это был трудный, но верный шаг с ее стороны в борьбе с абречеством, разбоями и грабежами на Кавказе.

А начиналось все с очень малого. Отдельные абреки и разбойники, подуставшие от преследований со стороны властей, от своего полузвериного существования и, уверовавшись в своем неминуемом печальном конце, стали искать пути сближения с обществом и готовы были пойти на мировую с ним, лишь бы заслужить его прощения. Они предлагали обществу, чаще всего своим сельчанам, охрану их жизни и имущества от разбойных посягательств со стороны. Обращались за такой услугой и сами сельские общества. Первоначально это была охрана состоятельных подворий и хуторов. Последние часто находились на больших расстояниях от главной усадьбы их хозяев, и они всегда нуждались в защите. Потом стали опекаться и целые селения. То, что это село и его жители уже находятся под абречьей охраной, вскоре становилось широко известно. И для всех, в том числе для сельских старшин и участковой администрации, воцарялся долгожданный мир и покой.

Эти факты стали знаковыми и свидетельствовали о том, что наступило время, когда у противоборствующих сторон появился шанс (несомненно, при условии уступок со стороны русских властей) положить конец многовековому противостоянию и взаимному террору кавказской администрации и абреков.

Уповая на снисходительность властей и прощение им старых грехов, у кого они без кровавых следов, а со своей стороны обещая никогда больше не нарушать законы и общественный порядок, абреки после долгих лет мучительных скитаний по диким лесам и ущельям стали робко, с известной долей страха возвращаться к родным очагам.

Во многом такому доверию, пересмотру своего отношения к русской власти способствовали также теплота отношений и поддержка русскими сибиряками и дальневосточниками ссыльных абреков с Кавказа. Многие каторжане женились на русских девушках, обзаводились хорошими семьями с крепкими брачными узами и по истечении срока наказания возвращались на родину в полном составе. Ярким примером этого служит история, связанная с абреком из Усман-юртовского аула Османом Медоевым, сосланным в Сибирь на каторжные работы за убийство горского переселенца Курчалоевского аула Бису Хасаева. Отбыв срок, он вернулся домой с женой Мери и новорожденным в Симбирске сыном Урзбеем. При этом им были выданы кормовые деньги на 26 дней пути. В архивах имеются десятки подобных дел.

Другим показателем положительных перемен в ментальности абреков является массовая добровольная сдача ими себя на милость властям. Основная часть их приходится на конец XIX и начало XX веков. Об этом свидетельствует найденный в архивах «Список абреков разных племен, явившихся с покорностью и возвратившихся в свои общества». Раскаявшиеся в своих преступных деяниях и не замеченные более в них Высочайшее помилование получили: братья Эльмурза и Джантемир Батыевы, Мусса Ганчуев, Анзор Юсупов, Бидуко Мирзиев, Осман Санталиев, Умехан Долов, Ахрич Темирбиев; осетины – Черис Мурзаев,

Ахмет Мамсуров, Мусса Льянов, Авархан Дзабеев, Мусса Азов, Гата Гамирзиев Дота Сурхоев; галашаевцы – Учаха Газимов, Бышлука Эльмурзиев, Мусост Усманов; назрановцы – Берт Алцуев, Асламбек Зурхоев, Мусост Ачаков, Маис Сапралием, Те-мирбот Таусултанов, Анихан Эльмурзаев, Джантемир Гайсанов, Батыль Умаханов и другие. Всего более 80-ти. Это те, кто не был уличен в участии в бунте в Назрановской тюрьме».³⁸⁹

А вот еще один уникальный и совсем неожиданный поворот в жизни абреков и политике кавказской администрации. Мало кто знает, что в 1904-1905 годах для участия в русско-японской войне абреками Терской области пополнялись нуждавшиеся в дополнительных людских резервах вооруженные силы России. Так, в чеченский конный полк, направлявшийся к дальневосточным рубежам, были включены около 40 абреков-добровольцев. Вошли абреки и в такой же ингушский полк. Но среди этих добровольцев, живших длительное время в нечеловеческих условиях, было много больных. Абреков, нуждавшихся в лечении, отправляли в соответствующие лечебные учреждения и по выздоровлении зачислялись в чеченский или ингушский полки. Те же, которые медицинской комиссией «признавались непригодными к несению воинской службы по возрасту или по случаю какого-нибудь хронического заболевания, возвращались назад в распоряжение начальника области во Владикавказ».³⁹⁰

Каким образом шел отбор абреков для зачисления в национальные полки, неизвестно, но за ними устанавливалось особое наблюдение.

В годы первой мировой войны вновь повторился этот патриотический порыв. 10 января 1916 года представители ингушского народа возбудили перед наместником Кавказа Великим князем Николаем Николаевичем ходатайство о разрешении абрекам явиться с повинной с тем, чтобы они были отправлены в действующую армию и могли бы заслужить на поле брани помилование. Непосредственно обратились с такой просьбой и сами абреки Назрановского округа.

Генерал-адъютант Янушкевич одобрительно отнесся к ходатайству и, сочтя возможным удовлетворить его, направил письмо начальнику Терской области Флейшеру, а тот окружному начальнику, в котором говорилось: «На ходатайство ингушской депутации о разрешении абрекам явиться для отправления их в действующую армию и заслужить на поле брани помилование, Великий князь повелел объявить ингушскому народу требование Его Величества подтвердить верноподданную службу абреков в армии народной клятвой, и кроме того, срочно снестись с командиром ингушского полка для выяснения возможности осуществить эту меру и заручиться уверенностью, что абреки будут поставлены в такие условия, которые не позволят им искать уклонений от боевой службы». Письмо заканчивалось припиской начальника Терской области: «О каждом случае явки абрека с повинной прошу доносить Его Превосходительству».

– генерал-губернатор Терского казачьего войска Флейшер.³⁹¹

17 февраля 1917 года начальник Назрановского округа полковник В.Ульянов в спешном порядке направил терскому генерал-губернатору рапорт, в котором просил его, «ввиду последовавшего разрешения наместника о возможности зачисления абреков, скрывающихся от следствия и суда и приданных к наказанию, а также и бежавшие из Владикавказской областной тюрьмы в число всадников ингушского конного полка» поставить его в известность, «каким порядком явившиеся абреки будут отправлены в ингушский полк с лошадьми, т.е. конными или пешими, и если конными, то за чей счет будут приобретены для них лошади и обмундирование».

Во главе ингушского полка стоял полковник Мерчуле. На требование Его Величества «заручиться уверенностью, что абреки... не будут искать уклонений от боевой службы», он ответил Флейшеру, что «в качестве командира полка достаточную властью, чтобы поставить абреков в условие невозможности уклонения от боевой службы, я не обладаю».⁵¹⁵ Но полагал, что «такой мерой могло быть сформирование из абреков особого разведывательного отряда», подчиненного ему «на условиях положения о дисциплинарных батальонах с подчинением для командования этим отрядом особого по моему выбору офицера».³⁹²

В марте 1916 года из Назрановского округа в войсковой штаб Терского казачьего войска поступил рапорт от заместителя окружного начальника, что согласно требованию, переданному по телефону, он уведомляет, что подлежащих отправке в действующую армию нижних чинов из числа явившихся добровольно абреков, состоят 78 человек при одном офицере, а при них 78 лошадей с седлами.³⁹³

Не прошло и недели, как в войсковой штаб Флейшеру последовал новый рапорт с сообщением о том, что кроме 78 абреков, поименованных в списке за 5 марта, добровольно явились для поступления на военную службу еще четыре абрека. После поименного перечисления их, начальник Назрановского округа полковник Ульянов просил присоединить их к первым и назначить в помощь сопровождающему их офицеру Терской охранной стражи капитану Шадиёву урядника той же стражи Филиппа Селифонова. 17 марта в полночь со станции Назрань под командой Шадиёва отправились в распоряжение командира полка 92 абрека. А 14 апреля из Соболевки во Владикавказ от командира сводного запасного конного полка полковника Хаджи-Мурата поступила телеграмма, что «команда абреков, направленная дивизией сюда ведет себя отлично, ревностно обучаясь строю».³⁹⁴ Неприхотливые во всем вследствие долгих лет скитаний в условиях жестких преследований абреки должны были стать неплохими воинами. Тем более, когда на кон ставится всеобщее прощение.

Помилованные абреки были зачислены также в Кавказскую Туземную конную дивизию, названную в народе «Дикой дивизией». Она была сформирована в сентябре 1914 года из добровольцев-горцев Северного Кавказа и участвовали в Первой мировой войне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Абречество как способ протеста против любых форм давления на личность возникла у кавказских народов еще в древнем мире. Расхожее мнение, сложившееся в XX веке о том, что его появление связано с приходом русских на Кавказ, с российской колонизацией этого края, несостоятельно.

В основе абречества с самого начала его зарождения лежали бытовые остроконфликтные причины и в какой то мере социальный нигилизм. Его первыми носителями были главным образом те члены первобытного общества, которые волей-неволей вступили с ним в конфликт в результате нарушения, а возможно и неприятия ими отдельных норм обычного права, которым обязан был следовать каждый его член, а также вследствие грабежей и разбоев, или уголовного преступления против личности, за которым должна была последовать кровная месть со стороны потерпевших. Бегство от кровного преследования, а также изгнание из общества злостных нарушителей его устоев и явились причиной возникновения первых абреков. Их было не так много, но абречество примерно в такой проекции просуществовало до конца средневековья.

Силовое присоединение Кавказа к России, несмотря на добровольное вхождение в ее состав Грузии и ряда северокавказских народов, воспринятое как русская военная экспансия, вызвало у полиэтничного населения края неоднозначное отношение. Противники были нетолько в отдельных кругах социальных верхов, не получивших от России ожидаемых прав и привилегий, но и среди простого народа, его консервативной части, для которых национальная свобода и независимость были святы и превыше всего. В силу этого абречество, как редкое социальное явление, родившееся еще в недрах патриархально-родового строя, позднее, много столетий спустя, трансформировалось в антирусское движение с четким политическим направлением – неприятия российского закона, его правоприменения и складывавшегося в результате этого режима и царской администрации, подменивших обычное право горцев и привычный национальный уклад их жизни в крае.

Это был⁵¹⁶ его второй период, начавшийся с конца ХУ111 века. На этом этапе видоизменяются и его формы. Если в самом начале своего развития абречество носило форму индивидуального террора своего потенциального противника-кровника или общества, то на этом этапе возникает уже и групповой террор. Абреки собираются в небольшие группы (шайки) из пяти-семи человек, а иногда и в целые отряды в несколько десятков а то и в сотню человек, чтобы совершить крупное противоправное предприятие, набеги на соседние земли или вступить в бой с войсками и ликвидировать военное преследование.

XIX век, особенно его вторая половина, является пиком этого периода, вершиной борьбы на Кавказе с русской администрацией, с ее поведением хозяина и вершителя судеб в крае,

вылившейся в Кавказскую войну и террористическим продолжением в конце XIX и начале XX веков. Иначе говоря, абреки второго поколения это те, которые с завоеванием Россией Кавказа почувствовали себя национально ущемленными и, не приняв русскую администрацию и методы ее властного управления, объявили ей войну.

Абреки – не разбойники от природы, они те, кто четко определил для себя, кто их враги, и осуществляют предначертанную адатами кровную месть. Отсюда, чтобы мстить, надо выжить, а чтобы выжить, приходится грабить, силой отбирать у других все необходимое, потому что избравшему удел изгнанника никто по доброй воле ничего не даст, кроме милостыни. Разбой, рэкет и захват заложников – вот основные источники существования абреков и разбойников. Но если разбойники с самого начала вышли на этот промысел по своему добровольному выбору и их действиями руководили корыстные интересы, то абреки прибегали к ним только в силу своего нового социального положения, как к необходимой мере, чтобы обеспечить свое существование. А новые и новые убийства, совершавшиеся ими, вступая в бой с преследователями и кровниками, а также разбои, сопряженные с убийством, все дальше подвигали их в криминальные дебри, все туже затягивали на них петлю предусмотренных за них наказаний, и в итоге возвращение домой, к мирной жизни становилось невозможным.

Бандиты, разбойники, грабители и воры – другая социальная категория людей и к абречеству в его истинном смысле никакого отношения не имеют. Как показывают архивные источники, разбои и грабежи были самыми распространенными способами пополнения средств к существованию у наиболее нуждающейся части кавказского населения. На втором месте по их распространенности можно поставить рэкет и пленение с целью получения за заложника определенного выкупа.

Рэкет и захват заложников – стары, как мир. Их знали еще в древнем Риме и Греции. Они в совершенстве применялись на Востоке и в Азии. И не всегда их наличие зависело от степени цивилизованности общества. Они всегда и во все времена были там, где существовали классы и разделение труда, в результате чего материальные и культурные ценности непропорционально распределялись между их создателями. Они накапливались в руках наиболее удачливых, деловых и изворотливых людей, а основная часть общества была обделена ими в силу самых разных причин. Такая неадекватная социальная обстановка порождала у тех, кто был ими обделен, не только желание, но и внутреннюю потребность отнять, экспроприировать их или хотя бы часть, для чего изобретались любые способы достижения этой цели. Ими и были покорившие континенты и страны рэкет, разбой и заложничество.

С началом российского присутствия на Кавказе весь криминальный мир – разбойники, грабители, бандиты, воры, мошенники, рэкетеры и пр., в том числе и абреки, которые вели свою войну с царской администрацией, назывались властями одним общим именем – абреки. Со всеми ими русские власти повели решительную борьбу, насколько это было возможно в новых своеобразных условиях. Местное население первоначально поддерживало абреков, разделяя русскую власть и абреков на «своих» и «чужих». Но позже, устав от бесконечного криминального гнета разбойников и грабителей и постоянных преследований со стороны администрации, от постоев воинских частей и экзекуций за поддержку абреков, значительная часть соплеменников, кто открыто, а кто и тайно, отвернулась от них и перешла на сторону русской администрации.

Исключением из общей массы абреков могут быть только самые выдающиеся из них – Зелимхан Гушмазукаев, Саламбек Гороводжев, Аюб Томаев, Сабан Самбегов, Эски, Абдул-Керим-бек, Ших-Заде, Абубакар Хасуев и еще несколько им подобных несгибаемых личностей. У этих абреков с сильно развитым чувством собственного достоинства и умением постоять за себя в любой момент, в любой обстановке было еще и сострадание к бедным и слабым людям, не умеющим и не могущим постоять за себя и надевающимся только на чужую защиту и поддержку, которую видели и со стороны выделенной выше когорты абреков, и той части местной национальной администрации, которая оставалась преданной своему народу. Они, мстя в первую очередь за себя и свои семьи, заступались и за тех., часто совсем неизвестных им людей, которых власти незаслуженно обижали.

В отличие от разбойников и грабителей, с которыми велась всеобщая борьба как царской администрацией, так и всем населением Северного Кавказа, отношение к настоящим абрекам со стороны аборигенов было более чем лояльное. Они длительное время

поддерживали их, пособничали и укрывали от властей, видя в них своих защитников от произвола русской новоявленной администрации. В таких условиях была невозможна успешная борьба с абречеством и в целом с грабежами и разбоями, захлестнувшими и без того «край беспросветной нужды» (Г.Цаголов) и сплошных «неурядиц» (К.Хетагуров).

Сознавая это, кавказская администрация распространила свои преследования и на поддерживающее абреков население, в число которых порой попадали и совсем невинные люди и даже целые семьи и села. Аресты, ссылки в Сибирь, на Дальний Восток, на безжизненный остров Чечень в Каспийском море, экзекуции с многомесячными постоями воинских частей, которые переводились на полном довольствии «провинившихся» сел и деревень, вынудили мирян, чтобы уберечься в результате этих мер от окончательного разорения, сделать свой выбор в пользу властей. Соплеменники не только отказались от оказания каких либо услуг абрекам, но стали даже оказывать содействие русской администрации и военному отряду в их борьбе с разбоями и абречеством. По отношению к русской власти сперва был лоялен и Зелимхан. Но после того, как отца, брата и его самого арестовали за убийство и незаконно, как они считали, осудили, он бежал из тюрьмы с твердым намерением мстить всем, кто повинен в его сломанной судьбе.

Ярким показателем того, что собой представляли экзекуции с многомесячными постоями воинских частей в «провинившихся» селах служит приведенный А.Цаликовым пример в указанном выше сочинении: «За все время экзекуции войска кормились за счет местного населения. Во что это обходилось населению, можно составить себе понятие по одному тому, что в сел. Христиановском отряд, простоявший сутки, съел 12 быков».³⁹⁵

Усилия властей не были напрасными — в борьбе с криминальными элементами редели и ряды абреков. Но как бы там ни было, существенное влияние на царские власти оказывали и абреки. Оно выражалось в том, что в целом ряде случаев под давлением абреков администрация края отказывалась от применения особо тяжелых наказаний в отношении сел и аулов, заподозренных в поддержке абреков, и проводило их с предельной осторожностью, чтобы не вызвать новую волну всеобщего недовольства горцев, в среде которых уже зародилось и развивалось противостояние тем, из-за которых на них навлекался гнев властей.

Для полной победы над этим социальным злом, каким было массовое абречество, одних карательных мер было недостаточно. Необходимы были параллельно и другие меры, в первую очередь экономического и социально-гуманитарного направления. Но у царского правительства и дома Романовых, хватившего инициативы и благих порывов на дозированное воплощение их в пределах новых развивающихся постфеодалных формационных нужд для нарождающегося монстра-капитализма, не оказалось достаточно политической воли для полномасштабного решения этих задач на национальных окраинах империи, в том числе и на Северном Кавказе, бывших на положении колоний, придатков российского капитализма. Поэтому их еще много оставалось на Кавказе вплоть до свержения царизма и установления советской власти в стране.

У абреков неприязнь к кавказской администрации любого уровня ассоциировалась с неприязнью к русской власти вообще. Но за последнее десятилетие, за время двух революций — 5 и 17 годов как выражений всеобщих народных антимоноархических настроений, произошли резкие изменения в психологии и взглядах абреков. Показателем этого стало то, что абреки, обходившие стороной эти революции, вдруг как бы в один момент поддержали только что установившуюся советскую власть в той же самой России. Нетрудно догадаться, что произошло это потому, что они увидели в ней политическую силу, которая уничтожила ненавистную им власть, а значит, она та самая, которая им нужна. Но их разочарование наступило очень скоро. И у абреков все повторилось и с советской властью. Бандитские налеты на деревни и села наносили большой материальный ущерб, а террор советских и партийных работников стал последней каплей в терпении большевиков, и уже в 1920 году началась решительная и последовательная борьба с бандитизмом, куда было причислено и абречество, закончившаяся их почти повальным уничтожением еще в годы Великой Отечественной войны.

За многие годы и десятилетия мирное население изрядно натерпелось из-за абреков от царских властей. Но, несмотря на это, соплеменники наиболее выдающихся из них возводили в ранг национальных героев и слагали о них песни и сказания. Таким был для чеченцев Зелимхан Гушмазукаев, для ингушей

– Саламбек Гороводжев. А национальные герои, как известно, если они еще и кончают трагически за народные идеалы, обретают всеобщую любовь и обрастают самыми фантастическими легендами.

Настоящие абреки в результате жесткой государственной борьбы с ними в начале XX века значительно поредели, а затем и совсем исчезли. Но они остались в художественной литературе и устном народном творчестве. Абреческая тематика занимала многих писателей России, особенно ее Юга, как современников, так и литераторов более позднего времени.

Характерной особенностью этой литературы, как русской, так и национальной, было то, что она вопреки официальной точке зрения на этот кавказский феномен (злодеи, разбойники, грабители) изображала абреков как людей благородных, мужественных защитников обиженных властью простых людей с ноткой сочувствия им за их изгойство и постоянные уголовные преследования со стороны администрации и правоохранительных органов, призванных блюсти и охранять общественный порядок.

Немало легенд, песен и поговорок сложено устным народным творчеством. Встречаются абреки и в сказках народов Кавказа. В фольклоре абреки воспеваются с особой любовью: это орлы, львы, волки (у чеченцев и ингушей волк – эмблемный, особенно почитаемый зверь), то есть богатыри, подобные Илье Муромцу у русских. В этом жанре наряду с восхвалением абреков выражается и народная скорбь за их неудачи и поражения. Несмотря на то, что от них самих, а также из-за них, как было сказано, страдали от властей многие простые люди, порой и совсем невинные, в кавказском фольклоре нет ни одного критического сюжета с выражением упрека или негодования по отношению к абрекам.

Примечательно, что такой фольклор наибольшее развитие получил в основном у двух народов – чеченского и ингушского. У других в таком количестве и ярких красках его нет. Объясняется это тем, что у них не было столь знаменитых абреков, как у этих двух народов. Не было потому, что они были более лояльны к России, и даже были ее приверженцами. Северная Осетия, например, как добровольно вошедшая в состав России православная страна, не то, что без всякого сопротивления, но даже с огромной позитивной надеждой приняла у себя и российское законодательство, и русскую администрацию. А с середины XIX века, жадно приобщаясь к просвещению, русской передовой культуре, стала уходить от узкоконсервативных взглядов и патриархальных адатов.

В фольклоре чеченцев самым популярным является Зелимхан Гушмазукаев. Как и вокруг всякой криминально-таинственной знаменитости, об абреке Зелимхане до сих пор ходят всякие легенды. Их создавали не только простые люди, кумиром которых он был, но и те, кто брался описать его жизнь, полную риска и самого неожиданного поведения. Такими являются легенды о побеге его из харачоевской пещеры в декабре 1911 года, о встрече знаменитого абрека с другой знаменитостью – великим русским певцом Федором Шаляпиным и другие.

В какой то мере этому способствовала и агентурная публика. Постоянно независимо друг от друга шло соревнование агентов администрации и Зелимхана, где каждый старался угодить своему патрону. В результате плодилось множество не всегда достоверных бумаг и доносов. Многие личности обросли мифами и легендами, которые в свою очередь требовали объяснения на предмет их правдивости. Иногда одни и те же агенты работали и на одну и на другую сторону. Вот один из таких характерных примеров. 28 февраля 1911 года начальник Веденского округа подполковник Каралов сообщал начальнику военного отряда полковнику Маргании: «До моего сведения дошло, что агент ротмистра Доногуева Шахби Кудиев, состоя в то же время агентом у разбойника Зелимхана, получил от последнего несколько шашек и кинжалов и намерен разыграть фальшивую комедию перестрелки с этим разбойником, после которого в доказательство этой перестрелки представит вам якобы отбитое оружие». 396 Человеческие пороки, как видно, и тогда были поставлены на службу носителям.

Побег Зелимхана из пещеры получил пять версий. Само их количество ставит под сомнение достоверность не только самого факта, но и каждой из них. Один Козачковский в своих «Разбоях на Кавказе» приводит три легенды по этому поводу.

По первой – Зелимхану удалось уйти живым вследствие того, что после последней перестрелки на рассвете, «прежде чем начальник отдал приказ об осмотре пещеры», к ней, якобы, начали со всех концов ползти любопытные чеченцы, напоминавшее муравьиное нашествие. «Никто не догадался сосчитать их, а еще лучше остановить, а поэтому с ними на обратном пути беспрепятственно могли вылезти и разбойники».

По второй версии — Зелимхан скрылся из пещеры «ползком вверх по скале», о чем свидетельствуют «кровавые следы до вершины горы». Это более правдоподобно и соответствует тому, о чем говорят архивные источники.

По третьей версии выходит, что «после того, как стихла стрельба, из пещеры внезапно вылетает закутанный в башлык и обвешанный кругом бряцающим и звенящим оружием чеченец... и стремглав бросается под кручу. Ошеломленные казаки бросаются за ним. На всех постах и в отряде поднимается суматоха. Крик, шум, выстрелы... В результате же оказалось, что бесстрашно ринувшийся в бездну закутанный абрек, была кукла, сделанная Зелимханом, из бурки, самовара внутри и других побрякушек». Все бросились «ловить в реке куклу, а Зелимхан в это время скрылся».

Четвертую версию приводит писатель Магомет Мамакаев в одноименном романе «Зелимхан». Он пишет, что «утром на рассвете» во время перестрелки «все увидели, как, сорвавшись с утеса, Зелимхан в развевающейся бурке полетел вниз. С криком «Убили! Убили! — солдаты устремились в ущелье, но когда подошли к убитому и ткнули его сапогом, под буркой оказалось обыкновенное бревно, на которое были аккуратно натянуты черкеска и папаха из овчины».

По версии Д.Гиреева, пятой по счету, Зелимхан сам, «закутавшись в бурку, прыгает в бурный поток», но потом выбирается из нее и благополучно скрывается.

Находчивый и одаренный талантом разведчика абрек Зелимхан совершает ряд действительно сказочных поступков. То он переодевает отряд в форму терских казаков, а себя в мундир полковника и совершает глубокий рейд в тыл врага с прицелом на кизлярские казначейства. То он переодевается в священника и с чемоданом в руке свободно передвигается по перрону вокзала на виду у начальника станции и пристава и даже использует последнего как носильщика, охотно согласившегося помочь батюшке проводить его до нужного вагона. А на следующий день Зелимхан присылает приставу записку с указанием, кто такой был этот батюшка и что чемодан, который он с трудом таскал, согнувшись под его тяжестью, «был набит пулями», одна из которых предназначена ему (из рассказа некоего В...Б... в газете «Речь» за 1912 год). То он случайно встречается с гастролирующим по Кавказу Федором Шаляпиным.

Конечно, хитрый и опытный абрек мог прибегать в сложных и критических ситуациях к различным тактическим действиям, как в случае с куклой и русским самоваром во время бегства из харачоевской пещеры, хотя неизвестно, откуда мог там взяться тульский самовар, весьма редко встречающийся в этих краях. И об этом есть архивные свидетельства. Но случай с Шаляпиным нигде не находит своего подтверждения.

Однако последняя легенда о встрече двух знаменитостей как самая эффектная была с большим энтузиазмом подхвачена литераторами, и публицистами и даже деятелями культуры. Среди них Санкт-петербургский член Всероссийского совета шаляпинистов ЮАПономаренко, владикавказский литературовед Девлет Гиреев и другие. Поверив в нее, в 2006 году об этом же пишет и московский писатель Антон Уткин.

На самом же деле не больше, чем миф и легенда, являются рассказы о том, что в предгорьях Кавказа произошла встреча великого русского певца Ф.И.Шаляпина и одного из самых известных абреков на Кавказе Зелимхана Гушмазукаева. Авторы этих фантастических измышлений без оснований и каких-либо конкретных доказательств, противореча друг другу, внушают падкому на сенсацию обывателю, что она состоялась во время гастрольных поездок великого артиста по Кавказу. Одни пишут, что это случилось на пути из Грозного во Владикавказ (А.Уткин), другие — из Владикавказа в Тифлис (Д.Гиреев, Ю.Пономаренко). Так какой же из этих двух фактов достоверный?

При всем сходстве основной сюжетной линии (а это потому, что авторы заимствовали ее друг у друга) очень разнятся подробности, детали фабулы: в одном случае Ф.Шаляпин едет на фазтоне, в другом — в карете и даже на дрогах, в третьем — в восьмиместном немецком автомобиле «Бенц». То он в дорожном плаще и шляпе-котелке темного цвета, то в дорогой шубе, что указывает на зимнее время. То он один, то в сопровождении попутчиков. Совсем по-разному подается и само описание общения этих людей. В следственном изоляторе, где была составлена анкета о внешних данных Зелимхана, ни о каких увечьях не говорится, напротив указано, что «особых примет нет», а у Гиреева он хромотает на правую ногу. Имеется еще много других расхождений. По Гирееву у Зелимхана «глаза черные», и «борода черная». На деле же, по анкете допроса, у него «глаза карие», а «подбородок — стрижен». Зелимхан

без бороды и на фотографии, сделанной после его убийства. Все это говорит о несостоятельности данной легенды и подтверждает факт ее вымысла.

Чтобы не быть голословным, приведем все версии.

Версия первая. Ф.И.Шалапин едет на дрогах из Грозного во Владикавказ, где должно было состояться его долгожданное выступление перед широкой публикой. По дороге между этими городами, отстоящими друг от друга на сто верст, вдруг на полпути Шалапину преградили абреки путь и высадили. Перед Зелимханом предстал элегантный человек в шикарной норковой шубе. Охота абреков как будто удалась: добыча богатая. Зелимхан всегда наперед знал свою жертву, кто он, откуда путь должен держать и, главное, что у него можно взять. Этот случай стал исключением: встреча была неожиданной, а потому абреку нетерпелось узнать, кто его жертва, эта импозантная личность, какую видит в этих краях впервые, откуда и куда направляется этот недогнущий перед ним высокий статный человек с тростью в руке.

– Кто ты? – спокойно, но твердо спросил Зелимхан.

– Певец я, – с достоинством ответил Шалапин. – Русский человек... Из Питера.

– Что русский это и так видно, – надменно пояснил абрек и окинул взглядом свою команду. – Певец, говоришь?! А куда путь держишь?

– Во Владикавказ... Петь.

– Ну, давай проверим тебя, как ты поешь?! – с тайным любопытством сказал Зелимхан. – Будет без обмана, отпущу, не обижу.

В таких условиях, на пустыре, под открытым небом, Шалапину приходилось петь впервые. И Шалапин запел. Над живописной долиной и лесными массивами, окаймленными величественными кавказскими горами, раздался могучий бас Шалапина.

Зелимхан и его друзья были в восторге, перед ними впервые выступал оперный артист да еще такого масштаба. Умиленный его пением Зелимхан сдержал слово и, не причинив никакого вреда и обиды, с миром отпустил знаменитого пленника из Питера. Но потом вдруг будто что-то его осенило, окликнул удалявшегося Шалапина и пошел ему навстречу: это был знак уважения к нему и в то же время он не хотел, чтобы последний с ним разговор слышали его друзья. Когда они снова сошлись, Зелимхан, всегда твердый и умеющий владеть собой, признался понравившемуся певцу, что он своей песней растрогал его до слез и попросил никогда и никому об этом не говорить, потому что люди скажут – Зелимхан-абрек не мужчина, а баба. И Шалапин, благодарный за то, что Зелимхан умеет держать слово, твердо обещал ему до конца своих дней сохранить это как тайну.

Версия вторая. Зелимхану донесли, что такого-то дня из Владикавказа в Тифлис отправляется в командировку высокопоставленный чиновник Терской администрации с особо важными поручениями. Агент Зелимхана, срочно прибывший к нему передал, что им является Вербицкий. Это сообщение обрадовало Зелимхана и было как нельзя кстати, так как подполковник был одним из тех, с которым у него сложились свои особые отношения, когда Вербицкому поручили первым возглавить созданный в 1909 году военный отряд для борьбы с абречеством и разбоями в Терской области.

Карательный отряд должен был живым или мертвым взять абрека Зелимхана. И Вербицкий, во власти которого была такая сила, стал похвастаться тем, как изловит или уничтожит этого разбойника. Зелимхан понимал, что такая важная военная особа не может быть без вооруженного сопровождения, и сколотил надежную шайку, в которую вошли его ближайшие соратники Саламбек Гороводжев и Аюб Томаев. Где-то на десятом километре от Владикавказа на одной из развилок Военно-Грузинского тракта Зелимхан перекрыл дорогу, расставив в укрытии по ее обе стороны свой отряд. Началось выжидание, как всегда томительное, когда с нетерпением ждешь долгожданной встречи. Но оно не было долгим. Еще пахло утренней свежестью, как из-за поворота вынырнул немецкий восьмиместный «Бенц», чудо техники того времени. Когда он поравнялся с засадой, из-за скал лихо выскочили абреки. Они преградили путь автомобилю и, взяв наизготовку свои берданки, приказали пассажирам сойти на землю и поднять руки вверх.

Среди высадившихся Зелимхан не увидел ни одного военного чиновника. Все были гражданские. Один иностранец в клетчатом пиджаке и соломенной шляпе, грузин – агент винной фирмы, грузный, в летах священник и под стать ему дородная супруга, две девицы-

щебетуны и статный мужчина «в дорожном плаще и шляпе темного цвета с палкой в руке». До смерти перепуганные пассажиры стали снимать с себя ценности, какие на них были, и передавать их страшным с виду абрекам. Священник «достал золотые часы, кошелек... и молча протянул их ближайшему всаднику. Тот усмехнулся, плетью отвел его руку и громко сказал:

— Ваше золото и деньги нам не нужны. Спрячьте. Нам нужно другое...

Две пестрые девицы подошли и наперебой посыпали:

— Господин Зелимхан, это же неблагородно обижать женщин!

— Вы не имеете права... Мы будем жаловаться... Мы...

Всадник поднял плетью. Девицы умолкли.

— Я не Зелимхан. Меня зовут Аюб Томаев. Женщин мы не обижаем, а права у нас всякие есть. Жаловаться можно хоть самому царю...

Потом он плетью указал на священника и его супругу.

— Оставайтесь здесь. Ждите. Остальные за мной».

Не обращая внимания на возмущения пленников, завернул их в боковое ущелье, откуда вытекала речушка. Шагов через сто, на повороте, за скалой пленники увидели догорающий костер, вокруг которого сидели горцы. «Один из них поднялся. Это был человек выше среднего роста (?), худощавый, в каракулевой шапке, в темно-серой черкеске и кинжалом на поясе. Его продолговатое оливковое лицо с большими черными глазами (?) и черной, как смоль, бородой (?) было сурово-аскетическим». Он окинул взглядом пленников и резко произнес:

— Подполковник Вербицкий, я Зелимхан. Мы могли вас всех перестрелять в машине, но не сделали этого. Вы хотели в честном бою драться со мной. Вот Вам кинжал. Не прячьтесь за женщин. Выходите, защищайтесь».

Грузин подумал, что обращаются к нему и, едва сдерживая волнение, проговорил:

— Клянусь великим аллахом, я не Вербицкий. Я Ваню Чохели из Самтреда...

Вслед за ним объяснился иностранец, сказав, что он Лео Буш из Берлина, циркач, мировой фокусник, а эти две девицы его ассистентки. В доказательство он тут же продемонстрировал фокус с яйцом, накрытым платком, из которого стал тянуть цветные ленты.

— Мне тоже приходится разочаровать знаменитого Зелимхана. К подполковнику, которого он хочет видеть, я не имею никакого отношения.

Зелимхан, поняв, что среди этих людей нет Вербицкого, спросил Шаляпина, кто же он такой.

— Имя мое Вам ничего не скажет. Я Федор Шаляпин. Певец и артист театра. К сожалению, паспорта при мне нет. Он остался в машине.

Внешность и спокойствие Шаляпина расположили к себе Зелимхана. В ответ он сказал, что сразу, как только увидел его, понял, что он не подполковник. Офицер с палкой не ходит. А вот имя Шаляпина ему известно еще с того времени, когда сидел в Грозненской тюрьме. Ему там один русский человек рассказывал о Степане Разине, о Горьком и о Шаляпине. И заключил: У нас певцов любят. Певцу паспорт не нужен. С ним его песни. Она от бога, а паспорт придумали люди. Иди сюда. Если ты певец, мы тебя не обидим. Садись, пой...

Шаляпин присел, оперся на палку и вполголоса запел.

Хасбулат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной Я усыплю тебя...

Здесь Шаляпин оживился и голос его зазвучал шире.

Дам коня, дам кинжал,
522 Дам винтовку свою,
А за это за все Ты отдай мне жену...

Дальше песня зазвучала драматично, говорит автор версии Д.Гиреев. В голосе певца появились тоскующие ноты, в которых была выражена трагедия обманутого чувства.

Береги, князь, казну И владей ею сам.
А неверну жену Тебе даром отдам.
Ты сходи, посмотри На невесту свою —
Она в спальне своей Спит с кинжалом в груди.

Все слушали, затаив дыхание. Дальше еще тоскливей зазвучала мелодия финала.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл У нее на устах.

Печальный финал песни тронул Зелимхана, пишет Д.Гиреев, потому что и он остался без семьи. Он вспомнил жену, детей. Как они там, в холодной Сибири?! Привстал, сделал два-три шага в сторону, затем обернулся к Шаляпину и, похвалив его за хорошую песню, посетовал, что не может принять такого дорогого гостя как положено, и попрощался с ним. Счастливые путешественники стали удаляться, и тут знаменитый абрек окликнул Шаляпина. Припадая на правую ногу, он подошел к нему и говорит:

– Ты, Федор, пел, а я вспомнил свою жену, детей. У меня даже глаза резать стало. Нехорошо, если с мужчиной бывает такое. Поедешь к своим, не говори, что видел, как Зелимхан от песни чуть не заплакал. Плохие люди не поймут, подумают, Зелимхан тряпкой стал. Прошу, не рассказывай об этом.

– Нет, никогда никому не скажу. Я тебя понимаю, – порывисто ответил Шаляпин.

В третьей версии, как и во второй Шаляпин едет из Владикавказа в Тифлис. По дороге его карету останавливают абреки, высаживают всех пассажиров, завязывают им глаза и ведут в неизвестном направлении. После некоторых плутаний, их заводят в дом и снимают с глаз повязки. Перед ними предстал небритый мужчина средних лет, среднего роста в черной черкеске с полным набором газырей, слегка лысоватый. (Почему «лысоватый»? Откуда это взято? – авт.)

Он окинул всех пронизательным взглядом и остановился на Шаляпине. Холеное лицо и дорогое одеяние выдавали его за богатого человека.

– Выкладывайте все, что у вас есть: деньги, золото, украшения...

Напуганные досмерти грозным видом абреков пленники отдали грабителям все, что у них было. Внимание Зелимхана привлекла неординарная внешность Шаляпина.

– Важная птица, – подумал абрек.

– Ты кто такой? – строго спросил он.

– Певец. Шаляпин я, – отвечал Федор Иванович.

– Певец? Может, споешь, потетишь нас перед прощанием,

– сказал Зелимхан, явно желая его проверить.

Далее все повторялось, как в двух предыдущих версиях. Шаляпин запел. Звучный голос его отдавался эхом в Дарьяльском ущелье. Но какую песню исполнил великий певец, неизвестно. В этой версии нет ни слова о том, что у Зелимхана от трогательной песни Шаляпина на глазах навернулись слезы, и он просил певца никому об этом не рассказывать, но говорится о том, что он, довольный встречей, вернул Шаляпину личные вещи и даже подарил кинжал.

Авторами этой версии являются дочь Ф.Шаляпина Мария, член Всероссийского совета шаляпинистов Ю.А.Пономаренко и заимствовавший ее у них писатель Антон Уткин.

Данную версию мне лично довелось услышать от самого Ю.Пономаренко. Летом 2003 года я отдыхал в санатории «Виктория» гор. Кисловодска, Недалеко от него находится дача Ф.И.Шаляпина. Теперь это дом-музей – одно из достопримечательностей курортного города. Такое обстоятельство меня обрадовало, и 23 августа я посетил его. Нетерпелось узнать, не располагают ли сотрудники музея какими нибудь сведениями, подтверждающими факт встречи Ф.Шаляпина с абреком Зелимханом Гушмазукаевым, насколько реалистичны легенды, связанные с этим. Мне ответили, что таких сведений у них нет, о легендах мало что слышали и с трудом, в несколько попыток, вспомнили имя знаменитого абрека, а фамилии его не знали вообще. Я назвал фамилию абрека, одна из экскурсоводов записала ее и попросила посмотреть, так ли она пишется. После этого мне посоветовали обратиться к питерскому шаляпинисту Ю.Пономаренко, нередко приезжающему к ним в качестве консультанта как знаток биографии и творчества великого артиста.

Однако разговор с ним не получился. Помешали этому его чрезмерный апломб и высокомерие. В разговоре он не терпел никаких возражений и даже сомнений. Он сказал, что встреча этих двух людей состоялась, что от нее у Шаляпина остался даже кильш.

– Что за кильш? – спросил я.

– Кильш. Оружие такое, большой кавказский нож, – уточнил он, показывая руками.

– Кинжал, – поправил я.

– Нет, кильш, который на Кавказе все носят.

— Нет у кавказцев никакого кильша, — возразил я. — Это мог быть кинжал. У нас здесь никто не знает, что такое кильш.

— Вы что?! Нет. Не кинжал, а кильш. И путаете Вы, а не я. Так говорила дочь Шалапина Марина.

На этом наш первый разговор закончился. Он сослался, что у него сейчас встреча с посетителями, и ушел. Вопросов оставалось много, хотя закралось сомнение в том, что он что-либо знает об этой истории, потому что еще в самом начале нашего разговора мой собеседник не мог без моей помощи даже назвать имя широко известного абрека Зелимхана.

Несмотря на это, на следующий день я снова посетил музей. Но и на этот раз знаток Шалапина не проявил никакой заинтересованности в обмене информацией по обозначенной теме и даже не попытался уяснить для себя, чем располагаю я. Он сухо ответил на мое приветствие и вышел из помещения во двор. Пономаренко явно нервничал. Сознывая, что такого случая может больше не быть, так как его командировка заканчивается и на днях должен вернуться в северную столицу, я извинился и еще раз попросил его рассказать, что знает о случае с Шалапиным на Кавказе, о чем так много говорят. Он сказал, что об этом ему рассказывала во время своего последнего приезда в Россию Марина, которая уже в преклонном возрасте и живет с дочкой в Риме. Есть у него даже эта пленочная запись воспоминаний.

И опять, как в первый раз, он ушел, даже не попрощавшись.

— Дальше расскажет она, я ей все говорил об этом, — сказал на ходу с какой-то нервозностью мой окончательно запутавшийся собеседник и показал на стоявшую рядом с нами сотрудницу музея.

Из разговора с ней я выяснил, что Марина Шалапина — единственная дочь из детей великого певца, которая после него прожила еще много лет и иногда на короткую побывку приезжала из Рима в Россию. Марина рассказывала Пономаренко, что однажды, когда она была еще маленькой, ее долго не могли уложить спать. Тогда отец решил занять ее рассказом об абреке Зелимхане.

— Вот видишь, говорит, на стене кильш? Это мне абрек подарил. И стал рассказывать, как однажды его встретил Зелимхан, высадил из кареты его и других попутчиков и забрал у них все драгоценности. Но когда узнал, что среди плененых им есть певец Шалапин, он вернул ему все его вещи и подарил еще на память о встрече свой кильш.

Пономаренко как шалапинист встретился с ней, взял интервью и даже записал его на пленку. Рассказывая об отце, она, якобы, вспомнила о встрече его с Зелимханом и о том, что подарок абрека кильш висел у них дома на стене.

Весь этот нелепый разговор с шалапинистом из Санкт-Петербурга, переданный мне сотрудницей музея, приводится для того, чтобы показать, что версии о встрече Шалапина и Зелимхана выдумывали дилетанты и большие любители сенсаций. Что может знать о кавказском периоде жизни своего кумира человек, не знающий, что такое кинжал и повторяющий за почти столетней Мариной Шалапиной слово «кильш» вместо «кинжал» и настаивающий на том, что на Кавказе есть такое оружие?

Существует мнение, что Ф. Шалапин никогда не нарушил своего обещания Зелимхану, но в последние часы жизни, будучи тяжело больным, он поделился тем, что так долго держал в секрете. Если верить, Пономаренко, то Шалапин уже однажды озвучил этот спорный факт, когда своей еще маленькой больной дочурке вместо колыбельной, рассказал о своей встрече со знаменитым абреком.

Были изучены все мемуары, в том числе письма и записки самого Ф.Шалапина, дочери Марины, находившейся с отцом до его последних дней, писателей ИАБулдина и М.Алданова, находившихся тогда во Франции и часто проводивших время с больным, своего великого соотечественника и друга, работы биографа Ф.Шалапина В.Дмитриевского. Вот что пишет он в документальной повести «Великий артист».1873-1973 (изд. «Музыка», Ленинградское отделение, 1973) о последних днях его жизни. «Вскоре врачи установили точный и окончательный диагноз — бескровие. Дни Шалапина были сочтены. К нему никого не пускали, кроме ближайших друзей. Артиста навещали писатели М.Алданов, И.А.Булдин, по нескольку раз в день приезжал С.В.Рахманинов, из Рима срочно приехала дочь Марина, из США — сын Борис».

Все они оставили свои воспоминания о великом артисте и гражданине России, любящем и заботливым отце, но никто из них нигде и никогда печатно не обмолвился о том, что на

смертном одре, в последние минуты жизни он рассказывал им о своей сенсационной встрече с абреком. Не сказал об этом незадолго до смерти и в беседе с журналистом пражского издания «Ческе слово», которого интересовала творческая жизнь великого русского певца и артиста. Но когда чех спросил, каково его жизненное кредо, он охотно сообщил интервьюирующему журналисту о некоторых фактах из своей биографии, но так и словом не обмолвился опять о встрече с Зелимханом и исполненной им под открытым кавказским небом песне по заказу знаменитого абрека: «Я не большевик, не социал-демократ и не реакционер. Я (...) певец Федор Шаляпин, у которого 10 детей, который содержит 26 человек и 21 регулярно помогает деньгами».

Анализируя все навороченное вокруг этого события, хочется спросить, до того ли было ему в предсмертный час. Об этом редкостном случае, если б он имел место, Шаляпин мог рассказывать где и когда угодно, не упоминая о том, что Зелимхан так расчувствовался от его песни, что прослезился. Что мешало ему, да и как он мог не рассказать об этом хотя бы узкому кругу друзей, опустив тот сентиментальный случай с Зелимханом, оставаясь при этом верным данному слову и честным самому перед собой и перед благородно поступившим абреком, – уж слишком феноменальный случай. К тому же самого Зелимхана уже давно не было в живых.

Ни словом не обмолвился о такой сенсационной встрече и современник Зелимхана, посвятивший ему целую документальную повесть Козачковский. Имей место этот факт, он наверняка рассказал бы о нем, раз не поскупился на другие куда более мелкие эпизоды.

И еще. Зелимхан во всех трех версиях чуть ли не плачет от песни Шаляпина. Что же такого спел Шаляпин, что обозленный и огрубевший, почти одичавший абрек прослезился. Несмотря на суровый образ жизни в последние годы, Зелимхан не был лишен сентиментальности, мужской доброты и человеческого сострадания, но не настолько же, что выступили слезы на глазах. Отчего он так расчувствовался, от какой такой песни? Даже если это была драматичная песня о Хасбулате, она могла вызвать тоску и печаль. Не больше. И мог ли он вообще таким, каким мы его знаем, дать волю своим слабостям на виду у своих присных и проезжающих незнакомцев с разных концов света?! Думается, нет, это было бы не похоже на абрека всех абреков.

Большое сомнение вызывает и кинжал, проходящий как подарок Зелимхана. Ни в одной версии не говорится о том, что, прощаясь со своим почетным пленником, он совершил этот благородный жест. Да, он мог так поступить, но нигде не осталось об этом никаких следов.

На наш взгляд, все эти отмеченные и опущенные нами авторские неточности и вольности с указанием места встречи Зелимхана и Шаляпина и некоторые подробности их сентиментального общения, наличие стольких вариаций говорят о том, что такая встреча не состоялась вовсе, а это всего лишь попытка выдать желаемое за действительное, создать вокруг ореола одного и другого загадочную и радужную мистику.

Появление абречьих легенд связано с феноменом и исключительностью этого уникального явления. Зародившееся в глубокой древности, в недрах этнических сообществ Кавказа, абречество в XVIII и особенно в XIX и начале XX веков трансформировалось в борьбу с русской властью на Кавказе. После завоевания и присоединения Кавказа к России абречество имело двоякое отношение к себе: одними – частью аборигенов, принадлежащей к простонародию, и даже духовенством, оно было воспринято как что-то близкое и естественное и потому поддержано, другими – русской администрацией Кавказа и частью служившего у нее местного чиновничества – отрицательно, что вывело их на позицию борьбы с Зелимханом, как с подрывающим основы государственности, процветания и мирной жизни населения.

С именем Зелимхана, основным способом борьбы которого был террор, физическая расправа с личными врагами, связывают и агитационно-массовую работу. В Терской администрации считали, что Зелимхан готовится к какой-то большой войне с Россией и для этого ведет усиленную агитацию среди населения нагорной полосы относительно восстания и что в его распоряжении находится более 1000 трехлинейек. Так это или нет, судить трудно, вещественных доказательств этому нет. Противники Зелимхана доносили также, что такие слухи распускал и сам абрек. Он, якобы, утверждал, что для этого он ждет, когда Турция, Иран или Китай объявят войну России, чтобы потом выступить на стороне одной из них. А чтобы ему поверили, он говорил также о заготовленных им тысяче боевых винтовках и боеприпасах, которые будут вручены всем, кто поддержит восстание. Но даже если

допустить, что все это имело место, то это не больше, чем авантюра. Зелимхан блефовал, чтобы, с одной стороны, создать себе имидж имама, последователя Шамиля, с другой, — чтобы посеять страх среди администрации перед надвигающейся виртуальной угрозой новых трагических испытаний в наказание властей за их несговорчивость и жестокость. Что касается оружейного склада, схрона трехлинеек и боеприпасов, то никто не обнаружил его ни при жизни абрека, ни после него.

ЭПИСТОЛЯРИЙ

Воззвание Г.В.Вербицкого к чеченскому и ингушскому народам и Всеми туземному населению Терской области (на арабском и русском языках)

«Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению.

Вы — храбрые племена. Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России.

Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы.

Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, купец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он ни принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу.

Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства.

Я обращаюсь к вам, воры и разбойники.

Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени (т.е. в 24 часа военно-полевым судом). Поэтому советую вам помнить мои слова и отнюдь не отдаваться моим отрядам живыми, а биться до последней капли крови. Кто не будет трус, умрет как мужчина, с оружием в руках.

Все же, кто еще не отдался целиком самим Кораном осужденному пороку воровства и разбоя, опомнитесь и займитесь мирным трудом. Возрастите ваших детей в почитании закона и выучите их в школах во славу пророка Магомета и на пользу своего народа.

Теперь ты, Зелимхан!

Имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты бросил отца и брата умирать, а сам убежал с поля битвы, как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея, которая боится, чтобы человек не раздавил ей голову каблуком своего сапога. Ты мог пойти на войну, там заслужить помилование царя, но ты прятался тогда, как хищный волк, а теперь просишь у начальства пощады, как паршивая побитая собака. Ответ начальства тебе уже известен. Но я понимаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя как на мужчину, и я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия, и если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов.

Назначь время, место и укажи по совести, если она у тебя есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобой и со всей твоей шайкой, и чем больше в ней разбойников, тем лучше. Кровникам твоим не позволю вмешаться в наше дело. Довольно между вами крови!

Но если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду (даже и в Турции, куда ты, кажется, собирался удрать), и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным. (Ого!)

Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, войсковому старшине Вербицкому, в гор. Владикавказ и помни, что на перевод письма твоего на русский язык с арабско-чеченского мне нужно время».

Письма Зелимхана различным представителям власти

Письмо полковнику Галаеву

Бисмилла, аррахман, аррахим!

Начинаю от всемогущего аллаха после должной части полковнику!

Я думаю, что из головы твоей утекло масло, раз ты думаешь, что царский закон может делать все, что угодно.

Не стыдно тебе обвинять совершенно невинных? На каком основании наказываешь ты этих детей? Ведь народу известно, что сделанное в Ведено сделал я.

Знаешь это и ты.

Эй, вы, начальствующие и судьи! Эй, правосудие! Вы неправильно решаете дела. Почему вы неправильно судите, почему вы осуждаете невинных детей?

Вы же не можете подняться на крыльях к небу и не можете также влезть в землю. Или же вы постоянно будете находиться в крепости, решая дела так неправильно, зная это хорошо, зная так же, как я.

Куда вы денетесь? Вы никуда не денетесь, пока я жив. Разве вы не знаете меня? Вы знаете меня.

Я, Зелимхан, решающий народные дела. Виновных я убиваю, невинных — оставляю. Я вам говорю, чтобы не нарушали вы законы. Я вас прошу не нарушать их. А вы нарушаете их на основании ложных показаний. Ничуть вы не лучше женщин — мужчины. И о таких неправильных решениях вы после будете жалеть.

Я от Турченко требовал деньги еще четыре года назад. Он все время обещал дать, а сам объявил об этом начальству. Я предупреждал его, что если он не уплатит требуемых денег, будет убит.

В ночь убийства я ходил к нему опять просить денег. Делал это в присутствии его семьи. И когда он отказался от уплаты, я его убил. Не из бедных же он, были же у него деньги и другое имущество.

Возьмите всю казну государственную и войска, преследуйте меня — и все равно не найдете меня. Волла-ги! Билла-ги!

Я подчиняться вам не буду. Когда вам понадобится схватить меня — я буду от вас далеко; когда же вы мне понадобится — будете вы очень близко ко мне.

Эй, начальствующие! Я вас считаю очень низкими. Смотрите на меня: я нашел казаков и женщин, когда они ходили в горы, и я их не тронул. Я взял у них только гармонию, чтобы немного повеселиться, а потом вернул ее им.

Шерипа Субиева я в тот же день немного задержал, заподозрив его в неверности мне, а вы за это арестовали его. Но больше ни в чем он не виноват.

Вы нехорошие люди! Вы недостойные люди! Не радуйтесь, не гордитесь за взятую Вами неправду и за утверждение таковой. Хотя вы теперь радуетесь, но после будете плакать несомненно.

Эй, полковник! Я тебя прошу ради создавшего нас бога и ради возвысившего тебя — не открывай вражды между мной и народом. Ты должен стараться, чтобы женщины и дети не плакали и не рыдали. Они же плачут и проклинают меня. Говорят: «Хоть бы убили его и чтобы он был уничтожен богом!» Так они проклинают меня. Они не виноваты. Ты же не должен сомневаться, если будешь обижать арестованных, то ко мне будет вражда. А мы до сих пор жили хорошо: кто мне сделает добро, тому отплачу тем же; кто мне сделает дурное и злое, тому отвечу тоже тем же.

Эй, полковник! Если ты хочешь узнать, кто был со мной, когда убили Турченко, то были: я — Зелимхан, мой отец Гушмазуко, Давлет-Мурза хоевский, Исса хоркеевский и Кума и Гуду из Белготоя. Это дело сделали мы. Наших лошадей держал, когда мы входили в дом к Турченко, чеченец ауловец Гунна. Знай это, эй, пристав!

Я знаю и слышу, что ты делаешь. Идешь за Гела и Дуду. Посмотри же, что я с ними сделаю. Если я их оставляю, то вини меня; если же я это не оставляю, то не вини меня. Знай это!

Милость аллаха и аллах пусть сохранят того, кто будет читать это. Читающего прошу прочесть, ради аллаха, не преувеличивая и не преуменьшая.

(Приложены именная печать Зелимхана и печать Андреевского сельского управления).

Второе письмо Зелимхана полковнику Галаеву

Полковник Галаев!

Пишу тебе последнее мое письмо, которое я с помощью аллаха безусловно исполню. Это будет скоро.

Мнение мое такое: ты, кажется, знаешь, что я сделал с Добровольским, с таким же полковником, как ты; что мое привлекает сердце в необходимость сделать с тобой за незаконные действия твои и из-за меня заключенных людей, которые совсем невинны.

Я тебе говорю, чтобы ты освободил всех заключенных, о вине которых ты не слышал и в которых не видел ничего правдивого. За неисполнение этого с тобой, гяуром, что будет, смотри на другой странице.

Я Добровольскому говорил так же, как и тебе, гяур. Но ты меня тоже не понимаешь.

Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю тебе, гяур. Раз я говорю «не позволю», значит правда.

Если я, Зелимхан Гушмазукаев, буду жив, я ж заставлю тебя, как собаку, гадить в доме и сидеть в доме с женой. Трус ты! В конце концов – проститутка, – убью тебя, как собаку.

Пусть ты будешь между тысячами, я смогу узнать тебя.

Ты, кажется, думаешь, что я уеду в Турцию. Нет, этого не будет с моей стороны, чтобы люди не обложили меня позором бегства. Не кончив с тобой, я на шаг дальше не уеду. Слушаю я о твоих делах, и ты мне кажешься не полковником, а шлюхой.

Освободи же людей невинных, и я с тобой ничего иметь не буду. Если же не послушаешь, то будь уверен, что жизнь твою покончу или увезу в живых казнить тебя.

Зелимхан Гушмазукаев.
(Приложены три печати).

Отрывок из письма Доногуеву

Теперь сообщаю вам, что я убивал начальство, что они незаконно сослали моих бедных людей в Сибирь, сейчас находится моих бедных людей Сибири 9 человек. Потом бытности начальником Грозненского округа полковника Попова, в Грозном был бунт, и за гордость свою начальство и войска убивал там бедных людей, но я тогда, узнав, чем дело, собрал свой шайка и ограбил поезд Кади-юрта, и убивал поезде русских людей за мезтью. Потом был командирован какой-то полковник Вербицкий для поимки меня, как вы теперь... Вербицкий начал по Терской области свой неправильный действий, первым долгом Вербицкий напал с своим открытым базар селений Гудермес и убивал там на базаре бедных людей, но высший начальство действию не правильно, Вербицкого начальство смотрели на хорошего и оставили как хороший, такой страшный действий, сделанный Вербицким один час, я 10 лет абреком, и то не сделал, Вербицкий убивал бедных, он только один действий, это был селений Цорх Назрановского округа. Тогда я собой взял свой шайка и приготовился напасть Кизляр на отмщений Вербицкого за то, что он был атаманом Кизлярского отдела и дал Вербицкому перед тем знать я еду Кизляр.

Зелимхан.

Записка к Мусса Куни

Любимому моему гостю, Мусса Куни, мой салам!

Я от верных людей слышал, что ваш Дада, сын Аббаса Хуба-рова, дал слово начальству убить меня за большие деньги, и начальство дало ему берданку.

Прошу вас дать мне знать, за что он меня хочет убить.

80S

Если ему нужно имущество и много серебра, я ему дам больше, чем они. Но если ему не нужно имущества, то пусть от меня держит себя подальше.

Это лучше всякого богатства для него в этом мире.

Зелимхан.

Прошение Зелимхана на имя Председателя Государственной думы

Так как в настоящее время в Государственной думе идет запрос о грабежах и разбоях на Кавказе, то депутатам небезинтересно будет познакомиться с причинами, заставившими

меня, одного из самых известных абреков терской и Дагестанской областей, сделаться абреком.

Все рассказывать не стоит — это займет слишком много Вашего драгоценного времени. Я ограничусь, как сказал, указанием обстоятельств, при которых я ушел в абреки, и, кроме того, расскажу о двух своих наиболее крупных преступлениях: первое — убийство подполковника Добровольского, старшего помощника начальника Грозненского округа, в 1906 году и второе — убийство полковника Галаева, начальника Веденского округа, летом минувшего 1908 года.

Чтобы гг. депутаты имели хоть какое-нибудь представление о драме моей жизни, я должен упомянуть в коротких словах о месте моего рождения и о своей семье. Родом я из чеченского селения Хорочой, Веденского округа, Терской области. В то время, о котором идет рассказ (1901 г.), семья наша состояла из старика-отца, меня и двух братьев, из которых один был уже взрослый юноша, а другой совсем еще ребенок: кроме того, был у нас и столетний дед. Жили мы богато.

Все, что бывает у зажиточного горца, мы имели: крупный и мелкий рогатый скот, несколько лошадей, мельницу, правда, татарскую, но все же она нам давала приличный доход, и имели мы еще богатейшую пасеку, в которой насчитывалось несколько сот ульев. Добра своего было достаточно, чужого мы не искали. Но случилось несчастье. Произошла у нас ссора с односельчанином из-за невесты моего брата. В драке был убит мой родственник.

Теперь надо отомстить кровникам за смерть родственника, выполнить святую для каждого чеченца обязанность. Зная хорошо, что по русским законам кровомщение не допускается и меня за убийство человека, хотя бы кровника, будут судить со всей строгостью законов, я совершил акт кровомщения втайне, ночью, накануне рамазана месяца, и без соучастников. Все в ауле вздохнули свободно, — канлы должны были окончиться, и между сторонами состояться полное примирение. Но стали производить дознание. Начальник участка капитан Х., ныне благополучно управляющий одним из округов Терской области, показал, что он застал нашего врага живым и и последний будто бы указал как на виновников своей смерти на меня, на моего отца и двух братьев.

Таким образом, было найдено юридическое основание для того, чтобы нас обвинить. Суд нас четверых присудил в арестантское отделение. На запрос палаты, каким образом покойный ночью мог узнать кто в него стрелял, тот же начальник участка Х. ответил, что была светлая ночь и лица были хорошо замечены умершим. Это была со стороны Х. явная ложь и пристрастное отношение к делу. Во-первых, как всему народу, ему было известно, что мой отец и два двоюродных брата ни в чем не виноваты, а во-вторых, накануне месяца рамазана луна не светит. Люди говорят, что ему дали взятку наши враги, и я вполне этому верю.

Один из моих братьев умер в тюрьме, а другой умер впоследствии в ссылке. Я убежал из Грозненской тюрьмы с единственной целью отомстить виновнику всех несчастий нашей семьи, капитану Х., но он нашелся. Узнав о том, что я на свободе, он прислал ко мне человека, который сказал, что капитан Х. сознает свою ошибку, очень раскаивается и просит у меня прощения и, кроме того, обещает меня не преследовать никогда. Я поверил его раскаянию и простил ему. Из последующей деятельности этого человека выяснилось, что он очень далек от раскаяния и просто перехитрил меня, перейдя на службу в другое место. Таким образом, из мирного жителя селения Харачой я превратился в абрека Зелимхана из Харачоя, но не такого еще знаменитого, как сейчас.

Теперь я Вам, Ваше превосходительство, расскажу, за что я убил подполковника Добровольского. В то время Добровольский был старшим помощником начальника Веденского округа и жил постоянно в Ведено.

Естественно, на нем лежала обязанность меня преследовать, но как он это делал!

Прежде всего ставил в Харачое экзекуции, затем всячески давил моих родственников и лиц имевших, по его мнению, или вернее, по мнению доносивших, какое-нибудь отношение ко мне. Мой старый отец, уже вернувшийся домой, отбыв свой срок наказания, и, в особенности, брат — самый тихий и добродушный из харачоевцев, — подвергались со стороны Добровольского всевозможным гонениям, аресту на продолжительное время под тем или иным предлогом, штрафам и пр. мелочам, пересказать которые я сейчас не сумею, но которые тем не менее жизнь делают тягостною, а иногда и невыносимою. Я ходил на свободе, и никто меня не беспокоил — ни казацки резервы, ни милиционеры.

Наконец, случилось крупное столкновение, и вот по какому случаю. Добровольский ехал из Ведено в Грозный, а мой брат Солтамурад ему навстречу. Подполковник остановил тройку и приказал переводчику брата обыскать и отобрать у него оружие. На большой дороге не было до тех пор принято останавливать и обыскивать проезжающих. Очевидно, для Солтамурада сделали исключение. Брат сказал, что оружие его азиатского образца и выдавать его он не может, так как повсюду его преследуют кровники. Добровольский привстал на тройке с винтовкой в руке, Солтамурад ударил по лошади и ускакал, начальник пустил ему вдогонку несколько пуль, не знаю, с какой целью – напугать или попасть в него. Приехав в Грозный, Добровольский пожаловался начальнику округа, что брат Зелимхана оказал ему вооруженное сопротивление и т. д. Солтамурад, боявшись жить дома, скрылся и по моему совету вступил с Добровольским в переговоры через некоторых лиц, обещаясь выдать оружие и кроме того уплатить штраф в том размере, который укажет Добровольский, однако с тем условием, что Солтамурад останется жить дома. Но Добровольский и слышать не хотел ни о чем, грозил сгноить брата в тюрьме, повесить, а по моему адресу разразился скверными словами. Тогда мой брат ушел из дома и стал бродить один по горам, боясь присоединением ко мне навсегда опорочить себя и тем лишиться возможности вернуться к мирной жизни. А скитаясь один, он надеялся на то, что либо начальник смиростивится, либо на его место назначат другого, более доброго.

Но надеждам брата не суждено было осуществиться, – его поймали в Дагестанской области (при этом он не оказал ни малейшего сопротивления) и посадили в Петровскую тюрьму. Там он пробыл около года и бежал прямо ко мне. С этого момента он сделался уже настоящим абреком. Отец мой еще раньше брата присоединился ко мне, предпочитая жизнь абрека тюремному заключению, которое должно было длиться до тех пор, пока меня не убьют или не поймают. За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился своей жизнью.

Далее я вам расскажу, Ваше превосходительство, за что я убил полковника Галаева. Скорее после смерти Добровольского Веденский округ был объявлен самостоятельным в административном отношении, и нам прислали начальника округа, именно Галаева. Этот оказался человек деятельный и энергичный, он сразу выслал из Веденского округа 500 человек, якобы за воровство, которые вернулись все уже в качестве абреков и наводнили весь Веденский округ. Но потом полковнику пришлось объявить им всеобщую амнистию, и они вернулись в свои дома, стали заниматься тем, что делали раньше до появления Галаева. Впрочем, это к делу не относится, ая это сказал, как факт, характеризующий этого администратора. Меры его, направленные против меня, а также против отца и брата, выражались в том, что он приблизил к себе нашего противника Элсанова из Харачоя и стал по его указанию сажать в тюрьму и высылать наших родственников и друзей, а иногда лиц, совершенно не имеющих к нам никакого отношения. Я ему предлагал письменно оставить всех этих ни в чем не повинных лиц в покое, а преследовать меня всеми способами, какие он может изобрести: полицией, подкупом, отравлением, чем только он хочет. Но Галаев находил самым правильным избранный им путь поимки меня с товарищами. Очевидно, борьба с мирными людьми гораздо легче, чем с абреками. Некоторые сосланные им лица находятся в северных губерниях России. Быть может, они и умерли. Между ними, например, два моих двоюродных брата по женской линии и два зятя тоже из другой фамилии, чем я. Затем посаженные Галаевым в тюрьму до сих пор еще сидят там.

Хозяйства как сосланных, так и заключенных, совершенно разорились, жены и дети их живут подаванием добрых людей да тем, что я иногда уделяю им из своего добра после удачного набега.

Окончательно убедившись, что Галаев твердо держится своей системы, что он будет ссылать и арестовывать все новые и новые лица и что разоренные хозяйства станут молить бога о моей гибели, я решил с ним покончить. Решение свое я выполнил летом истекшего 1908 года.

Все, что изложено в этом прошении, безусловно – правда, ибо я стою вне зависимости от кого бы и чего бы то ни было, и лгать мне нет никакой нужды. Голова моя, как говорят, оценена в 8 тысяч рублей, конечно, деньги эти собраны с населения. Отец и брат мой убиты чеченцами во время пленения Месяцева 31 августа 1908 года, и теперь я одиноко скитаюсь по горам и лесам, ожидая с часа на час возмездия за свои и чужие грехи. Я знаю, дело мое кончено, вернуться к мирной жизни мне невозможно, пощады и милости тоже я не жду ни от

кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители знали, что я не родился абреком, не родились ими также мой отец и бра и другие товарищи.

Большинство из них избирают такую долю вследствие несправедливого отношения властей или под влиянием какой-нибудь иной обиды или несчастного стечения обстоятельств. Раз кто стал на этот путь, то он подвигается по нему все глубже в дебри, откуда нет возврата, ибо, спасаясь от преследователей, приходится убивать, а чтобы кормиться и одеваться, приходится грабить. А в особенности тому, кто должен поддерживать семейства, отцы которых в ссылке или в заключении.

Все изложенное покорнейше прошу, Ваше превосходительство, довести до сведения Думы. Если же вы не найдете возможным, чтобы мое прошение было предметом внимания народных представителей, то покорнейше прошу вас отдать его в какой-нибудь орган печати, быть может, найдутся такие, которые пожелают его напечатать. К сему прилагаю свою именную печать и казенную печать Андреевского сельского правления Хасав-юртовского округа. Администрация Терской и Дагестанской областей знает, что всякое письмо, снабженное этими знаками, идет от меня.

Зелимхан Гушмазукаев.
15 января 1909 г., Терская обл.

Из содержания и формы изложения приведенного документа видно, что оно написано не лично Зелимханом, а лишь подписано им, ибо, как свидетельствуют источники, он не владел русской грамотой. Автор книги о Зелимхане, Дзахо Гатуев отмечает: «Письмо председателю Государственной думы в свое время было опубликовано в октябрьском «Голосе правды». Составителем думского письма был чеченский интеллигент и нефтепромышленник. Как интеллигенту и промышленнику, националистически конкурировавшему с великодержавным капитализмом, ему необходимо было индивидуализировать Зелимхана: дать его в качестве единичной жертвы сатрапствующей администрации». (Дзахо Гатуев. «Зелимхан», Орджоникидзе, 1965, с.144).

Судя по дате, которая стоит под прошением Зелимхана, оно было написано вскоре после начала обсуждения в Думе кавказского запроса о положении дел на Кавказе в связи с захлестнувшими его разбоями и грабежами. Однако прошение не было доведено до сведения депутатов. И это понятно: оно являет собой настоящий обвинительный акт против бесчеловечного отношения к местному, «туземному», кактогда называли его, населению со стороны русской кавказской администрации.

Зелимхан прежде чем учинить расправу над противником, как правило, писал ему письмо, в котором требовал прекратить всякое насилие над его близкими и населением, предупреждая в противном случае о печальных для него последствиях, вплоть до убийства. И таких писем, было много. Каждое из них Зелимхан скреплял собственными печатями, на которых было отгравировано его имя. Они были адресованы Добровольскому, Вербицкому, Каралову, Галаеву, Дудникову, Маргании, Доногуеву и даже самому Михееву, начальнику Терской области. Некоторая часть этих писем, хранившихся у Бетыр-Султана, была отобрана во время обыска начальником особого отдела какой-то дивизии. Убежден, они пролили бы свет на многие стороны деятельности, внутреннее состояние и черты характера этого выдающегося абрека. Однако обнаружить их в архивохранилищах за редким исключением не удалось. К их числу относятся только те, которые приводятся в тексте выше. Другая часть заимствована у Дзахо Гатуева из книги «Стакан шейха». — (Изд-во «Ир», 1981, с.244-255).

Несомненно, Зелимхан — незаурядная фигура. Для одних он был защитником и борцом за справедливость, для других — обычным разбойником и бандитом. Тюрма и последующая вооруженная охота за ним не сломали его. Напротив, они еще больше озлобили его и, обрекая себя на пожизненные скитания приговоренного беглеца, повел решительную борьбу с властями, пусть даже неравную, а в какой то мере даже бессмысленную, до конца своих дней. Он был готов и к пощаде, но только тех, кто будет выполнять его условия. И не просто противостоял властям и режиму, но еще как правый и победитель диктовал им свои условия.

Зелимхан — человек из народа, такой же безграмотный и социально незащищенный. И как выходец из него на примере своей жизненной катастрофы видел трагедию если не всего

чеченского народа, то, по крайней мере, многих сотен и тысяч простых соплеменников. Это была личность со своими достоинствами и слабостями. К достоинствам можно отнести его отвагу, черты вожака и военачальника, национал-патриотизм, верность мужскому слову, готовность защитить обиженных и восстановить справедливость. Слабости составляли – излишняя горячность, неумение гасить конфликты с кровниками, что усугубляло его положение подпольщика, социальная неразборчивость мстителя, недостаточное самообладание и временами охватывающая трусость, несмотря на сильный характер в целом.

Из фольклора о кавказских абреках

Песни о Зелимхане

Чеченская песня о Зелимхане (Записана А. Костериним)

Уа-лай-ла я-ла-лай Уа-лай-ла я-ла лай Уа-лай-ла я-ла-лай

Его мягкою постелью была черная земля...
 Подушка его – чинаревые корни...
 Одеало его – голубое небо...
 От голода кушал чинаровый лист..
 От жажды пил росу...

Когда туман спускался на плоскость – уходил в горы... Когда туман в горах – уходил на плоскость...
 По ущелью шел волчьим скоком...
 На вершинах слушал голоса ущелий и долин...
 Родной его брат – винтовка...
 Бросил вызов своей судьбе...
 Придавил ее ногой...
 И вышел на борьбу чеченский Зелимхан...
 Взял Зелимхан свою семью И засел на черных вершинах.

Один кляузник пошел в крепость И бросил свой длинный язык к порогу полковника:
 – Марша-аль, начальник округа,
 Не спите в эту страшную ночь:
 Храбрый Зелимхан, который бьет начальство и купцов, Горный орел – Зелимхан,
 Остановился на горных вершинах.

Чтоб отсох длинный язык кляузника!

Когда проклятый кляузник высунул свой длинный язык, Зазвенели медная труба и медный барабан...
 Как ток на базу окружают голодные вороны,
 Так был окружен гордый Зелимхан:
 Три железных ряда окружили вершину.

И послал полковник Зелимхану такие слова:
 – Сдавайся живым – будет здорова голова,
 Я возьму тебя с вершины, как ястреб курицу...
 Ты в моем кармане, ты под моей подошвой...

Отвечал ему гордый Зелимхан:
 – Живым не сдаюсь – больше одной смерти не бывает...
 А ты, полковник, береги свои подметки...
 А когда ложишься спать, смотри под подушку:
 Нет ли там Зелимхана.

Стал бить полковник по горе из пушек и пулеметов...
 Когда же от пороха пошел туман по ущелью,
 От запаха серы стали ржать и задыхаться кони,
 Закричал с вершины гордый Зелимхан:

– Делль мостугай!.. послушай меня:
 Много есть в лесу кабанов, что рюют носом землю,
 А их разгоняет один волчонок...
 Меня для вас тоже хватит...
 И опять гремели пушки, ржали кони в пороховом тумане,

А гордый Зелимхан сидел один на вершине и пел песни...
А с первым криком муллы, с вечерним намазом
Взял Зелимхан свою семью под бурку и винтовку – брата своего.
Подавляя свою судьбу, ушел гордый Зелимхан.

Другая чеченская песня о Зелимхане.

(Записана для автора повести о Зелимхане Дзахо Гатуева в Чечен-ауле Д.Курумовым от певца Саида Мунаева)

Во время бури на плоскости пробираясь в ущелье,
Во время снега в горах пробираясь на плоскость,
Родным братом считая винтовку,
Как лев, который собирает зверей для спасения львят,
Любимую свою семью в большом лесу в горах собрал И остановился для ночлега Харачой
Зелимхан.
С доносом поехал один человек,
Подробно доложил в большом суде большому начальнику:
— Если это неправда, я положу на твои плечи офицерские погоны: Если это неправда, сниму твою
круглую голову. —
Не для службы начали звонить городские церкви – для тревоги, Собрали врагов аллаха бесчисленное
множество на церковной площади.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай...
Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...

Сыграв в медную зурну, по три человека их выстроив,
По узкой дороге вели их в черный лес,
Прежде чем показалось желтое солнце,
Прежде чем скрылись последние звезды,
В то время, как утренняя серая заря появляется,

Тремя рядами был окружен Харачой Зелимхан.
Чтобы скрыться в черной земле – как тебе тверда эта земля... Чтобы подняться на небо – как тебе
высоко небо...

— Теперь ты за учкурком моих штанов и не уйдешь от меня, – Сказал царский генерал!

Уа-да-дай, да-дай-я, да-дай...

Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...

— Удивляюсь я тому, что, имея русское образование,
Сделал тебя, такого глупого, генералом московский царь...

Много я видел таких кабанов, как вы, –

Неужели вы не видели такого храброго волка, как я...

Много кабанов, гуляющих в лесу, –

Один только волк разбивает их целое стадо, - Сказав так, начал стрелять из винтовки Зелимхан.

Положил он на месте пульей,
Как охотник оленя, одного офицера полка.
Начали бежать враги Зелимхана,
Получив несколько ран, ушел в это время Зелимхан,
Сказав своим, чтобы не беспокоились,
Что снова появится к ним до рассвета.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай....

Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...

Чтобы провести день, он остановился в камышах,
Вечером сел на коня и поехал Искать своими глазами отряды солдат,
Как старую арбу, разбивать своими руками развезжающую царскую почту
Так начал ездить Харачой Зелимхан.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай...

Уа-да-дай, я-да-дай-и-и-и...

Ингушская песня о Саламбеке Гороводжеве. Бесстрашный волк – Саламбек

Сагопшинский...

Саламбек в сердце города въехал на черном коне.

Саламбек, как ветер, тряс листву солдатских сердец.
 Саламбек пристава Богуславского убил.
 Саламбек на грозненскую станцию нападал.
 Саламбек сам на смерть пришел.
 Бесстрашный волк – Саламбек Сагопшинский.

Рыжим телом славит солдатские пули.

...Генерал обещал расстрелять Саламбека!

Не значит это, что своими руками расстреляет он.

Когда даже генерал смерть обещает— через суд обещает ее.

Какой бы большой генерал ни был, больше самого большого генерала Царский закон, книги которого как семьдесят семь Коранов...

Литература и источники

1. Цаликов Ахмед. Избранное. Владикавказ: Изд.-во «Ир», 2002, с. 161.
2. Там же, с. 161-162.
3. Там же, с.216-217.
4. Из рескрипта императора Александра 11 на имя наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича, от 13 октября 1871 года.
5. Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье. – М., 1913, с. 83.
6. Революция и горец. – 1931, № 1-2, с.70.
7. Козачковский В. Разбои на Кавказе. – Грозный. 1913, с. 3.
8. Там же, с. 138.
9. Там же, с. 75.
10. Там же, с.3.
11. Там же 9.
12. Иксуль В.Я. Названные братья. В кн. Кавказские наброски. Берлин,1922, с. 1.
13. Мамакаев М. Дзахо Гатуев, в кн. Дзахо Гатуева Избранное.- М., 1970, с. 171.
14. Там же, с.172-173.
15. Козачковский В. Указ. соч., с. 127,131.
16. Мамакаев М. Указ. соч., с.173.
17. Дворецкий В. Советский экран». – М., 1926, № 5.
18. Бобровников В. Мусульмане Северного Кавказа. – М., 2002, с.79.
19. Там же.
20. Ботяков Ю. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект. Санкт- Петербург, 2004.
21. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т.1. – Тифлис, 1907, с.1.
22. Акты Кавказской Археографической Комиссии (в последующем – АКАК), т.1,1866, с.129.
23. Эсадзе С. Указ. соч., с.29.
24. Там же, с.34.
25. Там же, с.35.
26. Большая Советская Энциклопедия (в последующем – БСЭ), изд.3, т.5, – М., 1971, с.369.
- 27.Пронин А. Урок даргинской экспедиции. – Газ. «Десятина». №3,2002.
- 28.Там же.
- 29.Эсадзе С. Указ. соч., с.42.
- 30.Там же.
- 31.АКАК, т.3,1869 С.7.
- 32.Там же, т.2,1868, с.9.
- 33.Там же.
- 34.Там же, с.46.
- 35.Там же, т.3,1869, с.12.
- 36.Там же, т.4,1870,с. 41.
- 37.Эсадзе С. Указ. соч., с.63.
- 38.ЦГИАР, ф.1268, оп.2, д.15, л.об.
- 39.АКАК, т.7, с.35.
- 40.Там же, с.36.

41. Там же.
42. Там же, с.37.
43. Там же, т.7,1878, с.36.
44. Там же, с.37. Всеподданнейший рапорт графа Паскевича от 24 апреля 1830 года, № 4.
45. Эсадзе С. Указ. соч., с.71-72.
46. Там же, с.81.
47. Там же, с.82.
48. Там же, с. 82-83.
99. Там же, с.82.
50. АКАК, т.10,1885. Отчет М.С. Воронцова с 25 марта 1845 по 1 января 1846 года, с.833.
51. Эсадзе С. Указ. соч., с.168.
52. Потто В. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т.1, с.263.
53. Сосиев З. Станица Черноморская. «Терский календарь». Вып. 5, Владикавказ, 1903.
54. Эсадзе С. Указ. соч., с.42.
55. Там же, л.212.
56. Ракович Д.В. Прошлое Владикавказа. — Владикавказ, 1911, с.45.
57. Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области в конце XIX — начале XX веков. — Владикавказ, 1978, с.8.
58. Кавказ и Россия. — (Б.м.г. и автора), с. 9-10.
59. Коркунов Н.М. Русское государственное право, т.2. — СПб., 1913, с.467.
60. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. Санкт-Петербург, 1876, с.33.
61. Революция и горец. — М., 1929, Ю №4, с.33.
62. См. Носов А.Ф. Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии. Воспоминания. Грозный, 1961, с.13.
63. См. Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. — Грозный, 1930, с.30.
64. Очерк развития административных учреждений в кавказских казачьих войсках. — (Б.м.г. и автора), с.1.
65. Учреждение управления Кавказского..., с.33.
66. Там же.
67. Очерк развития административных учреждений..., с.Ю.
68. Указ Правительствующему Сенату. — СПб., с.6-7.
69. Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. — СПб., 1914, с.14-15.
70. Хоруев Ю.В. Указ соч., с.33.
71. Воронцов-Дашков И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. — С.-Петербург, 1907, с.7.
72. Там же, с. 19.
73. Там же, с. 41.
74. ЦГА РСФСР-А, ф.224, оп.1, д.168, л.2.
75. Там же, л.3.
76. Там же, д.168, л.2.
77. Там же, д.121, л.4об.
78. Труды комиссии по обследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. — Владикавказ, 1908, с.336.
79. Сборник сведений о Кавказе. Т. 7. — Тифлис, 1880, с.541- 542.

80. СУ, 1893, ст. 751.
81. Терский календарь на 1895 год, с.148-149.
82. Цаликов А. Революционное движение в Северной Осетии. — В кн. Итоги и перспективы. — М., 1906, с.94.
83. Там же, с.114.
84. ЦГА РСО-А, ф.11 ,оп,18, д.3147, лл.11 -11 об.
85. Там же, ф.12, оп.8, д.235, с.1.
86. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. — Санкт- Петербург, 1890, с.41.
87. Товарищество братьев А. и И. Гранат и К*. Энциклопедический словарь. 7-е изд., т.1,1910, с.51.
88. Большая Энциклопедия. Под ред. С.Н.Южакова. — СПб.,1896, с.38.
89. Большая Советская Энциклопедия. — М., 1926, с.83.
90. Там же.
91. Малая Советская Энциклопедия. — М., 1930, с.27.
92. Большая Советская Энциклопедия. — М., 1970, с.29.
93. Там же
94. Там же.
95. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России
96. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е изд.- М., 1989, с.17.
97. БлиеваЗ.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века. — Автореф. докт. дис., Владикавказ, 2004, с.41.
98. Алборов Б.А. Осетинские абречьи песни. — «Дарьял», Владикавказ, 1998, №1, с.126.
99. Там же, с.137.
100. Зубов П. Картины Кавказского края. 4.1. — СПб.,1834, с.36.
101. Он же. Указ. соч. Ч. 3. — СПб., 1835, с.171.
102. Пфаф В.П. Материалы для древней истории осетин.- Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. — Тифлис, 1870, с.25.
103. Там же, с.26.
104. Там же, с.27.
105. Там же.
106. Туманов Г. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. — Санкт-Петербург, 1901, с.75.
107. Алборов Б.А. Указ. соч., с.129.
108. Миллер В. Эпиграфические следы иранства на юге России. — Журнал Министерства народного просвещения, 1886, октябрь, с.134.
109. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп.б, д.330, л.12.
110. Гатуев Дз. «Зелимхан», повесть. В кн. «Стакан шейха». Орджоникидзе, Ир, 1981, с. 251.
111. Хоруев Ю.В. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Тереке в эпоху империализма (1900-1917 гг.). — Автореф. на соиск. докт. ист. наук. — Баку, 1986, с.27.
112. Цаголов Г.М. Край беспросветной нужды. — Владикавказ, 1912.
113. Скачков А. Опыт статистического исследования горного уголка.— Владикавказ, 1904, с.114.
114. Гатуев Дз. Зелимхан. — Орджоникидзе, 1965, с.61.
115. «Терские ведомости», 1906, №126.
116. Хоруев Ю.В. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Северной Осетии в эпоху империализма. Орджоникидзе, 1983, с.19.
117. Там же, с.20.
118. Терский календарь на 1916 год — Владикавказ, 1915, с.55.
119. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д.580, л.19.
120. Там же, л.8об.
121. Там же, л.9.
122. Там же, л.13.
123. Там же, л.33.
124. Там же, л.44.
125. Там же, д.594, л.18.

126. Там же, л.19.
 127. Там же, д.444, л.2.
 128. Там же.
 129. Там же, л.3.
 130. Там же, л.5.
 131. Там же, д.985, лл.11 -12.
 132. Там же, л. 14.
 133. «Новое обозрение», 1889, № 200.
 134. ЦГА РСО-А, ф.12, оп.3, д.336, л.
 135. Там же, д.378, л.б, д.351, лл.53,55.
 136. Там же, ф.106, оп.52, д.650, л.
 137. Там же, ф.11, оп.52, д.650, л.130.
 138. Там же, л.144.
 139. Там же, л.146.
 140. Козачковский В. Указ. соч., с.3.
 141. Там же, с.11.
 142. Там же.
 143. ЦГА РСО-А., ф.12, оп.3, д.164, л.1.
 144. «Дарьял». Владикавказ, 1998, №1, с.222
 145. Амбалов К. Улица Купеческая. Почему? — «Северная Осетия», 146.2006,19 сентября.
 147. Там же.
 148. Козачковский В. Указ. соч., с.76.
 149. ЦГА РСО-А., ф.12, оп.3, д.963, лл.2-3.
 150. Там же, л.9.
 151. Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX-XX веков. — Грозный, 1971, с.50.
 152. Там же, с.92.
 153. Там же, с.88.
 154. Там же, с. 89.
- * Прилагательное после имени абрека происходит от названия той местности, откуда он родом.
155. Козачковский В. Указ. соч., с.90
 156. Там же, с.42
 157. Там же, с.1 б
 158. Там же, с.22
 159. Терский сборник, кн.2, Владикавказ, 1892, сс.86-87.
 160. История Юго-Осетии в док. и мат. (1800-1864 гг.). — Ста- линир, т.11, 1960, с.357.
 161. История Юго-Осетии в док. и мат.(1864-1900гг.). — Цхин- вал, т.111,1961, с. 393.
 162. Революционное движение в Юго-Осетии (1905-1907гг.). — Сталинир, 1958, с.26-27.
 163. Там же, с.444.
 164. Там же.
 165. Там же, с.23.
 166. Там же, с.30.
 167. Там же, с.63-64.
 168. ЦГА РСО-А, ф.12, оп.б, д.320 л.1.
 169. Там же, л. 1 об.
 170. Там же, л.2.
 171. Там же, л.5.
 172. Там же, оп.3, д.594, л.5.
 173. Там же, л.1.
 174. Там же, л.18.
 175. Там же, л.19.
 176. Там же, ф.54, оп.8, д.203, л.1 об
 177. Там же.
 178. Там же, лл.2-3
 179. Там же, оп.2, д.267, лл.17-18

180. Там же, оп.3, д.389, л.5
181. Там же, ф.12, оп.3, д.359, л.1 об.
182. Там же, л.6
183. Там же, л.9
184. Там же, л.57-59
185. Там же, д.365, л.1
186. Там же, л.8
187. Там же, д.365, л.1
188. Там же, д.370, л.1
189. Там же, л.3
190. Там же, л.4
191. Там же, л.12
192. Там же, л.13
193. Там же, л.23
194. Там же, лл.35-35об.
195. Там же, ф. 106, оп.1, д.5, л.13
196. Там же, ф.12, оп.3, д.370, л.36
197. Там же, ф.11, оп.21, д.1003, л.4
198. Там же, ф. 54, оп.4, д.4138, л.63
199. Там же, лл. 67-68
200. Там же, ф.6, оп.1, д.19, л.321 -321 об.
201. Там же, ф.12, оп.8, д.374, лл.9-10.
202. Там же, л. 12.
203. Там же, л.30.
204. Там же, л.56.
205. Там же, л.113.
206. Библиотека ЦГА РСО-А, инв.732, с.1-2.
207. Там же, л.111-112.
208. Там же.
209. Гатуев Дз. Зелимхан. - Орджоникидзе, 1965, с.141
210. Там же, с. 138.
211. Там же.
212. Там же.
213. Там же, с.139.
214. ЦГА РСО-А., ф.1 Об, оп.1, д.11, л.280.
215. Там же.
216. Там же, с.281
217. Там же, ф.11, оп.52, д.1190, л.3.
218. Там же, л.23.
219. Там же, ф.20, оп.1, д.3278, л.18.
220. Там же, лл.3,4,5.
221. Там же, л. 35.
222. Там же, ф.106, оп.1, д.11, л.28.
223. Там же, л.4.
224. Там же, д.1, л.2.
225. Там же, д.21, л.
226. Там же, д. 32а, л.28.
227. Там же, д.27, л.29.
228. Там же, л.167.
229. Там же.
230. Там же, л.29.
231. Козачковский В. Указ. соч., с.3.
232. ЦГА РСО-А, ф.106, оп.1, д.11, л.140.
233. Там же.
234. Там же.
235. Там же, д.19, л.395.
236. Там же, л.243.

237. Там же.
238. Там же, ф.54, оп.4, д.19, л.1-2.
239. Там же, ф.11, оп.53, д.609, л.29.
240. Там же, лл.30,32.
241. Там же, л.21.
242. Там же, д.185, лл.1 -2.
243. Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье. – Москва, 1913, с. 120.
244. Газ. «Голос курортов», г. Пятигорск, от 25.12.1910 г.
245. ЦГА РСО-А, ф.11. оп.13, д.935, лл. 1 -2.
246. Там же, л.3.
247. Там же, л.5.
248. Там же, ф.12, оп.8, д.375, л.1.
249. Там же, л.2.
250. Там же, ф.1 Об, оп.1, д.19, л.335.
251. Там же, ф.54, оп.4, д.4118, л.12.
252. Там же, л.33об.
253. Там же, л.140.
254. Там же, д.25, л.43.
255. Там же, л.55.
256. Там же, ф.12, оп.8, д.374, л.157.
257. Там же, л.42.
258. Там же, л.57.
259. Там же, л.168.
260. Там же, д.19, л.151.
261. Там же, л.146.
262. Там же, ф.20. оп.1, д.3294, л.11.
263. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.153.
264. Там же, л.184.
265. Там же, л.155.
266. Там же, л.155об.
267. Там же, л.156.
268. Там же.
269. Там же, л.162об.
270. Там же, л.174.
271. Там же.
272. Там же, л.169.
273. Там же, л.169об.
274. Там же, ф.11, оп.52, д.1190, л.12.
275. Там же.
276. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.218.
277. Там же, л.458.
278. Там же, л.459.
279. Там же, ф.12, оп.8, д.375, л.75.
280. Там же, ф.12, л.76 об.
281. Там же, л.77.
282. Там же, ф.1 Об, оп.1, д.29, л.112
283. Там же, д.19, л.249.
284. Там же.
285. Там же, л.214 об.
286. Там же.
287. Там же, л.210.
288. Там же, л. 231.
289. Там же, л.258.
290. Там же, л.262.
291. Там же.
292. Там же, л.275.
293. Там же, л.273.

294. Там же, л.238.
295. Там же.
296. Там же, ф.12, оп.8, д.373, л.1.
297. Там же, ф. 106, оп.1, д.19, л.281.
298. Там же, л.273.
299. Там же, д.19, л.290.
300. Там же, д.35, л.33.
301. Там же, л.20.
302. Там же, л. 3.
303. Там же, л.6.
304. Там же, л.85.
305. Там же, л.72.
306. Там же.
307. Там же, лл.72-73.
308. Там же, л.73.
309. Там же, л.60об.
310. Там же, л.61.
311. Там же, д.19, л.326.
312. Там же, лл.325-326.
313. Там же, д.35, л.30.
314. Там же, л.71об.
315. Там же, д.31, л.198.
316. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп.8, д.375, л.142.
317. Там же.
318. Там же, л.142 об.
319. Там же, л. 143.
320. Там же.
321. Там же, ф. 106, оп.1, д.32, л.334.
322. Там же, ф.11, оп.52, д.1217, л.15об.-1 б.
323. Там же, л.1.
324. Там же, л.18.
325. Там же, ф.1 Об, оп.1, д.19, л.340.
326. Там же.
327. Там же, л.340об.
328. Там же.
329. Там же, л.182.
330. Там же, л.182об.
331. Уткин А. Тропа войны. Версия, № 18, 2003, 19-25 мая.
332. ЦГА РСО-А, ф.106, оп.1, д.19, л.460-461.
333. Там же, л.458.
334. Там же.
335. Там же, л.459.
336. Там же, л.460.
337. Там же, л.461 об.-462.
338. Там же, л.449.
339. Там же, л.140.
340. Там же, л.218.
341. Там же, л.228.
342. Там же, л.414.
343. Там же, л.474.
344. Там же, ф.12, оп.8, д.374, л.19.
345. Там же, ф.106, оп.1, д.19, л.424.
346. Там же.
347. Там же, д.36, л.34.
348. Там же, л.36.
349. Экран Владикавказа. — Еженедельник, № 17, май, с 3 по 9, 2004 года.
350. ЦГА РСО-А, ф.106, оп.1, д.19, л.471.

- 351. Там же, л.482.
- 352. Там же, ф.12,оп.8, д.374. л.76.
- 353. Там же, ф. 11, оп.9, д.251, л. 4.
- 354. Там же, л.боб.
- 355. Там же, д.902. л.1.
- 356. Там же, лл.7-8.
- 357. Там же, ф.12, оп.8, д.374, л. 111 об.
- 358. Там же, л.112.
- 359. Там же, л.120.
- 360. Там же, ф.106, оп.1, д.36, л.126.
- 361. Там же, д.40, л.64.
- 362. Там же, ф.1 Об, оып.1, д.46, л.31.
- 363. Там же, л.47.
- 364. Там же.
- 365. Там же, д.46, л.48.
- 366. Там же, л.50.
- 367. Там же, л.51.
- 368. Там же, л.53.
- 369. Там же, л.65.
- 370. Там же, д.44, л.об.-7.
- 371. Там же, д.46, л.72.
- 372. Там же, л.88.
- 373. Там же, лл.101 -102.
- 374. Там же, л.128.
- 375. Там же, д.44, л.19.
- 376. Там же.
- 377. Там же, л.65
- 378. Там же, д.35, л.4 об.
- 379. Там же.
- 380. Там же, д.44, л.57
- 381. Там же, ф.12, оп.8, д.376, лл.7-8.
- 382. Там же, л.4.
- 383. Там же, л.3-Зоб.
- 384. Там же, л.Зоб.
- 385. Козачковский В. Указ. соч., с.32.
- 386. Газ. Кавказское слово, № 35,1914.
- 387. ЦГАОР, ф. 102, оп.75, д. л.127.
- 388. Цаликов А. Указ. соч., с.114.
- 389. ЦГА РСО-А, ф.12, оп.6, д.346, лл.30-31.
- 390. Там же, ф. 54, оп.5, д.4454, л.478.
- 391. Там же, л.7.
- 392. Там же, л.4.
- 393. Там же, л.27.
- 394. Там же, л.32.
- 395. Цаликов А. Указ. соч., с.80.
- 396. ЦГА РСО-А, ф.106, оп.1, д.19, л.422.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. РОССИЯ НА КАВКАЗЕ.....	35
1. Присоединение Кавказа к России.....	35
2. Управление Кавказом	61
ГЛАВА II. АБРЕЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН	106
1. Понятие, источники и причины абречества на Кавказе	106
2. Абречество как форма активного протеста и борьба с ним царской администрации	134
3. Преследование за пособничество и укрывательство абреков.....	209
ГЛАВА III. НАМЕСТНИК ГОР	245
1. Знаменитый абрек из Харачоя	245
2. Гибель абрека	429
3. Искупление вины	462
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	471
ЭПИСТОЛЯРИЙ.....	493
ИЗ ФОЛЬКЛОРА О КАВКАЗСКИХ АБРЕКАХ	506
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	510

Научное издание

Хоруев Юрий Владимирович Абреки на Кавказе

Книга издана в авторской редакции

Компьютерная верстка - *А.В. Черная*

Подписано в печать 24.07.2010 Формат бумаги 60x84 1/16. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта
«Muglad» Тираж 200 экз. Заказ №256. Усл.п.л. 30,4

Отпечатано в ИПО СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А

362040, РСО-Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10. e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отсканировано
12 августа
2012 года

Хоруев Юрий Владимирович -

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки, поэт и публицист, автор 10 книг и монографий, более 150 научных статей и очерков, детской повести «Орленок».

Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда. В прошлом комсомольский работник. Награжден знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле» (1958), медалью «Ветеран труда» (1987) и всеми юбилейными медалями Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.